Проф. С. Ѳ. Платоновъ.

Сокращенный курсъ Русской исторіи для средней школы.

Съ 8 картами.

Складъ изданія
у Я. Башмакова и К°.
СПБ.

Napoleonic time:
Генерал Ермолов . Суворов Раевский
Коновницын

Игорь
река Припять

1 50

Platonov, Sergei Fedorovich

Проф. С. Ѳ. ПЛАТОНОВЪ.

СОКРАЩЕННЫЙ КУРСЪ
РУССКОЙ ИСТОРІИ
ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ.

Упрощенное и сокращенное руководство для IV, V и VI классовъ мужскихъ гимназій и для другихъ учебныхъ заведеній.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ВОСЬМИ КАРТЪ.

Цѣна 1 р. 80 к. въ переплетѣ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено къ употребленію въ качествѣ учебнаго руководства въ IV, V и VI классахъ мужскихъ и въ старшихъ классахъ женскихъ гимназій.

Складъ изданія
у Я. БАШМАКОВА и К°., С.-Петербургъ.
1914.

Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).

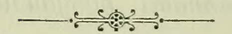
Предлагаемый «Сокращенный курсъ русской исторіи» представляетъ собою упрощенный и сокращенный текстъ моего «Учебника русской исторіи» безъ всякихъ измѣненій въ общемъ планѣ труда и въ расположеніи его главъ и отдѣльныхъ параграфовъ.

Двоякаго рода мотивы побудили меня предложить нашей школѣ, на ряду съ полнымъ текстомъ «Учебника», его сокращенный текстъ. Во-первыхъ, отъ опытныхъ педагоговъ я получилъ рядъ цѣнныхъ замѣчаній, чисто педагогическаго характера, направленныхъ на то, чтобы облегчить усвоеніе даннаго мною въ «Учебникѣ» матеріала. Въ особенности благодаренъ я уважаемому Ив. Ив. Беллярминову, который не пожалѣлъ времени и труда для самой внимательной оцѣнки моей книги и для благожелательныхъ о ней бесѣдъ съ авторомъ. Во-вторыхъ, программы исторіи, утвержденныя 13 іюля 1913 года для мужскихъ гимназій, обязуютъ начинать систематическій курсъ русской исторіи уже съ IV класса и оканчивать его въ VI-мъ. Это условіе пріурочиваетъ основное изученіе отечественной исторіи къ такому возрасту, для котораго потребно по возможности упростить прагматическое изложеніе событій.

Общую схему, усвоенную мною въ «Учебникѣ», я сохранилъ и въ «Сокращенномъ курсѣ», ибо съ чувствомъ

полнаго удовлетворенія могу свидѣтельствовать, что она вполнѣ сочувственно была встрѣчена дѣятелями школы. Имѣя одинаковое построеніе, оба мои руководства могутъ употребляться въ школѣ на равныхъ правахъ—примѣнительно къ большему или меньшему запасу времени, отводимому на курсъ русской исторіи, или же сообразно со способностями того или иного класса, изучающаго предметъ.

Проф. Платоновъ.



ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. **Предметъ курса русской исторіи.** Русское государство, въ которомъ мы живемъ, ведетъ свое начало отъ IX вѣка по Рождествѣ Христовѣ. Русскія же племена, образовавшія это государство, существовали еще ранѣе. Въ началѣ своей исторической жизни они занимали только область р. Днѣпра съ его притоками, область озера Ильменя съ его рѣками и лежащія въ промежуткѣ верховья Зап. Двины и Волги. Къ числу русскихъ племенъ, составлявшихъ одну изъ вѣтвей великаго Славянскаго племени, принадлежали: *поляне* (на среднемъ Днѣпрѣ), *сѣверяне* (на р. Деснѣ), *древляне* и *дреговичи* (на р. Припяти), *радимичи* (на р. Сожѣ), *кривичи* (на верховьяхъ Днѣпра, Волги и З. Двины), *словене* (на о. Ильменѣ) и нѣкоторыя другія, болѣе мелкія племена.

Содержаніе курса русской исторіи должно составлять повѣствованіе о томъ, какъ изъ названныхъ отдѣльныхъ племенъ постепенно образовался единый русскій народъ и какъ онъ занялъ то громадное пространство, на которомъ теперь живетъ; какъ образовалось среди русскихъ славянъ государство и какія перемѣны происходили въ немъ до тѣхъ поръ, пока оно не приняло современной намъ формы Россійской имперіи.

Но раньше, чѣмъ начать разсказъ о началѣ Русскаго государства, необходимо ознакомиться съ тѣмъ, какъ жили племена русскихъ славянъ до возникновенія у нихъ государственнаго порядка. Надобно узнать, *кто жилъ въ Русской землѣ ранѣе славянъ и кого застали славяне въ своемъ сосѣдствѣ*, когда поселились на Днѣпрѣ и Ильменѣ. Надобно ознакомиться и съ *характеромъ страны*, въ которой возникло Русское государство, и съ *особенностями первоначальнаго быта* русскихъ славянъ.

§ 2. **Древнѣйшее населеніе Европейской Россіи.** На всемъ пространствѣ Европейской Россіи, и преимущественно на югѣ, близъ Чернаго моря, находится достаточно «древностей», то-есть памятниковъ, оставшихся отъ древнѣйшаго населенія Россіи. Они сохранились въ видѣ отдѣльныхъ *кургановъ* (большихъ погребальныхъ насыпей, иногда въ нѣсколько саженъ вышиною), или цѣльныхъ кладбищъ (называемыхъ *могильниками*), или же въ видѣ *городищъ* (развалинъ городовъ и укрѣпленій). Въ могилахъ и развалинахъ находятъ зачастую много различныхъ предметовъ быта (посуды, монетъ, драгоцѣнныхъ украшеній). Наука объ этихъ древностяхъ (археологія) успѣла опредѣлить, какимъ именно народностямъ принадлежатъ тѣ или другіе предметы древности. Древнѣйшіе изъ нихъ и самые замѣчательные суть памятники *греческіе* и *скиѳскіе*.

Изъ исторіи древней Еллады извѣстно, что на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря возникло много греческихъ колоній, по преимуществу на устьяхъ большихъ рѣкъ и при удобныхъ морскихъ бухтахъ. Изъ этихъ колоній наиболѣе извѣстны: *Ольвія* при устьѣ р. Буга, *Херсонесъ* (по старо-русски Корсунь) въ окрестностяхъ нынѣшняго Севастополя, *Пантикапей* на мѣстѣ нынѣшней Керчи (также Фанагорія на Таманскомъ полуостровѣ, Танаисъ въ устьяхъ р. Дона). Колонизуя морское побережье, древніе греки обыкновенно не удалялись отъ морского берега вглубь страны, а предпочитали привлекать туземцевъ на свои береговые рынки. На Черноморскихъ берегахъ было то же самое: греческіе города не распространили своихъ владѣній внутрь материка, но тѣмъ не менѣе подчинили мѣстныхъ жителей своему культурному вліянію и привлекли ихъ къ оживлённому торговому обмѣну. Отъ туземцевъ-«варваровъ», которыхъ греки называли *скиѳами*, они пріобрѣтали мѣстные продукты, главнымъ образомъ хлѣбъ и рыбу, и отправляли въ Елладу; а взамѣнъ продавали туземцамъ предметы греческаго производства (ткани, вино, масло, предметы роскоши). Торговля сблизила грековъ съ туземцами настолько, что образовались смѣшанныя такъ называемыя «еллино-скиѳскія» поселенія, а въ Пантикапеѣ возникло даже значительное государство, называемое Боспорскимъ (отъ имени пролива Боспора Киммерійскаго). Въ немъ объединились нѣкоторые греческіе города побережья и туземныя племена, жив-

шія у моря отъ Крыма до предгорій Кавказа. Боспорское царство и города Херсонесъ и Ольвія достигли значительнаго процвѣтанія и оставили послѣ себя рядъ замѣчательныхъ памятниковъ [1]).

Греческій историкъ Геродотъ (V вѣка до Р. Х.), разсказывая о скиѳахъ, дѣлитъ ихъ на много племенъ и различаетъ между ними кочевниковъ и земледѣльцевъ. Первыхъ онъ помѣщаетъ ближе къ морю—въ степяхъ, а вторыхъ сѣвернѣе—примѣрно на среднемъ теченіи Днѣпра. Земледѣліе было настолько развито у нѣкоторыхъ скиѳскихъ племенъ, что они торговали зерномъ, доставляя его въ громадномъ количествѣ

[1]) Раскопки, предпринятыя въ Керчи (на мѣстѣ древняго Пантикапея), въ Херсонесѣ и Ольвіи, открыли остатки городскихъ укрѣпленій и улицъ, отдѣльныхъ жилищъ и храмовъ (языческой и позднѣйшей, христіанской поры). Въ погребальныхъ склепахъ этихъ городовъ (а также и въ степныхъ курганахъ) обнаружено много предметовъ греческаго искусства, иногда высокой художественной цѣнности. Золотыя украшенія тончайшей работы и роскошныя вазы, добытыя этими раскопками, составляютъ лучшее во всемъ мірѣ, по художественному значенію и по количеству предметовъ, собраніе Императорскаго Эрмитажа въ Петербургѣ Рядомъ съ типичными вещами Аѳинской работы (напримѣръ, расписныя вазы съ рисунками на греческія темы) встрѣчаются въ этомъ собраніи предметы, сработанные греческими мастерами на мѣстный фасонъ, повидимому, по заказу мѣстныхъ „варваровъ“. Такъ, золотыя ножны, сдѣланныя для скиѳскаго меча, не похожаго на греческіе мечи, украшались чисто-греческимъ орнаментомъ по вкусу мастера-грека. Металлическія или глиняныя вазы, сдѣланныя по греческимъ образцамъ, снабжались иногда рисунками не греческаго характера, а скиѳскаго, „варварскаго“: на нихъ изображались фигуры туземцевъ и сцены изъ скиѳскаго быта. Двѣ такія вазы пользуются всемірною извѣстностью. Одна изъ нихъ, золотая, вырыта изъ склепа въ курганѣ Куль-Оба около г. Керчи; другая, серебряная, оказалась въ большомъ курганѣ близъ мѣстечка Никополя на нижнемъ Днѣпрѣ у рѣчки Чертомлыка. На обѣихъ вазахъ художественно представлены цѣлыя группы скиѳовъ въ ихъ національной одеждѣ и вооруженіи. Лѣтомъ 1913 года, недалеко отъ Чертомлыка, въ большомъ курганѣ „Солоха“ были вновь найдены художественныя вазы и другіе предметы съ многими изображеніями скиѳовъ на войнѣ и охотѣ.

Такимъ образомъ мы можемъ хорошо познакомиться съ внѣшнимъ видомъ тѣхъ скиѳовъ, съ которыми имѣли дѣло греки на Черноморскомъ побережьѣ. Въ превосходно изваянныхъ или нарисованныхъ греческими мастерами фигурахъ скиѳскихъ воиновъ и наѣздниковъ мы отчетливо различаемъ черты арійскаго племени и всего скорѣе иранской его вѣтви. Изъ описаній скиѳскаго быта, оставленныхъ греческими писателями, и изъ скиѳскихъ погребеній, раскопанныхъ археологами, можно сдѣлать тотъ же выводъ.

*

въ греческіе города для отправки въ Елладу. Извѣстно, напримѣръ, что Аттика получала половину необходимаго ей количества хлѣба именно отъ скиѳовъ черезъ Боспорское царство. Тѣхъ скиѳовъ, которые торговали съ греками, и тѣхъ, которые кочевали вблизи отъ моря, греки болѣе или менѣе знали, и потому Геродотъ даетъ о нихъ любопытныя и основательныя свѣдѣнія. Тѣ же племена, которыя жили въ глубинѣ нынѣшней Россіи, грекамъ не были извѣстны, и у Геродота мы читаемъ о нихъ баснословные разсказы, которымъ невозможно вѣрить.

Ко времени Рождества Христова, вмѣсто скиѳовъ, въ сосѣдствѣ греческихъ колоній въ южной Руси оказываются *сарматы*, а позднѣе, во II—III вѣкѣ по Р. Хр., германскія племена, извѣстныя подъ общимъ названіемъ *готовъ*[1]). Изъ среды готовъ вышелъ (въ серединѣ IV вѣка) вождь, объединившій въ одно «царство» не только готскія племена, но и сосѣдніе съ ними народцы (вѣроятно, финскіе и славянскіе). Это былъ Германрихъ, при которомъ готамъ пришлось испытать нашествіе гунновъ и затѣмъ начать переселеніе на западъ.

Нашествіемъ *гунновъ* открывается рядъ послѣдовательныхъ азіатскихъ вторженій въ Россію и Европу. Монгольская орда гунновъ, постепенно придвигаясь съ востока къ Дону, въ 375 году обрушилась на готовъ, разгромила Готское царство и прогнала готскія племена на западъ. Готы перешли въ предѣлы Римской имперіи; а гунны, овладѣвъ Черноморьемъ и кочуя между Волгою и Дунаемъ, образовали пространное государство, въ которомъ соединилось много покоренныхъ ими племенъ. Позднѣе, въ V вѣкѣ, гунны продвинулись еще болѣе на западъ и доходили въ своихъ набѣгахъ до Константинополя и до нынѣшней Франціи. Послѣ ихъ знаменитаго вождя Аттилы, во второй половинѣ V вѣка сила гунновъ была сломлена

---

[1]) Они пришли съ низовьевъ Вислы, съ южнаго побережья Балтійскаго моря, подчинили себѣ все Черноморье отъ Дуная до Дона и держали въ страхѣ жителей восточной Римской имперіи своими набѣгами, по морю и сушѣ, на Малую Азію и Балканскій полуостровъ. Въ IV столѣтіи готы сравнительно успокоились подъ вліяніемъ христіанскаго ученія, проповѣданнаго у нихъ епископомъ ихъ Вульфилою (или Ульфилою). Въ то время они дѣлились на два главныхъ племени: *вестготовъ* (тервинги)—на Дунаѣ и Днѣстрѣ и *остготовъ* (грейтунги)—на Днѣпрѣ.

междоусобіями. Гунны были отброшены на востокъ за Днѣпръ и самое ихъ государство исчезло. Вмѣсто гунновъ изъ Азіи въ VI вѣкѣ появилось новое монгольское племя—*авары*. Однако ихъ вскорѣ истребили германцы и славяне. Русскій лѣтописецъ, называвшій аваровъ *обрами*, говоритъ, что изъ нихъ въ живыхъ не осталось ни одного: «и есть притча въ Руси до сего дни: погибоша аки обри». Но обры погибли, а на ихъ мѣстѣ появились съ востока еще новыя орды все того же монгольскаго корня, именно—угровъ (или венгровъ) и хозаръ. *Угры* послѣ нѣкоторыхъ передвиженій въ южной Россіи заняли нынѣшнюю Венгрію, а *хозары* основали обширное государство отъ Кавказскихъ горъ до Волги и до средняго Днѣпра.

Такъ послѣдовательно въ продолженіе почти цѣлаго тысячелѣтія южныя степи нынѣшней Россіи были предметомъ спора пришлыхъ племенъ. Начиная съ гунновъ, Азія посылала на Европу одно кочевое племя за другимъ. Проникая черезъ Уралъ или Кавказъ въ сѣверное Черноморье, кочевники держались вблизи отъ Черноморскихъ береговъ, въ степной полосѣ, удобной для кочевья, и не заходили далеко на сѣверъ, въ лѣсныя пространства нынѣшней средней Россіи. Лѣса спасали здѣсь отъ окончательнаго разгрома пришлыхъ ордъ постоянное мѣстное населеніе, состоявшее главнымъ образомъ изъ славянъ и финновъ.

§ 3. **Русскіе славяне и ихъ сосѣди.** Что касается до славянъ, то древнѣйшимъ мѣстомъ ихъ жительства въ Европѣ были, повидимому, сѣверные склоны Карпатскихъ горъ, гдѣ славяне (подъ именемъ венедовъ и склавенъ) были извѣстны еще въ готскія и гуннскія времена. Отсюда славяне разошлись въ разныя стороны: на югъ (балканскіе славяне), на западъ (чехи, моравы, поляки) и на востокъ (русскіе славяне). Восточная вѣтвь славянъ пришла на Днѣпръ, вѣроятно, еще въ VII вѣкѣ и, постепенно разселяясь, дошла до оз. Ильменя и до верхней Оки. Изъ русскихъ славянъ (§ 1) вблизи Карпатъ остались *хорваты* и *волыняне* (дулѣбы, бужане). *Поляне*, *древляне* и *дреговичи* основались на правомъ берегу Днѣпра и на его правыхъ притокахъ. *Сѣверяне*, *радимичи* и *вятичи* перешли за Днѣпръ и сѣли на его лѣвыхъ притокахъ, при чемъ вятичи успѣли продвинуться даже на Оку. *Кривичи* тоже вышли изъ системы Днѣпра на сѣверъ,

на верховья Волги и Зап. Двины, а ихъ отрасль *словене* заняли систему озера Ильменя. Въ своемъ движеніи вверхъ по Днѣпру, на сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ окраинахъ своихъ новыхъ поселеній, славяне пришли въ сосѣдство съ *финскими племенами*, *литовскими племенами* и *хозарами*.

Самымъ дикимъ изъ сосѣдившихъ со славянами племенъ было *финское племя*, составляющее, повидимому, одну изъ отраслей монгольской расы. Въ предѣлахъ нынѣшней Россіи финны жили съ незапамятной поры, подчиняясь культурному вліянію какъ скиѳовъ съ сарматами, такъ позднѣе готовъ и славянъ. Дѣлясь на много маленькихъ народцевъ (чудь, весь, емь, эсты, меря, мордва, черемиса, вотяки, зыряне и многіе другіе), финны занимали своими рѣдкими и малыми поселеніями лѣсныя пространства всего русскаго сѣвера. Разрозненные и не имѣвшіе никакого внутренняго устройства, финскіе звѣроловческіе народцы оставались въ первобытной дикости и простотѣ, легко поддаваясь всякому вторженію въ ихъ земли. Они или быстро подчинялись болѣе культурнымъ пришельцамъ и сливались съ ними, или же безъ борьбы уступали имъ свои владѣнія и уходили отъ нихъ на сѣверъ или востокъ. Такимъ образомъ, съ постепеннымъ разселеніемъ славянъ въ средней и сѣверной Россіи масса финскихъ земель переходила къ славянамъ и въ славянское населеніе мирнымъ путемъ вливался обрусѣлый финскій элементъ. Лишь изрѣдка тамъ, гдѣ финскіе жрецы-шаманы (по старому русскому названію, «волхвы» и «кудесники») поднимали свой народъ на борьбу, финны становились противъ русскихъ. Но эта борьба неизмѣнно кончалась побѣдою славянства, и начавшееся въ VIII—IX вѣкахъ обрусѣніе финновъ неуклонно продолжалось и продолжается еще до нашихъ дней.

Одновременно съ славянскимъ воздѣйствіемъ на финновъ началось сильное воздѣйствіе на нихъ со стороны *болгаръ волжскихъ* (тюркскаго народа, названнаго волжскимъ въ отличіе отъ болгаръ дунайскихъ). Пришедшіе съ низовья Волги къ устьямъ Камы кочевые болгары основались здѣсь и, не довольствуясь кочевьями, построили города, въ которыхъ началась оживленная торговля. Арабскіе и хозарскіе купцы привозили сюда съ юга по Волгѣ свои товары (между прочимъ, серебряную утварь, блюда, чаши и пр.); здѣсь они вымѣнивали ихъ на цѣнные мѣха, доставляемые съ сѣвера по

Камѣ и верхней Волгѣ. Сношенія съ арабами и хозарами распространили между болгарами магометанство и нѣкоторую образованность. Главные болгарскіе города (въ особенности городъ *Болгаръ* или *Булгаръ* на самой Волгѣ) стали центрами для всей области верхней Волги и Камы, населенной финскими племенами. Вліяніе болгарскихъ городовъ сказывалось и на русскихъ славянахъ, торговавшихъ съ болгарами, а впослѣдствіи враждовавшихъ съ ними. Въ политическомъ отношеніи волжскіе болгары не были сильнымъ народомъ. Завися первоначально отъ хозаръ, они имѣли, однако, особаго хана и подчиненныхъ ему царьковъ или князей.

Литовскія племена (литва, жмудь, латыши, пруссы, ятвяги и др.), составляющія особую вѣтвь арійскаго племени, уже въ глубокой древности (во II вѣкѣ по Р. Хр.) заселяли тѣ мѣста, на которыхъ позднѣе ихъ застали славяне. Поселенія литовцевъ занимали тогда бассейны рѣкъ Нѣмана и Зап. Двины и отъ Балтійскаго моря доходили до р. Припяти и истоковъ Днѣпра и Волги. Отступая постепенно передъ славянами, литовцы сосредоточились по Нѣману и Зап. Двинѣ, въ дремучихъ лѣсахъ ближайшей къ морю полосы, и тамъ надолго сохранили свой первоначальный бытъ. Племена ихъ не были объединены; они дѣлились на отдѣльные роды и взаимно враждовали. Религія литовцевъ заключалась въ обожествленіи силъ природы (Перкунъ — богъ грома), въ почитаніи умершихъ предковъ и вообще находилась на низкомъ уровнѣ развитія. Вопреки старымъ разсказамъ о литовскихъ жрецахъ и различныхъ святилищахъ, теперь доказано, что у литовцевъ не было ни вліятельнаго жреческаго сословія, ни торжественныхъ религіозныхъ церемоній. Каждая семья приносила жертвы богамъ и божкамъ, почитала животныхъ и священные дубы, угощала души умершихъ и занималась гаданіями. Грубый и суровый бытъ литовцевъ, ихъ бѣдность и дикость ставили ихъ ниже славянъ и заставляли литву уступать славянамъ тѣ литовскія земли, на которыя направлялась русская колонизація. Тамъ же, гдѣ литовцы непосредственно сосѣдили съ русскими, они замѣтно поддавались культурному ихъ вліянію.

По отношенію къ финскимъ и литовскимъ своимъ сосѣдямъ русскіе славяне чувствовали свое превосходство и держались наступательно. Иначе было дѣло съ хозарами. Кочевое тюркское племя *хозаръ* прочно осѣло на Кавказѣ и въ

южно-русскихъ степяхъ и стало заниматься земледѣліемъ, разведеніемъ винограда, рыболовствомъ и торговлей. Зиму хозары проводили въ городахъ, а на лѣто выселялись въ степь къ своимъ лугамъ, садамъ и полевымъ работамъ. Такъ какъ черезъ земли хозаръ пролегали торговые пути изъ Европы въ Азію, то хозарскіе города, стоявшіе на этихъ путяхъ, получили большое торговое значеніе. Особенно стали извѣстны столичный городъ *Итиль* на нижней Волгѣ и крѣпость *Саркелъ* (по-русски *Бѣлая Вежа*) на Дону близъ Волги. Они были важными рынками, на которыхъ торговали азіатскіе купцы съ европейскими и одновременно сходились магометане, евреи, язычники и христіане. Вліяніе ислама и еврейства было особенно сильно среди хозаръ; хозарскій ханъ («каганъ» или «хаканъ») со своимъ дворомъ исповѣдывалъ іудейскую вѣру; въ народѣ же всего болѣе было распространено магометанство, но держались и христіанская вѣра и язычество. Такое разновѣріе вело къ вѣротерпимости и привлекало къ хозарамъ поселенцевъ изъ многихъ странъ. Когда въ VIII столѣтіи нѣкоторыя русскія племена (поляне, сѣверяне, радимичи, вятичи) были покорены хозарами, это хозарское иго не было тяжелымъ для славянъ. Оно открыло для славянъ легкій доступъ на хозарскіе рынки и втянуло русскихъ въ торговлю съ востокомъ. Многочисленные клады арабскихъ монетъ (диргемовъ), находимые въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, свидѣтельствуютъ о развитіи этой восточной торговли въ VIII—X вѣкахъ. Въ эти именно вѣка Русь находилась подъ хозарскою властью. Въ X же вѣкѣ, когда хозары ослабѣли отъ упорной борьбы съ новымъ кочевымъ племенемъ—печенѣгами, русскіе стали сами нападать на хозаръ и много способствовали паденію Хозарскаго государства.

Къ числу сосѣдей и сожителей русскихъ славянъ принадлежали *варяги*. Они жили «за моремъ» и приходили къ славянамъ «изъ-за моря». Именемъ «варяговъ» («варанговъ», «вэринговъ») не только славяне, но и другіе народы (греки, арабы, скандинавы) называли норманновъ, выходившихъ изъ Скандинавіи въ другія страны. Такіе выходцы стали появляться съ IX вѣка среди славянскихъ племенъ, на Волховѣ и Днѣпрѣ, на Черномъ морѣ и въ Греціи, въ видѣ военныхъ или торговыхъ дружинъ. Они торговали или нанимались на русскую и византійскую военную службу, или же просто искали добычи

и грабили, гдѣ могли. Въ ту эпоху вообще было очень велико выселеніе норманновъ изъ Скандинавскихъ странъ въ среднюю и даже южную Европу: они нападали на Англію, Францію, Испанію, даже Италію. Среди же русскихъ славянъ съ середины IX-го столѣтія варяговъ было такъ много и къ нимъ славяне такъ привыкли, что варяговъ можно назвать прямыми сожителями русскихъ славянъ. Они вмѣстѣ торговали съ греками и арабами, вмѣстѣ воевали противъ общихъ враговъ, иногда ссорились и враждовали, при чемъ то варяги подчиняли себѣ славянъ, то славяне прогоняли варяговъ «за море», на ихъ родину. При тѣсномъ общеніи славянъ съ варягами можно было бы ожидать вліянія варяговъ на славянскій бытъ. Но такого вліянія не замѣтно, потому что въ культурномъ отношеніи варяги не были выше славянскаго населенія той эпохи.

§ 4. **Характеръ страны, заселенной русскими славянами.** Страна, занятая русскими славянами, не имѣла высокихъ горъ, а представляла собою холмистую низменность съ очень развитою сѣтью рѣкъ. Отсутствіе горъ дозволяло славянамъ свободно и легко распространять свои поселенія; а рѣки, отличавшіяся обиліемъ воды и разнообразіемъ направленія, чрезвычайно облегчали передвиженіе и служили отличными путями сообщеній. Славянское разселеніе и направлялось обыкновенно по рѣкамъ, при чемъ племена и отдѣльныя вѣтви племенъ разсаживались по рѣчнымъ системамъ, такъ что намъ ихъ легче всего пріурочивать именно къ рѣкамъ (напримѣръ, сѣверянъ—къ Деснѣ, радимичей къ Сожу, древлянъ къ Припяти, полочанъ къ Полотѣ и т. д.). Когда славяне овладѣли истоками Днѣпра, Волги и Зап. Двины на Алаунской возвышенности и перешли къ о. Ильменю и р. Волхову, въ ихъ рукахъ оказались чрезвычайно важные пути сообщенія, ведшіе отъ Балтійскаго моря къ Черному и Каспійскому [1]).

---

[1]) Главнѣйшіе изъ нихъ—это „великій путь изъ варягъ въ греки“ (такъ его называли встарину). Онъ велъ изъ Финскаго залива въ р. Неву, въ Ладожское озеро, въ р. Волховъ, въ озеро Ильмень, въ р. Ловать; изъ Ловати, пользуясь мелкими рѣчками и волоками, переходили въ Зап. Двину, а оттуда на верховья Днѣпра и Днѣпромъ выходили въ Черное море къ „грекамъ“, то-есть въ Византію. Другой, столь же важный путь шелъ по Волгѣ, въ землю волжскихъ болгаръ и въ Хозарское царство, на Каспійское море; чтобы

По этимъ путямъ славяне научились ѣздить торговать на иностранные рынки: къ грекамъ, болгарамъ, хозарамъ. По этимъ путямъ и иностранные купцы ѣздили въ русскіе города. Чѣмъ болѣе осваивались славяне со своими рѣчными путями, тѣмъ быстрѣе шло ихъ разселеніе, тѣмъ дальше заходили ихъ колоніи въ землѣ финновъ (Ростовъ, Муромъ) и въ землѣ хозаръ (Тмутаракань на Азовскомъ морѣ). Такимъ образомъ, развитая система рѣкъ въ странѣ объясняетъ намъ быстрое и широкое разселеніе русскихъ племенъ на занятой ими равнинѣ и раннее возникновеніе у нихъ иноземной торговли.

Вся площадь Европейской Россіи раздѣляется на двѣ различныя по растительности полосы: сѣверную—лѣсную и южную—степную. Границу между ними приблизительно можетъ указать линія, проведенная по картѣ отъ Кіева на устье р. Камы. На югъ отъ этой линіи идетъ сначала луговая степь съ богатою травою и частыми перелѣсками на тучномъ черноземѣ; затѣмъ ближе къ южнымъ морямъ начинается настоящая степь, то-есть безлѣсное пространство съ рѣдкою травою, мѣстами безплодное и вовсе обнаженное. При своемъ разселеніи въ системѣ Днѣпра славяне замѣтно избѣгали степей и стремились въ лѣсную полосу. Во-первыхъ, степь представляла отличныя условія для жизни кочевыхъ племенъ и въ ней всегда бродили кочевники, опасные для осѣдлыхъ поселеній. Во-вторыхъ, въ хозяйственномъ отношеніи степь давала славянину меньше, чѣмъ лѣсъ. Открытыя пастбища и пашни въ степяхъ были небезопасны и всегда могли стать предметомъ нападенія врага; въ лѣсахъ безопаснѣе можно было и скотъ пасти, и пахать землю, расчистивъ подъ пашню огнемъ лѣсныя поросли. Сверхъ того, въ лѣсу можно было заниматься охотою и водить пчелъ, въ лѣсныхъ рѣкахъ и озерахъ можно было ловить рыбу. Лѣсъ давалъ матеріалъ для построекъ, топлива и разныхъ хозяйственныхъ подѣлокъ; изъ лѣсовъ добывалась растительная и мясная пища; въ лѣсу доставали медъ, воскъ и цѣнные мѣха—предметы, которыми

попасть на Волгу, славяне пользовались ея притоками (Мологою, Шексною) и рѣкою Мстою, впадающей въ оз. Ильмень. Въ то же Хозарское царство велъ и еще одинъ важный рѣчной путь: съ средняго Днѣпра малыми рѣками на р. Донецъ и съ Донца на Донъ, откуда можно было идти и въ Азовское, и въ Каспійское моря.

торговали наши предки. Стало быть, лѣсъ укрывалъ славянъ отъ кочевниковъ, кормилъ ихъ и снабжалъ товарами ихъ рынки. Понятны поэтому боязнь славянъ передъ степью и тяготѣніе ихъ къ лѣсамъ. Славянскія поселенія мало выходили въ луговую степь и совсѣмъ не доходили до открытыхъ приморскихъ степей.

Такимъ образомъ, характеръ страны, занятой русскими славянами, объясняетъ намъ, почему разселе́ніе славянъ совершилось здѣсь скоро и легко на огромныхъ пространствахъ и почему славяне отдалились отъ южныхъ морей въ лѣсную полосу средняго и верхняго Поднѣпро́вья.

Въ такой обстановкѣ древнерусской жизни были и хорошія, и дурныя стороны. Страна не ставила препятствій къ широкому разселенію, и наши предки очень быстро заняли обширныя области и безпрерывно продолжали свое колонизаціонное движеніе на сѣверъ и сѣверо-востокъ. Въ теченіе всего хода русской исторіи мы видимъ дѣятельную колонизацію сначала Европейской, затѣмъ Азіатской Россіи русскими славянами. Удобства рѣчныхъ путей служили къ тому, что между далеко разошедшимися племенами поддерживались дѣятельныя сношенія и не порывалась родственная связь. Этимъ было облегчено образованіе среди славянъ единаго государства и единой церкви и постепенно было подготовлено внутреннее сплоченіе всѣхъ племенъ въ единый русскій народъ. Служа торговыми дорогами, рѣки способствовали развитію торговли въ странѣ и обогащенію городского населенія. Такимъ образомъ успѣхи государственности и общественности въ древней Руси стояли въ зависимости отъ географическихъ условій.

Но тѣ же географическія условія покрови́тельствовали и врагамъ Руси. Если мирные жители могли легко и удобно двигаться по своей странѣ, то и враги двигались по ней такъ же легко. Ихъ не задерживали горы, ибо ихъ не было; не затрудняли лѣса и болота, ибо чрезъ нихъ были проложены пути; имъ показывали дорогу тѣ же рѣки, по которымъ двигалось само населеніе. Кочевыя орды изъ южнаго степного пространства постоянно проникали на Русь, грабили ближайшія къ степи мѣста, уводили въ плѣнъ жителей, угоняли скотъ. Тяжелая борьба съ кочевниками была постоянною необходимостью для нашихъ предковъ. Они въ большомъ числѣ строили

укрѣпленные города, окруженные валомъ и частоколомъ, и въ нихъ отсиживались отъ врага. (Валы отъ такихъ укрѣпленій, «городища», сохранились во многихъ мѣстахъ и до нашихъ временъ). Въ дремучихъ лѣсахъ скрывались славяне отъ вражескихъ набѣговъ, зарывая въ землю то, чего не могли и не успѣвали унести съ собою. (Этимъ объясняется значительное число находимыхъ въ землѣ кладовъ, съ монетами и драгоцѣнностями иногда очень большой стоимости). Постоянная опасность стремительнаго набѣга научила славянина не возводить богатыхъ построекъ и не обзаводиться громоздкимъ имуществомъ. Онъ былъ всегда готовъ сняться съ мѣста, уйти на время, или же переселиться вовсе съ опаснаго пункта. Такая подвижность и неприхотливость славянъ была отмѣчена иностранцами, знавшими ихъ обычаи.

§ 5. **Первоначальный бытъ русскихъ славянъ.** Въ первое время своей жизни на Днѣпрѣ и Ильменѣ русскіе славяне сохраняли у себя патріархальный племенной бытъ. Они дѣлились на извѣстныя уже намъ племена; племя же состояло изъ *родовъ*, и, по старому выраженію, жили наши предки «каждый съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣя каждый родомъ своимъ». Подъ именемъ *рода* разумѣлась совокупность родственныхъ другъ другу семей, жившихъ вмѣстѣ, владѣвшихъ общею собственностью и управляемыхъ однимъ родовымъ старшиною. Родовые старшины имѣли большую власть каждый въ своемъ родѣ; а сойдясь вмѣстѣ на совѣтъ (*вѣче*), они рѣшали дѣла за все свое племя. Но такъ бывало только въ особо важныхъ случаяхъ, напримѣръ, въ минуты общей опасности, грозившей всему племени. Съ теченіемъ же времени, когда племена и роды разселялись на большихъ пространствахъ, не только ослабѣвали связи и сношенія между родами, но распадались и самые роды, дѣлясь на самостоятельныя семьи. Каждая отдѣльная семья на просторѣ заводила свою особую пашню, имѣла свои особые покосы, особо охотилась и промышляла въ лѣсахъ. Общая родовая собственность замѣнялась собственностью семейною. Точно такъ же переставала дѣйствовать и власть родовладыки: онъ не могъ управлять сразу всѣми хозяйствами родичей, если эти хозяйства были разбросаны на большихъ разстояніяхъ. Власть родовладыки переходила къ отцу каждой отдѣльной семьи, къ домовладыкѣ. Съ распаденіемъ родовыхъ связей, родичи пере-

ставали чувствовать свое взаимное родство и въ случаѣ нужды соединялись для общихъ дѣлъ уже не по родству, а по сосѣдству. На общій совѣтъ (*вѣче*) сходились домохозяева извѣстной округи, и родные другъ другу, и не родные одинаково. Соединенные однимъ какимъ-нибудь общимъ интересомъ, они составляли общину (задругу, вервь) и избирали для веденія общихъ дѣлъ выборныхъ старѣйшинъ. Такимъ образомъ древнѣйшее *родовое* устройство замѣнялось постепенно *общиннымъ*.

Съ развитіемъ по русскимъ рѣкамъ торговаго движенія къ черноморскимъ и каспійскимъ рынкамъ, въ землѣ славянъ стали возникать большіе города. Такими были: Кіевъ—у полянъ, Черниговъ—у сѣверянъ, Любечъ—у радимичей, Смоленскъ и Полоцкъ—у кривичей, Новгородъ—у Ильменскихъ славянъ и др. Подобные города служили сборными пунктами для купцовъ и складочными мѣстами для товаровъ. Въ нихъ встрѣчались торговые иноземцы, варяги по преимуществу, съ мѣстными промышленниками и торговцами; происходилъ торгъ, составлялись торговые караваны и направлялись по торговымъ путямъ на хозарскіе и греческіе рынки. Охрана товаровъ въ складахъ и на путяхъ требовала вооруженной силы; поэтому въ городахъ образовались военныя *дружины* или товарищества, въ составъ которыхъ входили свободные и сильные люди (витязи) разныхъ народностей, всего чаще варяги. Во главѣ такихъ дружинъ стояли обыкновенно варяжскіе предводители—*конунги* (по-славянски: *князья*). Они или сами торговали, охраняя оружіемъ свои товары, или нанимались на службу въ городахъ и оберегали города и городскіе торговые караваны; или же, наконецъ, конунги захватывали власть въ городахъ и становились городскими владѣтельными князьями. А такъ какъ городу обыкновенно подчинялась окружавшая его волость, то въ такомъ случаѣ образовывалось цѣлое княжество, болѣе или менѣе значительное по своему пространству. Преданіе говоритъ, что такія варяжскія княжества были основаны, напримѣръ, Аскольдомъ и Диромъ въ Кіевѣ, Рюрикомъ въ Новгородѣ, Рогволодомъ въ Полоцкѣ. Княжеская власть возникала у русскихъ славянъ и независимо отъ варяжскихъ конунговъ; такъ, у древлянъ былъ свой мѣстный князь, по имени Малъ («бѣ бо имя ему Малъ, князю Деревьску», говоритъ современникъ).

Такъ постепенно измѣнялась жизнь нашихъ предковъ. Изъ

патріархальнаго родового и племенного быта славяне постепенно переходили къ общинному устройству и соединялись подъ вліяніемъ главныхъ «старѣйшихъ» городовъ въ волости или княжества. Когда же отдѣльныя городскія и племенныя волости и княжества собрались вмѣстѣ и объединились подъ одною государственною властью, тогда началось Русское государство.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Образованіе Кіевскаго государства.

§ 6. **Лѣтописное преданіе о призваніи варяжскихъ князей.** Какъ и когда началась государственная жизнь у русскихъ славянъ, наши предки не помнили. Когда у нихъ появился интересъ къ прошлому, они стали собирать и записывать ходившія между ними преданія о былой жизни славянъ вообще и русскихъ въ частности. Собраніе такихъ народныхъ преданій было сдѣлано въ Кіевѣ въ XI вѣкѣ и составило особую повѣсть о началѣ русскаго государства и о первыхъ князьяхъ въ Кіевѣ. Въ этой повѣсти разсказъ былъ расположенъ по годамъ (считая годы или «лѣта» отъ сотворенія міра) и доведенъ до того времени, когда жилъ самъ «лѣтописецъ», то-есть составитель этой *начальной лѣтописи*. По старинному преданію первымъ лѣтописцемъ былъ монахъ Кіево-Печерскаго монастыря Несторъ. Въ «начальной лѣтописи» разсказъ о началѣ государства на Руси былъ таковъ:

Въ былое время варяги, приходя «изъ заморія», брали дань съ Новгородскихъ славянъ, съ кривичей и съ сосѣднихъ финскихъ племенъ. И вотъ данники возстали на варяговъ, прогнали ихъ за море, стали сами собою владѣть и ставить города. Но между ними начались усобицы и всталъ городъ на городъ и не стало въ нихъ правды. И они рѣшили найти себѣ князя, который бы владѣлъ ими и устроилъ у нихъ справедливый порядокъ. Они обратились въ 862 году за море къ варягамъ-*руси* (по словамъ лѣтописца, это варяжское племя носило особое названіе *русь*, такъ же какъ другія варяжскія племена назывались каждое особо: шведами, норманнами, англами, готами). Они сказали *руси*: «земля наша велика и обильна, а устройства (наряда) въ ней нѣтъ: пойдите княжить и владѣть нами». И вызвались три брата съ своими родами и съ дружиною (лѣтописецъ думалъ, что они взяли съ собою даже все племя *русь*). Старшій изъ братьевъ Рюрикъ основался въ Новгородѣ, другой—Синеусъ—на Бѣлоозерѣ, а третій—Труворъ—въ Изборскѣ (близъ Пскова). По смерти Синеуса и Трувора Рюрикъ сталъ единодержавнымъ княземъ на сѣверѣ, а его

сынъ Игорь княжилъ уже и въ Кіевѣ, и въ Новгородѣ. Такъ произошла династія, объединившая подъ своею властью племена русскихъ славянъ.

Въ преданіи лѣтописи не все ясно и достовѣрно. Во-первыхъ, по разсказу лѣтописи, Рюрикъ съ варяжскимъ племенемъ *русью* пришелъ въ Новгородъ въ 862 году. Между тѣмъ извѣстно, что сильный народъ *русь* воевалъ съ греками на Черномъ морѣ лѣтъ на 20 раньше, а на самый Царьградъ (Константинополь) *русь* въ первый разъ напала въ іюнѣ 860 года. Стало быть, *хронологія въ лѣтописи невѣрна и годъ основанія княжества въ Новгородѣ лѣтописью указанъ неточно*. Произошло это потому, что годы въ лѣтописномъ текстѣ ставились уже послѣ того, какъ была составлена повѣсть о началѣ Руси, и ставились по догадкамъ, воспоминаніямъ и приблизительнымъ вычисленіямъ. Во-вторыхъ, по лѣтописи выходитъ такъ, что *русь* была однимъ изъ варяжскихъ, то-есть скандинавскихъ, племенъ. Между тѣмъ извѣстно, что въ Скандинавскихъ странахъ особаго племени *русь* не было, такъ же какъ не было тамъ и мѣстности съ названіемъ *Русь*. Стало быть, *лѣтописное преданіе, признавъ русь варяжскимъ племенемъ, сдѣлало какую-то ошибку или же допустило неточность*. Для того, чтобы понять эту путаницу, надобно твердо помнить слѣдующее.

Когда въ нашей лѣтописи рѣчь идетъ о *странѣ*, то Русью называется обыкновенно Кіевская область и вообще земли Кіевскихъ князей; когда же (въ лѣтописи и у греческихъ писателей) говорится о *людяхъ*, то русью называются не славяне, а норманны, и «русскимъ» языкомъ называется не славянскій, а норманскій [1]). Значитъ, люди, носившіе въ древности имя *русь*, говорили по-нормански и считались норманнами (gentis Sueonum, какъ выразился о *руси* одинъ нѣмецкій лѣтописецъ), но у нихъ не было общей родины—норманской страны *Русь*. Повидимому, они происходили изъ разныхъ

[1]) Въ текстѣ лѣтописи приводятся имена пословъ отъ Кіевскихъ князей въ Грецію; эти послы—„отъ рода русскаго", и ихъ имена не славянскія, а норманскія (такихъ именъ извѣстно почти сто). Греческій писатель императоръ Константинъ Багрянородный приводитъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій названія пороговъ на р. Днѣпрѣ „по-славянски" и „по-русски": славянскія названія очень близки къ нашему языку, а „русскія" названія суть слова скандинавскаго корня.

племенъ и областей Скандинавскаго полуострова, во время походовъ соединялись въ сильныя дружины и, являясь на Ильмень и Днѣпръ къ славянамъ, оставались здѣсь жить и торговать. Эти-то сбродныя дружины варяговъ и носили общее названіе *руси*, которое потомъ отъ нихъ передалось Кіевскимъ славянамъ (полянамъ и др.) и стало означать всю Кіевскую страну.

Среди Днѣпровскихъ славянъ *русь* появилась въ первой половинѣ IX-го вѣка. Еще раньше, чѣмъ потомство Рюрика перешло княжить изъ Новгорода въ Кіевъ, въ Кіевѣ уже были варяжскіе князья, нападавшіе отсюда на Византію (860). Съ появленіемъ же въ Кіевѣ новгородскихъ князей, Кіевъ сталъ средоточіемъ всей Руси.

§ 7. **Дѣятельность варяжскихъ князей.** О дѣятельности полусказочнаго *Рюрика* (по-древнескандинавски Hroerekr) въ Новгородѣ почти не сохранилось преданій. Разсказывали, что онъ первоначально жилъ не въ Новгородѣ, а въ Ладогѣ, на устьѣ р. Волхова, въ Новгородъ же перешелъ послѣ смерти братьевъ. Правленіе его возбуждало, будто бы, неудовольствіе и вызвало даже мятежъ подъ предводительствомъ какого-то Вадима Храбраго; но Рюрикъ убилъ Вадима и одолѣлъ возставшихъ. Недовольные имъ бѣжали въ Кіевъ, гдѣ сидѣли уже варяжскіе дружинники Аскольдъ и Диръ, оставившіе дружину Рюрика и основавшіе въ Кіевѣ свое княжество. Трудно, конечно, сказать, насколько справедливы всѣ эти преданія.

По смерти Рюрика (879) княжить въ Новгородѣ сталъ его родственникъ *Олегъ* (по-древнескандинавски Helgi). Онъ пользовался властью, какъ опекунъ малолѣтняго сына Рюрикова Игоря (по-древнескандинавски Ingvarr). Олегъ не остался въ Новгородѣ: вмѣстѣ съ Игоремъ онъ двинулся на югъ, по великому пути «изъ варягъ въ греки», покорилъ на Днѣпрѣ Смоленскъ и Любечъ и подошелъ къ Кіеву. Обманомъ онъ захватилъ здѣсь и погубилъ Аскольда и Дира на томъ основаніи, что они «не князья и не княжескаго рода», между тѣмъ какъ самъ онъ князь, а Игорь — Рюриковъ княжичъ. Занявъ Кіевъ, Олегъ основался въ немъ и сдѣлалъ его столицею своего княжества, говоря, что Кіевъ будетъ «матерью городовъ русскихъ». Такъ удалось Олегу объединить всѣ главнѣйшіе города по великому водному пути. Это и была его первая цѣль. Изъ Кіева онъ продолжалъ свою объедини-

тельную дѣятельность: ходилъ на древлянъ, затѣмъ на сѣверянъ и покорилъ ихъ, далѣе подчинилъ себѣ радимичей. Подъ его рукою собрались такимъ образомъ всѣ главнѣйшія племена русскихъ славянъ, кромѣ окраинныхъ, и всѣ важнѣйшіе русскіе города. Кіевъ сталъ средоточіемъ большого государства и освободилъ русскія племена отъ хозарской зависимости. Сбросивъ хозарское иго, Олегъ старался укрѣпить свою страну крѣпостями со стороны восточныхъ кочевниковъ (хозаръ и печенѣговъ) и строилъ города по границѣ степи.

Но объединеніемъ славянъ Олегъ не ограничился. По примѣру своихъ Кіевскихъ предшественниковъ Аскольда и Дира, сдѣлавшихъ набѣгъ на Византію, Олегъ задумалъ походъ на грековъ. Съ большимъ войскомъ «на коняхъ и на корабляхъ» подошелъ онъ къ Константинополю (907), опустошилъ его окрестности и осадилъ городъ. Греки завели переговоры, дали Олегу «дань», то-есть откупились отъ разоренія, и заключили съ Русью договоръ, вторично подтвержденный въ 912 году. Удача Олега произвела глубокое впечатлѣніе на Руси: Олега воспѣвали въ пѣсняхъ и его подвиги изукрасили сказочными чертами. Изъ пѣсенъ лѣтописецъ занесъ въ свою лѣтопись разсказъ о томъ, какъ Олегъ поставилъ свои суда на колеса и по-суху на парусахъ «черезъ поля» пошелъ къ Царюграду. Изъ пѣсни же, конечно, взята въ лѣтопись подробность о томъ, что Олегъ, «показуя побѣду», повѣсилъ свой щитъ въ вратахъ Царяграда. Олегу дали прозваніе «вѣщаго» (мудраго, знающаго то, что другимъ не дано знать). Дѣятельность Олега въ самомъ дѣлѣ имѣла исключительное значеніе: *Олегъ создалъ изъ разобщенныхъ городовъ и племенъ большое государство, вывелъ славянъ изъ подчиненія хозарамъ и устроилъ путемъ договоровъ правильныя торговыя сношенія Руси съ Византіей*; словомъ, онъ былъ создателемъ русско-славянской независимости и силы.

По смерти Олега (912) вступилъ во власть *Игорь*, повидимому, не имѣвшій таланта воина и правителя. Онъ сдѣлалъ два набѣга въ греческія владѣнія: на Малую Азію и на Константинополь. Въ первый разъ онъ понесъ жестокое пораженіе въ морскомъ бою, въ которомъ греки примѣнили особыя суда съ огнемъ и пускали «трубами огнь на лодьи русскія». Во второй разъ Игорь не дошелъ до Царяграда и помирился съ греками на условіяхъ, изложенныхъ въ договорѣ 945 года.

Этотъ договоръ считается менѣе выгоднымъ для Руси, чѣмъ договоры Олега. Въ походѣ Игоря противъ грековъ принимали участіе и новые азіатскіе кочевники—*печенѣги*, впервые при Игорѣ напавшіе на Русскую землю, а затѣмъ помирившіеся съ Игоремъ. Игорь окончилъ жизнь свою печально: онъ погибъ въ странѣ древлянъ, съ которыхъ хотѣлъ собрать двойную дань. Его смерть, сватовство древлянскаго князя Мала, желавшаго взять за себя вдову Игоря Ольгу, и месть Ольги древлянамъ за смерть мужа — составляютъ предметъ извѣстнаго поэтическаго преданія, подробно разсказаннаго въ лѣтописи.

Ольга (по-древнескандинавски и по-гречески Helga) осталась послѣ Игоря съ малолѣтнимъ сыномъ Святославомъ и взяла на себя правленіе княжествомъ. По древнему славянскому обычаю, вдовы пользовались гражданскою самостоятельностью и полноправіемъ, и вообще положеніе женщины у славянъ было лучше, чѣмъ у другихъ европейскихъ народовъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что княгиня Ольга стала правительницею. Отношеніе къ ней лѣтописца— самое сочувственное: онъ считаетъ ее «мудрѣйши всѣхъ человѣкъ» и приписываетъ ей большія заботы объ устроеніи земли. Объѣзжая свои владѣнія, она вездѣ устанавливала порядокъ и вездѣ оставляла по себѣ добрую память. Главнымъ же ея дѣломъ было принятіе христіанской вѣры и благочестивое путешествіе въ Царьградъ (957) [1]. Съ торжествомъ христіанства на Руси память княгини Ольги, во святомъ крещеніи

---

[1]) По разсказу лѣтописи, Ольгу крестили „царь съ патріархомъ" въ Цареградѣ, хотя вѣроятнѣе, что она крестилась дома, на Руси, ранѣе своей поѣздки въ Грецію. Императоръ Константинъ Багрянородный, съ честью принявшій Ольгу въ своемъ дворцѣ и описавшій ея пріемъ (въ сочиненіи „Объ обрядахъ Византійскаго двора"), повѣствуетъ о русской княгинѣ сдержанно и спокойно. Преданіе же, сложившееся на Руси о путешествіи княгини, разсказываетъ, что императоръ былъ пораженъ красотою и умомъ Ольги настолько, что даже хотѣлъ на ней жениться; однако Ольга уклонилась отъ этой чести. Она держала себя почтительно по отношенію къ патріарху, но вполнѣ независимо по отношенію къ императору. Лѣтописецъ даже увѣренъ, что ей удалось дважды перехитрить императора: во-первыхъ, она ловко сумѣла отказаться отъ его сватовства, а во-вторыхъ, она отказала ему въ дани или дарахъ, на которые онъ, будто бы, легковѣрно разсчитывалъ. Таково было наивное преданіе, усвоившее Ольгѣ исключительную мудрость и хитрость.

Елены, стала почитаться православною церковью и княгиня Ольга была причтена къ лику святыхъ.

Сынъ Ольги *Святославъ* носилъ уже славянское имя, но нравомъ былъ типичный варягъ-воинъ и дружинникъ. Едва успѣлъ онъ возмужать, какъ составилъ себѣ большую и храбрую дружину и съ нею сталъ искать себѣ славы и добычи. Онъ рано вышелъ изъ-подъ вліянія матери, «гнѣвался на мать», когда она убѣждала его креститься: «какъ мнѣ одному перемѣнить вѣру? дружина начнетъ смѣяться надо мною», говорилъ онъ. Съ дружиною онъ сжился крѣпко, велъ съ нею суровую походную жизнь и поэтому двигался необыкновенно легко: «легко ходя, аки пардусъ (барсъ)», по выраженію лѣтописи.

Еще при жизни матери, оставивъ на попеченіи Ольги Кіевское княжество, Святославъ совершилъ свои первые блестящіе походы. Онъ пошелъ на Оку и подчинилъ вятичей, которые тогда платили дань хозарамъ; затѣмъ обратился на хозаръ и разгромилъ Хозарское царство, взявъ главные города хозаръ (Саркелъ и Итиль). Заодно Святославъ побѣдилъ племена ясовъ и касоговъ (черкесовъ) на р. Кубани и овладѣлъ мѣстностью у Азовскаго моря, подъ названіемъ Таматарха (позднѣе Тмутаракань, а теперь Тамань). Наконецъ, Святославъ, проникнувъ на Волгу, разорилъ землю Камскихъ болгаръ и взялъ ихъ городъ Болгаръ. Словомъ, Святославъ побѣдилъ и разорилъ всѣхъ восточныхъ сосѣдей Руси, входившихъ въ составъ Хозарской державы. Главною силою въ Черноморьѣ становилась теперь Русь. Но паденіе Хозарскаго государства усиливало кочевыхъ печенѣговъ. Въ ихъ распоряженіе попадали теперь всѣ южно-русскія степи, занятыя раньше хозарами; и самой Руси скоро пришлось испытать большія бѣды отъ этихъ кочевниковъ.

Возвратясь въ Кіевъ послѣ своихъ завоеваній на востокѣ Святославъ получилъ приглашеніе отъ грековъ помочь Византіи въ ея борьбѣ съ дунайскими болгарами. Собравъ большую рать, онъ завоевалъ Болгарію и остался тамъ жить въ г. Переяславцѣ на Дунаѣ, такъ какъ считалъ Болгарію своею собственностью. «Хочу жить въ Переяславцѣ Дунайскомъ», говорилъ онъ: «тамъ—середина моей земли, тамъ собираются всякія блага: отъ грековъ золото, ткани, вина и плоды, отъ чеховъ и угровъ—серебро и кони, изъ Руси—мѣха, воскъ и медъ и рабы». Но ему пришлось на время вернуться изъ

Болгаріи въ Кіевъ, потому что на Русь въ его отсутствіе напали печенѣги и осадили Кіевъ. Кіевляне съ княгинею Ольгою и дѣтьми Святослава едва отсидѣлись отъ грознаго врага и послали къ Святославу съ упреками и съ просьбою о помощи. Святославъ пришелъ и прогналъ печенѣговъ въ степь, но въ Кіевѣ не остался. Умиравшая Ольга просила его подождать на Руси до ея кончины. Онъ исполнилъ ея желаніе; но, похоронивъ мать, сейчасъ же ушелъ въ Болгарію, оставивъ князьями на Руси своихъ сыновей. Однако греки не желали допустить господство русскихъ надъ болгарами и потребовали удаленія Святослава назадъ въ Русь. Святославъ отказался покинуть берега Дуная. Началась война, и византійскій императоръ Іоаннъ Цимисхій одолѣлъ Святослава. Послѣ ряда тяжелыхъ усилій онъ заперъ русскихъ въ крѣпости Дористолѣ (теперь Силистрія) и вынудилъ Святослава заключить миръ и очистить Болгарію. Войско Святослава, истомленное войною, на пути домой было захвачено въ Днѣпровскихъ порогахъ печенѣгами и разсѣяно, а самъ Святославъ убитъ (972). Такъ печенѣги довершили пораженіе русскаго князя, начатое греками.

Послѣ смерти Святослава на Руси между его сыновьями (Ярополкомъ, Олегомъ и Владиміромъ) произошли кровавыя междоусобія, въ которыхъ погибли братья князя Владиміра, и онъ остался единодержавнымъ государемъ [1].

§ 8. **Главное значеніе дѣятельности варяжскихъ князей.** Главнѣйшимъ содержаніемъ этого періода, какъ мы видимъ, были усилія Кіевскихъ князей: 1) объединить русскія племена и создать на Руси единое государство, 2) устроить, какъ можно выгоднѣе, торговыя сношенія съ сосѣдями и обезопасить торговое движеніе къ иноземнымъ рынкамъ и 3) оборонить Русь отъ внѣшнихъ враговъ.

---

[1]) Потрясенное усобицами, Кіевское княжество являло признаки внутренняго разстройства, и Владиміру пришлось потратить много силъ, чтобы усмирить варяговъ, служившихъ у него, и подчинить отложившіяся племена (вятичей, радимичей). Пошатнулось послѣ неудачъ Святослава и внѣшнее могущество Руси. Владиміръ велъ много войнъ съ разными сосѣдями за пограничныя волости; воевалъ также съ волжскими болгарами. Втянулся онъ и въ войну съ греками, вслѣдствіе которой принялъ христіанство по греческому обряду. Этимъ важнѣйшимъ событіемъ окончился первый періодъ власти варяжской династіи на Руси.

Завладѣвъ сначала всѣмъ путемъ «изъ варягъ въ греки», отъ Ладоги до Кіева, Кіевскіе князья старались затѣмъ подчинить своей власти и тѣ славянскія племена, которыя жили въ сторонѣ отъ этого пути (древляне, вятичи). Въ подчиненныхъ областяхъ они или правили лично, или посылали туда, для управленія, своихъ сыновей и дружинниковъ въ качествѣ своихъ намѣстниковъ («посадниковъ»), или же, наконецъ, оставляли тамъ мѣстныхъ князей «подъ рукою» своею. Главною задачею управленія былъ тогда сборъ «дани». Самъ князь или его посадники объѣзжали волости, творя судъ и расправу и собирая дань деньгами или натурою. Такой объѣздъ назывался «полюдьемъ» и совершался по зимнему пути. Къ веснѣ собранная княземъ дань свозилась на рѣчныя пристани, грузилась на суда и весною сплавлялась въ Кіевъ. Въ то же время «везли повозъ», то-есть доставляли дань, въ Кіевъ и изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ не успѣли побывать сами князья съ дружинами. Въ рукахъ Кіевскихъ князей сосредоточивались такимъ образомъ большіе запасы различныхъ товаровъ, которыми князья и торговали, посылая ихъ отъ себя въ Грецію, или къ хозарамъ, или (какъ Святославъ) на Дунай.

Весною въ Кіевѣ составлялись большіе торговые караваны изъ лодокъ, которыя по-славянски назывались «ладьями», а по-гречески «моноксилами», то-есть однодеревками. Такое названіе дано было ладьямъ потому, что ихъ днище (киль) состояло изъ одного дерева; подобныя ладьи подымали нѣсколько сотъ пудовъ грузу и до 40—50 человѣкъ экипажа. Къ ладьямъ княжескимъ присоединялись ладьи княжеской дружины и купцовъ («гостей»); караванъ охранялся княжескою стражею и вооруженными дружинами гостей. Устроившись, караваны отправлялись къ морю внизъ по Днѣпру [1]).

[1]) Вотъ какъ разсказываютъ современники о томъ караванѣ, который шелъ въ Константинополь: Собравшись окончательно верстахъ въ 50 ниже Кіева, въ Витичевѣ, караванъ оттуда двигался „въ греческій путь“. Плывя по Днѣпру, онъ достигалъ „пороговъ“, то-есть скалистыхъ гранитныхъ грядъ, пересѣкающихъ теченіе Днѣпра въ нѣсколькихъ мѣстахъ, недалеко отъ нынѣшняго города Екатеринослава. Въ порогахъ нельзя было плыть межъ камней съ полнымъ грузомъ; иногда же и вовсе не было хода ладьямъ. Тогда пловцы приставали къ берегу, разгружали суда, выводили скованныхъ невольниковъ, которыхъ везли на продажу, тащили товары въ обходъ порога по берегу, иногда даже перетаскивали по-суху и

Для того, чтобы составить общій для всей Руси ежегодный караванъ въ Грецію и такіе же караваны въ другія мѣста (въ хозарскій Итиль, въ Дунайскія области), Кіевскіе князья должны были тратить много труда и силъ. На нихъ лежала забота о томъ, чтобы своевременно свезти къ Кіеву свои товары, полученные въ видѣ дани, и всякій купеческій товаръ, затѣмъ снабдить караваны сильною охраною и проводить ихъ до мѣста назначенія, наконецъ, мирными сношеніями или же оружіемъ подготовить выгодныя условія торговли въ чужихъ странахъ. Походы Кіевскихъ князей на Грецію, походы Святослава на Донъ и Волгу были тѣсно связаны съ торговыми дѣлами Кіева. Такимъ образомъ, торговля страны направляла собою внѣшнюю политику Кіевскихъ князей.

Кромѣ того, на князьяхъ лежала забота объ оборонѣ государства отъ внѣшнихъ враговъ. Степняки нападали не только на границы Руси, но и на самую столицу ея—Кіевъ. Этотъ городъ лежалъ слишкомъ близко къ степному пространству и былъ открытъ со стороны степи. Поэтому Кіевскіе князья понемногу окружаютъ его крѣпостями, «рубятъ города» на границахъ степи и укрѣпляютъ самую границу валами и другими сооруженіями. Чтобы степняки-печенѣги не мѣшали торговому движенію черезъ степь, князья нападаютъ на нихъ въ степи или же вступаютъ съ ними въ дружбу и даже въ союзъ, увлекая ихъ вмѣстѣ съ собою на грековъ. Но такая

самыя ладьи. Въ то время, какъ одни обходили порогъ, другіе охраняли ихъ и сторожили берегъ, боясь нападенія печенѣговъ на караванъ. Пройдя пороги, Русь выходила въ Черное море и, держась Болгарскихъ береговъ, достигала Константинополя. Огромный русскій караванъ греки не пускали въ стѣны своей столицы. Русь помѣщалась въ предмѣстьѣ св. Мамы и жила тамъ съ полгода, пока не кончала свои торговыя дѣла. Прибывшихъ русскихъ пословъ и купцовъ греки переписывали и по списку доставляли имъ съѣстные припасы отъ казны. Изъ предмѣстья въ самый Царьградъ греки допускали русскихъ сразу не болѣе 50 человѣкъ, безъ оружія и съ провожатымъ; на зиму въ Греціи оставаться не позволяли никому. Такимъ образомъ греки разрѣшали Руси устраивать подъ Константинополемъ какъ бы свою ярмарку съ ихъ покровительствомъ, но подъ надзоромъ и съ предосторожностями. Правила, которыя устанавливали порядокъ торговли русскихъ въ Греціи и опредѣляли всѣ возникавшія между Русью и греками во время торга отношенія, обыкновенно вносились въ договоры и составляли главное ихъ содержаніе. Вотъ почему эти договоры и называются торговыми.

дружба была все же исключеніемъ: обыкновенно Русь бывала въ острой враждѣ съ печенѣгами.

Изъ того, что было сказано о торговлѣ Руси, можно заключить, въ чемъ именно заключалось значеніе Кіева и почему Олегъ далъ ему имя «матери русскихъ городовъ». Кіевъ былъ самымъ южнымъ городомъ на Днѣпрѣ и сосѣдилъ со степью. Поэтому въ Кіевѣ естественно собирались всѣ тѣ купцы, которые везли изъ Руси товары на югъ и на востокъ. Здѣсь устраивался главный складъ вывозимыхъ товаровъ; здѣсь былъ главный рынокъ и для тѣхъ товаровъ, которые привозились на Русь своими и чужими купцами отъ хозаръ и грековъ. Словомъ, Кіевъ былъ торговымъ центромъ всей тогдашней Руси; прочіе торговые русскіе города зависѣли отъ него въ своихъ торговыхъ оборотахъ. Понятно, почему сильнѣйшіе русскіе князья предпочитали Кіевъ всякому иному городу и почему именно Кіевъ сталъ столицею образованнаго этими князьями государства.

Крещеніе Руси.

§ 9. **Язычество на Руси въ древнѣйшее время.** Около 988 года Кіевскій князь Владиміръ Святославичъ принялъ христіанство. За крещеніемъ князя тотчасъ же послѣдовало принятіе христіанства всею Русью и торжественное упраздненіе языческаго культа на Руси.

Языческія вѣрованія нашихъ предковъ вообще мало извѣстны. Какъ и всѣ арійцы, русскіе славяне поклонялись силамъ видимой природы и почитали предковъ. Силы природы воплощались у нихъ въ личныя божества. Первое мѣсто среди нихъ занимало божество солнца—Дажьбогъ (или Даждьбогъ), Хорсъ, Велесъ (или Волосъ). Трудно сказать, почему ему давались различныя имена; Дажьбога почитали, какъ источникъ тепла и свѣта, какъ подателя всѣхъ благъ, Велеса—какъ покровителя стадъ или «скотьяго бога»; «великимъ Хорсомъ», повидимому, называли самое солнечное свѣтило, свершающее путь по небу. Другимъ божествомъ былъ Перунъ, въ которомъ олицетворялась гроза съ страшнымъ громомъ и смертоносною молніею. Вѣтеръ имѣлъ свое божество—Стрибога. Небо, въ которомъ пребывалъ Дажьбогъ, звалось Сварогомъ и

считалось отцомъ солнца, почему Дажьбогу было усвоено отчество Сварожича. Божество земли носило имя Мать-Земля Сырая; почитая землю, какъ свою мать, славяне чтили Дажьбога и Велеса, какъ дѣдовъ человѣческихъ. Но всѣ эти образы боговъ не получили у славянъ той ясности и опредѣленности, какъ, напримѣръ, въ болѣе развитой греческой миѳологіи. Внѣшній культъ у славянъ также не былъ развитъ: не было ни храмовъ, ни особаго сословія жрецовъ. Кое-гдѣ на открытыхъ мѣстахъ ставились грубыя изображенія боговъ, «идолы». Имъ приносились жертвы, иногда даже человѣческія; этимъ и ограничивалось идолослуженіе.

Болѣе культа видимой природы у русскихъ славянъ былъ развитъ культъ предковъ, связанный съ родовымъ бытомъ славянъ. Родоначальникъ, давно умершій, обоготворялся и считался какъ бы живущимъ покровителемъ своего потомства. Его звали *родомъ*, *щуромъ* (отсюда наше слово *пращуръ*) и приносили ему жертвы. Прародительницы рода назывались *рожаницами* и почитались такъ же, какъ и *родъ*. Съ паденіемъ родовыхъ связей, когда семьи обособились въ отдѣльныхъ дворахъ, мѣсто *щура* заступилъ семейный предокъ—*дѣдушка домовой*, покровитель своего двора, невидимо управляющій ходомъ его хозяйства. Вѣра въ загробную жизнь, проникавшая весь этотъ культъ предковъ, сказывалась и въ томъ вѣрованіи, что души умершихъ будто бы бродили по землѣ и населяли поля, лѣса и воды (*русалки*). Вѣря въ существованіе таинственныхъ хозяевъ человѣческихъ жилищъ, славянинъ искалъ такихъ же хозяевъ и внѣ жилищъ—въ лѣсу (*лѣшіе*), въ водѣ (*водяные*) Вся природа казалась ему одухотворенною и живою. Онъ вступалъ съ ней въ общеніе, хотѣлъ участвовать въ тѣхъ перемѣнахъ, которыя совершались въ природѣ, и сопровождалъ эти перемѣны различными обрядами. Такъ создался кругъ языческихъ праздниковъ, связанныхъ съ почитаніемъ природы и съ культомъ предковъ [1]).

---

[1]) Наблюдая правильную смѣну лѣта зимою, а зимы лѣтомъ, видя какъ бы уходъ солнца и тепла осенью и ихъ возвращеніе весною, славяне привѣтствовали „поворотъ солнца на лѣто“ особымъ праздникомъ—колядою (отъ латинскаго calendae; другое названіе этого праздника „овсень“—отъ „о-весень“). За этимъ праздникомъ слѣдовали другіе въ честь того же солнца—проводы зимы, встрѣча весны („красная горка“), проводы лѣса (праздникъ „ку-

§ 10. **Христіанство на Руси до крещенія князя Владимира.** Не достигшее большаго развитія и не имѣвшее внутренней крѣпости языческое міросозерцаніе нашихъ предковъ должно было легко уступать постороннимъ религіознымъ вліяніямъ. Если славяне легко примѣшивали къ своимъ суевѣріямъ суевѣрія дикихъ финновъ и подпадали вліянію финскихъ шамановъ — «волхвовъ» и «кудесниковъ», — то тѣмъ болѣе должна была влiять христіанская вѣра на тѣхъ изъ славянъ, которые могли ее познать. Торговыя сношенія съ Греціей облегчали для Руси знакомство съ Христовою вѣрою. Варяжскіе купцы и дружинники, раньше и чаще славянъ ходившіе въ Царьградъ, прежде славянъ стали тамъ обращаться въ христіанство и приносили на Русь новое ученіе, передавая его славянамъ. Въ княженіе Игоря въ Кіевѣ была уже христіанская церковь св. Иліи, такъ какъ, по словамъ лѣтописца, въ Кіевѣ «мнози бо бѣша варязи христіани». Въ дружинѣ самого князя Игоря было много христіанъ. Жена князя св. княгиня Ольга также была христіанкою. Словомъ, христіанская вѣра стала хорошо знакома кіевлянамъ еще при первыхъ варяжскихъ князьяхъ. Правда, Святославъ былъ холоденъ къ греческой вѣрѣ; а при сынѣ его Владимирѣ въ Кіевѣ еще стояли языческіе «кумиры» (идолы) и еще бывали предъ ними человѣческія «требы», или жертвы. Лѣтописецъ разсказываетъ, какъ при Владимирѣ языческая толпа кіевлянъ однажды убила двухъ варяговъ-христіанъ, отца и сына, за отказъ отца добровольно отдать своего сына въ жертву «богамъ». Но все же, несмотря на это мученіе христіанъ, христіанство въ Кіевѣ продолжало распространяться и въ общемъ дѣлало большіе успѣхи. Князь Владимиръ принялъ новую вѣру, имѣя полную возможность познакомиться съ нею и узнать ея превосходство и внутреннюю силу

палы"). Одновременно шли праздники и въ воспоминаніе объ умершихъ, носившіе общее названіе *тризнъ*. Была весенняя тризна по предкамъ—„радуница", былъ лѣтній праздникъ „русалій" такого же поминальнаго характера. Обряды, сопровождавшіе языческіе праздники, пережили самое язычество. Они удержались въ народѣ даже до нашего времени и были пріурочены къ праздникамъ христіанскаго календаря; коляда—къ Святкамъ, проводы зимы—къ Масленицѣ, красная горка и радуница—къ Святой и Ѳоминой недѣлямъ, „купала" и русалій—къ Иванову дню.

§ 11. **Лѣтописное преданіе о крещеніи князя Владимира.** О томъ, какъ крестился князь Владиміръ и какъ онъ крестилъ свой народъ, на Руси существовало много преданій. Одни разсказывали, что князь крестился въ Кіевѣ; другіе указывали мѣсто его крещенія въ городкѣ Василѣвѣ (въ 35 верстахъ отъ Кіева); третьи говорили, что онъ принялъ крещеніе въ Крыму, въ греческомъ городѣ Корсунѣ (Херсонесѣ), послѣ того, какъ взялъ этотъ городъ у грековъ. Лѣтъ сто спустя послѣ крещенія Руси, лѣтописецъ занесъ въ свою лѣтопись такія преданія объ этомъ событіи:

Пришли (говоритъ онъ) къ Владиміру (986) сначала волжскіе болгары, похваляя свое магометанство, затѣмъ нѣмцы отъ римскаго папы, затѣмъ хозарскіе евреи съ проповѣдью своего закона и, наконецъ, греческій философъ съ православнымъ ученіемъ. Всѣ они хотѣли привлечь Владиміра въ свою вѣру. Онъ же выслушивалъ ихъ и всѣхъ отсылалъ прочь, кромѣ грека. Съ грекомъ онъ бесѣдовалъ долго, отпустилъ его съ дарами и почестями, но пока не крестился. Въ слѣдующемъ году (987) созвалъ Владиміръ своихъ совѣтниковъ и разсказалъ имъ о приходѣ къ нему проповѣдниковъ, прибавивъ, что болѣе всего его поразили разсказы греческаго философа о православной вѣрѣ. Совѣтники дали мысль князю послать въ разныя страны своихъ пословъ посмотрѣть: «кто како служитъ Богу?» Побывавъ и на востокѣ, и на западѣ, послы пришли въ Царьградъ и были поражены тамъ несказаннымъ благолѣпіемъ греческаго богослуженія. Они такъ и сказали Владиміру, прибавивъ, что сами не хотятъ оставаться болѣе въ язычествѣ, познавъ православіе. Это испытаніе вѣръ черезъ пословъ рѣшило дѣло. Владиміръ прямо спросилъ своихъ совѣтниковъ: «гдѣ крещеніе примемъ?» А они согласно отвѣтили: «гдѣ тебѣ любо». И вотъ въ слѣдующемъ 988 году Владиміръ пошелъ съ войсками на Корсунь и осадилъ его. Городъ упорно сопротивлялся. Владиміръ далъ обѣтъ креститься, если возьметъ Корсунь, и дѣйствительно взялъ его. Не крестясь еще, онъ послалъ въ Царьградъ къ царямъ-братьямъ Василію и Константину, грозя идти на нихъ и требуя за себя замужъ ихъ сестру Анну. Цари сказали ему, что не могутъ выдать царевну замужъ за «поганаго», то-есть за язычника. Владиміръ отвѣтилъ, что готовъ креститься. Тогда цари прислали въ Корсунь сестру свою и съ нею ду-

ховенство, которое крестило русскаго князя и вѣнчало его съ царе́вною. Передъ крещеніемъ Владиміръ заболѣлъ и ослѣпъ, но чудесно исцѣлился во время самаго таинства крещенія [1]).

Возвратившись изъ Корсунскаго похода въ Кіевъ съ греческимъ духовенствомъ, Владиміръ началъ обращать кіевлянъ и всю Русь къ новой вѣрѣ. Онъ крестилъ въ Кіевѣ народъ на берегахъ Днѣпра и его притока Поча́йны. Кумиры старыхъ боговъ были повергнуты на́земь и брошены въ рѣку. На ихъ мѣстахъ были поставлены церкви. Такъ было и въ другихъ городахъ, гдѣ христіанство водворяли княжескіе намѣстники. По преданію, новая вѣра распространялась мирно, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ. Такъ, въ Новгородѣ пришлось примѣнить силу. Въ глухихъ углахъ (напримѣръ, у вятиче́й) язычество держалось, не уступая христіанской проповѣди, еще цѣлые века́; да и по всей странѣ старыя вѣрованія не сразу были забыты народомъ и сплетались съ новымъ вѣроученіемъ въ пеструю смѣсь вѣры и суевѣрія.

Послѣдствія принятія Русью христіанства.

§ 12. **Внѣшнее устройство церкви въ древней Руси.** Крещеніе Руси не слѣдуетъ представлять себѣ, какъ одну простую перемѣну вѣрованій. Съ принятіемъ христіанства возникло на Руси много новыхъ установленій и учрежденій. Изъ Греціи пришла на Русь *іера́рхія:* въ Кіевѣ сталъ жить русскій

---

[1]) По сказаніямъ грековъ и арабовъ вотъ что извѣстно о походѣ Владиміра на Корсунь: Въ то время въ Византійской имперіи произошло возстаніе войска подъ предводительствомъ полководца Ва́рды-Фо́ки. Греческое правительство, не располагая силами, искало помощи у Кіевскаго князя Владиміра. Союзъ былъ заключенъ (987): Владиміръ соглашался послать свои войска въ помощь Византіи, за что получалъ руку греческой царевны Анны, а самъ обязывался принять христіанство. Благодаря русскому вмѣшательству, мятежъ былъ подавленъ и Варда-Фока погибъ (988). Но византійцы послѣ побѣды не исполнили своихъ обѣщаній, данныхъ Владиміру. Тогда Владиміръ началъ войну съ греками, осадилъ и взялъ Корсунь,—главный греческій городъ въ Крыму,—и настоялъ на исполненіи греками договора. Онъ принялъ христіанство и получилъ въ супружество царевну (989). Гдѣ именно былъ онъ крещенъ и когда именно состоялось крещеніе,—въ 988 или въ 989 году,—точно неизвѣстно.

митрополитъ, поставляемый Константинопольскимъ патріархомъ; въ другихъ городахъ были поставлены подчиненные митрополиту епископы. Въ Кіевѣ и во всѣхъ епархіяхъ строились *церкви* и устраивались *монастыри*; причты церквей и братія монастырей подчинялись своему епископу, а черезъ него митрополиту. Такимъ образомъ власть митрополита простиралась на всю Русь и объединяла все духовенство страны. Вмѣстѣ съ христіанствомъ на Русь пришла *письменность*, а съ нею книжное просвѣщеніе. Какъ ни слабо оно было на первыхъ порахъ, оно все же оказывало могучее вліяніе на познавшихъ его людей. Богослужебныя и священныя книги принесены были на Русь на доступномъ для всѣхъ языкѣ славянскомъ, томъ самомъ, на которомъ изложили ихъ славянскіе первоучители свв. Кириллъ и Меѳодій и ихъ болгарскіе ученики. Языкъ этихъ книгъ былъ вполнѣ понятенъ русскимъ и «книжное ученіе» было поэтому незатруднено. Тотчасъ по крещеніи на Руси возникаютъ *школы* съ учителями-священниками и появляются книжники-любители просвѣщенія, собиравшіе и переписывавшіе книги. Митрополитъ и вообще духовенство управляли и судили подчиненныхъ имъ людей такъ, какъ это дѣлалось въ греческой церкви, на основаніи особаго сборника законовъ, *Номоканона*, получившаго на Руси въ болгарскомъ переводѣ названіе *Кормчей книги*. (Въ этомъ сборникѣ заключались церковныя правила Апостольскія и вселенскихъ соборовъ, также гражданскіе законы православныхъ Византійскихъ императоровъ). Церкви принадлежали земли, на которыхъ духовенство и монастыри вели *хозяйство* по-своему, руководясь византійскими обычаями и законами, устанавливая такія отношенія къ земледѣльцамъ, какія были приняты въ Греціи.

Такимъ образомъ на Руси вмѣстѣ съ новымъ вѣроученіемъ появились новыя власти, новое просвѣщеніе, новые законы и суды, новые землевладѣльцы и новые землевладѣльческіе обычаи. Такъ какъ Русь приняла вѣру изъ Византіи, то все новое, что пришло вмѣстѣ съ вѣрою, имѣло византійскій характеръ и служило проводникомъ *византійскаго вліянія* на Русь.

§ 13. **Черты до-христіанскаго быта русскихъ славянъ.** По нашимъ понятіямъ, государство, въ которомъ мы живемъ, должно карать виновныхъ за преступленія и проступки и по возможности предупреждать всякое нарушеніе порядка и права.

Воръ или убійца отыскивается и наказывается независимо отъ того, просятъ объ этомъ или не просятъ потерпѣвшіе отъ него люди. Въ древнѣйшее до-христіанское время было не такъ. Князья не вмѣшивались въ общественную жизнь, пока къ нимъ не обращалось за этимъ само населеніе. Преступленіе тогда считалось «обидою», за которую долженъ былъ отплатить, «отомстить», самъ обиженный или его родъ. Человѣка защищалъ не князь, а свои, близкіе ему, люди; за убитаго «мстили» отецъ, братья, дяди, племянники. Обычай «кровной мести» и вообще «мести» былъ такъ распространенъ, что его признавало даже тогдашнее законодательство. Иначе и быть не могло въ такомъ обществѣ, гдѣ княжеская власть была еще слаба, гдѣ князь бывалъ иноплеменникомъ и жилъ окруженный дружиною такихъ же иноплеменниковъ-варяговъ. На подобіе того, какъ варяжская дружина съ своимъ конунгомъ-княземъ составляла особое сообщество среди славянъ, и сами славяне имѣли такіе же особые союзы и сообщества. Они жили или родами, или общинами; въ другихъ случаяхъ они сами устраивали дружины и торговыя товарищества въ городахъ. Человѣкъ, принадлежавшій къ какому-нибудь союзу или входившій въ какое-нибудь сообщество, пользовался защитою рода, общины, дружины, товарищества, и мало надѣялся на князя. Лишенный же покровительства своихъ близкихъ, прогнанный изъ какого-либо сообщества, человѣкъ становился беззащитнымъ, потому что никто не считалъ себя обязаннымъ придти къ нему на помощь: его можно было, по старому выраженію, «убити во пса мѣсто»—и остаться безъ всякаго наказанія и возмездія. Такіе безпризорные и беззащитные люди назывались *изгоями* (отъ того же корня, какъ и слово «гой»: «гой еси» значило: будь здравъ, будь живъ); изгои были какъ бы «изжитые», выкинутые вонъ изъ жизни люди.

Родовой бытъ первоначально велъ людей къ обособленію. Роды жили замкнуто, чуждались одинъ другого и враждовали одинъ съ другимъ. А между тѣмъ каждому роду было необходимо со стороны добывать невѣстъ для браковъ своихъ родичей. Отсюда возникъ обычай добывать ихъ насиліемъ и хитростью, посредствомъ «умычки», или увоза. Впослѣдствіи этотъ обычай смягчился: если невѣсту «умыкали», то по предварительному съ нею уговору. Въ то же время возникли и другіе

способы заключенія брака: женихъ мирно приходилъ за невѣстою и выкупалъ невѣсту у ея рода, уплачивая «вѣно». Кое-гдѣ, — тамъ, гдѣ нравы были мягче, — бракъ подходилъ ближе къ нашимъ обычаямъ: невѣста пріѣзжала въ домъ жениха и за нею привозили ея приданое. Но такъ бывало, по словамъ лѣтописца, только у полянъ. Въ прочихъ же мѣстахъ семейный бытъ отличался грубостью, тѣмъ болѣе, что вездѣ существовалъ обычай многоженства. Преданіе говоритъ, что самъ князь Владиміръ до крещенія своего тоже держался этого обычая. Положеніе женщины въ семьѣ, особенно при многоженствѣ, было очень нелегко, о чемъ свидѣтельствуютъ народныя пѣсни. Въ нихъ горько оплакивается судьба дѣвушки, отдаваемой или продаваемой въ чужой родъ.

Въ языческое время на Руси было лишь одно общественное различіе: люди дѣлились на свободныхъ и несвободныхъ, или рабовъ. Свободные назывались *мужами*; рабы носили названіе *челядь* (въ единственномъ числѣ *холопъ*, *роба*). Положеніе рабовъ, очень многочисленныхъ, было тяжко: они разсматривались, какъ рабочій скотъ въ хозяйствѣ своего господина. Они не могли имѣть собственнаго имущества, не могли быть свидѣтелями въ судѣ, не отвѣчали за свои преступленія предъ закономъ. За нихъ отвѣтствовалъ господинъ, который имѣлъ право жизни и смерти надъ своимъ холопомъ и наназывалъ его самъ, какъ хотѣлъ. Свободные люди находили себѣ защиту въ своихъ родахъ и сообществахъ; холопъ могъ найти себѣ защиту только у господина; когда же господинъ его отпускалъ на волю или прогонялъ, рабъ становился изгоемъ и лишался покровительства и пристанища.

Такимъ образомъ въ языческомъ обществѣ княжеская власть не имѣла той силы и значенія, какое имѣетъ государственная власть теперь. Общество дѣлилось на самостоятельные союзы, которые одни лишь своими силами охраняли и защищали своихъ членовъ. Вышедшій изъ своего союза человѣкъ оказывался безправнымъ и беззащитнымъ изгоемъ. Семья, при обычаѣ многоженства, умычки и покупки невѣстъ, имѣла грубый языческій характеръ. Рабство было очень распространено. Грубая сила господствовала въ обществѣ и человѣческая личность сама по себѣ въ немъ не имѣла никакого значенія.

Подъ вліяніемъ христіанства языческіе порядки на Руси начали замѣтно смягчаться.

§ 14. **Вліяніе церкви на гражданскій бытъ.** Христіанская церковь, основанная на Руси княземъ Владиміромъ, не могла примириться съ языческими порядками и обычаями древней Руси. Вмѣстѣ съ Христовымъ ученіемъ о любви и милости церковь принесла на Русь и начала византійской культуры. Уча язычниковъ вѣрѣ, она стремилась улучшить ихъ житейскіе порядки. Подъ вліяніемъ христіанства отдѣльныя лица изъ языческой среды измѣняли къ лучшему свои взгляды и нравы, шли вослѣдъ Христу и являли высокіе примѣры нравственной христіанской жизни и даже подвижничества. На Руси появилось много благочестивыхъ христіанъ, почитавшихъ церковь, любившихъ книги и иногда уходившихъ отъ мірскихъ соблазновъ въ монастыри и въ пустынное житье. Черезъ свою іерархію и примѣромъ ревнителей новой вѣры церковь дѣйствовала на нравы и учрежденія Руси. *Она показывала, какъ надо жить и дѣйствовать* въ дѣлахъ личныхъ и общественныхъ.

Церковь старалась поднять значеніе княжеской власти. Князей она учила, какъ они должны управлять: «воспрещать злымъ и казнить разбойниковъ». «Ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье», говорило духовенство князю Владиміру, указывая ему, что князь не можетъ оставаться безучастнымъ къ насилію и злу въ своей землѣ, что онъ долженъ блюсти въ ней порядокъ. Такой взглядъ духовенство основывало на убѣжденіи, что княжеская власть, какъ и всякая земная власть, учинена отъ Бога и должна творить Божью волю. Въ то же время церковь требовала отъ подданныхъ князя, чтобы они «имѣли пріязнь» къ князю, не мыслили на него зла и смотрѣли на него, какъ на избранника Божія, на прирожденнаго и богоданнаго государя. Когда князья сами роняли свое достоинство въ грубыхъ ссорахъ и междоусобіяхъ («которахъ» и «коромолахъ»), духовенство старалось мирить ихъ и учить, чтобы они «чтили старѣйшихъ» и «не переступали чужого предѣла».

Найдя на Руси рядъ союзовъ, родовыхъ и племенныхъ, дружинныхъ и городскихъ, церковь образовала собою особый союзъ—церковное общество; въ составъ его вошло духовенство, затѣмъ люди, которыхъ церковь опекала и питала, и, наконецъ, люди, которые служили церкви и отъ нея зависѣли. *Церковь опекала и питала тѣхъ, кто не могъ самъ*

себя кормить: нищихъ, больныхъ, убогихъ. *Церковь давала пріютъ и покровительство всѣмъ изгоямъ*, потерявшимъ защиту мірскихъ обществъ и союзовъ (§ 13). Церковь получала въ свое владѣніе села, населенныя рабами. И изгои, и рабы становились подъ защиту церкви и дѣлались ея работниками. Всѣхъ своихъ людей одинаково церковь судила и рядила по своему закону (по Кормчей книгѣ) и по церковнымъ обычаямъ; всѣ эти люди выходили изъ подчиненія князю и становились подданными церкви. И какъ бы ни былъ слабъ или ничтоженъ церковный человѣкъ, церковь смотрѣла на него по-христіански—какъ на свободнаго человѣка. Для нея всѣ были братья во Христѣ и не было предъ Господомъ ни раба, ни господина. *Въ церкви не существовало рабства*: рабы, подаренные церкви, обращались въ людей лично свободныхъ; они были только прикрѣплены къ церковной землѣ, жили на ней и работали на пользу церкви. Такимъ образомъ *церковь давала свѣтскому обществу примѣръ новаго, болѣе совершеннаго и гуманнаго устройства*, въ которомъ могли найти себѣ защиту и помощь всѣ немощные и беззащитные.

Церковь, затѣмъ, вліяла на улучшеніе семейныхъ отношеній и вообще нравственности въ русскомъ обществѣ. Всѣ проступки и преступленія противъ вѣры и нравственности подлежали суду не княжескому, а церковному. Церковные судьи, во-первыхъ, судили за святотатство, еретичество, волшебство, языческія моленія. Церковные судьи, во-вторыхъ, вѣдали всѣ семейныя дѣла, возникавшія между мужьями и женами, родителями и дѣтьми. Церковь старалась искоренить языческіе обычаи и нравы въ семейномъ быту: многоженство, умыканіе и покупку женъ, изгнаніе жены мужемъ, жестокости надъ женами и дѣтьми и вообще грубые обычаи языческаго общества.

Въ особенности возставало духовенство противъ грубыхъ формъ рабства на Руси. Въ поученіяхъ и проповѣдяхъ, въ бесѣдахъ и разговорахъ представители духовенства дѣятельно учили господъ быть милосердыми съ рабами и помнить, что рабъ — такой же человѣкъ и христіанинъ, какъ и самъ его господинъ. Въ поученіяхъ запрещалось не только убивать, но и истязать раба. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ церковь прямо требовала у господъ отпуска рабовъ и рабынь на свободу. Хотя увѣщанія благочестивыхъ поученій и не искореняли

рабства, однако измѣнялся и смягчался самый взглядъ на раба и дурное обращеніе съ рабами стало почитаться «грѣхомъ». Оно еще не каралось закономъ, но уже осуждалось церковью и становилось предосудительнымъ.

Такъ широко было вліяніе церкви на бытъ языческаго общества. Оно охватывало всѣ стороны общественной жизни и подчиняло себѣ одинаково какъ дѣятельность князей, такъ и частную жизнь всякой семьи. Это вліяніе было особенно дѣятельно и сильно благодаря одному обстоятельству. Въ то время, какъ княжеская власть на Руси была еще слаба и кіевскіе князья, когда ихъ становилось много, сами стремились къ раздѣленію государства,—церковь была едина и власть митрополита простиралась одинаково на всю Русскую землю. *Настоящее единовластіе на Руси явилось прежде всего въ церкви*, и это сообщало церковному вліянію внутреннее единство и силу.

§ 15. **Христіанское просвѣщеніе на Руси**. Просвѣтительная дѣятельность церкви была многообразна. Прежде всего просвѣтительное значеніе имѣли тѣ *примѣры* новой христіанской жизни, которые давали русскимъ людямъ отдѣльные подвижники и цѣлыя общины подвижниковъ—монастыри. Затѣмъ просвѣтительное вліяніе оказывала *письменность*, какъ переводная греческая, такъ и оригинальная русская. Наконецъ, просвѣтительное значеніе имѣли тѣ предметы и памятники *искусства*, которые церковь создала на Руси съ помощью греческихъ художниковъ.

Примѣры благочестивой христіанской жизни являли какъ мірскіе, такъ и церковные люди. Лѣтописецъ говоритъ, что самъ князь Владиміръ послѣ крещенія сталъ добрымъ и милостивымъ, заботился объ убогихъ и нищихъ, думалъ о книжномъ просвѣщеніи. Среди его сыновей были также благочестивые князья. Въ средѣ простыхъ людей на первыхъ же порахъ послѣ принятія новой вѣры являются христіане въ самомъ высокомъ смыслѣ слова. Таковъ, напримѣръ, Иларіонъ, изъ священниковъ села Берестова (около Кіева), поставленный въ санъ русскаго митрополита за свое благочестіе, ученость и удивительный ораторскій талантъ. Таковъ инокъ св. Θеодосій, игуменъ Печерскаго Кіевскаго монастыря, съ дѣтства проникнутый Христовымъ ученіемъ, оставившій зажиточный домъ для монашеской убогой жизни и стяжавшій себѣ

славу подвижника, писателя и проповѣдника. Вліяніе подобныхъ людей въ русскомъ обществѣ было очень велико и благотворно. Вокругъ нихъ собирались ихъ послѣдователи и ученики и образовывали цѣлыя общины, называемыя монастырями. Древніе монастыри не всегда были похожи на нынѣшніе. Удаляясь изъ городовъ въ лѣсную глушь, тогдашніе монахи составляли свое особое поселеніе какъ бы въ пустынѣ, не имѣя до времени ни храма, ни монастырскихъ стѣнъ. Ихъ община кормилась своими трудами и терпѣла нужду даже во всемъ необходимомъ до той поры, пока не получала извѣстности и не привлекала благочестивыхъ поклонниковъ. Строгая жизнь и трогательное братство иноковъ, способъ хозяйства ихъ, совершенно новый для языческой среды, основанный на личномъ безкорыстіи иноковъ и на ихъ неустанномъ трудѣ на пользу братіи,—все это очень сильно дѣйствовало на умы тогдашнихъ людей. Они желали помочь благочестивой братіи, чѣмъ могли: строили въ монастырѣ храмы, дарили монастырю земли и рабовъ, жертвовали золото и драгоцѣнности. Скромная община монаховъ превращалась въ богатый и благоустроенный монастырь и дѣлалась религіознымъ и просвѣтительнымъ средоточіемъ для своей области. Монастырь училъ не только вѣрѣ, но и «книжному почитанію», и хозяйственнымъ пріемамъ. Въ монастыряхъ образовывались цѣлыя библіотеки и процвѣтала грамотность; почти всѣ знаменитые писатели Кіевской Руси вышли изъ монастырей. На обширныхъ земляхъ монастырей всѣ хозяйственные порядки установлялись сообразно указаніямъ греческаго закона и отличались правильностью и стройностью. Поэтому монастырское (и вообще церковное) землевладѣніе становилось образцомъ не только для частныхъ, но даже и для княжескихъ земельныхъ хозяйствъ.

Въ первое время христіанская письменность на Руси не была обширна. Книги, принесенныя на Русь вмѣстѣ съ крещеніемъ, представляли собою болгарскіе переводы Библіи, богослужебныхъ книгъ, поученій, историческихъ книгъ, Кормчей книги и т. п. Подъ вліяніемъ этой болгарской письменности создалась и собственная русская письменность, въ которой главное мѣсто занимали лѣтописи и житія святыхъ, поученія и молитвы. Эта письменность, за немногими исключеніями, не отличалась ни ученостью, ни литературнымъ искусствомъ.

Первые кіевскіе писатели были просто грамотными людьми, обладавшими нѣкоторою начитанностью. Они подражали переводнымъ образцамъ такъ, какъ умѣли, безъ школьной учености и риторическаго искусства. Тѣмъ не менѣе ихъ произведенія оказывали замѣтное вліяніе на духовную жизнь нашихъ предковъ и содѣйствовали смягченію нравовъ на Руси.

Наконецъ, христіанская вѣра на Руси совершила переворотъ въ области пластическаго искусства. Языческая Русь не имѣла храмовъ и довольствовалась изваяніями идоловъ. Христіанство повело къ созданію громадныхъ каменныхъ храмовъ въ главнѣйшихъ городахъ. Кіевскій храмъ Успенія Богоматери, получившій названіе Десятинной церкви, потому, что Владиміръ удѣлилъ на его содержаніе «десятину» (то-есть десятую часть) княжескихъ доходовъ, былъ древнѣйшимъ каменнымъ храмомъ въ Кіевѣ. Каменные храмы въ Кіевѣ, Новгородѣ и въ другихъ главнѣйшихъ городахъ Руси были созданы вслѣдъ за Десятинною церковью. Они строились по византійскимъ образцамъ и украшались богатѣйшими мозаиками и фресками. Архитектурное дѣло и живопись подъ вліяніемъ церковнаго строительства достигли въ Кіевѣ значительнаго развитія. А съ ними вмѣстѣ развились и прочія искусства и художественныя ремесла, въ особенности же ювелирное дѣло и производство эмали. Первыми мастерами во всѣхъ отрасляхъ художественнаго производства были, конечно, греки. Позднѣе подъ ихъ руководствомъ появились и русскіе мастера. Развилось такимъ образомъ національное искусство. Но оно въ Кіевской Руси отличалось рѣзко выраженнымъ византійскимъ характеромъ и поэтому извѣстно подъ именемъ *русско-византійскаго*.

Кіевское государство въ XI—XII вѣкахъ.

§ 16. **Князь Ярославъ Мудрый**. Послѣ смерти Владиміра Святого (1015) на Руси возникли княжескія междоусобія. Старшій сынъ Владиміра Святополкъ, занявъ Кіевскій «столъ», стремился истребить своихъ братьевъ. Двое изъ нихъ, князья Борисъ и Глѣбъ, были застигнуты убійцами врасплохъ и не думали противиться старшему брату. Ихъ мученическая смерть и ихъ нравственная правота возбудили противъ Святополка общее негодованіе и вызвали благоговѣйное почтеніе къ памяти погибшихъ. Церковь причла ихъ къ лику

святыхъ и въ древней Руси князья-страдальцы стали примѣромъ братолю́бія и кро́тости. (Святополкъ же за братоубійство былъ уподобленъ Каину и получилъ прозваніе Окаяннаго). Уцѣлѣвшій братъ Святополка Ярославъ, бывшій въ Новгородѣ, пошелъ на Святополка войною, одолѣлъ Святополка и утвердился въ Кіевѣ, а Святополкъ погибъ гдѣ-то въ изгнаніи. У Ярослава оставался однако въ живыхъ послѣдній братъ — Мстисла́въ, княжившій въ Тмутарака́ни. Между нимъ и Ярославомъ вспыхнула война, послѣдствіемъ которой былъ раздѣлъ государства: Кіевъ и земли къ западу отъ Днѣпра получилъ Ярославъ; Черниговъ и земли къ востоку отъ Днѣпра получилъ Мстиславъ. И только послѣ смерти Мстислава Ярославу удалось возстановить единовластіе въ Русской землѣ (1034).

Ярославъ пріобрѣлъ на Руси большую славу и любовь; за его умъ и начитанность ему дали прозвище Му́драго. Ярославъ очень любилъ читать книги и собиралъ ихъ. Для него переводили книги съ греческаго языка и покупали книги славянскія. Собраніе книгъ, устроенное Ярославомъ при главномъ Кіевскомъ храмѣ св. Со́фіи Прему́дрости Божіей, служило на пользу общую и было доступно всѣмъ любившимъ книжную мудрость. Ярославъ, по словамъ лѣтописца, «насѣялъ книжными словесами сердца вѣрныхъ людей»: онъ устраивалъ школы, строилъ церкви и приказывалъ духовенству учить людей, наставляя ихъ въ новой христіанской вѣрѣ. Такъ Ярославъ являлся просвѣтителемъ Руси.

Онъ былъ и ея крѣпкимъ защитникомъ, дѣятельно охраняя границы государства отъ внѣшнихъ враговъ. Ему удалось между прочимъ на-голову разбить печенѣговъ и навсегда отогнать ихъ отъ Кіева [1]).

Кіевское государство при Ярославѣ несомнѣнно окрѣпло

---

[1]) Главныя массы печенѣговъ вскорѣ послѣ этого ушли на Балканскій полуостровъ; тѣ же изъ нихъ, которые остались въ русскихъ степяхъ, на границахъ Кіевскаго государства, признали власть русскихъ князей и были замирены. Вмѣстѣ съ другими мелкими кочевыми племенами торковъ они составили полуосѣдлое инородческое населеніе по рѣкѣ Роси (правый притокъ Днѣпра) и съ той поры получили у русскихъ людей названіе „черные клобуки" (каракалпаки) по своимъ чернымъ мѣховымъ шапкамъ. Значеніе этой побѣды Ярослава надъ печенѣгами не было помрачено даже неудачею предпринятаго при немъ набѣга на Византію (1043).

и процвѣтало. Ярославъ обладалъ большими богатствами, позволявшими ему предпринимать обширныя и великолѣпныя постройки (§ 15). Въ Кіевѣ онъ выстроилъ замѣчательный храмъ св. Софіи и нѣсколько другихъ каменныхъ храмовъ и монастырей. Въ Новгородѣ при немъ начали строить также храмъ св. Софіи. Для своихъ построекъ Ярославъ выписывалъ изъ Греціи мастеровъ и строительные матеріалы и не щадилъ на это средствъ: Софійская церковь въ Кіевѣ была однимъ изъ самыхъ богатыхъ и прекрасныхъ сооруженій во всей Европѣ. Торговля Руси при Ярославѣ связывала Кіевъ почти со всѣми странами Европейскаго юга и запада. Ярославъ посылалъ своихъ пословъ и купцовъ во всѣ страны средней Европы. Съ дружественными правителями даже отдаленныхъ государствъ Кіевскій князь вступалъ въ родственныя связи [1]. Такимъ образомъ Русь при Ярославѣ вошла въ составъ европейскихъ государствъ и городъ Кіевъ получилъ значеніе одного изъ крупныхъ европейскихъ центровъ, которому принадлежало торговое посредство между европейскими рынками и востокомъ.

§ 17. **Порядокъ княжескаго владѣнія послѣ Ярослава Мудраго**. Единовластіе, возстановленное Ярославомъ Мудрымъ послѣ многой смуты, окончательно исчезло на Руси съ его кончиною (1054). При сыновьяхъ и внукахъ Ярослава Кіевское государство постепенно утратило свое единство и превратилось въ рядъ отдѣльныхъ волостей, объединенныхъ только тѣмъ, что у нихъ была одна церковь и одинъ княжескій родъ. Такъ какъ князья русскіе, потомки Ярослава, находились въ постоянной враждѣ и междоусобіи, то и волости, управляемыя ими, не хранили мира между собою и питали взаимное отчужденіе. Послѣдствіемъ былъ общій упадокъ Кіевской Руси. Только-что побѣдившая печенѣговъ, Русь не могла собрать достаточно силъ для борьбы съ новымъ кочевымъ народомъ—*половцами*, которые появились въ южныхъ степяхъ съ середины XI вѣка. Пользуясь неурядицами на Руси, половцы «несли розно» Русскую землю: грабили ее и мѣшали русской

[1]) Самъ Ярославъ былъ женатъ на шведской королевнѣ Ингигердѣ (Иринѣ); три его сына женились на дочеряхъ германскихъ владѣтелей; дочери его вышли замужъ за королей французскаго, венгерскаго и норвежскаго, наконецъ, четвертый его сынъ Всеволодъ былъ женатъ на родственницѣ византійскаго императора Константина Мономаха.

торговлѣ, захвативъ всѣ пути изъ Руси на востокъ и югъ. Общее разоренiе и обѣднѣнiе было слѣдствiемъ княжескихъ усобицъ и половецкаго разбоя, и Кiевская Русь понемногу захирѣла и запустѣла. Уже къ XIII столѣтiю, всего лѣтъ 150 спустя по смерти Ярослава, Кiевское государство распалось на нѣсколько частей, а самый Кiевъ сталъ запустѣвшимъ и обѣднѣвшимъ городомъ.

Одной изъ причинъ такого бѣдствiя былъ порядокъ княжескаго владѣнiя, установившiйся на Руси послѣ Ярослава. Ярославъ, по преданiю, самъ посадилъ своихъ сыновей по городамъ такъ, что старшему изъ нихъ (Изяславу) достались Кiевъ и Новгородъ, слѣдующему (Святославу) Черниговъ, слѣдующему (Всеволоду) Переяславль и т. д. Старшiй братъ почитался старшимъ или «великимъ» княземъ, но онъ не одинъ владѣлъ государствомъ. Князья стояли на той мысли, что Русская земля принадлежитъ всему княжескому роду. Старшiй князь, какъ родовладыка, сидѣлъ въ старшемъ городѣ Кiевѣ, а прочiе князья по старшинству размѣщались въ городахъ, болѣе или менѣе значительныхъ или богатыхъ. Всѣ князья самостоятельно управляли своими городами и каждый изъ нихъ надѣялся со временемъ самъ стать великимъ княземъ, когда умрутъ его старшiе братья и онъ станетъ старшимъ въ родѣ надъ своими братьями, сыновьями и племянниками. По родовому наслѣдованiю, великому князю наслѣдовалъ не его сынъ, а его братъ, старшiй послѣ него; а если не было въ живыхъ его братьевъ, то наслѣдовалъ его старшiй племянникъ, то-есть сынъ его старшаго брата. Поэтому, когда въ Кiевѣ умиралъ великiй князь, его мѣсто, по правилу, долженъ былъ заступить его братъ, сидѣвшiй въ Черниговѣ, а на его мѣсто въ Черниговъ переходилъ третiй братъ изъ Переяславля и т. д. Со смертью великаго князя, всѣ князья подвигались на одно мѣсто ближе къ Кiеву, «восходили лѣствицею» къ великому княженiю, пока, наконецъ, его не достигали. Если же какой-либо князь умиралъ, не достигнувъ великаго княженiя въ Кiевѣ, то его дѣти теряли права свои на наслѣдство въ княжескомъ родѣ и считались «изгоями», которымъ уже «не было части въ Русской землѣ». Сыновья же умершаго великаго князя, не оставаясь послѣ отца въ Кiевѣ, получали отъ новаго великаго князя особыя волости на ряду съ прочими родичами.

Такъ сложны были правила княжескаго владѣнія; ихъ трудно было соблюдать. Уже первые наслѣдники Ярослава Мудраго, его сыновья Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, ссорились между собою. А его внуки дошли до кровавыхъ междоусобій. Дѣти Святослава Ярославича подверглись гоненіямъ отъ другихъ князей; ихъ считали изгоями и не давали имъ Чернигова, который они надѣялись получить послѣ своего отца. Тогда Святославичи оружіемъ стали добывать Черниговъ. Особенно дѣятеленъ былъ старшій изъ Святославичей, князь *Олегъ*. Онъ добился своего послѣ долгихъ междоусобій: въ 1097 году, на общемъ княжескомъ съѣздѣ въ г. Любечѣ, князья рѣшили отдать Черниговъ Олегу съ его братьями. (Съ тѣхъ поръ потомки Олега—князья *Ольговичи*—укрѣпились въ Черниговѣ и въ Сѣверской землѣ и никому уже не уступали своей «отчины»).

Но склонность Олега къ усобицамъ и кровопролитію отвратила отъ него населеніе, страдавшее отъ княжескихъ ссоръ, и потому, когда Олегу Святославичу пришла по старшинству очередь стать великимъ княземъ въ Кіевѣ, кіевляне не захотѣли его принять къ себѣ, а настояли на томъ, чтобы въ Кіевъ перешелъ изъ Переяславля на великое княженіе младшій двоюродный братъ Олега, знаменитый *Владиміръ Всеволодовичъ*, прозванный *Мономахомъ* (1113). Мономахъ сначала отказывался идти въ Кіевъ мимо старшихъ князей; но упорство кіевлянъ заставило его согласиться. Такимъ образомъ народное избраніе въ данномъ случаѣ явно нарушило правильность родового преемства великокняжескаго стола, какъ въ другихъ случаяхъ нарушали его сами князья въ своихъ ссорахъ и распряхъ.

§ 18. **Владиміръ Мономахъ и судьбы Кіевскаго великокняжескаго стола до 1169 года**. Избраніе Владиміра Мономаха на Кіевскій столъ было признано всѣмъ русскимъ народомъ, который очень любилъ его, и всѣми князьями, которые боялись и уважали Мономаха. Мономахъ вступилъ на великое княженіе, уже имѣя 60 лѣтъ отъ роду, будучи богатымъ и сильнымъ княземъ. Власть свою онъ умѣлъ держать крѣпко: тѣ изъ князей, кто рѣшался идти противъ его воли, жестоко платились за наклонность къ междоусобію. Великій князь умѣлъ смирить непокорныхъ и поддержать порядокъ въ странѣ. Точно также умѣлъ онъ быть грознымъ и для по-

ловцевъ, которые при немъ не смѣли тревожить Русь. Понятно поэтому то чувство преданности и любви, какое питали къ Мономаху русскіе люди. Онъ былъ самымъ чтимымъ княземъ какъ при жизни, такъ и послѣ смерти. Лѣтописецъ называетъ его «чюднымъ княземъ», «милостивымъ паче мѣры» и «жалостливымъ». Личныя свойства Мономаха узнаемъ мы изъ его собственныхъ произведеній, которыя лѣтописецъ приводитъ въ своей лѣтописи. Это—«поученіе» дѣтямъ и «посланіе» къ князю Олегу Святославичу. Мужественный и дѣятельный, скромный и честный, благочестивый и милостивый, Мономахъ учитъ своихъ дѣтей не лѣниться и самимъ трудиться, не полагаясь на слугъ; быть гостепріимнымъ и щедрымъ; вѣровать въ Бога и проявлять свою вѣру добрыми дѣлами: покаяніемъ, слезами и милостынею; держать клятву, любить миръ, не гордиться и защищать слабыхъ. Въ письмѣ къ Олегу Святославичу Мономахъ кротко жалуется на то, что Олегъ, не ища мирнаго соглашенія, началъ съ нимъ войну. Въ этой войнѣ погибъ одинъ изъ сыновей Мономаха, и Мономахъ проситъ Олега освободить изъ плѣна жену убитаго сына.

Утвержденіе въ Кіевѣ Владимира Мономаха мимо его старшихъ родичей обострило вражду между разными вѣтвями княжескаго рода. Послѣ смерти Мономаха Кіевъ достался не братьямъ его, а его сыновьямъ, и обратился такимъ образомъ въ семейную собственность Мономаховичей. Послѣ старшаго сына Мономаха, очень способнаго князя *Мстислава* (1125—1132), въ Кіевѣ одинъ за другимъ княжили его родные братья. Пока они жили дружно, ихъ власть въ Кіевѣ была крѣпка; когда же у нихъ начался разладъ, то противъ нихъ поднялись сидѣвшіе въ Черниговѣ князья Ольговичи и не разъ завладѣвали Кіевомъ. Но Мономаховичи, въ свою очередь, не желали отказаться отъ обладанія Кіевомъ и тѣмъ самымъ признать надъ собою старшинство Ольговичей. Разгорѣлась долгая и упорная борьба за Кіевъ. Побѣда въ ней осталась въ концѣ концовъ за потомствомъ Владимира Мономаха [1]).

[1]) Со стороны Мономаховичей самыми видными борцами были старшій внукъ Мономаха, *Изяславъ Мстиславичъ*, и его сынъ, правнукъ Мономаха, *Мстиславъ Изяславичъ*. Въ особенности Изяславъ Мстиславичъ выдѣлялся изъ среды князей своими талантами и отвагою: какъ одинъ изъ самыхъ любимыхъ князей южной Руси,

Кіевъ достался внуку Мономаха, *Андрею Боголюбскому* (сыну князя Юрія Владимировича Долгорукаго). Но къ этому времени обстоятельства на Руси такъ перемѣнились и Кіевъ такъ явно склонился къ упадку, что Андрей не пожелалъ самъ сидѣть въ Кіевѣ и остался въ любимомъ своемъ Ростово-Суздальскомъ краю. Кіевъ же, ограбленный и сожженный его войсками, былъ переданъ одному изъ подручныхъ Андрею младшихъ князей (1169).

Во время борьбы за Кіевъ, въ XII вѣкѣ, обнаружилось ясно, что княжескій единый родъ распался и что вмѣсто него стало существовать нѣсколько взаимно враждебныхъ его вѣтвей, обратившихся какъ бы въ особые роды. Эти вѣтви владѣли каждая своею «отчиною»: Ольговичи владѣли Черниговомъ, Сѣверскою землею и Рязанскимъ краемъ; Мономаховичи старшіе—Смоленскомъ, Переяславлемъ и землями на Волыни; Мономаховичи младшіе — Ростово-Суздальскимъ краемъ. Въ Полоцкѣ со временъ Владимира св. сидѣла особая княжеская вѣтвь (родоначальникомъ которой былъ сынъ Владимира и его языческой жены Рогнѣды, князь Изяславъ). Всѣ эти вѣтви желали владѣть Кіевомъ, какъ столицею когда-то единаго государства, и изъ своихъ гнѣздъ силою «добывали» Кіевъ другъ у друга. Понятно, что при постоянной общей враждѣ кіевскій князь уже не могъ быть на самомъ дѣлѣ единовластнымъ государемъ и не могъ разсчитывать на общее ему повиновеніе. Его не слушались ни князья, ни отдѣльные города. Каждая семья князей имѣла своего особаго старшаго «великаго князя». Каждый большой городъ, не желая быть жертвою княжескихъ смутъ, хотѣлъ самъ устраивать свои дѣла и норовилъ вступить съ своимъ княземъ въ договоръ съ цѣлью охранить себя отъ княжескаго произвола. Государство, сло-

---

онъ былъ восторженно прославленъ лѣтописью. Но побѣждая Ольговичей, эти старшіе Мономаховичи должны были бороться и съ своею ближайшею роднею—Мономаховичами младшей линіи. Къ ней принадлежали меньшій сынъ Мономаха, *Юрій Долгорукій*, и сынъ Юрія, *Андрей Боголюбскій*. Обыкновенно бывало такъ, что когда кто-либо изъ старшихъ Мономаховичей отбивалъ Кіевъ отъ Ольговичей, то на него ополчались родные его дяди, Мономаховичи же, и во имя своего семейнаго старшинства стремились сами утвердиться въ Кіевѣ. Такъ дядя Юрій Долгорукій воевалъ съ племянникомъ Изяславомъ Мстиславичемъ, а дядя Андрей Боголюбскій воевалъ съ племянникомъ Мстиславомъ Изяславичемъ.

вомъ, разлагалось и потому слабѣло и бѣднѣло. Вмѣсто единой Руси образовалось много «волостей», разрозненныхъ и взаимно враждебныхъ.

§ 19. **Борьба со степью и упадокъ Кіевскаго государства.** Политическая неурядица была первымъ бѣдствіемъ Кіевской Руси. Вторымъ бѣдствіемъ ея было сосѣдство кочевниковъ. Безпокоившіе Русь печенѣги были разбиты и прогнаны отъ Кіева Ярославомъ Мудрымъ (§ 16). Вскорѣ послѣ этого они совсѣмъ ушли изъ русскихъ степей на Балканскій полуостровъ. На ихъ мѣсто изъ Азіи появилось новое кочевое племя *половцевъ*, болѣе сильное, чѣмъ печенѣги (1061). Половцы непрерывно безпокоили русскія области своими набѣгами и разбоями. Они нападали врасплохъ на села и города, жгли ихъ и разоряли, жителей убивали или уводили въ плѣнъ. Плѣнныхъ они обращали въ своихъ рабовъ или же продавали въ рабство въ Крымъ, откуда рабы развозились въ разныя страны Европы и Азіи. Набѣги половцевъ на Русь были такъ часты, что ихъ нельзя и перечесть; наиболѣе крупныхъ насчитываютъ около 50 въ полтораста лѣтъ (1061—1210). Разумѣется, отъ половецкаго «зла» страдали больше всего южныя Русскія волости, которыя прилегали къ степямъ: Кіевская, Переяславская, Черниговская (Сѣверская) и др. Чѣмъ больше бывало здѣсь междоусобій, тѣмъ свободнѣе и удобнѣе могли половцы проникать на Русь. Иногда сами князья вмѣшивали «поганыхъ» въ свои распри и показывали имъ путь въ Русскую землю, обращаясь къ нимъ за военною помощью и натравливая ихъ на своихъ враговъ— русскихъ же князей.

Но такъ бывало, конечно, не всегда. Обыкновенно князья заботились объ оборонѣ русскаго населенія и, какъ могли, боролись съ половцами. Во 1-хъ, они такъ же, какъ и ранѣе противъ печенѣговъ, строили противъ половцевъ укрѣпленія на границѣ. Эти укрѣпленія представляли собою сплошной валъ со рвомъ; онъ тянулся на десятки верстъ по степи и закрывалъ собою входъ въ русскія земли. Черезъ него можно было проникнуть лишь въ нарочно устроенныя ворота, прикрытыя укрѣпленными городами, въ которыхъ всегда находилась стража. Если половцамъ удавалось такъ или иначе перебраться за валъ, населеніе спасалось въ этихъ городахъ и отсиживалось въ осадѣ, пока половцы не уходили. Не до-

вольствуясь постройкою укрѣпленій, князья держали на своихъ границахъ вооруженные отряды для наблюденія за степью. Иногда эти отряды составлялись изъ замиренныхъ печенѣговъ и то́рковъ («черныхъ клобуко́въ»), которыхъ нарочно селили на границахъ государства—въ степи, чтобы они сохраняли подвижность и удаль кочевниковъ и тѣмъ успѣшнѣе боролись со своими иско́нными врагами, такими же кочевниками, половцами. Иногда же сами князья оберегали границу съ собственными дружинами. Во 2-хъ, принимая на своихъ границахъ оборонительныя мѣры, русскіе князья пытались, сверхъ того, и сами переходить въ наступленіе: они нападали на половцевъ въ мѣстахъ ихъ кочевій для того, чтобы внушить имъ страхъ, отогнать ихъ подалѣе отъ Руси и освободить отъ нихъ торговыя дороги, ведшія черезъ степи къ южнымъ морямъ. Изъ всѣхъ князей въ особенности Мономахъ отличался способностью переносить войну въ половецкія кочевья, не ожидая полове́цкихъ набѣговъ на Русь. Онъ старался мирить усобицы и соединять силы враждующихъ князей противъ общаго всѣмъ врага. Для этого онъ устраивалъ княжескіе съѣзды и на нихъ увѣщевалъ князей идти въ степь на «пога́ныхъ». Къ сожалѣнію, послѣ Мономаха постоянныя усобицы князей не только давали половцамъ возможность оправляться отъ наноси́мыхъ имъ ударовъ, но и вели къ непреры́вному ихъ усиленію. Половцы все болѣе и болѣе насѣдали на русскія окраины, а наступательныя дѣйствія противъ нихъ русскихъ князей становились ме́нѣе ча́сты и удачны. Такъ, предпринятый въ 1185ом году въ половецкія степи походъ сѣверскихъ князей Игоря и Всеволода Святославичей (внуковъ Олега Святосла́вича Черни́говскаго) окончился ихъ пораженіемъ и плѣномъ. Подробности этого несчастнаго похода изложены въ лѣтописи и воспѣты въ знаменитой пѣсни, носящей названіе «Сло́ва о полку Игоревѣ— И́горя, сына Святосла́вля, внука О́льгова». Пораженіе русскихъ дружинъ въ далекой степи, плѣнъ нѣсколькихъ князей и удачный побѣгъ Игоря изъ плѣна сильно дѣйствовали на умы русскихъ людей. Причину неудачи Русь видѣла въ отсутствіи мира и согласія среди своихъ князей. Составитель «Слова о полку Игоревѣ» горько жалуется на эту бѣду и призываетъ князей къ еди́нству и миру. Но увѣщанія не помогали, князья продолжали ссориться, а половцы продолжали

надвигаться на Русь. Наиболѣе близкое къ степямъ Переяславское княжество было почти занято половцами, которые въ немъ уже «жили», а не только его грабили наѣздомъ. Степныя дороги оказывались совсѣмъ во власти кочевниковъ. Русь потеряла свои владѣнія на Азовскомъ морѣ (Тмутаракань), такъ какъ пути къ нимъ были заняты половцами. Русскіе купцы не могли добираться черезъ степь до Чернаго моря, и потому торговля Руси съ Греціей постепенно падала и, наконецъ, совсѣмъ замерла. А вмѣстѣ съ этимъ упало и прежнее значеніе Кіева. Отрѣзанный кочевниками отъ южныхъ морей, Чернаго и Каспійскаго, Кіевъ уже не могъ посредничать въ торговлѣ Европы съ востокомъ [1]). Онъ бѣднѣлъ и глохъ. Населеніе южно-русскихъ княжествъ, не находя отъ постоянныхъ усобицъ и разбоевъ ни безопасности, ни заработка, понемногу оставляло свои мѣста и переселялось подальше отъ степи, или на сѣверъ, или на западъ. Такъ совершалось постепенное паденіе Кіевскаго государства, утратившаго свое политическое единство и торговое оживленіе.

§ 20. **Устройство отдѣльныхъ волостей или княжествъ Кіевскаго государства.** Какъ мы видѣли, Кіевское государство въ IX вѣкѣ составилось изъ отдѣльныхъ «волостей» или «княжествъ», въ которыхъ когда-то сидѣли варяжскіе или же славянскіе князья, покоренные или истребленные кіевскими великими князьями. Пока кіевскіе князья были единовластны, волости повиновались имъ и управлялись княжескими намѣстниками («посадниками») изъ Кіева. Когда же княжескій родъ раздѣлился на вѣтви, тогда въ каждомъ значительномъ городѣ оказались свои князья. Не всѣ они хотѣли повиноваться кіевскому князю; очень часто они старались стать отъ него независимыми. Понемногу связь волостей съ Кіевомъ слабѣла и въ XII вѣкѣ Кіевское государство снова превратилось въ рядъ волостей или земель, другъ отъ друга обособленныхъ. (Важнѣйшими изъ нихъ были земли: *Кіевская*, *Черниговово-Сѣверская*, *Волынская* и *Галицкая*—въ южной половинѣ Руси; *Полоцкая*, *Смоленская*, *Новгородская*, *Ростово-Суздальская* и *Муромо-Рязанская*—въ сѣверной половинѣ Руси).

---

[1]) Эта торговля нашла себѣ въ ту эпоху иные пути, открытые благодаря Крестовымъ походамъ, и пользовалась Средиземнымъ бассейномъ.

Въ центрѣ каждой изъ такихъ волостей или земель былъ городъ старшій или «великій», которому повиновалась вся волость и младшіе въ ней города — «пригороды» старшаго города. По словамъ лѣтописца, «Новгородци изначала и Смолняне и Кіяне и Полочане и вся власти (то-есть волости), якоже на думу, на вѣча сходятся; на что-же старѣйшіи сдумають, на томъ же пригороди станутъ». Обычай вѣчевыхъ совѣщаній существовалъ издревле въ родовыхъ союзахъ и общинахъ. Когда волости жили обособленно и еще не соединились въ одно государство, — онѣ управлялись вѣчами: вѣче призывало и рядило князя; вѣче выбирало «старѣйшинъ» или «старцевъ» для управленія мірскими дѣлами; вѣче судило своихъ согражданъ, начинало войны и заключало миръ съ сосѣдями. Когда Кіевская династія подчинила себѣ волости, дѣятельность вѣчевыхъ собраній, естественно, сузилась: они стали вѣдать только свои мѣстныя общинныя дѣла. Когда же въ XII вѣкѣ Кіевская династія ослабѣла въ междоусобіяхъ, вѣча въ волостяхъ возвратились къ прежней самостоятельности. Они вступали съ князьями въ договоры (ряды), призывали князей, угодныхъ имъ, и не пускали въ городъ князей нелюбимыхъ; старались вліять на ходъ княжескихъ усобицъ, требуя прекращенія ихъ или возбуждая войну противъ враждебныхъ городу князей. Для управленія дѣлами своего города вѣче выбирало своихъ людей, «старѣйшинъ». Въ ихъ средѣ однимъ изъ самыхъ замѣтныхъ бывалъ *тысяцкій*. Тысяцкій начальствовалъ надъ городскимъ ополченіемъ, носившимъ названіе «тысячи»; ему были подчинены «сотскіе» и «десятскіе», начальники меньшихъ отрядовъ. Когда князья были сильны и пользовались большою властью въ волостяхъ, то тысяцкихъ назначали они; съ паденіемъ ихъ власти, право выбирать тысяцкаго переходило къ вѣчу. Вѣче старшихъ городовъ присвоивало себѣ власть посылать отъ себя *посадниковъ* въ пригороды; а иногда, какъ, напримѣръ, въ Новгородѣ, оно и для самого старшаго города избирало своего посадника, независимо отъ князя и княжескихъ чиновниковъ. Такъ укрѣплялось въ городахъ вѣчевое управленіе, съ которымъ князьямъ приходилось бороться.

Вѣчевые порядки намъ мало извѣстны, потому что отъ вѣчевыхъ собраній не сохранилось никакихъ письменныхъ документовъ. Обыкновенно на вѣче по звону колокола схо-

дились всѣ свободные взрослые люди города; если въ городѣ бывали прiѣзжiе изъ пригородовъ люди, то и они шли на вѣче. Дѣло докла́дывалось вѣчу или княземъ, если вѣче собиралъ князь, или «старѣйшинами града», выборными властями города, составлявшими особый совѣтъ. Вѣче крикомъ высказывало свое мнѣнiе. Для рѣшенiя дѣла требовалось, чтобы всѣ стали согласно на одной мысли; отдѣльныхъ голосовъ не считали, а на глазъ убѣждались, что нѣтъ замѣтныхъ возраженiй противъ господствующаго мнѣнiя. Если же возраженiя были громки и упорны и меньшинство не желало подчиниться большинству, то дѣло доходило до открытой ссоры и междоусо́бiй; меньшинство подавлялось даже силою. Опредѣленнаго времени для созыва вѣчевыхъ собранiй не было: вѣче «звонили», когда являлась въ немъ нужда. Мѣстомъ собранiй бывала обыкновенно открытая городская площадь.

Одновременно съ вѣчевою властью въ городахъ дѣйствовала и власть княжеская. Князь, какъ и въ древнее языческое время, былъ по преимуществу военнымъ охранителемъ волости, за что и получалъ съ волости «дань». Съ своею дружиною онъ становился во главѣ зе́мскаго ополче́нiя, «тысячи», и велъ ее на врага. Въ мирное время князь принималъ участiе въ управленiи волости: судилъ судъ по важнѣйшимъ дѣламъ, предоставля́я ме́нѣе важныя дѣла своимъ «тiу́намъ» (слугамъ); руководилъ дѣятельностью вѣча, созывая его и докладывая ему дѣла; сносился съ сосѣдними волостями и иноплеме́нными владѣтелями по политическимъ и торговымъ дѣламъ. Все, что князь дѣлалъ, онъ дѣлалъ съ своею дружиною. Она состояла изъ старшей дружины и младшей дружины. Первую составляли *боя́ре* и *му́жи*—свободные и даже знатные княжескiе слуги; вторую составляли *гри́ди* и *о́троки*—несвободные и полусвободные воины и работники. Изъ старшей дружины князь составлялъ свою «ду́му»—совѣтъ по всѣмъ государственнымъ дѣламъ; въ эту думу приглашались иногда и городскiе «старѣйшины» или «старцы». Изъ своей дружины князь выбиралъ своихъ намѣстниковъ въ города и вообще судей и чиновниковъ. Безъ бояръ князь не предпринималъ никакихъ важныхъ дѣлъ, потому что бояре, служа́ по добровольному уговору, могли отказаться помогать князю въ такомъ дѣлѣ, которое онъ замыслилъ безъ нихъ. Они могли уйти отъ одного князя къ другому, «отъѣхать» отъ своего

господина, и это не считалось тогда измѣною. Каждый бояринъ имѣлъ собственную дружину, иногда очень многолюдную, и владѣлъ землями, а потому и пользовался большимъ значенiемъ и почетомъ въ тогдашнемъ обществѣ. Младшая дружина князя, вполнѣ отъ него зависимая, составляла его дворню и его войско. Чѣмъ многочисленнѣе была княжеская дружина, тѣмъ сильнѣе былъ самъ князь. Вотъ почему князья очень заботились о дружинѣ, привлекали къ себѣ бояръ и слугъ и старались ихъ хорошо обезпечить, чтобы крѣпче къ себѣ привязать. Получая дань съ своей волости и пошлины съ своего суда, князья обращали эти средства, главнымъ образомъ, на содержанiе дружины. Имѣя у себя богатыя и благоустроенныя села, князья и съ нихъ доходы дѣлили съ дружиною.

§ 21. **Составъ населенiя въ Кiевской Руси.** Люди, служившiе князю и составлявшiе его дружину, были особымъ классомъ кiевскаго населенiя. Такъ повелось еще съ варяжской эпохи, когда князья съ ихъ варяжскими дружинами были иноплеменными пришельцами среди русскихъ славянъ. Служба князю считалась почетною и давала дружинникамъ высокое общественное положенiе. Только на княжеской службѣ можно было сдѣлаться *бояриномъ*, то-есть вступить въ ряды тогдашней аристократiи. Остальная масса кiевскаго общества, какъ и въ языческую пору, состояла изъ двухъ главныхъ слоевъ: людей свободныхъ и рабовъ. Съ развитiемъ городской жизни и торговой дѣятельности, въ составѣ свободныхъ людей или *мужей* стали различать горожанъ отъ сельскаго населенiя. Горожане назывались «градскими людьми» и дѣлились на «лучшихъ» или «вятшихъ» (то-есть зажиточныхъ) и «молодшихъ» или «черныхъ» (то-есть бѣдныхъ). По занятiямъ своимъ они назывались «купцами» и «ремественниками». Сельское населенiе носило названiе *смердовъ*. Смерды были свободные люди, имѣли свою пашню и свое хозяйство [1]). Смерды жили общинами, носившими названiе «верви» или «погоста»

---

[1]) Если смердъ шелъ въ батраки къ другому землевладѣльцу и работалъ на его землѣ, пользуясь хозяйскимъ скотомъ и орудiями, то онъ уже не считался самостоятельнымъ человѣкомъ и носилъ названiе „закупа“. Закупъ, однако, не былъ рабомъ: онъ могъ снова стать смердомъ, если только могъ разсчитаться со своимъ хозяиномъ и завести собственное хозяйство.

и платили подати (или «дань») князю. Особо отъ мірского населенія, подчиненнаго князьямъ и вѣчамъ, стояло церковное общество, подчиненное русскому митрополиту: духовенство, монастыри, изгои и церковные рабочіе, «страдные» люди. Какъ и въ языческія времена, продолжало существовать холопство, то-есть рабство. Попрежнему продавали и покупали рабовъ, обращали въ рабство плѣнныхъ и несостоятельныхъ должниковъ; такъ какъ рабство было безсрочнымъ, то дѣти рабовъ сами становились рабами. Вліяніе христіанства смягчало отношеніе господъ къ ихъ рабамъ, но не могло искоренить самаго обычая. Въ господскихъ «боярскихъ» селахъ все рабочее населеніе состояло обыкновенно изъ «челяди», то-есть холоповъ, которые пахали на своего господина пашню и вели все его хозяйство.

§ 22. **Русская Правда и успѣхи гражданственности въ Кіевской Руси.** Со времени Владимира Святого и Ярослава Мудраго князья постоянно проявляли намѣреніе установить въ государствѣ лучшіе обычаи и создать законъ, который водворялъ бы въ обществѣ справедливость и порядокъ. Ярославъ Мудрый, по преданію, судя суды, создалъ первый на Руси письменный сборникъ законовъ, извѣстный подъ названіемъ «Русской Правды». Послѣ Ярослава Русская Правда дополнялась и передѣлывалась, повидимому, частными лицами, которыя вносили въ нее «законы» и «уставы» сыновей и внуковъ Ярослава. Русскою Правдою руководились судьи какъ свѣтскихъ княжескихъ, такъ и церковныхъ судовъ. Назначеніе Русской Правды заключалось въ томъ, чтобы сначала ограничить, а затѣмъ и вовсе отмѣнить варварскій обычай кровной мести, а вмѣсто частнаго возмездія за обиду и убійство ввести наказаніе отъ суда. Въ Русской Правдѣ появляется законъ, установленный сыновьями Ярослава и запрещавшій вовсе месть: взамѣнъ мести устанавливается *вира* (штрафъ, взимаемый княземъ, какъ наказаніе за преступленіе) и *головничество* (вознагражденіе въ пользу родственниковъ убитаго). Вмѣстѣ съ тѣмъ Русская Правда устанавливаетъ штрафы за всякую обиду дѣйствіемъ и за оскорбленія [1]). Въ этихъ случаяхъ также не допускается самосудъ и личная расправа.

[1]) Всѣ денежныя взысканія опредѣляются гривнами серебра или кунами. Подъ словомъ *куны* тогда разумѣли деньги, состоявшія изъ цѣнныхъ мѣховъ, на которые мѣнялись другіе товары. Позднѣе

Такъ законъ старался охранить всякую личность отъ насилія и замѣнить грубый самосудъ частной мести правительственною карою и судебнымъ правосудіемъ. Точно также Русская Правда охраняла и частное имущество отъ воровства и грабежей, устанавливая за нихъ различныя наказанія. Разсматривая челядь (рабовъ), какъ имущество ихъ господъ, законъ давалъ господамъ большую власть надъ ихъ рабочими людьми и налагалъ большія наказанія за похищеніе холоповъ у ихъ хозяевъ, за бѣгство холоповъ и за укрывательство бѣглыхъ рабовъ. Такимъ образомъ законъ какъ бы поддерживалъ рабство, уступая въ данномъ случаѣ развитому на Руси обычаю рабовладѣнія. Въ общемъ же Русская Правда свидѣтельствуетъ о томъ, что въ Кіевской Руси языческій бытъ значительно уступилъ вліянію христіанства и византійской образованности, принесенной на Русь христіанствомъ.

Въ то самое время, когда нарушилось государственное единство на Руси и начался хозяйственный упадокъ южныхъ волостей, — въ обществѣ народилось національное чувство и сознаніе народнаго единства. Князья разныхъ вѣтвей княжеской династіи, ссорясь между собою, помнили, однако, единство своего рода и говорили о себѣ, что они «одного дѣда внуки» и владѣютъ одною землею. Жители различныхъ волостей знали, что эти волости составляютъ части единой «Русской земли», и они готовы были въ минуты опасности лечь костями за всю землю Русскую [1]). Сознаніе единства

вмѣсто кунъ стали употреблять серебро; изъ него дѣлали слитки опредѣленнаго вѣса и ими платили, какъ монетою. Такіе слитки, называемые *гривнами*, обыкновенно вѣсили отъ 48 до 36 золотниковъ. За убійство княжескаго дружинника взималась наибольшая вира—80 гривенъ, за убійство свободнаго человѣка—40 гривенъ и за убійство женщины—20 гривенъ. По тогдашнимъ условіямъ это были крупныя суммы.

[1]) Лѣтописецъ, составляя въ Кіевѣ свою лѣтопись, желалъ разсказать въ ней, откуда „пошла Русская земля“, откуда „Русская земля стала“: онъ понималъ, что его родной городъ Кіевъ есть сосредоточіе не одной волости Кіевской, а всей земли, единой и великой Русской земли. Пѣвецъ „Слова о полку Игоревѣ“ разсказываетъ о походѣ и пораженіи окраинныхъ сѣверскихъ князей; но онъ постоянно зоветъ ихъ самихъ и ихъ дружины „русичами“ и „русскими полками“, даже „Русскою землею“. По выраженію „Слова“, когда Игорь попалъ въ плѣнъ, плачетъ по немъ вся Русская земля, а не одна его Сѣверская волость, точно такъ же, какъ стонетъ вся земля, поминая своихъ первыхъ князей, при которыхъ не было усобицъ.

своей земли, горячая любовь къ Русской землѣ, горькая жалость при видѣ ея страданій отъ княжеской распри и отъ «поганыхъ» половцевъ,—вотъ тѣ чувства, которыми проникнуты русскіе люди во всѣхъ русскихъ волостяхъ. Съ большимъ воодушевленіемъ взываютъ они къ своимъ князьямъ, чтобы тѣ «сами на себя крамолу не ковали», не желали бы большей волости, не противились бы старѣйшей братіи и жили бы межъ собою въ мирѣ. Первые варяжскіе князья объединили племена русскихъ славянъ въ одно государство; но это объединеніе было чисто внѣшнимъ, механическимъ соединеніемъ чуждыхъ взаимно областей. Культурныя сношенія съ Византіей повели къ распространенію на Руси христіанства; новая религія и византійская образованность имѣли сильное внутреннее вліяніе на Русь и сплотили русскія волости культурными связями. Государственное единство пало отъ междоусобій княжескаго рода; но культурныя связи оказались крѣпкими и создали изъ русскихъ племенъ одинъ, сознающій свое единство, народъ. Въ этомъ заключается главное историческое значеніе Кіевскаго періода русской исторіи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

§ 23. **Образованіе новыхъ государственныхъ центровъ на Руси и появленіе новыхъ внѣшнихъ враговъ Руси въ XIII вѣкѣ.** Къ исходу XII вѣка паденіе Кіева стало совершенно очевиднымъ. Этотъ великолѣпный городъ, возбуждавшій удивленіе иностранцевъ своею красотою и богатствомъ, сталъ бѣднѣть и пустѣть. Населеніе Кіева и окружающихъ его Днѣпровскихъ волостей начало искать другихъ мѣстъ для поселенія, убѣгая отъ половецкаго разоренія и княжескихъ усобицъ. Оно уходило всего чаще на западъ, въ сторону Карпатскихъ горъ, или же на сѣверъ, въ лѣсную область вятичей и далѣе за нее, въ такъ называемое «залѣсье» на верхней и средней Волгѣ. И вотъ на окраинахъ Русской земли, на смѣну старому Кіеву, къ XIII вѣку возникаютъ три различныхъ центра государственной жизни, вокругъ которыхъ начинаетъ сосредоточиваться русская народность. Эти центры суть: «господинъ *Великій Новгородъ*», ставшій самостоятельнымъ и обособленнымъ государствомъ; затѣмъ новый городъ *Влади-*

миръ, основанный въ Ростово-Суздальской землѣ, и, наконецъ, городъ *Галичъ* на Днѣстрѣ. Въ то самое время, когда Кіевъ шелъ къ упадку, эти города росли, крѣпли, богатѣли и привлекали къ себѣ населеніе. Въ Новгородѣ развилось вѣчевое управленіе, приведшее Новгородъ къ республиканскому устройству. Во Владимирѣ выросла единодержавная власть князя. Въ Галичѣ очень сильное вліяніе на дѣла получили бояре. Исторія новыхъ государствъ, смѣнившихъ собою Кіевское, пошла поэтому неодинаковымъ путемъ, и судьбы этихъ государствъ оказались весьма различны.

Въ то же приблизительно время, когда вмѣсто Кіева обозначились новыя столицы, то-есть въ началѣ XIII вѣка, у Руси появились новые враги. Съ юго-востока на смѣну половцамъ внезапно пришли новые кочевники—*татары* и обрушились на Русь, разоривъ и поработивъ ее. На сѣверо-западѣ, у Балтійскаго моря, начали наступать на Литву и Русь *нѣмцы*, образовавшіе свои колоніи на устьяхъ Зап. Двины, Нѣмана и Вислы. Еще сѣвернѣе ихъ, на Финскомъ заливѣ и р. Невѣ, появились *шведы* и начали тревожить Новгородскія земли. Подъ напоромъ нѣмцевъ *литовцы* пришли въ движеніе, стали объединяться и сами стали нападать на пограничныя русскія волости. Подъ ударами всѣхъ этихъ враговъ должны были русскіе люди устраивать свой новый порядокъ. Новгородъ устоялъ противъ шведовъ и нѣмцевъ и сохранилъ свою независимость. Но юго-западныя русскія области — Поднѣпровье—были покорены Литовскими князьями. Восточная же Русь, разоренная татарами, надолго подпала татарскому игу. Въ новой тяжелой обстановкѣ Русскому народу пришлось бороться за самое свое существованіе. Народными героями этой эпохи стали именно тѣ князья, которые умѣли соединять народныя силы для этой борьбы и выступали добрыми страдальцами за землю Русскую. Такими были князь Александръ Невскій—въ сѣверной Руси, князь Даніилъ Галицкій въ южной Руси, князь Довмонтъ—выходецъ изъ Литвы во Псковъ.

Эта тяжелая эпоха, пережитая Русью въ XIII вѣкѣ, составляетъ переходъ отъ исторіи Кіевскаго государства къ исторіи тѣхъ государствъ, которыя его замѣнили, а именно: Новгородскаго государства, великаго княжества Владимирскаго и великаго княжества Литовскаго.

Новгородская Русь.

§ 24. **Городъ Новгородъ Великій и его страна.** Новгородъ расположенъ по обоимъ берегамъ р. Волхова, при истокѣ Волхова изъ озера Ильменя. Среди болотъ и низменностей Новгородъ занялъ ближайшія къ озеру возвышенныя мѣста по теченію рѣки. На правомъ берегу Волхова находилась «Торговая сторона» города; на лѣвомъ — «Софійская сторона». Торговая сторона получила свое названіе отъ «торга» — рыночной площади и торговыхъ дворовъ и рядовъ; вся Торговая сторона дѣлилась на двѣ части, называвшіяся «концами». Софійская сторона называлась такъ потому, что въ ея центрѣ находился знаменитый храмъ св. Софіи, построенный Ярославомъ Мудрымъ. На этой сторонѣ было три «конца» города и, кромѣ того, среди нихъ внутренняя крѣпость — «дѣтинецъ» (иначе — «кремль»). Думаютъ, что первоначально концы города были отдѣльными самостоятельными поселками, которые лишь впослѣдствіи слились въ одинъ городъ съ общимъ «торгомъ» и «дѣтинцемъ» въ серединѣ. По отношенію къ старымъ отдѣльнымъ «концамъ» новый общій городъ и былъ на самомъ дѣлѣ названъ «Новгородомъ». Въ теченіе всей Новгородской исторіи «концы» Новгорода сохраняли внутреннюю самостоятельность и имѣли каждый свое самоуправленіе. Такимъ образомъ «господинъ Великій Новгородъ» слагался изъ пяти «концовъ». Соотвѣтственно пяти концамъ города вся волость Новгорода раздѣлялась на пять провинцій, носившихъ названіе «пятинъ» [1]). Эти пять пятинъ составляли территорію Новгородскаго государства. За ними, на сѣверо-востокъ, по рр. Онегѣ, Сѣв. Двинѣ, Мезени, Печорѣ и по всему побережью Бѣлаго моря простирались зависимыя отъ Новгорода «земли Новгородскія» [2]).

Таковъ былъ составъ Новгородскихъ владѣній въ эпоху

---

[1]) Кругомъ Онежскаго озера (и до Бѣлаго моря) лежала Обонежская пятина; кругомъ Ладожскаго озера (и до Финскаго залива) лежала Водьская пятина. На юго-западъ отъ Новгорода и Ильменя шла пятина Шелонская (по рѣкѣ Шелони), а на юго-востокъ—пятина Деревская. Эти четыре пятины своими границами подходили къ самому Новгороду. Пятая же, Бѣжецкая, пятина лежала вдали отъ Новгорода, на востокъ, на водораздѣлахъ между р. Мстою и притоками Волги.

[2]) Заволочье (по С. Двинѣ), Тре или Терская земля (на сѣверѣ Бѣлаго моря), Печора (на р. Печорѣ), Пермь (на р. Вычегдѣ), Вят-

процвѣтанія Новгорода (XIII—XIV вв.). Хозяиномъ этихъ владѣній былъ «Новгородъ Великій»—старшій городъ со всѣмъ его свободнымъ населеніемъ. Новгородцы называли всѣ свои владѣнія «землею святой Софіи», олицетворяя свое государство въ своемъ главномъ храмѣ, въ общей народной святынѣ. Подчиненные Новгороду города они звали «пригородами» Новгородскими. Всѣ эти пригороды были въ западной половинѣ ихъ государства (на западъ отъ рѣкъ Волхова и Ловати). Съ запада и юго-запада грозили Новгороду чужеземные враги: шведы, нѣмцы и литва; отъ нихъ Новгородъ и заслонялся крѣпостями. Важнѣйшіе изъ пригородовъ были: Псковъ (впослѣдствіи отдѣлившійся отъ Новгорода), Изборскъ, Старая Руса, Ладога; небольшіе же укрѣпленные городки на западъ и югъ отъ Новгорода и Пскова считались десятками. На востокъ отъ Новгорода, напротивъ, совсѣмъ не было городовъ, ему подчиненныхъ: тамъ роль городовъ исполняли маленькія неукрѣпленныя поселенія, носившія названія «рядковъ» и расположенныя главнымъ образомъ по рѣкамъ (Боровичи на Мстѣ и др.). Новгородскіе пригороды также были не велики: они были сильны своими укрѣпленіями, но бѣдны населеніемъ, и имѣли тоже по 200, много по 300 населенныхъ дворовъ. По сравненію съ ними Новгородъ и Псковъ можно назвать огромными городами, потому что въ нихъ было по 6—7 тысячъ дворовъ, если не болѣе. Вообще въ древней Руси не было городовъ многолюднѣе Новгорода и Пскова. Стало быть, при слабой населенности страны эти города собирали въ своихъ стѣнахъ очень значительную часть населенія и на многолюдныхъ вѣчахъ тѣмъ легче могли распоряжаться дѣлами своихъ волостей.

§ 25. **Природа Новгородской страны. Развитіе Новгородской торговли. Пути сообщенія.** За исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ южныхъ пятинахъ, вся новгородская страна была неплодородна. Покрытая мхами и болотами, она не могла прокормить населеніе скуднымъ запасомъ своего хлѣба

ка (на р. Вяткѣ) и др. Какъ въ древнемъ Римѣ государственною землею была Италія, а земли внѣ ея были особыми „провинціями“ (praedium populi romani), такъ и въ Новгородѣ Великомъ государственною землею были „пятины“, а „земли“ внѣ ихъ играли роль зависимыхъ провинцій, бывшихъ предметомъ новгородской эксплуатаціи.

и заставляла новгородцевъ заниматься рыболовствомъ, охотою и другими промыслами. Хлѣбъ новгородцы пріобрѣтали въ сѣверо-восточныхъ русскихъ областяхъ, въ Поволжьѣ, и оттуда везли его главнымъ образомъ по Мстѣ. Въ обмѣнъ на хлѣбъ они сбывали на востокъ тѣ товары, какіе доставали у своихъ западныхъ сосѣдей на Балтійскомъ побережьѣ; это были ткани (сукна и полотна), металлическія вещи (но не оружіе), вино, фрукты. Чтобы добыть эти дорогіе предметы съ запада, новгородцы должны были доставлять туда въ обмѣнъ разнаго рода сырьё, въ которомъ западъ нуждался. Это сырье новгородцы или доставали у себя въ пятинахъ и земляхъ, или же получали съ востока. Въ необъятныхъ лѣсахъ сѣвера добывались мѣха пушного звѣрья: соболей, лисицъ, куницъ, бобровъ и др. Лѣсныя «борти» (ульи въ дуплахъ деревьевъ) давали воскъ и медъ. На далекомъ Бѣломъ морѣ доставали ворвань (жиръ морскихъ животныхъ). Въ южныхъ пятинахъ разводили лёнъ и коноплю. Съ далекаго востока получали шелкъ въ сыромъ видѣ. Всѣми этими товарами Новгородъ и снабжалъ западъ. Такъ недостатокъ въ хлѣбѣ создалъ для новгородцевъ необходимость торговаго обмѣна и повелъ къ развитію новгородской торговли, которая и стала главнымъ занятіемъ Новгорода.

Въ глубокой древности въ поискахъ за товаромъ новгородцы проникли въ сѣверныя и сѣверо-восточныя пространства нынѣшней Россіи и даже за Уралъ. Они не могли, конечно, завоевать силою столь обширныя земли. Они основывали въ нихъ свои колоніи, занимали мѣста для промысловъ, покупали земли у инородцевъ, жившихъ тамъ, кабалили этихъ инородцевъ (лопарей, кореловъ, самоѣдовъ) и такимъ образомъ становились хозяевами на сѣверѣ. Для заселенія занятыхъ тамъ земель и для устройства промысловъ новгородскіе промышленники отправляли на сѣверъ отряды своей челяди, которая и закрѣпляла за своими господами, «боярами», огромныя пространства дикихъ земель съ рыбными ловлями, соляными варницами и разными лѣсными охотничьими промыслами. За боярскою челядью шли на сѣверъ отряды свободныхъ новгородцевъ для промысла, а иногда и для грабежей и насилій надъ слабыми инородцами. Весь русскій сѣверъ былъ такимъ образомъ захваченъ новгородцами и «примученъ» къ Новгороду.

Странствуя по сѣвернымъ рѣкамъ и Бѣлому морю на своихъ

лодкахъ, «ушкуяхъ», «ушкуйники» новгородскіе хорошо знали, откуда и какими путями можно доставить въ Новгородъ драгоцѣнные товары, необходимые для новгородскаго торга съ заморскими нѣмцами. Всѣ такіе пути съ сѣвера вели въ Ладожское озеро и изъ него по р. Волхову въ Новгородъ. Рѣки Мста и Ловать въ то же время служили путями для товаровъ восточныхъ и южныхъ, которые шли въ Новгородъ изъ Руси Поволжской и Днѣпровской. Сосредоточивъ у себя русскій товаръ, новгородцы отправляли его отъ себя на Балтійское побережье рѣчными путями: по Волхову и Невѣ въ Финскій заливъ, или по Шелони черезъ Псковъ къ Рижскому заливу. Кромѣ рѣчныхъ путей шли изъ Новгорода на западъ и сухопутныя, «горнія» дороги; изъ нихъ важнѣйшая была на города Нарву и Колывань (Ревель).

По западнымъ путямъ пріѣзжали въ Новгородъ нѣмецкіе купцы. Въ древнѣйшую пору Новгородъ торговалъ по преимуществу съ «готскими» купцами: такъ назывались купцы съ о. Готланда изъ города Визби. Они имѣли въ Новгородѣ свой особый «готскій» торговый дворъ. Позднѣе, съ расцвѣтомъ Ганзейскаго союза (въ XIII — XIV вѣкахъ), въ Новгородѣ стали преобладать ганзейскіе купцы изъ сѣверной Германіи, построившіе въ Новгородѣ новый «нѣмецкій» торговый дворъ. Иноземное нѣмецкое купечество составляло въ Новгородѣ особую замкнутую общину, которая имѣла свой уставъ (подъ названіемъ «скра») и свои церкви. Торговыя отношенія между нѣмцами и новгородцами сложились такъ, что заморскіе купцы чаще появлялись въ Новгородѣ, чѣмъ новгородскіе за моремъ, и потому весь оборотъ западной новгородской торговли направлялся скорѣе нѣмцами, чѣмъ русскими купцами. Зато въ торговлѣ восточной новгородцы были полными распорядителями. Не говоря уже о «земляхъ» новгородскихъ на сѣверѣ Руси, гдѣ новгородцы были полными господами, новгородцы со своими товарами постоянно ѣздили въ Поволжье, въ Кіевщину, въ Литовскія земли и даже на мусульманскій юго-востокъ—въ Хозарскія земли. Находки древнихъ арабскихъ монетъ въ Новгородской области очень не рѣдки, что служитъ доказательствомъ торговыхъ сношеній Новгорода съ мусульманскими рынками.

§ 26. **Государственное устройство и управленіе Новгорода.** Въ древнѣйшее время своего существованія подъ властью

кіевскихъ князей, то-есть въ X и XI вѣкахъ, Новгородъ ничѣмъ не отличался отъ прочихъ русскихъ городовъ. Кто княжилъ въ Кіевѣ, тотъ владѣлъ и Новгородомъ. Кіевскіе великіе князья держали въ Новгородѣ своего намѣстника и управляли Новгородскою областью по общему порядку, какъ управляли Кіевомъ. Но когда въ Кіевской Руси, послѣ смерти Владимира Мономаха (1125), начались непрерывныя распри князей за Кіевъ, Новгородъ воспользовался княжескими усобицами и пересталъ принимать себѣ князей изъ руки кіевскаго князя. Новгородское вѣче стало само приглашать князей въ Новгородъ, избирая ихъ изъ разныхъ вѣтвей русскаго княжескаго рода и предлагая имъ отъ себя извѣстныя условія [1]). Усвоивъ себѣ обычай избирать князя, новгородцы въ то же время начали избирать себѣ и «владыку». До середины XII вѣка архіерея (сперва епископа, потомъ архіепископа) присылалъ въ Новгородъ Кіевскій митрополитъ по своему собственному выбору. Съ середины XII вѣка новгородцы стали сами выбирать архіепископа изъ мѣстнаго духовенства и посылали его отъ себя къ митрополиту для поставленія въ санъ. Наконецъ, новгородцы стали, взамѣнъ прежнихъ княжескихъ посадниковъ и тысяцкихъ, выбирать своихъ и такимъ образомъ окружили князя своими чиновниками, требуя, чтобы онъ управлялъ въ Новгородѣ только съ «новгородскими мужами», а не съ своею княжескою дружиною.

Добившись такого порядка, Новгородъ превратился въ самостоятельное государство, въ которомъ верховная власть принадлежала вѣчу. *Вѣче* избираетъ князей и изгоняетъ ихъ; избираетъ владыкъ и въ случаѣ недовольства ими сводитъ ихъ; избираетъ и увольняетъ сановниковъ, управляющихъ дѣлами Новгорода. Вѣче установляетъ новые законы, утверждаетъ договоры съ иноземцами, рѣшаетъ вопросы о войнѣ и мирѣ. Вѣче судитъ важнѣйшихъ лицъ и важнѣйшія дѣла—

---

[1]) Такой порядокъ могъ утвердиться въ Новгородѣ въ XII вѣкѣ потому, что Новгородская земля была далека отъ Кіева: съ одной стороны, ослабѣвшіе князья кіевскіе не имѣли силъ держать дальній Новгородъ въ подчиненіи себѣ; а съ другой стороны, князья, искавшіе Кіева, не хотѣли связывать свою судьбу съ Новгородомъ, они боялись, сидя въ Новгородѣ, упустить Кіевъ, и оттого держались на югѣ, предоставляя Новгородскій столъ младшей братьѣ.

отъ столкновеній князя съ новгородскими сановниками до преступленій пригорóжанъ новгородскихъ. Словомъ, новгородское вѣче направляетъ всю политическую жизнь Новгорода и его земель. Мѣстомъ собранія вѣча бывалъ «Ярослáвовъ дворъ» (площадь у торга на Торговой сторонѣ) или же площадь въ Дѣтинцѣ у св. Софіи. На вѣче шелъ всякій свободный граждански новгородецъ, имѣвшій свое хозяйство (дѣти, хотя бы и взрослыя, но жившія въ хозяйствѣ отца, не считались въ древней Руси полноправными гражданами). Одинаково съ новгородцами на вѣче могли идти и жители прúгородовъ, пріѣзжавшіе въ Новгородъ. Дѣла на вѣчахъ рѣшались не по большинству голосовъ, а общимъ крикомъ (предполагалось — единодушно) [1]. Если при этомъ не достигали согласія, то ссорились и даже дрались. Иногда изъ одного вѣча образовывалось два взаимно враждебныхъ. Начиналось междоусобіе; всего чаще на мосту черезъ Волховъ сходились враги для боя, и владыка новгородскій съ духовенствомъ спѣшилъ мирить согражданъ.

При такихъ порядкахъ, понятно, вѣче не могло толково обсуждать подробности сложныхъ и важныхъ дѣлъ. Оно могло только, выслушавъ готовый докладъ по дѣлу, принять его или отвергнуть. Такіе доклады подготовлялись для вѣчевыхъ собраній особымъ *правúтельственнымъ совѣтомъ*. Въ него входили всѣ важнѣйшіе новгородскіе сановники — посадники и тысяцкіе, какъ тѣ, которые были въ должности («степéнные»), такъ и тѣ, кто уже оставилъ должность («стáрые»). Во главѣ совѣта стоялъ въ древнѣйшее время князь, а потомъ — «владыка». Совѣтъ назывался по-новгородски «господóю»; нѣмцы, торговавшіе съ Новгородомъ, называли его «Herren». Вся государственная жизнь Новгорода подлежала вѣдѣнію господы́; она

[1]) На нашъ современный взглядъ этотъ способъ кажется страннымъ и безпорядочнымъ. Чтобы понять его, надобно помнить, что Новгородъ состоялъ изъ нѣсколькихъ общинъ — „концовъ“, дѣлившихся, въ свою очередь, на меньшія общины — „сотни“ и „улицы“. На вѣчахъ члены этихъ общинъ стояли, конечно, вмѣстѣ и легко могли сговориться между собою по каждому дѣлу, такъ что послѣ переговоровъ выяснялось мнѣніе каждой общины. А изъ суммы этихъ мнѣній и составлялось мнѣніе вѣча. Стало быть, не было нужды считать отдѣльные голоса людей, составлявшихъ тысячную толпу: надобно было только убѣдиться, что всѣ общины, составлявшія Великій Новгородъ, сошлись на томъ или другомъ рѣшеніи.

руководила и внѣшними сношеніями, и вѣчевою дѣятельностью. Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ вліятельнѣе становился въ Новгородѣ этотъ аристократическій совѣтъ.

Избирая себѣ князя, новгородское вѣче вступало съ нимъ въ договоръ или «рядъ». Оно обязывало князя цѣловать крестъ на томъ, на чемъ цѣловали Новгороду крестъ его предки: «Новгородъ держати въ старинѣ по пошлинѣ». Само же вѣче цѣловало князю крестъ на томъ, чтобы его «княженіе держати честно и грозно безъ обиды». По новгородской «пошлинѣ», то-есть по старому обычаю, князь въ Новгородѣ былъ высшею военною и правительственною властью. Онъ предводительствовалъ новгородскою ратью, былъ верховнымъ судьею и правителемъ новгородскимъ. Среди своихъ внутреннихъ ссоръ и усобицъ новгородцы очень нуждались въ справедливомъ посредникѣ, который бы ни отъ кого изъ нихъ не зависѣлъ, «любилъ добрыхъ и казнилъ злыхъ». Такимъ посредникомъ и являлся князь. Но чтобы самъ князь не обратилъ своей власти противъ Новгорода, новгородцы ставили ему рядъ условій. Они разсматривали князя, какъ посторонняго Новгороду иноземца, и потому обязывали его и его дружину не пріобрѣтать въ Новгородскихъ владѣніяхъ земель и челяди и не торговать самому, безъ посредства новгородскихъ купцовъ, съ нѣмцами на нѣмецкомъ дворѣ. Такимъ образомъ князь не могъ никакими путями войти въ составъ новгородскаго общества и всегда оставался для Новгорода постороннимъ. Какъ постороннее Новгороду лицо, князь и жилъ не въ самомъ Новгородѣ, а верстахъ въ трехъ отъ Новгорода, ближе къ Ильменю, въ такъ называемомъ Городищѣ. Править Новгородомъ князь обязывался, не измѣняя новгородскихъ законовъ и порядковъ, притомъ съ постояннымъ участіемъ посадника, избраннаго вѣчемъ [1]). За свою службу Новгороду князь получалъ «дары» и «дань» въ точно опредѣленномъ размѣрѣ

---

[1]) Посадникъ сопровождалъ князя на войну, присутствовалъ при княжескомъ судѣ, вмѣстѣ съ княземъ назначалъ должностныхъ лицъ на низшія должности, словомъ, контролировалъ каждое дѣйствіе князя. Управлять Новгородомъ князь долженъ былъ исключительно посредствомъ новгородцевъ, никуда не назначая своихъ дружинниковъ; кромѣ того, и самъ онъ долженъ былъ находиться въ Новгородскихъ предѣлахъ, а если уѣзжалъ оттуда, то терялъ право управлять Новгородомъ.

и, сверхъ того, пользовался разными угодьями и правомъ охоты въ особо отведенныхъ мѣстахъ. Въ свою очередь, князь давалъ новгородцамъ различныя льготы въ своемъ княжествѣ, откуда онъ былъ приглашенъ въ Новгородъ.

Выборные новгородскіе сановники, *посадникъ* и *тысяцкій*, вели текущія дѣла управленія, помогая князю и въ то же время наблюдая за нимъ. Посадникъ вѣдалъ гражданскія дѣла, а тысяцкій былъ предводителемъ новгородской «тысячи», то-есть ополченія. Подъ вѣдѣніемъ посадника находились выборные *ста́росты* концовъ («конча́нскіе» или «коне́цкіе») и улицъ («улича́нскіе» или «у́лицкіе»). Тысяцкому были подчинены *сотскіе*—начальники десяти «сотенъ», составлявшихъ тысячу. Въ древности всегда бывало такъ, что каждый чиновникъ не только управлялъ, но и судилъ своихъ подчиненныхъ; по общему обычаю былъ свой судъ и у посадника, и у тысяцкаго. Вѣче выбирало этихъ сановниковъ безъ срока; они были на степени, то-есть правили свою должность, пока были угодны вѣчу. Посадникъ всегда выбирался изъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ новгородцевъ, изъ большихъ «бояръ», и поэтому былъ представителемъ новгородской аристократіи. Напротивъ, тысяцкій представлялъ собою всю новгородскую массу, входившую въ «тысячу» [1]).

Новгородскій *владыка*, архіепископъ, не только вѣдалъ новгородскую церковь, но имѣлъ большое значеніе и въ политической жизни Новгорода. Онъ занималъ первое мѣсто въ новгородскомъ правительственномъ совѣтѣ. Онъ слѣдилъ за дѣятельностью вѣча: всякое рѣшеніе вѣча обыкновенно требовало «благословенія» владыки; въ вѣчевыхъ распряхъ владыка являлся примирителемъ, входя въ бушу́ющую толпу въ священномъ облаченіи и съ крестомъ. Въ сношеніяхъ съ иноземцами владыка часто являлся на первомъ мѣстѣ: онъ своею печатью скрѣплялъ догово́рныя грамоты; къ нему иноземцы обращались за покровительствомъ и защитою, когда ихъ оби-

---

[1]) Управленіе пятинъ новгородскихъ и пригородовъ находилось въ рукахъ выборныхъ новгородскихъ властей. Пятины и пригороды были приписаны къ „концамъ“ Новгорода и сносились съ Новгородомъ черезъ свой „конецъ“. Что же касается до новгородскихъ „земель“ и „волостей“, то степень и порядокъ ихъ зависимости отъ Новгорода трудно опредѣлить. Ими правили скорѣе всего новгородскіе промышленники, которые въ нихъ заводили свои промысла и устраивали свое частное вотчинное управленіе.

жали въ Новгородѣ. Дворъ владыки у Софійскаго собора и самый соборъ св. Софіи были правительственнымъ центромъ, гдѣ собиралась «господа», хранился государственный архивъ Новгорода и богатая Софійская церковная казна, на которую новгородцы смотрѣли, какъ на государственную. Владыка управлялъ громаднымъ количествомъ церковныхъ новгородскихъ земель. У него былъ свой штатъ чиновниковъ и служни («софіяне») и свой «полкъ», отдѣльно отъ общаго новгородскаго ополченія. Понятно, почему новгородцамъ было важно самимъ выбирать своего владыку, а не получать назначеннаго со стороны.

§ 27. **Составъ Новгородскаго населенія и борьба классовъ въ Новгородѣ.** Населеніе Новгорода и его земель дѣлилось по своему имущественному положенію на двѣ группы: людей *лучшихъ* или *вящшихъ* и людей *молодшихъ* или *меньшихъ.* Къ первой группѣ принадлежали новгородскіе *бояре*, *житьи* (или *житые*) *люди* и *добрые купцы.* Это была богатая новгородская знать, владѣвшая землями въ разныхъ мѣстахъ пятинъ и волостей новгородскихъ и снабжавшая новгородскій рынокъ товарами изъ этихъ земель и денежными капиталами. Тѣ изъ богатыхъ семей, члены которыхъ были часто избираемы на высшія должности вѣчемъ, пріобрѣтали черезъ это особую знатность и названіе бояръ. Менѣе чиновныя, но столь же богатыя семьи звались житьими. (Подобное различіе было между «сенаторами» и «всадниками» въ римскихъ оптиматахъ). Какъ всегда бываетъ въ исторіи большихъ торговыхъ городовъ, въ Новгородѣ, съ развитіемъ его торговли, богатство и вліяніе торговой знати возросли до такой степени, что рѣзко отдѣлили эту знать отъ прочаго населенія, жившаго въ бѣдности. Все это бѣдное населеніе составляло одну массу «черни», называемой *меньшими* людьми. Въ самомъ Новгородѣ, также и въ другихъ городахъ Новгородской земли это были мелкіе торговцы, ремесленники и рабочіе. Въ пятинахъ же меньшими людьми звались *смерды* (крестьяне) и *половники* (батраки, работавшіе на хозяевъ изъ половины урожая). Смерды жили на государственныхъ земляхъ и были устроены въ особыя общины, носившія названіе *погостовъ*, а половники зависѣли отъ своихъ хозяевъ-землевладѣльцевъ и по своему житейскому положенію приближались къ холопамъ, которыхъ въ Новгородской землѣ было такъ же много, какъ и въ другихъ Русскихъ земляхъ.

Во все продолженіе Новгородской исторіи въ Новгородѣ происходили внутреннія междоусобія и смуты. Первоначально несогласія между новгородцами были случайностью и возникали, напримѣръ, по поводу приглашенія князя, когда одна часть вѣча хотѣла одного князя, а другая—другого. Впослѣдствіи же, съ образованіемъ въ средѣ новгородцевъ сильной и властолюбивой торговой знати, внутренняя вражда въ Новгородѣ стала постоянной и непрерывной. Знать стремилась управлять Новгородомъ по своему нраву и желала распоряжаться на вѣчахъ по своей волѣ. Нажимая на зависимую отъ нихъ бѣдноту, они приводили дѣло къ тому, что на вѣчахъ эта бѣднота поневолѣ творила ихъ волю и рѣшала дѣла такъ, какъ желали бояре. Однако такая житейская зависимость очень раздражала свободную новгородскую чернь и дѣлала ее безпокойною. Вѣчевую толпу легко можно было поднять на тѣхъ бояръ, которые казались ей утѣсни́телями, и тогда «ху́дые мужики вѣ́чники» начинали бить и грабить своихъ «лучшихъ людей», а затѣмъ снова впадали въ прежнюю отъ нихъ зависимость. Ма́ло-по-ма́лу вражда бо́льшихъ и меньши́хъ людей новгородскихъ получила чрезвычайную остроту и Новгородъ впалъ въ тяжелую непрерывную смуту. Боролись между собою не только бояре и чернь, но и однѣ боярскія семьи съ другими. Въ надеждѣ овладѣть властью въ Новгородѣ, честолюбивые бояре сближались съ недовольною толпою, поднимали ее противъ другихъ бояръ, ихъ соперниковъ, и начинали открытое междоусобіе, сопровождаемое грабежами и убійствами.

Эта смута была первою и главною причиною паденія Новгорода. Лишенный внутренняго порядка, Новгородъ не могъ ни держать въ повиновеніи свои пригороды и земли, ни обороняться успѣшно отъ внѣшнихъ враговъ. По всей землѣ Новгородской шло неустройство, а сосѣди Новгорода—Литва и Москва — были готовы имъ воспользоваться и при первомъ же удобномъ случаѣ подчинить себѣ Новгородъ. Чуя опасность и не имѣя силъ въ открытой борьбѣ отстаивать свою независимость, новгородцы должны были прибѣгнуть къ единственному остававшемуся средству: искать союза съ однимъ врагомъ, чтобы съ его помощью защититься отъ другого. И въ этомъ дѣлѣ они разошлись: одни хотѣли въ союзѣ съ Литвою борони́ться отъ Москвы, а другіе желали, наоборотъ, сблизиться

съ Москвою и бороться съ Литвой. На литовской сторонѣ стояли лучшіе люди; меньшіе же люди тянули къ Москвѣ. Дѣло кончилось тѣмъ, что Московское княжество въ 1478 году завоевало Новгородъ, а затѣмъ присоединило къ себѣ и всѣ его земли (§ 47). При этомъ завоеваніи погибли или разорились лучшіе люди новгородскіе, а чернь получила московское устройство. Ставъ московскимъ городомъ, Новгородъ понемногу утратилъ свое торговое значеніе, потому что торговымъ оборотомъ Новгорода стала распоряжаться Москва.

§ 28. **Псковъ.** Какъ выше было сказано, Псковъ былъ крупнѣйшимъ Новгородскимъ пригородомъ и по своей населенности равнялся Новгороду. По пространству же своему онъ, пожалуй, даже превосходилъ Новгородъ. Псковъ былъ расположенъ на скалистомъ мысу, при впаденіи рѣчки Псковы въ большую и глубокую рѣку Великую. Первоначально онъ состоялъ изъ небольшой крѣпости—«дѣтинца», или «крома», а затѣмъ разроссся во всѣ стороны, былъ обнесенъ одною внѣшнею стѣною и, сверхъ того, укрѣпленъ нѣсколькими внутренними стѣнами. Въ такомъ видѣ онъ представлялъ собою огромную твердыню, совершенно неприступную для врага. Въ «дѣтинцѣ», или «кромѣ», помѣщался главный Псковскій соборъ Св. Троицы, имѣвшій для Пскова то же значеніе, что Святая Софія для Новгорода. Въ центрѣ города находился «торгъ». Самый городъ дѣлился на шесть концовъ, которые, какъ и въ Новгородѣ, имѣли свое особое управленіе. Земля, принадлежавшая Пскову, была невелика и узкою полосою тянулась съ юга на сѣверъ, вдоль р. Великой и береговъ Чудскаго озера. Въ ней стояли пригороды Пскова, числомъ 12. Всѣ они представляли собою пограничныя крѣпости, какъ бы форты, окружавшіе главную крѣпость—Псковъ.

Такая сѣть укрѣпленій была необходима на западной границѣ Руси. Псковъ стоялъ на рубежѣ русскихъ поселеній, лицомъ къ лицу съ нѣмцами и Литвою, и оберегалъ Новгородскую землю, а вмѣстѣ и всю Русь, отъ вражескихъ нашествій съ запада. Въ этомъ и заключалась его важность для Новгорода. Съ развитіемъ торговыхъ отношеній Руси съ Балтійскимъ побережьемъ, Псковъ получилъ и торговое значеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разросшись и разбогатѣвъ, Псковъ сталъ выходить изъ Новгородскаго подчиненія, стремился получить себѣ особыхъ князей и, наконецъ, въ 1348 году до-

бился независимости: Новгородъ отказался посылать отъ себя во Псковъ посадника и призналъ Псковъ уже не пригородомъ, а «младшимъ братомъ» Новгорода. Съ тѣхъ поръ Псковъ самъ избиралъ своихъ посадниковъ, а князей получалъ почти всегда изъ рукъ великаго князя московскаго; съ Новгородомъ же у Пскова сохранилась одна связь: не имѣя своего архіерея, Псковъ былъ подчиненъ въ церковномъ отношеніи новгородскому владыкѣ.

Вѣчевая жизнь Пскова общимъ строемъ своимъ походила на новгородскую; но вѣче во Псковѣ было болѣе благоустроено и мирно, чѣмъ въ Новгородѣ. Во Псковѣ не было такой громадной разницы состояній, какъ въ Новгородѣ, а потому не было и такихъ острыхъ междоусобій. Псковскіе бояре были не такъ богаты и вліятельны, а меньшіе люди не были такъ обездолены и угнетены, какъ то было въ Новгородѣ [1]).

Изъ псковскихъ князей въ особенности почитались и почитаются во Псковѣ: *св. Всеволо́дъ-Гавріи́лъ* Мстисла́вовичъ (внукъ Мономаха), изгнанный новгородцами и принятый во Псковѣ, гдѣ онъ и скончался (1132), и князь *Довмо́нтъ*, бѣжавшій на Русь изъ Литвы и блестяще оборонявшій Псковъ отъ враговъ съ запада (1299). Оба они почі́ютъ въ Псковскомъ храмѣ Св. Троицы. Они были первыми самостоятельными представителями княжеской власти во Псковѣ. Съ ихъ именемъ Псковъ и связывалъ начало своей особности и независимости. Въ позднѣйшее же время псковскіе князья бывали обыкновенно подручниками великихъ князей московскихъ и какъ бы ихъ намѣстниками во Псковѣ.

Су́здальская Русь.

§ 29. Заселеніе Суздальской земли русскими славянами и образованіе великорусской народности. Подъ именемъ Суздальской Руси или Владимиро-Суздальскаго княжества раз-

---

[1]) Особенности общественнаго устройства во Псковѣ, его судебные и гражданскіе порядки опредѣлялись самостоятельнымъ псковскимъ законодательствомъ, выработаннымъ на вѣчѣ. Памятникомъ этого законодательства является „Псковская судная грамота“, составленная въ XV столѣтіи и замѣнявшая для Пскова Русскую Правду.

умѣется область, расположенная между среднимъ и нижнимъ теченіемъ Оки, съ одной стороны, и верхнимъ и среднимъ теченіемъ Волги, съ другой, по рѣкамъ Клязьмѣ и Москвѣ, впадающимъ въ Оку. Къ этой же области всегда тянули мѣста, находящіяся на сѣверъ отъ средней Волги, по р. Шекснѣ до Бѣлоозера и по р. Костромѣ до водораздѣла съ системою Сѣв. Двины. Въ этой области первоначально обитали финскія племена: *меря* (на Волгѣ) и *мурома* (на Окѣ). Слабость и дикость этихъ племенъ издавна дозволили славянамъ съ верховій Днѣпра и Волги проникнуть въ ихъ страну и основать въ ней нѣсколько своихъ колоній. Въ самомъ началѣ русской исторіи существовали здѣсь славянскія поселенія на Бѣлоозерѣ, принадлежавшія Новгороду. Весьма древни, кромѣ того, были города *Ростовъ* и *Суздаль*, созданные, повидимому, также выходцами изъ Новгорода. Южнѣе ихъ, на Окѣ, лежалъ городъ *Муромъ*, существовавшій при Владимирѣ Св., если еще не ранѣе. При Владимирѣ же Святомъ, какъ полагаютъ, возникъ на Клязьмѣ городъ *Владимиръ*, а при Ярославѣ Мудромъ на Волгѣ городъ *Ярославль*. До конца XI вѣка вся эта сѣверо-восточная окраина Русской земли представляла собою глухой и слабо населенный край, въ лѣсахъ котораго разбросаны были финскіе поселки. Меря и мурома не строили городовъ, не имѣли никакого гражданскаго устройства; единственною властью у нихъ были ихъ жрецы-шаманы, которыхъ славяне называли «волхвами».

Въ концѣ XI столѣтія, послѣ Любечскаго съѣзда 1097 года (§ 17), Суздальская область выдѣлилась въ особое княжество. По соглашенію князей, она была отдана Владимиру Мономаху, который началъ устраивать ее для младшаго своего сына Юрія (прозвищемъ Долгорукаго). Съ этого времени въ новомъ княжествѣ началась постройка городовъ и усилился притокъ русскихъ поселенцевъ. Самъ Мономахъ, его сынъ Юрій и дѣти Юрія: Андрей (прозвищемъ Боголюбскій) и Всеволодъ (прозвищемъ Большое Гнѣздо), приложили много стараній для заселенія и оживленія ихъ вотчины и въ теченіе одного столѣтія сдѣлали изъ нея цвѣтущее и сильное княжество. Съ именемъ князя Юрія связано построеніе городовъ *Москвы* и *Юрьева* «*Польского*» (ставшаго «на полѣ»); въ то же приблизительно время возникли *Тверь*, *Кострома*, *Галичъ* «Мерскій» (то-есть, въ землѣ «мери») и много другихъ городовъ. Строя

города, устраивая дороги въ лѣсахъ и заводя переправы черезъ болота и рѣки, князья облегчали движеніе въ ихъ землю переселенцевъ изъ Руси. Люди шли сюда какъ съ запада, (изъ земель Новгородской, Полоцкой и Смоленской), такъ и съ юга, изъ земли вятичей и даже изъ Кіевщины. Движеніе съ запада, отъ Новгорода и Смоленска, было постояннымъ и непрерывнымъ; оно совершалось съ незапамятныхъ временъ.

Движеніе съ юга началось позднѣе. Между южными княжествами, лежавшими на Днѣпрѣ, и Суздальской землею простиралась непроходимая, лѣсная и дикая область вятичей. Она мѣшала прямому сообщенію Кіева и Суздаля; первоначально ее объѣзжали, направляясь отъ Суздаля на верховья Волги и оттуда уже на Днѣпръ. Съ теченіемъ времени, именно въ серединѣ XII вѣка, были проложены дороги и «сквозь вятичи», съ Днѣпра на Оку. По этимъ дорогамъ изъ южной Руси пошло сразу много народа, который бросалъ свою прежнюю осѣдлость по причинамъ, намъ уже извѣстнымъ (§ 19). Княжескія усобицы, половецкіе набѣги, общее оскудѣніе Кіевщины—гнали оттуда населеніе, и оно съ открытыхъ южныхъ пространствъ укрывалось въ лѣса вятичей, а черезъ эти лѣса выходило и далѣе на сѣверъ, въ «Залѣсье»: такъ на югѣ звали Суздальскую область, лежавшую за лѣсами. Сильный притокъ населенія съ юга сказался на бытѣ новаго Суздальскаго княжества. Южане переносили на новыя мѣста свои родныя, привычныя имъ имена и называли здѣсь города и рѣки по-южному [1]). Принесли южане на сѣверъ и свои богатырскія пѣсни и былины, въ которыхъ они воспѣвали «ласковыхъ» кіевскихъ князей и свою борьбу со степняками, неизвѣстными на сѣверѣ. Южане въ короткое время усилили русскій элементъ въ Суздальскомъ краю; они содѣйствовали скорому обрусѣнію этой финской окраины и подъему въ ней княжескаго могущества.

Подъ давленіемъ русской колонизаціи финскіе инородцы

---

[1]) На югѣ были города: Переяславль на р. Трубежѣ, Стародубъ, Галичъ, Звенигородъ. Появились и на сѣверѣ два Переяславля (Рязанскій и Залѣсскій) и въ нихъ рѣка Трубежъ; появились тамъ два Стародуба (Ряполовскій и Окскій или Воцкій); появились Галичъ Мерскій, Звенигородъ. И такъ было со многими названіями: рядомъ съ финскими именами рѣкъ и мѣстностей появилось на сѣверѣ много славянскихъ, взятыхъ именно съ русскаго юга.

или покидали свои мѣста, уступая ихъ русскимъ пришельцамъ, или же подвергались обрусѣнію и постепенно утрачивали свой языкъ и свое обличье. Въ томъ и другомъ случаѣ финны исчезли безслѣдно и на ихъ мѣстахъ оказывалось сплошное русское населеніе. Однако смѣшеніе русскихъ поселенцевъ съ финскими туземцами не прошло безслѣдно для русскихъ. Они восприняли нѣкоторыя физическія и духовныя черты того племени, съ которымъ роднились на новыхъ мѣстахъ. Измѣнился ихъ чисто славянскій типъ и характеръ; получилось какъ бы новое славянское племя. Это племя, въ составъ котораго вошли русскіе славяне разныхъ областей и племенъ и нѣкоторая примѣсь финновъ, называется *великорусскимъ* племенемъ.

§ 30. **Характеръ страны и вліяніе ея на бытъ поселенцевъ.** Природа Суздальской земли была своеобразна и не походила ни на Кіевскую, ни на Новгородскую. Здѣсь не было тучныхъ черноземныхъ пространствъ, какъ на югѣ, а былъ суглúнокъ. Земля не была такъ плодородна, какъ въ Поднѣпрóвьѣ; но она была гораздо плодороднѣе, чѣмъ вокругъ Новгорода. Поэтому населеніе здѣсь пахáло и жило своимъ хлѣбомъ. Но въ то же время оно должно было заниматься и подспорными промыслами, по преимуществу лѣсными. Страна была очень богата лѣсомъ, такъ что даже самыя мѣста для пашни приходилось расчищать изъ-подъ лѣса, выжигая его и корчýя пни. Въ лѣсахъ занимались бóртничествомъ (пчеловодствомъ), гнали дёготь, добывали лыко и мочáлу, охотились. И земледѣліе, и лѣсной промыселъ способствовали тому, что населеніе не скучивалось въ городахъ, а жило разсѣянно мелкими поселками—въ селахъ и деревняхъ,—при чемъ въ поселкахъ не бывало и десятка дворовъ. Въ лѣсныхъ чащахъ лучшими путями сообщенія были рѣки, которыми Суздальская область была очень богата. Крупнѣйшія изъ нихъ, Волга и Ока, текли по окраинамъ области; середина же ея была прорѣзана массою ихъ притоковъ, текшихъ въ разныя стороны и тѣмъ самымъ представлявшихъ большія удобства для сообщенія. По этимъ-то рѣчкамъ двигались поселенцы, осаживаясь на ихъ берегахъ и образуя свои общины въ предѣлахъ рѣчныхъ долинъ. Въ Кіевской Руси обычнымъ округомъ былъ городъ съ принадлежащей ему землей; въ Суздальской—рѣчная область съ ея сельскимъ населеніемъ. Го-

родовъ въ Суздальской землѣ было не мало; но такъ какъ здѣсь не были развиты ни торговля, ни промышленность, то города не имѣли здѣсь того значенія, какъ на югѣ. Они бывали здѣсь чаще крѣпостями, чѣмъ торгово-промышленными центрами.

Такъ сама природа края и его положеніе вдали отъ культурныхъ краевъ Европы придавали ему характеръ простой крестьянской стороны, гдѣ главнымъ занятіемъ было земледѣліе, гдѣ не была развита городская жизнь. Порядокъ заселенія этого края былъ таковъ, что въ немъ съ самаго начала его исторіи особенное значеніе пріобрѣла княжеская власть. Мономахъ и его сыновья получили Суздальскую землю еще въ то время, когда русская колонизація была въ ней слаба. Князья прилагали заботы къ тому, чтобы привлечь въ свой край русскихъ поселенцевъ и устроить ихъ на новосельѣ. Построеніе городовъ, устройство путей и рѣчныхъ переправъ было именно ихъ дѣломъ. Попадая въ новую землю, поселенцы уже заставали въ ней хозяина-князя и привыкали считать его собственникомъ занятыхъ ими пространствъ. Съ нимъ они «рядились» объ условіяхъ пользованія землею, ему платили подати или «дань» съ земли, подчинялись его чиновнику, «тіу́ну», и въ случаѣ опасности укрывались въ его княжескомъ городѣ. Словомъ, князь являлся здѣсь не только государемъ, но и землевладѣльцемъ, который овладѣлъ землею по праву перваго заимщика, перваго колонизатора. Именно поэтому власть его стала чрезвычайно сильна: когда Суздальское княжество начало наполняться русскими поселенцами, средства суздальскихъ князей выросли настолько, что дозволили имъ стать одними изъ самыхъ могущественныхъ во всей Русской землѣ. Вѣчевой порядокъ, господствовавшій въ остальныхъ русскихъ земляхъ, не могъ развиться въ Суздальскомъ краѣ при сильномъ вліяніи князя на городской бытъ. Въ новыхъ городахъ, основанныхъ князьями, населеніе во всемъ зависѣло отъ строителя города; а старые города Ростовъ и Суздаль были не настолько сильны, чтобы противопоставить власти князей свои вѣчевые порядки.

Такъ образовался къ исходу XII-го вѣка бытъ Суздальской земли подъ вліяніемъ ея природы и условій ея заселенія.

§ 31. **Первые суздальскіе князья.** Если не считать Владимира Мономаха, бывавшаго лишь наѣздомъ въ своемъ Суз-

дальскомъ владѣніи, то первымъ княземъ Суздальскимъ слѣдуетъ назвать младшаго Мономахова сына *Юрія Долгорукаго*. Онъ смолоду жилъ въ Суздалѣ и много положилъ труда на устройство своего княжества. Но онъ принадлежалъ еще къ тому поколѣнію князей, для которыхъ главные интересы были связаны съ Кіевомъ. Когда для Юрія явилась надежда получить великое княженіе въ Кіевѣ, онъ обратилъ все свое вниманіе на югъ, принялъ участіе въ усобицахъ южныхъ князей и, добившись успѣха, переѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ и умеръ (1157). Свою далекую лѣсную вотчину онъ промѣнялъ такимъ образомъ на безпокойный Кіевъ.

Не таковъ былъ сынъ его *Андрей Юрьевичъ Боголюбскій*. Вмѣстѣ съ отцомъ онъ хозяйничалъ на сѣверѣ и вмѣстѣ съ отцомъ воевалъ на югѣ. Когда Юрій завладѣлъ Кіевомъ и основался въ немъ, онъ посадилъ Андрея вблизи отъ себя, въ Вы́шгородѣ (верстахъ въ 15 отъ Кіева вверхъ по Днѣпру). Но Андрей не имѣлъ намѣренія долго оставаться на югѣ. Вопреки желанію отца, онъ ушелъ въ Суздальскую землю и поселился въ своемъ городѣ Владимирѣ на Клязьмѣ, который давно былъ данъ ему отцомъ. Когда же Юрій умеръ (1157), то Андрей соединилъ въ своихъ рукахъ всю Суздальскую область. Но онъ не оставилъ Владимира и не перешелъ въ старшіе города. Желая быть «самовластцемъ» въ Суздальской землѣ, онъ прогналъ оттуда своихъ братьевъ, разогналъ отъ себя наиболѣе самостоятельныхъ и строптивыхъ бояръ и поставилъ себя независимо отъ городскихъ вѣчевыхъ собраній. Вѣча́ бывали «по старинѣ́» въ старыхъ городахъ Ростовѣ и Суздалѣ; поэтому-то Андрей и не хотѣлъ жить тамъ. Живя въ своемъ собственномъ Владимирѣ или вблизи отъ него, въ селѣ Боголюбовѣ (отъ котораго происходитъ его прозвище), Андрей чувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ и властвовалъ нераздѣльно. Для того, чтобы поднять значеніе Владимира, бывшаго простымъ «пригородомъ» Ростовскимъ, Андрей принималъ особыя мѣры. Онъ обстроилъ, расширилъ и укрѣпилъ городъ; не жалѣя средствъ, онъ создалъ въ немъ нѣсколько изящныхъ каменныхъ храмовъ, по тому времени богатыхъ и обширныхъ [1]). Изъ этихъ храмовъ въ особенности замѣчателенъ Успе́н-

---

[1]) Своеобразно-красивая архитектура древнѣйшихъ храмовъ Суздальской Руси и ихъ замѣчательныя скульптурныя украшенія до-

скій соборъ. Онъ сталъ главною святынею Владимира и всей Суздальской Руси, въ особенности съ той поры, какъ Андрей помѣстилъ въ немъ чудотворную икону Божьей Матери, написанную, по преданію, еванг. Лукою. Андрей вывезъ эту икону изъ Вышгорода, когда переселился на сѣверъ; позднѣе (1395) она была помѣщена въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, гдѣ находится и нынѣ (§ 45).

Достигнувъ своей цѣли на сѣверѣ и ставъ полновластнымъ государемъ въ Суздальской области, Андрей желалъ влiять на дѣла новгородскія и кіевскія и стремился къ преобладанію во всей Русской землѣ. Въ Новгородѣ онъ хотѣлъ держать князей, отъ него зависимыхъ, и по большей части успѣвалъ въ этомъ. Андрей желалъ властвовать и въ Кіевѣ. Когда на Кіевскомъ княженіи сѣлъ его племянникъ Мстиславъ Изяславичъ (§ 18), Андрей послалъ противъ него войско, которое и овладѣло Кіевомъ (1169). Два дня суздальцы грабили и жгли стольный городъ, послѣ чего Андрей, не пріѣхавъ самъ въ Кіевъ, отдалъ его одному изъ своихъ младшихъ братьевъ. Живя у себя во Владимирѣ, онъ, однако, носилъ имя великаго князя и требовалъ повиновенія себѣ отъ южныхъ князей, противъ же ослушниковъ посылалъ свои войска. Такъ окраинный суздальскій князь распространилъ свое вліяніе на всѣ Русскія области.

Властолюбивый и деспотичный, Андрей Боголюбскій представлялъ собою новый типъ князя, стремившагося къ единовластью не только въ своей семейной вотчинѣ, но и во всей Русской землѣ. Всѣ тѣ, кто стоялъ за старые привычные порядки, не любили Андрея; напротивъ, люди, понимавшіе преимущества единодержавнаго строя, видѣли въ Андреѣ идеалъ государя. Оба взгляда на него — и враждебный, и сочувственный — отразились въ лѣтописяхъ, въ которыхъ мы читаемъ похвалы Андрею рядомъ съ осужденіемъ. Властный характеръ Андрея былъ, однако, такъ тяжелъ для окружавшихъ его, что въ 1175 году собственная дворня убила Андрея въ его любимомъ селѣ Боголюбовѣ и разграбила его дворецъ.

Послѣ смерти Андрея въ его землѣ произошла усобица.

ставили большую извѣстность и славу этимъ храмамъ. Ихъ роскошь и изящество свидѣтельствуютъ о высокомъ развитіи художественнаго вкуса и техники и о значительномъ богатствѣ ихъ строителей, князей XII—XIII вв.

У Андрея не было сыновей. Старшіе города Ростовъ и Суздаль призвали его племянниковъ, а младшіе Владиміръ и Переяславль—его братьевъ. Между князьями началась борьба, въ которой приняли живое участіе и горожане. Старшіе города были побѣждены; городъ Владимиръ окончательно получилъ первенство въ Суздальской области и въ немъ укрѣпился призванный владимирцами князь Всеволодъ, младшій братъ Андрея (прозванный «Большимъ Гнѣздомъ»). Княженіе *Всеволода Юрьевича* (1176—1212) было временемъ расцвѣта Суздальскаго княжества. Старѣйшинство Всеволода было признано во всѣхъ краяхъ Русской земли. Новгородцы были во всей волѣ Суздальскаго великаго князя; онъ распоряжался и Кіевомъ, потому что, какъ говорится въ лѣтописи, «положила на немъ старѣйшинство вся братія во Владимировѣ племени»; даже далекіе га́личскіе князья искали у него поддержки. О его могуществѣ въ «Словѣ о полку Игоревѣ» поэтично сказано, что Всеволодъ можетъ «раскропи́ть Волгу вёслами, а Донъ шле́мами вылить»: такъ много у него рати.

Еще при жизни Всеволода начались несогласія въ его многочисленной семьѣ. Старшій сынъ великаго князя Константинъ навлекъ на себя гнѣвъ Всеволода тѣмъ, что хотѣлъ возвратить старому Ростову старшинство предъ новымъ Владимиромъ и говорилъ отцу: «дай мнѣ Владимиръ къ Ростову». Всеволодъ собралъ у себя на совѣтъ духовенство и дружину и торжественно лишилъ Константина старшинства надъ братьями, оставивъ послѣ себя великое княженіе второму сыну Юрію. Константинъ не примирился со своимъ подчиненнымъ положеніемъ и при первомъ же удобномъ случаѣ попытался вернуть себѣ старѣйшинство. Онъ соединился съ новгородцами противъ своихъ родныхъ братьевъ. Рѣшительная битва между противниками произошла недалеко отъ Владимира, на рѣчкѣ Ли́пицѣ (1216) Побѣдили новгородцы; Юрій, убѣжавъ съ поля битвы, отказался отъ великаго княженія и отдалъ его Константину; Новгородъ же вышелъ изъ зависимости отъ суздальскихъ князей. Съ этой поры въ Суздальской области не стало единодержавной власти. Область раздѣлилась на нѣсколько княженій; великій князь сидѣлъ во Владимирѣ, а его братья и племянники сидѣли въ другихъ городахъ и мало зависѣли отъ великаго князя. Великое княженіе потомки Всеволода наслѣдовали по родовому порядку: братъ послѣ

брата, племянникъ послѣ дяди. Отличіе отъ Суздальской Руси древней Кіевской состояло только въ томъ, что въ городахъ не было вѣчевого устройства и князья были полными хозяевами въ своихъ «удѣлахъ»,—такъ стали называться ихъ владѣнія.

Юго-западная Русь.

§ 32. **Княжества Волынское и Галицкое; ихъ соединеніе.** Одновременно съ тѣмъ, какъ на сѣверо-востокѣ Руси вырастало и крѣпло Суздальское княжество, на юго-западныхъ окраинахъ Русской земли стали развиваться и богатѣть земли Волынская и Галицкая, соединившіяся около 1200 года въ одно сильное княжество.

Земля Волынская съ главнымъ городомъ Владиміромъ Волынскимъ занимала мѣста по правому берегу Западнаго Буга и чрезъ верховья Припяти простиралась до Южнаго Буга. Свое названіе она получила отъ древняго города Волыня и племени волынянъ (бужанъ, дулѣбовъ), ее населявшаго. Съ глубокой древности она была подчинена кіевскимъ князьямъ. Съ середины же XII вѣка въ ней образуется своя княжеская линія—старшихъ Мономаховичей, происходившихъ отъ старшаго сына Мономаха, *Мстислава Владиміровича* (§ 18). Сынъ его, князь *Изяславъ Мстиславичъ*, первый основался на Волыни и отсюда добывалъ Кіевъ. Отсюда же искалъ Кіева и его сынъ *Мстиславъ Изяславичъ*. Такимъ образомъ, волынскіе князья, подобно своимъ братьямъ и дядямъ, младшимъ суздальскимъ Мономаховичамъ, пріобрѣли себѣ на Волыни постоянную «отчину» и желали присоединить къ ней старый Кіевъ. Сынъ Мстислава Изяславича. *Романъ Мстиславичъ*, былъ особенно удачливъ: ему послѣ долгой борьбы не только удалось овладѣть Кіевомъ, гдѣ онъ сталъ держать подручныхъ ему князей, но удалось пріобрѣсти и сосѣднее съ Волынью Галицкое княжество.

Галицкое княжество состояло изъ двухъ частей: гористой и равнинной. Гористая часть была расположена на восточныхъ склонахъ Карпатъ и главнымъ городомъ имѣла Галичъ на р. Днѣстрѣ. Равнинная часть простиралась на сѣверъ, къ Западному Бугу, и носила названіе «Червенскихъ городовъ», по имени древняго города Червеня съ его пригородами. Какъ далекая

окраина Русской земли, Галицкая земля не была привлекательна для князей. Поэтому въ Червенскіе города кіевскіе князья посылали молодыхъ князей, которымъ не было части въ другихъ мѣстахъ Руси. Постановленіемъ Любечскаго съѣзда (§ 17) тамъ были помѣщены князья-изгои Василько и Володарь. Съ тѣхъ поръ Галицкая окраина превратилась въ особое княжество. Сынъ Володаря, ***Володимирко*** († 1152), соединилъ всѣ его города подъ своей единодержавной властью и сдѣлалъ столицею княжества Галичъ. Въ отношеніи своего княжества онъ игралъ ту же роль, какую игралъ Юрій Долгорукій въ Суздальскомъ краю: онъ былъ первымъ его устроителемъ [1]). Начатое имъ дѣло объединенія и усиленія Галицкаго княжества продолжалъ его сынъ *Ярославъ* (прозванный *Осмомысломъ*). Въ его долгое княженіе (1152—1187) Галичъ достигъ большого внѣшняго могущества. Приливъ поселенцевъ въ Галицкій край шелъ тогда не только съ востока, изъ Руси, но и съ запада, изъ Венгріи и Польши. Плодородіе края манило туда населеніе; положеніе Галича между Западной Европою и Русью способствовало развитію его торговли и процвѣтанію городовъ. Талантливый Ярославъ умѣло воспользовался благопріятными обстоятельствами и поднялъ свое княжество на большую высоту. «Слово о полку Игоревѣ» справедливо ставитъ Ярослава по значенію рядомъ со Всеволодомъ Большимъ Гнѣздомъ. Они были въ то время сильнѣйшими князьями на Руси.

Послѣ смерти Ярослава Осмомысла въ Галичѣ начались смуты и въ нихъ прекратился родъ галицкихъ князей. Галицкимъ княженіемъ овладѣлъ волынскій князь *Романъ Мстиславичъ* (1199) и такимъ образомъ Волынь и Галичъ соединились въ одно значительное государство. Хотя смуты продолжались и послѣ смерти Романа (1205), однако его государство не распалось, а достигло еще большаго могущества въ княженіе сына Романа, князя *Даніила Романовича* (§ 37).

Какъ на сѣверо-востокѣ, въ Суздальской Руси, возвыше-

---

1) Лукавый и жестокій Володимирко не оставилъ по себѣ доброй памяти. Какъ примѣръ лукавства и лживости Володимирка, лѣтописецъ приводитъ его отвѣтъ одному послу, когда тотъ напомнилъ князю о святости крестнаго цѣлованія: „и что ми имать сотворити сій крестъ малый?“ съ усмѣшкою сказалъ Володимирко.

ніе княжескаго могущества совершалось въ зависимости отъ быстраго заселенія края русскими поселенцами, такъ и на юго-западѣ Волынскіе и Галицкіе князья стали сильны и вліятельны благодаря тому, что ихъ земли стали наполняться приходцами съ разныхъ сторонъ. Но положеніе князей галицко-волынскихъ было труднѣе и опаснѣе положенія князей суздальскихъ. Во-первыхъ, Волынь и Галичъ имѣли своими сосѣдями сильныя и воинственныя народности: угровъ, поляковъ и литовцевъ; недалеки были и степные враги Руси — половцы. Поэтому князья волынскіе и галицкіе должны были всегда думать о защитѣ своихъ владѣній съ сѣвера и запада, отъ королей угорскихъ и польскихъ, а не только съ юга — отъ половцевъ. Кромѣ того, въ своихъ политическихъ предпріятіяхъ эти князья привыкли сами пользоваться помощью тѣхъ же угровъ, литвы и поляковъ, если съ ними въ ту минуту не воевали. Такимъ образомъ иноземныя силы неизбѣжно вмѣшивались въ волынско-галицкія дѣла и при случаѣ готовы были захватить эти княжества въ свою власть (что̀ позднѣе имъ и удалось). Во-вторыхъ, на Волыни, и въ особенности въ Галичѣ, рядомъ съ княжескимъ единодержавіемъ возникла сильная аристократія въ видѣ княжескаго боярства. Даже такіе умные и талантливые князья, какъ Ярославъ Осмомыслъ и Романъ, должны были считаться съ боярскимъ самоволіемъ. Князь Романъ пытался сломить боярство открытымъ гоненіемъ, говоря, что «пчелъ не передавить — меда не ѣсть». Однако боярство не было истреблено Романомъ и послѣ Романа приняло самое дѣятельное участіе въ смутахъ, ослабляя силу Галицкой и Волынской земли.

Близость и вмѣшательство иноземцевъ и боярская олигархія были двумя главными причинами того, что изъ Галицко-Волынскаго княжества не образовалось единаго сильнаго государства. Послѣ своего расцвѣта въ XII—XIII вѣкахъ это княжество быстро стало клониться къ упадку, ослабѣло въ смутахъ и было завоевано иноземцами — поляками и литвою.

Эпоха татарскаго завоеванія.

§ 33. **Появленіе татаръ и Батыевъ погромъ.** Въ то время, когда совершился упадокъ Кіева и обозначились вмѣсто

стараго Кіева иные центры—Новгородъ, Владиміръ Суздальскій и Галичъ, то-есть въ первой половинѣ XIII столѣтія, на Руси появились татары. Появленіе ихъ было совершенно неожиданно, а сами татары были для русскихъ людей вовсе невѣдомы и незнаемы [1]).

Родиною монгольскаго племени татаръ была нынѣшняя Монголія. Разрозненныя кочевыя и дикія племена татарскія были объединены ханомъ Темучиномъ, который принялъ титулъ Чингисъ-хана, иначе «великаго хана». Въ 1213 году онъ началъ свои огромныя завоеванія покореніемъ сѣвернаго Китая, а затѣмъ двинулся на западъ и дошелъ до Каспійскаго моря и Арменіи, всюду внося разореніе и ужасъ. Передовые отряды татаръ отъ южныхъ береговъ Каспійскаго моря прошли черезъ Кавказъ въ Черноморскія степи, гдѣ столкнулись съ половцами. Половцы просили помощи у южнорусскихъ князей. Собрались князья кіевскій, черниговскій, галичскій (все Мстиславы по имени) и многіе другіе и пошли въ степь навстрѣчу татарамъ. Они говорили, что надо помочь половцамъ противъ татаръ, иначе половцы подчинятся татарамъ и умножатъ тѣмъ силу враговъ Руси. Не одинъ разъ татары присылали сказать русскимъ, что воюютъ не съ ними, а только съ половцами. Русскіе князья шли впередъ и впередъ, пока не встрѣтились съ татарами въ далекихъ степяхъ на рѣкѣ Калкѣ (нынѣ Калміусъ). Произошелъ бой (1223); князья бились храбро, но недружно, и потерпѣли полное пораженіе. Татары жестоко замучили плѣнныхъ князей и воиновъ, преслѣдовали бѣжавшихъ до Днѣпра, а затѣмъ повернули назадъ и скрылись безвѣстно [2]).

Прошло немного лѣтъ. Чингисъ-ханъ умеръ (1227), но татарскія завоеванія продолжались. Одинъ изъ внуковъ Чингиса, *Батый* (Бату, сынъ Джучи), пошелъ на завоеваніе западныхъ странъ съ цѣлою ордою подвластныхъ ему татаръ и вступилъ въ Европейскую Россію черезъ р. Уралъ (по старинному наименованію «Яикъ»). На Волгѣ разгромилъ

---

[1]) „Явишася языци, говоритъ лѣтопись, ихже никтоже добрѣ ясно не вѣсть, кто суть и отколѣ изидоша и что языкъ ихъ и котораго племени суть и что вѣра ихъ“.

[2]) „Сихъ же злыхъ татаръ таурменъ не свѣдаемъ, откуду были пришли на насъ и гдѣ ся дѣли опять; только Богъ вѣсть“, говоритъ лѣтописецъ, пораженный страшнымъ бѣдствіемъ.

онъ Волжскихъ болгаръ и разорилъ ихъ столицу Великій Болгаръ. Переправясь черезъ Волгу, въ концѣ 1237 года подошелъ Батый къ предѣламъ Рязанскаго княжества, гдѣ княжили Ольговичи (§ 18). Батый потребовалъ отъ рязанцевъ дани — «со всего десятину», но получилъ отказъ. Рязанцы просили помощи отъ другихъ земель русскихъ, однако не получили ея и должны были одни своими силами отражать татаръ. Татары одолѣли, разгромили всю Рязанскую область, пожгли города, избили и плѣнили населеніе и пошли дальше на сѣверъ. Они разорили городъ Москву (бывшій прикрытіемъ съ юга Суздалю и Владиміру) и вторглись въ Суздальскую область. Великій князь владимирскій Юрій Всеволодовичъ, бросивъ свою столицу Владиміръ, ушелъ на сѣверо-западъ собирать войско. Татары взяли Владиміръ, убили княжескую семью, сожгли городъ съ его чудными храмами, а затѣмъ опустошили и всю Суздальскую землю. Князя Юрія они настигли на рѣкѣ Сити (впадающей въ р. Мологу, притокъ Волги). Въ битвѣ (4 марта 1238 года) русскіе были разбиты, а великій князь убитъ. Татары двинулись далѣе на Тверь и Торжокъ и вступили въ Новгородскія земли. Однако они не дошли до Новгорода и повернули назадъ въ степи. На дорогѣ имъ пришлось долго осаждать городокъ Козельскъ (на р. Жиздрѣ), который палъ послѣ необыкновенно храброй защиты. Такъ въ 1237—1238 гг. совершилъ Батый покореніе Сѣверо-восточной Руси.

Основавъ свои кочевья на нижнемъ теченіи Дона и Волги, Батый оттуда предпринялъ завоеваніе южной Руси. Въ 1239 году онъ разорилъ Переяславль и Черниговъ, а въ 1240 году пошелъ большимъ походомъ на Кіевъ. Въ концѣ 1240 года татары овладѣли Кіевомъ послѣ жестокаго сопротивленія и разорили городъ и область. Отъ Кіева они двинулись на Волынь и Галичъ, овладѣли ими и перешли черезъ Карпаты въ Венгрію и Польшу. Тамъ Батый не удержался и, встрѣтивъ мужественный отпоръ въ Чехіи, пошелъ назадъ въ степи, гдѣ и основалъ Золотую или Кипчакскую орду; ея столицею сталъ новый городъ Сарай на низовьяхъ Волги.

§ 34. **Татарская власть на Руси.** Съ образованіемъ Золотой орды началась постоянная политическая зависимость Руси отъ татаръ. Будучи кочевниками, татары не остались жить въ русскихъ областяхъ, богатыхъ лѣсами; они ушли на

югъ, въ открытыя степи, а на Руси оставили, для наблюденія, своихъ намѣстниковъ, *баска́ковъ*, съ военными отрядами. Особые татарскіе чиновники, *чи́сленники* или *писцы́*, изочли́ и переписа́ли все населеніе Руси, кромѣ церковныхъ людей, и наложили на него дань, получившую названіе *вы́хода*. Сборомъ этой дани и вообще управленіемъ татарскимъ на Руси завѣдывали въ Золотой ордѣ особые чиновники, *дару́ги* или *доро́ги*: когда русскихъ князей для поклона или дѣлъ вызывали въ орду, то тамъ ихъ «брали къ себѣ въ улу́съ» (въ коче́вье) «дороги», вѣдавшіе ихъ княжества. Пока Золотая орда сохраняла свою зависимость отъ великихъ хановъ въ Монголіи, русскіе князья должны были ѣздить и въ далекую Монголію на поклонъ великимъ ханамъ.

Татарскіе порядки были очень тяжки для Руси. Баскаки и другіе татарскіе чиновники съ ихъ вооруженной свитой сильно обижали народъ, дань татарская была тяжела и унизительна. Во многихъ городахъ (Новгородѣ, Ростовѣ, Суздалѣ, Владимірѣ и др.) народъ не выдерживалъ, поднимался противъ татаръ и избивалъ ихъ. Князьямъ стоило много труда и униженій отводить отъ себя и отъ своихъ людей ханскую грозу и склонять народъ къ повиновенію и уплатѣ выхода. Первое время татарской власти всѣмъ на Руси казалось очень мрачнымъ и постыднымъ. Легче стало только тогда, когда князьямъ удалось добиться у татаръ позволенія самимъ собирать дань для орды и самимъ же доставлять ее въ орду (§ 43). Этотъ порядокъ избавлялъ населеніе отъ прямыхъ сношеній съ татарами, а стало быть, и отъ частыхъ насилій и обидъ татарскихъ.

Надобно, однако, помнить, что и въ первое время татарскаго ига церковные и политическіе порядки на Руси остались въ прежнемъ видѣ. Татары назвали Русь своимъ «улусомъ», то-есть своею волостью или владѣніемъ; но они оставили въ этомъ улусѣ его старое устройство. Къ русской вѣрѣ и русскому духовенству они относились съ терпимостью и уваженіемъ, какъ относились терпимо вообще ко всѣмъ инымъ религіямъ съ ихъ духове́нствомъ или жре́чествомъ. Русскій митрополитъ съ церковными людьми былъ освобожденъ отъ татарскаго «выхода» и прочихъ платежей и повинностей въ пользу татаръ. Русская церковь получала отъ хановъ особыя льготныя грамоты («ярлыки́»), которыми обезпечивались права

духовенства. Такіе же ярлыки получали отъ хановъ и русскіе князья на ихъ княженія. Татары оставили на Руси прежній порядокъ княжескаго владѣнія и обыкновенно только утверждали князей на великомъ ихъ княженіи или на «удѣлахъ». Когда княжескіе столы́ наслѣдовались правильно и мирно, татары не измѣняли дѣйствовавшаго порядка перехода столовъ отъ брата къ брату или отъ отца къ сыну. Когда же начинались между князьями ссоры и усобицы и князья обращались къ татарамъ сами за судомъ и помощью, тогда ханы проявляли свою державную волю, давали ярлыки на княженія по своему произволу и наказывали строптивыхъ князей, сажая въ тюрьму и даже убивая ихъ самихъ и разоряя ихъ земли своими татарскими ра́тями. Иногда князья погибали въ ордѣ и не вслѣдствіе политическихъ причинъ, а потому, что не желали подчиниться татарскимъ обычаямъ, считая ихъ несовмѣсти́мыми съ христіанскою вѣрою. Такъ погибъ въ ордѣ черниговскій князь Михаилъ Всеволодовичъ съ своимъ бояриномъ Ѳео́доромъ, за что церковь наша и чтитъ ихъ святыми мучениками. Но такого рода случаи не нарушали того общаго порядка княжескаго владѣнія, къ которому привыкли князья и народъ: на Руси оставалась старая династія и старое княжеское управленіе. Это важное обстоятельство помогло нашимъ предкамъ собрать понемногу силы и средства для освобожденія родины отъ чужого ига.

Знакомство съ новыми господами Руси не могло пройти безслѣдно для нравовъ и обычаевъ русскихъ людей. Татарское завоеваніе повело къ полному разобщенію Суздальской Руси, испытавшей всю силу монгольскаго гнета, съ Русью Новгородской и Русью юго-западной. Въ Новгородѣ и на юго-западѣ татарская власть чувствовалась меньше и раньше пала. Тамъ сильнѣе были западныя вліянія: нѣмецкое въ Новгородѣ и польское въ юго-западной Руси. И вотъ въ то время, какъ новгородцы и южноруссы убереглись отъ долгаго и прямого татарскаго воздѣйствія, населеніе Суздальской и Рязанской областей поневолѣ воспринимало отъ татаръ нѣкоторые ихъ порядки (денежный счетъ, административные обычаи) и было лишено возможности широкаго и свободнаго общенія съ оторванными отъ него другими вѣтвями русскаго племени и съ европейскимъ западомъ. Вотъ почему на русскомъ востокѣ въ татарскую эпоху XIII^{го} — XIV^{г} вѣковъ на-

блюдается нѣкоторый культурный застой и отсталость и нѣкоторый налетъ «татарщины». Великорусскому племени, которое многострадально заслонило собою отъ татарскаго насилія всю Европу, пришлось испытать на себѣ нѣкоторое вліяніе монгольскихъ нравовъ и порядковъ. Не слѣдуетъ, однако, преувеличивать силы этого татарскаго культурнаго вліянія. Въ первые вѣка татарщины русскіе люди не могли ничего добровольно перенимать у «поганыхъ» татаръ, которыхъ они гнушались и ненавидѣли и которые сами тогда были на очень низкомъ уровнѣ культуры. Нѣкоторое сближеніе произошло позднѣе—съ той поры, когда иго ослабѣло и татары, переставъ быть угнетателями и господами, сами являлись на службу къ русскимъ князьямъ, селились съ ихъ согласія на Руси (въ Касимовѣ, Елатьмѣ, Романовѣ), занимались здѣсь торговлей и земледѣліемъ и такимъ образомъ мирно сходились съ своими русскими сосѣдями. Тогда—съ XV-го вѣка—вмѣстѣ съ восточными товарами русскіе начали перенимать восточныя моды и обычаи «поганыхъ» татаръ и даже роднились съ ними посредствомъ браковъ.

§ 35. **Нѣмцы и Литва.** Одновременно съ татарскимъ завоеваніемъ началось движеніе германскихъ силъ на западныя окраины Русской земли. Шведы, датчане и нѣмцы начали колонизовать восточные берега Балтійскаго моря и покоряли финскія и литовскія племена, жившія на морскихъ побережьяхъ. Шведы овладѣли Финляндіей и «примучивали» финновъ къ христіанству; датчане заняли Эстляндію, гдѣ построили крѣпкій Ревель; нѣмцы изъ Германіи колонизовали устья Зап. Двины и Нѣмана. Двигаясь на востокъ и распространяя вглубь страны свои владѣнія, шведы и нѣмцы придвигались все ближе и ближе къ русскимъ областямъ и, наконецъ, въ серединѣ XIII-го вѣка вступили съ русскими въ борьбу, пытаясь овладѣть русскими городами. Такимъ образомъ, поражаемая съ востока татарами, Русь должна была на западѣ отбиваться отъ германцевъ. Покушенія шведовъ были отбиты скоро (§ 36); борьба же съ нѣмцами затянулась надолго и отличалась большимъ напряженіемъ и сложностью.

Первое появленіе нѣмцевъ въ устьяхъ Зап. Двины въ серединѣ XII-го вѣка носило характеръ мирный: нѣмцы изъ сѣверной Германіи ѣздили на Двину торговать съ туземцами. За купцами явились нѣмецкіе миссіонеры проповѣдывать христіанство между

ли́вами (финнами) и лито́вцами. Проповѣдь ихъ не имѣла успѣха: уже крещеные, туземцы-дикари при первой возможности погружались въ Двину, чтобы «смыть» съ себя крещеніе и по водѣ отослать его обратно къ нѣмцамъ. Тогда на помощь священникамъ папа послалъ крестоно́сное ополче́ніе. Оно прибыло въ устья Двины, основало городъ Ригу (1200) и, опираясь на эту крѣпость, начало покореніе окрестной страны. Чтобы просвѣтить Ливо́нію (страну ливовъ) свѣтомъ христіанства и подчинить нѣмецкой власти, придумали основать здѣсь орденъ духовныхъ рыцарей по образцу военныхъ орденовъ въ Палестинѣ. Новый орденъ получилъ названіе «мечено́сцевъ» (gladiferi), потому что его рыцари носили бѣлый плащъ съ краснымъ крестомъ и мечемъ на плечѣ. Управлялся орденъ маги́стромъ и находился въ ле́нной зависимости отъ Ри́жскаго епископа. Съ тѣхъ поръ рыцари-меченосцы не переставали распространять свои владѣнія во всѣ стороны отъ Риги; въ земляхъ, покоренныхъ ими, ставили они крѣпкіе замки и изъ этихъ замковъ держали въ повиновеніи туземцевъ.

Немногимъ позднѣе (1225—1230) между Нѣманомъ и Вислой—на Балтійскомъ побережьѣ—основался другой духовный рыцарскій о́рденъ—Тевто́нскій. Образованный для Палестины, удержаться въ Палестинѣ онъ не могъ, такъ какъ тамъ все болѣе и болѣе торжествовали мусульмане. Одинъ изъ польскихъ князей (Конра́дъ Мазове́цкій) обратился къ ордену съ предложеніемъ поселиться въ его владѣніяхъ съ тѣмъ, чтобы защищать польскія земли отъ набѣговъ литовскаго племени пруссовъ. Орденъ принялъ предложеніе. Пруссы, державшіе въ страхѣ поляковъ, вступили въ борьбу и съ тевтонами; но нѣмцы оказались сильнѣе ихъ. Постепенно завоевывали рыцари Прусскую землю и, наконецъ, покорили ее всю. На мѣстѣ племенныхъ прусскихъ областей образовалось нѣмецкое государство, ставшее въ ленную зависимость отъ императора. Такимъ образомъ на восточномъ побережьѣ Балтійскаго моря, на устьяхъ главнѣйшихъ рѣкъ этого побережья, Зап. Двины, Нѣмана и Вислы, въ XIII вѣкѣ укрѣпились нѣмцы, сильные какъ своимъ военнымъ устройствомъ, такъ и тою поддержкою, какую они могли имѣть отъ папы и императора изъ Германіи.

Нѣмецкій натискъ двояко отразился въ жизни западныхъ

русскихъ областей (Новгородской, Псковской, Полоцкой и Волынской). Во-первыхъ, нѣмцы, покоривъ низовья Зап. Двины, пришли въ прямое соприкосновеніе съ русскими владѣніями. Они напали на владѣнія полоцкихъ князей по р. Двинѣ и покорили ихъ. Они приближались къ Новгородскимъ и Псковскимъ землямъ, взяли русскій городъ Юрьевъ (по-нѣмецки Дерптъ, Dorpat) и на время овладѣли даже Псковомъ, откуда, какъ дальше увидимъ, выбилъ ихъ князь Александръ Ярославичъ Невскій. Во-вторыхъ, вторженіе нѣмцевъ въ литовскія земли возбудило и подняло литовскія племена. Подъ напоромъ безпощаднаго врага разрозненная и слабая литва стала соединяться въ большія скопища и искала вождей для борьбы съ нѣмцами. Иногда она шла на нѣмцевъ съ русскими (полоцкими) князьями; иногда же въ средѣ литовцевъ являлись свои князья, подъ властью которыхъ охотно объединялись многіе литовскіе роды и племена. Тѣснимые нѣмцами, литовскіе князья нерѣдко обращались на русскія земли и захватывали ихъ, чтобы вознаградить себя за отнятое нѣмцами. Такъ попали подъ власть литовскихъ князей многія земли Полоцкаго княжества, отнятыя княземъ Миндо́вгомъ; а позднѣе стали попадать области Кіевскія и Волынскія. Стало быть, съ появленіемъ нѣмцевъ на западныхъ русскихъ границахъ у Руси оказалось два новыхъ врага: сами нѣмцы, мечтавшіе о завоеваніяхъ на Руси, и литва, начавшая объединяться подъ угрозой нѣмецкаго завоеванія.

§ 36. **Событія въ Руси Сѣверной. Св. князь Александръ Невскій. Развитіе удѣльнаго порядка.** Послѣ великаго князя Юрія Всеволодовича, погибшаго въ битвѣ на р. Си́ти, великимъ княземъ въ Суздальской Руси сталъ его братъ *Ярославъ Всеволодовичъ* (1238). Когда татарская рать ушла на югъ, онъ началъ дѣятельно устраивать порядокъ въ разорённой землѣ, возстановлялъ сожженные города и возвращалъ на мѣста бѣжавшее отъ татаръ населеніе. Не имѣя силъ вести борьбу съ татарами, онъ призналъ надъ собою власть хана и вмѣстѣ съ другими русскими князьями поѣхалъ въ Золотую орду на поклонъ къ Баты́ю. Ему пришлось затѣмъ отправиться и въ Монголію къ великому хану. Оттуда Ярославъ уже не вернулся: онъ умеръ у хана (1246). Послѣ смерти Ярослава великое княженіе перешло, по старому русскому порядку, къ его брату, а затѣмъ къ его сыновьямъ.

Изъ нихъ особенно былъ замѣчателенъ *Александръ*. Еще при жизни отца онъ сталъ славенъ по всей Русской землѣ. При отцѣ онъ княжилъ въ Новгородѣ какъ разъ въ то время, когда на Новгородскіе предѣлы обрушились шведы, нѣмцы и литва. Князь Александръ счастливо отразилъ всѣхъ этихъ враговъ, одержавъ надъ ними рядъ рѣшительныхъ побѣдъ. Первыми попали подъ его мечъ шведы (1240). Шведскій полководецъ Биргеръ во главѣ крестоноснаго войска дѣйствовалъ въ Финляндіи противъ финскихъ язычниковъ и оттуда рѣшился идти на Новгородскую землю. Шведы были уже на р. Невѣ, при впаденіи въ нее р. Ижоры, когда ихъ встрѣтилъ Новгородскій князь Александръ. Онъ напалъ на нихъ съ небольшою дружиною, нанесъ имъ пораженіе и заставилъ ихъ бѣжать. Побѣда была такъ важна для Руси, что подвигъ князя Александра сталъ предметомъ многихъ благочестивыхъ преданій. (Одно изъ такихъ преданій говорило, что сами свв. князья Борисъ и Глѣбъ въ ладьѣ приплыли съ моря на помощь сроднику своему князю Александру и явились благочестивому воину Пелгусію). Побѣду на Невѣ разсматривали, какъ торжество православія надъ католичествомъ; она послужила первымъ поводомъ къ тому, чтобы причислить князя Александра къ лику святыхъ. За Александромъ съ тѣхъ поръ навсегда осталось прозваніе «Невскаго». Годъ спустя послѣ Невской побѣды встала опасность отъ меченосцевъ. Нѣмцы взяли Изборскъ и Псковъ, заняли дороги вблизи отъ Новгорода и грабили купцовъ. Князя Александра не было въ Новгородѣ, когда случилось это вторженіе нѣмцевъ. Пріѣхавъ въ Новгородъ, онъ немедля пошелъ на нѣмцевъ, отнялъ у нихъ русскіе города и встрѣтилъ ихъ главную рать на льду Чудского озера (это было 5 апрѣля 1242 года). Въ упорной битвѣ меченосцы были разбиты на голову: многое множество ихъ было убито, пятьдесятъ «божьихъ дворянъ» (такъ русскіе звали рыцарей) попало въ плѣнъ и было приведено княземъ Александромъ во Псковъ. Послѣ этого «ледоваго побоища» меченосцамъ пришлось оставить въ покоѣ русскія земли. Прошло еще года три, и князь Александръ одерживаетъ новыя побѣды надъ литвою, которая напала на русскія владѣнія, Полоцкія и Новгородскія. Князь Александръ, нанеся литовцамъ нѣсколько пораженій, выгналъ ихъ изъ Новгородскихъ предѣловъ (1245).

Это произошло незадолго до смерти великаго князя Ярослава. Вскорѣ по кончинѣ отца самъ Александръ сталъ великимъ княземъ Владимирскимъ. До тѣхъ поръ ему приходилось дѣйствовать на западѣ Руси противъ разныхъ враговъ, и онъ показалъ себя мужественнымъ и отважнымъ защитникомъ родины. Теперь, какъ великій князь, онъ имѣетъ дѣло съ татарами и, ясно понимая, что воевать съ ними у Руси нѣтъ силъ, держитъ себя въ повиновеніи хану. Когда татары рѣшили сдѣлать на Руси перепись своихъ данниковъ и опредѣлить ихъ «число», князь Александръ уговаривалъ народъ спокойно «дать число» татарскимъ чиновникамъ, «численникамъ». Онъ даже угрозами и силою принуждалъ къ повиновенію ослушниковъ; когда же народъ все-таки насильничалъ надъ численниками и не давалъ числа, Александръ ѣхалъ въ орду и отмаливалъ виновныхъ у хана, являясь и здѣсь заступникомъ за родину. Возвращаясь изъ такой поѣздки осенью 1263 года, князь Александръ скончался на пути (въ Го́родцѣ на Волгѣ), искренно оплаканный всѣми, «много потрудившись (по словамъ лѣтописца) за зе́млю Русскую, за Новгородъ и за Псковъ, за все́ великое княженіе, отдавая животъ свой и за правовѣрную вѣру». Въ трудную и мрачную годину бѣдъ Александръ являлся на сѣверѣ Руси единственнымъ представителемъ военной доблести и удачи и политической мудрости и самоотверженія. Отсюда его слава.

Слѣдующіе за нимъ великіе князья Владимирскіе не имѣли на Руси того значенія, какимъ пользовался Александръ. Среди сыновей, племянниковъ и внуковъ Александра Невскаго усобицы стали самымъ обычнымъ явленіемъ, и въ Суздальской Руси окончательно утвердился такъ называемый *удѣльный порядокъ*.

Особенность *удѣльнаго порядка* заключалась въ томъ, что всѣ княжества, образовавшіяся въ Суздальской Руси, стали считаться какъ бы частною собственностью тѣхъ княжескихъ семей, которыя ими владѣли. На свой удѣлъ каждый князь сталъ смотрѣть, какъ на *вотчину*, и распоряжался имъ, какъ желалъ. Онъ завѣщалъ свою волость, кому хотѣлъ, и дѣлилъ ее на части по числу своихъ наслѣдниковъ. Чѣмъ больше становилось князей въ потомствѣ Всеволода Большого Гнѣзда, тѣмъ труднѣе было великому князю Владимирскому справляться съ ними и держать ихъ въ повиновеніи. Удѣльные

князья даже открыто соединялись противъ великаго князя, чтобы не дать ему усилиться и чтобы лучше охранить свою самостоятельность. Они не стѣснялись тѣмъ, что великій князь утверждался въ своемъ старшинствѣ ханомъ, и жаловались на него въ ордѣ, интриговали противъ него и даже воевали съ нимъ. Въ такихъ условіяхъ великіе князья не могли, конечно, держать прочихъ князей въ повиновеніи, и удѣльные князья становились полными господами въ своихъ удѣлахъ. Порядокъ родового наслѣдованія великокняжескаго достоинства (§ 17) хотя и удержался въ Суздальской Руси, но получилъ совсѣмъ особый видъ. Санъ великаго князя носилъ тотъ удѣльный князь, которому удавалось получить Владимирскій столъ. Старшіе изъ удѣльныхъ князей и стремились получить въ ордѣ ярлыкъ на городъ Владимиръ, считаясь тамъ другъ съ другомъ своимъ старшинствомъ. Но кто бы ни овладѣлъ Владимиромъ, отъ того нисколько не мѣнялся порядокъ владѣнія въ прочихъ княжествахъ. Всѣ князья оставались на своихъ вотчинахъ, и только князь, ставшій великимъ, просто присоединялъ Владимиръ къ своему удѣлу [1]). Стало быть, родовое наслѣдованіе примѣнялось только къ стольному городу; остальные же города считались собственностью семейной, а не родовой. Съ теченіемъ времени, когда въ разныхъ удѣлахъ княжескія семьи размножились, у нихъ появились даже свои «великіе» (то-есть старшіе) князья. Были великіе князья Тверскіе, Ярославскіе, Нижегородскіе, но каждый изъ нихъ мечталъ стать, кромѣ того, великимъ княземъ Владимирскимъ и «всея Руси».

Послѣдствія удѣльнаго порядка, водворившагося въ Суздальской Руси въ XIII-омъ—XIV-омъ вѣкахъ, были очень велики. Первымъ изъ нихъ было *безконечное дробленіе княжескихъ удѣловъ*. Князья множились; каждый князь, умирая, по духовному завѣщанію («грамотѣ душевной») дѣлилъ свою вотчину всѣмъ своимъ наслѣдникамъ; даже и своей вдовѣ-княгинѣ онъ

---

[1]) Первые такъ поступили братья Невскаго, Ярославъ и Василій: получивъ Владимиръ, они не переселились въ стольный городъ, а остались въ своихъ городахъ—Твери и Костромѣ. Поэтому великихъ князей владимирскихъ этого періода обыкновенно и называютъ по ихъ удѣльнымъ городамъ: Ярославъ Тверской, Василій Костромской, Димитрій Переяславскій, Андрей Городецкій и т. п.

давалъ города и села «въ опричнину» (то-есть въ особое владѣніе до смерти). Удѣлы такимъ образомъ росли числомъ, но уменьшались пространствомъ,—чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе мельчали и мельчали. Князья, получавшіе все меньше и меньше земли, бѣднѣли съ каждымъ поколѣніемъ и нуждались въ средствахъ къ жизни. Отсюда ихъ желаніе со стороны добыть себѣ земли и всякаго добра, «примыслить» что-нибудь отъ сосѣда. Въ многолюдномъ княжескомъ родѣ чувство родства притуплялось отъ частыхъ ссоръ и усобицъ; поэтому посягнуть на имущество сосѣдняго князя считалось дозволительнымъ. Въ погонѣ за *примыслами* у князей все болѣе и болѣе крѣпло взаимное отчужденіе и развилось открытое хищничество. Они стали смотрѣть другъ на друга, какъ на постоянныхъ соперниковъ и враговъ, и старались при первомъ удобномъ случаѣ овладѣть у сосѣдей плохо защищеннымъ городомъ, селомъ, челядью. Всякое такое пріобрѣтеніе составляло желанный «примыселъ». Въ результатѣ подобная политика повела къ одичанію людей и разложенію политическаго порядка. Въ сѣверо-восточной Руси настала *политическая безурядица*, въ которой господствовало одно право сильнаго. Выходъ изъ такого печальнаго состоянія обозначился лишь тогда, когда въ Суздальской Руси началось народное движеніе въ пользу объединенія и нашлась сильная княжеская семья (въ Москвѣ), которая сумѣла воспользоваться этимъ движеніемъ.

§ 37. **Событія въ Руси южной. Князь Даніилъ Галицкій. Упадокъ Юго-западной Руси.** Въ 1240 году Батый разорилъ Кіевъ, Волынь и Галичъ (§ 33). Послѣ смерти князя Романа тамъ шли усобицы. Только послѣ двадцатипятилѣтней борьбы съ сосѣдними князьями и съ галицкими боярами князю *Даніилу Романовичу* удалось прочно сѣсть на отчемъ столѣ и получить Галичъ и Кіевъ (§ 32). Но смута все-таки тамъ не прекратилась. По словамъ лѣтописца, «бояре же галичстіи Данила княземъ собѣ называху, а сами всю землю держаху». Даніилу надобно было еще много времени, чтобы сломить своевольство бояръ.

Едва онъ успѣлъ въ этомъ, какъ разразился надъ его страною Батыевъ погромъ. Даніилъ убѣжалъ отъ татаръ въ Польшу и возвратился домой, когда татары ушли. Дѣятельно принялся онъ возстановлять сожженные города и возвращать

въ нихъ бѣжавшее населеніе. Для наполненія своего княжества онъ приглашалъ къ себѣ колонистовъ и изъ другихъ странъ: ляховъ, нѣмцевъ, венгровъ. Стараясь всѣми мѣрами усилить свое княжество, онъ строилъ въ немъ и укрѣплялъ города. Подчиняясь на первое время татарамъ и побывавъ съ поклономъ въ ордѣ, онъ, однако, не переставалъ мечтать о сверженіи ихъ ига. Для этой цѣли онъ предпринялъ рядъ важныхъ дѣйствій. Понимая, что однѣми своими силами ему не освободиться отъ татаръ, онъ завелъ сношенія съ западомъ, обратился къ папѣ, обѣщая ему ýнію съ католи́чествомъ, и стремился устроить крестовый походъ противъ татаръ. Папа прислалъ Даніилу королевскую корону, и Даніилъ короновался ею въ г. Дроги́чинѣ (1255). Но далѣе дѣло не пошло. Крестовый походъ не устроился и вообще никакой помощи съ запада противъ татаръ король Даніилъ не получилъ. Прервавъ тогда сношенія съ папою, Даніилъ сталъ искать союзниковъ ближе и сошелся съ литовскимъ княземъ Миндо́вгомъ. Мало-по-малу обнаруживалъ онъ свои враждебные умыслы противъ татаръ и, казалось, готовъ былъ начать войну съ ними. Но татары приняли свои мѣры и послали на Даніила своего воеводу съ войскомъ; онъ потребовалъ отъ Даніила срытія крѣпостей. Не отваживаясь на бой со страшнымъ врагомъ, Даніилъ скрѣпя сердце подчинился, ибо видѣлъ, что татары превосходятъ его силами.

Такъ шли дѣла Даніила съ татарами. Мечты объ освобожденіи отъ татарскаго владычества не мѣшали Даніилу вести оживленныя сношенія съ его западными сосѣдями. Привыкшій съ дѣтства къ общенію съ поляками и венграми, Даніилъ всегда слѣдилъ за ходомъ дѣлъ на западѣ и часто вмѣшивался въ дѣла Венгріи, Чехіи, Австрійскаго ге́рцогства и Польши; онъ роднился съ иноземными государями, мечталъ о пріобрѣтеніяхъ земель въ Германіи, заботился объ укрѣпленіи торговыхъ связей съ западными странами, охотно принималъ вы́ходцевъ съ запада въ свои земли. Такія сношенія съ западомъ были естественнымъ послѣдствіемъ географическаго положенія Даніи́лова княжества—рядомъ съ ля́хами и венграми, на краю Русской земли. Въ свою очередь, тѣсное общеніе съ иноземцами послужило одною изъ причинъ быстраго паденія самостоятельности Галича и Волыни вскорѣ по кончинѣ Даніила.

Такъ же, какъ и другія западныя области Руси, княжество Даніила испытывало на себѣ натискъ возбуждённой нѣмцами литвы. Даніилъ находился въ постоянной борьбѣ съ литовскимъ княземъ Миндовгомъ и съ наиболѣе дикимъ изъ литовскихъ племенъ—ятвягами. Но въ то время, какъ слабые Полоцкіе князья уступали литвѣ и подчинялись ей, Даніилъ самъ переходилъ въ наступленіе, вторгался въ литовскія области и постоянно бралъ верхъ надъ врагомъ. Въ концѣ-концовъ Миндовгъ искалъ мира съ Галичемъ, предлагая Даніилу устроить бракъ между ихъ дѣтьми [1]).

Даніилъ умеръ около 1264 года (почти одновременно съ князьями Александромъ Невскимъ и Миндовгомъ). Слава этого князя была основана на необыкновенныхъ его успѣхахъ. Многолѣтнія смуты въ Юго-западной Руси были имъ прекращены, боярство усмирено, княжеская власть окрѣпла, въ княжествѣ водворенъ порядокъ и выросло благосостояніе. Въ дѣлахъ средней Европы Русь получила вѣсъ и вліяніе. Литва была побѣждена и усмирена. Правда, татарская власть висѣла надъ княжествомъ Даніила, какъ и надъ сѣверной Русью; но здѣсь она выражалась слабѣе (вѣроятно, по той причинѣ, что владѣнія Даніила были всего дальше отъ татарскихъ кочевій, на самой окраинѣ захваченныхъ татарскимъ нашествіемъ областей). Наслѣдникамъ Даніила оставалось только поддерживать тотъ порядокъ, который былъ имъ насажденъ. Но они оказались неспособны это сдѣлать. Исторія Юго-западной Руси послѣ Даніила полна смутами и усобицами. Князья Галицкіе и Волынскіе, сыновья, племянники и внуки Даніила, находились въ непрерывныхъ взаимныхъ распряхъ; боярство получило прежнее значеніе; жители городовъ, въ значительномъ числѣ инородцы и иноземцы, призванные въ города отовсюду, не обнаруживали никакого патріотизма. Такое положеніе дѣла повело къ иноземному вмѣшательству въ дѣла Юго-западной Руси. Литва, вышедшая изъ-подъ вліянія юго-западныхъ князей, усилилась въ XIV вѣкѣ настолько, что

---

[1]) Сынъ Даніила, по имени Шварнъ, женился на дочери Миндовга, и благодаря этому браку Даніилъ получилъ сильное вліяніе на дѣла въ Литовскомъ княжествѣ. Въ особенности возросло это вліяніе послѣ смерти Миндовга, когда русскія войска Шварна Даніиловича водворяли порядокъ въ Литвѣ и содѣйствовали утвержденію тамъ сына Миндовгова (Воишелка).

сама стала стремиться къ завоеванію Юго-западной Руси. Литовскимъ князьямъ удалось захватить Волынь въ серединѣ XIV столѣтія. Въ то же время Польша овладѣла Галичемъ. Такъ разошлось по чужимъ рукамъ богатое наслѣдство знаменитаго князя Даніила Романовича.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Начало и ростъ великаго княжества Литовскаго.

§ 38. **Первые Литовскіе князья.** Было сказано (§§ 35, 37), что литовскія племена подъ натискомъ нѣмцевъ въ XIII вѣкѣ стали стремиться къ объединенію и собирались вокругъ своихъ и русскихъ князей для того, чтобы дать отпоръ завоевателямъ. Разрозненная до тѣхъ поръ литва стала складываться въ государство. Выразителемъ объединительныхъ стремленій у литовцевъ явился извѣстный уже намъ князь *Миндовгъ* (или Миндове). Захвативъ русскій городъ Новгородокъ (или Новгродекъ) въ верховьяхъ Нѣмана, онъ основалъ въ немъ свое княжество и распространилъ свою власть на нѣкоторую часть литвы, жмуди, ятвяговъ и на русскія волости (Полоцкую, Витебскую и отчасти Смоленскую). Покоряя Русь съ помощью своихъ литовцевъ, онъ съ помощью русскихъ распространялъ свое вліяніе и господство среди литовскихъ князьковъ. Воюя съ нѣмцами, онъ двигалъ противъ нихъ въ одномъ ополченіи и литву, и русскихъ. Такъ онъ первый изъ литовскихъ князей старался сблизить враждебныя прежде племена русскія и литовскія и на ихъ соединеніи построить свое государство. Это государство было еще очень непрочно и слабо; но оно давало литвѣ защиту отъ нѣмцевъ, а русскимъ—прибѣжище отъ татаръ, и потому оно держалось. Миндовгъ всю жизнь свою боролся съ нѣмцами, то уступая имъ то снова поднимаясь на нихъ. Когда это было для него выгодно, онъ согласился принять крещеніе отъ нѣмцевъ и за это получилъ отъ папы королевскую корону. Когда же обстоятельства перемѣнились, онъ вернулся къ язычеству и снова обрушился на нѣмцевъ. Также и по отношенію къ Руси Миндовгъ мѣнялъ пріемы своей политики. Являясь порою рѣшительнымъ завоевателемъ, онъ иногда готовъ былъ на согла-

шеніе. Встрѣтивъ могучаго противника въ Даніилѣ Романовичѣ Галицкомъ, онъ замирилъ его уступкою нѣкоторыхъ земель и брачнымъ союзомъ, отдавъ свою дочь въ жены сыну Даніилову. Несмотря, однако, на всю свою гибкость, Миндовгъ не кончилъ добромъ. Недовольные имъ литовскіе князья убили его (1263), но по большей части сами погибли отъ мести Миндовгова сына. (Одинъ изъ нихъ, князь Довмóнтъ, спасся во Псковъ, тамъ крестился и началъ княжить, пріобрѣтя славу и почетъ за то, что доблестно и удачно защищалъ Псковъ отъ нѣмцевъ и литвы́).

Въ княжествѣ Миндовга начались послѣ его смерти продолжительныя смуты. Прошло полстолѣтія раньше, чѣмъ въ Литвѣ снова образовалась сильная княжеская власть. Съ 1316 года въ Литвѣ дѣйствуетъ князь *Гедими́нъ*, основатель династіи Гедими́новичей, образовавшій изъ литовскихъ и русскихъ земель большое и сильное государство. Съ его времени русское вліяніе на литовскихъ князей чрезвычайно усилилось. При Гединминѣ въ Литвѣ уже существуютъ города, укрѣпленные по правиламъ военнаго искусства; литовскія рати хорошо устроены и вооружены; онѣ знаютъ, какъ надо осаждать города, употребляютъ осадныя орудія. Жители волостей имѣютъ правильное управленіе и должны защищать свои города по очереди, въ извѣстные сроки. Всѣмъ этимъ благоустройствомъ литовцы были обязаны русскому вліянію. Русскіе люди служатъ въ войскахъ Гедимина и начальствуютъ ими; они ѣздятъ въ посольства отъ имени литовскаго государя; они управляютъ городами и волостями. Словомъ, русскій элементъ, очевидно, возобладáлъ надъ менѣе культурнымъ литовскимъ и произошло мирное сближеніе между сосѣдними народами. При дворѣ Гедимина слышался русскій языкъ, потому что Гедиминъ былъ самъ женатъ на русской и дѣтямъ своимъ устраивалъ браки съ русскими же. Самъ себя онъ считалъ не только литовскимъ, но и русскимъ княземъ (въ сношеніяхъ съ нѣмцами онъ именовалъ себя «rex Litwinorum Ruthenorumque»). Такимъ мирнымъ сближеніемъ народностей слѣдуетъ объяснять быстрое и легкое соединеніе Юго-западныхъ русскихъ земель подъ властью Гедимина. Онъ подчинилъ себѣ всѣ Русскія княжества отъ Полоцка до Кіева и подготовилъ присоединеніе Волыни. (Границами его земель съ востока были земли Смоленскія и Черниговскія, а съ юга

Волынскія). Своимъ обширнымъ княжествомъ Гедиминъ управлялъ сначала изъ неприступнаго города Трокъ (Тро́кскій замокъ стоялъ на островѣ посреди озера), а затѣмъ изъ Ви́льны, построенной имъ на р. Ви́ліи, притокѣ Нѣмана.

Двѣ трети всѣхъ земе́ль Гедимина были русскими зе́млями. Ясно, что *Литовской династіи удалось образовать такой центръ, къ которому стала тяготѣть потерявшая свое единство вся Юго-западная Русь.* Гедиминъ началъ ея собираніе, а его дѣти и внуки его закончили. Дѣло это совершалось быстро и легко, потому что населеніе русскихъ земель само охотно шло подъ власть обрусѣлыхъ Гедиминовичей.

Изъ многихъ сыновей Гедимина два сосредоточили въ своихъ рукахъ власть въ Литвѣ. Это были великій князь *Ольгердъ* и жмудскій князь *Кейсту́тъ.* Дружные между собою, они подѣлили управленіе такъ, что Ольгердъ зналъ русское населеніе Литовскаго государства, а Кейстутъ—литовское. Ольгердъ, живя въ Вильнѣ, былъ, такъ сказать, обращенъ на востокъ и дѣйствовалъ противъ сѣверо-восточной Руси; Кейстутъ, живя въ Трокахъ, былъ обращенъ на западъ и дѣйствовалъ противъ нѣмцевъ. Поэтому русскіе знали Ольгерда больше, чѣмъ его брата; они очень хвалили умъ и таланты Ольгерда, говоря, что это былъ сдержанный и хитрый политикъ, воевавшій «не столько силою, ели́ко мудростью». Кейстута же хорошо знали нѣмцы; они изображали его доблестнымъ рыцаремъ, храбрымъ и милостивымъ, прямодушнымъ и честнымъ. Оставаясь язычникомъ по вѣрѣ, Кейстутъ былъ христіаниномъ по духу. Объ Ольгердѣ же никто хорошо не зналъ, какой онъ держался вѣры. Поддерживая другъ друга во всѣхъ своихъ дѣлахъ, Ольгердъ и Кейстутъ, съ одной стороны, задерживали нѣмцевъ въ ихъ движеніи на востокъ, а съ другой стороны—продолжали начатое ихъ отцомъ собираніе Руси. Война съ нѣмцами имѣла видъ постоянныхъ взаимныхъ набѣговъ, которые у нѣмцевъ назывались «ре́йзами». Цѣлью такихъ рейзъ было напугать врага и нанести ему возможно больше вреда, а затѣмъ безъ урона вернуться домой. Обѣ стороны—и нѣмцы, и литва—не шли далѣе такихъ набѣговъ. Нѣмецкое завоевательное движеніе при Кейстутѣ остановилось, и нѣмцы были довольны уже и тѣмъ, что держались на ранѣе захваченныхъ ими мѣстахъ. Въ отношеніи Руси южной Ольгердъ достигъ большихъ успѣховъ. Онъ овладѣлъ Черни-

гово-Сѣверскою областью; Кіевъ и Волынь были имъ окончательно подчинены́. Не довольствуясь южными русскими областями, Ольгердъ покушался утвердить свое вліяніе въ Новгородѣ и Псковѣ и поддерживалъ Тверь противъ Москвы. Но въ сѣверной Руси Москва была уже настолько сильна, что могла остановить замыслы Ольгерда. Встрѣтивъ такого смѣлаго и упорнаго противника какъ великій князь Дмитрій Ивановичъ Донской, Ольгердъ долженъ былъ уступить.

Таковы были дѣла Ольгерда и Кейстута. Положивъ предѣлъ завоеваніямъ нѣмцевъ, *они собрали подъ своею властью, можно сказать, всю южную и западную Русь, освободивъ ее отъ владычества татаръ и давъ ей единую сильную власть.* Очень было важно, что эта власть была русскою по своей культурѣ и по своимъ пріемамъ. Русскимъ людямъ представлялось, что Гедиминовичи возстановля́ютъ старую русскую силу и старый русскій порядокъ на коренныхъ русскихъ мѣстахъ—въ области верхняго и средняго Днѣпра. Образованное Гедиминовичами могучее Литовско-Русское государство, казалось, имѣетъ блестящее будущее. Однако дальнѣйшій ходъ событій не оправдалъ тѣхъ надеждъ, съ какими смотрѣла на литовскихъ князей вся Юго-западная Ру́сь.

§ 39. **У́нія Литвы съ Польшей. Яга́йло.** Ольгердъ умеръ (1377), оставивъ много сыновей. Изъ нихъ великимъ княземъ сталъ *Яга́йло.* Лишенный талантовъ, какими отличался его отецъ, Ягайло не умѣлъ съ достоинствомъ пользоваться своею властью. Между нимъ и его дядею Кейстутомъ началась усобица. Ягайло хитростью заманилъ дядю въ свои руки и приказалъ удавить (1382). Сынъ Кейстута, Вито́втъ, вмѣстѣ съ отцомъ попавшій въ руки Ягайла, успѣлъ убѣжать изъ своей тюрьмы и скрылся у тевтонскихъ рыцарей. Отъ нихъ онъ, однако, вернулся на родину, помирился съ Ягайломъ и получилъ нѣкоторыя земли своего отца.

Въ 1385 г. изъ Польши Ягайлу было сдѣлано предложеніе жениться на польской королевѣ Ядвигѣ и соединить Польшу и Литву. У польскаго правительства были вѣскія побужде́нія желать этого брака. Съ прекращеніемъ династіи Пя́стовъ (1370) въ Польшѣ воцарился родственный Пястамъ (по женской линіи) король венгерскій Людовикъ, а послѣ его смерти (1382) была признана королевою его малолѣтняя дочь Ядви́га. Между польскими панами много смутъ вызвалъ

вопросъ о томъ, кого выбрать въ мужья молодой королевѣ. На́добенъ былъ женихъ, не столько пріятный невѣ́стѣ, сколько полезный Польскому государству. Такого и нашли въ лицѣ Ягайла. Женившись на Ядвигѣ, онъ долженъ былъ обезпечить Польшѣ союзъ и содѣйствіе своего княжества. Это было важно для поляковъ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, между Литвой и Польшей шла тогда долгая вражда за русскія волости Волынь и Галичъ. Литва постоянно держала Польшу въ страхѣ угрозою своихъ нападеній. Эта опасность уничтожалась въ случаѣ брака Ягайла съ Ядвигою. Во-вторыхъ, нѣмцы, овладѣвъ Литовскими землями на Балтійскомъ побережьѣ, дали себя знать и полякамъ. Тевтоны овладѣли Польскимъ Помо́рьемъ и отодвинули Польшу отъ моря. Поляки вели съ нѣмцами такую же народную войну, какъ и Литва. Соединивъ силы обоихъ народовъ противъ общаго врага, можно было надѣяться на прочный успѣхъ. Таковы были причины, заставлявшія поляковъ желать уніи съ Литвою.

Предложеніе поляковъ было принято Ягайломъ съ радостью. Онъ согласился на всѣ поставленныя ему условія, чтобы только соединить въ своихъ рукахъ два государства. Его обязали самого принять католичество и крестить въ католичество языческую Литву́. Отецъ и дѣдъ Ягайла отличались религіознымъ безразли́чіемъ и терпи́мостью; понятно, что и онъ легко перемѣнилъ греческое православіе на римскую вѣру. Проповѣдь католичества давно была знакома Литвѣ, ибо Литву присоединяли къ своей вѣрѣ нѣмцы; легко было Ягайлу допустить такую же проповѣдь со стороны поляковъ. Сверхъ того, Ягайло согласился на соединеніе (унію) Литвы и Польши въ одно государство и обѣщалъ свою помощь для возвращенія Польшѣ отнятыхъ сосѣдями земе́ль. Въ 1386 году совершился бракъ Ягайла и Ядвиги и началась унія Литвы и Польши. Ягайло сталъ польскимъ королемъ съ именемъ Владислава. Произошло общее крещеніе литовцевъ въ католичество, сопровождавшееся уничтоженіемъ языческихъ капищъ, священнаго огня («зни́ча») и другихъ принадлежностей стараго культа. Скоро сказались и политическія послѣдствія заключенной уніи. Соперничество и борьба Польши и Литвы за южно-русскія области прекратились. Соединенныя силы Западной Руси, Литвы и Польши нанесли въ 1410 году страшное пораженіе Тевтонскому ордену на границѣ Пруссіи

и Польши, при деревняхъ Грюнвальдѣ и Танненбергѣ. Эта знаменитая битва, въ которой русское и польское славянство побѣдило германцевъ, составляетъ эпоху въ исторіи Ордена и Польши. Могущество Ордена пало и завоеванія его прекратились; значеніе Польши и соединенной съ нею Литвы необыкновенно поднялось.

Такимъ образомъ цѣли, которыя преслѣдовала унія, были достигнуты: антагонизмъ Литвы и Польши уничтоженъ; общій врагъ ихъ пораженъ. Польша отъ уніи получила несомнѣнныя выгоды. Для Литвы же унія, вмѣстѣ съ добрыми послѣдствіями, принесла и очень дурныя. Она внесла въ Литву сѣмена внутренней вражды и разложенія. До 1386 года въ Литовско-Русскомъ государствѣ было двѣ народности (русь и литва) и двѣ религіи (православіе и язычество). Православно-русское населеніе, по приблизительному счету, занимало девять десятыхъ всѣхъ земель государства и отличалось несравненно высшей культурой, чѣмъ языческая Литва. Понятно, что литовцы испытывали на себѣ сильнѣйшее вліяніе русской гражданственности; и они подчинялись ему охотно, потому что соединеніе того и другого народа подъ одною властью совершалось исподволь и безъ острой вражды. Литовско-Русское княжество, казалось, должно было стать сплошь православно-русскимъ государствомъ. Унія же 1386 г., сдѣлавшая правительство княжества католическимъ, поставила въ Литвѣ рядомъ съ православіемъ римскую вѣру, ему враждебную. Православіе въ Литвѣ преобладало численно; католичество же стало тамъ господствующимъ исповѣданіемъ, потому что государь литовскій самъ его принялъ и обязался его распространять. Такимъ образомъ въ Литовскомъ государствѣ появилась возможность религіозной вражды и столкновеній изъ-за вѣры. Съ другой стороны, католичество принесено было въ Литву поляками и сопровождалось поэтому польскимъ культурнымъ вліяніемъ. Польское духовенство, польскіе придворные и чиновники появились въ Литвѣ и смѣнили собою русскихъ приближенныхъ князя. Они принесли съ собою латинскій и польскій языки на смѣну русскаго, польскіе нравы и обычаи взамѣнъ русскихъ. Ягайло и его дворъ не только окатоличились, но и ополячились. Такъ какъ большинство народа въ старой Литвѣ и вся Русь не хотѣли отставать отъ своихъ прежнихъ привычекъ и обычаевъ, то неизбѣжно

возникла вражда культурная и національная. Вотъ эта-то вражда и была тяжелымъ послѣдствіемъ уніи. Населеніе Литвы и Западной Руси не сочувствовало Ягайлу и поднялось противъ него.

§ 40. **Витовтъ.** Ставъ королемъ польскимъ, Ягайло не могъ уже непосредственно управлять Литовскимъ княжествомъ и назначилъ своимъ намѣстникомъ, съ званіемъ «великаго князя», одного изъ своихъ братьевъ. Но другіе удѣльные князья литовскіе начали борьбу съ Ягайломъ и привели дѣло къ тому, что великимъ княземъ литовскимъ, въ ленной зависимости отъ Ягайла, сталъ сынъ Кейстута, *Витовтъ* (1392). Когда на съѣздахъ польской и литовской знати (въ 1401 и 1413 годахъ) была окончательно установлена династическая унія Литвы и Польши, Витовтъ призналъ себя лишь пожизненнымъ владѣтелемъ своего княжества. Но это не мѣшало ему быть полновластнымъ государемъ и вести самостоятельную политику. Необыкновенныя способности и умъ Витовта позволили ему стать прямымъ продолжателемъ Гедимина и Ольгерда. Онъ присоединилъ къ Литвѣ Смоленское княжество (1395); при немъ границы Литвы достигли небывалыхъ предѣловъ: онѣ доходили до двухъ морей: Балтійскаго и Чернаго. Литва «отъ моря до моря»,—такъ обозначался обыкновенно объемъ государства Витовта. Стремясь расширить свое политическое вліяніе, Витовтъ вмѣшивался въ дѣла всѣхъ Русскихъ земель (Новгорода и Пскова, Твери, Москвы, Рязани). Московскій великій князь Василій Дмитріевичъ, несмотря на то, что былъ женатъ на дочери Витовта Софіи, долженъ былъ выступить противъ притязаній своего тестя на восточныя и сѣверныя Русскія земли. По уговору между ними, рѣка Угра (лѣвый притокъ Оки) была назначена границею между Московскими и Литовскими землями. Такъ далеко зашелъ на востокъ Витовтъ! Онъ пытался подвести подъ свою власть даже Золотую орду, изнывавшую тогда отъ междоусобій. Но ордынскій правитель Едигей нанесъ Витовту рѣшительное пораженіе на р. Ворсклѣ (лѣвый притокъ Днѣпра) и тѣмъ прекратилъ его притязанія. Подвиги Витовта сдѣлали его народнымъ героемъ литовцевъ. Время его считалось эпохою наибольшаго расцвѣта и могущества Литвы. Но въ эту же самую эпоху появились первые признаки и внутренняго распада въ молодомъ Литовскомъ государствѣ.

Усиленіе Витовта и его вокняженіе въ Литовскомъ государствѣ были послѣдствіемъ того недовольства, которое возбудила унія съ Польшею среди русскаго и литовскаго населенія Литвы. Поддерживая Витовта противъ Ягайла, это населеніе показывало, что не желаетъ идти подъ польско-католическое вліяніе, а желаетъ самостоятельности и обособленности въ своей политической жизни. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ роль Витовта очень проста. Ему слѣдовало бы опереться на сильнѣйшую часть подвластнаго ему населенія — на православно-русскую народность — и обратить свое государство въ такое же русское великое княжество, какимъ была тогда Москва. Сдѣлавъ свою политику русскою и обратившись къ православію, Витовтъ могъ бы стать соперникомъ Московскихъ князей и, быть можетъ, еще скорѣе ихъ объединить подъ своимъ скипетромъ всю Русскую землю. Но Витовтъ этого не сдѣлалъ, потому что онъ нуждался въ помощи Польши противъ нѣмцевъ; съ другой стороны — въ самой Литвѣ появились люди, которые видѣли свою выгоду въ уніи и толкали Витовта къ сближенію съ Польшей. По условіямъ уніи [1], *подданные великаго князя Литовскаго, принимая католичество, получали тѣ права и привилегіи, какія имѣли въ Польшѣ лица соотвѣтствующаго сословія.* И вотъ, тѣ люди, которые видѣли для себя прибытокъ и честь въ новыхъ порядкахъ, малодушно увлекались въ сторону Польши и католичества, стояли на сторонѣ уніи, принимали польскую вѣру и проводили польское вліяніе въ свою литовско-русскую среду. Такимъ образомъ у Витовта среди его собственныхъ подданныхъ было три направленія: православно-русское, старо-литовское и новое — католическо-польское. Всѣ возлагали свои надежды на популярнаго князя, и онъ ко всѣмъ относился одинаково внимательно, но не становился прямо ни на чью сторону. Держась необходимаго ему союза съ Польшею, онъ всего ближе былъ именно къ тѣмъ, кто стоялъ въ Литвѣ за унію съ Польшей. Но онъ понималъ, что такіе сторонники Польши еще очень малочислены и слабы, и потому самъ не склоненъ былъ прямо и рѣшительно примкнуть къ Ягайлу. Въ концѣ своихъ дней онъ даже хлопоталъ о полученіи отъ

---

[1]) Условія уніи были опредѣлены польско-литовскимъ съѣздомъ 1413 года въ мѣстечкѣ Городлѣ (на р. Западномъ Бугѣ).

императора изъ Германіи королевскаго титула и, стало быть, о независимости отъ Польши. Но это не удалось. Витовтъ умеръ (1430), оставивъ политическія и національныя партіи въ своей странѣ непримиренными, въ состояніи взаимнаго озлобленія и недовѣрія. Борьба этихъ партій и погубила мало-по-малу силу и величіе Литовско-Русскаго княжества.

§ 41. **Литовское княжество послѣ Витовта.** По смерти бездѣтнаго Витовта всѣ его преемники избирались на великое княженіе сановниками самой Литвы и вели политику самостоятельныхъ государей, избѣгая подчиненія Польшѣ. Унія оставалась только въ идеѣ; но отказаться отъ этой идеи обѣ стороны не могли, потому что Польша и Литва продолжали одинаково нуждаться во взаимной поддержкѣ противъ общихъ внѣшнихъ враговъ. Лишь при младшемъ сынѣ Ягайла, *Казиміръ* (1440 — 1492), оба государства находились въ дѣйствительной уніи, такъ какъ Казиміръ, избранный въ малолѣтствѣ великимъ княземъ Литовскимъ, позднѣе былъ избранъ и Польскимъ королемъ и такимъ образомъ соединилъ обѣ страны подъ своимъ скипетромъ. Но послѣ кончины этого короля, Казимира IV («Ягеллончика»), Литва опять отдѣлилась отъ Польши, избравъ особаго великаго князя — *Александра Казимировича.* Только въ 1501 году, когда и Польша избрала на свой престолъ того же Александра, оба государства условились впередъ твердо держаться уніи и избирать всегда одного государя для обѣихъ странъ. Съ такимъ трудомъ была, наконецъ, на дѣлѣ осуществлена личная унія, задуманная въ 1386 году.

Несмотря на постоянное стремленіе Литвы къ обособленію отъ Польши, *въ теченіе всего XV-го столѣтія польское вліяніе въ Литвѣ продолжало расти и крѣпнуть.* Хотя Литовскіе великіе князья и держались самостоятельно, все-таки они сами и ихъ правители были католики по вѣрѣ и въ культурномъ отношеніи были уже ополячены. Пока въ Литовскомъ княжествѣ еще существовалъ старый порядокъ и волостные удѣльные князья были сильны, это не имѣло большого значенія. Каждый князь правилъ своею волостью самостоятельно: если онъ былъ православный и русскій по духу, то и волость его не испытывала католическаго и польскаго гнета. Но *въ XV столѣтіи сила великихъ князей въ Литвѣ возросла* и они понемногу превратили князей волостныхъ въ

своихъ намѣстниковъ и подчиненныхъ слугъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и управленіе волостей испытало перемѣны и подчинилось централизаціи. *Вездѣ католики стали предпочитаться православнымъ и польскіе обычаи—русскимъ*; вездѣ на правительственныя должности стали (въ силу уніи 1413го года) назначаться князья и бояре римской вѣры. Вездѣ, стало быть, православно-русскіе люди чувствовали свое униженіе и обиду. *Горше всѣхъ приходилось русской знати—князьямъ и боярамъ*, которые превратились изъ государей и правителей въ подчиненныхъ и гонимыхъ. Нѣкоторые, болѣе малодушные, оставляли православіе, принимали католичество, этою цѣною дѣлали хорошую карьеру и ополячивались. Другіе пробовали бороться и ждали помощи отъ православной Москвы, которая въ ту пору стала уже сильна. *Они передавались Московскому великому князю съ своими волостями*, объясняя свою измѣну Литвѣ гоненіемъ на ихъ вѣру, или же просто, побросавъ свои земли, выѣзжали изъ Литвы въ Москву на службу, по старинному праву свободныхъ слугъ «отъѣзжать» отъ одного господина къ другому. Понемногу Москва втягивалась въ литовскія дѣла, узнавала внутреннюю слабость Литвы и не разъ шла войною на Литву, грозя отнять отъ Литвы всѣ ея Русскія области. А подъ угрозами Москвы литовское правительство еще тѣснѣе жалось къ Польшѣ, ища у нея помощи отъ новаго опаснаго врага.

Но не одна литовская знать и князья терпѣли отъ католическаго правительства Литвы. *Въ первую пору своей исторіи Литовско-Русское княжество имѣло русское общественное устройство*, унаслѣдованное отъ Кіевской Руси. Волостные князья были окружены *дружиною*, состоявшей изъ вольныхъ слугъ и холоповъ; въ центрѣ земщины былъ *городъ* съ его вѣчемъ, отъ котораго зависѣла волость, населенная свободнымъ *крестьянствомъ* (смердами). По правилу, установленному уніею, всѣ литовцы, крещенные въ католичество, начинали жить на польскомъ правѣ, то-есть получали тѣ права, какія имѣли въ Польшѣ лица соотвѣтствующаго сословія. А въ Польшѣ въ ту эпоху устанавливался окончательно своеобразный феодальный порядокъ съ рѣзко обозначенными сословіями и съ полнымъ преобладаніемъ дворянства («шляхты»). Города польскіе, по такъ называемому «магдебургскому праву», составляли собою особыя общины, ограниченныя городскими

стѣнами, съ правомъ сословнаго самоуправленія. Шляхта польская мало-по-малу обращалась въ правящій классъ съ широкими политическими и владѣльческими правами. Она имѣла очень мало обязанностей по отношенію къ государству, вліяла на управленіе государствомъ и на избраніе королей; она пользовалась правомъ льготнаго землевладѣнія и въ своихъ имѣніяхъ получила безграничную власть надъ крѣпостнымъ безправнымъ крестьянствомъ. *Къ этимъ-то польскимъ порядкамъ, выгоднымъ для дворянства и ужаснымъ для прочей массы населенія, стало приближаться Литовское государство, когда стало уравнивать въ правахъ своихъ католическихъ подданныхъ съ соотвѣтствующими разрядами польскаго общества.*

Изъ старыхъ дружинъ волостныхъ князей въ Литвѣ понемногу образованъ былъ многочисленный служилый классъ, который обязанъ былъ нести военную службу и пользовался за то правомъ владѣнія землею. Высшій разрядъ этого класса заключалъ въ себѣ самихъ волостныхъ князей и прежнихъ «бояръ», знатныхъ ихъ слугъ. Составивъ служебную аристократію, эта знать получила общее названіе *пановъ* или *князей и пановъ*. Остальные разряды служилаго класса получили названіе *шляхты*. Всѣмъ этимъ служилымъ людямъ, въ особенности же шляхтѣ, было очень выгодно сравняться въ правахъ съ польскими панами и шляхтою, ибо въ Польшѣ эти права были громадны. Вотъ почему *литовская шляхта легко и охотно ополячивалась и окатоличивалась.* Усвоивъ себѣ польскіе нравы и обычаи, она кабалила крестьянъ, овладѣвала землями и стремилась превратиться въ правящее политическое сословіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ она служила проводникомъ польскаго вліянія во всѣхъ областяхъ государственной и общественной жизни Литвы. Такимъ образомъ происходило разложеніе стараго порядка и начиналась острая внутренняя рознь между всевластнымъ дворянствомъ и прочею безправною массою населенія (§ 91).

Начало и ростъ великаго княжества Московскаго.

§ 42. **Причины возвышенія Москвы**. Развившійся въ эпоху татарскаго завоеванія во Владимиро-Суздальской Руси удѣльный порядокъ княжескаго владѣнія (§ 36) началъ падать съ усиленіемъ Московскаго княжества.

Особое Московское княжество стало существовать со второй половины XIII века. Самый же городъ Москва, по преданію, былъ основанъ княземъ Юріемъ Долгорукимъ. Лѣтописи упоминаютъ о Москвѣ въ первый разъ въ 1147 году, называя ее «Московь», «Кучково» и «Москва». Первоначально Москва была крѣпостью, поставленной на южной границѣ Суздальской земли для того, чтобы охранять ее съ юга, отъ Рязани и Чернигова. Батый, идя изъ Рязани къ Суздалю и Владимиру, прежде всего взялъ и разорилъ Москву, закрывавшую ему путь къ этимъ городамъ. Въ первое столѣтіе своего существованія Москва не составляла особаго княжества, а принадлежала Владимирскимъ князьямъ. Князь Александръ Невскій оставилъ на Москвѣ своего младшаго сына *Даніила*, и только съ тѣхъ поръ Москва стала особымъ удѣломъ Даніилова потомства. Съ тѣхъ же поръ началось быстрое усиленіе и возвышеніе новаго удѣла.

Первая причина возвышенія Москвы и усиленія Московскихъ князей заключалась въ *особенно выгодномъ географическомъ положеніи города Москвы.* Москва была расположена *въ узлѣ дорогъ*, ведшихъ изъ южной Руси въ сѣверную и изъ Новгородской земли въ Рязанскую. Переселенцы изъ южныхъ областей, идя на сѣверъ, не могли миновать рѣки Москвы и въ большомъ числѣ осѣдали вокругъ города Москвы ранѣе, чѣмъ подвигались далѣе къ сѣверу. Оттого Московское княжество быстро и густо заселялось, а это давало Московскимъ князьямъ большія средства, такъ какъ, чѣмъ гуще было населеніе удѣла, тѣмъ больше получалъ удѣльный князь. Рѣка Москва, съ другой стороны, была такимъ воднымъ путемъ, который соединялъ верховья Волги съ среднимъ теченіемъ Оки. Этимъ путемъ пользовались новгородцы, перевозя къ себѣ хлѣбъ, воскъ и медъ изъ богатѣйшихъ мѣстъ Рязанской земли. Владѣя такою торговою дорогою, Московскіе князья извлекали свои доходы изъ торговаго движенія въ видѣ пошлинъ съ купцовъ и т. п. Такимъ образомъ географически центральное положеніе Москвы способствовало быстрому заселенію Московскаго княжества и обогащенію Московскихъ князей. Изобиліе же матеріальныхъ средствъ давало этимъ князьямъ большую силу и склонность къ «примысламъ».

Второю причиною возвышенія Москвы были *таланты и удачи первыхъ Московскихъ князей*, умѣвшихъ использовать

выгоды своего положенія. Первые два Московскихъ князя, *Даніилъ Александровичъ* и сынъ его *Юрій*, успѣли «примыслить» себѣ все теченіе Москвы-рѣки, отнявъ отъ Рязанскаго князя городъ Коломну на устьѣ р. Москвы и отъ Смоленскаго князя городъ Можайскъ на верховьяхъ р. Москвы. Земли и богатства Юрія Даниловича выросли настолько, что онъ (какъ представитель старшей линіи въ потомствѣ Ярослава Всеволодовича) рѣшился искать въ ордѣ ярлыка на великое княженіе Владимирское и вступилъ въ споръ за Владимиръ съ Тверскимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ. Борьба велась въ ордѣ путемъ интригъ и насилій, и оба князя въ ордѣ были убиты. (Князь Михаилъ Ярославичъ, замученный татарами, причтенъ церковью къ лику святыхъ). Великокняжескій столъ тогда достался сыну Михаила, Александру Тверскому; а въ Москвѣ сталъ княземъ братъ Юрія, Иванъ, по прозвищу Калита (то-есть кошель). Улучивъ минуту, Калита снова началъ борьбу съ Тверью и, наконецъ, въ 1328 году добился великаго княженія, которое съ той поры уже не выходило изъ рукъ Московской династіи.

§ 43. **Великій князь Иванъ Калита и его ближайшіе преемники.** О дѣятельности великаго князя *Ивана Даниловича Калиты* (1328—1341) извѣстно немного. Но то, что извѣстно, говоритъ о его умѣ и талантѣ. Сѣлъ онъ на великомъ княженіи,—и, по словамъ лѣтописца, «бысть оттолѣ тишина велика по всей Русской землѣ на сорокъ лѣтъ и престаша татарове воевати Русскую землю». Именно этому князю приписывается та важная заслуга, что онъ исхлопоталъ себѣ разрѣшеніе доставлять «выходъ» въ орду своими средствами, безъ участія татарскихъ сборщиковъ дани. Такимъ образомъ былъ уничтоженъ главный поводъ для въѣзда татаръ въ Русскія земли и было достигнуто внутреннее спокойствіе и безопасность на Руси. По преданію, Иванъ Калита очистилъ свою землю и отъ «татей», то-есть внутреннихъ разбойниковъ и воровъ. Тишина и порядокъ во владѣніяхъ Калиты привлекали туда населеніе: къ Калитѣ приходили на службу и на житье какъ простые люди, такъ и знатные бояре съ толпами своей челяди. Самымъ же главнымъ политическимъ успѣхомъ Калиты было привлеченіе въ Москву Русскаго митрополита.

Съ упадкомъ Кіева, когда его покинули старшіе князья

долженъ былъ возникнуть вопросъ и о томъ, гдѣ быть митрополиту всея Руси: оставаться ли ему въ заглохшемъ Кіевѣ, или искать новаго мѣста жительства? Митрополитъ Петръ (родомъ волынецъ) рѣшилъ этотъ вопросъ, перенеся митрополію на сѣверъ. Офиціальнымъ мѣстопребываніемъ его сталъ стольный городъ Владимиръ; но такъ какъ въ этомъ городѣ великіе князья уже не жили, и за Владимиръ спорили Москва съ Тверью, то Петръ рѣшительно склонился въ пользу Москвы, во всемъ поддерживалъ Московскаго князя Ивана Калиту, подолгу живалъ у него въ Москвѣ и началъ тамъ строить знаменитый Успенскій соборъ, на подобіе Успенскаго собора Владимирскаго. Въ этомъ соборѣ онъ и былъ погребенъ, когда кончина застигла его въ Москвѣ. Его преемникъ, грекъ Ѳеогностъ, уже окончательно утвердился въ Москвѣ, и такимъ образомъ Москва стала церковною столицею всей Русской земли. Велика была важность этого событія: въ одно и то же время въ Москвѣ образовалось средоточіе и политической, и церковной власти и такимъ образомъ, прежде малый, городъ Москва сталъ центромъ «всея Руси». Преданіе говоритъ, что, создавая Успенскій соборъ въ Москвѣ, какъ главную святыню зарождавшагося государства, святитель Петръ предсказалъ славное будущее Москвы Ивану Калитѣ, тогда еще не получившему великаго княженія. Благодарные москвичи необыкновенно чтили память Петра митрополита и вскорѣ же по его кончинѣ причли его къ лику святыхъ, какъ «всея Россіи чудотворца».

Таковы были первые успѣхи, достигнутые Московскими князьями. Немедленно же стали сказываться и послѣдствія этихъ успѣховъ. При самомъ Калитѣ и при его двухъ сыновьяхъ, *Семенѣ Гордомъ* (1341—1353) и *Иванѣ Красномъ* (1353—1359), которые такъ же, какъ и отецъ ихъ, были великими князьями всея Руси, Москва начала рѣшительно брать верхъ надъ прочими княжествами. Иванъ Калита распоряжался самовластно въ побѣжденной имъ Твери, въ Новгородѣ и въ слабомъ Ростовѣ. Сыну его, Семену, по словамъ лѣтописца, «всѣ князья русскіе даны были подъ руки»: самое прозвище Семена «Гордый» показываетъ, какъ онъ держалъ себя съ своими подручниками.

Опираясь на свою силу и богатство, имѣя поддержку въ ордѣ, Московскіе князья явились дѣйствительною властью,

способною поддержать порядокъ и тишину не только въ своемъ удѣлѣ, но и во всей Владимиро-Суздальской области. Это было такъ важно и такъ желанно для измученнаго татарами и внутренними неурядицами народа, что онъ охотно шелъ подъ власть Москвы и поддерживалъ Московскихъ князей. Къ Московскимъ князьямъ пріѣзжало много знатныхъ слугъ, бояръ со своими дружинами, съ юга и изъ другихъ удѣловъ Суздальскихъ. Поступая на службу къ Московскимъ князьямъ, эти слуги усиливали собою рать московскую и сами, служа сильному князю, улучшали свое положеніе и становились еще знатнѣе. Быть слугою и бояриномъ великаго князя было лучше, чѣмъ служить въ простомъ удѣлѣ; поэтому слуги Московскихъ князей старались, чтобы великое княженіе всегда принадлежало Москвѣ. Бояре московскіе были вѣрными слугами своихъ князей даже и тогда, когда сами князья были слабы. Такъ было при великомъ князѣ Иванѣ Ивановичѣ Красномъ, который былъ «кроткій и тихій», по выраженію лѣтописи, и при его сынѣ Димитріи, который остался послѣ отца всего 9—10 лѣтъ.

Вмѣстѣ съ боярствомъ и духовенство проявляло особое сочувствіе и содѣйствіе Московскимъ князьямъ. Послѣ того, какъ митрополитъ Ѳеогностъ окончательно поселился въ Москвѣ, онъ подготовилъ себѣ преемника—московскаго инока, москвича родомъ, Алексія, происходившаго изъ знатной боярской семьи (Плещеевыхъ). Посвященный въ митрополиты, Алексій при слабомъ Иванѣ Красномъ и въ малолѣтство сына его Димитрія стоялъ во главѣ Московскаго княжества, былъ, можно сказать, его правителемъ. Обладая исключительнымъ умомъ и способностями, митрополитъ Алексій пользовался большою благосклонностью въ ордѣ (гдѣ онъ вылѣчилъ болѣвшую глазами ханшу Тайдулу) и содѣйствовалъ тому, что великое княженіе укрѣпилось окончательно за Московскими князьями. На Руси онъ являлся неизмѣннымъ сторонникомъ Московскихъ князей и дѣйствовалъ своимъ авторитетомъ всегда въ ихъ пользу. Заслуги св. Алексія предъ Москвою были такъ велики и личность его была такъ высока, что память его въ Москвѣ чтилась необычайно [1]).

---

[1]) Спустя 50 лѣтъ послѣ его кончины (онъ умеръ въ 1378 году) были обрѣтены, въ основанномъ имъ Чудовомъ монастырѣ въ Москвѣ, его мощи и было установлено празднованіе его памяти.

Руководимое св. Алексіемъ русское духовенство держалось его направленія и всегда поддерживало Московскихъ князей въ ихъ стремленіи установить на Руси сильную власть и твердый порядокъ. Вслѣдъ за митрополитомъ Алексіемъ въ этомъ отношеніи долженъ быть упомянутъ его сотрудникъ, преподобный инокъ Сергій, основатель знаменитаго Троицкаго монастыря (теперь Троице-Сергіева лавра, въ 66ти верстахъ на сѣверъ отъ Москвы). Вмѣстѣ съ митрополитомъ Алексіемъ и самостоятельно, самъ по себѣ, этотъ знаменитый подвижникъ выступалъ на помощь Москвѣ во всѣ трудныя минуты народной жизни и своимъ громаднымъ нравственнымъ вліяніемъ поддерживалъ Московскихъ князей.

За знатными боярами и высшимъ духовенствомъ тянулось къ Москвѣ и все народное множество. Московское княжество отличалось внутреннимъ спокойствіемъ; оно было заслонено отъ пограничныхъ нападеній окраинными княжествами (Рязанскимъ, Нижегородскимъ, Смоленскимъ и др.); оно было въ дружбѣ съ ордою. Этого было достаточно, чтобы внушить желаніе поселиться поближе къ Москвѣ, подъ ея защиту. Народъ шелъ на московскія земли, и Московскіе князья строили для него города, слободы, села. Они сами покупали себѣ цѣлые удѣлы у обѣднѣвшихъ князей (Ярославскихъ, Бѣлозерскихъ, Ростовскихъ) и простыя села у мелкихъ владѣльцевъ. Они выкупали въ ордѣ русскій «полонъ», выводили его на свои земли и заселяли этими плѣнниками, «ордынцами», цѣлыя слободы. Такъ множилось населеніе въ Московскихъ волостяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вырастали силы и средства у Московскихъ князей.

Такимъ образомъ, первые успѣхи Московскихъ князей, давшіе имъ великокняжескій санъ, имѣли своимъ послѣдствіемъ рѣшительное преобладаніе Москвы надъ другими удѣлами; а это, въ свою очередь, вызвало сочувствіе и поддержку Москвѣ со стороны боярства, духовенства и народной массы. Но до конца XIVго столѣтія, при Калитѣ и его сыновьяхъ, ростъ московскаго удѣла имѣлъ характеръ только внѣшняго усиленія, путемъ счастливыхъ «примысловъ». Позже, когда Московскіе князья явились во главѣ всей Руси борцами за Русскую землю противъ орды и Литвы, Москва стала центромъ народнаго объединенія, а Московскіе князья—національными государями.

§ 44. **Дмитрій Донской и Куликовская битва.** Московскіе князья одинъ за другимъ получали въ ордѣ великое княженіе и крѣпко держали его за собою. Только послѣ смерти Ивана Краснаго, когда въ Москвѣ не осталось взрослыхъ князей, ярлыкъ на великое княженіе былъ отданъ Суздальскимъ князьямъ. Однако десятилѣтній Московскій князь Дмитрій Ивановичъ, направляемый митрополитомъ Алексіемъ и боярами, началъ борьбу съ соперниками, успѣлъ привлечь на свою сторону хана и снова овладѣлъ великимъ княженіемъ Владимирскимъ. Такъ началось замѣчательное княженіе *Дмитрія Ивановича*. Первые его годы руководство дѣлами принадлежало митрополиту Алексію и боярамъ; потомъ, когда Дмитрій возмужалъ, онъ велъ дѣла самъ. Во все время одинаково политика Москвы при Дмитріи отличалась энергіей и смѣлостью.

Во-первыхъ, въ вопросѣ о великомъ княженіи Московскій князь прямо и рѣшительно сталъ на такую точку зрѣнія, что великокняжескій санъ и городъ Владимиръ составляютъ «вотчину», то-есть наслѣдственную собственность Московскихъ князей, и никому другому принадлежать не могутъ. Въ своей духовной грамотѣ Димитрій прямо завѣщалъ великое княженіе, «вотчину» свою, старшему своему сыну.

Во-вторыхъ, въ отношеніи прочихъ князей Владимиро-Суздальской Руси, а также въ отношеніи Рязани и Новгорода, Дмитрій держался властно и повелительно. Онъ побѣдилъ Рязанскаго князя Олега, смирилъ новгородцевъ и привелъ въ зависимость отъ Москвы Тверь. Борьба съ Тверью была особенно упорна и продолжительна. Тверской великій князь Михаилъ Александровичъ обратился за помощью къ Литовскимъ князьямъ. Литовскій князь Ольгердъ осадилъ самую Москву, только что обнесенную новою каменной стѣною, но взять ее не могъ и ушелъ въ Литву. А московскія войска затѣмъ осадили Тверь. Въ 1375 году между Тверью и Москвою былъ заключенъ, наконецъ, миръ, по которому Тверской князь признавалъ себя «младшимъ братомъ» Московскаго князя и отказывался отъ всякихъ притязаній на Владимирское великое княженіе. Но съ Литвою осталась у Москвы вражда и послѣ мира съ Тверью.

Въ-третьихъ, при Дмитріи Русь впервые отважилась на открытую борьбу съ татарами. Мечта объ освобожденіи Руси отъ татарскаго ига жила и раньше среди русскихъ князей. Въ

своихъ завѣщаніяхъ и договорахъ они нерѣдко выражали надежду, что «Богъ свободитъ отъ орды», что «Богъ орду перемѣнитъ». Семенъ Гордый въ своей «душевной грамотѣ» (завѣщаніи) увѣщевалъ братьевъ жить въ мирѣ по отцову завѣту, «чтобы не перестала память родителей нашихъ и наша, чтобы свѣча не угасла». Подъ этой свѣчой разумѣлась неугасимая мысль о народномъ освобожденіи. Но пока орда оставалась сильною и грозною, иго ея попрежнему тяготѣло надъ Русью. Борьба съ татарами стала возможна лишь тогда, когда въ ордѣ началось длительное междоусобіе: орда раздѣлилась на двое и терзалась постоянною враждою. Можно было уменьшить дань ордѣ и держать себя независимѣе. Мало того: явилась необходимость взяться за оружіе противъ отдѣльныхъ татарскихъ шаекъ. Во время междоусобій изъ орды выбѣгали на сѣверъ изгнанники татарскіе и неудачники, которымъ въ ордѣ грозила гибель. Они сбивались въ большіе военные отряды подъ предводительствомъ своихъ князьковъ и жили грабежемъ русскихъ и мордовскихъ поселеній въ области рѣкъ Оки и Суры. Считая ихъ за простыхъ разбойниковъ, русскіе князья безъ стѣсненій гоняли ихъ и били. Сопротивленіе Руси озлобляло татаръ; они собрались подъ начальствомъ царевича Арапши (Арабшаха) и нанесли русскимъ войскамъ сильное пораженіе на р. Пьянѣ (притокъ Суры). За это москвичи и нижегородцы разорили мордовскія мѣста, въ которыхъ держались татары, на р. Сурѣ. Борьба становилась открытой и ожесточенной. Тогда овладѣвшій ордою и затѣмъ провозгласившій себя ханомъ князь Мамай отправилъ на Русь свое войско для наказанія строптивыхъ князей. Нижній-Новгородъ былъ сожженъ; пострадала Рязань. Но Дмитрій Ивановичъ Московскій не пустилъ татаръ въ свои земли и разбилъ ихъ въ Рязанской области на р. Вожѣ (1378). Обѣ стороны понимали, что предстоитъ новое столкновеніе. Отбивая разбойничьи шайки, русскіе князья постепенно втянулись въ борьбу съ ханскими войсками, которыя поддерживали разбойниковъ; побѣда надъ ними давала русскимъ мужество для дальнѣйшей борьбы. Испытавъ неповиновеніе со стороны Руси, Мамай долженъ былъ или отказаться отъ власти надъ Русью, или же идти снова покорять Русь, поднявшую оружіе противъ него. Черезъ два года послѣ битвы на Вожѣ, Мамай предпринялъ походъ на Русь.

Понимая, что Русь окажетъ ему стойкое сопротивленіе, Мамай собралъ большую рать и, кромѣ того, вошелъ въ сношенія съ Литвою, которая, какъ мы знаемъ, была тогда враждебна Москвѣ. Литовскій князь (преемникъ Ольгерда) Ягайло обѣщалъ Мамаю соединиться съ нимъ 1 сентября 1380 года. Узнавъ о приготовленіяхъ Мамая, Рязанскій князь Олегъ также вошелъ въ сношенія съ Мамаемъ и Ягайломъ, стараясь уберечь свою украинную землю отъ новаго неизбѣжнаго разоренія татарами. Не укрылись приготовленія татаръ къ походу и отъ Московскаго князя. Онъ собралъ вокругъ себя всѣхъ своихъ подручныхъ князей (Ростовскихъ, Ярославскихъ, Бѣлозе́рскихъ). Послалъ онъ также за помощью къ прочимъ великимъ князьямъ и въ Новгородъ, но ни отъ кого изъ нихъ не успѣлъ получить значительныхъ вспомогательныхъ войскъ и остался при однѣхъ своихъ силахъ. Силы эти, правда, были велики́ и современники удивля́лись какъ количеству, такъ и качеству московской ра́ти. По вѣстямъ о движеніи Мамая князь Дмитрій выступилъ въ походъ въ августѣ 1380 года. Предъ началомъ похода былъ онъ у преподобнаго Се́ргія въ его монастырѣ и получилъ его благословеніе на брань. Знаменитый игуменъ далъ великому князю изъ бра́тіи своего монастыря двухъ воиновъ, по имени Пересвѣ́та и Ослебя́ [1]), какъ видимый знакъ своего сочувствія къ подвигу князя Дмитрія. Первоначально московское войско двинулось на Ко́ломну, къ границамъ Рязани, такъ какъ думали, что Мамай пойдетъ на Москву черезъ Рязань. Когда же узнали, что татары идутъ западнѣе, чтобы соединиться съ Литвою, то великій князь двинулся тоже на западъ, къ Серпу́хову, и рѣшилъ не ждать Мамая на своихъ границахъ, а идти къ нему навстрѣчу въ «дикое поле» и встрѣтить его раньше, чѣмъ онъ успѣетъ тамъ сойтись съ литовскою ратью. Не дать соединиться врагамъ и бить ихъ порознь — это обычное военное правило. Дмитрій переправился чрезъ Оку на югъ, пошелъ къ верховьямъ Дона, перешелъ и Донъ и на Кули́ковомъ полѣ, при устьѣ рѣчки Непря́двы (впадающей въ

---

[1]) Слово *Ослебя́* (съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ) склонялось какъ *осля, щеня, теля*: Ослебяти и т. д. Отъ этого имени произошла фамилія *Ослебя́тевыхъ*. Оба и́нока-богатыря́, носившіе схиму монашескую на доспѣхахъ, погибли въ бою съ татарами и погребены въ Симоновѣ монастырѣ въ Москвѣ.

Донъ справа), встрѣтилъ Мамаеву рать. Литовскій князь не успѣлъ соединиться съ нею и былъ, какъ говорили тогда, всего на одинъ день пути отъ мѣста встрѣчи русскихъ и татаръ. Боясь дурного исхода предстоящей битвы, великій князь поставилъ въ скрытномъ мѣстѣ, въ дубравѣ у Дона, особый засадный полкъ подъ начальствомъ своего двоюроднаго брата князя Владимира Андреевича и боярина Боброка, волынца родомъ. Опасенія Дмитрія оправдались: въ жесточайшей сѣчѣ татары одолѣли и потѣснили русскихъ; пало много князей и бояръ; самъ великій князь пропалъ безвѣстно: сбитый съ ногъ, онъ безъ чувствъ лежалъ подъ деревомъ. Въ критическую минуту засадный полкъ ударилъ на татаръ, смялъ ихъ и погналъ. Не ожидавшіе удара татары бросили свой лагерь и бѣжали безъ оглядки. Самъ Мамай убѣжалъ съ поля битвы съ малою свитою. Русскіе преслѣдовали татаръ нѣсколько десятковъ верстъ и забрали богатую добычу. Возвращеніе великаго князя въ Москву было торжественно, но и печально. Велика была побѣда, но велики и потери. Когда, спустя два года (1382), новый ордынскій ханъ, свергшій Мамая, Тохтамышъ внезапно пришелъ съ войскомъ на Русь, у великаго князя не было подъ руками достаточно людей, чтобы встрѣтить врага, и онъ не смогъ ихъ скоро собрать. Татары подошли къ Москвѣ, а Дмитрій ушелъ на сѣверъ. Москва была взята татарами, ограблена и сожжена; разорены были и другіе города. Татары удалились съ большою добычею и съ полономъ, а Дмитрій долженъ былъ признать себя снова данникомъ татаръ и дать хану заложникомъ своего сына Василія. Такимъ образомъ иго не было свергнуто, а сѣверная Русь была обезсилена безуспѣшною борьбою за освобожденіе.

Тѣмъ не менѣе Куликовская битва имѣла громадное значеніе для сѣверной Руси и для Москвы. Современники считали ее величайшимъ событіемъ и побѣдителю татаръ, великому князю Дмитрію, дали почетное прозвище «Донского» за побѣду на Дону. Военное значеніе Куликовской побѣды заключалось въ томъ, что *она уничтожила прежнее убѣжденіе въ непобѣдимости орды и показала, что Русь окрѣпла для открытой борьбы за независимость*. Набѣгъ Тохтамыша не уменьшилъ этого значенія Мамаева побоища: татары одолѣли въ 1382 г. только потому, что пришли «изгономъ», внезапно и крадучись, а Москва ихъ проглядѣла и не уберіглась. Всѣ

понимали, что теперь Русь не поддастся, какъ прежде, нашествіямъ орды и что татарамъ можно дѣйствовать противъ Руси только нечаянными набѣгами. Политическое же и національное значеніе Куликовской битвы заключалось въ томъ, что *она дала толчокъ къ рѣшительному народному объединенію подъ властью одного государя, Московскаго князя.* Въ глазахъ тогдашнихъ русскихъ людей событія 1380 года имѣли такой смыслъ: Мамаева нашествія со страхомъ ждала вся сѣверная Русь. Рязанскій князь, боясь за себя, «измѣнилъ», войдя въ покорное соглашеніе съ врагомъ. Другіе крупные князья (Суздальско-Нижегородскіе, Тверской) притаились, выжидая событій. Великій Новгородъ не спѣшилъ со своею помощью. Одинъ Московскій князь, собравъ свои силы, рѣшился дать отпоръ Мамаю, и притомъ не на своемъ рубежѣ, а въ дикомъ полѣ, гдѣ онъ заслонилъ собою не одинъ свой удѣлъ, а всю Русь. Принявъ на себя татарскій натискъ, Дмитрій явился добрымъ страдальцемъ за всю землю Русскую; а отразивъ этотъ натискъ, онъ явилъ у себя такую мощь, которая ставила его естественно во главѣ всего народа, выше всѣхъ другихъ князей. Къ нему, какъ къ своему единому государю, потянулся весь народъ. Москва стала очевиднымъ для всѣхъ центромъ народнаго объединенія, и Московскимъ князьямъ оставалось только пользоваться плодами политики Дмитрія Донского и собирать въ одно цѣлое шедшія въ ихъ руки удѣльныя земли.

Таково значеніе Куликовской битвы. Она уничтожила призракъ татарской непобѣдимости и превратила Московскаго удѣльнаго князя въ національнаго великорусскаго государя, ускоривъ процессъ народнаго и государственнаго объединенія въ сѣверной Руси.

§ 45. **Великіе князья Василій I Дмитріевичъ и Василій II Васильевичъ Темный.** Донской умеръ 39 лѣтъ и оставилъ послѣ себя нѣсколькихъ сыновей. Старшаго, Василія, онъ прямо благословилъ, какъ «вотчиною», великимъ княженіемъ Владимірскимъ и оставилъ ему часть въ Московскомъ удѣлѣ; остальнымъ сыновьямъ онъ подѣлилъ прочіе города и волости своего Московскаго удѣла.

При великомъ князѣ *Василіи Дмитріевичѣ* (1389—1425) Русь пережила два татарскихъ нашествія: первое отъ хана Тимуръ-Ленка, или Тамерлана, который, однако, не пошелъ

далѣе южныхъ Рязанскихъ окраинъ [1]), а второе отъ татарскаго мурзы́ (князя) Едигéя, мстившаго Василію за неплатёжъ «выхода» въ орду. Едигéй внезапно и скрытно, обманомъ, вторгся въ Русскую землю и осадилъ Москву (1408). Великій князь ушелъ на сѣверъ, а Едигей разорилъ почти всѣ его области и, взявъ «óкупъ» съ Москвы, безнаказанно вернулся въ орду. Съ Литвою у Василія также шла вражда. Литовскіе князья подчиняли себѣ Русскія области на верховьяхъ Днѣпра и Зап. Двины; но къ тому же стремилась и Москва, собиравшая къ себѣ Русскія земли. Несмотря на то, что великій князь Василій былъ женатъ на дочери великаго князя Литовскаго, Витовта (Софіи), между ними дѣло доходило до открытыхъ войнъ. Столкновенія закончились тѣмъ, что границею владѣній Литвы и Москвы была признана р. Угрá, лѣвый притокъ Оки. Примирившись съ тестемъ, Василій Дмитріевичъ ввѣрилъ Витовту попечительство надъ своимъ сыномъ, а его внукомъ, великимъ княземъ Васúліемъ Васильевичемъ. Это было время наибольшаго превосходства Литовскаго княжества надъ Московскою Русью (§ 40).

Великій князь *Василій Васильевичъ*, по прозвищу Темный (то-есть слѣпой), остался послѣ своего отца всего 10-ти лѣтъ. Его княженіе (1425—1462) было очень безпокойно и несчáстливо. Дядя великаго князя, Юрій Дмитріевичъ, удѣльный князь богатаго Гáлича (на верховьяхъ р. Костромы́), не желалъ признавать малолѣтняго племянника великимъ княземъ и желалъ себѣ старшинства. Когда умеръ попечитель Василія, Витовтъ, началась борьба Юрія и его сыновей, Василія Косóго и Дмитрія Шемя́ки, съ Василіемъ Васильевичемъ за Москву и великое княженіе. Междоусобіе это тянулось около 20 лѣтъ (1430—1450) и доходило до большихъ жестокостей. Такъ, напримѣръ, Василій Васильевичъ приказалъ ослѣпúть попавшаго

---

[1]) Русь, ожидая страшнаго татарскаго нашествія, готовилась къ оборонѣ. Великій князь собралъ большое войско и сталъ на своемъ рубежѣ, на берегу Оки, рѣшившись отразить врага. Москва была готова къ осадѣ. Митрополитъ Кипріáнъ, для того, чтобы поддержать бодрость въ народѣ, подалъ мысль принести въ Москву главную святыню всего великаго княженія—Владимирскую икону Богоматери, привезенную во Владимиръ съ юга княземъ Андреемъ Боголюбскимъ. (Съ тѣхъ поръ эта икона остается въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ). Но Тамерланъ не дошелъ до Оки и отъ города Ельцá повернулъ назадъ (1395).

къ нему въ плѣнъ Василія Косого, за что самъ былъ потомъ ослѣпленъ Дмитріемъ Шемякою. Москва много разъ переходила изъ рукъ въ руки, но окончательно досталась Василію Васильевичу вмѣстѣ съ землями его враговъ. Въ этой борьбѣ удѣльныхъ князей съ великимъ княземъ Московскимъ новый обычай вотчиннаго наслѣдованія отъ отца къ сыну восторжествовалъ рѣшительно и безповоротно надъ старымъ порядкомъ родового наслѣдованія и старшинства дядей надъ племянниками. Огромное большинство населенія, духовенство и боярство стояли на сторонѣ Василія Васильевича: народъ уже оцѣнилъ преимущества семейнаго наслѣдованія, ведшаго къ установленію единовластія, желаемаго страною.

Во время московской усобицы татары безпокоили русскія земли, какъ и въ прежнее время, воровскими набѣгами. Распаденіе Золотой орды выражалось, между прочимъ, въ томъ, что татарскіе князья все въ большемъ и въ большемъ числѣ изгонялись изъ орды во время междоусобій и должны были искать себѣ пристанища. Одни изъ нихъ мирно просились и поступали на службу къ московскимъ князьямъ; другіе же начинали разорять Русскія земли и сами попадали подъ удары русскихъ. Одинъ изъ такихъ изгнанниковъ, ханъ Улу-Махметъ, устроилъ себѣ городъ Казань на р. Казанкѣ, близъ впаденія ея въ Волгу. Основавъ тамъ особое Казанское царство, онъ оттуда сталъ громить Русь. Великій князь Василій Васильевичъ вышелъ противъ татаръ, но подъ Суздалемъ былъ разбитъ и взятъ татарами въ плѣнъ (1445). Они выпустили великаго князя только за большой выкупъ, который былъ собранъ съ народа и пришелся ему тяжко.

При многострадальномъ князѣ Василіи Васильевичѣ произошло важное событіе въ жизни русской церкви. Въ 1439 году, на соборѣ православнаго и католическаго духовенства въ г. Флоренціи, была совершена унія церквей, восточной и западной. Императоръ и патріархъ Константинопольскіе искали этой уніи, надѣясь, что, когда будетъ уничтожена церковная распря востока и запада, тогда папа и западные государи помогутъ грекамъ въ ихъ борьбѣ съ турками. Погибая отъ турокъ, греческія власти готовы были на всякія уступки папѣ, и унія поэтому была устроена такъ, что греки, сохраняя свой церковный обрядъ, признавали всѣ католическіе догматы и главенство папъ. Въ то самое время, когда въ Царьградѣ

готовились къ собору, надо было назначить на Русь митрополита. Назначили ученаго грека, очень склоннаго къ уніи, Исидора. Пріѣхавъ въ Москву, онъ сейчасъ же сталъ собираться на соборъ въ Италію, отправился туда съ большою свитою и тамъ сталъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ поборниковъ соединенія съ латинствомъ. Обласканный папою, возвратился онъ (1441) въ Москву и объявилъ о состоявшемся соглашеніи съ Римомъ. Но въ Москвѣ соглашенія не приняли, такъ какъ сами же греки цѣлыми столѣтіями воспитывали въ русскихъ ненависть къ католичеству. Исидоръ былъ взятъ подъ стражу и ухитрился бѣжать въ Литву, откуда перебрался въ Италію. А въ Москвѣ рѣшились отдѣлиться отъ Константинопольскаго патріархата, который предалъ православіе папѣ, и впредь самимъ ставить себѣ митрополита по избранію собора русскихъ архіереевъ. Новымъ порядкомъ и былъ поставленъ въ митрополиты московскіе рязанскій епископъ Іона. Въ то же время въ Юго-западной Руси, на старой кіевской митрополіи, водворились особые митрополиты, попрежнему назначаемые изъ Константинополя.

Образованіе Великорусскаго государства.

§ 46. **Великій князь Иванъ III Васильевичъ; значеніе его дѣятельности.** Преемникомъ Василія Темнаго былъ его старшій сынъ Иванъ Васильевичъ. Слѣпой отецъ сдѣлалъ его своимъ соправителемъ и еще при своей жизни далъ ему титулъ великаго князя. Одаренный большимъ умомъ и сильною волей, онъ блестяще повелъ дѣла и, можно сказать, закончилъ собираніе великорусскихъ земель подъ властью Москвы, образовавъ изъ своихъ владѣній единое Великорусское государство. Когда онъ началъ княжить, его княжество было окружено почти отовсюду русскими землями: господина Великаго Новгорода, князей тверскихъ, ростовскихъ, ярославскихъ, рязанскихъ. Иванъ Васильевичъ подчинилъ себѣ всѣ эти земли и въ концѣ своего княженія имѣлъ лишь иновѣрныхъ и иноплеменныхъ сосѣдей: шведовъ, нѣмцевъ, литву, татаръ. Это обстоятельство должно было измѣнить его политику. Ранѣе, окруженный такими же, какъ онъ самъ, владѣтелями, Иванъ былъ однимъ изъ многихъ удѣльныхъ князей, хотя бы и самымъ сильнымъ; теперь же онъ превратился въ единаго го-

сударя цѣлой народности. Въ началѣ своего княженія онъ мечталъ о примыслахъ, какъ мечтали о нихъ его удѣльные предки (§ 36); въ концѣ же онъ долженъ былъ думать о защитѣ цѣлаго народа отъ иновѣрныхъ и иноземныхъ его враговъ. Коротко говоря, сначала его политика была удѣльною, а затѣмъ стала *національною*.

Пріобрѣтя такое значеніе, Иванъ III не могъ дѣлиться своею властью съ другими князьями. Уничтожая чужіе удѣлы (въ Твери, Ярославлѣ, Ростовѣ), онъ не могъ оставлять удѣльныхъ порядковъ въ своей собственной роднѣ, среди князей московскаго рода. При первой возможности онъ отнималъ удѣлы у своихъ братьевъ и ограничивалъ ихъ права. Онъ требовалъ отъ нихъ повиновенія себѣ, какъ государю отъ подданныхъ. Составляя завѣщаніе, онъ обдѣлилъ своихъ младшихъ сыновей въ пользу старшаго ихъ брата, великаго князя Василія, и подчинилъ ихъ великому князю, какъ простыхъ служебныхъ князей. Словомъ, вездѣ и во всемъ Иванъ проводилъ взглядъ на великаго князя, какъ на единодержавнаго и самодержавнаго монарха, которому одинаково подчинены какъ его служилые князья, такъ и простые слуги. Такъ, вмѣстѣ съ объединеніемъ сѣверной Руси совершалось превращеніе московскаго удѣльнаго князя въ государя-самодержца всей Руси.

Наконецъ, ставъ національнымъ государемъ, Иванъ III усвоилъ себѣ новое направленіе во внѣшнихъ отношеніяхъ Руси. Онъ сбросилъ съ себя послѣдніе остатки зависимости отъ Золотоордынскаго хана. Онъ началъ наступательныя дѣйствія противъ Литвы, отъ которой Москва до тѣхъ поръ только оборонялась. Онъ заявилъ притязанія на всѣ тѣ русскія области, которыми со временъ Гедимина владѣли Литовскіе князья: называя себя государемъ «всея Руси», онъ подъ этими словами разумѣлъ не только сѣверную, но и южную и западную Русь. Твердую наступательную политику велъ Иванъ и относительно Ливонскаго ордена. Словомъ, онъ умѣло и рѣшительно пользовался тѣми силами и средствами, которыя накопили его предки и которыя онъ самъ создалъ въ своемъ государствѣ.

Въ этомъ и заключается важное историческое значеніе княженія Ивана III. Объединеніе сѣверной Руси вокругъ Москвы началось давно: при Дмитріи Донскомъ обнаружились

первые его признаки; совершилось же оно при Иванѣ III. Поэтому *Ивана III можно съ полнымъ правомъ назвать создателемъ Московскаго государства.*

§ 47. **Подчиненіе Великаго Новгорода и Новгородскихъ земель.** Въ послѣднее время самостоятельной новгородской жизни (§ 27) въ Новгородѣ шла постоянная вражда между лучшими и меньшими людьми. Пользуясь ею, великіе Московскіе князья старались взять Новгородъ подъ свою руку и держать тамъ своихъ служилыхъ князей въ качествѣ московскихъ намѣстниковъ. За неповиновеніе новгородцевъ великимъ князьямъ москвичи не разъ ходили войною на Новгородъ и приводили его къ послушанію. Открытыя притязанія Москвы на Новгородъ заставляли новгородцевъ искать союза и защиты у Литовскихъ великихъ князей; а тѣ, съ своей стороны, при всякой возможности старались подчинить себѣ новгородцевъ, но въ общемъ плохо помогали противъ Москвы. Поставленные между двухъ страшныхъ враговъ, новгородцы пришли къ убѣжденію въ томъ, что они сами не могутъ охранить и поддержать свою независимость и что только постоянный союзъ съ кѣмъ-либо изъ сосѣдей можетъ продлить существованіе Новгородскаго государства. Въ Новгородѣ образовались двѣ партіи: одна—за соглашеніе съ Москвою, другая—за соглашеніе съ Литвою. За Москву стояло по преимуществу простонародье, за Литву — бояре. Простые новгородцы видѣли въ Московскомъ князѣ православнаго и русскаго государя, а въ Литовскомъ—католика и чужака. Передаться изъ подчиненія Москвѣ въ подчиненіе Литвѣ значило для нихъ измѣнить своей вѣрѣ и народности. Бояре же новгородскіе, съ семьею Борецкихъ во главѣ, ожидали отъ Москвы полнаго разрушенія стараго новгородскаго строя и мечтали сохранить его именно въ союзѣ съ Литвою. При Василіи Темномъ Литовская партія въ Новгородѣ взяла верхъ. Въ 1471 году Новгородъ, руководимый партіей Борецкихъ, заключилъ съ Литовскимъ княземъ и королемъ Польскимъ, Казиміромъ Ягайловичемъ (§ 41), союзный договоръ, по которому король обязался защищать Новгородъ отъ Москвы, дать новгородцамъ своего намѣстника и соблюдать всѣ вольности новгородскія и старину.

Когда въ Москвѣ узнали о переходѣ Новгорода къ Литвѣ, то взглянули на это, какъ на измѣну не только великому

князю, но и вѣрѣ и русскому народу. Въ этомъ смыслѣ великій князь Иванъ писалъ въ Новгородъ, убѣждая новгородцевъ отстать отъ Литвы и короля-католика. Когда же новгородцы не послушались, то въ Москвѣ стали готовиться къ войнѣ. Походу на новгородцевъ приданъ былъ видъ похода за вѣру на отступниковъ: какъ Димитрій Донской вооружился на безбожнаго Мамая, такъ, по словамъ лѣтописца, благовѣрный великій князь Іоаннъ пошелъ на этихъ отступниковъ отъ православія къ латинству. Московская рать разными дорогами вошла въ Новгородскую землю. Подъ начальствомъ князя Данила Холмскаго она скоро побѣдила новгородцевъ. На р. Шелони главныя силы новгородскія потерпѣли страшное пораженіе. Посадникъ Борецкій попалъ въ плѣнъ и былъ казненъ. Дорога на Новгородъ была открыта, а Литва не помогла Новгороду. Пришлось новгородцамъ смириться предъ Иваномъ и просить пощады. Они отказались отъ всякихъ сношеній съ Литвою и обязались быть неотступными отъ Москвы; сверхъ того, они заплатили великому князю огромный «окупъ» въ $15^1/_2$ тысячъ рублей.

Иванъ возвратился на Москву, а въ Новгородѣ возобновились внутреннія смуты. Обижаемые своими насильниками, новгородцы жаловались великому князю на обидчиковъ, и Иванъ лично отправился въ 1475 году въ Новгородъ для суда и управы. Правосудіе Московскаго князя, не пощадившаго на своемъ судѣ сильныхъ бояръ, повело къ тому, что обиженные у себя дома новгородцы стали ѣздить изъ года въ годъ въ Москву просить суда у Ивана. Во время одного изъ такихъ пріѣздовъ два новгородскихъ чиновника назвали великаго князя «государемъ», тогда какъ раньше новгородцы звали Московскаго князя «господиномъ». Разница была большая: слово «государь» въ то время значило то же, что теперь значитъ слово «хозяинъ»; государемъ тогда называли своего хозяина рабы и слуги. Для вольныхъ же новгородцевъ князь не былъ «государемъ», и они его звали почетнымъ титуломъ «господинъ», такъ же точно, какъ звали и свой вольный городъ «господиномъ Великимъ Новгородомъ». Иванъ послалъ спросить въ Новгородѣ: на какомъ основаніи новгородцы называютъ его государемъ и какого хотятъ государства? Когда же новгородцы отреклись отъ новаго титула и сказали, что никого не уполномочивали называть Ивана

государемъ, то Иванъ пошелъ походомъ на Новгородъ за ихъ ложь и запирательство. Новгородъ не имѣлъ силъ бороться съ Москвою. Иванъ осадилъ городъ и началъ переговоры съ новгородскимъ владыкою (Ѳеофиломъ) и боярами. Онъ потребовалъ безусловной покорности и объявилъ, что хочетъ въ Новгородѣ такого же государства, какъ въ Москвѣ: вѣчу не быть, посаднику не быть, а быть московскому обычаю, какъ государи великіе князья держатъ свое государство у себя въ Московской землѣ. Долго думали новгородцы и, наконецъ, смирились: въ январѣ 1478 года согласились они на требованіе великаго князя и цѣловали ему крестъ. Новгородское государство перестало существовать; вѣчевой колоколъ былъ увезенъ въ Москву. Туда же была отправлена семья бояръ Борецкихъ, во главѣ которой стояла вдова посадника, Марѳа, которую считали руководительницею противомосковской партіи въ Новгородѣ. Вслѣдъ за Великимъ Новгородомъ были подчинены Москвою и всѣ Новгородскія земли [1]).

Въ первый годъ послѣ подчиненія Новгорода великій князь Иванъ не налагалъ своей опалы на новгородцевъ и не принималъ крутыхъ мѣръ противъ нихъ. Когда же въ Новгородѣ попробовали возстать и вернуться къ старинѣ (всего черезъ годъ послѣ сдачи Новгорода великому князю),—тогда Иванъ началъ съ новгородцами крутую расправу. Владыка новгородскій былъ взятъ и отправленъ въ Москву; много новгородскихъ бояръ было казнено, еще больше было переселено на востокъ, въ московскія земли. Исподволь всѣ лучшіе люди новгородскіе были выведены изъ Новгорода, а земли ихъ взяты на государя и розданы московскимъ служилымъ людямъ, которыхъ великій князь въ большомъ числѣ поселилъ въ Новгородскихъ пятинахъ. Такимъ образомъ исчезла совсѣмъ новгородская знать, а съ нею исчезла и память о новгородской вольности. Меньшіе люди новгородскіе, смерды и половники, были избавлены отъ боярскаго гнета; изъ нихъ были образованы крестьянскія податныя общины на московскій образецъ. Въ общемъ ихъ положеніе улучшилось, и они не имѣли побужденія жалѣть о новгородской старинѣ. Съ уни-

---

[1]) Изъ нихъ Вятка оказала нѣкоторое сопротивленіе. Въ 1489 году московскія войска подъ начальствомъ князя Даніила Щеняти силою покорили Вятку.

чтоженіемъ новгородской знати пала и новгородская торговля съ Западомъ, тѣмъ болѣе, что Иванъ III выселилъ изъ Новгорода нѣмецкихъ купцовъ. Такъ была уничтожена самостоятельность Великаго Новгорода. Псковъ пока сохранилъ свое самоуправленіе, ни въ чемъ не выходя изъ воли великаго князя.

§ 48. **Присоединеніе удѣльныхъ княжествъ.** При Иванѣ III дѣятельно продолжалось присоединеніе къ Москвѣ удѣльныхъ земель. Тѣ изъ мелкихъ князей, которые до Ивана III сохраняли еще свою независимость, при Иванѣ всѣ передали свои земли Москвѣ и били челомъ великому князю, чтобы онъ принялъ ихъ къ себѣ въ службу. Становясь московскими слугами и превращаясь въ бояръ Московскаго князя, эти князья сохраняли за собою свои родовыя земли, но уже не въ качествѣ удѣловъ, а какъ простыя вотчины. Они были ихъ частными собственниками, а «государемъ» ихъ земель почитался уже Московскій великій князь. Такимъ образомъ всѣ мелкіе удѣлы были собраны Москвою; оставались только Тверь и Рязань. Эти «великія княженія», когда-то боровшіяся съ Москвою, теперь были слабы и сохраняли только тѣнь своей независимости. Родъ Рязанскихъ князей вымеръ; послѣдній изъ этого рода малолѣтній князь находился въ полной зависимости отъ Ивана III. Въ такой же зависимости былъ и послѣдній тверской князь (Михаилъ Борисовичъ). Онъ было завелъ дружбу съ Литвою, думая отъ Литовскаго великаго князя получить помощь противъ Москвы. Иванъ III, узнавъ объ этомъ, началъ войну съ Тверью и, конечно, побѣдилъ. Тверской князь убѣжалъ въ Литву, а Тверь была присоединена къ Москвѣ (1485). Такъ совершилось окончательное объединеніе сѣверной Руси.

Мало того, объединительная національная политика Москвы влекла къ Московскому государю и такихъ служилыхъ князей, которые принадлежали не сѣверной Руси, а Литовско-Русскому княжеству. Князья Вяземскіе, Одоевскіе, Новосильскіе, Воротынскіе и многіе другіе, сидѣвшіе на восточныхъ окраинахъ Литовскаго государства, бросали своего великаго князя и переходили на московскую службу, подчиняя Московскому князю и свои земли. Именно этотъ переходъ старыхъ русскихъ князей отъ католическаго государя Литвы къ православному князю сѣверной Руси и давалъ поводъ Московскимъ князьямъ считать себя государями всей Русской земли—даже

и той, которая находилась подъ литовскимъ владычествомъ и хотя еще не соединилась съ Москвою, но должна была, по ихъ мнѣнію, соединиться по единству вѣры, народности и старой династіи св. Владимира.

§ 49. **Семейныя и придворныя дѣла при Иванѣ III.** Необыкновенно быстрые успѣхи великаго князя Ивана III въ собираніи русскихъ земель сопровождались существенными перемѣнами въ московскомъ придворномъ быту. Первая жена Ивана III (тверская княжна Марія Борисовна) умерла рано, когда Ивану не было еще и 30 лѣтъ. Послѣ нея у Ивана остался сынъ — князь Иванъ Ивановичъ «Молодой», какъ его обыкновенно называли. Въ ту пору уже завязывались сношенія Москвы съ западными странами. По разнымъ причинамъ, римскій папа былъ заинтересованъ тѣмъ, чтобы установить сношенія съ Москвою и подчинить ее своему вліянію. Отъ папы и вышло предположеніе устроить бракъ Московскаго великаго князя съ племянницей послѣдняго Константинопольскаго императора, Зоей-Софіей Палеологъ. Послѣ взятія Царьграда турками (1453) братъ убитаго императора Константина Палеолога, по имени Ѳома, бѣжалъ съ семействомъ въ Италію и тамъ умеръ, оставивъ дѣтей на попеченіи папы. Дѣти были воспитаны въ духѣ Флорентійской уніи, и папа имѣлъ основаніе надѣяться, что, выдавъ Софью за Московскаго князя, онъ получитъ возможность ввести унію въ Москву. Иванъ III согласился начать сватовство и отправилъ въ Италію пословъ за невѣстою. Въ 1472 году она пріѣхала въ Москву и бракъ состоялся. Однако надеждамъ папы не было суждено осуществиться: папскій легатъ, сопровождавшій Софью, не имѣлъ никакого успѣха въ Москвѣ; сама Софья ничѣмъ не содѣйствовала торжеству уніи, и такимъ образомъ бракъ Московскаго князя не повлекъ за собою никакихъ видимыхъ послѣдствій для Европы и католичества. Но онъ имѣлъ нѣкоторыя послѣдствія для московскаго двора.

Во-первыхъ, онъ содѣйствовалъ оживленію и укрѣпленію завязавшихся въ ту эпоху сношеній Москвы съ Западомъ, съ Италіей въ особенности. Вмѣстѣ съ Софьею прибыли въ Москву греки и италіанцы; пріѣзжали они и впослѣдствіи. Великій князь держалъ ихъ у себя, какъ «мастеровъ», поручая имъ строеніе крѣпостей, церквей и палатъ, литье пушекъ, чеканку монеты. Иногда этимъ мастерамъ ввѣрялись и дипло-

матическія дѣла и они ѣздили въ Италію съ порученіями отъ великаго князя [1]). Рядомъ съ италіанскими, «фряжскими», мастерами у Ивана III работали и нѣмецкіе, хотя въ его пору они не играли первой роли; выдавались только лѣкаря-«нѣмчины». Кромѣ мастеровъ, въ Москвѣ появлялись иноземцы-гости (напримѣръ, греческая родня Софьи) и послы отъ западно-европейскихъ государей. (Между прочимъ, посольство отъ римскаго императора предлагало Ивану III титулъ короля, отъ котораго Иванъ отказался). Для пріема гостей и пословъ при московскомъ дворѣ былъ выработанъ опредѣленный «чинъ» (церемоніалъ), совсѣмъ отличный отъ того чина, который соблюдался прежде при пріемахъ татарскихъ посольствъ. И вообще порядокъ придворной жизни при новыхъ обстоятельствахъ измѣнился, сталъ сложнѣе и церемоннѣе.

Во-вторыхъ, появленію въ Москвѣ Софьи московскіе люди приписывали большія перемѣны въ характерѣ Ивана III и замѣшательства въ княжеской семьѣ. Они говорили, что какъ пришла Софья съ греками, такъ земля замѣшалася и пришли нестроенія великія. Великій князь измѣнилъ свое обращеніе съ окружающими: сталъ держать себя не такъ просто и доступно, какъ прежде, требовалъ знаковъ почтенія къ себѣ, сталъ взыскателенъ и легко «опалялся» (налагалъ немилость) на бояръ. Онъ сталъ обнаруживать новое, непривычно-высокое представленіе о своей власти. Женившись на греческой царевнѣ, онъ какъ будто считалъ себя преемникомъ исчезнувшихъ греческихъ императоровъ и намекалъ на это преемство тѣмъ, что усвоилъ себѣ византійскій гербъ—двуглаваго орла. Словомъ, послѣ брака съ Софьею Иванъ III проявилъ большое властолюбіе, которое потомъ испытала на себѣ и сама великая княгиня: въ концѣ своей жизни Иванъ совсѣмъ было поссорился съ Софьею и отдалилъ ее отъ себя [2]).

---

[1]) Выѣзжихъ италіанцевъ въ Москвѣ называли общимъ именемъ „фрязинъ“ (отъ „фрягъ“, „франкъ“); такимъ образомъ дѣйствовали въ Москвѣ Иванъ Фрязинъ, Маркъ Фрязинъ, Антоній Фрязинъ и т. п. Изъ италіанскихъ мастеровъ особою извѣстностью пользовался архитекторъ Аристотель Фіоравенти, построившій въ Московскомъ Кремлѣ знаменитые Успенскій соборъ и Грановитую палату. Вообще трудами италіанцевъ при Иванѣ III Кремль былъ обстроенъ и украшенъ заново.

[2]) Ссора произошла по вопросу о престолонаслѣдіи. Сынъ Ивана III отъ перваго брака, Иванъ Молодой, умеръ въ 1490 году, оста-

Вспоминая все то, что происходило при дворѣ Ивана III послѣ его женитьбы на Софьѣ, московскіе люди высказывали осужденіе Софьѣ и считали ея вліяніе на мужа скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ. Ей они приписывали паденіе старыхъ обычаевъ и разныя новизны въ московскомъ быту, а также и порчу характера ея мужа и сына, ставшихъ властными и грозными монархами. Не слѣдуетъ, однако, преувеличивать значенія личности Софьи: если бы ея и вовсе не было при московскомъ дворѣ, все равно, Московскій великій князь сознаалъ бы свою силу и полновластіе, и сношенія съ Западомъ, все равно, завязались бы. Къ этому велъ весь ходъ Московской исторіи, въ силу котораго Московскій великій князь сталъ единымъ государемъ могучей великорусской народности и сосѣдомъ нѣсколькихъ европейскихъ государствъ.

§ 50. **Внѣшняя политика Ивана III. Дѣла съ татарами.** Во время Ивана III существовали уже три самостоятельныхъ татарскихъ орды въ предѣлахъ нынѣшней Россіи. Золотая орда, истощенная усобицами, доживала свой вѣкъ. Рядомъ съ нею въ XV вѣкѣ образовалась въ Черноморьѣ Крымская орда, въ которой утвердилась династія Гиреевъ (потомковъ Ази-Гирея). Въ Казани золотоордынскіе выходцы основали, также въ серединѣ XV вѣка, особую орду (§ 45), объединивъ подъ татарскою властью финскихъ инородцевъ: мордву, черемису, вотяковъ. Пользуясь несогласіями и постоянными междоусобіями среди татаръ, Иванъ III исподволь добился того, что подчинилъ своему вліянію казанскаго хана, или «царя» (тогда ханов москвичи называли царями). Съ Крымскимъ царемъ у Ивана III образовалась прочная дружба, такъ какъ оба они

вивъ великому князю маленькаго внука Дмитрія. Но у великаго князя былъ другой сынъ отъ брака съ Софьею—Василій. Кому было наслѣдовать престолъ московскій: внуку Дмитрію или же сыну Василію? Сначала Иванъ III рѣшилъ дѣло въ пользу Дмитрія и при этомъ наложилъ свою опалу на Софью и Василія. Дмитрія онъ при своей жизни вѣнчалъ на царство (именно на *царство*, а не на великое княженіе). Но черезъ годъ отношенія перемѣнились: Дмитрій былъ отстраненъ, а Софья съ Василіемъ снова вошли въ милость. Василій получилъ титулъ великаго князя и сталъ соправителемъ отца. При этихъ перемѣнахъ терпѣли придворные Ивана III: съ опалою на Софью попали въ немилость ея приближенные, причемъ нѣсколько человѣкъ было даже казнено смертью; съ опалою на Дмитрія великій князь также воздвигъ гоненіе на нѣкоторыхъ бояръ и одного изъ нихъ казнилъ.

имѣли общаго врага, Золотую орду, противъ которой и дѣйствовали вмѣстѣ. Что же касается до Золотой орды, то Иванъ III прекратилъ всякія зависимыя къ ней отношенія: не давалъ дани, не ѣхалъ въ орду, не оказывалъ почтенія хану. Разсказывали, что однажды Иванъ III даже бросилъ на землю и топталъ ногою ханскую «басму», то-есть тотъ знакъ (вѣроятно, золотую пластинку съ надписью), который ханъ вручилъ своимъ посламъ къ Ивану, какъ доказательство ихъ полномочій и власти. Слабый золотоордынскій ханъ Ахматъ пытался дѣйствовать противъ Москвы въ союзѣ съ Литвою; но такъ какъ Литва не давала ему вѣрной помощи, то онъ ограничивался набѣгами на московскія границы. Въ 1472 году онъ пришелъ къ берегамъ Оки и, пограбивъ, ушелъ назадъ, не смѣя идти на самую Москву. Въ 1480 году онъ повторилъ свой набѣгъ. Оставивъ вправо отъ себя верховья Оки, Ахматъ пришелъ на р. Угру, въ пограничныя между Москвою и Литвою мѣста. Но и здѣсь онъ не получилъ никакой помощи отъ Литвы, а Москва встрѣтила его сильною ратью. На Угрѣ и стали другъ противъ друга Ахматъ и Иванъ III — оба въ нерѣшимости начать прямой бой [1]). Иванъ не отважился напасть на татаръ. Въ свою очередь, и Ахматъ, простоявъ на Угрѣ съ лѣта до ноября мѣсяца, дождался снѣговъ и морозовъ и долженъ былъ уйти домой. Онъ скоро былъ убитъ въ усобицѣ, и самая Золотая орда окончательно распалась (1502). Такъ окончилось для Москвы «татарское иго», спадавшее постепенно и въ послѣднюю свою пору бывшее номинальнымъ. Но не окончились для Руси бѣды отъ татаръ. Какъ крымцы, такъ и казанцы, и нагаи, и всѣ мелкія кочевыя татарскія орды, близкія къ русскимъ границамъ и «украйнамъ», постоянно нападали на эти украйны, жгли, разоряли жилища и имущество, уводили съ собою людей и

---

[1]) Иванъ III велѣлъ готовить столицу къ осадѣ, отправилъ свою жену Софью изъ Москвы на сѣверъ и самъ пріѣзжалъ съ Угры къ Москвѣ, боясь какъ татаръ, такъ и своихъ родныхъ братьевъ. Они были съ нимъ въ ссорѣ и внушали ему подозрѣнія въ томъ, что измѣнятъ въ рѣшительную минуту. Осмотрительность Ивана и медлительность его показались народу трусостью, и простые люди, готовясь въ Москвѣ къ осадѣ, открыто негодовали на Ивана. Духовный отецъ великаго князя, архіепископъ ростовскій Вассіанъ, и словомъ, и письменнымъ „посланіемъ“ увѣщевалъ Ивана не быть „бѣгуномъ“, а храбро стать противъ врага.

скотъ. Съ этимъ постояннымъ татарскимъ разбоемъ русскимъ людямъ пришлось бороться еще около трехъ столѣтій.

§ 51. **Внѣшняя политика Ивана III. Литва и Ливонія. Сношенія съ Западомъ.** Отношенія Ивана III къ Литвѣ не были мирными. Послѣ Витовта усиленіе польскаго вліянія и католической пропаганды создало въ Литвѣ много недовольныхъ князей (§ 41); они уходили въ московское подданство со своими вотчинами. Когда въ Литвѣ вокняжился Александръ Казимировичъ (§ 41), Иванъ III началъ войну противъ него и добился того, что Литва формально уступила ему земли всѣхъ князей, перешедшихъ въ Москву (Вяземскихъ, Новосильскихъ, Одоевскихъ, Воротынскихъ, Бѣлевскихъ), и, кромѣ того, признала за Московскимъ великимъ княземъ титулъ «государя всея Руси». Заключеніе мира было закрѣплено тѣмъ, что Иванъ III выдалъ свою дочь Елену замужъ за Александра Казимировича. Александръ былъ самъ католикъ, но обѣщалъ не принуждать къ католичеству своей православной супруги. Однако онъ не сдержалъ своего обѣщанія подъ внушеніями своихъ католическихъ совѣтниковъ. Судьба великой княгини Елены Ивановны была очень печальна, и ея отецъ напрасно требовалъ отъ Александра лучшаго съ ней обращенія. Съ другой стороны, и Александръ обижался на Московскаго великаго князя. Къ Ивану III на службу продолжали проситься православные князья изъ Литвы, объясняя свое нежеланіе оставаться подъ властью Литвы гоненіемъ на ихъ вѣру. Такъ, Иванъ III принялъ къ себѣ князя Бѣльскаго и князей Новгородъ-Сѣверскаго и Черниговскаго съ громадными вотчинами по Днѣпру и Деснѣ. Война между Москвою и Литвою стала неизбѣжна. Она шла съ 1500 по 1503 годъ, при чемъ сторону Литвы принялъ Ливонскій орденъ, а сторону Москвы—Крымскій ханъ. Окончилось дѣло перемиріемъ, по которому Иванъ III удержалъ за собою всѣ пріобрѣтенныя имъ княжества. Было очевидно, что Москва въ ту минуту была сильнѣе Литвы, точно такъ же, какъ она была сильнѣе и ордена. Орденъ, несмотря на отдѣльныя военныя удачи, заключилъ съ Москвою также не особенно почетное перемиріе. До Ивана III, подъ напоромъ съ Запада, Московское княжество уступало и проигрывало; теперь Московскій великій князь самъ начинаетъ наступать на своихъ сосѣдей и, увеличивая съ запада свои владѣнія, открыто высказываетъ притя-

заніе на присоединеніе къ Москвѣ всѣхъ вообще русскихъ земель.

Воюя съ своими западными сосѣдями, Иванъ III искалъ дружбы и союзовъ въ Европѣ. Москва при немъ вступила въ дипломатическія сношенія съ Даніей, съ императоромъ, съ Венгріей, съ Венеціей, съ Турціей. Окрѣпшее русское государство входило понемногу въ кругъ европейскихъ международныхъ отношеній и начинало свое общеніе съ культурными странами Запада.

§ 52. **Великій князь Василій III Ивановичъ.** Иванъ III, по примѣру своихъ предковъ, составилъ завѣщаніе, въ которомъ подѣлилъ свои владѣнія между своими пятью сыновьями. По формѣ это завѣщаніе было похоже на старыя княжескія душевныя грамоты, но по сути своей оно окончательно устанавливало новый порядокъ единодержавія въ Московскомъ государствѣ. Старшаго своего сына, Василія, Иванъ III дѣлалъ прямо государемъ надъ братьями и ему одному давалъ державныя права [1]).

Василій III наслѣдовалъ властолюбіе своего отца, но не имѣлъ его талантовъ. Вся его дѣятельность была продолженіемъ того, что дѣлалъ его отецъ. Чего не успѣлъ довершить Иванъ III, то доканчивалъ Василій. Покоривъ Новгородъ, Иванъ оставилъ прежнее самоуправленіе во Псковѣ. Внутренняя жизнь Пскова не давала тогда поводовъ къ вмѣшательству въ его дѣла. Во Псковѣ не было внутреннихъ усобицъ. Находясь на окраинѣ Русской земли, въ постоянной опасности отъ литвы и нѣмцевъ, Псковъ крѣпко держался Москвы, былъ ей послушенъ и всегда имѣлъ у себя, вмѣсто самостоятельнаго князя, московскаго намѣстника. Однако послушаніе псковичей великому князю не обезпечивало ихъ отъ притѣсненій со стороны московскихъ намѣстниковъ. Псковичи жаловались на своихъ «князей» въ Москву, а намѣстники жаловались на псковичей. Въ 1510 году, послѣ

[1]) Василій получилъ одинъ 66 городовъ, а четверо его братьевъ— только тридцать, и притомъ мелкихъ. Василій одинъ имѣлъ право бить монету, сноситься съ другими государствами; онъ наслѣдовалъ всѣ выморочные удѣлы бездѣтныхъ родственниковъ; только его дѣтямъ принадлежало великое княженіе, отъ котораго отказались заранѣе его братья. Такимъ образомъ Василій былъ государемъ, а его братья и прочая родня—подданными. Такова основная мысль завѣщанія Ивана III.

одной изъ такихъ ссоръ, Василій III уничтожилъ вѣче во Псковѣ, взялъ въ Москву вѣчевой колоколъ и вывелъ изъ Пскова на жительство въ Московскія волости 300 семей псковичей, а на ихъ мѣсто прислалъ столько же семействъ изъ Московскихъ городовъ. Псковъ не оказалъ великому князю никакого сопротивленія; псковичи только слезами оплакивали потерю своей вѣковой вольности и жаловались, что городъ ихъ поруганъ и разоренъ, «а псковичи бѣдные не вѣдали правды московскія».

То же было сдѣлано и съ Рязанью: Василій арестовалъ послѣдняго рязанскаго князя, а его волость присоединилъ къ Москвѣ (1517). Какъ во Псковѣ, рязанцевъ толпами выводили въ Московскія волости, а на ихъ мѣсто селили москвичей. Такой «выводъ» изъ покоренныхъ земель дѣлали для того, чтобы уничтожить въ нихъ возможность возстаній и отпаденій отъ Москвы. Оставались еще князья Сѣверской земли, перешедшіе къ Ивану III отъ Литовскаго великаго князя со своими волостями. Василій III, воспользовавшись ихъ распрями, выгналъ этихъ князей изъ ихъ городовъ и взялъ ихъ владѣнія къ Москвѣ (1523). Такимъ образомъ, всѣ такъ называемые «удѣлы» были упразднены, и въ Московскомъ государствѣ остались только простые служилые князья, которые въ своихъ вотчинахъ не имѣли уже никакихъ державныхъ правъ и служили великому князю, какъ простые бояре.

Внѣшняя политика Василія была продолженіемъ политики предшествующаго княженія. Москва попрежнему притягивала къ себѣ выходцевъ изъ Литвы (князья Глинскіе), а Литва, какъ и ранѣе, не могла примириться съ уходомъ князей и земель изъ литовскаго подданства. Дважды вспыхивала война между Москвою и Литвою. Василій III овладѣлъ въ 1514 году Смоленскомъ, имѣвшимъ важное военное значеніе. Какъ ни старались литовцы вернуть себѣ Смоленскъ, эта крѣпость осталась въ московскихъ рукахъ, и Литва была вынуждена заключить (въ 1522 г.) перемиріе съ уступкою Смоленска Москвѣ до «вѣчнаго мира», или «докончанія». Но этого «докончанія» такъ и не было достигнуто въ теченіе болѣе, чѣмъ столѣтія, ибо Литва и Москва никакъ не могли размежевать между собою спорныя промежуточныя между ними русскія волости.

Татарскія отношенія послѣ паденія Золотой орды не стали

легче для Москвы. Со стороны Крыма и Казани на русскія области совершались постоянные набѣги. На южныхъ границахъ Московскаго государства грабили крымцы; въ мѣстахъ нижегородскихъ, костромскихъ и галицкихъ—казанскіе татары и подчиненная имъ мордва и черемиса. Отъ татарской и черемисской «войны» русскіе люди не могли жить спокойно у себя дома и не имѣли возможности колонизовать ни плодородной черноземной полосы на югъ отъ Оки (такъ называемаго «дикаго поля»), ни лѣсныхъ пространствъ за Волгою по рр. Унжѣ и Ветлугѣ. Вся восточная и южная окраина государства была въ постоянномъ страхѣ татарскихъ набѣговъ. Мало того: если татарамъ удавалось не встрѣтить на границахъ Руси московской сторожевой рати, они устремлялись въ центральныя русскія волости и добирались даже до самой Москвы. Василію III оставалось только сторожить свои границы и при случаѣ вмѣшиваться во внутреннія дѣла татаръ и укрѣплять среди нихъ свое вліяніе. Въ Казани это и удавалось. Крымъ же, къ сожалѣнію, былъ такъ далекъ отъ Москвы, что нельзя было хорошо слѣдить за крымцами и вліять на нихъ. Московское правительство ограничивалось тѣмъ, что посылало въ Крымъ посольства съ «поминками», то-есть подарками, которыми думало задобрить и замирить врага; а въ то же время ежегодно лѣтомъ на южной границѣ государства (шедшей по берегу средней Оки и потому называвшейся тогда «берегомъ») ставились войска, чтобы стеречь «берегъ» отъ внезапныхъ набѣговъ. Сверхъ того, въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ строили на Окѣ и за Окою недоступныя для татаръ каменныя крѣпости (Калуга, Тула, Зарайскъ) и помѣщали въ нихъ войска.

Василій III былъ женатъ на Соломоніи, изъ боярскаго рода Сабуровыхъ, и не имѣлъ дѣтей. Онъ, однако, никакъ не хотѣлъ оставить великаго княженія своимъ братьямъ (Юрію и Андрею), такъ какъ, по его мнѣнію, они и своихъ удѣловъ не умѣли устроить. Поэтому, съ разрѣшенія митрополита (Даніила), онъ заставилъ свою жену постричься въ монахини (съ именемъ Софіи) и отправилъ ее на житье въ Суздальскій женскій Покровскій монастырь. Самъ же онъ женился вторично, взявъ за себя княжну Елену Васильевну Глинскую, изъ рода литовскихъ выходцевъ. Въ этомъ бракѣ у него было два сына, Иванъ и Юрій. Старшему изъ нихъ было всего

3 года, когда Василій III заболѣлъ случайнымъ нарывомъ и умеръ, не доживъ до 60-ти лѣтъ. Личный характеръ Василія и его поступокъ съ первою женою вызывали неодобрительные отзывы окружавшихъ его старыхъ бояръ. Властный и строгій, Василій не обладалъ достоинствами Ивана III-го, зато еще болѣе его любилъ власть и привыкъ окружать себя простыми, раболѣпными чиновниками, «дьякáми». Таковъ былъ послѣдній «собирáтель» Руси.

Переходъ удѣльнаго быта въ государственный.

§ 53. **Самодержавіе Московскихъ государéй и мысль о Москвѣ, какъ о третьемъ Римѣ.** Московское государство, какъ мы видѣли, образовалось изъ Московскаго удѣльнаго княжества черезъ присоединеніе къ нему другихъ удѣловъ сѣверной Руси, а затѣмъ Новгородскихъ земель и волостей великаго княжества Литовскаго. Московскіе князья, дѣлая свои «прúмыслы», долго смотрѣли на себя, какъ на удѣльныхъ собственниковъ своихъ «вотчинныхъ» земель. Пріобрѣтя прочно великое Владимирское княженіе, они и его стали называть своею «вотчиною». Позднѣе, когда они требовали отъ Литвы уступки старыхъ русскихъ городовъ, они приказывали своимъ посламъ говорить, что и вся Русская земля «отъ ихъ предковъ изъ старины ихъ вотчина». Такимъ образомъ Московскіе князья распространяли свои удѣльныя понятія отъ своего удѣла на всю страну и, по удѣльному порядку, считали себя *сóбственниками и хозяéвами всего своего огромнаго государства*. Такой взглядъ былъ усвоенъ и всѣмъ населеніемъ: московскіе люди всегда выражались такъ, что они живутъ на «землѣ великаго государя» и только владѣютъ ею. Такимъ образомъ власть Московскихъ князей имѣла характеръ *вóтчинной влáсти* и уже потому была очень полною и самодержáвною: князья не только управляли страною, но и владѣли ею. Съ теченіемъ времени, когда Московскіе князья стали во главѣ народнаго объединенія и собрали вокругъ себя всю сѣверную Русь, они получили значеніе вождей цѣлаго народа и власть ихъ пріобрѣла новый характеръ *націонáльной власти*, общенародной и демократической. Пользуясь сочувствіемъ и поддержкою народныхъ массъ, Московскіе государи сознавали себя представителями народнаго единства

я національной независимости и потому держались гордо и властно [1]). Такъ создалась въ Москвѣ сильная самодержавная власть, вотчинная по происхожденію и національная по значенію.

Случилось это въ то самое время, когда другія православныя государства склонились къ упадку и гибели. На православный Востокъ надвинулась гроза турецкаго завоеванія. Изъ Азіи турки перешли въ Европу; въ исходѣ XIV и началѣ XV вѣка покорили они балканскихъ славянъ и кольцомъ окружили Царьградъ. Въ ожиданіи своей гибели греки искали помощи даже у папы (§ 45). Ничто, однако, не помогло, и въ 1453 году Царьградъ былъ взятъ турками. На Востокѣ не осталось ни одного православнаго государства, ни одной независимой епархіи. Одно только Московское государство имѣло православнаго государя и независимаго митрополита; одно только оно росло и крѣпло, объединило могучее великорусское племя и сбросило съ себя послѣднюю тѣнь татарскаго ига. Съ давнихъ поръ, съ самаго принятія Русью христіанства, на Руси усвоили мысль о томъ, что все «православіе» (то-есть совокупность православныхъ христіанъ) испоконъ вѣка объединено подъ единою верховною властью греческаго государя («цесаря», «царя») и греческой церкви. Поэтому-то и Константинополь, столица царя и патріарха греческихъ, Русью былъ названъ «Царьградомъ» и почитался за столицу всего «православія». Теперь, когда Царьградъ былъ плѣненъ турками и всѣ восточныя государства и церкви подчинены ими, въ православіи не осталось иной столицы, кромѣ свободной Москвы. Московскіе люди поняли это вскорѣ послѣ паденія Константинополя. Московскіе князья Иванъ III и Василій III начали смотрѣть на себя, какъ на наслѣдниковъ и преемниковъ греческихъ царей. Иванъ III женился на греческой царевнѣ, усвоилъ себѣ греческій гербъ; какъ онъ, такъ и Василій III иногда стали звать себя «царями». Такой

[1]) Иванъ III отказался отъ предложеннаго ему императоромъ королевскаго титула, ибо не хотѣлъ ни отъ кого „постановленія" во власти „на своей землѣ". Иностранные послы отзывались о Василіи III, что онъ имѣлъ такую власть, какой не обладалъ ни одинъ современный ему монархъ; они замѣтили, что москвичи равняли своего государя съ Богомъ, говоря: „мы этого не знаемъ, знаетъ Богъ да государь".

взглядъ раздѣлялся и выѣзжими на Русь греками, и балканскими славянами, которые Московскихъ князей называли прямо наслѣдниками императоровъ. Въ тогдашней русской письменности сами русскіе люди охотно писали о преемствѣ между Византіею и Москвою. Между прочимъ, псковскій инокъ Филоѳей посвятилъ великому князю Василію III посланіе, въ которомъ доказывалъ, что сперва міровою столицею былъ Римъ старый, затѣмъ Римъ новый (Roma nova — Константинополь), а въ послѣднее время сталъ третій Римъ — Москва. «Два Рима падоша (говорилъ Филоѳей), а третій стоитъ, а четвертому не быти». Такое выраженіе получила мысль о всемірной роли «Москвы—третьяго Рима». Вслѣдъ за Филоѳеемъ другіе писатели раскрывали ту же идею: мысль о передачѣ всемірнаго главенства отъ Царьграда Москвѣ они старались доказать и пояснить всѣми способами. Указывали на то, что во многихъ случаяхъ святыня сама чудеснымъ образомъ переходила изъ Греціи (напримѣръ, Тихвинская икона Богоматери). Передавали преданіе, будто апостолъ Андрей Первозванный былъ въ Русской землѣ, благословилъ горы Кіевскія и предсказалъ, что на Руси будетъ цвѣсти истинная вѣра; на этомъ основаніи заключали, что русская церковь ведетъ свое начало отъ апостоловъ и потому является достойною преемницею греческой церкви. Разсказывали далѣе, что знаки царскаго сана давно были переданы самими греческими царями (именно Константиномъ Мономахомъ) на Русь великому князю Владиміру Мономаху, а отъ него перешли къ Московскимъ великимъ князьямъ. Въ Москвѣ дѣйствительно существовала (и существуетъ) шапка Мономаха, а также его оплечья (бармы), которыя возлагали на себя великіе князья при вѣнчаніи на престолъ. Сложилась, наконецъ, легенда даже о томъ, что русская династія происходила отъ первыхъ римскихъ царей, такъ какъ Рюрикъ былъ будто бы потомкомъ Пруса, брата императора Августа. Цѣлымъ рядомъ подобныхъ преданій была укрѣплена въ Москвѣ мысль о томъ, что Московское государство есть первенствующее во всемъ «православіи», что Московскій князь есть «царь православія», и что московская церковь, сохранивъ, одна изо всѣхъ православныхъ церквей, свою независимость и чистоту, тѣмъ самымъ стала выше старыхъ восточныхъ патріархатовъ.

Усвоивъ эту величавую мысль, Московскіе князья готовы

были взять на себя вселенскую роль царей всего православнаго міра. Понятно, почему ихъ власть казалась такою могущественною и самодержавною. Но эта самодержавная власть не всѣмъ была пріятна: противъ нея стало замѣтно движеніе въ московскомъ боярствѣ XV вѣка.

§ 54. **Боярство и княжата; ихъ притязанія.** Въ первое время возвышенія Московскаго княжества въ Москвѣ образовалось преданное князьямъ боярство (§ 43). Древній обычай давалъ боярамъ и вольнымъ княжескимъ слугамъ право уходить со службы князю, если слуга бывалъ недоволенъ своимъ «государемъ» (хозяиномъ). Знатнѣйшіе изъ слугъ, бояре, сверхъ того, считали себя въ правѣ участвовать въ княжеской думѣ и обсуждать всѣ дѣла управленія и политики. Въ XIV столѣтіи бояре не уходили отъ Московскихъ князей, потому что въ Москвѣ имъ было лучше и доходнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Напротивъ, изъ другихъ княжествъ добровольно пріѣзжало въ Москву много слугъ на московскую службу. Имѣя прямую для себя выгоду въ успѣхахъ Москвы, бояре московскіе всѣми силами старались объ усиленіи Московскихъ князей и были ихъ вѣрными слугами. Не разъ они даже правили княжествомъ за малолѣтнихъ князей и никому не давали ихъ въ обиду. Зато и князья цѣнили и жаловали своихъ бояръ [1]).

Начиная съ XV вѣка, въ среду московскаго боярства стали поступать въ большомъ числѣ удѣльные князья сѣверной Руси и выѣзжіе князья изъ Литвы. Удѣльные князья приходили на службу Московскаго князя съ своими удѣлами, которые великій князь и оставлялъ за ними въ качествѣ простыхъ боярскихъ вотчинъ. Князья литовскіе переходили въ Москву также съ своими волостями; если же они выбѣгали изъ Литвы безъ земель, то великіе князья давали имъ земли отъ себя. Такимъ образомъ новые слуги Московскаго государя были обезпечены землями и должны были съ этихъ земель служить Москвѣ ратную и всякую иную службу, являясь по

---

1) Среди этого стараго коренного московскаго боярства особенно были замѣтны родъ Ѳёдора Кошки (родоначальника Романовыхъ и Шереметевыхъ), родъ Бяконта (родоначальника Плещеевыхъ и др.), родъ Мурзы-Чета (родоначальника Сабуровыхъ, Годуновыхъ и др.), роды Головиныхъ, Морозовыхъ, Вельяминовыхъ и многихъ другихъ.

государеву зову съ своими «людьми» (холопами) всюду, куда ихъ позовутъ. Занимая разныя должности, придворныя и военныя, служилые князья становились на дѣлѣ самыми обыкновенными слугами; но они не хотѣли равняться съ простыми боярами, потому что происходили изъ княжескаго рода и вели себя отъ Рюрика или же Гедимина. На основанiи родословныхъ книгъ они точно знали, кто изъ нихъ принадлежитъ къ старшей линiи, а кто къ младшей, и кто кого породою выше. *Положенiе каждаго князя въ его родѣ называлось его «отечествомъ»*, и при каждой службѣ князья считались «отечествомъ», стараясь, чтобы старшiе и знатнѣйшiе занимали высшiя мѣста и должности, а молодые и «худые»—низшiя. А всѣ вмѣстѣ князья желали на всякой службѣ быть выше простыхъ бояръ, потому что они считали себя «государями», а бояръ простыми людьми. Но и у бояръ было свое «отечество» въ ихъ родахъ и свои счеты мѣстами на службѣ. Они не всегда уступали князьямъ. И вотъ въ Москвѣ твердо укоренился обычай счета «отечествомъ» при всякомъ служебномъ назначенiи. Служилый человѣкъ соглашался взять должность или занять мѣсто только тогда, когда убѣждался, что его не подчинятъ равному съ нимъ или менѣе знатному, чѣмъ онъ самъ. Въ противномъ случаѣ онъ билъ государю челомъ, что ему служить «невмѣстно», что эта служба его «отечеству поруха» и что онъ проситъ дать ему «оборонь». Этотъ *обычай счета мѣстами по отечеству называется мѣстничествомъ*, а столкновенiя изъ-за мѣстъ—мѣстническими «случаями», или «дѣлами».

Такимъ образомъ въ XV вѣкѣ въ Москвѣ постепенно сложилось новое боярство, наверху котораго оказались, по своей «великой породѣ», потомки удѣльныхъ князей, подчиненныхъ Москвою. Не допустить первенства князей среди бояръ великiе князья не могли, потому что они не могли измѣнить «породы» и «отечества» своихъ слугъ, не могли незнатнаго сдѣлать знатнымъ, а родовитаго сдѣлать простымъ. Но Московскiе государи не могли быть довольны своимъ новымъ боярствомъ, потому что оно стало менѣе зависимо отъ нихъ. Знатные князья-бояре помнили, что ихъ предки были такими же государями, какъ Московскiй князь, и сами себя считали тоже «государями», а не простыми слугами. Они желали принимать участiе въ управленiи государствомъ, какъ

соправители Московскаго князя, а не какъ его слуги. Въ своихъ вотчинахъ они чувствовали себя попрежнему удѣльными князьями, какими были ихъ отцы и дѣды. Словомъ, новое московское боярство приняло видъ родовой и земельной аристократіи, питавшей притязанія на участіе въ управленіи государствомъ. При такихъ условіяхъ старыя добрыя отношенія между московскими самодержцами и ихъ боярствомъ пали. Иванъ III и Василій III одинаково не признавали притязаній «княжатъ» (такъ въ Москвѣ стали звать титулованныхъ слугъ). Они отбирали отъ нихъ нѣкоторыя вотчины, запрещали имъ продавать земли безъ особаго разрѣшенія или дозволяли продавать только роднѣ,—все затѣмъ, чтобы какъ-нибудь не упустить изъ московскаго подданства удѣльныхъ земель и не лишиться съ нихъ службы государству. Они не допускали княжатъ до своей тайной думы и всякія дѣла дѣлали съ довѣренными лицами изъ простыхъ «дьяковъ» (секретарей). Когда же княжата роптали и жаловались на это, государи «опалялись» на нихъ, ссылали ихъ, постригали въ монахи, даже казнили. Если же кто-либо изъ княжатъ замышлялъ «отъѣхать» отъ великаго князя въ Литву (больше некуда уже было отъѣзжать), то его хватали и обвиняли въ измѣнѣ и отступничествѣ. Такимъ образомъ у самыхъ знатныхъ своихъ слугъ Московскіе государи отнимали старое право совѣта и отъѣзда, какимъ всегда пользовались бояре. Княжата не принимали въ расчетъ, что времена уже измѣнились и что при новомъ государственномъ порядкѣ отъѣздъ есть дѣйствительно измѣна своему государству: они роптали и были готовы на смуту. Въ своихъ бояpахъ-княжатахъ Московскіе князья нажили себѣ домашнихъ враговъ.

§ 55. **Люди служилые и тяглые; помѣстная система и крестьянское прикрѣпленіе.** Одновременно съ образованіемъ княжеской аристократіи въ Московскомъ государствѣ стали слагаться и другія сословныя группы. Въ удѣльное время, въ тотъ періодъ, когда еще совершалось заселеніе сѣверо-восточныхъ княжествъ славянскимъ племенемъ (§ 29), составъ общества въ этихъ княжествахъ былъ очень неопредѣленнымъ. Князья не могли остановить переселенческій потокъ, задержать населеніе въ своихъ волостяхъ и прикрѣпить его къ своему удѣлу. Народъ приходилъ въ ихъ удѣлъ и уходилъ изъ него свободно, не сказываясь князю и безъ его позво-

ленія. Князья поэтому старались закрѣпить за собою отдѣльныхъ лицъ. Они или принимали ихъ къ себѣ на вольную службу по договору (это были ихъ бояре и слуги вольные), или же покупали ихъ и кабалили, какъ рабовъ (это были ихъ «люди», или холопы). Изъ тѣхъ и другихъ составлялся «дворъ» князя, соотвѣтствующій дружинѣ Кіевскаго періода (§ 20). Съ помощью этого двора удѣльный князь управлялъ своимъ удѣломъ, защищалъ его и велъ свое хозяйство. Бояре и вольные слуги были его совѣтниками и полководцами, а «люди» составляли рать и были рабочими на его пашнѣ и промыслáхъ. Часто князья приглашали неимущихъ свободныхъ людей селиться на княжеской землѣ съ условіемъ служить и работать князю, при чемъ, если такой слуга не исполнялъ своихъ обязанностей, его лишали данной ему земли. Изъ этихъ слугъ «подъ двóрскимъ» (то-есть подчиненныхъ княжескому двóрскому, или дворéцкому) составлялся особый, средній разрядъ княжескихъ людей,—не холоповъ, но и не вполнѣ свободныхъ.

Такъ устроены были отношенія удѣльныхъ князей къ тѣмъ, кто имъ служилъ. Всѣ же прочія лица, жившія въ удѣлѣ князя, носили общее наименованіе «христіáнъ», или «крестьянъ», и не находились вовсе въ личной зависимости отъ князя. Какъ въ городахъ («посадахъ»), такъ и въ сельскихъ волостяхъ они были устроены въ общины, или «міры́». Князь зналъ, что въ какой-либо его волости (занимавшей, напримѣръ, долину какой-либо рѣчки) жили крестьяне. Онъ приказывалъ тамъ счесть количество крестьянскихъ дворовъ, назначалъ съ нихъ со всѣхъ одинъ общій податнóй окладъ, «тя́гло», и поручалъ самимъ же крестьянамъ въ извѣстные сроки доставлять ему свою подать. Люди приходили въ эту волость и уходили изъ нея безъ вѣдома и разрѣшенія князя. Крестьянскій «міръ» ихъ принималъ и отпускалъ; онъ ихъ облагалъ податью въ общій окладъ; выборные «старосты» собирали эту подать и отвозили князю. При такомъ порядкѣ крестьяне знали не князя, а крестьянскій міръ, а князь могъ быть равнодушенъ къ тому, что тотъ или другой его крестьянинъ уйдетъ къ сосѣднему князю. Прямого ущерба отъ этого для князя не было. Такою же свободою перехода крестьяне пользовались и на частныхъ боярскихъ земляхъ. Приходя на землю, они составляли арендное условіе, «поря́дную»,

и въ порядной опредѣляли свои обязанности и платежи господину; уходя отъ господина, они извѣстнымъ порядкомъ «отказывались» отъ земли. Законъ и обычай считали нормальнымъ срокомъ отказа «Юрьевъ день осеннiй» (26 ноября). Если прибавимъ, что переходъ человѣка изъ одного разряда въ другой,—изъ крестьянъ въ горожане («посадскiе люди») или въ холопы и обратно,—былъ очень легокъ и доступенъ всѣмъ, то мы поймемъ, что общественное устройство въ удѣльное время было очень неопредѣленно и безформенно.

Такая неопредѣленность не могла удержаться при переходѣ удѣльнаго быта въ государственный. Московскiе государи раньше всего взялись за переустройство своего «дворá». Прежде всего они наложили свою руку на земли служилыхъ князей и требовали, чтобы земли эти «не выходили изъ службы» (§ 54). То же правило было примѣнено ко всѣмъ вообще вотчинамъ: *всякiй, кто владѣлъ землёю, былъ обязанъ участвовать въ защитѣ государства.* Съ каждой вотчины должны были являться ратные люди, «кóнны и орýжны», по первому зову государя. Княжата и бояре, владѣвшiе крупными вотчинами, приводили съ собою цѣлыя «вóинства» своихъ людей. Мелкiе вотчинники выѣзжали на службу сами, «своею головою», или съ однимъ-двумя́ холóпами. Но такъ какъ во время тяжелыхъ войнъ съ татарами, литвою и нѣмцами нужна была большая военная сила, то обычной рати не хватало, и Московскiе государи стали усиленно вербовать служилыхъ людей («собóю дóбрыхъ и дорóдныхъ», то-есть годныхъ къ бою) и селить ихъ на казенныхъ земляхъ, потому что иныхъ средствъ на содержанiе воинскихъ людей, кромѣ земель, тогда не было.

Прежде такiя земли давались слугамъ изъ частныхъ владѣнiй князя, изъ его «дворца». Теперь «дворцовыхъ» земель уже не хватало и слугамъ стали давать земли «чёрныя» (то-есть податны́я, госуда́рственныя). Данныя служилымъ людямъ земли стали называться «помѣстьями», а ихъ владѣльцы—«помѣщиками», «дѣтьми боярскими» и «дворянами». *Въ отличiе отъ вотчинъ, которыя были частною наслѣдственною собственностью вотчинниковъ, помѣстья были временнымъ владѣнiемъ.* Помѣщикъ владѣлъ землею, пока могъ служить; прекращалась служба за нерадѣнiемъ или смертью помѣщика,—и помѣстье возвращалось въ казну. Въ началѣ

XVI-го вѣка помѣщиковъ считали уже тысячами и помѣстная система охватила уже всю южную половину государства. На государеву службу было «поверстано» множество народа; новымъ помѣщикамъ были розданы земли вблизи границъ: въ Новгородскихъ пятинахъ, въ Смоленскѣ, въ Сѣверскомъ краѣ, на Окѣ и, наконецъ, въ центральныхъ областяхъ кругомъ Москвы. Для завѣдыванія помѣстьями въ Москвѣ была устроена «Помѣстная изба», а для завѣдыванія службою вотчинниковъ и помѣщиковъ—«Разрядъ», или «Разрядный приказъ».

Сверхъ помѣстныхъ земель, служилымъ людямъ давали время отъ времени денежное жалованье, а наиболѣе знатнымъ изъ нихъ давали «кормленья». Это значило, что ихъ посылали въ какой-нибудь городъ «намѣстникомъ» или въ какую-нибудь волость «волостелемъ». Они правили, судили судъ, смотрѣли за порядкомъ и получали за это съ населенія «кормы» и «пошлины». Кормы имѣли видъ даровъ въ опредѣленные сроки (къ большимъ праздникамъ); а «пошлины»— это плата за судъ и за всякія иныя дѣйствія кормленщика въ пользу населенія. Вотъ это *управленіе съ правомъ брать доходъ съ волости или города въ свою пользу и называлось «кормленіемъ»*.

Таково было устройство новаго служилаго сословія. Это сословіе теперь состояло: 1) изъ княжатъ и бояръ, составлявшихъ аристократію, 2) изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ— помѣщиковъ великаго князя, и 3) изъ гарнизонныхъ людей (стрѣльцовъ, пищальниковъ, пушкарей), жившихъ въ особыхъ «слободахъ» при укрѣпленныхъ городахъ.

Развитіе помѣстной системы повело къ тому, что большія пространства занятой крестьянами земли были переданы помѣщикамъ и такимъ образомъ на этихъ земляхъ создалась зависимость крестьянъ отъ землевладѣльцевъ. *За то, что землевладѣлецъ служилъ съ своей земли государству, крестьяне обязаны были работать на него, пахать его пашню и платить ему оброкъ*. Ни помѣщику, ни правительству было уже неудобно допускать свободный выходъ крестьянъ съ занятой ими земли, и потому крестьянъ старались удерживать на мѣстахъ. Ихъ записывали вмѣстѣ съ ихъ землями въ особыя «писцовыя книги» и тѣхъ, кто попалъ въ книгу, считали прикрѣпленными къ той землѣ, на которой онъ былъ записанъ. Эти «письменные» крестьяне уже не выпускались съ

своихъ мѣстъ; могли переходить съ мѣста на мѣсто только люди «неписьменные», то-есть не записанные въ книги. Но такихъ крестьянъ сами землевладѣльцы, принявъ къ себѣ по договору, по «порядной» записи, старались закрѣпить на своей землѣ разными средствами, въ особенности же тѣмъ, что давали имъ взаймы деньги, сѣмена, рабочій скотъ и такимъ образомъ обязывали ихъ сидѣть до тѣхъ поръ, пока не отработаютъ долга. Право перехода въ Юрьевъ день, однако, не было отмѣнено, и имъ пользовались тѣ крестьяне, которые не «застарѣли» еще за своими землевладѣльцами [1]).

§ 56. **Вопросъ о церковномъ землевладѣніи; ересь жидовствующихъ.** Вопросъ объ устройствѣ служилаго землевладѣнія былъ въ то время связанъ съ вопросомъ о монастырскомъ землевладѣніи. Въ XV вѣкѣ монастыри въ Московской Руси такъ размножились и овладѣли такимъ количествомъ земель и крестьянъ, что стали возбуждать нѣкоторое безпокойство правительства и свѣтскихъ землевладѣльцевъ. У правительства уже не стало хватать удобныхъ земель для помѣщиковъ, и великіе князья были бы не прочь секуляризовать монастырскія вотчины. Съ другой стороны, земельныя богатства монастырей стали смущать самихъ монаховъ, которые находили, что «стяжаніе» противорѣчитъ вообще монашескимъ обѣтамъ. Такъ съ разныхъ точекъ зрѣнія начато было обсужденіе вопроса о монастырскихъ земляхъ и возникло цѣлое движеніе, оставившее яркій слѣдъ въ литературѣ того времени.

Развитіе монастырской жизни въ періодъ татарскаго ига зависѣло отъ многихъ причинъ. Тяжелыя условія жизни въ «міру» способствовали удаленію отъ міра въ «пустыню»

---

[1]) Надобно замѣтить, что съ укрѣпленіемъ государственнаго порядка не только землевладѣльцы стали бороться съ бродячестью крестьянъ, но и сами крестьянскія общины не стали выпускать изъ своей среды „тяглецовъ“, потому что уходъ податныхъ плательщиковъ затруднялъ сборъ и правильную доставку государю податного оклада. Кто уходилъ, не платилъ ничего; а кто оставался, тотъ долженъ былъ платить за себя и за ушедшихъ. Поэтому крестьянскіе міры сами просили у государя права не выпускать изъ общины письменныхъ крестьянъ. Такъ мало-по-малу принимались мѣры къ тому, чтобы прикрѣпить крестьянъ къ мѣстамъ, сдѣлать изъ нихъ осѣдлое податное сословіе, обязанное платить государю подати („тянуть тягло“), а на служилыхъ земляхъ еще и работать на землевладѣльца.

Оставляя города и городскіе монастыри, иноки шли искать уединенія и безмолвія въ сѣверные лѣса и ставили тамъ, въ глухой чащѣ, свои кельи. Но въ этихъ же лѣсахъ, въ общемъ движеніи колонизаціи, они сталкивались съ другими поселенцами. Изъ пустыннаго поселенія иноковъ возникалъ монастырь, а около него крестьянскіе поселки. Изъ новаго монастыря шли новыя иноческія колоніи и снова обращались въ монастыри [1]). Основываясь на новыхъ земляхъ, монастыри получали отъ благочестивыхъ князей грамоты на занятыя ими пространства и дѣлались господами окрестныхъ крестьянъ. Такъ создались мало-по-малу земельныя богатства монашеской братіи. Въ средѣ этой братіи не всѣ одинаково относились къ этимъ богатствамъ. Одни малодушно пользовались ими, превративъ монашескій подвигъ въ безбѣдное житіе. Другіе стремились воспользоваться громадными средствами монастырей для добрыхъ общественныхъ цѣлей. Третьи, наконецъ, пришли къ убѣжденію, что монахи вовсе не должны владѣть землями и богатствами, а должны кормиться своимъ рукодѣльемъ. Когда, къ концу княженія Ивана III, монастырскія вотчины достигли громадныхъ размѣровъ, возникъ споръ о нихъ въ письменности и на церковныхъ соборахъ. Во главѣ спорящихъ стали два выдающихся представителя тогдашняго монашества: Іосифъ Волоколамскій, или Волоцкій (игуменъ Волоколамскаго, имъ же основаннаго монастыря), и Нилъ Сорскій (основатель скита на р. Сорѣ близъ Бѣлаозера). Первый изъ нихъ былъ строгій монахъ и отличный хозяинъ, одинаково способный и къ литературной дѣятельности, и къ практической. Отлично устроивъ и обогативъ свой монастырь, онъ умѣлъ поддерживать въ немъ порядокъ и крѣпкое подвижническое житіе. Видя на своемъ хозяйствѣ, что богатство не портитъ монастырскихъ нравовъ, онъ думалъ, что монастыри могутъ богатѣть и съ пользою употреблять свои средства для высокихъ цѣлей. Противъ Іосифа выступалъ Нилъ и его послѣдователи, получившіе названіе «заволжскихъ старцевъ», такъ какъ они всѣ были изъ сѣверныхъ, за Волгою осно-

[1]) Въ Костромскомъ, Галичскомъ, Вологодскомъ и Бѣлозерскомъ краю монастырская колонизація оказалась въ челѣ народнаго переселенческаго движенія и, можно сказать, руководила этимъ движеніемъ. Изъ одного знаменитаго Троицкаго-Сергіева монастыря образовалось не менѣе 35 монастырей-колоній.

ванныхъ монастырей. Нилъ былъ монахъ-отшельникъ, учившій, что монахи должны рѣшительно оторваться отъ мірскихъ заботъ, быть пустынножителями, кормиться трудами рукъ своихъ и всѣмъ существомъ своимъ стремиться къ Богу, не радѣя ни о чемъ земномъ. Вопросъ, поднятый въ отвлеченномъ спорѣ, былъ разсмотрѣнъ на церковномъ соборѣ 1503 года. Большинство собора стало на сторону Іосифа и въ его духѣ составило соборное опредѣленіе въ пользу монастырскаго землевладѣнія. Свѣтская власть не рѣшилась идти противъ соборнаго авторитета, и монастырскія вотчины уцѣлѣли и продолжали расти. Монастыри не только получали земли отъ государей, но и сами покупали ихъ, принимали въ закладъ, одолжая подъ нихъ деньги свѣтскимъ людямъ, и, наконецъ, получали ихъ въ даръ отъ благочестивыхъ людей на поминъ ихъ души [1]).

Разница направленій сказалась также въ очень громкомъ дѣлѣ о «ереси жидовствующихъ». Ересь возникла въ Новгородѣ въ годы присоединенія Новгорода къ Москвѣ и оттуда перешла въ Москву. Заключалась она въ томъ, что по ученію какого-то жидовина Схаріи жидовствующіе не признавали Св. Троицы, отвергали божество Іисуса Христа, ожидали Мессіи, не почитали Богородицы и святыхъ, не поклонялись св. кресту и иконамъ, почитали законъ Моисеевъ и вмѣсто воскресенья чтили субботу. Ересь распространилась среди новгородскихъ священниковъ и церковниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ самимъ княземъ Иваномъ III были изъ Новгорода привезены въ Москву и опредѣлены въ придворные соборы, послѣ

[1]) Направленіе Іосифа Волоцкаго создало цѣлую школу монаховъ-администраторовъ и хозяевъ, прозванныхъ „іосифлянами“ по имени ихъ учителя. Нуждаясь въ поддержкѣ свѣтской власти для веденія хозяйственныхъ дѣлъ, „іосифляне“ отличались податливостью и угодничествомъ предъ великими князьями, чѣмъ и вызывали противъ себя укоры и обличенія суровыхъ заволжскихъ „нестяжателей“. Среди нихъ въ особенности отличался инокъ изъ князей Патрикѣевыхъ, по имени Вассіанъ Косой. Противъ іосифлянъ писалъ также и ученый аѳонскій монахъ Максимъ Грекъ, призванный въ Москву съ Аѳона для перевода греческихъ книгъ и разбора великокняжеской библіотеки. Борьба двухъ направленій въ концѣ концовъ привела къ полному торжеству іосифлянской стороны. За рѣзкость своихъ обличеній и за несочувствіе второму браку великаго князя Василія III Вассіанъ Косой и Максимъ Грекъ попали даже въ опалу и были заточены въ монастыри.

чего ересь пошла и по Москвѣ. Ей сочувствовали видные свѣтскіе люди и кое-кто изъ высшаго московскаго духовенства. Протекло болѣе пятнадцати лѣтъ отъ начала ереси, раньше чѣмъ ее открыли. Новгородскій архіепископъ Геннадій донесъ о ней въ Москву. Началось дѣло, при чемъ въ Москвѣ оно шло вяло, а Геннадій въ Новгородѣ велъ его съ великимъ рвеніемъ [1]). Наконецъ, на церковномъ соборѣ (1504) еретики были осуждены на казнь. Многіе изъ нихъ были сожжены, и ересь заглохла.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Московское царство въ XVI—XVII вѣкахъ.

Время царя Ивана IV Грознаго.

§ 57. **Дѣтство и юность великаго князя Ивана IV Васильевича.** Великій князь Василій III, умирая (1533), оставилъ двухъ сыновей, Ивана и Юрія. Старшему изъ нихъ, Ивану, было всего три года. Разумѣется, новый великій князь не могъ править самъ. Власть сосредоточилась въ рукахъ его матери, Елены Васильевны, которая оказалась властолюбивою и энергичною женщиною. При ней попали въ тюрьму ея собственный дядя (князь Михаилъ Васильевичъ Глинскій) и дяди великаго князя, князья Юрій и Андрей Ивановичи, такъ какъ они казались опасными для правительницы. Они всѣ трое умерли въ заключеніи. Недолго, впрочемъ, прожила и сама Елена.

По смерти матери (1538) Иванъ остался всего семи съ половиною лѣтъ, а его братъ—пяти лѣтъ. Близкихъ родныхъ у дѣтей не было, потому что они, какъ сказано, умерли въ тюрьмахъ; остался только двоюродный братъ Ивана, маленькій

---

1) Чтобы подвинуть и московское начальство быть дѣятельнѣе и суровѣе, Геннадій заручился содѣйствіемъ вліятельнаго Іосифа Волоцкаго. Іосифъ выступилъ противъ ереси съ обличеніями, собранными потомъ въ одну книгу подъ названіемъ „Просвѣтитель". Онъ заявилъ себя сторонникомъ крайнихъ мѣръ и требовалъ казни еретиковъ. И въ этомъ на него возстали заволжскіе старцы, писавшіе противъ жестокости во имя христіанскаго милосердія. Но и здѣсь, какъ въ дѣлѣ о монастырскихъ земляхъ, возобладалъ взглядъ Іосифа.

сынъ князя Андрея, Владимиръ, князь Старицкій. Малолѣтній великій князь Иванъ былъ такимъ образомъ круглымъ и беззащитнымъ сиротою. Во главѣ правленія самовластно стали знатнѣйшіе Рюриковичи—князья Шуйскіе; у нихъ затѣмъ отнялъ власть князь Бѣльскій, а у Бѣльскаго снова отбили ее Шуйскіе. Во время смутъ бояре не щадили ни великаго князя, ни митрополитовъ. Они не оказывали Ивану никакой любви и почтенія, врывались въ его покой съ своими соорами и драками. Двухъ митрополитовъ они смѣнили насильно одного за другимъ. Удержался только вызванный на митрополію изъ Новгорода новгородскій архіепископъ Макарій, человѣкъ большого ума и такта. Къ народу бояре относились, «какъ львы», по тогдашнему выраженію, грабя и обижая, вмѣсто того, чтобы управлять «вправду».

Вотъ въ какой обстановкѣ выросталъ Иванъ IV. Онъ не видѣлъ добра и любви отъ бояръ. Только во время церемоній, на глазахъ народа, они оказывали ему знаки внѣшняго почтенія, какъ великому князю. А въ обычной жизни Иванъ и братъ его росли, по словамъ самого Ивана, какъ самые убогіе люди («яко убожайшая чадь»). Своихъ государей бояре даже не кормили во̀-время, плохо одѣвали и всячески обижали. Государи играли въ комнатахъ своего отца, а Шуйскій, напримѣръ, разваливался на лавкѣ, положивъ свою ногу на великокняжескую постель. Это непочтеніе страшно обижало маленькаго Ивана, такъ же, какъ сердило его открытое хищничество Шуйскихъ, тащившихъ изъ дворца къ себѣ всякую «кузнь» (золото и серебро) и «рухлядь» (мѣха и ткани). Мальчикъ озлоблялся и, не видя добраго примѣра, самъ поддавался дурнымъ чувствамъ. Онъ мечталъ о мести боярамъ и уже 13-ти лѣтъ успѣлъ отомстить одному изъ Шуйскихъ: приказалъ своимъ псарямъ схватить его, и псари его убили. Въ то же время Иванъ проявлялъ жестокость и во всѣхъ своихъ играхъ, муча и калѣча животныхъ и людей. Злоба была посѣяна въ Иванѣ боярскимъ воспитаніемъ, а вмѣстѣ съ нею развилось въ немъ двуличіе и притворство. Не смѣя еще прямо разогнать ненавистныхъ ему правителей, онъ скрывалъ свои чувства и былъ съ ними двоедушенъ. Только одного добраго друга имѣлъ Иванъ въ своемъ отрочествѣ. Это былъ митрополитъ Макарій. Образованный и умный, онъ составлялъ въ тѣ годы свой знаменитый сбор-

никъ житій и поученій—«великія минеи-четіи»—и обладалъ огромною библіотекою. Онъ пріохотилъ Ивана къ чтенію и образовалъ его, внушивъ Ивану понятіе о Москвѣ, какъ о третьемъ Римѣ, и воспитавъ въ немъ желаніе превратить великое княженіе Московское въ православное «царство». Но вліяніе Макарія не могло истребить въ Иванѣ его нравственную порчу и распущенность. Умный и начитанный, живой и дѣятельный, великій князь выросталъ въ то же время озлобленнымъ и лукавымъ, способнымъ на жестокость и падкимъ на дурныя забавы и удовольствія.

Таковъ былъ Иванъ IV къ своему совершеннолѣтію (то-есть къ 16—17 годамъ). Достигнувъ совершеннолѣтія, онъ объявилъ митрополиту и боярамъ о своемъ желаніи жениться и принять *царскій* вѣнецъ. Онъ выбралъ себѣ въ жены простую боярышню (не княжну) изъ рода Ѳедора Кошки, Анастасію Романовну Юрьеву [1]), и въ началѣ 1547 года вѣнчался на царство и женился. Торжественный чинъ вѣнчанія на царство превратилъ Московскаго великаго князя въ «государя царя и великаго князя» [2]).

§ 58. **Первый періодъ царствованія Ивана IV. Внутренняя дѣятельность.** Со времени женитьбы и вѣнчанія на царство началась самостоятельная дѣятельность царя Ивана. Онъ находился въ это время подъ вліяніемъ своей молодой жены, облагородившей его личную жизнь и отвлекшей его отъ дурныхъ забавъ, и подъ вліяніемъ одного изъ сотрудниковъ митрополита Макарія, священника Благовѣщенскаго дворцоваго собора, Сильвестра [3]). Сильвестръ собралъ около царя цѣлый

---

[1]) Въ родѣ Кошки былъ обычай—имя или прозвище дѣда дѣлать фамиліею внуковъ: поэтому одинъ и тотъ же родъ носилъ послѣдовательно фамилію Кошкиныхъ, Захарьиныхъ, Юрьевыхъ, Романовыхъ.

[2]) Надобно было, чтобы этотъ новый титулъ признали восточные патріархи (для которыхъ возобновлялось въ Москвѣ вселенское православное царство, утраченное съ паденіемъ Царяграда), а затѣмъ и всѣ прочія государства. Патріархъ Константинопольскій прислалъ Ивану IV свое согласіе и благословеніе (1561); многіе же другіе государи долго отказывали Московскимъ царямъ въ царскомъ титулѣ, именуя ихъ попрежнему только великими князьями.

[3]) Есть преданіе, что Сильвестръ сталъ особенно близокъ къ Ивану во время громаднаго московскаго пожара, испепелившаго Кремль и городъ въ 1547 году. Указывая Ивану, что пожаръ Москвы должно понимать, какъ наказаніе Господне за его царскіе грѣхи, Сильвестръ потрясъ душу молодого царя и овладѣлъ его волею.

кружокъ бояръ-княжатъ, которые вмѣстѣ съ государемъ хотѣли добра народу. Значеніе Сильвестра стало чрезвычайно велико: онъ руководилъ и мірскими, и церковными дѣлами и, по выраженію лѣтописи, былъ «якоже царь и святитель»; ему всѣ повиновались и онъ «все могъ».

Начиная съ 1550 года, правительство Ивана IV провело въ жизнь цѣлый рядъ важныхъ реформъ. Въ 1550 году былъ собранъ «соборъ» духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ для обсужденія необходимыхъ мѣропріятій. Со времени Ивана III въ Москвѣ дѣйствовалъ сборникъ законовъ, служившій руководствомъ для судей и намѣстниковъ и извѣстный подъ названіемъ «Судебника». Иванъ IV съ благословенія собора исправилъ и дополнилъ этотъ Судебникъ. Главныя новинки Судебника 1550 года состояли въ томъ, что онъ всячески заботился о праведномъ судѣ и для правосудія требовалъ, чтобы на судѣ намѣстниковъ и волостелей (§ 57) сидѣли выборные отъ народа старосты и «цѣловальники» (то-есть присяжные). Затѣмъ въ 1551 году былъ составленъ соборомъ сборникъ правилъ церковнаго порядка и благочинія, содержавшій въ себѣ 100 главъ и потому названный «Стоглавомъ». Онъ имѣлъ цѣлью обновить и улучшить церковно-общественную жизнь и уничтожить злоупотребленія въ церковномъ управленіи и хозяйствѣ. Въ то же время, кромѣ составленія законовъ, шли мѣры практическія:

1. Рѣшено было постепенно отмѣнить всѣ «кормленія» и предоставить мѣстному населенію право выбирать самимъ своихъ управителей и судей. До тѣхъ поръ во всѣхъ податныхъ общинахъ существовали для сбора податей и разныхъ хозяйственныхъ дѣлъ «земскіе старосты». Послѣ 1550 года позволено было поручать имъ и намѣстническія дѣла, то-есть судъ и управленіе. Такіе старосты, замѣнявшіе кормленщиковъ, назывались «излюбленными» старостами, или головами, или же «земскими судьями и судейками». Въ тѣхъ же округахъ («губахъ»), гдѣ жили не одни податные, но и служилые люди, всему населенію сообща позволено было выбирать себѣ для суда и управленія особыхъ «губныхъ старостъ» изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. За то, что земскіе люди избавлялись отъ кормовъ и пошлинъ намѣстнику, они должны были вносить въ казну государеву извѣстный оброкъ, или «окупъ»; а государь изъ этого окупа уплачивалъ денежное жалованье тѣмъ

своимъ слугамъ, которые по новому порядку уже не получали кормленій. Такимъ образомъ Иванъ IV далъ широкое самоуправленіе земщинѣ. Отъ правительства въ областяхъ сидѣли только «воеводы», командовавшіе гарнизонами, да «городовые прикащики», завѣдывавшіе казеннымъ имуществомъ въ городахъ. Всѣ судебныя дѣла и все управленіе были въ рукахъ выборныхъ, за исключеніемъ дѣлъ особой важности, которыя докладывались въ Москву.

2. Одновременно съ введеніемъ земскихъ учрежденій шло устройство служилаго класса. Изъ общей массы дѣтей боярскихъ и дворянъ въ 1550 году Иванъ IV выбралъ тысячу лучшихъ, далъ имъ земли около Москвы («подмосковныя») и устроилъ изъ нихъ особый полкъ «московскихъ дворянъ» въ отличіе отъ «городовыхъ» (провинціальныхъ). Городовые же служилые люди были раздѣлены по «статьямъ», по ихъ служебной годности, и ихъ служба получила правильное устройство. Дворянское ополченіе обыкновенно собиралось на службу такъ, что дворяне каждаго города съ его уѣздомъ составляли одинъ отрядъ (туляне, коломничи, ярославцы и т. п.). Эти отряды были подѣлены при Иванѣ IV на «сотни» и поставлены подъ начальство особыхъ «головъ». Кромѣ того, была образована особая пѣхота съ ружьями, или «пищалями» (стрѣльцы), и устроена хорошая артиллерія («нарядъ»)[1]. Наконецъ, былъ произведенъ пересмотръ и уравненіе помѣстій съ тѣмъ, чтобы государевы земли были справедливо распредѣлены между помѣщиками. Въ придачу къ помѣстьямъ помѣщикамъ давалось иногда и денежное жалованье.

Таковы были мѣры Ивана IV, выработанныя имъ вмѣстѣ съ кружкомъ бояръ и Сильвестромъ въ 50-хъ годахъ XVI вѣка. Онѣ касались всѣхъ сторонъ тогдашней жизни и вносили въ жизнь много добра; поэтому онѣ и пользуются большою славою.

§ 59. **Первый періодъ царствованія Ивана IV. Завоеванія.** Не менѣе славны и внѣшнія дѣла Ивана IV, современныя его реформамъ. Въ 1552 году было завоевано имъ Казанское царство, а въ 1556—Астраханское царство, возникшее на

---

[1]) Какъ пушкари съ пушками, такъ и пищальники съ пищалями существовали въ Москвѣ и раньше, но при Иванѣ Грозномъ эти виды войска были приведены въ большое благоустройство.

развалинахъ Золотой орды. Было уже сказано (§ 52), чѣмъ было вредно для Руси татарское сосѣдство. Татары изъ Казани и подчиненные имъ инородцы не давали покоя московскимъ окраинамъ и закрывали для русской колонизаціи пути на востокъ. Попытки московскаго правительства овладѣть Казанью до Ивана IV не имѣли успѣха, потому что не были рѣшительны. Иногда русская рать появлялась подъ самою Казанью; казанцы пугались, принимали къ себѣ хана изъ рукъ Московскаго государя, обѣщали миръ и подчиненіе, а затѣмъ сейчасъ же измѣняли и начинали враждебныя дѣйствія. При Иванѣ IV былъ составленъ планъ окончательнаго овладѣнія Казанью. Въ 1551 году большое московское войско направлено было такъ, что одна часть его защитила московскія границы отъ крымцевъ (на тотъ случай, если бы крымцы задумали напасть на Москву), а другая часть пошла къ Казани и поставила недалеко отъ Казани, на устьѣ р. Свіяги, крѣпость Свіяжскъ. Въ этой крѣпости былъ оставленъ гарнизонъ для наблюденія за Казанью и сложены запасы для будущаго похода. На этомъ пока дѣло и кончилось. Въ слѣдующемъ же 1552 году походъ повторился тѣмъ же порядкомъ. Защитившись отъ Крыма особою ратью, Иванъ IV двинулъ большое войско на Казань и въ концѣ лѣта осадилъ ее. Послѣ упорной защиты Казань (2-го октября) была взята приступомъ. Въ первый разъ при этомъ московскія войска вели подкопы и взрывали непріятельскія стѣны порохомъ. Городъ былъ весь сожженъ и разграбленъ; остатки татарскихъ ратей были добиты въ окрестныхъ лѣсахъ; Казанскій царь Едигеръ (Ядигаръ) былъ взятъ въ плѣнъ и крещенъ; такимъ образомъ татарское ханство было уничтожено. Вмѣсто татарской Казани Иванъ IV построилъ русскую. Въ новой крѣпости были поселены только русскіе служилые и торговые люди; татарамъ было разрѣшено жить лишь въ подгородной слободѣ. Во всей землѣ, подчиненной казанскимъ ханамъ, были поставлены русскія крѣпости (Чебоксары, Цивильскъ, Яранскъ, Уржумъ, Малмыжъ и всѣхъ дальше—Уфа). Всѣ инородцы были приведены въ повиновеніе Москвѣ (мордва, черемиса, чуваши, вотяки, башкиры). Въ покоренный край призывались и сами охотно шли русскіе поселенцы. Огромныя пространства по Волгѣ и Камѣ были открыты теперь для русскаго населенія. Естественно для Москвы было желаніе взять устье той

великой рѣки, теченіемъ которой она только-что овладѣла. Московскія рати спустились по Волгѣ и въ 1556 году захватили городъ Астрахань, гдѣ тогда сидѣли слабые ногайскіе ханы, сами призывавшіе Московскаго государя къ вмѣшательству въ ихъ дѣла.

Покореніе татарскихъ царствъ было великимъ народнымъ дѣломъ. На всей восточной границѣ государства насталъ покой; были возвращены изъ Казани русскіе «полонянники» — плѣнные, томившіеся въ татарской неволѣ; были пріобрѣтены громадныя плодородныя пространства и открытъ прямой путь за Уралъ, черезъ Вятку и Каму; наконецъ, совершилось первое торжество христіанства надъ исламомъ, Европы надъ Азіей. Чувствуя все величіе побѣды, русскій народъ пѣлъ ее въ пѣсняхъ и за нее сдѣлалъ Ивана IV, Грознаго царя, своимъ эпическимъ героемъ.

§ 60. **Перемѣна въ Иванѣ IV и разрывъ съ совѣтниками.** Всѣ блестящія дѣла свои Иванъ IV дѣлалъ нераздѣльно съ кружкомъ бояръ, подобранныхъ Сильвестромъ. Къ составу этого кружка принадлежали, между прочимъ, ближній придворный Алексѣй Адашевъ, затѣмъ князь Андрей Михайловичъ Курбскій и нѣкоторые другіе княжата. До 1553 года ничѣмъ не нарушалось согласіе государя и его совѣтниковъ, которыхъ Курбскій называлъ, на западно-русскій манеръ, «избранною радой»; но затѣмъ пошли между ними недоразумѣнія и ссоры. Государю стало казаться, что Сильвестръ и бояре «снимаютъ съ него власть» и хотятъ вмѣсто царя сами «царствомъ владѣть». Боярамъ же не нравилась женитьба царя на простой боярышнѣ: дѣдъ его былъ женатъ на царевнѣ (Софьѣ), отецъ—на княжнѣ (Еленѣ), а Иванъ IV женился, по ихъ выраженію, на «рабѣ». Съ роднею царицы Анастасіи, Захарьиными-Юрьевыми, совѣтники государя жили недружно, и эта недружба повела въ 1553 году къ большому столкновенію. Иванъ IV захворалъ въ этомъ году горячкою и, не надѣясь выздоровѣть, сталъ думать о завѣщаніи. Царство свое онъ оставлялъ единственному своему сыну-малюткѣ Димитрію и хотѣлъ, чтобы бояре немедля ему присягнули. Но бояре начали смуту: одни присягнули, а другіе не захотѣли присягать, говоря, что Димитрій еще младенецъ, за него править будутъ Захарьины, а имъ, боярамъ, никакъ нельзя быть въ подчиненіи у Захарьиныхъ. Къ удивленію, Иванъ IV

узналъ, что бояре и Сильвестръ желали бы воцарить двоюроднаго брата государева, князя Владимира Андреевича Старицкаго. Съ большимъ трудомъ Иванъ заставилъ бояръ поцѣловать крестъ Димитрію. Затѣмъ самъ онъ выздоровѣлъ, а его сынъ Димитрій вскорѣ же скончался, утонувъ нечаянно въ р. Шекснѣ во время путешествія Ивана IV по монастырямъ. Все это происшествіе потрясло Ивана и очень настроило его противъ Сильвестра и «рады». Однако по внѣшности хорошія отношенія продолжались еще нѣсколько лѣтъ — до 1560 года, когда скончалась молодая жена Ивана IV, оставивъ ему двухъ сыновей (Ивана и Ѳеодора).

Со смертью жены царь круто измѣнился: около него появились новые любимцы, съ которыми царь началъ вести недостойную жизнь; а старыхъ совѣтниковъ Иванъ удалилъ отъ себя. Сильвестръ былъ отправленъ въ Соловецкій монастырь, Адашевъ—въ Ливонію, гдѣ и умеръ (тогда шла война съ Ливоніей). Другіе члены «рады» не могли помириться съ утратою своего вліянія и стали думать объ отъѣздѣ; но Иванъ IV взялъ съ нихъ обязательства не отъѣзжать. Между царемъ и боярами шла глухая распря. Она превратилась въ жестокое гоненіе на бояръ послѣ бѣгства въ Литву князя А. М. Курбскаго (1564). Изъ Литвы Курбскій прислалъ царю письмо съ обвиненіями противъ него въ жестокости и несправедливости. Царь отвѣтилъ ему обширнѣйшимъ оправдательнымъ письмомъ и затѣмъ началъ дѣйствовать открыто противъ бояръ-княжатъ.

§ 61. **Второй періодъ царствованія Ивана IV. Внутренняя дѣятельность.** Дѣйствія свои противъ бояръ-княжатъ царь открылъ невиданнымъ поступкомъ. Въ концѣ 1564 года онъ выѣхалъ изъ Москвы, не сказавъ куда, и остановился за Троице-Сергіевымъ монастыремъ, въ Александровской слободѣ (теперь городъ Александровъ). Оттуда въ началѣ 1565 года онъ прислалъ въ Москву грамоту, извѣщая, что онъ оставилъ свое царство изъ-за боярской измѣны. Москвичи, отправивъ къ царю посольство съ духовенствомъ во главѣ, просили его не покидать царства. Иванъ согласился остаться во власти, только съ условіемъ, что ему не будутъ мѣшать «класть свою опалу» на измѣнниковъ, а иныхъ и казнить, а ему самому учинить себѣ «опричнину». Мы уже знаемъ (§ 36), что встарину опричниною назывался удѣлъ, даваемый въ особое вла-

дѣніе вдовамъ-княгинямъ по завѣщаніямъ князей, ихъ мужей. Вотъ такое особое владѣніе устроилъ себѣ и царь Иванъ. Онъ основалъ себѣ новый «дворъ»: построилъ новые дворцы (между прочимъ, въ Александровской слободѣ); подобралъ новый штатъ придворныхъ и прислуги; отобралъ себѣ новую тысячу дворянъ (подобно тому, какъ въ 1550 году была отобрана тысяча дворянъ въ Москвѣ); наконецъ, для содержанія новаго двора взялъ къ себѣ «въ опричнину» нѣсколько городовъ и волостей, съ которыхъ шли ему деньги и запасы. Люди, вошедшіе въ опричнину, получили въ народѣ ходячее названіе «опричниковъ»; самъ же Иванъ называлъ ихъ «дворовыми».

Когда опричнина устроилась, она начала дѣйствовать. Цѣль опричнины состояла въ томъ, чтобы отнять всякую силу и значеніе у той княжеской аристократіи, которая образовалась въ Москвѣ изъ потомства удѣльныхъ князей и считала себя какъ бы соправительницей государя. Испытавъ на себѣ властолюбіе своихъ бояръ, царь Иванъ счелъ ихъ «измѣнниками» и задумалъ обезвредить все боярство. Въ своемъ новомъ «дворѣ», куда онъ не пустилъ «измѣнниковъ-бояръ», онъ получилъ силы и средства для дѣйствій противъ нихъ. Онъ бралъ къ себѣ въ опричнину одинъ за другимъ тѣ города и уѣзды, въ которыхъ были старыя удѣльныя вотчины бояръ-княжатъ, и примѣнялъ къ нимъ тотъ порядокъ, какой примѣнялся Москвою въ завоеванныхъ областяхъ (Новгородѣ, Псковѣ, Рязани). Именно, изъ взятыхъ въ опричнину уѣздовъ выводились вонъ всѣ подозрительные для Ивана IV люди, обыкновенно потомки удѣльныхъ князей. Ихъ переселяли на окраины государства, на новыя земли, гдѣ не было никакихъ удѣльныхъ воспоминаній и гдѣ эти люди не могли быть опасны. Старыя же ихъ земли отбирались «на государя» и шли «въ раздачу». Вмѣсто удаленной знати царь селилъ мелкихъ помѣщиковъ-опричниковъ, преданныхъ ему и зависѣвшихъ только отъ него. Это дѣло разоренія и изгнанія старой знати царь дѣлалъ до самой своей смерти, въ теченіе почти 20 лѣтъ, и забралъ въ опричнину половину всего государства. Остальная половина оставалась въ старомъ положеніи, управлялась боярскою думою и называлась «земщиною», или «земскими» (людьми). Въ 1575 году надъ земщиною Иванъ IV поставилъ было особаго «великаго князя», въ лицѣ подчиненнаго

ему крещенаго татарскаго (Касимовскаго) царя Семіона Бекбулатовича, но скоро свелъ его въ Тверь.

Опричнина была жестокою мѣрою, разорившею не только княжатъ, но и всѣхъ тѣхъ, кого насильственно переселяли съ мѣста на мѣсто, у кого отнимали вотчины и хозяйство. Сама по себѣ опричнина должна была возбудить ненависть гонимыхъ. Но дѣйствія опричнины сопровождались еще чрезвычайными звѣрствами. Царь Иванъ не только выгонялъ знать изъ ея вотчинъ: онъ мучилъ и казнилъ непріятныхъ ему людей. По царскому велѣнію, рубили головы «измѣнникамъ» не только десятками, но цѣлыми сотнями. Въ 1570 году царь подвергъ разоренію цѣлый городъ, именно Великій Новгородъ. Заподозривъ новгородцевъ въ какой-то измѣнѣ, онъ ходилъ на нихъ войною, какъ на настоящихъ враговъ, и губилъ ихъ безъ всякаго суда въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. По всему государству опричники проливали кровь, насильничали, грабили и оставались безъ всякаго наказанія, такъ какъ считалось, что они «выводили измѣну» изъ царства. Иванъ IV, получившій имя «Грознаго» за свои казни и звѣрства, самъ доходилъ до неистовства и необыкновенной распущенности. Кровавыя казни смѣнялись у него пирами, на которыхъ также лилась кровь; пиры смѣнялись богомольемъ, въ которомъ бывало и кощунство. Въ Александровской слободѣ было устроено что-то въ родѣ монастыря, гдѣ опричники были «братіею» и носили черныя рясы поверхъ цвѣтного платья. Отъ смиреннаго богомолья братія переходила къ вину и крови, глумясь надъ истиннымъ благочестіемъ. Московскій митрополитъ Филиппъ (изъ рода бояръ Колычевыхъ) не могъ мириться съ распущенностью новаго государева двора, обличалъ Ивана и опричниковъ и за то былъ съ митрополіи сосланъ въ Тверь (въ Отрочь монастырь), гдѣ въ 1570 году былъ задушенъ однимъ изъ самыхъ жестокихъ опричниковъ—Малютою Скуратовымъ-Бѣльскимъ. Иванъ расправился и съ своимъ двоюроднымъ братомъ, княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, котораго подозрѣвалъ въ умыслахъ противъ себя еще со своей болѣзни 1553 года. Князь Владиміръ Андреевичъ былъ умерщвленъ безъ суда, такъ же, какъ мать и жена его. Не умѣряя своей жестокости, Грозный не ограничивалъ никакихъ своихъ вожделѣній. Онъ предавался всяческимъ излишествамъ и порокамъ [1]).

[1]) Вскорѣ послѣ смерти царицы Анастасіи Иванъ женился на Черкасской княжнѣ съ сѣвернаго Кавказа, Маріи Темрюковнѣ; когда

Цѣль, которую поставилъ себѣ Иванъ Грозный, устраивая опричнину, была достигнута. Княжеская аристократія была разгромлена и унижена; старыя удѣльныя вотчины княжатъ перешли къ государю и были обмѣнены на другія земли. Но опричнина, несомнѣнно, повела къ разоренію государства, потому что разрушила хозяйственный порядокъ въ центральныхъ московскихъ областяхъ, гдѣ сосредоточены были княжата съ ихъ удѣльными вотчинами. При выселеніи крупныхъ вотчинниковъ съ ихъ старыхъ земель, оттуда стали уходить и крестьяне, которымъ невыгодно было оставаться за новыми владѣльцами, мелкими помѣщиками, не имѣвшими никакихъ земельныхъ льготъ. Крестьяне охотно селились на новыхъ хорошихъ земляхъ—или въ завоеванномъ Казанскомъ царствѣ, куда само правительство звало поселенцевъ, или же въ черноземной плодородной полосѣ, на югъ отъ Оки, гдѣ тогда возникало много новыхъ городовъ. Отъ этого центральныя области къ концу царствованія Грознаго запустѣли до такой степени, что съ нихъ царь не получалъ уже ни ратныхъ людей, ни податей. У Грознаго не стало поэтому войска и средствъ, что и заставило его безславно окончить шедшія тогда войны съ Литвой и шведами. Таковы были въ концѣ-концовъ результаты опричнины.

Изъ другихъ дѣлъ второй половины царствованія Грознаго особое значеніе имѣли мѣры для обороны южной границы государства и для заселенія такъ называемаго «дикаго поля», на югъ отъ Оки. Покореніе Казани и Астрахани произвело сильное впечатлѣніе на крымскихъ татаръ и на ихъ верховнаго повелителя — Турецкаго султана. Со стороны турокъ и татаръ дѣлались приготовленія для похода на Астрахань и для набѣга на самую Москву. Въ 1571 году Крымскій ханъ успѣлъ обмануть русскихъ сторожевыхъ воеводъ и добрался до самой Москвы, которую пограбилъ и пожегъ. На слѣдующій годъ онъ снова явился, но былъ разбитъ (на р. Лопаснѣ) и убѣжалъ. Всѣ эти обстоятельства заставили московское правительство подумать о томъ, какъ впередъ лучше уберечься

же она умерла (1569), царь началъ брать себѣ женъ одну за другою изъ среды своихъ подданныхъ, при чемъ духовенство, не имѣвшее права вѣнчать болѣе двухъ или трехъ разъ, вынуждалось царемъ давать ему благословеніе на незаконные браки. (Всего у Грознаго считаютъ семь женъ; у послѣдней изъ нихъ, Маріи Ѳедоровны Нагой, родился въ 1582 г. сынъ—царевичъ Димитрій).

*

отъ татарскихъ нападеній. Прежде границею московскихъ владѣній съ юга былъ берегъ средней Оки; но во времена Ивана IV-го уже много русскихъ людей поселилось за Окою, южнѣе тѣхъ крѣпостей, которыя тамъ стояли для обороны границы. Выходя на «украйну», или на «дикое поле», русскіе люди становились тамъ вольными «казаками». Надъ ними не было никакой власти, кромѣ ихъ выбранныхъ «атамановъ». Они охотились, ловили рыбу, бились съ татарами, которые тоже «казаковали» на дикомъ полѣ. Иногда русскіе казаки нападали на татарскіе города у Азовскаго и Чернаго морей и грабили ихъ; а иногда они грабили своихъ же русскихъ купцовъ и государевыхъ пословъ, которые ходили черезъ «поле» въ Крымъ. Московское правительство знало о существованіи на «полѣ» казаковъ и нерѣдко само нанимало ихъ къ себѣ на службу. Въ расчетѣ на то, что русскаго населенія на «полѣ» стало достаточно, Грозный рѣшился занять дикое поле войсками, поставить въ наиболѣе важныхъ мѣстахъ города, а между городами провести укрѣпленную границу, чрезъ которую татарамъ нельзя было бы пройти безвѣстно. Въ Москвѣ составили особый совѣтъ изъ людей, знающихъ дѣло, и выработали общій планъ дѣйствій (1571). По этому плану и начали строить города, выставляя ихъ все южнѣе и южнѣе (важнѣйшій изъ нихъ—Бѣлгородъ). Между городами стали проводить валы на открытыхъ мѣстахъ, засѣки въ лѣсахъ; стали строить укрѣпленія на бродахъ черезъ рѣки. Въ разныхъ мѣстахъ новой границы стали ставить наблюдательные отряды — «сторожи», а вдоль границы стали посылать разъѣзды—«станицы». Для службы въ городахъ, станицахъ и сторожахъ людей присылали изъ Москвы и набирали казаковъ и мѣстныхъ поселенцевъ. Къ концу XVI вѣка все «поле», до верховій рѣкъ Ворсклы и Сѣверскаго Донца, было занято крѣпостями и вошло въ составъ Московскаго государства. Этимъ пріобрѣтеніемъ достигалась не только бо̀льшая безопасность отъ татаръ, но и возможность заселить богатыя черноземныя пространства средней Россіи. Казачество, которое не хотѣло подчиниться государственной власти, ушло къ югу и сосредоточилось на низовьяхъ Дона и Донца, отчего и называло себя «низовымъ». Мало-по-малу оно составило организованную общину («кругъ») съ выборными атаманами во главѣ.

§ 62. **Второй періодъ царствованія Ивана IV. Внѣшняя политика.** Съ 1558 года Иванъ IV началъ свою знаменитую борьбу за Ливонію [1]). Неустройство и безначаліе въ XVI вѣкѣ ослабили Ливонію и дѣлали ее легкою добычею для сосѣдей. Грозный не желалъ, чтобы она досталась кому-либо иному, и самъ желалъ подчинить ее. По своему положенію у моря Ливонія была очень важна для Москвы. Москва наслѣдовала древнюю новгородскую торговлю съ Балтійскимъ берегомъ. Черезъ Новгородъ и Псковъ торговала она съ Ригою, Ревелемъ, Нарвою и получала отъ нихъ европейскіе товары. Ливонскіе купцы старались держать въ своихъ рукахъ все торговое движеніе, не пускали русскихъ людей къ морю, а иностранцевъ на Русь. При этомъ ливонцы старались не пропустить въ Москву никакихъ мастеровъ и художниковъ, не пропускали туда серебра, оружія и многихъ другихъ «заповѣдныхъ» товаровъ; словомъ, они заботились о томъ, чтобы всячески мѣшать усиленію Москвы. Видя постоянную враждебность и стѣсненія, Москва естественно должна была желать уничтоженія ливонскаго посредничества. Допустить, чтобы слабую Ливонію смѣнилъ въ Балтійскихъ гаваняхъ другой, болѣе сильный врагъ, конечно, было нельзя. Москва сама хотѣла стать на морскомъ берегу, завладѣть гаванями и вступить въ прямыя торговыя сношенія съ Европою. Иванъ Грозный, желая подчиненія Ливоніи, начинаетъ переговоры съ Орденомъ и требуетъ отъ него уплаты дани, иначе говоря, признанія зависимости отъ царя. Слабая Ливонія согласилась на уплату дани, но не выплатила ея въ срокъ. Тогда (съ начала 1558 года) московскія войска вошли въ Ливонію, и началась война, затянувшаяся на цѣлыхъ 25 лѣтъ. Ходъ этой войны былъ таковъ.

Въ теченіе двухъ лѣтъ московскія войска разорили почти всю Ливонію, за исключеніемъ главнѣйшихъ укрѣплённыхъ городо́въ и за́мковъ. Не имѣя силъ сопротивляться, но не

---

[1]) Въ то время владѣнія Ливонскія охватывали Эстляндію съ главнымъ городомъ Ревелемъ, Лифляндію съ Ригою, Курляндію съ Митавою и острова Эзель и др. Въ Ливоніи не было внутренняго мира. Архіепископъ Рижскій ссорился съ магистромъ Ордена Меченосцевъ; города не желали повиноваться ни тому, ни другому, и мечтали о независимости; реформація, проникшая изъ Германіи, дѣлала большіе успѣхи и вела къ религіозному междоусобію.

желая отдаваться иновѣрной и иноплеменной московской власти, Ливонія распалась и по частямъ отдалась въ руки своихъ балтійскихъ сосѣдей: Эстляндія признала надъ собою власть Швеціи, Лифляндія—власть Литвы; о. Эзель сталъ владѣніемъ датскаго герцога Магнуса, а Курляндія была секуляризована, то-есть обращена изъ церковнаго въ свѣтское владѣніе. Магистръ Ордена, Кетлеръ, сталъ герцогомъ Курляндскимъ, въ ленной зависимости отъ польскаго короля. Такъ окончилъ свое существованіе Ливонскій орденъ (1560—1561).

Новые обладатели ливонскихъ земель, занятыхъ московскими войсками, Швеція и Литва, потребовали отъ Грознаго, чтобы онъ очистилъ ихъ провинціи. Грозный отказалъ и началъ войну и съ Литвою, и со Швеціей. Такимъ-то образомъ война ливонская перешла въ войну шведскую и литовскую. Обѣ онѣ затянулись надолго. Что касается шведской войны, то она шла съ перерывами и вяло. Главное свое вниманіе Иванъ IV обратилъ на Литву. Онъ завоевалъ г. Полоцкъ и опустошилъ Литву до самой Вильны. Истомленные войною литовцы предлагали Грозному миръ, уступая ему Полоцкъ. Царь собралъ въ Москвѣ земскій соборъ, изъ представителей служилыхъ и тяглыхъ людей, для обсужденія вопроса о томъ, мириться ли съ Литвою, или воевать дальше (1566). Соборъ высказался за продолженіе войны, и война продолжалась съ перевѣсомъ въ сторону Москвы до тѣхъ поръ, пока на польско-литовскій престолъ не былъ избранъ одинъ изъ мелкихъ князей, Стефанъ Баторій, обладавшій большимъ воинскимъ талантомъ (1576).

Баторій началъ рѣшительныя дѣйствія противъ Грознаго какъ разъ тогда, когда силы Московскаго царя были подорваны запустѣніемъ центральныхъ московскихъ областей (§ 61). Поэтому-то смѣлый и рѣшительный натискъ Баторія не встрѣтилъ должнаго отпора. Царь не вывелъ противъ него рати въ поле, и Баторій имѣлъ дѣло только съ гарнизонами тѣхъ крѣпостей, на которыя нападалъ. Онъ обратно взялъ Полоцкъ, взялъ затѣмъ важную московскую крѣпость Великія Луки и напалъ на Псковъ. Но громадный, по тому времени, городъ Псковъ успѣлъ отбиться отъ короля (1581). Въ это время явился къ Баторію папскій посолъ Антоній Поссевинъ съ предложеніемъ примирить его съ Грознымъ и, получивъ его согласіе, поѣхалъ къ Грозному. Посредничество Поссевина

повело къ миру (вѣрнѣе, къ перемирію на десять лѣтъ), по которому Грозный отказался отъ Лифляндіи и отъ всѣхъ завоеваній въ Литвѣ (1582). Въ то же время, пользуясь слабостью Грознаго и успѣхами Баторія, шведы вошли въ русскіе предѣлы и взяли города Ямъ, Копорье и Корелу. И съ ними Грозному пришлось заключить миръ, уступивъ имъ Эстляндію и названные города (1583).

Неудачный исходъ войны зависѣлъ отъ разныхъ причинъ: враги Грознаго оказались сильнѣе и многочисленнѣе, чѣмъ онъ ожидалъ; а силы Грознаго изсякли еще раньше, чѣмъ онъ былъ побѣжденъ Баторіемъ. Но неудача войны нисколько не уменьшаетъ заслуги царя Ивана: онъ вѣрно понялъ значеніе для Россіи Балтійскаго побережья и необходимость овладѣть имъ для того, чтобы вступить въ непосредственныя сношенія съ культурнымъ Западомъ. Преемники Грознаго не одинъ разъ возобновляли попытки Грознаго, пока Петру Великому не удалось пріобрѣсти Балтійскіе берега.

Въ царствованіе Ивана Грознаго произошли еще два очень важныхъ событія. Это, во-первыхъ, появленіе англійскихъ кораблей въ устьяхъ Сѣв. Двины и, во-вторыхъ, покореніе Строгановскими казаками Сибирскаго царства.

Появленіе англичанъ въ Бѣломъ морѣ относится еще къ 1553 году. Три англійскихъ корабля были отправлены изъ Темзы на поиски сѣвернаго пути въ Китай. Два изъ нихъ погибли въ Ледовитомъ океанѣ, а одинъ попалъ къ устьямъ Сѣв. Двины, откуда его капитанъ, Ричардъ Ченслеръ, былъ отправленъ въ Москву. Тамъ его приняли такъ хорошо, что Ченслеръ и вторично (черезъ два года) появился въ Москвѣ уже съ офиціальнымъ порученіемъ отъ англійскаго правительства завести торговыя сношенія съ Москвою. А еще черезъ два года въ Лондонъ было отправлено русское посольство. Такъ завязалась торговля Москвы съ Англіей. Получивъ право безпошлиннаго торга въ Московскомъ государствѣ, предпріимчивые англичане въ большомъ числѣ стали ѣздить въ Бѣлое море съ своими товарами и скупать въ обмѣнъ русскіе товары. Они основали свои подворья во многихъ русскихъ городахъ, объѣздили весь сѣверъ нынѣшней Россіи, хорошо его узнали и описали. За ними въ Сѣв. Двину стали ѣздить для торга и голландцы. Такимъ образомъ къ концу царствованія Ивана IV

(1584) въ устьяхъ Сѣв. Двины образовался большой и правильный ежегодный торгъ и для него былъ построенъ городъ Архангельскъ. Хотя по краткости навигаціи (всего три мѣсяца) и по отдаленности Архангельскаго города отъ главныхъ европейскихъ рынковъ торговля въ немъ представляла большія неудобства, однако московское правительство очень дорожило возможностью непосредственныхъ морскихъ сношеній съ Европою черезъ Бѣлое море. Этою дорогою пользовались свободно; а сухопутныя московскія границы были затворены враждебными Москвѣ сосѣдями, боявшимися усиленія Москвы.

Походъ на Сибирь былъ дѣломъ частной предпріимчивости богатой землевладѣльческой семьи Строгановыхъ. Происходя отъ старыхъ новгородскихъ бояръ, Строгановы удержались въ новгородскихъ земляхъ послѣ московскаго завоеванія и сосредоточили въ своихъ рукахъ громадныя земли по рѣкѣ Камѣ и на среднемъ Уралѣ. Окруженные тамъ дикими инородцами, Строгановы получили отъ государя право строить укрѣпленія («города́») и содержать въ нихъ вооруженные отряды для защиты своихъ людей и промысло́въ отъ нападеній инородцевъ. Обладая такими исключительными средствами, Строгановы легко могли вести колонизацію за Ураломъ, въ нынѣшней Сибири. Тамъ, за Уральскими горами, русскіе люди бывали давно: новгородцы проникали на востокъ до р. Оби; воеводы великаго князя Ивана III покорили землю Пермскую и Югорскую до самой р. Оби. Русской власти и колонизаціи за Ураломъ, однако, встрѣтилось препятствіе въ томъ татарскомъ ханствѣ, которое основалось въ предѣлахъ нынѣшней Тобо́льской губерніи. Въ этомъ ханствѣ, носившемъ тогда названіе «Сиби́ри», появился дѣятельный ханъ Кучу́мъ, который не давалъ покоя ни Строгановымъ, ни тѣмъ инородцамъ (остяка́мъ), которые платили дань («яса́къ») Московскому царю. На этого-то Кучума и рѣшили идти Строгановы. Они пригласили къ себѣ на службу вольныхъ казаковъ съ «поля» и съ Волги, съ атаманомъ Ермако́мъ Тимоѳе́евымъ, и послали ихъ (1582) походомъ на Сибирь. Ермакъ добрался съ Камы до р. Иртыша съ отрядомъ въ 840 человѣкъ, разбилъ Кучу́ма и, покоривъ его ханство, извѣстилъ объ этомъ Строгановыхъ, а Строгановы—царя. Въ Москву пріѣхалъ бить царю челомъ—Сибирью—товарищъ Ермака, Иванъ Кольцо́. Иванъ IV очень обрадовался новому пріобрѣ-

тенію и отправилъ въ Сибирь воеводъ и войска на помощь Ермаку. Для прочнаго покоренія Сибири понадобилось еще нѣсколько лѣтъ. Самъ Ермакъ погибъ въ борьбѣ за Сибирь, утонувъ во время ночного нападенія татаръ на его станъ. Но его дѣло было сдѣлано, и русскіе люди стали съ тѣхъ поръ твердою ногою въ системѣ р. Оби.

Смутное время.

§ 63. **Царь Ѳедоръ Ивановичъ и Борисъ Годуновъ.** Иванъ Грозный умеръ въ началѣ 1584 года. Года за полтора до своей кончины, поссорясь со своимъ старшимъ сыномъ Иваномъ, Грозный такъ неосторожно ударилъ его своимъ «посохомъ», что убилъ его на смерть. Поэтому престолъ послѣ Грознаго царя наслѣдовалъ его второй сынъ отъ брака съ царицею Анастасіей—Ѳедоръ. Царь Ѳедоръ Ивановичъ былъ болѣзненный, тихій и богомольный человѣкъ. Самъ править царствомъ Ѳедоръ не могъ; при немъ долженъ былъ быть опекунъ и правитель. Нѣсколько мѣсяцевъ такимъ правителемъ былъ знаменитый бояринъ Никита Романовичъ Захарьинъ-Юрьевъ, родной дядя царя по матери. Затѣмъ, когда Никита Романовичъ заболѣлъ и умеръ, правленіе перешло къ царскому шурину, боярину Борису Ѳедоровичу Годунову (изъ рода Мурзы-Чета), на сестрѣ котораго, Иринѣ Ѳедоровнѣ, былъ женатъ царь Ѳедоръ. Бояре не могли помириться съ возвышеніемъ Бориса Годунова: онъ имъ казался и молодъ, и недостаточно знатенъ. Противъ Годунова была задумана интрига. Такъ какъ у царя Ѳедора не было дѣтей, то нѣкоторые бояре хотѣли уговорить царя развестись съ царицею и жениться на другой: тогда съ своею сестрою былъ бы удаленъ отъ царя и Борисъ. Но Годуновъ успѣлъ помѣшать боярамъ: враждебные Борису бояре подверглись опалѣ и были сосланы. Главнымъ образомъ пострадали знатнѣйшіе изъ Рюриковичей князья Шуйскіе (двое изъ нихъ, по преданію, были въ ссылкѣ умерщвлены).

Укрѣпившись во власти, Годуновъ привелъ дѣло къ тому, что сталъ регентомъ государства (1587). Онъ получилъ высшіе московскіе титулы («конюшаго боярина», «слуги» и «правителя»), получилъ право непосредственно сноситься съ иностранными правительствами и принималъ у себя иностран-

ныхъ пословъ такъ же, какъ принималъ ихъ самъ государь. Иностранцы считали Бориса правителемъ государства при неспособномъ государѣ и русскіе люди знали, что Борисъ «правитъ землю рукою великаго государя» въ то время, когда самъ государь молитъ Бога о своихъ людяхъ и царствѣ. Такъ установилось единоличное правленіе Бориса Годунова. Природа одарила Бориса большимъ умомъ и правительственнымъ талантомъ. Онъ держалъ власть въ своихъ рукахъ умѣло и твердо. Понимая, что государство расшатано и разорено опричниною и тяжелыми войнами, Годуновъ старался успокоить страну и поднять ея благосостояніе. Онъ достигъ въ этомъ дѣлѣ значительныхъ успѣховъ. При немъ поднялась торговля, уменьшились недоимки, наполнилась царская казна. Вмѣсто казней Грознаго наступила тишина и спокойствіе. Приписывая такую благодать святымъ молитвамъ царя Ѳедора, русскіе люди отдавали справедливость и дарованіямъ Бориса Годунова. Они въ одинъ голосъ хвалили его, какъ умѣлаго правителя; хвалили даже и тѣ, которые были его политическими врагами. Никто еще не предчувствовалъ скораго наступленія большихъ бѣдствій для государства.

Изъ государственныхъ дѣлъ при царѣ Ѳедорѣ на первомъ мѣстѣ по исторической важности стоитъ учрежденіе въ Москвѣ патріаршества; важны также указы о крестьянахъ [1]).

§ 64. **Учрежденіе патріаршества въ Москвѣ и указы о крестьянахъ.** Послѣ Флорентійской уніи московская митрополія отдѣлилась отъ Константинопольскаго патріархата и стала автокефальною (§ 45). Московскіе митрополиты избирались соборомъ русскихъ архіепископовъ и епископовъ и принимали поставленіе въ Москвѣ, не ѣздя въ Царьградъ. Находясь во главѣ свободной, многолюдной и могущественной паствы, московскіе митрополиты были на дѣлѣ выше восточныхъ патріарховъ, униженныхъ и обѣднѣвшихъ въ турецкой неволѣ. Но они попрежнему носили санъ митрополитовъ. По-

---

[1]) Изъ внѣшнихъ дѣлъ при царѣ Ѳедорѣ наиболѣе памятны: столкновеніе со Швеціей, которое окончилось возвращеніемъ подъ московскую власть городовъ, потерянныхъ Грознымъ (Ивангорода, Яма, Орѣшка, Корелы); нашествіе Крымскаго хана, который успѣлъ (1591) дойти до стѣнъ Москвы, но скоро убѣжалъ; и, наконецъ, окончательное покореніе Сибирскаго ханства, въ которомъ были построены русскія крѣпости со „стольнымъ“ городомъ Тобольскомъ во главѣ.

нятно, что Московскіе государи, принявъ царскій титулъ и считая себя замѣстителями византійскихъ царей, желали, чтобы и глава русской церкви получилъ новый титулъ—патріаршій, который соотвѣтствовалъ бы достоинству Русскаго царства. Годунову удалось достигнуть осуществленія этой завѣтной мысли.

Съ православнаго востока тогда нерѣдко пріѣзжали на Русь духовныя лица «за милостынею», то-есть за пособіями. Тяжелое состояніе православныхъ церквей подъ мусульманскою властью было тому оправданіемъ. Въ 1586 году впервые появился въ Москвѣ съ востока за милостынею не простой архіерей, а патріархъ Антіохійскій [1]). Въ Москвѣ заговорили съ гостемъ о желательности устроить на Москвѣ патріаршество и Годуновъ просилъ его посовѣтоваться объ этомъ дѣлѣ съ другими восточными патріархами. Черезъ два года въ Москву пріѣхалъ, тоже за милостынею, патріархъ Цареградскій, Іеремія, и московское правительство предложило ему самому остаться патріархомъ на Руси. Іеремія принялъ предложеніе и такимъ образомъ призналъ возможность установленія новаго патріархата. Добившись этого важнаго признанія, Годуновъ повелъ дѣло такъ, чтобы не дать чуждому для Руси патріарху большого вліянія на московскія дѣла. Ему предложили жить въ заглохшемъ Владимирѣ, далеко отъ Москвы. Іеремія на это не согласился; но онъ уже не могъ взять назадъ свое общее согласіе на установленіе въ Москвѣ патріархата и поставилъ въ русскіе патріархи Московскаго митрополита Іова (1589); вмѣстѣ съ тѣмъ было учреждено на Руси четыре митрополіи (въ Новгородѣ, Казани, Ростовѣ и на Крутицахъ, около самой Москвы). Въ 1590 году въ Цареградѣ соборъ патріарховъ утвердилъ произведенную въ Москвѣ реформу, назначивъ новому Московскому патріарху пятое мѣсто въ сонмѣ прочихъ патріарховъ.

Указами о крестьянахъ въ послѣдніе годы XVI вѣка московское правительство старалось остановить все еще сильную бродячесть крестьянскаго населенія (§ 55). Во время опричнины Грознаго, вслѣдствіе разныхъ причинъ, крестьяне во множествѣ своевольно оставляли свои земли и шли на «дикое

---

[1]) На востокѣ было тогда четыре патріархата: Цареградскій, Іерусалимскій, Антіохійскій и Александрійскій.

поле», въ казаки, или же на новыя земли, въ завоеванное Грознымъ Поволжье. Землевладѣльцы, разумѣется, не желали выпускать изъ-за себя крестьянъ. Они всѣми мѣрами задерживали ихъ, прибѣгая даже къ насилію, а взамѣнъ ушедшихъ старались добыть на свои земли новыхъ работниковъ. Пользуясь тѣмъ, что закономъ крестьянскій переходъ не былъ запрещенъ, богатые землевладѣльцы разсылали своихъ приказчиковъ, чтобы выкупать крестьянъ у ихъ господъ (заплативъ господамъ за крестьянъ всѣ ихъ долги) и «вывозить» ихъ на свои земли, заманивъ разными льготными обѣщаніями. Шла такимъ образомъ борьба за крестьянъ, въ которой побѣда оставалась на сторонѣ богатыхъ землевладѣльцевъ. Они имѣли средства, чтобы добывать себѣ рабочихъ людей; мелкіе же помѣщики не имѣли средствъ, чтобы ихъ удержать за собою.

Между тѣмъ, московское правительство именно изъ мелкихъ помѣщиковъ составляло свое главное войско и потому не могло допустить ихъ обѣднѣнія и разоренія. Оно должно было вмѣшаться въ борьбу за крестьянъ еще и по той причинѣ, что «перевозъ» крестьянъ велъ къ безчисленнымъ ссорамъ и жалобамъ; суды были завалены дѣлами о возвращеніи увезенныхъ и ушедшихъ крестьянъ и о взысканіи убытковъ отъ незаконныхъ «вывозовъ» и «отказовъ». Вотъ почему въ 1597 году, въ особомъ указѣ, сдѣлано было распоряженіе давать судъ только на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ, которые вышли изъ-за своихъ господъ въ 1592 году и позднѣе; тѣхъ же крестьянъ, которые выбѣжали за пять лѣтъ и болѣе до указа 1597 года, приказано было считать свободными отъ старыхъ ихъ владѣльцевъ. (Такимъ образомъ была установлена пятилѣтняя давность для исковъ о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ). Затѣмъ послѣ 1597 года нѣсколько разъ были выдаваемы указы о томъ, чтобы крупные землевладѣльцы не возили крестьянъ изъ-за мелкихъ и чтобы вообще никто не вывозилъ крестьянъ къ себѣ въ большомъ количествѣ. Этими указами надѣялись прекратить столкновенія изъ-за крестьянскаго вывоза и разореніе мелкихъ помѣщиковъ крупными владѣльцами.

§ 65. **Смерть св. царевича Дмитрія Ивановича и прекращеніе Московской династіи.** Кромѣ царя Ѳедора Ивановича, Грозный оставилъ по себѣ еще одного сына (отъ седьмого брака съ Маріею Нагою), царевича Дмитрія, родившагося въ 1582 году. Послѣ смерти Грознаго маленькій Дмитрій

получилъ «въ удѣлъ» городъ Угличъ, куда и былъ отправленъ съ матерью и ея братьями, дворянами Нагими. Пребываніе на «удѣлѣ» было въ сущности изгнаніемъ. Никакой власти въ своемъ городѣ царевичъ и его родня не имѣли, такъ какъ Угличемъ управлялъ присланный изъ Москвы царскій чиновникъ, дьякъ Битяговскій. Злобясь на это, Нагіе обращали весь свой гнѣвъ на Битяговскаго: съ нимъ они постоянно ссорились и отъ него ожидали всяческой обиды и зла. Дмитрію шелъ всего девятый годъ, когда онъ сталъ жертвою внезапной смерти. 15-го мая 1591 года, въ полдень, мать царевича, выбѣжавъ на крикъ, нашла сына на внутреннемъ дворѣ Углицкаго дворца съ смертельною раною въ горлѣ. Въ изступленіи царица Марья обвинила Битяговскаго въ погибели царевича. Сбѣжавшійся народъ убилъ Битяговскаго, его сына и еще до десяти человѣкъ, заподозрѣнныхъ въ покушеніи на Дмитрія. О событіи дали знать въ Москву. Оттуда очень скоро пріѣхала въ Угличъ слѣдственная комиссія, во главѣ которой былъ бояринъ князь Вас. Ив. Шуйскій. Разобравъ дѣло, комиссія донесла въ Москву, что царевичъ съ своими сверстниками, «потѣшными робятками», игралъ ножемъ въ тычку на дворцовомъ дворѣ; въ это время пришелъ на него обычный припадокъ падучей болѣзни; царевичъ въ конвульсіяхъ наткнулся на ножъ и самъ нанесъ себѣ нечаянно смертельную рану; мать же его и дяди неосновательно обвинили Битяговскаго въ его смерти и подняли народъ на несправедливое убійство. Духовенство съ патріархомъ во главѣ и бояре, выслушавъ докладъ комиссіи, обвинили Нагихъ въ самоуправствѣ и сослали ихъ, при чемъ царицу Марью постригли въ монахини; были наказаны и угличане. Царевичъ же былъ погребенъ въ Угличѣ у соборной церкви. Народная молва, однако, не повѣрила нечаянному самоубійству царевича и повторяла тѣ обвиненія, какія высказала мать царевича въ минуту его смерти. Убійцами считали Битяговскаго, его сына и пріятелей, а главнымъ виновникомъ злодѣйства тихонько называли Бориса Годунова. Думали, что Борисъ подсылалъ къ царевичу убійцъ и всячески хотѣлъ извести царевича, чтобы самому стать царемъ по смерти бездѣтнаго Ѳеодора [1]).

---

[1]) Когда Борисъ умеръ, тайный слухъ о его злодѣйствѣ сталъ высказываться явно; при открытіи мощей св. царевича Дмитрія, въ

Но слѣдуетъ помнить, что во время кончины царевича, въ 1591 году, Годуновъ еще не могъ разсчитывать на бездѣтность царя Өедора Ивановича. Вскорѣ по смерти Дмитрія у царя родилась дочь, царевна Өеодосія, и прожила полтора года. Только послѣ ея кончины (1594) здоровье царя Өедора стало замѣтно слабѣть и онъ умеръ 6 января 1598 года, безъ потомства, оставивъ «на всѣхъ своихъ государствахъ» свою жену, царицу Ирину. Если бы царица пожелала остаться на престолѣ, она могла бы царствовать до своей кончины. Но она ушла въ подмосковный Дѣвичій монастырь, постриглась въ инокини (съ именемъ Александры) и отказалась отъ государственныхъ дѣлъ. Такъ прекратилась на Москвѣ династія Ивана Калиты, и москвичамъ надлежало избрать себѣ новаго государя.

§ 66. **Воцареніе Бориса Өедоровича Годунова.** Патріархъ Іовъ, оставшійся «начальнымъ человѣкомъ» на Москвѣ въ безгосударное время, собралъ въ своихъ палатахъ земскій соборъ для избранія государя. На этомъ соборѣ участвовалъ совѣтъ патріарха («освященный соборъ»), боярская дума и представители служилыхъ людей и торгово-промышленнаго населенія Москвы. Изо всѣхъ московскихъ князей и бояръ два лица казались наиболѣе вѣроятными кандидатами на престолъ. Это были, во-первыхъ, правитель государства и царскій шуринъ, Борисъ Өедоровичъ Годуновъ, и, во-вторыхъ, двоюродный братъ царя Өедора, племянникъ царицы Анастасіи Романовны, старшій изъ сыновей Никиты Романовича, Өедоръ Никитичъ Романовъ. Патріархъ былъ на сторонѣ Годунова и предложилъ собору избрать именно его. Соборъ согласился и единогласно (въ февралѣ 1598 года) предложилъ престолъ Борису. Но Борисъ, бывшій въ то время у своей сестры въ Дѣвичьемъ монастырѣ, рѣшительно отказался. Необходимы были особенныя мѣры, чтобы понудить его послушаться: былъ составленъ крестный ходъ въ Дѣвичій монастырь, и

1606 году, даже офиціально было объявлено, что царевичъ „пріялъ неповинное закланіе отъ лукаваго раба Бориса Годунова“. Въ литературѣ того времени было составлено много сказаній и повѣстей, гдѣ дѣло объяснялось такъ же. Вотъ почему въ настоящее время существуетъ два мнѣнія о дѣлѣ царевича Дмитрія. Тѣ, кто вѣритъ слѣдственному дѣлу, говорятъ о самоубійствѣ царевича; а кто вѣритъ сказаніямъ и повѣстямъ, утверждаетъ, что Дмитрій былъ убитъ по приказу Бориса.

патріархъ объявилъ Борису, что въ случаѣ его дальнѣйшаго упорства духовенство затворитъ всѣ церкви и прекратитъ богослуженіе. Тогда только Борисъ согласился, а его сестра, бывшая царица, благословила брата на царство. Хотя такимъ образомъ избраніе Бориса было всенароднымъ и вполнѣ законнымъ, однако шла молва, будто онъ тайно прибѣгалъ къ подкупамъ и угрозамъ, чтобы обезпечить себѣ престолъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ современники говорили, что Бориса избирали не только изъ боязни, но видя его «разумъ и правосудіе», зная его «крѣпкое правленіе», то-есть оцѣнивъ его способности и заслуги.

Борисъ вѣнчался на царство только 1 сентября 1598 года— лишь тогда, когда убѣдился въ прочности народнаго избранія. Съ такою же осторожностью онъ держалъ себя и въ дальнѣйшее время. Боясь покушеній на свою власть, онъ воспользовался первыми предлогами для того, чтобы устранить подозрительныхъ для него бояръ. Въ 1600—1601 годахъ Борисъ, воспользовавшись какимъ-то доносомъ, отдалъ всѣхъ Романовыхъ подъ судъ по обвиненію въ злоумышленіяхъ на государя. Романовы (пять братьевъ) были сосланы на далекій сѣверъ, а старшій изъ нихъ, Ѳедоръ, и его жена были, сверхъ того, пострижены въ монашество (онъ съ именемъ Филарета, она съ именемъ Марѳы) и посланы въ глухіе сѣверные монастыри подъ строгій надзоръ. Знатнѣйшихъ княжатъ Шуйскихъ (изъ Рюриковичей) и Голицыныхъ (изъ Гедиминовичей) Борисъ держалъ далеко отъ Москвы на воеводствахъ, какъ бы въ постоянномъ подозрѣніи и подъ страхомъ доносовъ, которые при Борисѣ были вообще въ ходу. Немудрено, что боярство не любило Годунова и считало Бориса прямымъ продолжателемъ Грознаго съ его опричниною и гоненіемъ на знать.

Въ управленіи государствомъ Борисъ продолжалъ дѣлать то, что дѣлалъ онъ при царѣ Ѳедорѣ: всѣми мѣрами стремился къ возстановленію народнаго благосостоянія, потрясеннаго въ эпоху Грознаго. Онъ уклонялся отъ внѣшнихъ столкновеній, не желая втягивать государство въ новыя войны [1]).

---

[1]) Борисъ большое значеніе придавалъ европейскому просвѣщенію. Онъ охотно обращался къ иноземцамъ-техникамъ и докторамъ и бралъ ихъ на свою службу. Сынъ Бориса, Ѳедоръ Борисовичъ, получилъ необычное по тому времени образованіе. Дочь свою,

Онъ заботился объ укрѣпленіи правосудія и справедливости и желалъ истребить лихоимство и самоуправство и оградить мирное населеніе отъ насильниковъ. Являясь гонителемъ знати, онъ хотѣлъ быть добрымъ государемъ для простыхъ людей. И дѣйствительно, онъ дѣлалъ много добра и льготъ простонародью. Начиная съ 1601 года, въ Московскомъ государствѣ, подъ рядъ три лѣта, были неурожаи и насталъ страшный голодъ. Люди умирали на улицахъ и дорогахъ и ѣли другъ друга. Борисъ устроилъ раздачу хлѣба изъ казны голоднымъ и началъ въ Москвѣ большія постройки, чтобы дать имъ заработокъ. Конечно, онъ не могъ накормить всѣхъ, и народъ, не имѣвшій пищи, бросалъ свои дома и хозяйство и разбѣгался. Образовались большія разбойничьи шайки, которыя силою добывали себѣ пропитаніе и грабили богатыхъ бояръ и купцовъ, державшихъ взаперти свои обильные запасы хлѣба. Голодъ и разбои, по словамъ современниковъ, были «началомъ бѣды» для Руси. Дѣйствительно, за первою бѣдою, голодомъ, явилась другая: началось народное возстаніе въ пользу самозваннаго царевича Дмитрія, въ борьбѣ съ которымъ и скончался Борисъ Годуновъ (1605).

§ 67. **Самозванецъ.** Въ 1603 году въ Юго-Западной Руси и Польшѣ распространились слухи о томъ, что живъ Углическій царевичъ Дмитрій Ивановичъ, котораго считали умершимъ въ 1591 году. Человѣкъ, взявшій на себя имя Дмитрія, объявился сначала у русскаго князя Адама Вишневецкаго, а затѣмъ перешелъ къ польскому пану Юрію Мнишку, у котораго и сталъ жить въ замкѣ Самборѣ. Онъ разсказывалъ о себѣ очень кратко и глухо, что былъ спасенъ отъ покушеній на его жизнь Годунова и теперь хочетъ «доступать» отеческаго престола. Представленный польскому ко-

---

Ксенію, Борисъ желалъ выдать за иноземнаго принца, шведскаго или датскаго (но Густавъ Шведскій не пришелся ему по вкусу, а Іоаннъ Датскій умеръ женихомъ отъ случайной простуды). Борисъ посылалъ для науки русскую молодежь въ иноземныя страны (любопытно, что никто изъ посланныхъ не пожелалъ потомъ вернуться домой). Пользуясь техническими познаніями своихъ иноземныхъ слугъ, Борисъ началъ обширныя каменныя постройки въ Московскомъ Кремлѣ, изъ которыхъ была при немъ окончена и уцѣлѣла до нашихъ дней знаменитая колокольня „Иванъ Великій". Словомъ, при Годуновѣ обнаружилось явное тяготѣніе московскаго правительства къ сближенію съ просвѣщеннымъ Западомъ, къ усвоенію европейскаго знанія.

ролю Сигизмунду III и принявъ католичество, самозванецъ получилъ возможность собирать въ Самборѣ войско для похода на Москву и вошелъ въ сношенія съ казаками на Дону и на «дикомъ полѣ», поднимая ихъ на Бориса.

Когда въ Москвѣ было получено извѣстіе о появленіи самозванца, московскія власти догадались, что имя Дмитрія взялъ на себя бѣглый монахъ Григорій Отрёпьевъ, происходившій изъ служилыхъ людей (дѣтей боярскихъ). Рано осиротѣвъ, онъ постригся въ монахи и бродилъ по монастырямъ, пока не добрался до Москвы. Тамъ онъ былъ принятъ въ Чудовъ монастырь, въ Кремлѣ, и познакомился съ столичною жизнью. Изъ Москвы съ тремя другими монахами Отрёпьевъ убѣжалъ въ Литву и Польшу, разстригся и назвался царевичемъ Дмитріемъ. Однако, когда изъ Москвы сообщили обо всемъ этомъ въ Польшу, тамъ сообщенію не повѣрили, и самозванецъ продолжалъ свое дѣло безъ помѣхи [1].

Собравъ войско, самозванецъ осенью 1604 года пошелъ въ Московское государство, направляясь изъ Самбора, мимо Кіева, на Черниговъ. Первые города московскіе поддались ему, но подъ Новгородомъ-Сѣверскомъ онъ встрѣтилъ отпоръ, а затѣмъ (въ битвѣ при с. Добрыничахъ) былъ совсѣмъ разбитъ и прогнанъ на самый край Московскаго государства, въ Путивль. Однако дѣло его не было проиграно. На востокъ отъ Путивля, въ новыхъ городахъ, устроенныхъ тогда на «полѣ» противъ татаръ (§ 61), казаки и служилые гарнизонные люди, возбужденные грамотами самозванца, подняли возстаніе во имя царя Димитрія; собравшись цѣлымъ войскомъ, они пошли на сѣверъ и засѣли въ городкѣ Кромахъ. Воеводы царя Бориса, узнавъ объ этомъ, бросили разбитаго само-

---

[1]) Не всѣ и теперь вѣрятъ тому, что самозванецъ былъ Отрёпьевъ. Одни ученые склонны думать, что это былъ дѣйствительно царевичъ Дмитрій, укрытый Нагими отъ убійцъ, подосланныхъ къ нему изъ Москвы. Другіе думаютъ, что это былъ самозванецъ, но не Отрёпьевъ, а какое-нибудь другое лицо, съ которымъ вмѣстѣ Отрёпьевъ странствовалъ изъ Москвы въ Польшу. Нѣкоторые, наконецъ, говорятъ, что самозванецъ былъ даже не московскій человѣкъ, а западно-русскій уроженецъ, подготовленный поляками. Вѣроятнѣе всего, однако, то, что это былъ Отрёпьевъ. По всей видимости, онъ самъ вѣрилъ въ свое царское происхожденіе. Всѣ поступки самозванца указываютъ на то, что онъ считалъ себя дѣйствительнымъ царевичемъ и не боялся никакихъ обличеній въ самозванствѣ.

званца въ Путивлѣ и двинулись осаждать Кромы. Крѣпкій городокъ не сдавался, осада затянулась до весны 1605 года, и войско Бориса, утомленное труднымъ зимнимъ походомъ, пришло въ разстройство. Въ это время, въ апрѣлѣ 1605 года, неожиданно умеръ царь Борисъ.

На Москвѣ воцарился сынъ Бориса, совсѣмъ еще юный Өеодоръ Борисовичъ. Сильная личность Бориса держала въ повиновеніи ему Москву и государство. Когда же вмѣсто него на престолѣ оказался неопытный мальчикъ, а вліяніе на дѣла присвоила себѣ его мать, царица Марія Григорьевна (никѣмъ не любимая дочь опричника Малюты Скуратова),—тогда бояре дали ходъ своей враждѣ къ Годуновымъ. Шуйскіе съ Голицыными и другими боярами задумали измѣнить Годуновымъ и свергнуть ихъ во имя царя Дмитрія; затѣмъ они разсчитывали самого Дмитрія не пустить на престолъ, такъ какъ они въ него не вѣрили, и избрать царя по своему усмотрѣнію. Такъ бояре и поступили. Они передались самозванцу подъ Кромами, привели къ присягѣ ему все войско и послали за нимъ въ Путивль. Въ то же время въ Москвѣ бояринъ князь Вас. Ив. Шуйскій, который производилъ слѣдствіе о смерти царевича въ Угличѣ, сталъ говорить, что въ Угличѣ царевича не убили, а спасли, и что онъ теперь самъ идетъ къ Москвѣ. Москвичи возмутились противъ Годуновыхъ, свергли царя Өедора Борисовича, убили его съ матерью, заточили въ монастырь его сестру Ксенію и стали ждать «истиннаго» царя Дмитрія. Онъ пріѣхалъ въ Москву въ іюнѣ 1605 года.

Таковы были успѣхи самозванца. Его подготовили, вѣроятно, тѣ изъ бояръ, которые ненавидѣли Годунова и не желали ему подчиняться. Вывезенный въ Польшу, самозванецъ получилъ тамъ поддержку отъ короля и духовенства. Король надѣялся, давъ помощь самозванцу, возбудить междоусобіе въ Москвѣ и тѣмъ ее ослабить. Католическое духовенство, обративъ самозванца въ католичество, думало черезъ него достичь подчиненія папѣ и всего Московскаго государства. Самозванецъ нашелъ сочувствіе и въ нѣкоторой части польскаго панства и шляхты. Шляхтичи шли въ его войско, надѣясь получить славу и добычу при завоеваніи Москвы. На то же разсчитывали и паны, въ родѣ пана Мнишка, который прочилъ въ жены самозванцу свою дочь Марину. Но главнымъ образомъ создали успѣхъ самозванцу русскіе люди

съ южной окраины Московскаго государства. Они были выходцами изъ центральныхъ областей государства, гдѣ страдали отъ опричнины и отъ крѣпостной зависимости. Поэтому они ненавидѣли московскіе порядки и стали за самозванца, надѣясь, что «истинный» царь Дмитрій улучшитъ ихъ положеніе и усмиритъ «лихихъ бояръ», угнетавшихъ простой народъ. Когда самозванецъ внесъ смуту въ Московское государство, бояре рѣшились воспользоваться ею, чтобы избавиться отъ ненавистныхъ Годуновыхъ, а потомъ и отъ самого самозванца. Годуновыхъ имъ удалось истребить; но когда князь Вас. Ив. Шуйскій сталъ, вопреки прежнимъ своимъ рѣчамъ, говорить противъ самозванца, убѣждая народъ не пускать его въ Москву, то ему уже не повѣрили и арестовали его, а народъ устроилъ самозванцу торжественную встрѣчу и принялъ его, какъ истиннаго царевича.

§ 68. **Царствованіе и смерть самозванца.** Вступивъ въ Москву, самозванецъ вмѣсто патріарха Іова сдѣлалъ патріархомъ Рязанскаго архіепископа грека Игнатія и вѣнчался на царство. Онъ выписалъ изъ ссылки мать царевича Дмитрія, инокиню Марѳу, и встрѣтилъ ее, какъ свою родную мать. Ради царскаго вѣнчанія были возвращены изъ ссылки пострадавшіе отъ Бориса Нагіе и Романовы. Несмотря на то, что самозванецъ принялъ въ Польшѣ католичество и надавалъ папѣ и королю много обѣщаній, онъ держалъ себя въ Москвѣ независимо отъ папы и короля. О католичествѣ не было и рѣчи; самозванецъ самъ показывалъ себя православнымъ и не собирался вводить католичество на Русь. Обѣщанныхъ королю земельныхъ уступокъ онъ не сдѣлалъ. Конечно, это не удовлетворяло его друзей и покровителей, и они были очень недовольны царемъ Дмитріемъ. Внимателенъ былъ самозванецъ только къ семьѣ Мнишковъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ пріѣзда въ Москву панны Марины Мнишекъ, за которую посватался. Въ надеждѣ, что католичка Марина окажетъ извѣстное вліяніе на супруга, польское правительство содѣйствовало этому браку, и Марина съ отцомъ отправилась въ Москву.

Если самозванецъ вызвалъ неудовольствіе въ Польшѣ, то не нравился онъ и въ Москвѣ. Нѣкоторые изъ бывшихъ при царѣ Дмитріи иностранцевъ разсказывали, будто бы царь отличался необыкновеннымъ умомъ и дѣловитостью, чѣмъ удивлялъ бояръ. Но русскіе современники молчатъ объ этомъ;

они говорятъ, напротивъ, что царь удивлялъ москвичей другимъ. Онъ мало былъ похожъ не только на государя, но и просто на благовоспитаннаго человѣка: не былъ богомоленъ, не держалъ постовъ, кутилъ и пьянствовалъ, былъ слишкомъ близокъ къ полякамъ, пришедшимъ съ нимъ въ Москву. Онъ жилъ не по царскому чину: не почивалъ послѣ обѣда, самъ объѣзжалъ коней, безъ свиты гулялъ по городу и рынку, словомъ, не умѣлъ сохранять своего достоинства такъ, какъ бы это было нужно по московскимъ понятіямъ. Кромѣ того, управлялъ онъ съ помощью немногихъ любимцевъ, отстранивъ отъ вліянія на дѣла знатнѣйшихъ бояръ (способнѣйшимъ изъ его приближенныхъ былъ Петръ Ѳедор. Басмановъ). Все это обижало москвичей и озлобляло ихъ противъ самозванца. Окончательно же возстановила народъ противъ него его свадьба. На эту свадьбу изъ Польши пріѣхало множество гостей и было поселено, за отсутствіемъ гостиницъ, по частнымъ дворамъ; гости держали себя, какъ господа, и очень обижали и раздражали москвичей. А между тѣмъ, только эти чужевѣрные гости да придворные люди были допущены на царскую свадьбу; прочее же московское населеніе не пустили въ этотъ день даже въ Кремль. Обиженный народъ былъ смущенъ еще и тѣмъ, что новая царица не приняла православія.

Народнымъ неудовольствіемъ противъ самозванца и поляковъ воспользовались бояре. Еще до прибытія самозванца въ Москву, князь Вас. Ив. Шуйскій назвалъ его обманщикомъ и поднималъ на него народъ; тогда онъ былъ судимъ и сосланъ, но скоро помилованъ. Теперь Шуйскій съ братьями и другіе бояре снова начали дѣйствовать противъ самозванца и составили такой планъ: ударить въ набатъ и поднять народъ противъ ненавистныхъ поляковъ; когда же начнется въ городѣ погромъ, то проникнуть во дворецъ и свергнуть самозванца. Планъ удался. Рано утромъ, 17-го мая 1606 года, заговорщики ударили въ набатъ въ Китай-городѣ (часть Москвы, рядомъ съ Кремлемъ); съ крикомъ, что «паны рѣжутъ бояръ», они устремили чернь на дома, занятые поляками, а сами бросились во дворецъ. Тамъ они убили П. Ѳ. Басманова, затѣмъ настигли самозванца на одномъ изъ дворовъ дворца и также убили его, а затѣмъ арестовали царицу Марину и ея приближенныхъ и свергли патріарха Игнатія. Исполнивъ это, бояре постарались остановить избіеніе поляковъ и грабежъ въ го-

родѣ и съ трудомъ водворили въ Москвѣ порядокъ послѣ того, какъ было избито болѣе 2.000 иноземцевъ.

§ 69. **Воцареніе князя Василія Ивановича Шуйскаго.** Два дня продолжались безпорядки въ Москвѣ. На третій день, 19-го мая, безъ земскаго собора, однимъ крикомъ толпы на Красной площади, въ Китай-городѣ, былъ провозглашенъ царемъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, главный руководитель заговора противъ самозванца. Принимая власть, царь Василій поцѣловалъ крестъ на томъ, что онъ никого не будетъ казнить, «не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими», ни на кого не будетъ налагать опалы безвинно и не будетъ слушать бездоказательныхъ доносовъ. Иначе говоря, онъ обѣщалъ править государствомъ не такъ, какъ правилъ Грозный и за нимъ правили Годуновъ и самозванецъ, при которыхъ казни и опалы совершались безъ суда, по доносамъ. Такое обѣщаніе отъ Шуйскаго, по общему мнѣнію, было взято боярами, ограничившими его власть. Но оно осталось только на словахъ, потому что на дѣлѣ Шуйскій былъ очень самовластенъ и мстителенъ и совсѣмъ не держалъ своей клятвы.

Положеніе новаго государя было чрезвычайно трудно. Москва знала, за что свергнутъ былъ царь Дмитрій, а другіе города не знали еще ничего. Надо было объяснить всей странѣ то, что произошло. Царь Василій немедля послалъ въ Угличъ за тѣломъ царевича Димитрія. Онъ, далѣе, предназначилъ въ патріархи Казанскаго митрополита Гермогена, однако не дождался его пріѣзда въ Москву и спѣшно короновался (1-го іюня 1606 года). А черезъ день (3-го іюня) въ Москву было принесено изъ Углича нетлѣнное тѣло царевича Димитрія. Такимъ образомъ въ столицѣ былъ уже вѣнчанный государь и были мощи новаго страстотерпца—подлиннаго царевича. Въ города и пошли послѣ этого подробныя грамоты, которыя объясняли всему народу отъ имени государя и отъ имени инокини Мароы Нагой происшедшія въ Москвѣ событія: самозванство и еретичество низвергнутаго Дмитрія, его тайныя сношенія съ Польшею и папою, его сверженіе, воцареніе Шуйскаго, который по своему «отечеству» былъ старше даже прежнихъ Московскихъ царей, и, наконецъ, обрѣтеніе мощей царевича Димитрія, котораго Богъ прославилъ нетлѣніемъ и чудесами за неповинное закланіе отъ Бориса Годунова. Царь

Василій думалъ, что послѣ такихъ объясненій невозможна никакая смута и никакое самозванство.

§ 70. **Смута при царѣ Василіи.** Грамоты царя Василія не имѣли, однако, желаемаго дѣйствія. Во многихъ мѣстахъ государства не повѣрили имъ и не пожелали повиноваться Шуйскому. Началась тяжелая смута, потрясшая всю страну и перешедшая въ кровавое междоусобіе. Въ ходѣ этой смуты, въ царствованіе Василія Шуйскаго, были три главные эпизода: 1) движеніе Болóтникова, 2) движеніе второго самозванца и 3) вмѣшательство иноземцевъ въ московскую смуту.

1 Вопрéки грамотамъ Шуйскаго, въ народѣ, тотчасъ послѣ сверженія и смерти самозванца, пошелъ упорный слухъ, что царь Дмитрій спасся отъ бояръ, убѣжалъ изъ Москвы и скоро обнаружитъ себя. На южной украйнѣ, гдѣ годъ или два передъ тѣмъ кипѣло возстаніе въ пользу Дмитрія, народъ снова зашевели́лся и снова сталъ собираться за Дмитрія на злыхъ его измѣнниковъ-бояръ. Какъ во время борьбы самозванца съ Борисомъ Пути́вль былъ главнымъ мѣстомъ, гдѣ засѣлъ самъ самозванецъ,—такъ и теперь, при царѣ Василіи, каменная Пути́вльская крѣпость стала центромъ возстанія; только взамѣнъ самого Дмитрія тамъ занималъ первое мѣсто воевода князь Григорій Шахóвскій, а при немъ главная роль принадлежала боярскому холóпу Ивану Болотникову. Попавъ однажды въ плѣнъ къ татарамъ, Болотниковъ былъ проданъ ими въ Турцію, ушелъ изъ плѣна и черезъ Италію и Польшу пришелъ на Русь. Здѣсь онъ явился къ кн. Гр. Шаховскому и, благодаря своей энергіи, сталъ во главѣ большихъ ша́екъ, образовавшихся противъ Шу́йскаго. Болотниковъ собиралъ вокругъ себя народъ не только во имя царя Дмитрія, но и съ цѣлью общéственнаго переворота: онъ поднималъ крестьянъ и холоповъ противъ ихъ господъ—бояръ и помѣщиковъ, желая отмѣны крѣпостныхъ порядковъ въ государствѣ и уничтоженія «лихихъ бояръ» и вообще богатыхъ людей. Какъ самъ онъ, такъ и его сторонники получили поэтому названіе «вóровъ» (т.-е. преступниковъ). Съ огромнымъ скопищемъ воровъ Болотниковъ двинулся осенью 1606-го года къ Москвѣ. На дорогѣ къ нему присоединились дворяне изъ Тулы и Рязани, не разобравшіе сразу, что «вóры» по своимъ разрушительнымъ стремленіямъ не могутъ быть ихъ друзьями.

Мятежники подошли къ самой Москвѣ и стали ей грозить, остановившись въ селѣ Коломенскомъ, надъ Москвою-рѣкою. Пока царь Василій собирался съ силами, рязанцы бросили воровъ и перешли на его сторону. Тогда царь Василій разбилъ Болотникова и погналъ воровъ на югъ. Воры засѣли всѣ въ каменной крѣпости въ Тулѣ [1]). Шуйскій осадилъ ихъ тамъ и, ухитрившись затопить крѣпость водою изъ р. Упы, заставилъ ихъ сдаться. Ворами набили всѣ тюрьмы; многихъ изъ нихъ утопили, множество обратили въ рабство, раздавая въ холопы и въ крестьяне служилымъ людямъ. Остальныхъ, голодныхъ и оборванныхъ, отпустили на волю. Князь Гр. Шаховскій былъ сосланъ, Болотниковъ исчезъ безъ слѣда: вѣроятно, былъ казненъ. Такъ окончилась попытка крѣпостного люда, скопившагося на окраинахъ государства, подняться на своихъ господъ, воспользовавшись самозванческою смутою.

2. Въ то время, когда царь Василій осаждалъ Болотникова и воровъ въ Тулѣ,—въ городѣ Стародубѣ Сѣверскомъ уже находился человѣкъ, называвшій себя царемъ Дмитріемъ Ивановичемъ. Онъ говорилъ о себѣ, что спасся отъ боярскаго покушенія и ушелъ въ Литву, откуда теперь идетъ снова добывать Москву. Такъ какъ тогда держался упорный слухъ, что царь Дмитрій живъ, то новому самозванцу вѣрили; а кто онъ былъ на самомъ дѣлѣ, того никто не зналъ ни тогда, ни впослѣдствіи. Послѣ взятія Тулы Шуйскимъ второй самозванецъ принялъ мѣры къ тому, чтобы залучить подъ свои знамена выпущенныхъ изъ Тулы воровъ: бывшій у него на службѣ литовскій шляхтичъ Лисовскій обошелъ всѣ южныя окраины Московскаго государства и собралъ изъ этихъ воровъ цѣлое войско. Въ то же время къ самозванцу приходили и свѣжіе отряды казаковъ. Такимъ образомъ у самозванца были значительныя русскія силы, воодушевленныя тѣми же чувствами, какъ раньше войска Болотникова. Поэтому москвичи звали ихъ тоже «ворами»; а ихъ вожака, второго самозванца,

---

[1]) Туда пришелъ съ Волги съ казаками самозванецъ Петръ, бывшій казакомъ Илейкою, а называвшій себя сыномъ царя Ѳедора. Въ то время самозванство вообще стало обычнымъ дѣломъ, и среди казачества появилось много небывалыхъ „царевичей“ съ самыми разнообразными кличками („царевичъ Ерошка“, „царевичъ Гаврилка“ и др.).

они прозвали просто Воромъ (въ отличіе отъ перваго самозванца, прозваннаго Разстригою). Кромѣ русскихъ воровъ, къ Вору пришли въ большомъ числѣ служить литовскіе и польскіе люди. Въ то время въ Польшѣ и Литвѣ противъ короля Сигизмунда III-го возстала значительная часть шляхты. Когда король подавилъ мятежъ, то мятежники отъ его преслѣдованія и мести стали уходить на Русь въ войско Вора. А за ними шли и королевскіе слуги. Пріѣхала къ Вору и Марина Мнишекъ, съ отцомъ своимъ отпущенная изъ Москвы въ Польшу. Главную роль среди поляковъ и литвы у Вора играли князь Рожинскій, бывшій гетманомъ (главнокомандующимъ) всѣхъ его войскъ, и Янъ Петръ Сапѣга, приведшій съ собою большой собственный отрядъ.

Въ концѣ-концовъ подъ начальствомъ Вора оказалась такая большая воинская сила, что онъ подступилъ къ самой Москвѣ и осадилъ ее лѣтомъ 1608-го года. Воры и поляки устроили свой главный станъ въ неприступномъ, по своему положенію, селѣ Тушинѣ, верстахъ въ десяти отъ Москвы. Дѣйствуя оттуда, они заняли всѣ дороги вокругъ Москвы, кромѣ Рязанской, которую отстояли московскіе воеводы и сами рязанцы. Такъ только изъ Рязани и могли москвичи получать продовольствіе и всякую помощь; всѣ остальныя сообщенія были отрѣзаны. Окружая Москву, тушинцы наткнулись на Троице-Сергіевъ монастырь, защищенный каменными стѣнами. Они попытались взять его, но не могли, потому что братія монастыря и стрѣльцы отбили приступы. Тогда Сапѣга и Лисовскій повели правильную осаду монастыря, оставшуюся также безъ успѣха. Монастырь не сдался и подалъ собою примѣръ твердости. Не такъ хорошо вело себя населеніе самой Москвы. Многіе изъ служилыхъ и торговыхъ людей переѣхали въ Тушино, одни—по ненависти къ Шуйскому, другіе—за почестями и наживой. Были и такіе искатели приключеній, которые не разъ перебѣгали въ Тушино и потомъ возвращались обратно въ Москву. При каждомъ своемъ переѣздѣ они обыкновенно выпрашивали себѣ у того царя, къ которому пріѣхали, чины и земли за «пріѣздъ»,—за то, что познали «истиннаго государя» и явились ему служить. Такихъ негодяевъ москвичи ѣдко называли «перелётами».

Итакъ, вскорѣ послѣ своей побѣды надъ ворами Болотникова, царь Василій оказался снова въ осадѣ отъ другихъ, еще

болѣе многочисленныхъ и опасныхъ воровъ. Для того, чтобы собрать противъ нихъ свои силы, царь приказалъ воеводамъ изъ городовъ, гдѣ были большіе гарнизоны, идти на помощь Москвѣ. Въ то же время онъ послалъ своего племянника, князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, въ Великій Новгородъ, чтобы тамъ собрать русскія войска и, сверхъ того, просить войскъ у шведскаго короля. Шведы дали Скопину вспомогательное войско, но за него получили себѣ спорные города (Иваньгородъ, Ямъ, Копорье, Орѣшекъ и Корелу), которые были уступлены имъ Грознымъ и отобраны царемъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ. Съ русскимъ и шведскимъ войскомъ Скопинъ и шведскій полководецъ Делагарди должны были не только идти на помощь къ Москвѣ, но защищать и сѣверныя области государства, куда также проникли тушинцы.

Свою задачу Скопинъ исполнилъ съ полнымъ успѣхомъ, потому что ему помогли сами жители московскаго сѣвера. Когда тушинскіе отряды показались на средней Волгѣ и за Волгою и стали приводить сѣверные города въ повиновеніе Вору, то жители увидѣли, что слуги царя Дмитрія вовсе не заботятся о порядкѣ, а думаютъ только о грабежѣ. Не желая давать свое добро ворамъ-казакамъ, полякамъ и литвѣ, сѣверные горожане и крестьяне сами, своими силами, начали съ ними геройскую войну. Во главѣ возставшихъ противъ Вора были города Вологда и Устюгъ. Князю Скопину оставалось только поддерживать народное движеніе, посылая отъ себя на сѣверъ земскимъ ратямъ опытныхъ «головъ» (офицеровъ). Тушинцы были скоро прогнаны изъ-за Волги назадъ къ Москвѣ; за ними пошли на помощь Москвѣ сѣверныя земскія ополченія. Скопинъ указалъ имъ всѣмъ собираться въ Александровой слободѣ и самъ съ своими войсками пришелъ туда изъ Новгорода (черезъ Тверь). Туда же подошли и войска изъ Поволжья. Въ Александровой слободѣ собралось большое войско, въ которомъ были и регулярные нѣмецкіе отряды Делагарди, и служилые русскіе люди, привычные къ ратному дѣлу, и земскія ополченія горожанъ и крестьянъ. Скопинъ, дѣятельно обучая на походѣ свои войска правильному бою, поспѣшилъ съ ними къ столицѣ. Тогда тушинцы бросили осаду Троицкаго монастыря (она длилась 16 мѣсяцевъ); оставили затѣмъ и самое Тушино. Воръ убѣжалъ въ Калугу, гдѣ была сильная каменная крѣпость, и Москва весною 1610 года осво-

бодилась отъ долгаго страха. Царь Василій побѣдилъ во второй разъ, благодаря подвигамъ Скопина и сѣверныхъ «мужиковъ».

3. Еще Воръ не былъ побѣжденъ, какъ у царя Василія появился новый опасный врагъ. Дружескій договоръ Скопина со шведами и шведская помощь царю Василію повели къ тому, что польскій король Сигизмундъ объявилъ войну Москвѣ. Отношенія Сигизмунда къ Швеціи были столь враждебны, что всякій другъ Швеціи тѣмъ самымъ былъ его врагъ. Но и кромѣ личной вражды короля, интересы Польши и Литвы не могли допустить сближенія Москвы со Швеціей. Осенью 1609 года Сигизмундъ двинулся въ походъ и осадилъ Смоленскъ. Эта важная крѣпость имѣла каменныя стѣны, построенныя Годуновымъ, и охранялась сильнымъ гарнизономъ. Цѣлую зиму король не могъ ее взять и продолжалъ безъ успѣха стоять у Смоленска до тѣхъ поръ, пока Скопинъ прогналъ тушинцевъ отъ Москвы и вошелъ въ столицу.

Въ Москвѣ радовались и предполагали, что Скопинъ немедля же пойдетъ со своею ратью на короля и освободитъ отъ него Смоленскъ. Но Скопинъ внезапно умеръ въ Москвѣ, всего 23 лѣтъ отъ роду (предполагали, что его отравили). Противъ короля выступилъ съ войскомъ братъ царя Василія, князь Дмитрій Шуйскій, человѣкъ неспособный и никѣмъ не любимый. Если бы онъ побѣдилъ поляковъ, смута могла бы кончиться полною побѣдою царя Василія. Но случилось не такъ. У короля Сигизмунда былъ въ то время гетманомъ (главнокомандующимъ) польскихъ войскъ талантливый полководецъ панъ Станиславъ Жолкевскій. Онъ выступилъ изъ-подъ Смоленска навстрѣчу Шуйскому, неожиданно для него встрѣтилъ его у с. Клушина (близъ теперешняго г. Гжатска), разбилъ московское войско на-голову, а отряду Делагарди открылъ путь къ отступленію домой чрезъ Новгородъ. Шведы воспользовались этимъ, отошли къ берегамъ Финскаго залива и вѣроломно овладѣли Новгородомъ. Русское же войско въ безпорядкѣ прибѣжало въ Москву. За нимъ спѣшилъ гетманъ Жолкевскій и приблизился къ самой Москвѣ. Одновременно съ нимъ подступилъ къ Москвѣ изъ Калуги и Воръ. Москва такимъ образомъ снова оказалась въ осадѣ. Въ новой бѣдѣ москвичи потеряли терпѣніе, возстали на царя Василія, свергли его съ престола (17-го іюля 1610 года) и насильно постригли въ монашество. Власть перешла къ боярамъ; такъ

какъ они правили кружкомъ въ семь человѣкъ, то время ихъ правленія получило названіе «семибоярщины».

§ 71. **Избраніе на престолъ польскаго королевича Владислава и послѣдствія этого избранія**. Задолго еще до сверженія Шуйскаго, въ то время, когда казаки и поляки оставляли свой Тушинскій лагерь, нѣкоторая часть тушинцевъ не хотѣла ни идти за Воромъ въ Калугу, ни возвращаться въ Москву къ Шуйскому. Во главѣ этихъ людей стояли боярская семья Салтыковыхъ и митрополитъ Ростовскій Филаретъ, взятый тушинцами насильно изъ Ростова въ Тушино и тамъ нареченный въ патріархи всея Руси. Они обратились къ королю Сигизмунду подъ Смоленскъ и просили его дать своего сына Владислава на московскій престолъ. Король согласился; но пока въ Москвѣ крѣпко сидѣлъ Василій Шуйскій, это соглашеніе короля съ тушинцами, конечно, не могло получить никакой силы. Митрополитъ Филаретъ долженъ былъ возвратиться въ Москву еще при Шуйскомъ, а Салтыковы остались у короля.

Когда же царь Василій былъ свергнутъ, Жолкевскій, придя къ Москвѣ, немедля потребовалъ признанія Владислава царемъ. Московскіе бояре сами желали воцаренія Владислава и думали было созвать выборныхъ отъ городовъ для его избранія въ цари. Но ждать съѣзда выборныхъ было нельзя, такъ какъ Воръ, стоя подъ Москвою, поднималъ московскую чернь въ свою пользу и дѣло шло къ открытому междоусобію. Собравъ на соборъ тѣхъ, кого можно было наскоро найти въ самой столицѣ, бояре соборомъ избрали Владислава, составили особую грамоту, опредѣлявшую его права и обязанности, и вступили въ переговоры съ Жолкевскимъ. По условіямъ, составленнымъ боярами, Владиславъ долженъ былъ принять православіе и править государствомъ при посредствѣ бояръ, собирая въ важнѣйшихъ случаяхъ земскій соборъ. Московское государство обезпечивало себѣ полнѣйшую независимость и обособленность отъ Польши и Литвы, особо вело внѣшнюю политику и сохраняло свой прежній внутренній строй. Жолкевскій принялъ всѣ условія и далъ присягу за Владислава, а москвичи цѣловали крестъ королевичу. Такъ поспѣшно и наскоро состоялось избраніе Владислава (въ августѣ 1610 г.). Не всѣ одинаково хотѣли королевича: многіе москвичи желали бы поставить царемъ своего, московскаго, человѣка. За русскаго стоялъ и патріархъ Гермогенъ, едва согласившійся

на избраніе Владислава [1]). Только боязнь бунта черни въ пользу Вора помогла Жолкевскому настоять на своемъ. Какъ только былъ заключенъ договоръ съ гетманомъ, Жолкевскій прогналъ Вора отъ Москвы, а затѣмъ, для поддержанія порядка, по желанію самихъ бояръ, ввёлъ свои войска во внутреннія московскія крѣпости, Кремль и Китай-городъ. Такимъ-то образомъ Московское государство признало власть Владислава, а Москва оказалась во власти польскаго гарнизона.

Для того, чтобы просить Сигизмунда дать сына на московскій престолъ, а Владислава просить принять этотъ престолъ, въ Москвѣ было снаряжено чрезвычайное, «вели́кое», посольство. Главными послами къ королю были отправлены самые знатные люди, митрополитъ Филаретъ и князь В. В. Голи́цынъ. Съ громадною свитою отправились послы «ото всея́ земли́» подъ Смоленскъ въ королевскій лагерь. Они еще не знали, что король не желалъ посылать сына въ Москву, такъ какъ считалъ Москву своею военною добычей. Онъ тайно требовалъ отъ Жолкевскаго, чтобы тотъ привелъ Москву къ присягѣ не королевичу, а самому королю. Напрасно гетманъ писалъ Сигизмунду, что его желаніе неисполнимо, что Москва ни за что не подчинится ему, какъ ревностному католику и гонителю православія. Король стоялъ на своемъ. Тогда Жолкевскій оставилъ Москву, передавъ команду Гонсѣ́вскому (и захвативъ съ собою въ Польшу царя Василія и его братьевъ въ качествѣ военнаго трофея). Онъ явился къ королю и, когда въ устной бесѣдѣ не успѣлъ его образумить, вышелъ въ отставку и удалился въ свое имѣніе. Король же попробовалъ достигнуть своего́. Въ Москву онъ послалъ передавшихся ему изъ Тушина́ русскихъ людей и поставилъ ихъ въ Москвѣ на разныя должности, дѣйствуя именемъ Владислава и своимъ собственнымъ. Среди этихъ людей главными были бояре Салтыковы и торговый человѣкъ Ѳёдоръ Андро́новъ. Чрезъ посредство ихъ и Гонсѣвскаго Сигизмундъ запугалъ московскихъ бояръ и сталъ распоряжаться въ Москвѣ, какъ въ покорённомъ городѣ. Въ переговорахъ съ великимъ посольствомъ подъ Смоленскомъ паны́ Сигизмунда также требо-

---

[1]) Изъ русскихъ людей, которые могли бы занять престолъ, москвичи называли князя Вас. Вас. Голи́цына и сына митрополита Филарета, маленькаго Михаила Ѳедоровича Романова.

вали послушанія королю и ничего не говорили о томъ, что Владиславъ приметъ православіе и пріѣдетъ въ Москву. Подкупомъ и угрозами Сигизмундъ склонилъ многихъ членовъ посольства оставить главныхъ пословъ и ѣхать въ Москву, чтобы готовить москвичей къ присягѣ прямо на имя короля.

Патріархъ Гермогенъ въ Москвѣ и главные послы подъ Смоленскомъ скоро почувствовали, что дѣло не ладно. Намѣренія короля становились ясны. Послы тогда твердо стали на томъ, что было въ Москвѣ условлено съ Жолкевскимъ, и ничего не уступали въ переговорахъ, отказываясь повиноваться лично Сигизмунду и исполнять его незаконныя желанія. За это въ концѣ-концовъ они были арестованы королемъ и отправлены въ Польшу. Патріархъ же въ Москвѣ всячески противодѣйствовалъ агентамъ Сигизмунда и училъ народъ не измѣнять своей вѣрѣ и помнить, что русскіе люди избрали королевича лишь на томъ условіи, что онъ станетъ православнымъ. Вокругъ патріарха собирались всѣ тѣ, кто понималъ польскую опасность и хотѣлъ бороться противъ Сигизмунда. Но эти патріоты пока не рѣшались на открытую борьбу, потому что боялись возобновленія домашнихъ междоусобій отъ Вора, который сидѣлъ въ Калугѣ и выжидалъ удобной минуты дѣйствовать въ свою пользу. Вдругъ въ Москвѣ получена была вѣсть, что Воръ убитъ (11-го декабря 1610-го года) на охотѣ своимъ же придворнымъ. У русскихъ людей развязались руки: они думали, что теперь могутъ возстать на поляковъ, не опасаясь попасть между двухъ огней. Возстаніе скоро и началось.

§ 72. **Первое ополченіе противъ поляковъ и его неудача.** На Рождествѣ 1610-го года патріархъ Гермогенъ разослалъ уже по городамъ свои грамоты, призывая русскихъ людей подняться противъ Сигизмунда. Узнавъ объ этихъ грамотахъ, Гонсѣвскій и подчинившіеся ему московскіе бояре взяли Гермогена подъ стражу и отобрали отъ него его писцовъ. Но дѣло было сдѣлано: города получили призывъ патріарха и поднялись противъ короля. По всей странѣ собирались воинскіе люди и направлялись къ Москвѣ для ея освобожденія отъ польскаго гарнизона [1]). Изъ многихъ вождей громад-

---

[1]) Съ сѣвера шли городскія ополченія—такія же, какія незадолго до того сражались противъ тушинцевъ вмѣстѣ съ княземъ

наго ополченія особенно выдавались трое: Рязанскій воевода Прокопій Ляпуновъ (происходившій изъ рязанскихъ же дворянъ); Тушинскій бояринъ князь Дмитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой и казачій атаманъ (пожалованный въ бояре Воромъ) Иванъ Заруцкій. Къ Пасхѣ 1611 года ополченія должны были со всѣхъ сторонъ подойти къ стѣнамъ Москвы.

Польскій гарнизонъ въ Москвѣ зналъ о движеніи на Москву земской рати и готовился къ оборонѣ. Поляки занимали двѣ внутреннія крѣпости Москвы, Кремль и Китай-городъ. Эти крѣпости были окружены «Бѣлымъ городомъ» съ бѣлою каменною стѣною (на ея мѣстѣ московскіе бульвары), а Бѣлый городъ былъ окруженъ еще «Землянымъ городомъ» съ земляным валомъ (на его мѣстѣ теперь Садовая улица). Защищать громадное пространство города Бѣлаго и Земляного у поляковъ не было силъ, и они поэтому рѣшили выжечь эти части Москвы, чтобы земскія ополченія не могли найти въ нихъ для себя опору и прикрытіе. Такъ всегда поступали въ то время: выжигали всѣ постройки «посадовъ», окружавшихъ крѣпостныя стѣны. Поводомъ къ этому дѣлу послужила уличная ссора (на Страстной недѣлѣ, 19-го марта 1611 года) между поляками и москвичами. Поляки напали на москвичей въ Китай-городѣ, множество перебили, остальныхъ же выбили вонъ, въ Бѣлый городъ. Затѣмъ за толпою они сами выѣхали въ Бѣлый городъ и успѣли его поджечь во многихъ мѣстахъ. Москва выгорѣла вся какъ разъ передъ приходомъ земской рати. Передовые отряды земскихъ войскъ подъ начальствомъ воеводы г Зарайска, князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, успѣли придти въ Москву еще во время уличнаго боя съ поляками и вмѣстѣ съ москвичами вогнали врага въ Кремль и Китай. (При этомъ самъ Пожарскій былъ тяжело раненъ). Все же войско собралось на развалинахъ Москвы въ теченіе Святой недѣли и немедленно начало осаду.

Разореніе и осада Москвы уничтожили всякое значеніе для земли московскаго правительства. Никто уже не повиновался боярамъ и чиновникамъ, сидѣвшимъ въ осадѣ вмѣстѣ съ поляками. Они стали явными измѣнниками и врагами своего

Скопинымъ. Изъ центральныхъ областей поднимались дворянскіе отряды. Съ юга и изъ Калуги приближались казачьи отряды, служившіе Тушинскому вору, а теперь желавшіе послужить Москвѣ противъ внѣшняго общаго врага.

народа, потому что служили королю и воевали съ русской ратью, осадившею Москву. Вмѣсто измѣнной московской власти надобно было создать другую. Въ подмосковномъ земскомъ ополченіи и постарались объ этомъ. Выборные люди отъ разныхъ частей ополченія сошлись на общій совѣтъ и «всею землею» установили правительство для своей рати и для всего государства. Для управленія войскомъ и землей они избрали «троеначальниковъ»—главныхъ воеводъ: Пр. Ляпунова, князя Д. Трубецкого и И. Заруцкаго. Для веденія дѣлъ устроены были, взамѣнъ московскихъ, новыя учрежденія, или «приказы» [1]). Въ подмосковномъ лагерѣ образовалась такимъ образомъ новая государственная власть, которая должна была замѣнить собою боярское правительство въ Москвѣ и должна была поддерживать порядокъ по всей Руси.

Однако эта власть существовала очень недолго. По призыву патріарха въ земское ополченіе охотно шли не только дворяне и горожане, но и тушинскіе казаки—«воры», служившіе ранѣе второму самозванцу. Когда они сошлись подъ Москвою съ дворянами-землевладѣльцами, между ними вспыхнула старая вражда и междоусобіе, какъ это было и въ лагерѣ Болотникова [2]). Казачество ненавидѣло Ляпунова, считая его своимъ главнымъ врагомъ. Нѣсколько разъ покушались казаки убить Ляпунова; наконецъ, зазвали его въ свой «кругъ» (сходку) и зарубили саблями. Послѣ этого они стали такъ

---

[1]) Разрядъ и Помѣстный приказъ—для управленія службою и землевладѣніемъ ратныхъ людей, Большой Дворецъ и Большой Приходъ—для хозяйственныхъ и денежныхъ дѣлъ и т. д. Особымъ приговоромъ (30-го іюня 1611 года) „вся земля“ опредѣлила порядокъ веденія разныхъ дѣлъ, земельныхъ и служебныхъ, какъ въ рати, такъ и въ городахъ.

[2]) Казачество пополнялось по преимуществу бѣглыми крестьянами и холопами, ненавидѣвшими крѣпостной порядокъ, который господствовалъ тогда въ государствѣ. Дворяне же всѣми силами старались о поддержаніи этого порядка, о наилучшемъ прикрѣпленіи крестьянъ и холоповъ, безъ которыхъ землевладѣльцы не могли вести своего хозяйства. На совѣщаніяхъ „всей земли“, или ратнаго совѣта, подъ Москвою дворяне настояли на томъ, чтобы возвращать владѣльцамъ ихъ бѣглыхъ людей, не допуская ихъ ухода въ казаки. Съ другой стороны, дворяне старались подчинить себѣ казачью вольницу, бывшую въ ополченіи и склонную къ грабежамъ и буйству. Выразителемъ дворянскихъ стремленій былъ Пр. Ляпуновъ, властный и горячій человѣкъ; другіе же начальники, кн. Трубецкой и Заруцкій, представляли собою другую сторону рати, тушинцевъ и казаковъ.

насильничать надъ дворянами и горожанами, что тѣ разбѣжались изъ-подъ Москвы по домамъ. Ополченіе распалось, и къ осени 1611 года, послѣ того, какъ воры разогнали дворянъ, подъ Москвою остались одни казачьи «таборы», въ которыхъ сидѣло до десяти тысячъ казаковъ. Они продолжали осаду Москвы, но не имѣли силъ взять городъ. Они хотѣли управлять всею землею, и Трубецкой съ Заруцкимъ называли себя правителями государства. Но такъ какъ казаки только грабили и насильничали по городамъ и дорогамъ, то никто не желалъ имъ подчиняться и всѣ города искали средствъ избавиться отъ нихъ.

Такъ печально окончилось первое земское ополченіе противъ поляковъ.

§ 73. **Второе ополченіе противъ поляковъ и освобожденіе Москвы.** Къ осени 1611 года положеніе Московскаго государства стало отчаяннымъ. Поляки занимали Москву и взяли Смоленскъ послѣ двухлѣтней геройской защиты. Вмѣстѣ съ Смоленскомъ перешли во власть короля и другіе города по юго-западной границѣ. Шведы (ставшіе открытыми врагами Москвы послѣ избранія Владислава въ цари) захватили Новгородъ и Финское побережье. Такимъ образомъ вся западная часть государства оказалась въ рукахъ враговъ. Земское ополченіе распалось. Казаки грабили и своевольничали. Никакого правительства не существовало, и русскіе люди, не желавшіе повиноваться ни полякамъ въ Москвѣ, ни казакамъ подъ Москвою, были предоставлены самимъ себѣ. Города, ожидавшіе обыкновенно указаній изъ Москвы, теперь не знали, что дѣлать и откуда ждать совѣта и приказа. Отчаяніе русскихъ людей было полное: оплакивая свое погибшее царство, они просили Бога, чтобы Онъ сохранилъ хотя бы остатокъ народа русскаго отъ золъ смуты и отъ насилія враговъ. Казалось, всему приходилъ конецъ.

Въ эти ужасные дни раздавались, однако, голоса мужественныхъ представителей духовенства. Выдержавъ тяжелую осаду, Троице-Сергіевъ монастырь поступилъ подъ руководство новаго архимандрита Діонисія. Діонисій, котораго наша церковь чтитъ преподобнымъ, былъ человѣкъ исключительной доброты и благородства. Онъ необыкновенно развилъ благотворительную и патріотическую дѣятельность своего славнаго монастыря. Братія монастыря призрѣвала больныхъ и

раненыхъ, хоронила умершихъ, одѣвала и кормила бѣдныхъ, собирая ихъ отовсюду, гдѣ только могла найти. Для того, чтобы обезпечить безопасность въ смутное время себѣ и своимъ призрѣваемымъ, монастырь долженъ былъ просить защиты и помощи у казачьихъ бояръ Трубецкого и Заруцкаго, съ которыми особенно былъ друженъ извѣстный келарь монастыря Авраамій Палицынъ [1]). Въ то же время власти монастыря считали своимъ долгомъ нравственно дѣйствовать на народъ, побуждая его соединиться противъ враговъ вѣры и государства, противъ короля и поляковъ. Въ монастырѣ составлялись грамоты, призывавшія города идти на помощь русскому войску, осаждавшему Москву, и выбить изъ столицы польскій гарнизонъ. Монастырская братія не принимала во вниманіе, что русское войско подъ Москвою стало казачьимъ, воровскимъ, и враждовало съ земщиной, разогнавъ изъ-подъ Москвы земскихъ людей. Всѣхъ русскихъ людей одинаково призывали монахи на подвигъ за вѣру и отечество въ своихъ отлично составленныхъ, краснорѣчивыхъ грамотахъ. Посылая эти грамоты по всей землѣ, они думали всѣхъ примирить и снова объединить въ одномъ патріотическомъ движеніи. Но не такъ думалъ патріархъ Гермогенъ, жившій въ осажденномъ Кремлѣ подъ стражею и угнетаемый поляками и измѣнниками за нежеланіе служить Сигизмунду. Онъ видѣлъ, что созванное имъ ополченіе проиграло свое дѣло и распалось отъ казачьяго воровства. Онъ зналъ, что казаки, имѣя въ своихъ таборахъ Марину Мнишекъ, задумали воцарить въ Московскомъ государствѣ сына ея Ивана, называемаго «Воренкомъ». Считая казачье воровство и самозванщину главнымъ зломъ, патріархъ всѣми средствами, какъ только могъ, училъ русскихъ людей не вѣрить казакамъ и бороться съ ними, какъ съ лютыми врагами. Когда къ нему проникали его почитатели за благословеніемъ и поученіемъ, Гермогенъ устно передавалъ имъ свою мысль о необходимости борьбы съ казачествомъ. Когда было можно, онъ писалъ грамотки о томъ же въ города. Сохранилась такая его грамотка, посланная къ нижегородцамъ.

---

[1]) Этому Троицкому „старцу“ (монаху) Авраамію Палицыну принадлежитъ извѣстное „сказаніе“ объ осадѣ монастыря и о смутномъ времени вообще. Произведеніе это проникнуто патріотическимъ одушевленіемъ и написано прекраснымъ языкомъ.

Итакъ, во дни общаго унынія и растерянности духовенство подняло свой голосъ и громко звало къ борьбѣ за родину. Города, слушая увѣщанія духовныхъ отцовъ, вступали въ сношенія между собою, посылали другъ другу разныя вѣсти, отправляли изъ города въ городъ пословъ для общаго совѣта. Починъ объединенія земскихъ силъ взяли на себя нижегородцы. Во главѣ ихъ городской общины, какъ и вездѣ, стояли «земскіе старосты». Одинъ изъ нихъ, Козьма Мининъ Сухорукъ, отличался громаднымъ умомъ и желѣзной энергіей. Подъ вліяніемъ грамотки Гермогена онъ началъ дѣло народнаго объединенія тѣмъ, что предложилъ своимъ согражданамъ собрать казну и на нее устроить войско. Нижегородцы согласились и постановили приговоръ, по которому каждый домохозяинъ обязанъ былъ дать на ратныхъ людей «третью деньгу», то-есть одну треть своего годового дохода, или же товара; были, сверхъ того, и добровольныя пожертвованія. Для сбора денегъ былъ всѣмъ міромъ избранъ тотъ же Козьма. Когда дѣло было налажено, тяглые люди оповѣстили Нижегородскаго воеводу (князя Звенигородскаго) и соборнаго протопопа Савву Ефимьева о своемъ намѣреніи устроить ополченіе для очищенія Москвы. Тѣ собрали весь городъ, духовныхъ, служилыхъ и тяглыхъ людей, въ городской соборъ, прочитали Троицкую грамоту, которая тогда пришла въ Нижній-Новгородъ, и объявили приговоръ тяглаго нижегородскаго міра. При этомъ Савва и Мининъ говорили рѣчи о необходимости идти на освобожденіе государства отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Рѣшили сбирать ополченіе и выбрали въ его начальники князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, который недалеко отъ Нижняго жилъ въ своей вотчинѣ и лечился отъ ранъ, полученныхъ имъ при разореніи Москвы (§ 72). Затѣмъ начали изъ Нижняго посылать грамоты въ ближайшіе города, объявляя о своемъ ополченіи и приглашая присоединиться къ нему. Въ этихъ грамотахъ нижегородцы прямо говорили, что идутъ не только противъ поляковъ, но и противъ казаковъ, и не дадутъ имъ дѣлать никакого воровства.

Таково было начало Нижегородскаго ополченія. Къ ноябрю 1611 года Пожарскій уже пріѣхалъ въ Нижній и началъ устраивать войска. По его желанію, Мининъ принялъ на себя завѣдываніе деньгами и хозяйствомъ ополченія. Въ зиму 1611—1612 года къ Нижнему присоединилось много городовъ (отъ

Казани до Коломны) и у Пожарскаго собралось большое войско, съ которымъ онъ могъ выступить въ походъ. Подмосковные казаки враждебно отнеслись къ земскому движенію и послали свои отряды на сѣверъ противодѣйствовать нижегородцамъ. Вотъ почему весною 1612 года Пожарскій пошелъ не подъ Москву, а въ Ярославль, главный городъ средняго Поволжья. Онъ желалъ прогнать казаковъ изъ сѣверныхъ областей и присоединить сѣверные города къ своему ополченію. Это ему удалось. Цѣлое лѣто провелъ онъ въ Ярославлѣ, устраивая свои дѣла. Въ то время, какъ подъ Москвою его враги, поляки и казаки, взаимно стерегли другъ друга и въ непрерывной борьбѣ ослабляли свои силы, Пожарскій окончательно устроилъ свое войско и собралъ въ Ярославлѣ земскій соборъ, которому и ввѣрилъ управленіе всею землею и всѣмъ своимъ войскомъ. Въ составѣ этого собора было духовенство съ однимъ изъ митрополитовъ (Кирилломъ) во главѣ [1]. Участвовали въ соборѣ и тѣ немногіе бояре, которые избѣжали московской осады и польскаго плѣна и пріѣхали въ Ярославль. На соборъ къ Пожарскому были присланы изъ многихъ городовъ выборные люди отъ служилаго и тяглаго населенія. Такимъ образомъ составъ собора былъ полонъ, и потому была даже мысль, не спѣша подъ Москву, въ Ярославлѣ всею землею избрать и государя. Но обстоятельства заставили идти подъ Москву.

Въ іюлѣ 1612 года Пожарскій получилъ извѣстіе, что король Сигизмундъ посылаетъ гетмана Хоткѣвича съ войскомъ и провіантомъ на помощь своему московскому гарнизону. Нельзя было пропустить Хоткѣвича въ Москву, потому что онъ надолго бы укрѣпилъ польскую власть въ столицѣ. Ярославское ополченіе заторопилось къ Москвѣ. Оно очень остерегалось казаковъ и потому, подойдя къ Москвѣ, стало отдѣльно отъ казачьяго лагеря. Казаки же, думая, что Пожарскій пришелъ на нихъ, испугались. Бо̀льшая половина ихъ съ Заруцкимъ и Мариною Мнишекъ убѣжала отъ Москвы и пошла къ Астрахани. Другая же половина казаковъ, съ княземъ Трубецкимъ во главѣ, пыталась вступить въ переговоры

---

[1]) Патріархъ Гермогенъ скончался въ началѣ 1612 года подъ стражею въ Москвѣ; въ 1913 году онъ былъ причтенъ къ лику святыхъ.

съ Пожарскимъ. Эти переговоры еще не привели къ миру и согласію, какъ пришелъ Хоткѣвичъ и напалъ на войско Пожарскаго. Шла жестокая битва, а казаки въ рѣшительную минуту не думали помочь Пожарскому. Только тогда, когда Авр. Палицынъ усовѣстилъ ихъ, они опомнились,—и русскіе отбили гетмана. Хоткѣвичъ ушелъ обратно, не успѣвъ оказать польскому гарнизону въ Кремлѣ никакой помощи. Русскія же рати помирились и дружно повели осаду. Трубецкой и Пожарскій начали «всякія дѣла дѣлать заодно», управляя вмѣстѣ и ратью, и государствомъ. Черезъ два мѣсяца, именно 22-го октября 1612 года, русскіе взяли приступомъ Китай-городъ. Истощенные голодомъ и борьбою, поляки не могли долѣе сопротивляться: они дошли въ осадѣ даже до людоѣдства. Вскорѣ послѣ потери Китай-города, польскій начальникъ Струсь сдалъ Пожарскому и Кремль. Москва была такимъ образомъ освобождена [1]). Сигизмундъ послѣ неудачи Хоткѣвича самъ было появился съ небольшимъ войскомъ въ окрестностяхъ Москвы (въ самомъ концѣ 1612 года), но, встрѣтивъ повсюду дружный отпоръ, отступилъ назадъ. Избавившись отъ этой послѣдней опасности, московскіе люди могли, наконецъ, подумать объ избраніи царя.

§ 74. **Избраніе въ цари Михаила Ѳедоровича Романова.** Тотчасъ по очищеніи Москвы временное правительство князей Пожарскаго и Трубецкого разослало по городамъ грамоты съ приглашеніемъ прислать въ Москву выборныхъ, человѣкъ по десяти отъ города, для «государева обиранья». Къ январю 1613 года съѣхались въ Москву представители отъ 50 городовъ и, вмѣстѣ съ московскими людьми, составили избирательный соборъ. Прежде всего обсудили вопросъ объ иноземныхъ кандидатахъ въ цари. Отвергли Владислава, избраніе котораго принесло столько горя Руси. Отвергли и шведскаго королевича Филиппа, который былъ избранъ новгородцами на «Новгородское государство» подъ давленіемъ шведскихъ войскъ, занимавшихъ тогда Новгородъ. Сдѣлали, наконецъ, общее постановленіе не избирать «царя отъ иновѣрныхъ», а избрать своего «изъ великихъ московскихъ родовъ». Когда же стали опредѣлять, кого бы изъ своихъ было можно возвести на царскій престолъ,

[1]) Въ память великаго событія ополченіе поставило церковь на Красной площади въ Москвѣ (теперь Казанскій соборъ) и установило праздновать день 22-го октября.

то голоса раздѣлились. Каждый называлъ пріятнаго себѣ кандидата, и долго ни на комъ не могли сойтись. Выяснилось, однако, что не только на соборѣ, но и въ городѣ Москвѣ, среди земскихъ людей и среди казаковъ, которыхъ тогда было въ Москвѣ много, особый успѣхъ имѣетъ молодой Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ, сынъ митрополита Филарета. Его имя называли уже въ 1610 году, когда шла рѣчь объ избраніи Владислава; и теперь въ пользу Михаила Ѳедоровича на засѣданія собора поступали письменныя и устныя заявленія горожанъ и казаковъ. 7-го февраля 1613 года соборъ впервые рѣшилъ остановить свой выборъ на Михаилѣ. Но изъ осторожности постановили отложить дѣло на двѣ недѣли, а въ это время послать по ближайшимъ городамъ узнать, любъ ли тамъ будетъ царь Михаилъ, и, кромѣ того, вызвать въ Москву тѣхъ изъ бояръ, кого на соборѣ не было. Къ 21-му февраля изъ городовъ пришли хорошія вѣсти и бояре съѣхались изъ своихъ вотчинъ,—и вотъ, 21-го февраля торжественно Михаилъ Ѳедоровичъ былъ провозглашенъ царемъ и ему принесли присягу какъ члены собора, такъ и вся Москва.

Новаго царя, однако, не было въ Москвѣ. Въ 1612 году онъ сидѣлъ съ своею матерью, инокинею Марѳою Ивановною, въ Кремлевской осадѣ, а затѣмъ, освободясь, уѣхалъ черезъ Ярославль въ Кострому, въ свои села. Тамъ ему грозила опасность отъ бродячаго польскаго или казачьяго отряда, какихъ много было на Руси послѣ паденія Тушина. Михаила Ѳедоровича спасъ крестьянинъ его села Домнина, Иванъ Сусанинъ. Извѣстивъ своего боярина объ опасности, онъ самъ завелъ враговъ въ лѣса и тамъ погибъ съ ними, вмѣсто того, чтобы указать имъ путь въ боярскую усадьбу. Тогда Михаилъ Ѳедоровичъ укрылся въ крѣпкомъ Ипатьевскомъ монастырѣ у Костромы, гдѣ и жилъ съ матерью до той минуты, какъ къ нему въ монастырь явилось посольство отъ земскаго собора съ предложеніемъ престола. Михаилъ Ѳедоровичъ долго отказывался отъ царства; мать его также не хотѣла благословить сына на престолъ, боясь, что русскіе люди «измалодушествовались» и могутъ погубить молодого Михаила, какъ прежнихъ царей, Ѳедора Борисовича, Разстригу и Шуйскаго. Только послѣ долгихъ просьбъ послы собора получили согласіе, и Михаилъ Ѳедоровичъ 14-го марта 1613 года принялъ царство и затѣмъ поѣхалъ въ Москву.

§ 75. **Значеніе и послѣдствія смутнаго времени.** Познакомясь съ подробностями событій смутнаго времени, не трудно понять ихъ общій ходъ. Начало смутъ было положено прекращеніемъ московской династіи, а причины ихъ заключались въ недовольствѣ разныхъ классовъ московскаго населенія тѣми условіями жизни, какія создались въ Московскомъ государствѣ. Бояре и княжата были озлоблены гоненіями Грознаго: какъ только они увидѣли возможность прекращенія московскаго царскаго рода, они начали борьбу за власть и вліяніе, чтобы вернуть себѣ прежнее, утраченное ими положеніе при дворѣ и въ государствѣ и овладѣть престоломъ. Отъ смерти Грознаго и до воцаренія Шуйскаго шла такимъ образомъ борьба *дворцо́вая*, за царскій вѣнецъ, между различными желателями власти. При Шуйскомъ же началась борьба *общественная*—казачества и низшихъ классовъ населенія противъ закрѣпостившихъ ихъ бояръ и землевладѣльцевъ. Эта междоусобная борьба разрушила порядокъ и расшатала государство. Поляки и шведы воспользовались московскою «разру́хою», вмѣшались въ московскія дѣла и достигли успѣха: поляки овладѣли Москвою и Смоленскомъ, а шведы—Новгородомъ. Тогда на Руси началось *патріотическое* движеніе противъ иноземнаго господства. Такимъ образомъ смута, поднявшаяся по поводу прекращенія династіи въ Москвѣ, прошла три періода: 1) борьбы бояръ за власть и престолъ, 2) борьбы низшихъ классовъ (казачества) противъ высшихъ (землевладѣльцевъ) и 3) борьбы русскихъ людей вообще съ иноземными врагами и своими «вора́ми».

Тянувшіяся почти четверть столѣтія потрясенія не могли не оставить глубокаго слѣда въ московской политической и общественной жизни. Во-первыхъ, начавшее смуту боярство не только не достигло своихъ цѣлей, но было совсѣмъ разбито смутою. Исчезли изъ вида главнѣйшія боярскія семьи; однѣ вымерли вовсе (князья Шу́йскіе, Мстисла́вскіе, Воро-ты́нскіе), другія захирѣли и обѣднѣли (Годуно́вы, Салтыко́вы), третьи надолго потеряли свое вліяніе (князья Голи́цыны, Кура́кины). Послѣ смуты мѣста родовитыхъ бояръ всюду занимаютъ простые дворяне. Во-вторыхъ, не достигло своихъ цѣлей и казачество. Сколько разъ оно ни поднималось противъ государственнаго порядка, оно неизбѣжно терпѣло пораженія. Наконецъ, главная казачья шайка съ

атаманомъ Заруцкимъ убѣжала вовсе изъ государства, а прочіе казаки поддались земскому ополченію. Заруцкій погибъ, а казаки, оставшіеся на «полѣ» и на Дону, не ходили больше на Москву, а старались сохранять съ нею добрыя отношенія. Они составили на нижнемъ теченіи Дона подобіе государства, называли себя «войскомъ», управлялись выборными людьми (совокупность которыхъ называлась «старшиною») и свои дѣла вершили въ «кругу» (на сходкахъ). Занимаясь охотою и рыболовствомъ, казаки всю свою боевую энергію направили на татаръ и турокъ, оставивъ пока въ покоѣ Московское государство. Въ-третьихъ, съ разстройствомъ московской аристократіи и пораженіемъ казачества, *главную силу въ Московскомъ государствѣ получили люди среднихъ классовъ—дворяне и горожане.* Ихъ ополченіе освободило Москву, ихъ земскій соборъ избралъ новаго государя М. Ѳ. Романова. Изъ нихъ составился государевъ совѣтъ (боярская дума) и штатъ чиновниковъ, которые повели управленіе государствомъ послѣ смуты. Таковы были послѣдствія смуты для московскаго общества.

Для правительства послѣдствія смутнаго времени были также очень велики. Прежніе государи считали государство своею «вотчиною» (то-есть, наслѣдственною собственностью). Вновь избранный государь и его родные и приближенные уже не могли стоять на такой точкѣ зрѣнія. Народъ и государство не только не казались имъ собственностью, но представлялись громадною стихіей, для управленія которою необходимъ былъ земскій совѣтъ—по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока эта стихія, возмущенная смутою, еще не пришла въ спокойствіе. Вотъ почему новый государь не хотѣлъ управлять безъ земскаго собора и въ первые годы своего царствованія держалъ его постоянно при себѣ. Страшное разореніе страны въ смуту давало много заботъ и трудовъ государю и земщинѣ. Необходимость возвратить города и волости, захваченные поляками и шведами, заставляла воевать. Всякій шагъ царя и земскаго собора былъ обусловленъ послѣдствіями смуты. Вся исторія Московскаго государства въ XVII столѣтіи развивалась въ прямой зависимости отъ того, что произошло въ смутную эпоху.

Таково было значеніе и послѣдствія смуты. Съ нею окончился въ Московскомъ государствѣ старый порядокъ и началась новая эпоха.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Время царя Михаила Θедоровича (1613—1645).

§ 76. **Начало царствованія.** Принимаясь за трудное дѣло успокоенія государства, царь Михаилъ, по своей молодости (17 лѣтъ), болѣзненности и душевной мягкости, не могъ обойтись безъ руководства и помощи. Поэтому около него собрался кругъ приближенныхъ придворныхъ, среди которыхъ первое мѣсто занимала семья Салтыковыхъ, родственниковъ государевой матери, инокини Марθы (урожденной Шестовой). Въ придворной жизни Салтыковы играли большую роль и злоупотребляли своимъ вліяніемъ [1]). Въ государственномъ управленіи они также получили большое значеніе, оттѣснивъ на второй планъ старѣйшихъ бояръ и вождей земскаго ополченія. Князь Д. Т. Трубецкой былъ удаленъ на воеводство въ Сибирь; князь Д. М. Пожарскій лишился прежняго вліянія на дѣла. Родовитые бояре, имѣвшіе большое значеніе въ смутное время (князья Мстиславскій, Воротынскій, Голицыны и др.), стояли далеко отъ молодого государя; вліяніе принадлежало не боярской думѣ, а кружку придворныхъ любимцевъ молодого государя и его матери.

Въ первые годы своего царствованія царь Михаилъ правилъ съ постоянною помощью земскаго собора: соборъ дѣйствовалъ въ Москвѣ непрерывно въ теченіе десяти лѣтъ и помогалъ царю Михаилу во всѣхъ важныхъ и трудныхъ дѣлахъ. Соборъ не ограничивалъ царской власти; напротивъ, самъ царь не хотѣлъ править безъ него. Страна была разорена, населеніе напугано смутами и еще плохо подчинялось порядку. Для государя было необходимо, чтобы всѣ важнѣйшія распоряженія московской власти были обсуждены и одобрены на соборѣ «всею землею», всѣми земскими выборными людьми. Тогда только получалась увѣренность, что при-

---

[1]) Они рѣшились даже на то, чтобы разстроить бракъ царя Михаила съ избранной имъ невѣстою Маріей Хлоповой (1616), и добились ссылки ея въ Сибирь. Когда съ Хлоповой случился, незадолго до свадьбы, припадокъ дурноты, Салтыковы обвинили всю семью Хлоповыхъ въ томъ, что они желали скрыть болѣзненность царской невѣсты.

нятая мѣра будетъ исполнена вездѣ и всѣми безъ прекословія. Поэтому царь Михаилъ устраивалъ такъ, что вмѣстѣ съ его указами посылались повсюду одинаковые указы и отъ собора, а вмѣстѣ съ его чиновниками ѣхали для важнѣйшихъ порученій и соборные «послы» [1]).

§ 77. **Борьба съ врагами государства**. На первомъ мѣстѣ въ началѣ царствованія Михаила Ѳедоровича была борьба съ врагами государства, съ казаками и иноземцами. Заруцкій, убѣжавъ вмѣстѣ съ Мариною Мнишекъ изъ-подъ Москвы, захватилъ Астрахань и думалъ образовать тамъ свое особое государство подъ главенствомъ Персидскаго шаха. Изъ Москвы послали на Астрахань войско и всячески просили казаковъ, сидѣвшихъ на Дону, не помогать Заруцкому. Заруцкій изъ Астрахани, еще до прихода московскаго войска, убѣжалъ на сѣверъ, на рѣку Уралъ (которая тогда звалась Яикомъ). Тамъ догнали его московскіе воеводы и взяли въ плѣнъ какъ самого Заруцкаго, такъ и Марину съ ея сыномъ «царевичемъ» Иваномъ. Заруцкій и «царевичъ» были казнены въ Москвѣ, а Марина умерла въ тюрьмѣ. Казаки же Заруцкаго разбрелись. Такъ миновала опасность отъ казаковъ, сосредоточенныхъ на югѣ—на Дону и южной Волгѣ. Но оставались мелкія казачьи шайки въ самомъ государствѣ. Онѣ бродили изъ области въ область, живя грабежомъ и разбоемъ, и укрывались отъ погони. Когда же случайно казаковъ собиралось вмѣстѣ большое число, они становились дерзкими и отваживались на открытый бой съ царскими войсками. Такъ, въ 1614 году атаманъ Баловень повелъ къ самой Москвѣ большія толпы «воровскихъ» казаковъ. Царь и земскій соборъ отправили на нихъ цѣлое войско подъ начальствомъ знаменитаго тогда воеводы князя Бориса Мих. Лыкова-Оболенскаго. Лыковъ разбилъ казаковъ, поймалъ Баловня и привелъ въ Москву тысячи сдавшихся ему «воровъ». Послѣ этого русскіе

---

[1]) Существуетъ преданіе, что царь Михаилъ Ѳедоровичъ при вступленіи на престолъ былъ ограниченъ въ своихъ правахъ и далъ какое-то „письмо“ или „запись“ о томъ, чтобы править государствомъ не одному, а съ боярами, и безъ боярскаго совѣта не дѣлать ничего. Такой записи, однако, не сохранилось и самое существованіе ея очень сомнительно. Преданіе объ ограниченномъ характерѣ власти царя Михаила создалось, повидимому, вслѣдствіе того, что Михаилъ правилъ не единолично, а съ постояннымъ содѣйствіемъ земскаго собора.

«воры» присмирѣли. Но продолжали еще дѣйствовать пришлые литовско-польскіе разбойники. Особенно отличался среди нихъ старый Тушинскій воевода Лисовскій. Напрасно гонялись за нимъ московскіе воеводы; даже самъ князь Пожарскій не былъ въ состояніи его изловить. Только смерть Лисовскаго избавила отъ него Москву. Кромѣ этого литовскаго «вора», грабили Русь и другіе литовско-польскіе выходцы, въ особенности «черкасы» (казаки съ Днѣпра), забиравшіеся далеко на сѣверъ, даже къ Бѣлому морю. Много времени и усилій потребовалось для того, чтобы истребить этихъ «воровъ» и водворить нѣкоторую безопасность въ странѣ.

Въ то же время шла борьба со шведами и съ королемъ Сигизмундомъ. Шведы продолжали занимать Финское побережье и Новгородъ. Москва не могла допустить утраты Новгорода; московскія войска пытались добыть его отъ шведовъ, но неудачно. Въ свою очередь, шведскій король Густавъ-Адольфъ наступалъ далѣе на Русь и осадилъ Псковъ (1615), однако же не могъ его взять. При посредствѣ голландцевъ и англичанъ начались переговоры о мирѣ между шведскими и русскими послами и, наконецъ, въ 1617 году въ селѣ Столбовѣ (недалеко отъ Ладоги) былъ заключенъ мирный договоръ. По Столбовскому договору, Новгородъ и нѣкоторые другіе города были возвращены Москвѣ; у шведовъ же осталось то Финское побережье (отъ Нарвы до г. Корелы), которое было уступлено шведамъ Василіемъ Шуйскимъ.

Король Сигизмундъ не признавалъ Михаила Ѳедоровича законнымъ Московскимъ государемъ и продолжалъ считать себя и своего сына обладателями Московскаго престола. Не имѣя силъ опять завоевать Москву, онъ соглашался иногда на мирные переговоры, но они обыкновенно кончались неудачею. Московскіе послы считали Владислава лишеннымъ Московскаго царства и требовали возвращенія Смоленска и прочихъ городовъ, захваченныхъ поляками. На эти условія поляки не шли, и переговоры смѣнялись военными дѣйствіями. Въ 1617—1618 годахъ королевичъ Владиславъ предпринялъ большой походъ на Москву. Онъ подступилъ къ Московскимъ стѣнамъ, но встрѣтилъ мужественное сопротивленіе. Послѣ неудачнаго приступа къ столицѣ поляки отошли къ Троице-Сергіеву монастырю. Тамъ, въ деревенькѣ Деулинѣ (иначе, Дѣвулинѣ), начались переговоры о мирѣ. Обѣ стороны, уто-

мленныя долгою борьбою, проявили нѣкоторую уступчивость: стало возможно достигнуть если не полнаго мира, то перемирія. Оно было заключено (на 14½ лѣтъ) съ временною уступкою королю Смоленска и Сѣверскихъ городовъ и съ условіемъ, что поляки вернутъ изъ плѣна митрополита Филарета. Владиславъ не отказался отъ правъ на Московскій престолъ и отъ царскаго титула. Именно потому и невозможенъ былъ вѣчный миръ между Москвою и Польшею, что Москва не могла навѣкъ отказаться отъ Смоленска, а король и королевичъ не могли отречься отъ Московскаго царства.

§ 78. **Возвращеніе изъ плѣна Ф. Н. Романова. Его политика.** Лѣтомъ 1619 года возвратился изъ плѣна въ Москву отецъ царя Михаила, Филаретъ Никитичъ. Въ Москвѣ тогда не было патріарха, потому что патріаршій санъ, послѣ смерти патріарха Гермогена (1612) и избранія на царство Михаила, берегли для государева отца. Тотчасъ по возвращеніи Филарета въ столицу онъ былъ поставленъ въ патріархи и получилъ титулъ «великаго государя», самый почетный въ то время, которымъ именовали только царя. Такимъ образомъ въ Москвѣ стало два государя и установилось двоевластіе. Превосходя сына твердостью характера и опытностью въ дѣлахъ, Филаретъ занялъ первое мѣсто въ правительствѣ. По отзывамъ современниковъ, онъ былъ очень властный человѣкъ, держалъ всѣ дѣла въ своихъ рукахъ и пользовался такимъ вліяніемъ, что и самъ царь не выходилъ изъ его воли. До самой своей кончины (1633) онъ правилъ государствомъ съ рѣдкою энергіей и твердостью. При немъ лишились своего значенія Салтыковы и вообще не стало сильныхъ фаворитовъ.

Въ первые же дни послѣ пріѣзда въ Москву Филаретъ собралъ земскій соборъ и говорилъ съ земскими людьми о дальнѣйшемъ порядкѣ управленія. Былъ предположенъ рядъ мѣръ для того, чтобы улучшить администрацію и достигнуть справедливой равномѣрности въ службѣ и въ податяхъ для всего населенія государства. То, что было постановлено на соборѣ, Филаретъ исполнялъ потомъ съ большою твердостью и настойчивостью, хотя ему и не удалось достигнуть намѣченныхъ цѣлей.

Что касается администраціи, то главныя заботы Филарета

направлялись на улучшеніе управленія мѣстнаго, въ уѣздахъ и городахъ. Со времени Ивана Грознаго въ областяхъ было введено самоуправленіе: управляли выборные люди, «губные старосты» и «земскіе судьи» (§ 58). Въ смутное же время, когда война и грабежи охватили государство, во всѣ города были посланы изъ Москвы военныя власти, «воеводы», которымъ временно были ввѣрены не только военныя, но и всѣ гражданскія дѣла. Воеводы замѣнили такимъ образомъ самоуправленіе своимъ единоличнымъ управленіемъ. Они почти вездѣ злоупотребляли своею властью, брали взятки, чинили насилія. Великіе государи принимали разныя мѣры противъ воеводскаго произвола и насилія; рѣшено даже было вовсе отозвать воеводъ, а жителямъ въ городахъ предоставить по-старому выбирать себѣ губныхъ старостъ изъ дворянъ. Однако эта попытка возстановить самоуправленіе не имѣла полнаго успѣха. Въ городахъ было тогда мало годныхъ къ дѣлу служилыхъ дворянъ, такъ какъ всѣ они обыкновенно бывали на государевой службѣ, въ войскѣ или въ служебныхъ посылкахъ. Поэтому губныхъ старостъ не изъ кого было выбирать, и горожане продолжали жаловаться на плохое управленіе. И въ самой Москвѣ не переводились злоупотребленія дьяковъ: дѣла они тянули въ безконечной «волокитѣ», требовали взятокъ и рѣшали дѣло въ пользу того, кто больше далъ. Такимъ образомъ, несмотря на большія старанія, вывести административные непорядки государямъ не удалось.

Равномѣрность въ распредѣленіи государственныхъ повинностей также не была вполнѣ достигнута при Филаретѣ и Михаилѣ. Вмѣстѣ съ земскимъ соборомъ (въ 1619 году) великіе государи постановили произвести полную опись всѣхъ населенныхъ земель государства въ «дозорныхъ книгахъ» и «писцовыхъ книгахъ» и на основаніи этихъ книгъ опредѣлить точно, какія повинности можетъ нести въ пользу государства каждый землевладѣлецъ. Совершивъ эту опись, постановили слѣдить за тѣмъ, чтобы всѣ городскіе и сельскіе жители служили и платили каждый въ свою мѣру, по справедливости. Однако злоупотребленій въ этомъ отношеніи было много. Служилые люди часто уклонялись отъ службы, а тяглые отъ платежей и повинностей, жалуясь на то, что они разорены смутою и не въ силахъ служить и платить. Желая помочь населенію и въ то же время поставить, какъ слѣдуетъ, свое

войско и финансы, государи принимали рядъ мѣръ для устройства сословій.

§ 79. **Положеніе сословій. Иноземцы въ Московскомъ государствѣ.** Служилые люди жаловались на то, что ихъ помѣстья находятся въ безпорядкѣ: владѣютъ ими часто люди, неспособные къ службѣ или не имѣющіе права на помѣстное владѣніе; крестьяне не сидятъ на мѣстахъ и не работаютъ на помѣщика, а бродятъ съ мѣста на мѣсто и мало пашутъ. Правительство заботилось о томъ, чтобы привести въ порядокъ дворянское землевладѣніе. Оно разбирало дворянъ по «статьямъ»: выбрасывало вонъ изъ службы неспособныхъ и сгоняло ихъ съ помѣстій; исправнымъ же увеличивало помѣстья и давало денежное жалованье. Въ концѣ-концовъ, черезъ 15—20 лѣтъ работы, помѣстное землевладѣніе было болѣе или менѣе устроено (1636). Отношенія помѣщиковъ съ крестьянами уладить было труднѣе, потому что ничѣмъ нельзя было заставить крестьянъ оставаться въ разоренныхъ помѣстьяхъ и вотчинахъ. Они искали мѣстъ, гдѣ имъ было лучше, и шли въ богатыя имѣнія бояръ и монастырей, или же убѣгали въ казаки на Донъ. Былъ тогда данъ указъ, что землевладѣльцы могутъ искать своихъ крестьянъ въ продолженіе не пяти лѣтъ (какъ было установлено при Борисѣ Годуновѣ), а десяти и даже пятнадцати. Но это мало помогало, и дворяне не переставали просить о безсрочномъ прикрѣпленіи крестьянъ къ ихъ зе́млямъ безо всякаго права перехода.

Податные люди въ городахъ и областяхъ, какъ мы знаемъ (§ 55), составляли податныя общины, которыя сами собирали черезъ выборныхъ «земскихъ старостъ» свои подати. При царѣ Михаилѣ, когда подати по необходимости были тяжелы́, много тяглыхъ людей, въ особенности въ городахъ, уходило изъ тягла или старалось такъ или иначе уменьшить свою подать. Однимъ изъ способовъ уйти изъ тягла было «закла́дничество». Тяглый человѣкъ «закладывался» за какого-либо «бѣломѣ́стца», то-есть вступалъ въ зависимость отъ такого землевладѣльца (боярина, монастыря), который вовсе не платилъ податей со своихъ владѣній. Сдѣлавшись боярскимъ или монастырскимъ человѣкомъ, такой «закла́дчикъ» продолжалъ жить на своемъ дворѣ, но уже не считался членомъ общины и не платилъ съ своимъ «міромъ» никакихъ государевыхъ податей. Закладничество было страшнымъ зломъ для

тяглыхъ общинъ, потому что отнимало у нихъ земли и плательщиковъ. Были и другіе способы «избывать» тягла и если не совсѣмъ отъ него избавляться, то уменьшать его. Такъ какъ подать тогда собиралась съ «паханой земли», то стоило лишь уменьшить свою запашку, чтобы платить государству меньше. Къ сокращенію запашки располагали и смуты: какъ враги внѣшніе, такъ и свои казаки постоянно топтали посѣвы, жгли и грабили запасы. Крестьяне поэтому стремились пахать возможно меньше и искали обезпеченія въ другихъ промыслахъ. Правительство терпѣло отъ этого прямой убытокъ, потому что не получало такого дохода, на какой разсчитывало по старинѣ. Чтобы выйти изъ затрудненія и увеличить свои сборы, оно стало назначать подати не съ земли, а съ двора. Каждый крестьянскій дворъ долженъ былъ уплачивать извѣстную сумму, независимо отъ того, какая у него запашка. Такъ постепенно совершалась важная реформа: мѣсто *поземельной* подати заступала *подворная*.

Нуждаясь постоянно въ средствахъ, московское правительство думало получить большія выгоды для себя и для народа отъ торговли съ иностранцами въ Архангельскѣ. Чтобы привлечь иностранцевъ, особенно же англичанъ, въ Бѣлое море, царь Михаилъ далъ имъ большія льготы (1614): англичане совсѣмъ безпошлинно, а голландцы съ малою пошлиною могли торговать не только въ самомъ Архангельскѣ, но и въ прочихъ городахъ Московскаго государства. Торговля отъ этого дѣйствительно оживилась; въ государствѣ появилось много иностранной серебряной монеты (именно среднеевропейскихъ талеровъ, которые назывались «ефимками» и ходили по полтинѣ). Но всѣ выгоды отъ этой торговли оказались на сторонѣ иностранцевъ: они забрали въ свои руки внутреннюю московскую торговлю и такъ затѣснили русскихъ купцовъ, что тѣ не переставали горько жаловаться и просить о томъ, чтобы иностранцевъ удалили изъ государства. Однако государь не могъ удовлетворить такихъ просьбъ. Необходимость заставляла его постоянно прибѣгать къ иноземцамъ. Вмѣстѣ съ европейскими купцами въ Москву приглашались съ Запада всякіе знающіе люди. Иностранные офицеры обучали московскихъ людей военному строю и устраивали въ Москвѣ регулярное войско, цѣлые полки «солдатъ», «драгунъ» и «рейтаръ»: войны смутнаго времени показали необходимость такого

войска. Иностранные техники устраивали заводы для обработки найденныхъ ими желѣзныхъ рудъ (таковы заводы, оружейные и литейные, Виніуса и Марселиса въ Тулѣ). Иностранные доктора лѣчили царскую семью и московскую знать и завели въ Москвѣ первую казенную аптеку. Иностранные «мастера всякаго дѣла» призывались въ Москву ко двору на хорошее жалованье. (Въ Москву приглашали даже ученаго астронома и географа голштинца Олеарія, говоря, что въ Москвѣ и «такіе люди надобны»). Словомъ, послѣ тяжелыхъ уроковъ смутной эпохи москвичи поняли необходимость практическихъ заимствованій съ запада и всѣ невыгоды прежней обособленности и отчужденія отъ иноземной культуры. Въ концѣ царствованія Михаила въ Москвѣ, въ подмосковной нѣмецкой слободѣ, жило уже до 1.000 протестантскихъ семействъ изъ разныхъ европейскихъ странъ. (Съ католиками москвичи боялись имѣть дѣло изъ-за острой религіозной розни). При такихъ условіяхъ для царя Михаила было трудно рѣшиться отнять торговыя привилегіи у англичанъ и голландцевъ.

§ 80. **Война съ Рѣчью Посполитою и вопросъ объ Азовѣ**. Послѣ многихъ лѣтъ мирной работы надъ возстановленіемъ порядка въ государствѣ, Московскіе государи рѣшились возобновить войну съ Рѣчью Посполитою за Смоленскъ. Московское войско. состоявшее изъ новыхъ полковъ иноземнаго строя и изъ старыхъ дворянскихъ ополченій, осадило Смоленскъ (1632). Такъ какъ Смоленскъ былъ чрезвычайно сильною крѣпостью, то осада затянулась, несмотря на то, что во главѣ московскихъ войскъ стоялъ тотъ самый бояринъ Шеинъ, который въ смутное время былъ воеводою въ Смоленскѣ, геройски защищалъ его отъ поляковъ и зналъ хорошо какъ городъ, такъ и его окрестности. На помощь Смоленску успѣлъ явиться вновь избранный (послѣ смерти Сигизмунда) король польскій Владиславъ Сигизмундовичъ. Онъ не только отбилъ русскихъ отъ крѣпости, но и окружилъ ихъ самихъ въ ихъ лагерѣ. Утомленныя долгою войною, московскія войска не могли выдержать натиска свѣжихъ войскъ Владислава, и Шеинъ вступилъ въ переговоры съ королемъ. Онъ согласился отдать полякамъ всѣ свои пушки и обозъ и уйти въ Москву (1634). За это безславное отступленіе онъ былъ въ Москвѣ казненъ, какъ измѣнникъ. Лѣтомъ 1634 года начались пере-

говоры о мирѣ. На пограничной рѣчкѣ Поляновкѣ съѣхались московскіе и польскіе послы и заключили «вѣчный миръ». Смоленскъ и прочіе города, захваченные Сигизмундомъ въ смуту, остались за Рѣчью Посполитою. Но Владиславъ отказался отъ всякихъ правъ на Московскій престолъ и призналъ Михаила Ѳедоровича царемъ. Вскорѣ затѣмъ поляки возвратили въ Москву тѣло умершаго въ Польшѣ царя Василія Ивановича Шуйскаго и тѣло его брата Дмитрія.

Только-что окончилась война съ Владиславомъ, какъ стала грозить война съ Турціей и татарами. Крымскіе татары не переставали тревожить южныя границы Московскаго государства, а донскіе казаки, при первомъ удобномъ случаѣ, выходили по Дону въ Азовское и Черное море и грабили турецкія и татарскія поселенія по берегамъ. Московскій государь по этому поводу сносился съ крымскимъ ханомъ и турецкимъ султаномъ; обѣ стороны жаловались на грабежи, но унять ихъ не могли. Для того, чтобы не пускать татаръ внутрь государства, московскія власти на украйнѣ и на дикомъ полѣ продолжали строить города и укрѣплять границы, какъ дѣлалось это до смуты при Грозномъ (§ 61). А турки, имѣвшіе въ устьяхъ Дона свой городъ Азовъ, настроили около него укрѣпленій и совсѣмъ закрыли казачьимъ ладьямъ выходъ въ море изъ Дона. Отъ Азова стало казакамъ тѣсно. Они собрались съ силами и пошли на Азовъ войною (1637); городъ былъ взятъ и населеніе въ немъ вырѣзано. Казаки нѣсколько лѣтъ держались во взятой крѣпости и посылали въ Москву пословъ съ просьбою о помощи. Они молили государя принять Азовъ подъ его высокую руку и прислать имъ людей, денегъ и запасовъ. Дѣло было сложное. Въ Москвѣ желали взять Азовъ: это былъ важный военный и торговый пунктъ. Но взять Азовъ значило навлечь на себя войну съ турками, врагомъ сильнымъ и опаснымъ. Царь прибѣгъ къ земскому собору (1642). Соборъ согласно высказался за то, что Азовъ надо бы было принять. Но въ то же время всѣ земскіе люди, и служилые, и тяглые, объясняли государю, что имъ очень трудно служить и платить, такъ какъ они разорены тяжелыми повинностями и угнетены дурною администраціею. Узнавъ настроеніе собора, государь отказался отъ мысли взять Азовъ и приказалъ казакамъ его покинуть. Тѣ

вышли изъ города, разоривъ его до основанія, и Азовъ снова сталъ турецкимъ. Такъ окончилось Азовское дѣло [1]).

Время царя Алексѣя Михайловича (1645—1676).

§ 81. **Начало царствованія и волненія 1648 го года.** Лѣтомъ 1645 года скончались, другъ за другомъ, царь Михаилъ Ѳедоровичъ и его жена Евдокія Лукьяновна (изъ рода дворянъ Стрѣшневыхъ), оставивъ единственнаго сына Алексѣя. Новому государю было всего 16 лѣтъ. Царь Алексѣй отличался необыкновенно впечатлительнымъ и подвижнымъ характеромъ, обладалъ недюжиннымъ умомъ и душевною мягкостью и добротою. По крайней молодости своей онъ мало вникалъ въ дѣла и ввѣрилъ управленіе ими своему воспитателю боярину Борису Ивановичу Морозову, человѣку грубому и своекорыстному. При Морозовѣ, когда онъ началъ править государствомъ, собрался кругъ чиновниковъ, еще болѣе корыстныхъ и самоуправныхъ, чѣмъ онъ самъ. Они стали угнетать Московское населеніе, не только вымогая взятки, но умышленно взводя ложныя обвиненія на невинныхъ людей и разоряя ихъ до тла. Злоупотребленія стали еще сильнѣе послѣ женитьбы царя Алексѣя (1648). Царь выбралъ себѣ въ жены дочь придворнаго И. Д. Милославскаго, Марію Ильиничну. Тотчасъ послѣ царской свадьбы бояринъ Морозовъ женился на другой дочери Милославскаго, и такимъ образомъ Милославскій получилъ большой почетъ и вліяніе. Самъ человѣкъ недостойный, онъ оказывалъ покровительство своимъ родственникамъ и пріятелямъ, грубымъ и жаднымъ. Занявъ мѣста

---

[1]) Въ царствованіе Михаила Ѳедоровича развивались сношенія московскаго правительства съ западно-европейскими дворами. Торговыя льготы, данныя англичанамъ, служили поводомъ къ установленію дружественныхъ сношеній съ Англійскимъ правительствомъ: король Іаковъ Стюартъ прислалъ царю взаймы 20.000 рублей и помогалъ ему въ заключеніи мира со Швеціей черезъ своего посредника купца Джона Мерика. Такое же посредничество между Москвою и Польшею принялъ на себя Австрійскій дворъ (1615). Завязались сношенія съ Франціей, которая также искала себѣ торговыхъ льготъ въ Россіи. Наконецъ, съ Даніею началось дѣло о женитьбѣ Датскаго королевича Вальдемара (сына короля Христіана IV) на старшей дочери царя Михаила, Иринѣ. Сватовство разстроилось по той причинѣ, что Вальдемару предложили принять православіе, а на это онъ не согласился.

въ Московскихъ приказахъ, они окончательно озлобили народъ. Съ величайшею ненавистью относились москвичи къ самому Морозову, а также къ Леóнтью Плещéеву, главному лихоимцу, и къ другимъ, подобнымъ ему, приказнымъ чиновникамъ. Наконецъ, народное терпѣніе лопнуло, и въ Москвѣ, въ іюнѣ 1648 года, произошелъ большой бунтъ. Толпа окружила государя во время крестнаго хода, жаловалась ему и настаивала на казни Морозова и прочихъ самоуправцевъ. Царь спасъ своего любимца, отправивъ Морозова съ конвоемъ въ Кири́лловъ монастырь. Но Плещеевъ и другіе ненавистные народу чиновники попали въ руки толпы и были убиты, а ихъ дома разграблены. Нѣсколько дней Москва была въ мятежѣ́: убивали, жгли и грабили всѣхъ, кого считали виновникомъ народныхъ обидъ. Московскія волненія отразились и въ другихъ городахъ; по выраженію современниковъ, тогда «весь міръ качался».

Молодой государь, жившій спокойно и радостно, въ увѣренности, что въ его царствѣ все идетъ хорошо, былъ пораженъ происшедшимъ. Онъ узналъ, что Морозовъ обманулъ его довѣріе, и потому уже не пускалъ его къ дѣламъ. Вліяніе перешло къ другому любимцу царя, боярину князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому, человѣку большого ума и способностей. Царь узналъ кромѣ того, что народъ недоволенъ не только чиновниками, но и порядками, что о своихъ нуждахъ народъ давно уже высказывался на земскихъ соборахъ и въ челобитныхъ и что надо не только перемѣнить чиновниковъ, но измѣнить и порядки.

§ 82. **Соборное Уложеніе 1649 года и его значеніе.** Въ іюлѣ 1648 года царь созвалъ у себя свою боярскую думу и совѣтъ патріарха («освященный соборъ») и совѣщался съ ними о томъ, что̀ надо сдѣлать, чтобы водворить порядокъ и правосудіе въ государствѣ, чтобы «всякихъ чино́въ людямъ, отъ бо́льшаго и до ме́ньшаго чину, судъ и распра́ва была во вся́кихъ дѣле́хъ всѣмъ ро́вна». И было рѣшено поручить боярину князю Н. И. Одоевскому съ четырьмя помощниками собрать всѣ старые законы, то-есть Судебникъ 1550 года, дополнительные къ нему указы за сто почти лѣтъ и необходимыя статьи изъ Кормчей книги (§ 12). Всѣ эти законы надлежало привести въ порядокъ и систему, исправить и дополнить ихъ (между прочимъ, законами великаго княжества Ли-

товскаго) и такимъ образомъ составить изъ нихъ новый полный сводъ. Предполагалось, что, когда кн. Одоевскій окончитъ собираніе старыхъ законовъ, въ Москвѣ соберется земскій соборъ и «общимъ совѣтомъ» обсудитъ его трудъ, дополнитъ и утвердитъ его. Земскому собору велѣно было собраться въ Москву къ 1-му сентября 1648 года.

Такимъ образомъ молодой государь хотѣлъ утвердить правосудіе и лучшіе порядки, давъ народу новый сводъ законовъ. Эта мысль была очень разумною и правильною. Народъ тогда не зналъ тѣхъ законовъ, по которымъ долженъ былъ жить и судиться; это-то главнымъ образомъ и помогало беззаконію дьяковъ и воеводъ. Старый Судебникъ не былъ напечатанъ; указы обыкновенно народу не объявлялись, а только записывались въ «указныя книги» Московскихъ приказовъ. Въ такихъ условіяхъ дьяки и судьи вертѣли дѣлами, какъ хотѣли, одни законы утаивали, а другіе толковали вкривь; провѣрить же ихъ никто не имѣлъ возможности. Къ такому порядку и относилась старая ѣдкая поговорка: «законъ, что дышло: куда повернешь, туда и вышло». Привести въ порядокъ старые законы, сдѣлать изъ нихъ одинъ сводъ и напечатать его въ общее свѣдѣніе было дѣломъ очень нужнымъ. А кромѣ того, необходимо было и пересмотрѣть законы по ихъ содержанію, улучшить ихъ и дополнить, чтобы они лучше соотвѣтствовали нуждамъ и желаніямъ населенія. Все это и рѣшено было сдѣлать «общимъ совѣтомъ» на «земскомъ соборѣ».

Соборъ началъ дѣйствовать около 1-го сентября 1648 года. На немъ были выборные представители отъ 130 городовъ, какъ служилые люди, такъ и тяглые горожане. Они засѣдали въ одной изъ палатъ дворца, отдѣльно отъ боярской думы и духовенства. Слушая доклады князя Одоевскаго, собиравшаго старые законы и указы, выборные люди обсуждали ихъ и входили къ государю по поводу ихъ съ челобитьями. Въ этихъ челобитьяхъ они всѣмъ соборомъ просили государя объ установленіи новыхъ законовъ въ отмѣну устарѣвшихъ или неудобныхъ. Государь обыкновенно соглашался, и новый законъ такимъ образомъ утверждался и вносился въ собраніе князя Одоевскаго [1]). Разсматривая всѣ эти новые законы.

[1]) Важнѣйшія изъ новыхъ законоположеній были слѣдующія: 1) Духовенство было лишено права впредь пріобрѣтать себѣ земли

замѣчаемъ, что они всѣ клонятся въ пользу служилыхъ людей (дворянъ) и посадскихъ людей (горожанъ). Служилые люди закрѣпили за собою земли (которыя доселѣ уходили отъ нихъ къ духовенству) и крестьянъ (которые все еще переходили съ мѣста на мѣсто). Посадскіе люди уничтожили закладничество и замкнули посады отъ постороннихъ людей, которые отбивали у нихъ торгъ и промыслы и уводили закладчиковъ. Поэтому дворяне и горожане были очень довольны новыми законами и говорили, что «нынѣча государь милостивъ, сильныхъ изъ царства выводитъ». Зато духовенство и бояре не могли хвалить новыхъ порядковъ, которые лишали ихъ разныхъ льготъ; они думали, что эти порядки допущены «боязни ради и междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей, а не истинныя правды ради». Недовольна была и чернь: закладчики, возвращенные въ податное состояніе; крестьяне, лишенные возможности выхода. Они волновались и были склонны уходить на Донъ. Такимъ образомъ новые законы, установленные въ пользу среднихъ классовъ населенія, раздражали высшіе классы и простонародье.

Законодательныя работы были окончены уже въ 1649 году и новый сводъ законовъ, названный «Соборнымъ уложеніемъ» (или просто «Уложеніемъ»), былъ напечатанъ, по тому времени, въ громадномъ количествѣ экземпляровъ (2.000) и распространенъ по всему государству.

§ 83. **Мѣдныя деньги и ихъ послѣдствія.** Царь Алексѣй своимъ знаменитымъ Уложеніемъ надѣялся успокоить народъ, но судьба послала ему новыя испытанія. Всего черезъ годъ послѣ составленія Уложенія, въ 1650 году, разразился сильный мятежъ во Псковѣ и Новгородѣ [1]). Къ Новгороду и

(§ 56) и потеряло нѣкоторыя судебныя льготы. 2) Бояре и духовенство потеряли право селить около городовъ, въ „слободкахъ“, своихъ крестьянъ и холоповъ и принимать къ себѣ „закладчиковъ“ (§ 79). 3) Посадскія общины получили право возвратить всѣхъ ушедшихъ отъ нихъ „закладчиковъ“ и удалить изъ посадовъ всѣхъ не принадлежащихъ къ общинамъ людей. 4) Дворяне получили право искать своихъ бѣглыхъ крестьянъ безъ „урочныхъ лѣтъ“. Наконецъ, 5) купцы добились того, что иноземцамъ было запрещено торговать внутри Московскаго государства, гдѣ бы то ни было, кромѣ Архангельска.

[1]) Онъ былъ вызванъ тѣмъ, что, вслѣдствіе нѣкоторыхъ условій Столбовскаго мира (1617), московскія власти посылали въ Шведскія владѣнія, черезъ Новгородъ и Псковъ, деньги и хлѣбъ. Хотя

Пскову были двинуты войска. Новгородцы скоро опомнились и повинились, а псковичи заперлись въ городѣ и нѣсколько мѣсяцевъ сопротивлялись. Царь не хотѣлъ кровопролитія и передалъ дѣло земскому собору. Соборъ постановилъ послать во Псковъ особое посольство уговорить псковичей возвратиться къ повиновенію и порядку. Псковичи послушались, принесли повинную и выдали зачинщиковъ.

Прошло лѣтъ пять, и настали новыя бѣды. Начавъ войну съ Рѣчью Посполитою, царь Алексѣй отправился съ войсками въ Литву, а въ это время во всемъ Московскомъ государствѣ (1654—1655) развилась страшная эпидемія чумы, или «моровой язвы». Болѣзнь опустошала страну и совершенно разстроила общественный порядокъ. Опустѣли города, остановилась торговля, прекратились военныя дѣйствія. Чрезвычайные расходы на войну съ трудомъ покрывались и въ обычное время; чума же окончательно подорвала средства правительства. Въ ужасныхъ условіяхъ эпидеміи нельзя было собрать денегъ для содержанія войска. Не зная, откуда достать денегъ, московское правительство придумало такую мѣру: прежде оно изъ привознаго серебра чеканило мелкую серебряную монету — «копѣйки» и «деньги» (въ рублѣ было 100 копѣекъ и 200 денегъ). Теперь оно рѣшилось эту мелкую монету дѣлать изъ мѣди (которая была разъ въ 20 дешевле серебра), но выпускать ее по цѣнѣ серебряной. Иначе говоря, оно устроило изъ мѣди такіе же условные денежные знаки, какими теперь служатъ бумажныя деньги, «кредитные билеты». Съ 1656 года мѣдныя деньги появились въ большомъ количествѣ и имѣли успѣхъ, потому что народъ принялъ ихъ довѣрчиво. Но прошло года два, и начались затрудненія съ новой монетою. Правительство неумѣренно выпускало мѣдныя деньги и наводнило ими рынокъ. Цѣна мѣдной монеты стала падать: за 100 серебряныхъ денегъ стали давать и 130, и 150, и 200 мѣдныхъ. При счетѣ на мѣдныя деньги товары начали сильно подниматься въ цѣнѣ. Тогда правительство испугалось

въ этомъ не было ничего позорнаго, псковичи и новгородцы возмущались, обвиняли бояръ и воеводъ въ измѣнѣ и, наконецъ, перешли къ открытому насилію надъ своими властями и надъ иностранцами, которые были причастны къ вывозу зерна и денегъ. Особенно пострадалъ въ Новгородѣ митрополитъ Новгородскій Никонъ, проявившій большое мужество въ борьбѣ съ мятежемъ.

и установило правило, по которому всякій платежъ въ казну надлежало дѣлать серебряною монетою; изъ казны же попрежнему выдавали въ народъ только мѣдь. Какъ только установился такой порядокъ, новыя деньги совсѣмъ упали: за 100 серебряныхъ требовали тысячу и полторы тысячи мѣдныхъ. Началась чрезвычайная дороговизна, а съ нею и голодъ для бѣдныхъ людей. «Въ конецъ погибаемъ и помираемъ голодною смертію», говорилъ народъ: «на мѣдныя деньги не продаютъ, а серебряныхъ негдѣ взять». Доведенная до отчаянія, московская бѣднота въ 1662 году подняла бунтъ. Было пущено въ ходъ оружіе; мятежниковъ было много убито и казнено. Однако стало ясно, что нельзя оставить дѣло въ такомъ положеніи. Въ 1663 году мѣдныя деньги были отмѣнены и даже запрещены. Вмѣсто нихъ казна пустила въ обращеніе свой серебряный запасъ.

§ 84. **Движеніе Разина.** Рядъ потрясеній и волненій, пережитыхъ народомъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ усиленное бѣгство на Донъ. Закладчики, не желавшіе идти въ тягло; крестьяне, скрывавшіеся отъ прикрѣпленія; «гилевщики», то-есть участники «гилей», бунтовъ,— все это уходило изъ государства, гдѣ стало трудно и голодно жить, въ казачьи городки на Дону, съ надеждою стать тамъ свободными казаками. Но старые донскіе казаки, жившіе на Дону осѣдло, «домовито», не принимали всѣхъ бѣглецовъ въ свой «кругъ» и не считали ихъ равными себѣ казаками. Полноправные казаки участвовали всѣмъ «кругомъ» въ выборѣ своей «старшины», въ рѣшеніи войсковыхъ дѣлъ и въ дѣлежѣ «государева жалованья»—тѣхъ «запасовъ» зерна, суконъ, пороха и свинца, которые присылались на Донъ изъ Москвы (§ 75). Новоприбылые люди не допускались въ «кругъ», жалованья не получали и носили на Дону, въ отличіе отъ домовитыхъ казаковъ, прозвище «голытьбы», «голутвенныхъ» казаковъ, то-есть голи. Положеніе такой голи было тяжело. Пахать землю казаки на Дону запрещали, боясь, что земледѣліе превратитъ казаковъ въ крестьянъ и поведетъ къ закрѣпощенію ихъ Москвою. Поэтому хлѣба на Дону было мало; его надо было покупать на деньги, которыхъ у голытьбы не было. Лучшія мѣста для промысловъ (охотничьихъ и рыболовныхъ) были заняты домовитыми казаками, и потому голытьбѣ приходилось работать батраками на казачьихъ промыслахъ.

Вмѣсто воли и довольства бѣглецы на Дону встрѣчали голодъ и зависимость. Немудрено, что голытьба волновалась и рвалась къ грабежу.

Въ прежніе годы, когда Донъ еще не былъ запертъ Азовомъ, можно было легко проскочить на море и тамъ, плавая на лодкахъ (стругахъ) вдоль береговъ, грабить татаръ и турокъ. Теперь изъ Дона выхода на море не было, и потому взгляды голытьбы устремились на Волгу. Когда среди голутвенныхъ появился смѣлый и рѣшительный вожакъ Степанъ (Стенька) Разинъ, голытьба легко собралась въ большую шайку и ринулась на низовья Волги. Съ разбоемъ плыли Стенькины казаки въ Каспійское море и, достигнувъ его, отправились грабить персидскія владѣнія на берегахъ моря (отъ Дербента до Решта). Казачье войско произвело у персіянъ большія опустошенія, брало города и корабли, добыло себѣ огромную добычу и зазимовало, укрѣпясь на островкѣ, вблизи персидскихъ береговъ. Весною (1669) казаки оставили Персидскія области и поплыли къ Астрахани, гдѣ и вступили въ переговоры съ царскими воеводами. Боясь казаковъ, воеводы отнеслись къ нимъ мягко и пропустили ихъ домой мимо Астрахани, отобравъ лишь часть взятыхъ ими пушекъ и ненужныя имъ морскія суда. Стенька явился на Донъ съ большою славою; его шайка привезла съ собою огромную добычу и хвалилась своими подвигами. На Дону началось сильное броженіе. Кругомъ Разина собрались толпы разной голи, всего тысячъ до трехъ, и стали готовиться къ новому походу. На этотъ разъ цѣлью похода было не море, а Волга. Стенька задумывалъ прямой бунтъ противъ Москвы и разсчитывалъ на сочувствіе черни, раздраженной тяжелыми условіями жизни за послѣдніе годы.

Весною 1670 года Стенька отправился на Волгу и открылъ военныя дѣйствія противъ царскихъ воеводъ. Чернь и даже стрѣльцы дѣйствительно сочувствовали смѣлому атаману и легко переходили на его сторону. Разинъ взялъ города Царицынъ, Астрахань, Саратовъ, Самару. Казаки мучили и убивали воеводъ, дворянъ и вообще людей высшихъ классовъ; грабили ихъ дома и лавки; не щадили и церквей. Чернь городская помогала казакамъ. Изъ городовъ бунтъ распространялся по селамъ; подымались крестьяне на своихъ помѣщиковъ; инородцы возставали (мордва, черемисы, татары) на рус-

скую власть и русскихъ землевладѣльцевъ. Бунтъ становился изъ казачьяго земскимъ и распространялся на громадное пространство средняго и нижняго Поволжья. Возставшіе шли не противъ государя; они представляли себя вѣрными царю и высшей власти. Стенька даже распускалъ слухъ, что у него въ станѣ находятся московскіе царевичъ и патріархъ. Недовольство мятежниковъ направлялось противъ тѣхъ мѣръ, которыя усиливали крѣпостную зависимость рабочаго люда и отягчали тягло податныхъ людей. Считая виновниками этого бояръ, землевладѣльцевъ и богатыхъ купцовъ, бунтовщики шли противъ нихъ, избивали ихъ и грабили и вездѣ водворяли казацкое устройство, освобождая простой людъ отъ податей и частной зависимости.

Такъ Стенька Разинъ дошелъ до Симбирска. Здѣсь его встрѣтили войска князя Юрія Барятинскаго, состоявшія изъ новыхъ солдатскихъ полковъ иноземнаго строя. Стенька былъ разбитъ и бѣжалъ. На Волгѣ онъ нигдѣ не могъ укрѣпиться и добѣжалъ до самаго Дона. Тамъ его схватили домовитые казаки и отправили въ Москву, гдѣ онъ и былъ казненъ (1671). Войско же его разстроилось и раздѣлилось на многія шайки, которыя продолжали разбойничать въ Поволжьѣ еще не одинъ годъ. Понадобилось много усилій для того, чтобы разсѣять бунтовщиковъ, отобрать у нихъ занятыя ими крѣпости и успокоить возмутившійся край.

§ 85. **Патріархъ Никонъ**. Въ церковномъ быту того времени также происходили важныя и тревожныя событія, связанныя съ дѣятельностью патріарха Никона. По смерти Филарета Никитича (1633) патріаршій престолъ въ Москвѣ занимали лица небольшихъ дарованій и малодѣятельные (Іоасафъ и Іосифъ). Значеніе ихъ въ государственной жизни было невелико. Съ поставленіемъ же въ патріархи Новгородскаго митрополита Никона (1652), патріаршество въ Москвѣ достигло снова такого же блеска и силы, какъ при Филаретѣ. Произошло это по той причинѣ, что патріархъ Никонъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ и любовью царя и самъ по себѣ былъ замѣчательнымъ человѣкомъ.

Происходилъ Никонъ изъ крестьянъ Нижегородскаго края. Въ дѣтствѣ онъ ушелъ изъ семьи въ монастырь. Тамъ онъ успѣлъ пріобрѣсти много знаній и любовь къ книжному чтенію; онъ не принялъ монашескаго сана, такъ какъ отецъ вы-

звалъ его изъ монастыря обратно домой. По смерти отца Никонъ женился и сталъ сельскимъ священникомъ у себя на родинѣ. Высокій, красивый, звучно читавшій, прекрасно говорившій, молодой священникъ получилъ такую славу, что былъ приглашенъ переѣхать въ Москву. Въ Москвѣ умерли всѣ его дѣти; тогда онъ убѣдилъ жену постричься въ монахини и самъ ушелъ на Бѣлое море, на Соловецкіе острова, гдѣ и постригся (получивъ монашеское имя Никона взамѣнъ мірского имени Никиты). Впослѣдствіи Никону пришлось быть въ Москвѣ и лично явиться къ царю Алексѣю. Царь былъ пораженъ величественною наружностью суроваго монаха и его сильною рѣчью и настоялъ на томъ, чтобы Никонъ перешелъ въ Москву архимандритомъ въ Новоспасскій монастырь, принадлежавшій роду Романовыхъ. Никонъ еженедѣльно являлся къ царю Алексѣю во дворецъ для доклада о монастырскихъ дѣлахъ и для душеспасительной бесѣды. Въ это-то время и укрѣпилось вліяніе властолюбиваго и энергичнаго монаха на юнаго и впечатлительнаго государя. Царь души не чаялъ въ Никонѣ и при первой же возможности настоялъ на посвященіи его въ архіереи: Никонъ былъ назначенъ митрополитомъ въ Великій Новгородъ; послѣ же кончины патріарха Іосифа (1652) царь пожелалъ, чтобы Никонъ былъ избранъ на патріаршество.

Однако, когда царь объявилъ Никону объ избраніи его на патріаршій престолъ, Никонъ рѣшительно отказался. Его долго упрашивали, и онъ далъ свое согласіе лишь тогда, когда царь обѣщалъ ему слушать его во всемъ, «яко начальника и пастыря и отца краснѣйшаго». Это обѣщаніе Никонъ разумѣлъ въ томъ смыслѣ, что ему даются особыя полномочія и высшая власть. Царь поддерживалъ въ немъ такую мысль: онъ почтилъ Никона титуломъ «великаго государя», которымъ въ свое время пользовался, какъ царскій родитель, патріархъ Филаретъ. Уѣзжая на войну съ Рѣчью Посполитою (1654), царь поручилъ Никону все управленіе государствомъ и попеченіе надъ царскою семьею. Въ рукахъ Никона сосредоточились не только церковныя, но и государственныя дѣла. Безъ него ничего не предпринималось и не рѣшалось во дворцѣ. Никонъ сталъ какъ бы соправителемъ царя; онъ самъ называлъ свое правленіе «державою» и свою власть открыто равнялъ съ государевою. Такъ понималъ Никонъ свое патріаршество.

§ 86. **Удаленіе и низложеніе патріарха Никона.** По характеру своему Никонъ пользовался своимъ вліяніемъ и властью очень рѣшительно и круто, требовалъ почтенія и повиновенія ото всѣхъ, скоро и жестоко наказывалъ ослушниковъ. Хотя Никонъ устроилъ для церкви и духовенства много полезнаго, однако духовенство не любило его за его властолюбіе и крутой нравъ. Не любили его и придворные. Они должны были поневолѣ терпѣть его вмѣшательство въ государственныя дѣла и его высокомѣрное отношеніе; но они хорошо понимали, что Никонъ пользуется такимъ значеніемъ не по праву, а только по государевой любви и милости. Естественно было среди придворныхъ желаніе отнять у патріарха эту милость, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить его вліяніе и силу.

Понемногу и царь началъ освобождаться отъ слѣпого подчиненія Никону. Этому много содѣйствовали путешествія молодого царя въ Литву и Ливонію на театръ войны. Во время походовъ онъ увидалъ много новаго какъ на Руси, такъ и за-границею. Онъ возмужалъ, пріобрѣлъ самостоятельность ума и характера, сознательнѣе сталъ относиться къ московскимъ дѣламъ и людямъ; ему стало не нравиться открытое величаніе Никона. Правда, царь Алексѣй не измѣнилъ сразу дружественнаго обращенія съ патріархомъ; однако между ними стали происходить короткія размолвки и царь не разъ сердился на патріарха за его самовольство. Съ теченіемъ времени эти размолвки становились чаще и сильнѣе. Наконецъ, въ 1658 году послѣдовалъ окончательный разрывъ. Никона перестали призывать во дворецъ на придворныя торжества и церемоніи. Однажды царь прислалъ ему сказать, что онъ гнѣвенъ на патріарха за то, что тотъ держитъ себя самовластно и именуется «великимъ государемъ». Получивъ такое извѣщеніе отъ царя, не желавшаго лично видѣться съ патріархомъ, Никонъ рѣшилъ оставить патріаршество на Москвѣ. Отслуживъ послѣдній разъ литургію въ Успенскомъ соборѣ (10 іюля 1658 г.), онъ снялъ съ себя патріаршее облаченіе и уѣхалъ изъ Москвы въ «Новый Іерусалимъ», иначе Воскресенскій монастырь, который онъ самъ себѣ устроилъ (въ 40 верстахъ отъ Москвы) на личныя средства.

Съ отъѣздомъ Никона наступила смута въ русской церкви. Вмѣсто ушедшаго съ своего престола патріарха надобно было избрать новаго. Но поведеніе Никона не допускало до этого: хотя онъ самъ торопилъ съ избраніемъ патріарха, однако о

себѣ самомъ давалъ понять, что, оставивъ московскую каѳедру, онъ не снялъ съ себя патріаршаго сана. Выходило такъ, что Никонъ оставался патріархомъ, только не въ Москвѣ. Понятно, что, имѣя уже одного патріарха, русская церковь не могла избирать другого. Надобно было снять съ Никона патріаршество. Объ этомъ и поднятъ былъ вопросъ на соборѣ русскаго духовенства. Большинство собора было противъ Никона и постановило лишить его сана; но меньшинство доказывало, что помѣстный соборъ не имѣетъ такой власти надъ патріархомъ. Это такъ запутало дѣло, что оно могло быть разрѣшено только междуцерковнымъ совѣтомъ. Восточные патріархи изъявили свое согласіе на устройство въ Москвѣ собора греческихъ и русскихъ іерарховъ. Два патріарха лично пріѣхали въ Москву (Александрійскій и Антіохійскій), а два другіе (Цареградскій и Іерусалимскій) прислали свои грамоты и представителей. Въ концѣ 1666 года составился въ Москвѣ «великій соборъ» для суда надъ Никономъ; на немъ присутствовало до 30 архіереевъ, русскихъ и греческихъ, отъ всѣхъ главныхъ церквей православнаго востока.

Въ ожиданіи соборнаго суда надъ собою Никонъ держалъ себя очень неспокойно и этимъ раздражалъ государя. Онъ вздумалъ было самовольно пріѣхать изъ своего монастыря въ Москву и снова занять патріаршій престолъ; но его тотчасъ же отправили назадъ въ монастырь, не позволивъ и дня остаться въ Москвѣ Онъ пытался далѣе самъ вступить въ сношенія съ патріархами и писалъ имъ посланія, въ которыхъ, не стѣсняясь, жаловался на бояръ и на самого царя. Посланія Никона были перехвачены и на соборѣ послужили тяжкою уликою противъ него же. Соборъ сначала познакомился съ дѣломъ въ отсутствіи Никона. Затѣмъ позвали самого Никона, чтобы выслушать его объясненія и оправданія. Никонъ держалъ себя гордо и неуступчиво, вступалъ въ споры съ обвинителями и съ самимъ царемъ, который въ слезахъ и волненіи жаловался собору на многолѣтнія провинности патріарха. Соборъ единогласно осудилъ Никона и лишилъ его патріаршаго сана и священства. Обращенный въ простого инока, Никонъ былъ сосланъ въ Ферапонтовъ монастырь близъ Бѣлаозера [1]).

---

[1]) Почти пятнадцать лѣтъ провелъ Никонъ въ заточеніи и только въ 1681 году былъ отпущенъ въ свой Воскресенскій монастырь.

Никонъ дѣйствовалъ властолюбиво и высокомѣрно не только по своей энергичной и властной натурѣ, но и по своимъ взглядамъ на значеніе церковной власти. «Священство выше царства», говорилъ онъ: «священство отъ Бога, помазаніе же на царство отъ священства»; «Господь Богъ, когда сотворилъ землю, повелѣлъ двумъ свѣтиламъ свѣтить ей, солнцу и мѣсяцу, и чрезъ нихъ показалъ намъ власть архіерейскую и царскую, солнцемъ—власть архіерейскую, мѣсяцемъ—царскую»; «въ вещахъ мірскихъ царь и архіерей не выше одинъ другого»; «въ вещахъ же духовныхъ архіерей великій выше царя». Говоря такъ, Никонъ не могъ смотрѣть на себя иначе, какъ на «великаго государя». Но притязанія Никона не имѣли почвы въ русскомъ быту, такъ какъ на Руси духовенство никогда не ставило себя выше князей и царей и не искало мірской власти и прямого вліянія на государственныя дѣла. Поэтому Никонъ не нашелъ себѣ сочувствія не только въ свѣтскомъ обществѣ, но даже и въ духовенствѣ. Его стремленіе къ особому возвышенію патріаршескаго авторитета приписывали его личной гордости и заносчивости, и соборъ согласно осудилъ Никона [1]).

§ 87. **Исправленіе богослужебныхъ книгъ до Никона.** Не менѣе важнымъ дѣломъ въ церковной жизни въ патріаршество Никона было исправленіе богослужебныхъ книгъ и церковный расколъ.

До появленія въ Москвѣ книгопечатанія при Иванѣ Грозномъ, церковныя книги на Руси переписывались отъ руки. Писцы работали безъ должнаго надзора, допускали много описокъ и ошибокъ и, окончивъ работу, не провѣряли своихъ

Но по дорогѣ туда, на Волгѣ, около Ярославля, 76-тилѣтній Никонъ скончался подъ стѣнами Спасскаго монастыря на томъ стругѣ (большой лодкѣ), на которомъ его везли.

[1]) Когда, однако, греческіе патріархи, составивъ по-гречески приговоръ надъ Никономъ, помѣстили въ его текстѣ утвержденіе о томъ, что патріархъ долженъ быть во всемъ „послушливъ" царю, то русскіе архіереи стали противъ такой мысли, какъ раньше стояли противъ притязаній Никона. Они находили, что истинный порядокъ долженъ быть таковъ, чтобы царь имѣлъ преимущество въ государственныхъ дѣлахъ, а патріархъ—въ церковныхъ. На этомъ, послѣ споровъ, и рѣшилъ соборъ. Однако мнѣніе греческихъ іерарховъ о неправотѣ Никона и объ общемъ превосходствѣ царской власти надъ патріаршеской было усвоено московскими государями и подготовило въ будущемъ полное подчиненіе церкви государству.

рукописей. Поэтому въ писаныхъ книгахъ съ теченіемъ времени накопилось очень много безсмыслицъ и невѣрностей. Стоглавый соборъ 1551 года (§ 58), сознавая неудобство и соблазнъ такого положенія дѣла, требовалъ, чтобы духовенство принимало мѣры къ исправленію плохихъ книгъ и «правило» ихъ само, сличая съ хорошими рукописями. Въ то же время въ Москвѣ рѣшили учредить «печатный дворъ» для изготовленія печатныхъ книгъ, въ которыхъ можно было имѣть однообразный, провѣренный и исправленный текстъ. Московскій «первопечатникъ» дьяконъ Иванъ Ѳедоровъ устроилъ типографію въ Москвѣ (1563) и началъ печатать въ ней церковныя книги. Однако дѣло не пошло: изъ-за какихъ-то неудовольствій Иванъ Ѳедоровъ переселился изъ Москвы въ Литву и типографія заглохла. Она была возстановлена послѣ смуты, когда во всемъ государствѣ, вслѣдствіе разоренія, грабежей и пожаровъ, стала большая нужда въ церковныхъ книгахъ. Въ первые же годы царствованія Михаила Ѳедоровича въ Москвѣ начали печатать церковныя книги подъ руководствомъ извѣстнаго намъ Троицкаго архимандрита преп. Діонисія и нѣкоторыхъ другихъ монаховъ Троице-Сергіева монастыря. Однако и на этотъ разъ начались неудовольствія. Лица, наблюдавшія за печатаніемъ, такъ называемые «справщики», ссорились между собою; Діонисій былъ ими обвиненъ въ ереси и заточенъ въ монастырь, гдѣ пробылъ до тѣхъ поръ, пока не былъ оправданъ и освобожденъ патріархомъ Филаретомъ.

Дѣло въ томъ, что исправлять церковныя книги было очень нелегко. Онѣ въ теченіе вѣковъ не одинъ разъ переводились съ греческаго языка и потому молитвы въ нихъ читались не всегда одинаково. (Напримѣръ, въ однѣхъ рукописяхъ читалось: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ», а въ другихъ: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію на смерть наступи»...). Надобно было знать, какое чтеніе правильнѣе и лучше; а для этого надобно было знать не только славянскіе переводы, но и греческій языкъ, съ котораго переводили. Съ другой стороны, въ богослужебныхъ книгахъ русскихъ были записаны и узаконены такіе обычаи и обряды, которые разнились отъ обычаевъ и обрядовъ греческихъ. (На Руси крестились, напримѣръ, двумя перстами, а на греческомъ Востокѣ—тремя; въ русскихъ богослужебныхъ книгахъ говорилось въ однѣхъ о двуперстномъ крест-

номъ знаменіи, а въ другихъ—о троеперстномъ. Въ символѣ вѣры читалось лишнее слово: «и въ Духа Святаго Господа *истиннаго и* животворящаго»). Всѣ эти особенности возникли и утвердились въ русской церкви исподволь и получили для русскихъ людей значеніе святой старины. Раньше, чѣмъ исправить или перемѣнить ихъ согласно съ греческими, надобно было изслѣдовать дѣло и доказать, что греческіе обряды и обычаи правильнѣе русскихъ. Разумѣется, это было очень затруднительно; нельзя было заставить московскихъ людей легко повѣрить въ превосходство греческаго церковнаго обряда. Напротивъ, вѣра въ то, что Москва есть «новый Израиль» и глава всего «православія» (§ 53), заставляла московскихъ патріотовъ держаться крѣпко за старые русскіе обычаи и обряды и говорить, что своею старою вѣрою русскіе люди издавна умѣли угодить Богу, спасти свои души и возвести свою родную землю на высшую степень благочестія и славы.

Патріархъ Филаретъ и его ближайшіе преемники вполнѣ понимали трудности книжнаго исправленія и сознавали необходимость въ этомъ дѣлѣ обращаться къ греческимъ рукописямъ. Они начали приглашать греческихъ и кіевскихъ ученыхъ богослововъ и съ ихъ помощью заводить въ Москвѣ школы для обученія греческому языку. Въ особенности при патріархѣ Іосифѣ, предшественникѣ Никона, оживились сношенія Москвы съ греческимъ Востокомъ. Изъ Москвы на Балканскій полуостровъ посылались люди для пріобрѣтенія тамъ древнихъ греческихъ рукописей и для изученія греческихъ обрядовъ и церковныхъ обычаевъ. Въ Москву часто пріѣзжали греческіе архіереи и монахи, которыхъ привлекали къ дѣлу исправленія книгъ, совѣщаясь съ ними, довѣряя имъ надзоръ за переводомъ греческихъ текстовъ или поручая имъ преподаваніе греческаго языка московской молодежи. Въ то же время въ Москву приглашались ученые монахи изъ Кіева, гдѣ существовало тогда высшее православное училище (академія). Въ Москвѣ эти монахи образовали цѣлое братство и также трудились надъ исправленіемъ книгъ и обученіемъ московскихъ людей латыни и греческому языку. Благодаря наплыву постороннихъ ученыхъ, дѣло книжнаго исправленія пошло энергичнѣе, но въ то же время стало возбуждать горячіе споры. Одни смущались приглашеніемъ грековъ и кіевлянъ, говоря, что у нихъ нѣтъ истиннаго благочестія и они могутъ только исказить и испор-

тить книги, а не исправить ихъ. Другіе же увѣряли, что греки твердо сохраняютъ православную вѣру и ничего «не изронили» въ ней. Во время этихъ-то споровъ Никонъ вступилъ на патріаршій престолъ и взялъ въ свои руки книжное исправленіе.

§ 88. **Реформа Никона и церковный расколъ.** Когда Никонъ жилъ въ Москвѣ до своего патріаршества, онъ былъ въ дружбѣ съ кружкомъ священниковъ, собиравшихся у царскаго духовника Стефана Вонифатьева. Кружокъ этотъ состоялъ изъ людей живыхъ и начитанныхъ, среди которыхъ особенно выдавались «протопопы» Иванъ Нероновъ и Аввакумъ Петровъ. Всѣ члены кружка мечтали объ исправленіи книгъ и обрядовъ, объ улучшеніи церковной жизни, о поднятіи нравственнаго уровня московскаго общества. Но всѣ они увлекались тѣмъ взглядомъ, что Русь въ тѣ времена была единственною благочестивою страною и что истиннаго православія нельзя было найти нигдѣ, кромѣ Москвы. Поэтому они свысока, съ недовѣріемъ, относились къ грекамъ и думали, что обновить и улучшить церковный и общественный строй надлежитъ безо всякой помощи извнѣ, безъ руководства грековъ и кіевлянъ, простымъ возстановленіемъ и укрѣпленіемъ благочестивой московской старины, древняго русскаго благочестія. Такого національно-охранительнаго направленія, казалось, держался и Никонъ.

Когда же Никонъ сталъ патріархомъ, оказалось иное. Никонъ внимательно изучалъ самъ все, что относилось къ дѣлу, и скоро пришелъ къ выводу, что греческая церковь хранитъ православіе въ совершенной чистотѣ и что московскіе патріархи обязаны во всемъ согласоваться съ греческими и не допускать у себя никакой новизны, никакихъ разногласій съ православными восточными церквами. Убѣдившись въ этомъ, Никонъ началъ церковное исправленіе въ этомъ духѣ, при чемъ дѣйствовалъ со свойственнымъ ему самовластіемъ и крутостью. Онъ личною властью своею сталъ предписывать «новшества»: требовалъ, чтобы иконы писались по греческимъ образцамъ; требовалъ, чтобы крестились тремя перстами, какъ было у грековъ. Въ то же время книжное исправленіе пошло очень спѣшно и совершалось подъ руководствомъ грековъ и кіевскихъ ученыхъ монаховъ. Самовластіе патріарха, его торопливость и явное предпочтеніе, какое онъ оказывалъ чужимъ

«справщикамъ», вызвали большое неудовольствіе у патріотовъ Вонифатьевскаго кружка. Самъ Вонифатьевъ въ этомъ дѣлѣ остался въ сторонѣ; но протопопы Аввакумъ и Иванъ Нероновъ при первыхъ же распоряженіяхъ Никона стали протестовать: они подали царю жалобу на Никона, и притомъ не только на его отдѣльныя распоряженія, но вообще на его направленіе, по ихъ мнѣнію, неправославное и ненародное. Никонъ очень разгнѣвался на своихъ старыхъ пріятелей и нашелъ случай удалить ихъ изъ Москвы (сославъ Аввакума въ Тобольскъ, а Неронова въ Вологодскій край). Но ихъ протестъ не остался безъ вліянія на дальнѣйшій ходъ исправленій.

Патріархъ понялъ, что лучше дѣйствовать соборнымъ приговоромъ, чѣмъ личною властью. Въ 1654 году онъ созвалъ въ Москвѣ соборъ московскаго духовенства и представилъ ему на утвержденіе всѣ предположенныя имъ исправленія. Соборъ ихъ одобрилъ и утвердилъ. Сверхъ того, Никонъ обратился и къ восточнымъ патріархамъ съ просьбою разсмотрѣть на соборѣ дѣло исправленія московскихъ богослужебныхъ книгъ и обрядовъ и дать ему свое одобреніе. Въ слѣдующемъ году (1655) Цареградскій патріархъ прислалъ въ Москву свой отвѣтъ, отъ имени всей Греческой церкви одобряя и утверждая всѣ намѣченныя Никономъ исправленія. Такимъ образомъ реформа, начатая Никономъ единолично, получила характеръ междуцерковный, стала совершаться съ благословенія и одобренія какъ бы всей православной Греко-русской церкви. Русское домашнее дѣло рѣшалось съ участіемъ чужихъ людей и чужой власти, и Московская церковь становилась какъ бы въ подчиненіе Греческой. Именно это и не нравилось многимъ московскимъ патріотамъ.

Пока дѣло исправленія велъ самъ Никонъ, оно шло быстро и рѣшительно. Книги исправлялись, печатались и разсылались по епархіямъ. Патріархъ требовалъ, чтобы въ церквахъ, по полученіи новоисправленныхъ книгъ, начинали немедленно служить по новымъ книгамъ, а старыя откладывали и прятали. Вмѣстѣ съ книгами вводились и исправленные обряды; Никонъ слѣдилъ за ихъ точнымъ исполненіемъ, въ особенности же за соблюденіемъ троеперстія. Но самъ Никонъ велъ дѣло исправленія не болѣе пяти лѣтъ. Съ того же времени, какъ онъ оставилъ патріаршество (1658), дѣло перешло подъ руковод-

ство другихъ лицъ, и не стало болѣе такой ревности къ дѣлу, какимъ отличался Никонъ. Работы на Печатномъ дворѣ пошли тише. Съ другой стороны, всѣ враги Никона и его церковныхъ «новшествъ» оживились и не скрывали надежды, что удастся вернуть церковь къ старому благочестію и уничтожить дѣло Никона. Въ самой Москвѣ дѣйствовали противъ реформы возвратившіеся изъ ссылки Нероновъ и Аввакумъ. Они находили себѣ многочисленныхъ послѣдователей и послѣдовательницъ, между которыми были люди большой знатности (напримѣръ, двѣ сестры, боярыня Морозова и княгиня Урусова, рожденныя Соковнины). Въ самой царской семьѣ оказывались лица, почитавшія Аввакума. Понятно, что при такихъ условіяхъ должно было развиться всяческое противодѣйствіе церковной реформѣ. Новыхъ книгъ не принимали во многихъ мѣстахъ, между прочимъ въ извѣстномъ Соловецкомъ монастырѣ. Противъ Никона и его новшествъ проповѣдывали открыто во многихъ городахъ ревнители «старой вѣры». Соблазнъ становился такъ великъ, что необходимо было принять какія-либо мѣры противъ недовольныхъ.

Въ 1666 году царь рѣшился созвать въ Москвѣ соборъ русскаго духовенства. Этотъ соборъ снова утвердилъ всѣ нововведенія Никона и судилъ тѣхъ, кто возставалъ противъ новшествъ. Призванные на соборъ расколоучители всѣ принесли повинную (даже Нероновъ); только протопопъ Аввакумъ и московскій дьяконъ Ѳедоръ остались нераскаянными и были преданы анаѳемѣ и сосланы. Когда, немногимъ позднѣе, въ концѣ 1666 и началѣ 1667 года, въ Москвѣ великій соборъ съ патріархами осудилъ Никона, этому собору было представлено и дѣло о церковныхъ исправленіяхъ. Великій соборъ совершенно одобрилъ и утвердилъ исправленія, а на тѣхъ, кто впредь началъ бы прекословить и противиться церковнымъ исправленіямъ и велѣніямъ великаго собора, этотъ соборъ изрекъ анаѳему и заранѣе отсѣкъ отъ церкви. Такимъ образомъ ревнители «старой вѣры» подвергались отлученію отъ церкви и объявлялись еретиками и раскольниками. Но это не помогло дѣлу. Сопротивленіе продолжалось. Соловецкій монастырь, богатѣйшій и славнѣйшій на русскомъ сѣверѣ, открыто отказался повиноваться соборамъ и принять новшества. Когда увѣщанія не помогли, въ Соловки было послано войско; но монастырь затворился и оказалъ вооруженное сопротивленіе.

Началась осада монастыря, длившаяся около восьми лѣтъ (1668—1676). Когда монастырь былъ взятъ, монахи понесли тяжелое наказаніе. Но ихъ «стояніе за старую вѣру» сильно повліяло на настроеніе всего сѣвера и многимъ послужило примѣромъ. Во многихъ мѣстахъ расколъ пустилъ глубокіе корни и держится до сихъ поръ [1]).

§ 89. **Культурный переломъ**. Мы видѣли, что тотчасъ послѣ прекращенія смуты московскіе люди почувствовали необходимость въ общеніи съ иноземцами. Въ Московскомъ государствѣ въ большомъ числѣ появились западно-европейскіе купцы, техники, военные люди, доктора (§ 79). Для исправленія церковныхъ книгъ въ Москву были призваны ученые богословы—греки съ православнаго Востока и малороссійскіе монахи, учившіеся въ Кіевскихъ школахъ (§ 87). Эти богословы не ограничивались только работами на Печатномъ дворѣ, гдѣ правились книги: они пріобрѣтали вообще большое значеніе при патріаршемъ и царскомъ дворахъ, вліяя на церковное управленіе и на придворную жизнь. Ученые кіевляне становились учителями въ царской семьѣ (Симео́нъ По́лоцкій), входили въ знакомство и дружбу съ придворными людьми, обучали московскую молодежь греческой и латинской «грамотѣ» и богословскимъ наукамъ. Такъ появилось и окрѣпло въ Москвѣ иноземное вліяніе, шедшее, съ одной стороны, отъ «нѣмцевъ» (то-есть западно-европейцевъ), а съ другой стороны—отъ грековъ и малороссовъ.

Къ этому чуждому вліянію московскіе люди относились не всѣ одинаково. Многіе изъ нихъ боялись заимствованій со стороны и заботились о сохраненіи старыхъ народныхъ обычаевъ. Люди этого національно-охранительнаго направленія руководились стариннымъ вѣковымъ московскимъ народнымъ идеаломъ: «Москва—третій Римъ», московскій народъ—«но-

---

[1]) Лишенные общенія съ церковью, старовѣры были поставлены въ большое затрудненіе тѣмъ, что не имѣли своей іерархіи и священства. Одни изъ нихъ всячески заботились о томъ, чтобы залучить въ свою среду священниковъ отъ господствующей, „никоніанской“, церкви; они образовали собою особый „толкъ“ въ расколѣ—„поповщину“. Другіе положили, что по нуждѣ можно обойтись и безъ священства, предоставивъ исполненіе церковныхъ службъ и требъ мірянамъ; такіе назывались „безпоповцами“. Впослѣдствіи безпоповщина раздѣлилась на много толковъ и сектъ, имѣющихъ иногда крайній изувѣрскій характеръ.

вый Израиль», московскій царь есть царь «всего православія»; истинное благочестіе сохранилось только на Руси, и его необходимо содержать строго и неприкосновенно, чтобы не померкъ свѣтъ православія въ Русской землѣ (§ 53). Если Русь не удержитъ въ чистотѣ свою вѣру, свои обряды и благочестивые обычаи, то, какъ думали русскіе люди, она падетъ такъ же, какъ пали прежнія царства, Римское и Греческое, сокрушенныя ересями. На такой точкѣ зрѣнія стояли, напримѣръ, вожаки раскола, не желая Никоновскихъ новшествъ и протестуя противъ участія въ книжныхъ исправленіяхъ чужихъ людей изъ Кіева и съ Востока. Въ противоположность національно-охранительному направленію, очень многіе московскіе люди въ XVII вѣкѣ уже перестали вѣрить въ то, что Московское царство было единственнымъ православнымъ и богоизбраннымъ. Смута, едва не погубившая Москву въ началѣ XVII вѣка, оказала большое вліяніе на умы москвичей. Внутренніе раздоры и торжество надъ Москвою иноземцевъ — шведовъ и поляковъ — московскіе люди объясняли, какъ Божіе наказаніе за свои грѣхи. Ближе познакомясь съ иноземцами во время смуты и послѣ нея, москвичи поняли, что иноземцы образованнѣе ихъ, богаче и сильнѣе. Греки оказались болѣе свѣдущими въ дѣлахъ вѣры; «нѣмцы» (то-есть западно-европейцы) оказались искуснѣе въ военномъ дѣлѣ, ремеслахъ и торговлѣ. Ученые Кіевскіе выходцы, пріѣзжавшіе въ Москву, показывали своимъ примѣромъ, какъ много значитъ школьная наука: они оставались русскими и православными людьми, но, пройдя правильную западно-русскую школу, были много культурнѣе своихъ московскихъ собратьевъ. Наблюдая новыхъ людей, москвичи стали понимать, что ихъ прежнее самодовольство и національная гордость были наивнымъ заблужденіемъ, что имъ надо учиться у иноземцевъ и перенимать у нихъ все то, что можетъ быть полезнымъ и пріятнымъ для московскаго быта. Такъ появилось среди московскихъ людей стремленіе къ реформѣ, къ улучшенію своей жизни чрезъ заимствованіе у болѣе просвѣщенныхъ народовъ знаній, полезныхъ навыковъ и пріятныхъ обычаевъ.

Первоначально въ московскомъ обществѣ лишь рѣдкія отдѣльныя лица увлекались западными взглядами и обычаями и отвращались отъ московскихъ порядковъ и вѣрованій. На нихъ смотрѣли, какъ на отступниковъ и измѣнниковъ, и на-

казывали ихъ [1]). Позднѣе среди московскихъ людей появилось много влiятельныхъ сторонниковъ культурной реформы. Подъ сильнымъ влiянiемъ грековъ и малороссовъ былъ царскiй любимецъ, сверстникъ царя Алексѣя, дворецкiй Ѳедоръ Михайловичъ *Ртищевъ*, человѣкъ необыкновенной доброты, большого ума и благородства. Онъ учился богословiю у Кiевскихъ монаховъ и поддерживалъ ихъ въ Москвѣ. Знаменитый дипломатъ того времени, начальникъ Посольскаго приказа, Аѳанасiй Лаврентьевичъ *Ординъ-Нащокинъ*, былъ уже европейски образованный человѣкъ. Онъ усвоилъ себѣ тѣ идеи и правила, которыми руководились тогда европейскiя правительства (между прочимъ, систему протекцiонизма), и хотѣлъ въ Московскомъ государствѣ дѣлать все «съ примѣра стороннихъ чужихъ земель». Но онъ не хотѣлъ перенимать у «нѣмцевъ» всякую мелочь и самъ по себѣ, въ своей личной жизни, оставался москвичемъ стараго склада. «Какое намъ дѣло до иноземныхъ обычаевъ», говорилъ онъ: «ихъ платье не по насъ, а наше не по нихъ». Напротивъ, замѣститель его въ Посольскомъ приказѣ, бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ *Матвѣевъ*, былъ большимъ поклонникомъ всего «нѣмецкаго»; онъ весь свой домъ устроилъ на «нѣмецкiй», «заморскiй», манеръ. Будучи близкимъ, «собиннымъ» (дорогимъ) другомъ царя Алексѣя Михайловича, Матвѣевъ содѣйствовалъ тому, что и самъ царь сталъ интересоваться европейскими новинками и привыкать къ нимъ. У Матвѣева была даже своя труппа актеровъ, и онъ тѣшилъ царя театральными представленiями, которыя до тѣхъ поръ почитались въ Москвѣ грѣхомъ. Слѣдующiй начальникъ Посольскаго приказа, князь Василiй Васильевичъ *Голицынъ*, былъ еще болѣе передовымъ человѣкомъ, чѣмъ его предшественники, и мечталъ о самыхъ широкихъ реформахъ.

По примѣру этихъ высокихъ лицъ и подъ ихъ покровительствомъ московскiе люди постепенно усваивали себѣ новые обычаи и воззрѣнiя. Въ Москвѣ распространились иноземные костюмы, вещи, музыкальные инструменты, картины. Въ По-

---

1) Такъ еще въ началѣ царствованiя Михаила Ѳедоровича былъ сосланъ въ монастырь на покаянiе князь Иванъ Андреевичъ *Хворостининъ*, который подъ влiянiемъ поляковъ, жившихъ тогда въ московскомъ плѣну, отпалъ отъ православiя и сталъ бранить московскую жизнь, говоря, что въ Москвѣ „все людъ глупый“ и „не съ кѣмъ жить“.

сольскомъ приказѣ переводились, по царскому повелѣнію, иностранныя книги и дѣлались выписки изъ иностранныхъ газетъ («кура́нты»). Европейское образованіе проникало въ разные слои московскаго общества и увлекало умы московскихъ людей настолько, что нѣкоторые москвичи даже бѣгали за границу, желая найти себѣ лучшія условія жизни. Такъ убѣжалъ за границу сынъ Ордина-Нащокина, чѣмъ очень огорчилъ отца. Убѣжалъ со службы подья́чій (мелкій чиновникъ) Посольскаго приказа Григорій *Котоши́хинъ*; онъ пробрался въ Швецію и тамъ для шведскаго правительства составилъ любопытное описаніе Московскаго государства (напечатанное подъ названіемъ «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича»). Въ свою очередь, замѣтивъ большое умственное броженіе среди московскихъ людей, западно-европейцы стремились въ Москву все въ большемъ и большемъ количествѣ и просились на московскую службу или желали разрѣшенія торговать въ Москвѣ. Даже католики думали о возможности начать свою пропаганду въ Москвѣ. Съ этою цѣлью явился въ Московское государство (1659) ученый хорва́тъ, католическій патеръ Юрій *Крижа́ничъ*. Скрывъ свою вѣру и назвавъ себя православнымъ, Крижаничъ выразилъ желаніе быть учителемъ въ Москвѣ. Однако его заподозрили, и ему едва удалось вернуться домой. Его сочиненія, въ которыхъ описывались московскіе порядки, получили впослѣдствіи большую славу: въ нихъ Крижаничъ указывалъ тѣ реформы, какія, по его мнѣнію, были необходимы Московскому государству, чтобы сдѣлать его сильнымъ и просвѣщеннымъ.

Такъ совершался въ Московской Руси культурный переломъ. Старые идеалы отживали и падали, новые нарождались и крѣпли. Русскій народъ понемногу переходилъ отъ своей старой національной замкнутости и исключительности къ дѣятельному общенію съ культурнымъ человѣчествомъ.

§ 90. **Внѣшнія дѣла при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.** Начиная съ 1654 года, царь Алексѣй Михайловичъ велъ продолжительныя и упорныя во́йны съ Польшею и Литвою. Предметомъ борьбы была Малоро́ссія—Польскія владѣнія на среднемъ Днѣпрѣ, въ которыхъ русское населеніе отложи́лось отъ Польши и само пожелало соединиться съ православною Москвою. Войны эти привели царя Алексѣя къ существеннымъ успѣхамъ: онъ возвратилъ Москвѣ Смоленскъ и Сѣвер-

скія земли, взятыя поляками въ смутное время, и пріобрѣлъ Кіевъ и ту часть Малороссіи, которая была на лѣвомъ берегу Днѣпра (1667). До тѣхъ поръ Литва и Польша, въ теченіе почти ста лѣтъ, наступали на Москву и грозили ей; при царѣ Алексѣѣ перевѣсъ силъ оказывается на сторонѣ Москвы и она сама переходитъ въ наступленіе противъ ослабѣвшей Польши.

Въ связи съ Польскими войнами находились и другія войны того времени. Царю Алексѣю пришлось воевать со шведами, которые вмѣшались въ Польскія дѣла. Шведская война (1656—1659) окончилась ничѣмъ: воевавшія стороны остались при прежнихъ владѣніяхъ. Такъ же, какъ шведы, въ Польскія дѣла вмѣшались и турки. Они грозили войною за Малороссію одинаково и Польшѣ, и Москвѣ (1672). Царь Алексѣй Михайловичъ страшился сильной Турціи и дѣлалъ спѣшныя приготовленія къ турецкому нашествію, ожидая турокъ подъ Кіевъ. Однако дѣло ограничилось небольшими столкновеніями на лѣвомъ берегу Днѣпра. Царь Алексѣй умеръ (въ началѣ 1676 года) до конца этой войны, и миръ съ турками былъ заключенъ уже при его сынѣ царѣ Ѳеодорѣ (1681).

Такъ сложенъ былъ тотъ Малороссійскій вопросъ, который возникъ, какъ результатъ внутреннихъ нестроеній въ Польско-Литовскомъ государствѣ. Объ этихъ нестроеніяхъ будетъ идти рѣчь ниже.

Литва и Польша въ XVI—XVII вв.

§ 91. **Люблинская унія 1569 года; ея значеніе и слѣдствія.** Мы видѣли (§ 41), что, несмотря на постоянное стремленіе Литвы къ самостоятельности и обособленію отъ Польши, польское вліяніе въ Литвѣ послѣ Витовта продолжало расти. Его проводили великіе князья католики и поддерживала литовская шляхта, которой было выгодно водворить въ Литовскомъ княжествѣ польскіе порядки. Напротивъ, за сохраненіе старой самобытности въ Литвѣ стояла литовская аристократія, православные князья и паны. Испытывая притѣсненія со стороны своихъ католическихъ государей, они или уходили въ подданство Московскихъ князей (§ 51), или же отстаивали свою вѣру, свои права и самостоятельность своего государства на «сеймахъ», то-есть на съѣздахъ пановъ и шляхты,

на которыхъ рѣшались въ Литвѣ важнѣйшія государственныя дѣла. До середины XVI столѣтія, несмотря на усиленіе польскаго вліянія въ литовскомъ обществѣ, литовской знати удавалось отстаивать самобытность и самостоятельность своего княжества.

Обстоятельства измѣнились въ серединѣ XVI вѣка. Литва тогда вела неудачную войну съ Москвою изъ-за Ливоніи (§ 62). Иванъ Грозный взялъ Полоцкъ, опустошилъ добрую половину Литовскаго княжества и угрожалъ дальнѣйшими завоеваніями. Въ прежнее время литовская знать сама охотно шла подъ московскую власть; теперь же князья и паны литовскіе страшились и ненавидѣли Ивана Грознаго за его жестокости противъ бояръ и не желали ему подчиниться, боясь его опричнины. Они поэтому искали помощи противъ Москвы у Польши, а польское правительство воспользовалось этимъ въ своихъ видахъ.

Въ то время королемъ Польскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ былъ бездѣтный Сигизмундъ II Августъ. Съ его смертью прекращался родъ Ягайловичей (Ягеллоновъ) и возникалъ вопросъ о судьбѣ престоловъ Польскаго и Литовскаго. До сихъ поръ унія Литвы съ Польшей была династическою: сохранится ли она, когда прекратится самая династія? Останутся ли государства въ прежнемъ соединеніи, или унія будетъ отмѣнена? Король Сигизмундъ-Августъ и польское правительство желали полнаго соединенія Короны (то-есть Польши) съ Княжествомъ (то-есть Литвою) навѣки въ одно государство. Пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Литвы, потерявшей Полоцкъ, и страхомъ литовскаго панства передъ Грознымъ, король и поляки стали настойчиво проводить мысль о вѣчной уніи на общихъ сеймахъ литовской и польской знати и шляхты. До 1569 года Литва сопротивлялась. Но въ 1569 году на сеймѣ въ г. Люблинѣ сопротивленіе литовскихъ патріотовъ было сломлено и послѣ большихъ споровъ и неудовольствій составленъ былъ актъ о вѣчной уніи обоихъ государствъ, образовавшихъ отнынѣ одно нераздѣльное государство—Рѣчь Посполитую (Res Publica).

По Люблинской уніи, южная половина Литовскаго княжества (именно Волынь и Подляшье, Подолье и Кіевская земля) была прямо присоединена къ «Коронѣ», то-есть вошла въ составъ Польскаго королевства. Остальная же Литва образовала

особое «Княжество» въ реальной уніи съ Короною. Это было тяжкимъ ударомъ для прежде могучаго Литовскаго государства. Поляки прямо отняли отъ него половину его земель, пользуясь временною слабостью Литвы и раздорами между литовскою знатью и шляхтою. Польскіе паны утверждали, что земли, взятыя ими отъ Литвы, издавна составляли достояніе Польской Короны: король съ ними соглашался, а Литва не имѣла силъ протестовать. Потерявъ южныя области, Литовское княжество входило затѣмъ въ вѣчное соединеніе съ Польшею. Оба государства имѣли одного государя, котораго каждый разъ должны были избирать сообща (наслѣдственнаго преемства власти не было). У нихъ былъ общій *сеймъ*, состоявшій изъ свѣтской знати, католическаго духовенства и шляхты обоихъ государствъ. Былъ общій *сена́тъ* («па́ны, ра́да»), который вѣдалъ общія внутреннія дѣла и политику Рѣчи Посполитой. Но въ каждомъ изъ государствъ оставались свои особые законы, свои особые чиновники и свои отдѣльныя войска. Въ Польшѣ дѣйствовали свои сборники законовъ («ста́туты и привиле́и»), а въ Литвѣ—свой «Литовскій статутъ». Въ Польшѣ и Литвѣ были въ каждой особые: *ге́тманъ* (начальникъ войска), *канцле́ръ* (государственный секретарь), *подска́рбій земскій* (министръ финансовъ), *воево́ды* (начальники области) и другіе, менѣе важные чины. Одинаково въ Польшѣ и Литвѣ шляхта, составляя господствующее сословіе, собиралась на сеймы областные (повѣ́товые) и государственные и избирала своихъ предводителей и представителей—*марша́лковъ*. Подъ ихъ предсѣдательствомъ дѣйствовали высшіе шляхетскіе суды—*трибуна́лы* (Коронный и Литовскій).

Вскорѣ послѣ установленія уніи 1569 года скончался послѣдній Ягеллонъ, Сигизмундъ-Августъ (1572). Наступила эпоха избираемыхъ королей [1]). При первыхъ же избранныхъ государяхъ вся политическая власть въ государствѣ сосредоточилась въ рукахъ шляхетскаго сословія. Шляхта оконча-

[1]) Соединенный сеймъ Польши и Литвы избралъ сначала французскаго принца *Генриха Валуа* (бывшаго затѣмъ французскимъ королемъ съ именемъ Генриха III) и заставилъ его согласиться на полное ограниченіе королевской власти въ пользу „народа-шляхты". Генрихъ, не стерпѣвъ шляхетской разнузданности, ушелъ во Францію. Тогда былъ избранъ въ короли одинъ изъ вельможъ, *Стефа́нъ Бато́рій*—также съ ограниченіемъ власти (1576—1586), а затѣмъ *Сигизмундъ III*—изъ шведскаго королевскаго дома Ваза.

тельно отняла всякую самостоятельность и всякое значеніе у прочихъ сословій (за исключеніемъ нѣкоторыхъ городовъ, обладавшихъ правомъ самоуправленія). Шляхта не только раздѣляла съ королями право верховнаго управленія; она по закону имѣла право отказывать королю въ повиновеніи, если онъ нарушалъ ея права и вольности; шляхта могла даже поднимать оружіе противъ своего государя («рокошъ») и устраивать противъ него свои союзы («конфедераціи»). Словомъ, шляхта обратилась въ полныхъ господъ Рѣчи Посполитой и привела государство къ безпорядку и анархіи. Но она гордилась своею «золотою вольностью» и открыто признавала, что въ государствѣ есть только одно сословіе—«народъ-шляхта». Лишь духовенство католическое сохраняло свое независимое положеніе; все же прочее населеніе потеряло всякое значеніе въ политической жизни своего отечества.

Передача Русскихъ земель отъ Литвы Польшѣ и окончательное торжество польскаго порядка въ Литвѣ повели къ тяжелымъ послѣдствіямъ для русскаго населенія Рѣчи Посполитой и для всего государства. Во-первыхъ, послѣ государственной уніи возникъ вопросъ о введеніи *церковной уніи*. По акту Люблинской уніи, Литва и Польша должны были соединиться въ одно государство и въ одинъ народъ, а народнаго единства не надѣялись достигнуть безъ единства вѣры. Во-вторыхъ, особенности польскаго шляхетскаго строя, распространясь на всѣ Литовско-Русскія области, усилили *крѣпостную зависимость* отъ шляхты простого народа. Какъ церковная унія, такъ и усиленіе крѣпостного гнета вызывали глубокое недовольство православно-русскаго населенія и создали острое междоусобіе въ Рѣчи Посполитой.

§ 92. **Церковная унія. Религіозная борьба и дѣятельность братствъ.** Церковная унія православія съ католичествомъ была провозглашена еще въ XV вѣкѣ, но на дѣлѣ не удалась (§ 45). Послѣ же Люблинской уніи мысль о подчиненіи Риму православныхъ областей Рѣчи Посполитой показалась осуществимой. То было время великой религіозной борьбы въ Европѣ. Реформація откололa отъ католичества цѣлыя народности, и папы употребляли всѣ усилія для того, чтобы подавить возникшее религіозное движеніе. Въ борьбѣ съ протестантизмомъ огромную услугу папству оказалъ вновь возникшій (1540) монашескій орденъ іезуитовъ, цѣлью ко-

тораго была именно защита католичества. Такъ какъ протестантство появилось и въ Рѣчи Посполитой, то противъ него и туда были призваны іезуиты. Какъ разъ въ эпоху Люблинской уніи они начали борьбу съ протестантствомъ въ Польшѣ и Литвѣ и скоро его задушили. Они устраивали безплатныя школы для воспитанія дѣтей въ католическомъ духѣ, писали ученыя сочиненія противъ ересей въ защиту католичества, говорили блестящія проповѣди, устраивали публичные диспуты, то-есть споры, о вѣрѣ. Эти мѣры оказывались дѣйствительнѣе открытыхъ гоненій, и протестантство въ Литвѣ ослабѣло и почти исчезло. Справившись съ протестантскою «схизмою», іезуиты естественно принялись за борьбу съ православіемъ, которое они тоже считали «схизмою». Противъ православія они употребляли такія же мѣры: диспуты, проповѣди, литературную полемику, школьное обученіе въ духѣ, противномъ православію. Они всячески обличали безпорядки и жалкое состояніе православной церкви въ Рѣчи Посполитой и указывали на то, что все зло и всѣ свои бѣды православные люди могутъ исправить легко, если только примутъ унію и подчинятся папѣ. Всего ярче выражена была эта мысль ученымъ іезуитомъ Петромъ Скаргою въ сочиненіи его «О единствѣ церкви Божіей подъ однимъ пастыремъ» (1577).

Состояніе русской церкви въ Литовско-Польскомъ государствѣ было неудовлетворительно. Въ XV столѣтіи, послѣ Флорентійской уніи, Западно-Русская церковь отдѣлилась отъ Московской митрополіи и получила для себя особаго митрополита (Кіевскаго). Вмѣстѣ съ тѣмъ она лишилась поддержки сильныхъ Московскихъ князей и оказалась въ полной зависимости отъ Литовскихъ государей, которые всѣ были убѣжденными католиками. Попытки ввести унію, вовсе не возникавшія послѣ митрополита Исидора въ Москвѣ, постоянно возобновлялись въ Литвѣ. Не успѣвъ, однако, превратить православныхъ въ уніатовъ, католическое правительство лишило ихъ своего покровительства и относилось холодно и даже враждебно къ своей православной церкви. Православные люди чувствовали себя въ обидѣ и униженіи. Они или уходили изъ Литвы въ Москву (§ 41), или, оставаясь на мѣстѣ, старались своими средствами защитить свою вѣру и церковь отъ внѣшнихъ гоненій и внутренняго безпорядка. Конечно, первыми защитниками церкви были удѣльные православные князья. Особенную

славу изъ нихъ получили ревностные покровители православныхъ князья Константинъ Ивановичъ *Острожскій* (1460—1530) и сынъ его Константинъ Константиновичъ (1526—1608). За князьями и простые люди научились сами заботиться о своей гонимой церкви и оборонять ее. Какъ паны-землевладѣльцы, такъ и горожане имѣли по закону право «патроната» надъ своими церквами и монастырями. Они участвовали въ избраніи пастырей, слѣдили за цѣлостью церковныхъ имуществъ, смотрѣли за порядкомъ въ церковныхъ дѣлахъ, обличали злоупотребленія архіереевъ и духовенства, защищали церковные интересы передъ правительствомъ. Прихожане церквей составляли церковныя *братства*, которыя въ большихъ городахъ (Львовѣ, Кіевѣ и др.) достигли большого богатства и силы и стали замѣтно вліять на управленіе церковью.

Вмѣшательство мірянъ чрезвычайно раздражало высшую іерархію—тѣхъ архіереевъ, которыхъ короли умышленно подбирали изъ людей, равнодушныхъ къ благу церкви. Такіе архіереи походили болѣе на свѣтскихъ вельможъ и вели недостойную жизнь. Чѣмъ болѣе обличала ихъ паства, тѣмъ болѣе они искали покровительства у католическихъ властей. Наконецъ, въ концѣ XVI столѣтія между такими архіереями созрѣла мысль о признаніи уніи. Подчиняясь папѣ, они разсчитывали получить покровительство и поддержку какъ отъ папы, такъ и отъ короля, и стать независимыми отъ своей паствы. Нѣкоторые епископы обратились къ королю Сигизмунду III съ заявленіемъ о готовности принять унію. Получивъ поддержку короля, они увлекли за собою Кіевскаго митрополита (стараго и слабаго характеромъ Михаила Рогозу) и отправили въ Римъ къ папѣ своихъ вожаковъ (Луцкаго епископа Кирилла Терлецкаго и Волынскаго—Ипатія Поцѣя) устраивать унію и бить челомъ папѣ, чтобы онъ принялъ Западно-Русскую церковь подъ свою власть (1595).

Это дѣло разгласилось и возбудило большое негодованіе среди православныхъ людей, не желавшихъ уніи. Въ г. Брестѣ, въ 1596 году, былъ созванъ церковный соборъ, на которомъ присутствовали какъ уніаты, подчинившіеся папѣ, такъ и православные, не желавшіе уніи. Произошелъ расколъ и образовалось два собора. Офиціально на одномъ соборѣ Западно-Русская церковь была объявлена принявшей унію, при чемъ

уніатами стали почти всѣ ея архіереи. Но на другомъ соборѣ часть духовенства и міряне отказались повиноваться своимъ духовнымъ властямъ и поклялись не отступать отъ Восточной церкви. Обѣ стороны предавали одна другую проклятію и вступили въ открытую борьбу, при чемъ король призналъ законнымъ постановленіе уніатскаго собора и потому счелъ, что православіе перестало существовать въ его государствѣ. Такъ совершилось торжество уніи въ Западной Руси.

Разъ православіе сочтено было упраздненнымъ, то ревнителей православной вѣры сочли нужнымъ подвергнуть гоненіямъ, какъ ослушниковъ духовнаго начальства и еретиковъ. Православныя церкви, особенно сельскія, не вошедшія въ унію, закрывались; на нихъ не смотрѣли болѣе, какъ на храмы, и отдавали ихъ иногда на откупъ, для извлеченія дохода, даже евреямъ, которые за деньги отпирали ихъ для совершенія службъ. Православные были лишены политическихъ правъ, разсматривались, какъ «хлопы» (простонародье), и самая вѣра ихъ именовалась «хлопскою» и вызывала презрительное отношеніе со стороны высшихъ классовъ общества. Предоставленные своимъ силамъ и лишенные покровительства закона, православные люди стали на защиту своей вѣры, какъ могли. Во главѣ православныхъ были нѣкоторые вельможи, не покинувшіе своей отеческой вѣры (князь К. К. Острожскій). Главную же силу гонимой православной церкви составляли городскія братства и крупнѣйшіе монастыри (Кіево-Печерскій). Общими усиліями ихъ были созданы въ Кіевѣ и другихъ русскихъ городахъ прекрасныя богословскія школы, изъ которыхъ выходили образованные защитники православія. Они устною проповѣдью и изданіемъ книгъ о вѣрѣ успѣшно боролись съ уніею и католичествомъ и не давали заглохнуть православному дѣлу. Изъ ряда прочихъ школъ особенно поднялась и развилась Кіевская (основанная братствомъ Кіевской Богоявленской церкви въ 1594 году). Кіевскій православный митрополитъ *Петръ Могила* (1596—1646) образовалъ изъ этой школы высшее училище по образцу католическихъ академій. Отъ его имени и школа получила названіе «Могилянской академіи». Ученые кіевскіе монахи оказали важныя услуги не только своей Западной Руси, но и Руси Московской, гдѣ они явились учителями и просвѣтителями (§§ 87—89).

§ 93. **Образованіе Днѣпровскаго казачества. Казацкія возстанія.** Переходъ въ 1569 году отъ Литвы къ Польшѣ Русскихъ земель, лежавшихъ по Днѣпру на краяхъ государства, способствовалъ тому, что польскіе порядки распространились въ этихъ земляхъ съ большою быстротою. Польская шляхта стала селиться здѣсь на просторныхъ, никакими панами не занятыхъ мѣстахъ по «украйнѣ» государства. Она призывала сюда крестьянское населеніе и водворяла здѣсь крѣпостное право. Но если на Украйнѣ не было тогда землевладѣльцевъ, то жители все-таки были. Это были «казаки», такіе же выходцы изъ государства, какіе были и въ Московской Руси (§ 61). Московскіе казаки сосредоточились на Дону, почему и назывались «донскими». Южно-русскіе же казаки, живя на Днѣпрѣ, получили названіе «днѣпровскихъ»; а еще чаще назывались они «украинскими» казаками или «черкасами» (по имени города Черкасъ на правомъ берегу Днѣпра, ниже Кіева). Днѣпровскіе казаки отчасти вели осѣдлое полевое хозяйство, отчасти же охотились и «казаковали» въ степяхъ, сражаясь съ татарами или предаваясь грабежамъ. Появленіе среди нихъ шляхты, желавшей обратить ихъ въ крѣпостныхъ «хлоповъ» наравнѣ съ крестьянами, не могло, конечно нравиться казакамъ. Казаки уходили все дальше и дальше въ степи, недоступныя польскимъ властямъ. На островахъ нижняго Днѣпра, за Днѣпровскими порогами, они строили себѣ укрѣпленные засѣками городки, получившіе названіе «Запорожской сѣчи». Тамъ казаки составляли одну общину (кошъ) съ выборнымъ кошевымъ атаманомъ во главѣ и благополучно отсиживались какъ отъ своихъ пановъ, такъ и отъ степныхъ татаръ. Всѣ попытки польскаго правительства подчинить казаковъ и отучить ихъ отъ грабежей и набѣговъ въ татарскія и турецкія владѣнія — ни къ чему не приводили. Чѣмъ сильнѣе становилось въ государствѣ гоненіе на православную вѣру и угнетеніе крестьянъ шляхтою, тѣмъ больше народа бѣжало на Украйну въ степь и тѣмъ больше становилось тамъ вольнаго и безпокойнаго казачества. Польскіе короли пытались брать казаковъ въ государственную службу; они писали казаковъ въ «реестры» (списки) и дѣлили ихъ на полки. Реестровые казаки получали землю по полкамъ, освобождались отъ подчиненія чиновникамъ и помѣщикамъ, судились и управлялись своими казацкими полковни-

ками. Но реестровыхъ казаковъ вообще было мало, а казацкая вольница все увеличивалась въ своемъ числѣ, пополняясь выходцами изъ государства. Недовольство уніей и крѣпостнымъ правомъ росло на Украйнѣ и само по себѣ могло возбудить опасное движеніе. Окончательно же подняло казаковъ противъ государства стремленіе властей во что бы то ни стало подавить своеволіе казаковъ и обратить ихъ въ крѣпостныхъ работниковъ или въ послушную военную силу.

Въ концѣ XVI-го вѣка начинаются казацкіе возстанія и походы. Подъ начальствомъ своихъ гетмановъ (Косинскаго, Лободы, Наливайка) казаки съ мечемъ и огнемъ вторгаются въ разныя области Польскаго королевства, а у себя на Украйнѣ выгоняютъ и истребляютъ шляхту и, освобождая отъ нея крестьянъ, обращаютъ ихъ въ казаковъ. Затѣмъ они бросаются на Черное море и тамъ свирѣпствуютъ такъ, что нагоняютъ ужасъ на турокъ: они жгутъ и грабятъ подъ самымъ Царьградомъ. Казачество окрѣпло въ началѣ XVII-го вѣка настолько, что казацкій гетманъ Петръ Сагайдачный сталъ какъ бы государемъ всей Украйны и покровителемъ православія. Онъ не давалъ въ обиду православныхъ; въ Кіевѣ при немъ была даже возстановлена православная митрополія рядомъ съ уніатскою (1620). Конечно, все это не могло нравиться полякамъ: при первомъ же удобномъ случаѣ противъ казаковъ возобновились гоненія, а казаки отвѣтили новыми возстаніями (Тараса, Павлюка и др.). Однако на этотъ разъ поляки побѣдили и установили на Украйнѣ тяжелые порядки. Они казнили много казаковъ и заняли весь край своими войсками. Реестровыхъ казаковъ они допустили только 6.000 и отняли у нихъ самоуправленіе, передавъ начальство надъ ними шляхтичамъ. Остальные казаки стали въ положеніе «хлоповъ», крестьянъ. Казачество не смогло вытерпѣть такой строй. Въ 1648 году оно поднялось всею массою подъ предводительствомъ знаменитаго Богдана Хмельницкаго.

§ 94. **Богданъ Хмельницкій и отпаденіе Малороссіи къ Москвѣ.** Богданъ Хмельницкій былъ родомъ изъ зажиточной семьи, смолоду служилъ въ казацкомъ войскѣ, достигъ въ немъ виднаго положенія и сталъ сотникомъ. Служа подъ начальствомъ поляковъ, онъ былъ жестоко ими изобиженъ и не нашелъ на нихъ управы. Тогда онъ убѣжалъ въ Запорожье, поднялъ возстаніе и успѣлъ получить помощь отъ Крымскихъ

татаръ. Въ 1648 году онъ встрѣтился съ польскими войсками, посланными противъ него, и разбилъ ихъ на-голову (на рѣкѣ Жёлтыя воды и подъ Корсунемъ). Вся Украйна оказалась въ его власти. Хмельницкій чувствовалъ за собою цѣлый православный народъ, который надо было «выбить изъ польской неволи»; и онъ добился отъ поляковъ того, что, наконецъ, заключенъ былъ договоръ (подъ Зборовомъ), по которому число реестровыхъ казаковъ было опредѣлено въ 40.000; въ Украйну не могли быть вводимы польскія войска; тамъ не могли жить ни іезуиты, ни евреи; православіе получало господствующее положеніе.

Это былъ большой успѣхъ; но это не было полное освобожденіе отъ Польши, котораго желалъ народъ. Оставалась на Украйнѣ шляхта; оставалось крѣпостное право ея на русскихъ крестьянъ; оставалось католичество и унія рядомъ съ православіемъ. Недовольный Хмельницкимъ народъ толпами сталъ уходить на востокъ, на р. Донецъ, въ Московскую (такъ называемую Слободскую) Украйну. Условія Зборовскаго мира не нравились казакамъ; да и поляки не хотѣли ихъ исполнять, потому что считали ихъ унизительными для себя. Началась поэтому новая война (1650). Она шла неудачно для Хмельницкаго, и онъ долженъ былъ согласиться на плохой миръ (подъ Бѣлой Церковью), по которому число реестровыхъ казаковъ было условлено только въ 20.000. Такъ какъ хранить этотъ миръ было трудно, то Хмельницкій рѣшился просить помощи у Москвы и втянуть ее въ войну съ Польшею. Къ Москвѣ тяготѣла и народная масса, видѣвшая въ ней опору православія и убѣжище отъ польскаго насилія.

Когда Хмельницкій обратился къ царю Алексѣю Михайловичу съ просьбою принять Малороссію подъ свою высокую руку, царь Алексѣй передалъ дѣло земскому собору. Вопросъ былъ трудный: война съ Польшею страшила Москву, еще не оправившуюся отъ собственныхъ затрудненій. Соборъ обсуждалъ дѣло много разъ (1651—1653) и, наконецъ, вмѣстѣ съ государемъ рѣшилъ Малороссію принять. Къ Хмельницкому былъ отправленъ посолъ (бояринъ Бутурлинъ) объявить объ этомъ. Въ январѣ 1654 года, въ г. Переяславлѣ, на общей радѣ (народномъ собраніи), совершилось присоединеніе Украйны къ Московскому государству. Рада вся согласно кричала: «Волимъ подъ царя восточнаго, православнаго!» По договору съ Москвою,

Малороссія сохранила свое внутреннее самоуправленіе, а число реестровыхъ казаковъ устанавливалось въ 60.000; выбранный гетманъ имѣлъ даже право внѣшнихъ сношеній, съ тѣмъ только исключеніемъ, что безъ вѣдома царя не могъ ссылаться съ Польскимъ королемъ и Турецкимъ султаномъ.

Такъ совершилось важное событіе—соединеніе Украйны съ Москвою. Естественнымъ его слѣдствіемъ были войны Москвы съ Польшею за Малороссію.

§ 95. **Борьба Москвы съ Рѣчью Посполитою за Малороссію.** Весною 1654 года началась война Москвы противъ Польши и Литвы. Московскія войска одержали рядъ блестящихъ побѣдъ. Въ 1654 году былъ взятъ ими Смоленскъ, въ 1655 году—Вильна, Ковна и Гродна. Въ то же время Хмельницкій взялъ Люблинъ, а шведы вторглись въ Великую Польшу. Рѣчь Посполитая погибала совсѣмъ. Ее спасла только ссора Москвы съ Швеціей. Не желая допустить успѣховъ шведовъ, царь Алексѣй заключилъ перемиріе съ поляками и началъ войну со шведами, въ которой, однако, успѣха не имѣлъ.

Тѣмъ временемъ умеръ Богданъ Хмельницкій (1657) и въ Малороссіи началась смута, направленная противъ Москвы. Когда происходило присоединеніе Малороссіи къ Москвѣ, московское правительство понимало дѣло такъ, что малороссы идутъ въ подданство русскому царю. Поэтому изъ Москвы посылали гарнизоны въ малороссійскіе города (особенно въ Кіевъ), желали держать въ Малороссіи своихъ воеводъ и думали подчинить малороссійскую церковь Московскому патріарху. Въ Малороссіи же смотрѣли на это косо. Малороссійскіе вожаки, казачья «старшина» (гетманъ, его выборные помощники, затѣмъ полковники и сотники отдѣльныхъ казацкихъ полковъ) желали себѣ полной автономіи и смотрѣли на свою страну, какъ на особое государство. Видя московскую политику, они не желали подчиняться ей и уже мечтали объ отдѣленіи отъ Москвы и о новомъ договорѣ съ Польшей. Въ этомъ направленіи и повелъ дѣло выбранный по смерти Хмельницкаго въ гетманы Иванъ Выговскій. Однако противъ «старшины» стали простые казаки, не желавшіе возвращенія къ Польшѣ. Началось кровавое междоусобіе [1].

---

[1]) Выговскій открыто возсталъ противъ Москвы и съ помощью татаръ нанесъ страшное пораженіе московскимъ войскамъ подъ

Оно окончилось тѣмъ, что Малороссія раздѣлилась на двѣ части. Полки, бывшіе на лѣвомъ берегу Днѣпра, избрали себѣ особаго гетмана (запорожскаго атамана Брюховецкаго) и остались за Москвою. Они получили названіе «Лѣвобережной Украйны». А вся «Правобережная Украйна» (кромѣ Кіева) отпала къ Польшѣ съ своимъ особымъ гетманомъ.

Съ началомъ смутъ въ Малороссіи совпало начало новой войны Москвы съ Рѣчью Посполитой. Эта война тянулась десять лѣтъ (1657 — 1667) съ перемѣннымъ успѣхомъ. Она шла въ Литвѣ и въ Малороссіи. Въ Литвѣ русскіе терпѣли неудачи, въ Малороссіи держались крѣпко. Наконецъ, истомленныя войною оба государства рѣшились на миръ. Въ 1667 году, въ деревнѣ Андрусовѣ (недалеко отъ Смоленска), было заключено перемиріе на 13½ лѣтъ. Царь Алексѣй Михайловичъ отказался отъ Литвы, которую завоевали было московскія войска; но удержалъ за собою Смоленскъ и Сѣверскую землю, отнятые отъ Москвы въ смутное время. Сверхъ того, онъ пріобрѣлъ Лѣвобережную Украйну и на правомъ берегу Днѣпра г. Кіевъ (Кіевъ былъ уступленъ поляками на два года, но остался за Москвою навсегда) [1]).

г. Конотопомъ (1659). Москва была испугана и удивлена неожиданной измѣною, но не пожелала отказаться отъ Малороссіи. Московскіе воеводы успѣли заново договориться съ новымъ гетманомъ Юріемъ Хмельницкимъ (сыномъ Богдана), который смѣнилъ Выговскаго, и Малороссія была за Москвою, пока на гетманствѣ сидѣлъ этотъ Хмельницкій.

[1]) Такимъ образомъ, по Андрусовскому договору, Малороссія осталась раздѣленною. Понятно, что это не могло удовлетворить малороссовъ. Они искали себѣ лучшей доли всякими путями— между прочимъ, думали поддаться Турціи и съ ея помощью добыть независимость отъ Москвы и Польши. Брюховецкій измѣнилъ Москвѣ и вмѣстѣ съ правобережнымъ гетманомъ Дорошенкомъ отдался султану. Результатомъ этого рискованнаго шага было вмѣшательство турокъ въ малороссійскія дѣла и ихъ набѣги на Украйну. Царь Алексѣй умеръ въ то время, когда надъ Москвою висѣла опасность турецкой войны. Такъ при этомъ государѣ малороссійскій вопросъ еще не получилъ своего разрѣшенія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Образованіе Россійской имперіи.

Эпоха реформъ Петра Великаго.

§ 96. **Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ.** Царь Алексѣй Михайловичъ умеръ въ началѣ 1676 года, всего 45—46 лѣтъ отъ роду. Послѣ него осталась большая семья. Первая жена царя Алексѣя, Марья Ильинична (§ 81), умерла ранѣе мужа, оставивъ ему двухъ сыновей, Ѳедора и Ивана, и нѣсколько дочерей. Послѣ ея кончины царь Алексѣй женился вторично, взявъ за себя воспитанницу своего друга А. С. Матвѣева (§ 89), Наталью Кирилловну Нарышкину. Въ 1672 году (30 мая) у Натальи Кирилловны родился сынъ Петръ. Такимъ образомъ при царѣ Алексѣѣ въ царскомъ семействѣ естественно образовалось два круга родныхъ. Первый состоялъ изъ всѣхъ старшихъ дѣтей царя съ ихъ ближайшею роднею Милославскими, изъ рода которыхъ происходила покойная царица Марья Ильинична. Второй кругъ составляли царица Наталья Кирилловна и ея сынъ Петръ съ ихъ приближеннымъ Матвѣевымъ и роднею Нарышкиными. Оба круга царской родни не любили другъ друга и готовы были на ссору. Только страхъ передъ царемъ Алексѣемъ сдерживалъ проявленія семейной розни и вражды.

Когда же царь Алексѣй Михайловичъ скончался и на престолъ, по московскому обычаю, вступилъ, его старшій сынъ, 14-лѣтній царевичъ Ѳедоръ Алексѣевичъ, вражда не замедлила открыться. Начались ссоры и интриги. Бояринъ Матвѣевъ, стоявшій тогда во главѣ всѣхъ дѣлъ, былъ оклеветанъ передъ царемъ и сосланъ на далекій сѣверъ (въ Пустозерскъ); Нарышкины же были удалены отъ царя. Милославскіе думали получить послѣ этого вліяніе и власть. Но государь былъ подъ сильнымъ вліяніемъ своихъ личныхъ любимцевъ и друзей (придворныхъ Ив. Макс. Языкова и Алексѣя Тим. Лихачева), которые и заняли первыя мѣста при слабомъ и молодомъ государѣ. Такимъ образомъ, рядомъ съ двумя враждовавшими придворными кругами царской родни, Милославскихъ и Нарышкиныхъ, возникъ еще третій кружокъ—бояр-

скій. Все короткое царствованіе Өедора Алексѣевича было наполнено борьбою и взаимными интригами этихъ кружковъ.

Изъ государственныхъ дѣлъ при царѣ Өедорѣ Алексѣевичѣ особенную важность имѣлъ миръ (точнѣе — перемиріе на 20 лѣтъ) съ турками, которые вмѣшались въ Малороссійскія дѣла еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича (§ 95). Они предъявили свои права на правобережную Украйну и пытались занять столицу правобережныхъ гетмановъ — г. Чигиринъ. Московскіе воеводы отдали имъ Чигиринъ лишь послѣ упорной обороны. Такъ какъ долгая война за Украйну и постоянные набѣги татаръ и турокъ совсѣмъ разорили правый берегъ Днѣпра, то правобережное казачество стало уходить оттуда и массами переселялось на востокъ, на лѣвую сторону Днѣпра, въ область Сѣв. Донца (Слободская украйна). Московское правительство не дорожило поэтому опустошенными правобережными областями и легко уступило ихъ (кромѣ Кіева) султану. Такъ, наконецъ, завершилась (1681) борьба за Малороссію, тянувшаяся болѣе двадцати лѣтъ.

Во внутренней Московской жизни при царѣ Өедорѣ Алексѣевичѣ замѣтно было господство новыхъ культурныхъ понятій. Распространялись новые обычаи; усиливалась мода на польско-литовскіе костюмы и книги; задуманы были многія реформы. Между прочимъ, задумана была и учреждена Славяно-греко-латинская академія—высшее богословское училище, въ которомъ могли обучаться люди всѣхъ сословій. (Первыми ея преподавателями были выписанные съ востока греки— братья Лихуды).

Одновременно съ заботами о просвѣщеніи шло обсужденіе широкой военной реформы. Была сознана необходимость усиленія и улучшенія регулярныхъ войскъ иноземнаго строя, которыя получили свое начало еще при царѣ Михаилѣ Өедоровичѣ. Это дѣло было поручено просвѣщенному вельможѣ князю Вас. Вас. Голицыну (§ 89) и комиссіи выборныхъ дворянъ. Комиссія предположила, чтобы дворяне служили по новому порядку въ регулярныхъ войскахъ и оставили устарѣлый обычай мѣстничества, очень вредный для воинской дисциплины (§ 54). Государь съ сочувствіемъ отнесся къ предположеніямъ служилыхъ людей и устроилъ торжественное засѣданіе высшаго духовенства и бояръ, цѣлый «соборъ», для отмѣны мѣстничества (1682). Соборъ согласно и торже-

ственно осудилъ и отмѣнилъ «враждотворный» и «братоненавистный» обычай. Взамѣнъ стараго «государева родословца», въ которомъ были записаны знатные московскіе роды, приказано было составить новыя «родословныя книги» для всего потомственнаго дворянства.

Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ скончался въ апрѣлѣ 1682 года, всего 20 лѣтъ отъ роду, и Москва осталась безъ прямого наслѣдника престола.

§ 97. **Событія 1682 года.** По общему мнѣнію, наслѣдовать Ѳедору долженъ бы былъ слѣдующій за нимъ его братъ Иванъ. Но 15-лѣтній Иванъ былъ очень болѣзненъ и малоуменъ и, конечно, не могъ принять власти. Зная это, любимцы царя Ѳедора (Языковъ, Лихачевъ и др.), предъ кончиною царя, сблизились съ Нарышкиными, призвали въ Москву изъ ссылки боярина Матвѣева и устроили дѣло такъ, что тотчасъ по смерти царя Ѳедора патріархъ Іоакимъ и бояре провозгласили царемъ младшаго царевича Петра мимо старшаго Ивана. Избраніемъ младшаго брата права царевича Ивана были явно нарушены; царское избраніе было произведено безо «всей земли», безъ земскаго собора, который въ старину, въ минуты междуцарствія, одинъ имѣлъ право избирать государя. Понятно, что родные царевича Ивана, его сестры и бояре Милославскіе, не могли примириться съ происшедшимъ. Самыми умными и рѣшительными среди нихъ были царевна Софья Алексѣевна и бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій; они не любили стѣсняться въ средствахъ и потому не остановились передъ открытою смутою. Противъ своихъ недруговъ они подняли стрѣлецкое войско.

Стрѣлецкое войско, составлявшее тогда гарнизонъ Москвы, дѣлилось на полки (или «приказы»). Каждый полкъ жилъ въ томъ или другомъ кварталѣ Москвы (всего болѣе—въ Замоскворѣчьѣ) особою «слободою». Стрѣльцы съ своими семьями помѣщались въ отдѣльныхъ дворахъ, вели свое хозяйство, занимались торгомъ и промыслами въ свободное отъ службы время. Каждый полкъ (или приказъ) стрѣльцовъ управлялся своимъ полковникомъ, по имени котораго и назывался. Всѣми же стрѣльцами вѣдалъ особый Стрѣлецкій приказъ, во главѣ котораго въ то время стоялъ дряхлый старикъ князь Юрій Долгоруковъ. Въ послѣдніе дни царя Ѳедора Алексѣевича среди стрѣльцовъ обнаружилось недовольство на то, что ихъ пол-

ковники допускали злоупотребленія: заставляли стрѣльцовъ работать на себя; задерживали выдачу имъ жалованья, утаивали часть его въ свою пользу и т. п. Стрѣльцы жаловались на полковниковъ и получили право взыскивать съ нихъ свои убытки; это повело къ открытымъ безпорядкамъ въ стрѣлецкихъ слободахъ. Стрѣльцы утратили дисциплину и стали насильничать надъ своими начальниками. Такимъ-то настроеніемъ стрѣльцовъ и воспользовались Милославскіе. Стрѣльцамъ дали знать, что во дворцѣ бояре завели измѣну и что царевича Ивана уже задушили; въ руки стрѣльцамъ дали и списокъ «измѣнниковъ-бояръ». (Нарышкиныхъ главнымъ образомъ). Стрѣльцы повѣрили и начали мятежъ.

15-го мая 1682 года они вооруженною толпою пришли въ Кремль ко дворцу. Царица Наталья Кирилловна вывела на Красное крыльцо дворца царя Петра и царевича Ивана и показала ихъ стрѣльцамъ живыхъ и благополучныхъ. Самъ Иванъ успокоивалъ мятежниковъ, говоря, что его никто не изводитъ. Однако стрѣльцы не успокоились, вломились во дворецъ и на глазахъ у царской семьи звѣрски убили Матвѣева и многихъ Нарышкиныхъ, родственниковъ царицы Натальи. Они разошлись и по всей Москвѣ, вездѣ муча и убивая обреченныхъ на погибель бояръ. То же продолжалось и на другой, и на третій день, пока не были избиты всѣ «измѣнники». Затѣмъ стрѣльцы потребовали, чтобы царевичъ Иванъ царствовалъ вмѣстѣ съ братомъ Петромъ и чтобы за несовершеннолѣтнихъ братьевъ правила государствомъ царевна Софья (а не царица Наталья). Это было исполнено. Наступило такимъ образомъ двоецарствіе и началось правленіе Софьи съ Милославскими. Всѣ ихъ недруги и противники были избиты или сосланы; всѣ высшія должности были въ ихъ рукахъ. Надъ стрѣлецкимъ войскомъ вмѣсто убитаго стрѣльцами князя Ю. Долгорукова былъ поставленъ князь Ив. Андр. Хованскій.

Сторона Милославскихъ добилась такимъ образомъ полнаго успѣха. Однако успокоенія въ Москвѣ не наступило. Нѣкоторые ревнители «старой вѣры» сообразили, что и имъ можно попробовать воспользоваться возбужденіемъ стрѣльцовъ и съ ихъ помощью попытаться отмѣнить Никоновы новшества. Въ стрѣлецкихъ слободахъ начались проповѣди и поученія; стрѣльцовъ всячески возбуждали вступиться за старую вѣру. Хован-

скій какъ будто поддерживалъ старовѣровъ. Съ его помощью, по просьбѣ стрѣльцовъ, въ Грановитой палатѣ (§ 49) устроено было торжественное собраніе духовенства, въ присутствіи царей и правительницы, для преній о вѣрѣ. Расколоучители (между которыми всѣхъ виднѣе былъ священникъ Никита, прозвищемъ Пустосвятъ) вели себя на собраніи дерзко. Конечно, за одинъ разъ нельзя было рѣшить сложный вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ стараго и новаго обряда. Однако старовѣры, выйдя изъ Грановитой палаты, кричали на улицахъ, что они побѣдили, и приглашали народъ креститься двумя перстами. Соблазнъ былъ очень великъ, и правительница Софья упросила стрѣлецкихъ офицеровъ переловить расколоучителей; нѣкоторыхъ изъ нихъ (Никиту) даже казнили. Движеніе было такимъ образомъ подавлено, и вопросъ о вѣрѣ заглохъ. Но поднялась новая тревога. По Москвѣ пошелъ слухъ, что князь Хованскій съ помощью своихъ стрѣльцовъ хочетъ погубить царей и Софью и сѣсть на Московское царство. Хованскій, дѣйствительно, держалъ себя безтактно, дѣлая видъ, что онъ одинъ только и можетъ управиться съ буйными стрѣльцами и поддерживать въ Москвѣ порядокъ. Царская семья испугалась, выѣхала изъ Москвы въ «потѣшныя» (дачныя) села и окружила себя дворянскими отрядами. Князь Хованскій съ сыномъ были вызваны къ правительницѣ изъ Москвы, обвинены во многихъ злоумышленіяхъ и казнены. Противъ же стрѣльцовъ къ Москвѣ были двинуты вооруженныя силы, такъ какъ была боязнь новаго стрѣлецкаго бунта. Однако испуганные стрѣльцы не поднялись; напротивъ, они принесли повинную во всѣхъ своихъ буйствахъ. Стрѣлецкое движеніе прекратилось, и въ концѣ 1682 года царевна Софья съ братомъ Иваномъ возвратилась въ московскій дворецъ. Царь же Петръ съ матерью продолжалъ съ тѣхъ поръ обычно жить въ подмосковныхъ селахъ (всего больше—въ селѣ Преображенскомъ).

§ 98. **Воспитаніе Петра Великаго.** Тревоги и смуты оказали сильное вліяніе на характеръ и жизнь маленькаго царя Петра Алексѣевича. До смерти своего отца, царя Алексѣя, Петръ жилъ баловнемъ въ царской семьѣ, составляя предметъ любви и нѣжныхъ заботъ своихъ родителей. Ему было всего 3½ года, когда умеръ его отецъ. Царь Θедоръ былъ крестнымъ отцомъ своего маленькаго брата и очень его любилъ.

Онъ держалъ Петра при себѣ въ большомъ московскомъ дворцѣ и заботился о его ученіи. Лѣтъ пяти Петра начали обучать грамотѣ. Царь Ѳедоръ самъ выбралъ ему учителя, дьяка Никиту Зотова, и Петръ съ нимъ выучился читать. Съ нимъ же, вѣроятно, началъ Петръ и писать (но никогда не пріобрѣлъ четкаго почерка) [1]). За обученіемъ у Зотова должна была слѣдовать схоластическая наука, съ которою знакомились уже старшіе братья и даже сестры Петра подъ руководствомъ кіевскихъ монаховъ (§ 89). Петру предстояло изучать грамматику и философію, латинскую и греческую грамоту и, вѣроятно, польскій языкъ. Но предъ началомъ этого «грамматичнаго ученія» умеръ царь Ѳедоръ и произошла смута 1682 года. Благодаря ей Петръ остался безъ образованія. Между нимъ и его матерью, съ одной стороны, и Софьей и Милославскими, съ другой, произошелъ открытый разрывъ. Бывшіе въ Москвѣ кіевскіе ученые всѣ пользовались покровительствомъ Софьи и казались ея пріятелями и приверженцами. Поэтому царица Наталья не имѣла склонности допускать ихъ къ Петру и не учила его. А Софья, въ свою очередь, не имѣла желанія заботиться объ образованіи нелюбимаго брата, и Петръ оставался въ извѣстномъ смыслѣ неучемъ.

Это было однимъ изъ послѣдствій тяжелой смуты 1682 года. Были еще и другія. Во время стрѣлецкаго мятежа Петръ своими глазами видѣлъ гибель своихъ родныхъ и близкихъ, поневолѣ смотрѣлъ на ихъ мученія и кровь, трепеталъ за свою мать и за себя. Цѣлое лѣто жилъ онъ въ страхѣ стрѣлецкихъ насилій, цѣлую осень съ своими родными странствовалъ кругомъ Москвы и жилъ въ стѣнахъ Троице-Сергіева монастыря, боясь, какъ и Софья, въѣхать въ безпокойную Москву. Пережитые имъ ужасы онъ не могъ забыть во всю свою жизнь и никогда не любилъ жить въ московскомъ дворцѣ, залитомъ кровью его близкихъ. Когда въ концѣ 1682 года Софья справилась со стрѣльцами и водворилась въ Москвѣ, для Петра и

---

[1]) Учился ли Петръ у Зотова еще чему-нибудь, остается неизвѣстнымъ; сохранилось лишь преданіе о томъ, что Зотовъ показывалъ царевичу много „потѣшныхъ листовъ“, то-есть картинокъ историческаго и бытового содержанія, привозимыхъ въ Москву изъ-за границы и продаваемыхъ въ торговыхъ рядахъ, гдѣ ихъ и покупали для царевича.

его матери страхи и опасности не прекратились. Хотя Петръ и носилъ царскій титулъ, однако онъ не царствовалъ на самомъ дѣлѣ; мало того, онъ былъ опальнымъ человѣкомъ, которому какъ бы не было мѣста въ Москвѣ. Мать Петра была вынуждена жить съ сыномъ въ подмосковныхъ селахъ (Преображенскомъ, Коломенскомъ), вдали отъ большого двора, въ нѣкоторомъ пренебреженіи и униженіи отъ Софьи. Она постоянно ожидала зла себѣ и своему сыну. Немудрено, что и самъ Петръ боялся и не любилъ всего того, что окружало Софью и служило ей. Онъ сталъ чуждъ и враждебенъ той обычной дворцовой обстановкѣ, въ которой росли и жили его старшіе братья и сестры; онъ не зналъ и не желалъ знать обычнаго «чина» (порядка) московской придворной жизни. И въ этомъ смыслѣ онъ также вышелъ неблаговоспитаннымъ человѣкомъ, казался неучемъ.

Жизнь маленькаго царя Петра въ подмосковныхъ потѣшныхъ селахъ сложилась очень своеобразно. Потѣшные дворцы бывали обыкновенно невелики; вмѣсто большого придворнаго штата тамъ была немногочисленная дворня; дворъ и садъ царскіе граничили съ крестьянскимъ селомъ. Это были условія обычной боярской усадьбы, и Петръ росъ въ потѣшныхъ селахъ, какъ простой дворянинъ. Въ своихъ играхъ онъ собиралъ кругомъ себя не только дѣтей бояръ и дворянъ, но и дворовыхъ и крестьянскихъ ребятишекъ; изъ царскихъ хоромъ онъ легко выбѣгалъ на дворъ, на село и въ окрестныя поля и рощи. Московскіе царевичи выростали обыкновенно въ тѣсныхъ кремлевскихъ хоромахъ; Петръ росъ на просторѣ подмосковной деревни. Поэтому-то дѣтскія забавы Петра пріобрѣли свой особый характеръ. Онъ рано началъ играть въ войну не только въ хоромахъ, но и на полѣ. На берегу Яузы (притока р. Москвы), у с. Преображенскаго, онъ построилъ себѣ «потѣшную» крѣпость (Пресбургъ) и около нея собралъ цѣлую дружину «потѣшныхъ» воиновъ. Сначала это былъ простой сбродъ—«преображенскіе конюхи», какъ выражалась Софья. Потомъ этой компаніи Петръ придалъ форму двухъ солдатскихъ полковъ (Преображенскаго—въ с. Преображенскомъ и Семеновскаго—въ сосѣднемъ селѣ Семеновскомъ), и понемногу изъ «потѣшныхъ» полковъ образовались у Петра полки настоящіе, положившіе впослѣдствіи начало нашей гвардіи. Полевая забава Петра, именно потому, что она раз-

вилась на просторѣ полей, получила широкіе размѣры и серьезное значеніе. Петръ понемногу уразумѣлъ серьезную сторону военнаго дѣла и сталъ учиться инженерному и артиллерійскому искусству. Разумѣется, ему пришлось начать эту науку, такъ сказать, съ азбуки и по доброй волѣ засѣсть за ариѳметику и геометрію. Какъ только маленькій царь пожелалъ изучать военную технику, около него неизбѣжно, по общему московскому порядку, должны были появиться учители-«нѣмцы» (то-есть западно-европейцы), которые тогда были инструкторами и начальниками регулярныхъ московскихъ полковъ (§ 79).

Близость этихъ «нѣмцевъ» къ Петру не должна намъ казаться удивительною и необычною. Московскій дворъ въ то время широко пользовался услугами западно-европейцевъ. Маленькаго Петра лѣчили доктора-нѣмцы; въ вычурныхъ садахъ царя Алексѣя онъ видѣлъ нѣмцевъ-садовниковъ; всякія техническія подѣлки во дворцахъ исполнялись мастерами-нѣмцами. Мать Петра Великаго, царица Наталья, выросла у своего воспитателя А. С. Матвѣева въ пріязни къ нѣмцамъ; боясь близкихъ къ Софьѣ ученыхъ кіевлянъ, она не страшилась нѣмцевъ и допускала ихъ къ сыну. Наконецъ, Нѣмецкая слобода, гдѣ жили нѣмцы, была расположена очень близко отъ села Преображенскаго; было очень просто и легко послать туда за всякимъ дѣломъ и позвать оттуда свѣдущихъ и искусныхъ нѣмцевъ по первому же слову царя Петра. Такимъ образомъ нѣмцы изъ слободы помогали царю строить его крѣпость; голландецъ Тиммерманъ училъ Петра ариѳметикѣ, геометріи и фортификаціи; голландецъ же Брантъ обучалъ его плавать подъ парусами. Подъ вліяніемъ своихъ забавъ и учителей-нѣмцевъ Петръ мало-по-малу обращался въ военнаго техника и любителя-моряка. Не было у него общепринятаго тогда схоластическаго образованія, а были какія-то особыя, совсѣмъ необычныя познанія, какіе-то странные, совсѣмъ не царскіе вкусы. Молодой государь представлялъ собою необыкновенный для московскаго общества культурный типъ.

Многое въ характерѣ и въ жизни молодого царя Петра вызывало осужденіе окружающихъ. Осуждали въ немъ его необразованность и невоспитанность, его пристрастіе къ забавамъ. Въ особенности странною представлялась страсть Петра къ лодкамъ и кораблямъ: послѣ того, какъ Петръ нашелъ въ

селѣ Измайловѣ заброшенный мореходный ботикъ («дѣдушку русскаго флота») и научился плавать на немъ, онъ весь ушелъ въ это новое дѣло и началъ строить себѣ суда на большомъ Переяславскомъ озерѣ. Конечно, это казалось многимъ пустою и странною забавой, не подходящею для подроставшаго государя. Осуждали въ Петрѣ и его особую близость къ нѣмцамъ. Петръ съ теченіемъ времени сталъ часто бывать въ Нѣмецкой слободѣ. Тамъ онъ свелъ близкое знакомство съ нѣкоторыми изъ обитателей слободы, сиживалъ у нихъ въ гостяхъ, принималъ участіе въ ихъ увеселеніяхъ. Особенно сблизился онъ съ шотландцемъ Гордономъ, генераломъ русской службы, ученымъ и серьезнымъ человѣкомъ, и со швейцарцемъ Лефортомъ, полковникомъ, человѣкомъ очень способнымъ и веселымъ. Подъ вліяніемъ Лефорта Петръ, по мнѣнію многихъ, отсталъ отъ русскихъ обычаевъ и привыкъ къ шумнымъ пирамъ и разгулу. Къ сожалѣнію, состоявшій при Петрѣ «дядькою» (воспитателемъ) князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ и учитель Петра, Никита Зотовъ, въ этомъ отношеніи сами не были безгрѣшны и не могли удержать молодого Петра отъ кутежей и шумныхъ пирушекъ.

Итакъ, вслѣдствіе особыхъ неблагопріятныхъ условій своего дѣтства, Петръ остался безъ правильнаго образованія и воспитанія и вмѣсто богословско-схоластическихъ познаній пріобрѣлъ военно-техническія. Не было у него любви къ старымъ обычаямъ и порядкамъ; не было никакого видимаго интереса къ дѣламъ государственнымъ и придворнымъ. Петръ весь ушелъ въ свои забавы, все свое время употреблялъ на «потѣхи Марсовы и Нептуновы». Его громадныя умственныя способности находили пока примѣненіе въ тѣсномъ кругу полудѣтскихъ затѣй и были замѣтны для немногихъ. Вообще же московскіе люди считали Петра несерьезнымъ и пустымъ человѣкомъ, отъ котораго нельзя было ждать проку. А между тѣмъ, подходила пора его совершеннолѣтія, приближался конецъ опеки царевны Софьи надъ царями и царствомъ. Чтобы отвлечь сына отъ пустыхъ забавъ и сдѣлать его болѣе солиднымъ, царица Наталья задумала женить Петра и нашла ему невѣсту по своему вкусу—Евдокію Ѳедоровну Лопухину. Въ началѣ 1689 года Петръ женился, но не измѣнилъ своихъ привычекъ: легко оставлялъ мать и жену и всего болѣе интересовался постройкою судовъ въ Переяславлѣ и воинскими забавами.

Такъ подошло его совершеннолѣтіе (30 мая 1689 года), когда его мать и родные заставили его начать борьбу съ сестрою Софьею за власть.

§ 99. **Правленіе и низверженіе царевны Софьи.** Начавшееся въ 1682 году правленіе царевны Софьи продолжалось семь лѣтъ. Главную роль при ней игралъ князь В. В. Голицынъ (§ 89). Подъ его вліяніемъ находилось какъ управленіе внутреннее, такъ и внѣшняя политика. Внутреннія мѣропріятія отличались вообще замѣтными чертами гуманности, потому что просвѣщенный Голицынъ былъ склоненъ дѣйствовать мягко и, какъ говорятъ, мечталъ о широкихъ преобразованіяхъ, между прочимъ, объ освобожденіи крестьянъ отъ власти помѣщиковъ. Во внѣшней политикѣ удалось достигнуть важнаго успѣха, именно, заключить съ Рѣчью Посполитою въ 1686 году вѣчный миръ на условіяхъ Андрусовскаго перемирія 1667 года (§ 95). Польскій король Янъ Собѣскій согласился на вѣчную уступку Кіева Москвѣ лишь подъ вліяніемъ тяжелыхъ обстоятельствъ трудной борьбы съ турками и выговорилъ за то у Москвы обязательство помогать ему противъ турокъ и татаръ. Обязательство это надо было исполнить: московскія войска, подъ начальствомъ кн. В. В. Голицына, два раза (въ 1687 и 1689 годахъ) ходили на Крымъ, и оба раза неудачно. Большія и тяжелыя ополченія москвичей, не приспособленныя для степныхъ походовъ, дошли до Перекопскаго перешейка, но не могли долго держаться въ голой степи и повернули назадъ, не побѣдивъ татаръ, скрывшихся за Перекопью [1]).

Неудача Крымскихъ походовъ подала удобный поводъ къ ропоту и обвиненіямъ со стороны противниковъ Софьи. Какъ разъ въ эту пору младшему изъ царей, Петру, исполнилось 17 лѣтъ: онъ сталъ совершеннолѣтнимъ и могъ уже самъ съ братомъ Иваномъ править государствомъ. Это грозило Софьѣ

---

[1]) Въ правленіе Софьи замѣчателенъ договоръ съ Китаемъ, до границъ котораго дошла тогда русская колонизація. Въ теченіе XVII вѣка русскіе добрались черезъ всю Сибирь до береговъ Тихаго океана, обогнули на судахъ сѣверо-восточную оконечность Азіи (Семенъ Дежневъ) и заняли Камчатку. Отъ мелкихъ и дикихъ племенъ они не встрѣчали сопротивленія. Но на р. Амурѣ русскіе столкнулись съ китайцами. Возникшая вражда была погашена Нерчинскимъ договоромъ (1689), по которому русскіе отступились отъ береговъ Амура въ пользу китайцевъ.

близкимъ переворотомъ. Опасаясь переворота, Софья попыталась изъ временной «правительницы» обратиться въ постоянную «самодержицу», соправительницу царей. Назначенный послѣ князя Хованскаго (въ 1682 году) начальникомъ всѣхъ стрѣльцовъ, думный дьякъ Ѳедоръ Шакловитый, человѣкъ крутой, рѣшительный и ловкій, держалъ стрѣльцовъ въ полномъ повиновеніи. Полагаясь на него, Софья думала повести дѣло такъ, чтобы стрѣльцы подали ей челобитье—не оставлять правленія, вѣнчаться царскимъ вѣнцомъ и стать самодержицею. Однако старанія Шакловитаго возбудить стрѣльцовъ не имѣли успѣха: стрѣльцы челобитья не подали. Дѣло это разгласилось, и противная Софьѣ сторона царя Петра тогда рѣшила дѣйствовать. Лѣтомъ 1689 года начались открытыя ссоры царя Петра съ Софьею и закипѣла между ними острая вражда. Софья опасалась прямого нападенія на себя Петра съ его потѣшными «конюхами», и потому держала вокругъ себя въ Москвѣ усиленные караулы стрѣльцовъ. Уступить Петру и отказаться отъ правленія она и не думала. Петръ также боялся покушенія на себя стрѣльцовъ; опасалась за сына и царица Наталья. Когда въ августѣ 1689 года въ Преображенскомъ ночью получено было извѣстіе, что въ Москвѣ на улицахъ собраны сильные отряды стрѣльцовъ, приближенные разбудили Петра и страшно напугали царя крикомъ, что стрѣльцы идутъ его убить. Петръ раздѣтый ускакалъ въ ближайшую рощу, тамъ одѣлся и помчался оттуда въ Троице-Сергіевъ монастырь, куда пріѣхалъ чуть живой отъ усталости и волненія. Страхи оказались ложными, но отъ нихъ Петръ началъ страдать постояннымъ нервнымъ недугомъ: у него появились подергиванія щеки, непроизвольныя движенія головы и нѣкоторая неправильность походки: онъ, по тогдашнему выраженію, «голову запрометывалъ и ногою запинался».

Съ отъѣздомъ Петра къ Троицѣ началась открытая усобица. Къ царю въ крѣпкій монастырь пріѣхали его мать и жена; съѣхались родственники и бояре, отставшіе отъ Софьи; пришли потѣшные полки, также стрѣльцы полка Сухарева. Постепенно туда же подходили регулярные солдатскіе полки и съѣзжались дворяне. У Петра оказывалась громадная сила. Софья съ братомъ Иваномъ сидѣла въ Москвѣ, окруженная недоумѣвающими стрѣльцами. Скоро выяснилось, что у нея нѣтъ силъ бороться съ Петромъ: отъ нея уѣхалъ патріархъ

Іоакимъ, другъ за другомъ уѣзжали бояре, стали уходить и стрѣльцы. Всѣ чувствовали, что право на сторонѣ Петра. Петръ побѣдилъ безъ боя. Князь В. В. Голицынъ былъ арестованъ и сосланъ; Шакловитаго и нѣкоторыхъ близкихъ къ нему стрѣльцовъ казнили. Софьѣ указано было уѣхать изъ дворца въ подмосковный Новодѣвичій монастырь. Петръ особымъ посланіемъ пригласилъ брата Ивана «царствіе править самимъ». На дѣлѣ же, вслѣдствіе полной неспособности и безгласности царя Ивана, правленіе всецѣло перешло въ руки Петра, его родныхъ и близкихъ. Такъ совершился переворотъ 1689 года.

§ 100. **Годы 1689—1694.** Въ первое время послѣ низверженія Софьи Петръ мало интересовался государственными дѣлами и все свое время посвящалъ либо маневрамъ съ своими потѣшными, либо плаванію на корабляхъ и кораблестроенію. Свои «Нептуновы потѣхи» молодой государь перенесъ съ Переяславскаго озера въ Архангельскъ. Море произвело глубокое впечатлѣніе на Петра и неудержимо стало тянуть его къ себѣ.

Между тѣмъ управленіе государствомъ оставалось въ рукахъ царицы Натальи, ея родныхъ и патріарха. Они дали дѣламъ такое направленіе, которое не могло нравиться самому Петру. Государь дружилъ съ иноземцами; а правительство, напротивъ, стало къ нимъ и къ кіевлянамъ очень холодно. Въ особенности патріархъ Іоакимъ вооружался противъ нихъ. Въ правленіе Софьи патріарху пришлось видѣть много непріятностей отъ выѣзжихъ кіевлянъ и ихъ московскихъ друзей. Кіевляне свободно распространяли въ Москвѣ свои церковные обычаи и высказывали мнѣнія, иногда отличавшіяся отъ московскихъ [1]). Іоакимъ поставилъ дѣло такъ, что созванный

[1]) Между прочимъ, они по-католически опредѣляли то время, когда совершается за литургіей пресуществленіе даровъ въ тѣло и кровь Христову. Это мнѣніе возбудило въ Москвѣ большіе споры Главнымъ его защитникомъ явился московскій ученый, подьячій Семенъ Медвѣдевъ (постригшійся въ монахи съ именемъ Сильвестра), другъ Ѳ. Шакловитаго. Ученіе Медвѣдева повело къ очень оживленнымъ толкамъ и спорамъ, даже между простымъ народомъ, который хотѣлъ точно знать, когда правильнѣе надлежитъ звонить „къ достойной", въ минуту пресуществленія даровъ. Когда Шакловитый и кн. Голицынъ были схвачены, Медвѣдевъ былъ арестованъ (и потомъ казненъ) а его ересь была осуждена на церковномъ соборѣ 1690 года.

имъ соборъ 1690 года заподозрилъ правовѣріе кіевскаго духовенства, и съ тѣхъ поръ кіевскіе монахи и кіевскіе ученые потеряли свое привилегированное положеніе въ Московскомъ государствѣ и какъ бы подверглись гоненію. Вмѣстѣ съ тѣмъ и другіе иноземцы перестали пользоваться покровительствомъ въ московскомъ дворцѣ.

Патріархъ Іоакимъ умеръ въ 1690 году. Духовенство избрало на патріаршество одного изъ московскихъ архіереевъ, Адріана, столь же враждебнаго новшествамъ, какъ и Іоакимъ. За Адріана, была мать царя Петра. Она продолжала, безъ всякаго видимаго участія сына, править государствомъ до самой своей смерти, которая послѣдовала въ 1694 году.

§ 101. **Азовскіе походы и флотъ. Кумпанства и великое посольство.** Смерть матери заставила царя Петра самого приняться за дѣла управленія. Ему въ ту пору было уже 22 года. Предстояла новая война противъ турокъ и татаръ въ исполненіе договора съ королемъ Яномъ Собѣскимъ 1686 года. Петръ видѣлъ неудачу двухъ московскихъ походовъ противъ Крыма и не хотѣлъ повторять эту затѣю. Онъ принялъ другое рѣшеніе — идти на турецкую крѣпость Азовъ въ устьяхъ Дона. Въ такомъ рѣшеніи не было ничего необычайнаго: еще при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ въ Москвѣ шли рѣчи объ Азовѣ (§ 80). Въ Москвѣ всегда понимали важное значеніе этой крѣпости, служившей какъ бы ключомъ къ морю для всего Дона. Весною 1695 года, для того, чтобы замаскировать свое движеніе къ Азову, Петръ послалъ на низовья Днѣпра большое войско, угрожавшее оттуда походомъ на Крымъ; а самъ съ регулярными полками по Дону и Волгѣ направился къ Азову. Осада Азова затянулась до осени 1695 года и не имѣла успѣха, потому что крѣпость получала съ моря водою припасы и подкрѣпленія и могла держаться. Петръ самъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ. Онъ понялъ причины своей неудачи и, когда вернулся въ Москву, началъ немедля готовиться къ новому походу, проявивъ необыкновенную энергію и упорство. Онъ задумалъ построить флотъ, который помогъ бы осадить Азовъ и съ моря. На рѣкѣ Воронежѣ, подъ г. Воронежемъ, была устроена верфь для судовъ; шли работы и въ самой Москвѣ, и въ другихъ городахъ: вездѣ готовили части судовъ и снасти. Весною въ Воронежѣ былъ готовъ «морской караванъ» въ 30 воен-

ныхъ судовъ и собраны сотни рѣчныхъ струговъ и плотовъ. Московская рать съ флотомъ явилась къ лѣту 1696 года подъ Азовомъ и, окруживъ его, крѣпко осадила и скоро взяла. Это былъ громадный и неожиданный успѣхъ. Молодой государь и его пріятели, Гордонъ, Лефортъ и другіе, оказались способны не только на потѣхи, но и на подвиги.

Побѣда окрылила Петра и внушила ему широкіе планы. Онъ сталъ мечтать о постройкѣ большого флота и объ изгнаніи турокъ изъ Европы силами соединенныхъ въ одинъ союзъ европейскихъ народовъ. По свойству своего характера, Петръ началъ немедля приводить въ исполненіе то, что̀ задумалъ, съ тѣмъ большею свободою, что съ 1696 года онъ остался единодержавнымъ государемъ; царь Іоаннъ скончался передъ вторымъ Азовскимъ походомъ, оставивъ послѣ себя лишь дочерей.

Постройка новаго флота получила характеръ особой общенародной повинности. Было указано, чтобы къ 1698 году съ опредѣленнаго количества крестьянскихъ дворовъ землевладѣльцы (свѣтскіе — съ 10 тысячъ дворовъ, а церковные — съ 8 тысячъ) выстроили по одному оснащенному и вооруженному кораблю; всѣ же вообще горожане (посадскіе люди) должны были построить общими силами 12 кораблей. Для того, чтобы сговориться, кому съ кѣмъ вмѣстѣ строить корабль, помѣщики и вотчинники должны были немедля собраться въ Москвѣ и образовать «кумпанства» [1]). Поставивъ такъ круто хозяйственную сторону дѣла, Петръ не менѣе круто и быстро повелъ техническую часть дѣла. Въ Воронежѣ были устроены верфи; на нихъ свозили матеріалъ и собирали рабочій народъ; туда выписывали изъ-за границы корабельныхъ мастеровъ и всякихъ техниковъ. Для того же, чтобы приготовить въ будущій флотъ своихъ русскихъ моряковъ, кораблестроителей и мореходовъ, Петръ рѣшилъ (1697) для «навигацкой науки» послать за границу 50 человѣкъ изъ придворной родовитой молодежи.

---

[1]) Полная стоимость корабля опредѣлялась въ 10.000 рублей, и каждый дворъ среднимъ числомъ долженъ былъ внести въ кумпанство 1 рубль или 1 р. 20 к., — сумма по тому времени очень большая. А всего на новый флотъ (до 50 кораблей) требовалось полмилліона рублей: какъ это много, можно видѣть изъ того, что̀ весь ежегодный доходъ государства тогда равнялся лишь 2 милліонамъ рублей.

Другую свою мечту—о союзѣ христіанскихъ державъ противъ турокъ и татаръ—Петръ думалъ осуществить путемъ переговоровъ. Онъ задумалъ послать великое (чрезвычайное) посольство въ Германію, Голландію, Англію, Римъ и Венецію для «подтвержденія древней дружбы и любви» и для заключенія союза противъ турокъ. Послами онъ назначилъ Лефорта и Ѳ. А. Головина и далъ имъ большую свиту. Съ удивленіемъ узнали въ Москвѣ, что и самъ царь хочетъ ѣхать за границу въ этой свитѣ. Дѣйствительно, поручивъ государство своимъ близкимъ людямъ (князю Ѳедору Ромодановскому и др.), Петръ весною 1697 года отправился за границу вмѣстѣ съ послами, скрывъ себя въ ихъ свитѣ подъ именемъ «Преображенскаго полка урядника Петра Михайлова».

Всѣ эти дѣла и затѣи молодого государя были такъ необычны, а его личное поведеніе такъ мало походило на привычный царскій «чинъ», что противъ Петра сталъ въ эту пору раздаваться уже явный ропотъ. Созрѣлъ, повидимому, даже заговоръ на жизнь Петра. Стрѣлецкій полковникъ Иванъ Цыклеръ и родовитые дворяне Алексѣй Соковнинъ и Ѳедоръ Пушкинъ были уличены въ томъ, что искали случая убить Петра. Вотъ почему передъ отъѣздомъ за границу Петръ принимаетъ особыя мѣры предосторожности; между прочимъ, стрѣлецкіе полки высылаются изъ Москвы въ Азовъ и на литовско-польскую границу.

§ 102. **Заграничное путешествіе Петра Великаго**. Заграничное путешествіе Петра Великаго имѣло очень большое значеніе. Во-первыхъ, пребываніе въ чужихъ краяхъ въ теченіе полутора года окончательно выработало личность и направленіе самого Петра. Онъ получилъ много полезныхъ знаній, привыкъ къ культурнымъ формамъ европейской жизни, умственно созрѣлъ и сталъ европейцемъ по духу. Во-вторыхъ, Петръ за границей узналъ дѣйствительныя политическія отношенія державъ и вмѣсто несбыточныхъ мечтаній объ изгнаніи турокъ въ Азію усвоилъ себѣ трезвый планъ борьбы со Швеціей за Балтійское побережье, утраченное его предками.

Великое посольство, а съ нимъ и Петръ, выѣхали изъ Москвы весною 1697 года. Путь ихъ лежалъ на Балтійское море. Въ Ригѣ шведскія власти очень сухо встрѣтили русскихъ. Зато въ Курляндіи пріемъ былъ привѣтливѣе, а въ Пруссіи (тогда еще курфюршествѣ Бранденбургскомъ) кур-

фюрстъ Фридрихъ встрѣтилъ Петра очень радушно. Правда, воевать съ турками онъ отказался, посовѣтовавъ Петру войну со шведами. Но самого Петра онъ очаровалъ своею любезностью. Изъ Пруссіи Петръ поѣхалъ въ Голландію сухимъ путемъ. На дорогѣ онъ встрѣтился съ женою и тещею курфюрста, и тѣ, проведя съ Петромъ цѣлый вечеръ, дали любопытное описаніе его наружности и манеръ. Ихъ удивилъ его умъ и живость, поразила невоспитанность. «Онъ очень хорошій и очень дурной», выразились онѣ: прекрасна натура, дурно воспитаніе. Такое же впечатлѣніе замѣчательнаго, но невыдержаннаго человѣка произвелъ Петръ и въ Голландіи. Съ немногими «денщика́ми» (адъюта́нтами), опередивъ посольство, Петръ пріѣхалъ въ голландскій городокъ Саардамъ, въ которомъ было развито кораблестроеніе и изъ котораго мастера работали у Петра въ Москвѣ. Тамъ онъ немедля поступилъ на верфь, какъ простой плотникъ, жилъ въ маленькомъ домишкѣ, одѣвался какъ рабочій. Однако саардамцы узнали царя, и Петръ сталъ предметомъ всеобщаго любопытства. Онъ могъ выжить въ Саардамѣ всего 8 дней и долженъ былъ уѣхать оттуда въ Амстердамъ. Въ Амстердамѣ дѣло пошло лучше. На одной изъ самыхъ большихъ ве́рфей Петръ работалъ, какъ простой мастеръ, болѣе 4-хъ мѣсяцевъ и, по его словамъ, «своими трудами и мастерствомъ новый корабль построилъ и на воду спустилъ». Но, трудясь на верфи, узналъ онъ, что въ Голландіи научной теоріи кораблестроенія не существуетъ. За этою наукою Петръ бросился въ Англію и въ англійскомъ городкѣ Дептфордѣ, на казенной ве́рфи, «черезъ четыре мѣсяца о́нную науку око́нчилъ». Такъ онъ самъ впослѣдствіи писалъ о своихъ занятіяхъ за границей. Кромѣ «навигацкаго дѣла», Петръ въ Голландіи и Англіи увлекался всѣмъ, что его занимало: смотрѣлъ музе́и и фабрики, слушалъ ле́кціи, посѣщалъ госпитали, учился гравировать, учился лите́йному дѣлу. Послѣ занятій въ Англіи Петръ вернулся въ Голландію и вмѣстѣ съ своимъ великимъ посольствомъ поѣхалъ въ Вѣну. Гдѣ ни побывало это посольство, вездѣ оно терпѣло неудачу съ своей идеей общей борьбы противъ турокъ. На западѣ Европы завязалась тогда напряженная борьба Га́бсбурговъ съ Бурбо́нами, и никто не интересовался турками. Германскій императоръ искалъ мира съ нимъ, чтобы направить свои силы противъ Франціи, и по-

тому русское посольство въ Вѣнѣ не имѣло никакого успѣха. Недовольный императоромъ, Петръ собирался уже изъ Вѣны ѣхать въ Венецію, славную своимъ мореплаваніемъ, какъ вдругъ пришло изъ Москвы извѣстіе о стрѣлецкомъ возмущеніи. Петръ поспѣшилъ домой. Путь его лежалъ черезъ Польшу; тамъ встрѣтилъ его только что избранный король польскій (онъ же саксонскій курфюрстъ) Августъ. Петръ быстро сдружился съ нимъ и между ними впервые высказана была мысль о совмѣстномъ дѣйствіи противъ Швеціи. Разочарованный въ прежней мечтѣ о союзѣ противъ Турціи, Петръ легко схватываетъ новую мысль о борьбѣ за Балтійское побережье, и съ этою мыслью въ августѣ 1698 года пріѣзжаетъ въ Москву.

§ 103. **Первыя преобразованія и стрѣлецкій розыскъ.** Вернувшись изъ путешествія, Петръ сразу обнаружилъ свое новое настроеніе. Пріѣхавъ въ Москву, онъ даже не заѣхалъ въ московскій дворецъ, а прямо проѣхалъ въ свое Преображенское. Своей жены Евдокіи Ѳедоровны онъ не видѣлъ, а заглазно послалъ ей приказъ идти въ монастырь. Противъ воли отвезли ее въ Суздаль и тамъ постригли (въ Покровскомъ монастырѣ, гдѣ была пострижена жена великаго князя Василія III Ивановича, Соломонія). Сына своего, Алексѣя (родившагося въ 1690 году), Петръ отдалъ на попеченіе сестры своей, царевны Натальи.

При первомъ же пріемѣ придворныхъ въ Преображенскомъ Петръ отдалъ имъ приказъ впредь носить короткое европейское платье, вмѣсто длиннаго русскаго, и брить бороды. Онъ самъ рѣзалъ бороды и окорачивалъ кафтаны у тѣхъ, кто упрямился. Право носить бороду сохранило только духовенство и крестьянство. Горожане могли покупать это право, уплачивая извѣстную пошлину и получая ежегодно «бородовой знакъ». Съ принудительною перемѣной внѣшности узаконялось и вообще господство западно-европейскихъ обычаевъ въ русской жизни. Однимъ изъ внѣшнихъ знаковъ этого господства стало установленіе новаго лѣтосчисленія. До тѣхъ поръ въ Москвѣ считали годы отъ сотворенія міра и праздновали новый годъ «на Семень день»—1-го сентября. Отпраздновавъ 1-го сентября 1699 года наступленіе новаго 7208 года по старому счету, Петръ велѣлъ 1-го января вновь праздновать новый 1700-й годъ и впредь считать годы отъ Рождества Христова, какъ и въ прочихъ православныхъ странахъ.

Одновременно съ первыми шагами своихъ культурныхъ преобразованій Петръ началъ свой страшный стрѣлецкій розыскъ.

Стрѣлецкое возмущеніе 1698 года произошло оттого, что стрѣлецкіе полки, выведенные изъ Москвы въ Азовъ и на польскую границу, были недовольны своимъ положеніемъ. Стрѣльцы видѣли нелюбовь и недовѣріе къ нимъ царя и ожидали, что стрѣлецкое войско будетъ вовсе уничтожено. Стоя на границахъ, они роптали и посылали въ Москву за вѣстями, чего имъ ждать далѣе. Когда изъ Москвы пришли смутныя и вздорныя вѣсти, что царя въ царствѣ нѣтъ и что впереди надо ожидать только дурного, стрѣльцы не выдержали. Нѣсколько стрѣлецкихъ полковъ вышло изъ повиновенія и двинулось къ Москвѣ—къ своимъ семьямъ и хозяйствамъ. Навстрѣчу ослушникамъ изъ Москвы вышли регулярныя войска съ пушками. При первой же встрѣчѣ съ ними (у Новаго Іерусалима, или Воскресенскаго монастыря) стрѣльцы положили оружіе и побѣжали. Ихъ переловили и наказали: многихъ казнили, а прочихъ посадили подъ стражу.

Возвратясь въ Москву, Петръ нашелъ, что дѣло о стрѣльцахъ недостаточно изслѣдовано и преступники недостаточно наказаны. Начался новый «сыскъ» (слѣдствіе) и пытки. Подъ пытками нѣкоторые стрѣльцы показали, что ихъ поднимала на бунтъ царевна Софья изъ Новодѣвичьяго монастыря, гдѣ она жила. Хотя этотъ оговоръ и не былъ достаточно доказанъ, однако Петръ повѣрилъ ему. Онъ объявилъ вину сестры выборнымъ отъ народа, приглашеннымъ во дворецъ, и велѣлъ постричь Софью въ монахини въ томъ же Новодѣвичьемъ монастырѣ. Стрѣлецкое же войско Петръ рѣшилъ вовсе уничтожить. До 2.000 стрѣльцовъ было казнено смертью въ разныхъ концахъ Москвы. Остальные стрѣльцы были распущены изъ полковъ и ихъ было даже запрещено принимать въ солдаты.

§ 104. **Великая Сѣверная война. Первые годы войны.** Съ 1699 года Петръ началъ приготовленія къ войнѣ со шведами. Онъ вступилъ въ союзъ съ Августомъ II, саксонско-польскимъ королемъ и курфюрстомъ, и съ датскимъ королемъ Христіаномъ. Союзники убѣдили его, что наступило очень удобное время для дѣйствій противъ Швеціи, такъ какъ на шведскомъ престолѣ воцарился молодой и легкомысленный король Карлъ XII. Однако Петръ не рѣшался начать войну съ Карломъ, пока не будетъ заключенъ миръ съ турками. Въ

августѣ 1700 года получилъ онъ извѣстіе о томъ, что его послы въ Константинополѣ добились мира съ уступкою Азова Москвѣ,—и тотчасъ же московскія войска были двинуты къ Балтійскому морю. Началась знаменитая шведская война— на цѣлыхъ 21 годъ [1]).

Петръ осадилъ шведскую крѣпость Нарву. Въ это время обнаружилось, что король Карлъ XII обладаетъ огромной энергіей и военнымъ талантомъ. Какъ только союзники начали противъ него войну, онъ собралъ свои наличныя войска, бросился на Копенгагенъ и принудилъ датчанъ къ миру. Затѣмъ онъ направился на русскихъ къ Нарвѣ и напалъ на нихъ такъ же быстро и неожиданно, какъ на датчанъ. У Петра подъ Нарвою все его регулярное войско (до 40.000 человѣкъ) стояло укрѣпленнымъ лагеремъ на лѣвомъ берегу р. Наровы. Карлъ ворвался съ запада въ этотъ лагерь, смялъ и погналъ русскихъ къ рѣкѣ (19-го ноября 1700 года). Имѣя всего одинъ мостъ на Наровѣ, русскіе спасались вплавь и гибли. Только «потѣшные» полки Петра (Преображенскій и Семеновскій) отстоялись у моста и съ честью перешли рѣку послѣ того, какъ остальная армія бѣжала. Карлу досталась вся артиллерія и весь лагерь московскаго войска. Довольный легкою побѣдою, Карлъ счелъ силы Петра уничтоженными, пошелъ на своего третьяго врага, Августа, и этимъ сдѣлалъ крупную ошибку: Петръ быстро оправился и возстановилъ свою армію; самъ же Карлъ, по выраженію Петра, надолго «увязъ въ Польшѣ», куда отъ него укрылся Августъ.

---

[1]) Въ своемъ стремленіи овладѣть берегами Балтійскаго моря Петръ явился продолжателемъ политики всѣхъ предшествовавшихъ ему Московскихъ царей. Страшную борьбу за Балтійское побережье выдержалъ Иванъ Грозный (§ 62). То, что было потеряно при Грозномъ изъ Русскихъ земель на морскомъ берегу, возвратилъ Москвѣ царь Ѳедоръ Ивановичъ (§ 63) и снова потерялъ Василій Шуйскій (§ 70). Государи XVII вѣка не забывали этой утраты, утвержденной Столбовскимъ договоромъ 1617 года (§ 77). При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ А. Л. Ординъ-Нащокинъ особенно настаивалъ на мысли о необходимости пробиться къ Балтійскому морю, именно къ Рижскому заливу, для непосредственныхъ морскихъ сношеній съ среднею Европою. Но въ ту пору осуществленіе этой вѣковой мечты московскихъ патріотовъ было еще невозможно: царь Алексѣй всего болѣе былъ связанъ малороссійскими дѣлами и борьбою съ Рѣчью Посполитою и Турціей. При Петрѣ отношенія на югѣ установились, и онъ естественно обратилъ свой порывъ къ Балтійскимъ берегамъ, повинуясь стихійному стремленію Москвы на Западъ.

Пораженіе подъ Нарвою не привело Петра въ отчаяніе. Напротивъ, такъ же, какъ послѣ первой Азовской неудачи, онъ проявилъ громадную энергію и въ теченіе зимы 1700—1701 годовъ успѣлъ собрать новое войско и отлить до 300 новыхъ пушекъ (для которыхъ, за недостаткомъ въ государствѣ мѣди, брали даже церковные колокола). Увидѣвшись съ своимъ союзникомъ королемъ Августомъ (въ м. Биржахъ), Петръ заключилъ съ нимъ новый договоръ о томъ, какъ имъ держаться вмѣстѣ противъ Карла. Согласно съ этимъ договоромъ, всѣ послѣдующіе годы Петръ велъ войну въ двухъ разныхъ областяхъ. Во-первыхъ, онъ помогалъ Августу въ Рѣчи Посполитой деньгами, хлѣбомъ и войскомъ. Русская армія не разъ ходила въ Польшу и Литву, чтобы задерживать Карла XII въ Польшѣ и не допускать его до окончательнаго торжества надъ Августомъ. На этомъ театрѣ войны особенно отличался любимецъ Петра изъ его «потѣшныхъ», Александръ Даниловичъ Меншиковъ, которому Петръ ввѣрилъ здѣсь всѣ свои войска. Во-вторыхъ, Петръ, отдѣльно отъ своего союзника, предпринялъ завоеваніе Финскаго побережья и вообще старыхъ Ливонскихъ земель (Эстляндіи и Лифляндіи), пользуясь тѣмъ, что главныя силы Карла были отвлечены въ Польшу [1]). Петръ осенью 1702 года явился при истокахъ р. Невы и взялъ шведскую крѣпость Нотебургъ, стоявшую на мѣстѣ стараго новгородскаго Орѣшка. Возобновивъ укрѣпленія этой крѣпости, Петръ назвалъ ее Шлиссельбургомъ, то-есть «ключомъ-городомъ» къ морю. На весну 1703 года русскіе спустились къ Невскимъ устьямъ и взяли, при впаденіи р. Охты въ Неву, шведское укрѣпленіе Ніеншанцъ. Пониже этого укрѣпленія на Невѣ, въ маѣ 1703 года, Петръ заложилъ Петропавловскую крѣпость и подъ ея стѣнами основалъ городъ, получившій имя «Питербурха», или Санктпетербурга. Это былъ для Петра укрѣпленный выходъ въ море, которымъ онъ тотчасъ же воспользовался. На Ладожскомъ озерѣ

---

[1]) Въ 1701 и слѣдующихъ годахъ русская конница подъ начальствомъ „фельдмаршала“ Бориса Петр. Шереметева „погостила“ въ этихъ областяхъ: Шереметевъ разорилъ страну, разбилъ два раза шведскій корпусъ генерала Шлиппенбаха (при Эрестферѣ и Гуммельсгофѣ) и взялъ старые русскіе города Ямъ и Копорье. Въ 1704 году были взяты сильныя шведскія крѣпости Дерптъ (Юрьевъ) и Нарва.

(точнѣе, на р. Свири) начали строить наспѣхъ морскія суда, и въ томъ же 1703 году они были уже спущены на воду. Осенью этого же года Петръ уже началъ работы на Котлинѣ-островѣ для постройки морской крѣпости Кроншлота (предшественникъ нынѣшняго Кронштадта). Эта крѣпость и стала гаванью для новаго Балтійскаго флота. Такимъ образомъ Петръ не только пріобрѣлъ для себя выходъ на море въ своемъ «парадизѣ»—Петербургѣ, но и защитилъ этотъ выходъ рядомъ твердынь. Допустивъ Петра до такого успѣха, Карлъ сдѣлалъ непоправимую ошибку, которую онъ задумалъ загладить тогда лишь, когда справился съ другимъ своимъ непріятелемъ—Августомъ.

§ 105. **Великая Сѣверная война. Годы 1707 и 1708.** Къ началу 1707 года Августу пришлось, несмотря на русскую помощь, прекратить свою борьбу съ Карломъ XII. Карлъ изгналъ Августа изъ Рѣчи Посполитой, настоялъ тамъ на избраніи новаго короля (Станислава Лещинскаго) и затѣмъ вторгся въ Саксонскія владѣнія Августа, гдѣ и вынудилъ у него миръ. Отдохнувъ въ Саксоніи, шведы въ концѣ 1707 года начали свой походъ въ Московское государство.

Не было времени тяжелѣе и страшнѣе во все царствованіе Петра Великаго. Сильный и непобѣдимый врагъ стоялъ у порога Руси; союзниковъ уже не было; подоспѣли внутреннія неурядицы. Тяжелые годы войны утомили народъ, вызывали ропотъ, а на окраинахъ государства даже бунты. Еще въ 1705 году произошелъ мятежъ въ Астрахани; въ то же время началось движеніе среди башкиръ за Волгою. Наконецъ, вспыхнуло возстаніе среди донского казачества. Въ теченіе всего XVII вѣка народъ изъ государства выходилъ на Донъ въ казаки, чтобы тѣмъ навсегда освободиться отъ холопства и крестьянства. «Съ Дону выдачи нѣтъ»,—такъ обычно говорили казаки, когда изъ Москвы пробовали вернуть какого-либо бѣглеца. Вотъ противъ этого-то правила и сталъ дѣйствовать Петръ. Послѣ Азовскихъ походовъ, въ которыхъ донскіе казаки оказали большую помощь, Петръ хвалилъ и награждалъ ихъ, но требовалъ, чтобы сами казаки не принимали болѣе къ себѣ бѣглыхъ и выдавали обратно приходящихъ къ нимъ изъ государства. Это требованіе оставалось безъ исполненія, потому что обижало казаковъ и представлялось имъ нарушеніемъ ихъ стараго права. Тогда Петръ

прибѣгъ къ небывалой мѣрѣ: въ 1707 году онъ послалъ на Донъ отрядъ войска, чтобы искать и силою возвращать новопришедшихъ туда бѣглецовъ. Голытьба, еще помнившая времена Стеньки Разина (§ 84), поднялась и истребила посланный царемъ отрядъ. Несмотря на то, что домовитые казаки пробовали подавить движеніе, оно разрослось. Подъ предводительствомъ казака Кондратія Булавина голытьба одолѣла домовитыхъ, овладѣла главнымъ городкомъ на Дону, Черкаскомъ, и подняла противъ государства весь Донъ. Петру надобно было послать на Донъ много войскъ, чтобы подавить возстаніе. Когда царскія войска осадили Черкаскій городокъ, Булавинъ застрѣлился, а его товарищи убѣжали на р. Кубань и въ другія мѣста. Черкаскъ былъ взятъ (1708) и весь Донъ былъ подвергнутъ жестокому взысканію. Съ тѣхъ поръ всякая самостоятельность Донского казачества пала и правительство стало полнымъ хозяиномъ на Дону. Петръ такимъ образомъ добился своего.

Наконецъ, сверхъ всего того, что происходило въ Московской Руси, дурныя вѣсти стали приходить къ Петру и изъ Малороссіи. Гетманъ Малороссійскій Иванъ Мазепа готовилъ измѣну и сносился съ врагами Петра. Къ этому его побуждало внутреннее состояніе Малороссіи, очень смутное и безпокойное. Въ странѣ не прекращалась внутренняя усобица. Казачья «старшина» (§ 95) желала господствовать надъ управляемыми людьми, а простые казаки и горожане не желали подчиняться старшинѣ. Старшина хотѣла сохранить автономію Украйны и не любила московскаго вмѣшательства въ малороссійскія дѣла; а простой народъ, города, иногда и духовенство—сами обращались къ Москвѣ за защитою и покровительствомъ. Мазепа, ставъ гетманомъ (1687), въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ искусно умѣлъ сдерживать и примирять распри и ссоры, соблюдая интересы и московскаго правительства. Положеніе его стало, однако, шатко и тяжело съ тѣхъ поръ, какъ Карлъ XII побѣдилъ Августа и перемѣнилъ въ Польшѣ короля. Торжество шведовъ должно было, казалось, повести къ окончательному пораженію Петра. Всѣ ждали разгрома Москвы. Если Малороссія останется вѣрна Москвѣ, она раздѣлитъ тяжкую участь побѣжденныхъ; если же она во-время отойдетъ отъ Петра, она можетъ обезпечить свою самостоятельность посредствомъ соглашенія съ побѣдителемъ.

Вн-: Во время моего пребыванія въ Москвѣ

Такъ разсуждалъ Мазепа и всѣ тѣ, кто подбивалъ его перейти на сторону Карла. Ради этихъ соображеній Мазепа вступилъ въ тайныя сношенія съ Карломъ; но онъ велъ себя такъ скрытно, что Петръ не вѣрилъ отпаденію Мазепы до послѣдней минуты [1].

Такова была обстановка шведскаго нашествія на Русь. Возстанія инородцевъ за Волгою и казаковъ на Дону, опасность отпаденія Малороссіи и страхъ (правда, неосновательный) нападенія турокъ и татаръ съ юга,—вотъ что видѣлъ и чувствовалъ Петръ, ожидая нападенія Карла. Однако военныя событія 1708 года сложились неожиданно счастливо для русскихъ.

Въ самомъ началѣ 1708 года Карлъ XII взялъ г. Гродно, гдѣ стояли тогда русскія войска, и оттуда двинулся по направленію къ Москвѣ. Съ нимъ было болѣе 40.000 отборнаго войска и, кромѣ того, онъ ждалъ къ себѣ на помощь изъ Лифляндіи генерала Левенгаупта съ 16.000 солдатъ и съ военными запасами. На дорогѣ къ Днѣпру шведы побѣдили русскихъ при с. Головчинѣ и въ Могилёвѣ овладѣли переправою черезъ Днѣпръ. Петръ ожидалъ ихъ марша къ Смоленску; но вмѣсто этого Карлъ пошелъ на югъ въ Малороссію въ расчетѣ на измѣну Мазепы, о которой Петръ еще не зналъ. Левенгауптъ съ своимъ войскомъ остался теперь позади Карла и долженъ былъ его нагонять. Сообразивъ это, Петръ не далъ имъ соединиться: онъ напалъ на Левенгаупта на р. Сожѣ, при дер. Лѣсной (въ сентябрѣ 1708 года), и разбилъ его отрядъ, отнявъ у него весь обозъ (5.000 повозокъ). Карлъ остался безъ пороха и провіанта. Онъ и въ Малороссіи не нашелъ того, чего ожидалъ. Когда пришло время Мазепѣ соединиться открыто со шведами, русскій полководецъ Меншиковъ узналъ про его измѣну и едва не схватилъ его самого. Мазепа убѣжалъ къ Карлу лишь съ небольшимъ отрядомъ казаковъ, а

[1]) Въ 1707 году впервые получилъ Петръ доносъ на гетмана Мазепу въ томъ, что онъ сносится съ польскимъ королемъ Станиславомъ и желаетъ измѣнить Москвѣ. Петръ до тѣхъ поръ былъ очень доволенъ гетманомъ и потому не повѣрилъ доносу. Но доносъ повторился и въ слѣдующемъ 1708 году; на этотъ разъ на Мазепу доносили важныя лица: генеральный (главный) судья малороссійскій Кочубей и одинъ изъ малороссійскихъ полковниковъ—Искра. Было произведено слѣдствіе; доносъ не былъ доказанъ и доносчики были выданы Мазепѣ и казнены имъ.

русскія войска штурмомъ взяли гетманскую столицу Батуринъ и предупредили возможность возстанія Украйны противъ Москвы. Карлъ и Мазепа расположились на зимовку въ Малороссіи (между Ромнами и Гадячемъ), а русскія войска окружили ихъ своими отрядами. Населеніе же Малороссіи осталось вѣрнымъ Москвѣ и смотрѣло на шведовъ, какъ на враговъ.

Кампанія 1708 года окончилась такимъ образомъ безъ успѣха для Карла. Расчеты его на Мазепу не оправдались; подкрѣпленій онъ не получилъ и былъ далеко отъ Москвы. Петръ же могъ многому радоваться. Его войска одержали крупную побѣду при Лѣсной, и вездѣ, гдѣ имъ приходилось сражаться со шведами, они оказывались исправными и храбрыми. Малороссію Петру удалось удержать въ повиновеніи; на Дону возстаніе было подавлено. Петръ воспрянулъ духомъ и бодро готовился къ дальнѣйшей борьбѣ съ Карломъ, такъ какъ видѣлъ затруднительное положеніе своего пока непобѣдимаго врага.

§ 106. **Полтавская битва.** Насталъ 1709-й годъ. Карлъ не разъ со своихъ зимнихъ квартиръ нападалъ на русскія войска, стараясь овладѣть дорогою къ Москвѣ. Но до весны рѣшительныхъ дѣйствій не было. Весною же Карлъ направился на берега р. Ворсклы и осадилъ малороссійскій городъ Полтаву. Это была крѣпость, устроенная на случай татарскихъ нападеній съ «дикаго поля» (§ 61). Если бы шведы завладѣли ею, они могли бы выйти на «поле» и оттуда идти къ Москвѣ или же завязать сношенія съ татарами и турками. Петръ боялся еще и того, что шведы черезъ Бѣлгородъ пойдутъ на Воронежъ, гдѣ были собраны корабли и сосредоточены запасы хлѣба. Такъ какъ у Карла было мало пороха, то бомбардировать Полтаву онъ не могъ, а приступы ему не удавались, ибо гарнизонъ мужественно защищался. Осада Полтавы затянулась. Тогда Петръ, собравъ всѣ свои силы, рѣшилъ придти на выручку Полтавы и дать Карлу XII рѣшительный бой. Битва произошла 27-го іюня 1709 года близъ Полтавы. Оба государя лично участвовали въ бою и подвергались большой опасности. Со стороны шведовъ въ бою было до 30.000 человѣкъ, со стороны русскихъ 42.000. У шведовъ была слаба артиллерія: по недостатку пороха они могли ввести въ дѣло только 4 пушки. Къ полудню сраженіе рѣшилось въ пользу

русскихъ. Шведы были разбиты. Половина ихъ арміи была перебита или взята въ плѣнъ подъ Полтавою, а половина бѣжала вдоль Ворсклы къ Днѣпру, къ с. Переволочнѣ, и тамъ, настигнутая русскими, сдалась (1-го іюля) Меншикову. Русскіе потеряли убитыми и ранеными менѣе 5.000 человѣкъ.

Карлъ утратилъ всю свою армію, утратилъ свою славу. Раненый еще до Полтавской битвы, онъ былъ ушибленъ въ бою и въ полубезпамятствѣ былъ спасенъ своей свитою, доставившей его въ Переволочну. Тамъ его успѣли перевезти черезъ Днѣпръ, и онъ съ Мазепою скрылся въ Турецкихъ предѣлахъ. Судьба Швеціи была рѣшена. До Полтавской битвы Швеціи принадлежало главенство на Балтійскомъ морѣ и вообще въ сѣверной Европѣ. Полтавская битва передала это главенство Москвѣ и Петру Великому; въ этомъ и состоитъ ея значеніе въ исторіи Россіи и Европы.

Громадное значеніе Полтавской побѣды поняли не только русскіе, но и всѣ враги Швеціи, явные и тайные. Петръ тотчасъ послѣ побѣды перевелъ свои войска къ Балтійскому морю и началъ завоеваніе Лифляндіи и Финляндіи. Въ то время имъ были взяты Рига, Ревель, Выборгъ (1710). Русскій флотъ вышелъ изъ Финскаго залива въ открытое море и соединился для дѣйствій противъ Швеціи съ датскимъ. Данія и Саксонія снова объявили войну шведамъ; снова Августъ Саксонскій сталъ польскимъ королемъ; Станиславъ же Лещинскій уѣхалъ изъ Польши. Несчастная Швеція потеряла всѣ свои завоеванія и должна была думать лишь о собственномъ спасеніи. Она была какъ будто оставлена своимъ королемъ, который жилъ въ Турціи и, не думая о возвращеніи домой, усердно ссорилъ турокъ съ Петромъ Великимъ.

§ 107. **Прутскій походъ и окончаніе Великой Сѣверной войны. Персидская война.** Старанія Карла XII удались, и въ концѣ 1710 года Турція объявила войну Россіи. Узнавъ о враждебныхъ намѣреніяхъ турокъ, Петръ рѣшился самъ напасть на нихъ, а не ждать нападенія. Давно уже православные подданные султана (греки, славяне, валахи, молдаване), пріѣзжая въ Москву за помощью и пособіями, звали русскихъ на Балканскій полуостровъ и говорили, что стоитъ московскому войску показаться на Дунаѣ, какъ тамъ послѣдуетъ возстаніе противъ турокъ всѣхъ православныхъ народностей. Такія рѣчи говорились и Петру, при чемъ онъ имѣлъ поло-

жительныя обѣщанія князей («господарей») Молдавскаго (Кантемира) и Валашскаго (Бранкована), что они помогутъ русскимъ. Увлекшись всѣми этими обѣщаніями и разсчитывая на помощь короля Августа, Петръ съ 40.000 войска быстро пошелъ къ Дунаю (весною 1711 года). Но Августъ не прислалъ своихъ войскъ, а господари не приготовили обѣщаннаго провіанта, и русскія войска оказались въ трудномъ положеніи въ знойныхъ степяхъ на дорогѣ къ Дунаю. Кромѣ того, турки, давно готовые къ походу на Россію, встрѣтили русскихъ на сѣверѣ отъ Дуная и не допустили армію Петра до Дунайскихъ береговъ. Только одинъ отрядъ русской конницы дошелъ до самаго Дуная и занялъ г. Браиловъ. Главныя же силы Петра и самъ онъ были окружены у р. Прута громаднымъ войскомъ турокъ (до 200.000 человѣкъ). Безъ хлѣба и воды, измученныя походомъ и боями, русскія войска должны были бы положить оружіе, если бы турецкій главнокомандующій (визирь) не согласился начать переговоры о мирѣ. Въ два дня миръ былъ заключенъ, при чемъ Петръ уступилъ туркамъ Азовъ и окружающія его земли, пріобрѣтенныя отъ турокъ по договору 1700 года. Это было, конечно, горько; но Петръ ожидалъ худшаго и считалъ, что очень счастливо избавился отъ грозившаго ему и его арміи плѣна и позора.

Достигнувъ прочнаго мира на югѣ, Петръ съ особымъ рвеніемъ взялся за окончаніе войны на Балтійскомъ морѣ. Въ послѣдующіе годы онъ занялъ почти всю Финляндію съ городами Або и Гельсингфорсомъ. Въ 1714 году Петръ разбилъ шведскій флотъ при мысѣ Гангудѣ (на юго-западѣ Финляндіи) и занялъ Аландскіе острова, откуда могъ грозить самому Стокгольму. Въ то же время, совмѣстно съ своими союзниками, Петръ дѣйствовалъ и на южныхъ берегахъ Балтійскаго моря, въ Германіи, откуда шведы были окончательно вытѣснены (въ 1716 году). Но совмѣстныя дѣйствія привели Петра къ ссорѣ съ союзниками [1]. Зато ему удалось завязать непосредственныя сношенія съ Карломъ XII, вернувшимся въ Швецію изъ Турціи. На Аландскихъ островахъ начались было

---

[1]) Петръ искалъ себѣ новаго союзника въ французскомъ королѣ Людовикѣ XV и въ 1717 году посѣтилъ Парижъ. Тамъ Петръ былъ любезно принятъ и поразилъ французовъ своими познаніями, умомъ и оригинальностью. Но цѣль его не была достигнута, и Франція осталась въ сторонѣ отъ Балтійскихъ дѣлъ.

мирные переговоры, и дѣло шло къ миру, но смерть Карла (1718) испортила все. Въ Швеціи была возведена на престолъ сестра Карла (Ульрика-Элеонора). Шведское правительство, перервавъ переговоры съ Петромъ, поспѣшило помириться со своими врагами въ Германіи и съ Даніей и всѣ силы Швеціи рѣшило направить на борьбу съ Россіей. Но этихъ силъ было уже мало: истощенная Швеція не могла бороться съ войсками и флотомъ Петра. Въ 1719 и слѣдующихъ годахъ русскіе моремъ вторгались въ самую Швецію и разоряли ее до Стокгольма. Въ 1721 году шведы возобновили мирные переговоры въ городкѣ Ништадѣ (на западѣ Финляндіи) и 30-го августа 1721 года согласились заключить миръ на слѣдующихъ условіяхъ: Швеція уступила Россіи навсегда Лифляндію (съ Ригою), Эстляндію (съ Ревелемъ и Нарвою), Ингрію и часть Кареліи (съ Выборгомъ); Петръ же возвратилъ Швеціи Финляндію, завоеванную имъ, и, сверхъ того, обѣщалъ заплатить два милліона ефимковъ.

Такъ окончилась долголѣтняя война, сокрушившая могущество Швеціи и обратившая Московское государство въ сильнѣйшую державу Европейскаго сѣвера. Петръ былъ необыкновенно радъ миру и шумно торжествовалъ побѣду въ своемъ «парадизѣ»—Петербургѣ, а затѣмъ въ старой Москвѣ. Въ С.-Петербургѣ, 22-го октября 1721 года (въ годовщину славнаго освобожденія Москвы въ 1612 году), Петръ принялъ титулъ Императора Всероссійскаго и превратилъ прежнія «великія государства Россійскаго царствія» во «Всероссійскую имперію». Такъ ознаменованъ былъ счастливый исходъ войны. Личныя заслуги Петра были почтены тѣмъ, что учрежденный Петромъ (1711) сенатъ наименовалъ Петра, независимо отъ Императорскаго титула, еще «великимъ» и «отцомъ отечества».

Тотчасъ по окончаніи Сѣверной войны Петръ началъ новую войну—съ Персіей. Въ 1722 году русскія войска изъ Астрахани выступили на югъ и заняли персидскіе города Дербентъ и Баку. Въ 1723 году Персія заключила миръ, уступивъ Петру западное побережье Каспійскаго моря. Петру оно надобно было для того, чтобы овладѣть путями на Востокъ, въ Индію, сношенія съ которою очень занимали Петра.

Такимъ образомъ всѣ войны, какія только велъ въ свое царствованіе Петръ Великій, имѣли своею цѣлью пріобрѣтеніе морскихъ береговъ: Черноморскихъ (Азовскихъ), Балтійскихъ

и Каспійскихъ. Геніальный политикъ рвался къ морямъ, понимая, какое значеніе имѣютъ моря въ международныхъ сношеніяхъ, въ движеніи культуры.

§ 108. **Внутреннія преобразованія Петра Великаго. Ихъ общій ходъ и характеръ**. Говоря о государственныхъ преобразованіяхъ Петра Великаго, не надобно представлять себѣ дѣло такъ, что Петръ сразу и по одному общему плану замѣнилъ старый московскій строй новымъ европейскимъ. Въ своихъ реформахъ Петръ не могъ держаться заранѣе выработаннаго плана и точной послѣдовательности, потому что всѣ его преобразованія, всѣ перемѣны, которыя онъ производилъ въ управленіи и въ устройствѣ сословій, происходили подъ давленіемъ военныхъ событій. Война со шведами приняла затяжной характеръ, оказалась страшно трудною, убыточною и опасною. Петръ весь втянулся въ военныя дѣла и не могъ думать о мирныхъ и правильныхъ преобразованіяхъ. Его главною заботою было добыть достаточно людей и средствъ для успѣшнаго продолженія войны. Война требовала регулярныхъ войскъ: Петръ искалъ способовъ ихъ увеличенія и лучшаго устройства,—и это само собою вело къ реформѣ военной и къ переустройству дворянскаго сословія и дворянской службы. Война требовала денегъ: Петръ искалъ ихъ, гдѣ только можно,— и это повело къ податной реформѣ и къ разнымъ перемѣнамъ въ положеніи городовъ и крестьянства. Такъ подъ давленіемъ военныхъ нуждъ Петръ спѣшно совершилъ рядъ нововведеній, которыя разрушали по частямъ старые московскіе порядки, но еще не создавали никакого новаго порядка. Только послѣ Полтавской побѣды Петръ принялся приводить въ порядокъ все, что было ранѣе имъ сдѣлано торопливо и по частямъ. И только въ послѣднее десятилѣтіе жизни Петра (1715—1725) была имъ достигнута нѣкоторая система и налаженъ новый строй управленія.

Съ другой стороны, Петръ, преобразуя сословную жизнь и формы управленія, вовсе не имѣлъ въ виду измѣнить самыя основанія государственнаго порядка. При немъ верховная самодержавная власть осталась такою же, какою была ранѣе при его отцѣ, царѣ Алексѣѣ. Положеніе сословій въ государствѣ не было измѣнено: сословія не получили новыхъ правъ и были оставлены при старыхъ обязанностяхъ. Управленіе попрежнему было бюрократическимъ. Словомъ, типъ

государства, создавшійся до Петра, имъ не былъ измѣненъ, и въ этомъ отношеніи Петръ не совершилъ государственнаго переворота. Всѣ его перемѣны имѣли своимъ назначеніемъ лишь совершенствовать старый строй, придавая ему болѣе культурныя европейскія формы. Рѣзкая по сути своей реформа была совершена только въ сферѣ церковнаго управленія, гдѣ съ упраздненіемъ патріаршества церковная жизнь была приведена въ полное подчиненіе государству.

§ 109. **Устройство сословій.** 1. Служилое сословіе въ Московской Руси (§§ 55, 58, 79) состояло изъ «дворянъ московскихъ» и «дворянъ городовыхъ». Первые бывали на высшихъ придворныхъ должностяхъ, управляли приказами, ѣздили въ посольства, сидѣли на воеводствахъ, начальствовали войсками,—словомъ, составляли правительственный классъ и считали себя знатью: назывались людьми «родословными», «съ отечествомъ», «отецкими дѣтьми». Вторые — городовые дворяне и дѣти боярскіе — были людьми «обычными», не родословными: они служили въ городскихъ конныхъ ополченіяхъ, составляя главное полевое войско Московскаго государства. Всѣ служилые люди были обезпечены помѣстьями отъ государства и получали время отъ времени денежныя пособія, а иногда и ежегодное жалованье. Меньшинство имѣло свои наслѣдственныя вотчины, что, однако, не мѣшало искать помѣстій въ придачу къ вотчинѣ. Къ служилымъ людямъ причислялись и гарнизонные люди: служилые казаки, стрѣльцы, пушкари и т. п. Охраняя какой-либо городъ, эти люди жили въ слободахъ подъ стѣнами своего города и вокругъ этого же города имѣли общія пашни и угодья [1]). Въ XVII столѣтіи, подобно гарнизонному люду, въ особыхъ «слободахъ» устраивались регулярные полки солдатъ, рейтаровъ и драгунъ. Эти новыя войска «иноземнаго строя» пополнялись вербовкою, или «прибором», въ службу «гулящихъ людей», и къ нимъ понемногу переходило главное значеніе въ полевой московской арміи.

Вотъ что засталъ Петръ Великій. Борьба со шведами требовала отъ него регулярной арміи. Понемногу онъ и перевелъ въ регулярную службу всѣхъ дворянъ и служилыхъ

---

[1]) Во многихъ городахъ Россіи до сихъ поръ сохранились эти слободы „стрѣлецкія", „пушкарскія", „казачьи" и пр.

людей. Всякій служилый человѣкъ—отъ знатнаго московскаго дворянина до послѣдняго пушкаря—одинаково записывался въ службу и шелъ солдатомъ въ регулярный полкъ или матросомъ во флотъ. Не болѣе одной трети членовъ отъ каждой дворянской «фамиліи» допускалось въ гражданскую службу. Такъ какъ служба для всѣхъ служилыхъ людей стала одинакова (они служили поголовно и безсрочно, съ нижнихъ чиновъ), то всѣ прежніе разряды служилыхъ людей Петромъ были соединены вмѣстѣ, въ одно сословіе, которому было присвоено новое названіе *шляхетства*. Служилая знать по закону перестала на службѣ отличаться отъ «обычныхъ людишекъ»: всѣ нижніе чины—какъ знатные, такъ и незнатные, какъ изъ служилыхъ семей, такъ и изъ простонародья,—одинаково могли дослуживаться до высшихъ чиновъ и занимать высшія должности. Порядокъ такой выслуги былъ точно опредѣленъ «табелью о рангахъ» (1722). Въ этой табели всѣ офицерскія, канцелярскія и высшія государственныя должности были распредѣлены на 14 ранговъ, или «чиновъ», по ихъ служебному старшинству и почету. Каждый, достигшій должности низшаго 14-го ранга, могъ надѣяться, по мѣрѣ способности и усердія, занять высшую должность и перейти въ высшій рангъ. Начало личной выслуги окончательно восторжествовало здѣсь надъ «породою», началомъ знатности.

Уничтоживъ старые служебные порядки и повернувъ всѣхъ дворянъ въ регулярные полки, Петръ сдѣлалъ положеніе дворянъ болѣе тяжелымъ. Служить имъ стало гораздо труднѣе. Но этимъ не ограничились новыя дворянскія тяготы; Петръ требовалъ, чтобы дворяне обязательно учились грамотѣ, цифири и геометріи, и необученныхъ лишалъ права жениться и получить офицерскій чинъ. Съ другой стороны, Петръ ограничилъ землевладѣльческія права и льготы дворянъ. Онъ пересталъ давать имъ помѣстья изъ казны при поступленіи на службу, а предоставилъ имъ за службу денежное жалованье. Тѣ же вотчины и помѣстья, какими дворяне уже владѣли, онъ запретилъ дробить при передачѣ сыновьямъ и установилъ закономъ (1714 года), что дворянинъ можетъ по завѣщанію передать свою землю одному изъ сыновей; если же завѣщанія не окажется, то отцу наслѣдуетъ старшій сынъ. (Этотъ законъ иногда называется указомъ «о майоратѣ»).

Мѣры Петра относительно дворянства отягчали положеніе

этого сословія, но не мѣняли его отношенія къ государству. Дворянство, и прежде, и теперь одинаково, было обязано службою за право землевладѣнія. Только теперь служба стала тяжелѣе, а землевладѣніе стѣсненнѣе. Петръ сдѣлалъ людямъ высшаго стараго дворянства только одну существенную уступку. Онъ позволилъ знатной молодежи, «отецкимъ дѣтямъ», поступать по преимуществу въ его любимые «гвардейскіе» полки, Преображенскій и Семеновскій, которые стояли въ новой столицѣ Петра—Петербургѣ. Въ концѣ царствованія Петра оба эти полка стали по составу сплошь дворянскими и въ нихъ цѣлыя сотни солдатъ носили княжескія фамиліи. Вышло такъ, что старые «дворяне московскіе» какъ бы превратились въ новое «гвардейство». Допустивъ такой аристократическій подборъ людей въ гвардіи, Петръ сумѣлъ воспользоваться имъ: онъ на родовитыхъ и богатыхъ офицеровъ и даже на простыхъ солдатъ гвардіи возлагалъ разныя, иногда очень важныя, порученія по дѣламъ казеннаго хозяйства и такимъ образомъ создалъ себѣ изъ нихъ удобныхъ, отвѣтственныхъ чиновниковъ.

2. Городское сословіе («посадскіе люди», «торговые люди») до Петра представляло собою очень малочисленный и бѣдный классъ. Только нѣкоторые сѣверные города отличались многолюдствомъ и зажиточностью. Остальные же представляли собою, по словамъ Петра, «разсыпанную храмину» и имѣли одно лишь военно-административное значеніе. Лишь въ 1649 году законъ отдѣлилъ горожанъ отъ прочей массы податного народа въ особое сословіе (§ 82). Между тѣмъ, Петръ за границей видѣлъ богатые и оживленные города; наблюдалъ веселую и культурную жизнь городского торгово-промышленнаго люда; зналъ, что городской торгъ и промыселъ считался на всемъ Западѣ главнымъ источникомъ народнаго богатства. (Эпоха Петра В. была временемъ полнаго расцвѣта протекціонизма и меркантилизма въ Европѣ). Сравнивая европейскій городъ съ русскимъ, Петръ поражался ихъ противоположностью и всѣми мѣрами хотѣлъ собрать «разсыпанную храмину» и создать на Руси городской экономически сильный и дѣятельный классъ. Съ этою цѣлью онъ освобождалъ горожанъ отъ такъ называемыхъ «вѣрныхъ» (присяжныхъ) службъ у казенныхъ товарныхъ складовъ и торгово-промышленныхъ операцій и расширилъ городское самоуправленіе. Въ

1720 году былъ учрежденъ *главный магистратъ*, которому Петръ поручилъ заботы о городскомъ сословіи во всемъ государствѣ и далъ «регламентъ» (наказъ), опредѣлившій общій порядокъ городского устройства и управленія [1]). Искренно старался Петръ В. поднять городское сословіе, дать ему просторъ, вдохнуть въ него жизнь. Но общій строй русской жизни, еще далекій отъ торгово-промышленнаго склада, и тяжелыя войны Петрова царствованія не дозволили осуществиться мечтамъ Петра: русскіе города остались и послѣ Петра въ томъ же жалкомъ положеніи, въ какомъ были они раньше.

3. Крестьянство при Петрѣ В. пережило очень крупную реформу. Издавна прямая подать на Руси платилась съ недвижимаго имущества. Сначала брали ее съ «паханой земли», которую исчисляли въ «сохи» (особую податную единицу въ нѣсколько сотъ десятинъ земли); въ XVII вѣкѣ подати стали брать съ «двора», разумѣя подъ нимъ крестьянское хозяйство (§§ 55, 79). Если ранѣе можно было облегчить свои платежи, сокративъ запашку и уменьшивъ площадь «паханой земли», то позднѣе для этой цѣли можно было въ одинъ «дворъ» свести нѣсколько крестьянскихъ хозяйствъ. Такъ и дѣлали податные люди, сбиваясь по нѣскольку семей въ одинъ дворъ и всѣ вмѣстѣ платя съ одного двора. Въ разгаръ Шведской войны обнаружилось рѣзкое уменьшеніе податныхъ дворовъ въ государствѣ, происшедшее отъ побѣговъ, разоренія, а также и отъ хитростей плательщиковъ. Лучшею мѣрою для борьбы съ этимъ уменьшеніемъ была признана податная реформа. Было рѣшено брать впередъ не съ имуществъ, а съ людей, съ «головъ», и замѣнить такимъ образомъ подворную подать *подушною* («поголовщиной»). Въ

---

[1]) Всѣ города были раздѣлены по числу жителей на классы. Жители городовъ дѣлились на „регулярныхъ“ гражданъ и „нерегулярныхъ“ („подлыхъ“) людей. Регулярные граждане составляли двѣ „гильдіи“: въ первую входили представители капитала и интеллигенціи, во вторую—мелкіе торговцы и ремесленники. Ремесленники дѣлились на „цехи“ по ремесламъ. Нерегулярными людьми, или „подлыми“ (то-есть низшими), назывались чернорабочіе. Городъ управлялся „магистратомъ“ изъ бургомистровъ, избираемыхъ всѣми регулярными гражданами. Кромѣ того, городскія дѣла обсуждались на посадскихъ сходахъ, или совѣтахъ, изъ тѣхъ же регулярныхъ гражданъ. Каждый городъ былъ подчиненъ главному магистрату, минуя всякое другое мѣстное начальство.

1718 году начали перепись тяглыхъ людей (въ городахъ и уѣздахъ), записывая въ «сказки» всѣхъ взрослыхъ мужчинъ. Позднѣе назначили ревизію для провѣрки этой переписи, почему и самая перепись стала называться «ревизіей», а списки плательщиковъ—«ревизскими сказками», сами же плательщики—«ревизскими душами». Когда ревизія опредѣлила число плательщиковъ въ 5 милліоновъ человѣкъ, то былъ опредѣленъ размѣръ новой подати: 74 копѣйки въ годъ съ частновладѣльческихъ людей и нѣсколько больше съ крестьянъ казенныхъ.

Что касается до крестьянъ казенныхъ, то для нихъ новая подать не имѣла особыхъ послѣдствій и не измѣнила ихъ исконнаго общиннаго устройства. Но для частновладѣльческихъ крестьянъ она имѣла важныя и неблагопріятныя послѣдствія.

Дѣло въ томъ, что въ каждомъ помѣщичьемъ хозяйствѣ рядомъ съ крестьянами были устроены на пашнѣ и холопы. Владѣльцы холоповъ, не довольствуясь услугами своей челяди во дворѣ, высаживали ее «за дворъ», въ особыя избы, и заставляли пахать землю. Холопы въ древности податей не платили и никакого вообще отношенія къ государству не имѣли, ибо были частною собственностью своего господина. Но замѣтивъ, что «задворные люди» ничѣмъ отъ крестьянъ не отличаются, правительство въ концѣ XVII вѣка стало брать подати и съ нихъ, хотя задворные люди крестьянами и не значились. Петръ же велѣлъ во время своей «ревизіи» записать всѣхъ холоповъ (и задворныхъ и дворовыхъ людей) въ ревизскія сказки и обложить ихъ подушною податью наравнѣ съ крестьянами. Съ тѣхъ поръ землевладѣльцы стали совершенно одинаково вносить подать и за крестьянъ своихъ, и за холоповъ, что̀ съ теченіемъ времени повело къ совершенному смѣшенію крестьянъ съ холопами. Такъ мало-по-малу подготовлялась та форма крѣпостного права, которая въ XVIII столѣтіи превратила крестьянъ изъ государевыхъ тяглыхъ людей въ полныхъ господскихъ рабовъ.

Итакъ, въ концѣ царствованія Петра Великаго очень многое измѣнилось въ жизни сословій. Дворяне стали иначе служить. Горожане получили новое устройство и льготы. Крестьянство стало иначе платить и на частныхъ земляхъ слилось съ холопами. Но государство при Петрѣ продолжало смотрѣть на свои сословія такъ же, какъ смотрѣло ранѣе. Оно опредѣляло

ихъ жизнь повинностью, а не правомъ. Всякій человѣкъ и всякая группа лицъ жили не для себя, а «для государева и земскаго дѣла», должны были себя и имущество свое отдавать государству и быть его послушнымъ орудіемъ. При Петрѣ такой порядокъ сталъ даже суровѣе, чѣмъ раньше.

§ 110. **Военное устройство.** Петру Великому приписываютъ устройство въ Россіи регулярнаго войска. Это не совсѣмъ точно. Уже при царѣ Михаилѣ стали въ Москвѣ заводить регулярные полки иноземнаго строя (§ 79). Потѣшные полки Петра въ этомъ отношеніи не представляли собою особой новости. Петръ не выдумалъ новаго рода войскъ, котораго бы не знали его предшественники. Тѣмъ не менѣе, военная реформа, произведенная Петромъ, очень важна и велика. Она состояла вотъ въ чемъ.

Петръ постепенно упразднилъ войска стараго типа. Онъ уничтожилъ стрѣлецкіе полки сразу, послѣ знаменитаго стрѣлецкаго розыска 1698 года (§ 103). Онъ постепенно упразднялъ дворянскія конныя ополченія, привлекая дворянъ къ службѣ въ регулярныхъ полкахъ. Онъ постепенно преобразовалъ гарнизонныхъ пушкарей, казаковъ и стрѣльцовъ въ регулярныя гарнизонныя войска.

Петръ увеличилъ число регулярныхъ полковъ, сдѣлавъ ихъ единственнымъ видомъ полевыхъ войскъ. На комплектованіе этихъ полковъ были учреждены «рекрутскіе наборы» съ податныхъ сословій. Въ эти же полки обращалась, за малымъ исключеніемъ, вся дворянская молодежь. Словомъ, была введена всеобщая воинская повинность, поголовная для дворянъ, рекрутская для прочихъ сословій (по рекруту приблизительно съ 20 дворовъ). Только семьи духовенства были избавлены отъ солдатчины.

Такъ какъ регулярная армія Петра формировалась въ военное время, въ походахъ, то не было возможности устраивать солдатскіе полки по старому обычаю—слободами. Солдаты отрывались отъ своихъ семей и занятій, принадлежали исключительно службѣ, стояли въ лагеряхъ, а въ мирное время живали на «постоѣ» въ обывательскихъ дворахъ. Долгое время у правительства не было средствъ на постройку казармъ или слободъ для новой громадной арміи; поэтому при Петрѣ регулярныя войска получили совсѣмъ иное хозяйственное устройство, чѣмъ имѣли ранѣе.

*

Наконецъ, Петръ пріобщилъ къ своей арміи казачьи войска въ качествѣ постоянной составной части. Раньше съ донскими казаками надобно было договариваться о каждомъ походѣ или же нанимать ихъ отдѣльными отрядами. Малороссійскіе же казачьи полки были автономными союзниками Москвы. Петръ, послѣ Булавинскаго бунта (§ 105), ввелъ на Дону свои порядки и точно опредѣлилъ число войскъ, какое должно было получать государство съ Дона. Также и на днѣпровскихъ казаковъ смотрѣлъ онъ, какъ на безусловно ему подчиненныхъ воинскихъ людей.

Результаты военныхъ преобразованій Петра были поразительны: въ концѣ его царствованія онъ располагалъ арміей, въ которой было около 200.000 регулярныхъ войскъ (полевыхъ и гарнизонныхъ) и не менѣе 75.000 казачьихъ иррегулярныхъ; кромѣ того, во флотѣ считалось 28.000 человѣкъ, 48 кораблей и до 800 мелкихъ судовъ.

§ 111. **Управленіе.** Въ Московской Руси система управленія отличалась значительною простотою. Во главѣ всѣхъ дѣлъ стояла *боярская дума*, въ которой бояре и думные люди, въ присутствіи царя и безъ него одинаково, слушали дѣла и «приговаривали», при чемъ боярскій приговоръ «по государеву указу» обращался въ законъ. Подъ руководствомъ думы дѣйствовали *приказы* (§§ 55, 72), которые вѣдали либо опредѣленный кругъ дѣлъ (Посольскій приказъ—внѣшнія сношенія, Разрядъ—военныя дѣла), либо опредѣленный кругъ лицъ (Стрѣлецкій приказъ—стрѣльцовъ, Холопій приказъ—зависимыхъ людей), либо, наконецъ, опредѣленную часть государства (Казанскій дворецъ, Сибирскій приказъ). Всѣхъ приказовъ было до 40; въ нихъ сидѣли бояре и дьяки (секретари)—сколько было нужно по количеству дѣлъ. Между приказами были распредѣлены всѣ города съ ихъ уѣздами. Въ каждомъ городѣ сидѣлъ *воевода*, а иногда вмѣсто него *губной староста* (§ 78). Воеводы управляли городомъ и уѣздомъ, при чемъ подъ ихъ вѣдѣніемъ находились выборныя власти: *земскіе старосты* у тяглыхъ людей и *окладчики* у дворянъ и дѣтей боярскихъ. Первые изъ нихъ собирали подати, а вторые вели учетъ служилымъ людямъ.

Петръ В. пересталъ созывать боярскую думу и всѣ важнѣйшіе дѣла и законы обсуждалъ самъ, въ своемъ «кабинетѣ» (то-есть въ собственной канцеляріи), съ довѣренными лицами

и любимцами. Эти лица, однако, не составляли собою никакого учрежденія, такъ что старая законодательная боярская дума осталась безъ всякой замѣны. Считалось, что всякій законъ исходитъ прямо отъ лица государя. Для руководства же всѣмъ управленіемъ и для высшаго суда Петръ въ 1711 году учредилъ *правительствующій сенатъ*. Сенатъ, состоявшій изъ небольшого числа государемъ назначаемыхъ лицъ, самъ не могъ издавать законовъ; онъ только обнародовалъ данные ему государемъ законы и указы; слѣдилъ за правильностью и законностью дѣйствій администраціи и рѣшалъ тѣ дѣла, административныя и судебныя, которыя затрудняли низшую администрацію или же доходили до сената по жалобамъ. При сенатѣ Петръ учредилъ въ 1722 году особую прокуратуру для надзора за законностью дѣйствій администраціи. Ея начальникъ, *генералъ-прокуроръ*, имѣлъ контроль надъ самимъ сенатомъ, былъ въ сенатѣ «окомъ государевымъ» и служилъ посредникомъ между государемъ и сенатомъ. Генералъ-прокурору были подчинены оберъ-прокуроры и прокуроры, состоявшіе для надзора при другихъ учрежденіяхъ въ столицѣ и провинціи. Сверхъ явнаго надзора, Петромъ былъ учрежденъ при сенатѣ еще и тайный присмотръ: подъ начальствомъ генералъ- и оберъ-фискаловъ вездѣ существовали фискалы, обязанные «тайно провѣдывать, доносить и обличать» злоупотребленія должностныхъ лицъ [1]).

Взамѣнъ старыхъ приказовъ съ 1718 года стали дѣйствовать *коллегіи*, изъ которыхъ каждая имѣла опредѣленный кругъ дѣлъ. Всѣхъ коллегій считали 12. Изъ нихъ три было «главныхъ», или «государственныхъ» (военная, морская, иностранныхъ дѣлъ); три коллегіи вѣдали финансы (камеръ-коллегія вѣдала доходы, штатсъ-коллегія—расходы, ревизіонъ-коллегія—контроль); три коллегіи вѣдали торговлю и промышленность (коммерцъ-коллегія, мануфактуръ-коллегія и бергъ-коллегія). Остальныя были: юстицъ-коллегія, вѣдавшая надзоръ за судами; главный магистратъ, вѣдавшій города; духовная коллегія, или синодъ, управлявшій церковными дѣлами. Въ каждой

---

[1]) Кромѣ общаго контроля и направленія администраціи, Петръ передалъ сенату тѣ дѣла старыхъ московскихъ приказовъ, которыя не размѣстились по вновь учрежденнымъ коллегіямъ. Поэтому сенатъ, напримѣръ, вѣдалъ много дѣлъ о дворянствѣ, именно, дѣла Разряда и Помѣстнаго приказа (генеалогическія и земельныя) и т. п.

коллегіи дѣла обсуждались и рѣшались присутствіемъ (изъ президента, вице-президента, коллежскихъ совѣтниковъ и асессоровъ), а исполнялись канцеляріей (подъ начальствомъ коллежскихъ секретарей). Такой составъ и типъ учрежденій былъ заимствованъ изъ-за границы. Петръ твердо вѣрилъ, что коллегіальный способъ веденія дѣлъ есть наилучшій.

Въ 1708 году Петръ впервые ввелъ въ своемъ государствѣ дѣленіе на *губерніи*. По нѣскольку прежнихъ уѣздовъ соединялись въ «провинцію», а нѣсколько провинцій — въ «губернію». Сначала было образовано 8 губерній, а затѣмъ число ихъ стало постепенно расти. Во главѣ губерніи стоялъ *губернаторъ* (или генералъ-губернаторъ), подчиненный сенату; во главѣ провинцій и уѣздовъ — *воеводы* (по новому — «коменданты»). При нихъ состояли выборные отъ дворянъ, *ландраты*, позже — *земскіе комиссары*, помогавшіе имъ въ управленіи какъ общимъ совѣтомъ, такъ и порознь въ уѣздахъ. Въ губерніяхъ дѣйствовали новые «надворные суды». Надобно сказать, что Петру В. не удалось водворить въ управленіи губерній однообразный порядокъ и вполнѣ провести предположенную систему; поэтому и при немъ, и послѣ его смерти въ мѣстномъ управленіи Россіи господствовалъ нѣкоторый хаосъ.

§ 112. **Финансовыя мѣры**. До Петра В. московское правительство одну половину своихъ доходовъ получало въ видѣ прямыхъ податей, а другую собирало въ видѣ пошлинъ и доходовъ отъ продажи казенныхъ товаровъ (регалій). Петръ измѣнилъ прямую подать (§ 109); сдѣлавъ ее подушною и распространивъ ее на холоповъ, онъ увеличилъ это податное поступленіе значительно. Но столь же значительно поднялъ онъ и косвенные налоги, не только возвысивъ вообще пошлины, но изобрѣтя и новые источники казеннаго дохода. При немъ впервые была пущена въ обращеніе «орлёная» (гербовая) бумага; стали брать пошлины съ бань, съ продажи дубовыхъ гробовъ, съ бородъ тѣхъ «бородачей», которые не хотѣли бриться, и т. д. Была учреждена даже особая должность «прибыльщиковъ», обязанныхъ слѣдить за правильностью поступленія доходовъ и измышлять возможное ихъ увеличеніе, «прибыль». Въ видахъ увеличенія средствъ казны, Петръ измѣнилъ вѣсъ и чеканъ монеты. До него въ Москвѣ ходили иностранные ефимки (талеры), а русская монета чеканилась только мелкая — деньги и копѣйки (§§ 79, 83). Петръ

указалъ чеканить новые рубли и полтины, однако съ тѣмъ, чтобы рубль былъ равенъ не двумъ ефимкамъ, какъ раньше, а только одному, а полтина была въ половину ефимка. (Чтобы не смущать народъ легкимъ вѣсомъ новой монеты, на монетѣ дѣлали надпись: «монета добрая, цѣна рубль»). Въ результатѣ Петру удалось поднять государственные доходы. До него казна получала до $2^{1}/_{2}$ милліоновъ рублей въ годъ (старою монетою), а въ концѣ царствованія Петра В. доходы возросли до 10 милліоновъ слишкомъ (новою монетою).

Разумѣется, такой ростъ доходовъ казны не легко пришелся народу. Петръ понималъ, какую тяготу наложилъ онъ на страну, и поэтому желалъ придти на помощь своимъ подданнымъ, улучшить условія ихъ труда, поднять ихъ благосостояніе. Какъ всѣ государственные люди той эпохи, главное богатство страны онъ видѣлъ въ деньгахъ, въ золотѣ и серебрѣ, и думалъ, что всего легче привлечь въ государство драгоцѣнные металлы торговлей, устроивъ торговый оборотъ такъ, чтобы больше товаровъ вывозить за границу, а меньше ввозить, и разницу получать деньгами, въ которыхъ и будетъ заключаться барышъ. Для такой цѣли Петръ всячески поощрялъ торговлю и покровительствовалъ ей. Балтійское море онъ цѣнилъ, какъ удобный торговый путь, и всячески притягивалъ къ нему товары, устраивая пути къ нему по сушѣ и по рѣкамъ (каналы Вышневолоцкій и Ладожскій). Зная бѣдность русскихъ горожанъ, онъ совѣтовалъ имъ соединяться въ компаніи и привлекалъ къ торговлѣ дворянъ. Чтобы было чѣмъ торговать съ заграницей, кромѣ малодоходнаго сырья, Петръ всячески поощрялъ промышленность, самъ заводилъ фабрики, пускалъ ихъ въ ходъ и затѣмъ передавалъ въ частныя руки. Онъ искалъ также новыя природныя богатства, на которыя можно было бы направить предпріимчивость промышленнаго люда. При немъ были впервые оцѣнены минеральныя богатства Уральскихъ горъ; былъ найденъ на югѣ каменный уголь, съ которымъ Петръ еще не зналъ что дѣлать.

Словомъ, Петръ сознательно и дѣятельно искалъ средствъ народнаго обогащенія и желалъ подъема производительности въ своемъ народѣ. Для этой цѣли онъ примѣнилъ принятую въ то время въ Западной Европѣ систему протекціонизма, опекая каждый шагъ народной торговли и производства. Ря-

домъ указовъ и распоряженій Петръ предписывалъ, какъ обработывать руду; приказывалъ косить, а не жать хлѣбъ; беречь лѣса; разводить табакъ, шелкъ и вино; улучшить породу скота; ткать холсты; публиковать заграничныя цѣны на товары, «дабы знали, гдѣ что дешево или дорого», и т. д., и т. д. Петръ всему хотѣлъ указывать и все хотѣлъ направлять къ общей пользѣ государства.

§ 113. **Церковное управленіе**. Поведеніе Петра, его нелюбовь къ московской старинѣ и «нѣмецкій» характеръ его реформъ вооружали противъ Петра слѣпыхъ ревнителей старины. Представители «старой вѣры», раскольники, ненавидѣли Петра и почитали его прямо антихристомъ. И между «никоніанами» находилось достаточно людей, которые не могли примириться съ Петромъ и думали, что необходимо протестовать противъ его дѣйствій и нравовъ. Всѣ такіе люди искали опоры въ патріархѣ и ждали, что именно онъ и возьметъ на себя долгъ стать противъ «ересей» Петра. Бывшій въ юности Петра патріархомъ Іоакимъ (§ 100) очень далеко разошелся съ государемъ въ отношеніи къ иноземцамъ. Его преемникъ Адріанъ (1690—1700) былъ менѣе настойчивъ и крутъ, чѣмъ Іоакимъ, но также не скрывалъ своего осужденія всему тому, что дѣлалъ молодой государь. Также несочувственны были Петру и прочіе архіереи стараго московскаго направленія. Поэтому когда Адріанъ умеръ (1700), Петръ и не рѣшился избрать новаго патріарха. Онъ поручилъ исправленіе патріаршей должности («мѣстоблюстительство патріаршаго престола») рязанскому митрополиту Стефану Яворскому и надолго оставилъ этотъ временный порядокъ. Только въ 1721 году послѣдовала реформа церковнаго управленія, которую Петръ обдумалъ съ своимъ любимцемъ и сотрудникомъ, ученымъ псковскимъ епископомъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Реформа состояла въ томъ, что патріаршество было упразднено вовсе и замѣнялось «соборнымъ управленіемъ». Учреждена была изъ лицъ, принадлежащихъ къ духовенству, духовная коллегія, названная *синодомъ*. Составъ синода былъ такой же, какъ и прочихъ коллегій: президентъ (Стефанъ Яворскій), два вице-президента (изъ нихъ одинъ былъ самъ Ѳеофанъ Прокоповичъ), совѣтники, асессоры и секретари. При синодѣ состоялъ и оберъ-прокуроръ. Въ дѣлахъ вѣры синодъ имѣлъ силу и власть патріаршескую, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ стоялъ въ

ряду прочихъ коллегій, подчиняясь надзору генералъ-прокурора и сената. Такъ разрѣшилъ Петръ вопросъ о церковномъ управленіи, кореннымъ образомъ уничтоживъ возможность столкновенія представителей царской и церковной власти.

При Петрѣ было очень сокращено, можно даже сказать, почти уничтожено еще существовавшее въ XVII вѣкѣ церковное общество (§§ 12, 14). Церковные крестьяне были, вмѣстѣ съ вотчинами духовенства, переданы въ управленіе свѣтскаго «монастырскаго приказа» и доходы съ нихъ стали сбираться въ казну, а казна уже отъ себя выплачивала постоянные ежегодные оклады ихъ прежнимъ владѣльцамъ. Рекрутская повинность и подушная подать были распространены на всѣхъ приписанныхъ къ церкви людей, кромѣ только священнослужителей и церковнослужителей съ ихъ семьями. Право церковнаго суда было ограничено: многія дѣла были переданы въ вѣдѣніе свѣтскаго суда, а въ судѣ церковномъ стали участвовать представители свѣтской власти. Наконецъ, Петръ издалъ особый законъ о монашествѣ, который ставилъ иноковъ подъ строгій надзоръ и вовсе уничтожалъ состояніе перехожихъ, бродячихъ монаховъ (1724). Поводомъ къ изданію этого закона послужило извѣстное Петру враждебное отношеніе монашества къ его дѣятельности и личности. Такимъ образомъ при Петрѣ государственная власть сильно ограничила составъ церковнаго общества и установила большій контроль надъ внутреннею жизнью и дѣятельностью церкви.

§ 114. **Просвѣщеніе**. Вся дѣятельность Петра В. была направлена къ тому, чтобы открыть для его государства возможность просвѣщенія. Стремленіе къ морямъ, сближеніе съ иноземцами, передѣлка внутреннихъ порядковъ на европейскій ладъ—все это имѣло цѣлью усвоить Руси блага общечеловѣческой культуры. (Вся работа Петра точно соотвѣтствовала тому девизу, который былъ вырѣзанъ на одной изъ частныхъ печатей Петра Великаго: «азъ бо есмь въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую»). Просвѣщеніе и наука представлялись Петру прежде всего съ ихъ практической стороны. Выучиться чему-нибудь необходимо было для жизни, для дѣла, для того, чтобы тотчасъ приложить знаніе на практикѣ. Дворянинъ долженъ былъ знать грамоту и счетъ для пользы службы, къ которой онъ готовился смолоду. Для пользы службы надо

было дать служащимъ техническую выучку. Такъ возникъ при Петрѣ рядъ практическихъ школъ для преподаванія знаній по грамотѣ русской, по иностраннымъ языкамъ, по математикѣ, морскому дѣлу, инженерному дѣлу, счетоводству и т. д. Узко-практическій характеръ этого элементарнаго обученія создалъ общее мнѣніе, что просвѣщеніе при Петрѣ было исключительно утилитарнымъ, руководилось только соображеніями практической пользы.

Но Петру очень свойственна была мысль о необходимости просвѣщенія и науки вообще. Онъ принималъ мѣры и къ тому, чтобы вообще поднять культурный уровень общества. Для этого, напримѣръ, Петръ заботился о переводѣ съ иностранныхъ языковъ разнаго рода полезныхъ книгъ и объ изданіи ихъ въ свѣтъ. Переводить онъ приказывалъ общедоступнымъ разговорнымъ языкомъ, а не высокимъ славянскимъ книжнымъ слогомъ. Печатать же книги Петръ приказывалъ новымъ упрощеннымъ шрифтомъ («гражданской азбукой»), при чемъ самъ придумалъ форму этого новаго шрифта. Для распространенія въ обществѣ политическихъ свѣдѣній и новостей, а также разнаго рода правительственныхъ извѣщеній, Петръ началъ издавать въ Москвѣ «Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ» (1703). Эти «Московскія Вѣдомости» были первою русскою газетою. Въ концѣ своего царствованія Петръ задумалъ и совершенно подготовилъ учрежденіе въ Петербургѣ академіи наукъ для научныхъ изслѣдованій и обученія наукамъ. Въ эту академію были вызваны ученые изъ Германіи, въ надеждѣ, что они со временемъ подготовятъ и русскихъ ученыхъ.

Петръ думалъ не только объ образованіи, но и о воспитаніи русскихъ людей, о сближеніи русскихъ нравовъ и обычаевъ съ европейскими. Перемѣна костюмовъ и причесокъ была первымъ шагомъ въ этомъ направленіи. Чтобы научить какъ держать себя въ обществѣ по-европейски, учтиво и прилично, Петръ приказалъ перевести и напечатать особое руководство хорошаго тона: «Юности честное зерцало, или показаніе житейскаго хожденія». Петръ охотно устраивалъ разнаго рода публичные церемоніи и праздники, показывая народу образчики общественныхъ торжествъ на европейскій ладъ. Въ особенности любилъ онъ уличные маскарады, состоявшіе изъ миѳологическихъ и этнографическихъ шествій и картинъ, и самъ

лично принималъ участіе въ этихъ шуточныхъ торжествахъ. (Надобно, впрочемъ, замѣтить, что по грубости нравовъ той эпохи подобныя торжества иногда переходили въ мало назидательный разгулъ). Самымъ же оригинальнымъ средствомъ перевоспитать общественные нравы при Петрѣ явились «ассамблеи». Это были публичныя собранія, которыя, по приказанію царя, устраивались по извѣстной очереди въ домахъ знатныхъ и богатыхъ людей. На ассамблеи всѣ дворяне и «знатные» горожане могли являться безъ зова съ своими семьями. Петръ желалъ, чтобы отъ ассамблей не уклонялись, и потому на ассамблеи многіе ѣздили и возили своихъ женъ и дочерей иногда и противъ воли. Самая ассамблея состояла въ томъ, что гости бесѣдовали, танцовали, играли въ разныя игры, пили и ѣли. Церемоній при этомъ не было, и хозяева даже не встрѣчали гостей.

§ 115. **Семейныя дѣла Петра Великаго.** Петръ окончательно разстроилъ свое здоровье осенью 1724 года, простудившись при спасеніи солдатъ, тонувшихъ въ бурю на Петербургскомъ взморьѣ. Скончался онъ 28-го января 1725 года и оставилъ неустроенной судьбу своего престола.

Семейныя дѣла Петра Великаго были не во всемъ благополучны. Отъ брака съ Евдокіею Ѳедоровною (Лопухиной) у Петра былъ сынъ царевичъ Алексѣй (родившійся въ 1690 году). Когда въ 1698 году Петръ расторгъ свой бракъ съ Евдокіею и отправилъ ее въ монастырь, мальчикъ остался въ Москвѣ на попеченіи у своихъ тетокъ-царевенъ. Петру некогда было заниматься своимъ сыномъ, и царевичъ попалъ подъ враждебныя Петру вліянія. Онъ жалѣлъ свою мать, не любилъ отца, учился нехотя и не сочувствовалъ тому, что дѣлалъ отецъ. По характеру робкій и уклончивый, онъ не имѣлъ мужества говорить съ отцомъ прямо и откровенно, и потому Петръ долго не понималъ, почему сынъ такъ неохотно исполняетъ поручаемыя ему дѣла. Приписывая это только лѣни, Петръ всячески втягивалъ сына въ работу, старался сдѣлать его европейцемъ и женилъ его на нѣмецкой принцессѣ (Софіи-Шарлоттѣ Вольфенбюттельской). Но жена царевича скоро умерла, оставивъ сына-малютку Петра (1715). Къ этому времени Петръ В. уже убѣдился, что изъ Алексѣя прока не будетъ, и потребовалъ отъ сына, чтобы тотъ или перемѣнилъ поведеніе, или отрекся отъ престола. Алексѣй отрекся, а за-

тѣмъ убѣжалъ за границу къ германскому императору (Карлу VI) и просилъ у него защиты отъ отца. Но царевича убѣдили вернуться домой. Когда онъ пріѣхалъ въ Москву, надъ нимъ и его друзьями начался розыскъ. Петръ нашелъ признаки заговора противъ себя среди пріятелей сына и отдалъ какъ этихъ пріятелей, такъ и самого царевича подъ судъ. По тогдашнимъ законамъ, за всякое умышленіе противъ царя полагалась смертная казнь. Верховный судъ, составленный изъ важнѣйшихъ сановниковъ, приговорилъ и Алексѣя къ смертной казни. Но царевичъ умеръ до казни въ Петропавловской крѣпости (1718).

Съ 1712 года Петръ состоялъ въ негласномъ бракѣ съ простою женщиною Екатериною Алексѣевною, взятою въ плѣнъ въ Лифляндіи русскими войсками въ началѣ Сѣверной войны. Попавъ въ домъ къ Меншикову, Екатерина тамъ стала извѣстна Петру и приглянулась ему. До конца своей жизни онъ цѣнилъ ея отличный характеръ, ея хозяйственность и умѣнье приспособиться ко всякой обстановкѣ. Въ 1724 году онъ даже короновалъ Екатерину, давъ ей титулъ «императрицы». Дѣти Петра и Екатерины умирали въ младенчествѣ; выросли лишь двѣ дочери: Анна и Елизавета. Старшая изъ нихъ, Анна Петровна, была предъ кончиною Петра обручена съ герцогомъ Голштинскимъ. Въ составѣ царской семьи были еще и племянницы Петра Великаго, дочери царя Ивана. Одна изъ нихъ, Анна, была замужемъ за герцогомъ Курляндскимъ и рано овдовѣла; другая, Екатерина, была выдана замужъ за герцога Мекленбургскаго.

Итакъ, ко времени кончины Петра Великаго царская семья состояла вся изъ женщинъ; маленькій внукъ государя, царевичъ Петръ Алексѣевичъ, представлялъ собою единственное исключеніе. Можно поэтому понять тѣ побужденія, по какимъ Петръ Великій въ 1722 году издалъ свой *законъ о престолонаслѣдіи*. По этому закону государь могъ самъ избрать себѣ наслѣдника, не стѣсняясь династическими отношеніями; могъ даже разъ избраннаго перемѣнить, если тотъ оказывался недостойнымъ. Петру хотѣлось обезпечить себѣ свободу передачи власти при отсутствіи сыновей. Въ оправданіе этого закона Ѳеофанъ Прокоповичъ (§ 113) напечаталъ тогда же цѣлую книгу философскихъ и богословскихъ разсужденій подъ названіемъ «Правда воли монаршей».

Періодъ временщиковъ (1725—1741).

§ 116. **Вопросъ о престолонаслѣдіи послѣ кончины Петра Великаго.** Петръ Великій не оставилъ послѣ себя никакого распоряженія о престолѣ и не успѣлъ воспользоваться закономъ 1722 года о престолонаслѣдіи. По составу императорской семьи нельзя было рѣшить, кто больше всего имѣетъ правъ на престолъ [1]). Единственный внукъ Петра Великаго, сынъ царевича Алексѣя, былъ такъ малъ (10 лѣтъ), что требовалъ надъ собою опеки; а женщинамъ вообще не повелось быть на царствѣ. Шли толки о томъ, что Петръ короновалъ свою супругу Екатерину именно для того, чтобы оставить ей царство. Но говорили и о томъ, что Петръ больше всего склоненъ былъ передать престолъ дочери Аннѣ, очень способной и умной. Словомъ, не знали, кого считать преемникомъ перваго императора. Не знали также, кому слѣдуетъ рѣшать вопросъ о престолѣ, если нѣтъ законныхъ о немъ распоряженій.

При такихъ условіяхъ особую важность получала та среда, которая окружала монарха, съ которою онъ правилъ, которой довѣрялъ дѣла государства. Эта среда образовалась исключительно по личному выбору Петра, умѣвшаго отыскивать способныхъ людей въ самыхъ различныхъ слояхъ общества. Среди сотрудниковъ Петра были люди изъ старой московской знати (князья Голицыны, князья Долгорукіе, князь Репнинъ, Б. П. Шереметевъ и др.); были рядовые дворяне (Нарышкины, Головкины); были люди безъ рода и племени (знаменитый любимецъ Петра Александръ Даниловичъ Меншиковъ; первый генералъ-прокуроръ Ягужинскій; дипломатъ Шафировъ); были, наконецъ, иностранцы, которыхъ Петръ жаловалъ, но не са-

---

[1]) Составъ императорской семьи виденъ изъ слѣдующей родословной таблицы:

Царь *Алексѣй* Михайловичъ.

Іоаннъ Алексѣевичъ. — *Петръ* I Алексѣевичъ.

Екатерина. (Мекленбургск.). *Анна.* (Курляндск.). *Алексѣй.* *Анна.* (Голштинск.). *Елизавета.*

Анна Леопольдовна (Брауншв.). *Петръ* II. *Петръ* III.

Іоаннъ Антоновичъ.

жалъ на высшія должности (таковы: дипломаты Остерма́нъ и́ Брюсъ, инженеръ генералъ Ми́нихъ). При Петрѣ Великомъ эти люди жили и работали вмѣстѣ, знали ходъ дѣлъ, знали намѣренія Петра, были правительствомъ. Конечно, они скорѣе всего могли опредѣлить, кому надлежитъ передать престолъ Петра Великаго.

Эти люди собрались, въ минуту смерти Петра, во дворцѣ и стали разсуждать о судьбахъ престола. Старая знать, во главѣ съ сенаторомъ кн. Дм. Мих. Голицынымъ, желала воцаренія маленькаго Петра Алексѣевича. Меншиковъ же и другіе вельможи, подобно ему незнатные, желали воцарить императрицу Екатерину. Меншиковъ устроилъ такъ, что ко дворцу пришли оба гвардейскіе полка и высказались за воцареніе императрицы. Вмѣшательство «гвардейства» рѣшило дѣло, и Екатерина была провозглашена императрицею; а вся власть перешла къ Меншикову, который всегда былъ въ довѣріи у Екатерины.

Такъ начался въ Россіи періодъ «временщиковъ». Въ составѣ династіи не было людей, способныхъ держать власть въ своихъ рукахъ, и она переходила въ руки придворныхъ вельможъ—случайныхъ любимцевъ, «временщиковъ», «сильныхъ персонъ». Вельможи Петра на бѣду не были дружны и солидарны; тѣ изъ нихъ, которые получали вліяніе и власть, обыкновенно употребляли ихъ въ свою личную пользу и противъ своихъ личныхъ недруговъ. Государство терпѣло отъ этого страшный вредъ, потому что никто не думалъ о народномъ благѣ и государственныхъ интересахъ. Немудрено, что періодъ временщиковъ, тянувшійся 17 лѣтъ (1725—1741), оставилъ по себѣ самую печальную память у русскихъ людей.

§ 117. **Ближайшіе преемники Петра Великаго.** Вотъ главныя событія дворцовой и правительственной жизни этого періода.

Когда императрица Екатерина передала власть Меншикову, среди другихъ сановниковъ началось сильное неудовольствіе противъ временщика, который держалъ себя зано́счиво и злоупотребля́лъ своимъ вліяніемъ. Во главѣ недовольныхъ стоялъ князь Дм. Мих. Голицынъ, старый вельможа, помнившій до-петровскіе порядки. Онъ всегда думалъ, что уничтоженіе боярской думы было ошибкою Петра и что необходимо теперь устроить такое учрежденіе, которое имѣло бы законо-

дательный характеръ (сенатъ его не имѣлъ). Если бы существовало такое «вышнее правительство», то невозможно было бы возвышеніе отдѣльнаго временщика: правило бы цѣлое учрежденіе. По настоянію Голицына и его друзей, такое вышнее правительство и было учреждено (1726). Оно получило наименованіе *верховнаго тайнаго совѣта* и состояло изъ шести наиболѣе видныхъ сановниковъ. Туда вошли и Меншиковъ, и Голицынъ. Новый совѣтъ долженъ былъ при государынѣ обсуждать всѣ важныя внутреннія и внѣшнія дѣла государства, и государыня обѣщала мимо совѣта никакихъ указовъ не выдавать. Сенатъ и синодъ были подчинены новому совѣту (должность генералъ-прокурора была упразднена).

Казалось, наступилъ новый порядокъ; но на дѣлѣ продолжалось старое: Меншиковъ за спиною у совѣта продолжалъ вертѣть дѣлами. Онъ упросилъ Екатерину назначить, по закону 1722 года (§ 115), преемникомъ престола великаго князя Петра Алексѣевича и женить будущаго государя на дочери его, Меншикова. Екатерина согласилась. Вскорѣ затѣмъ она скончалась (1727). По ея завѣщанію на престолъ вступилъ 12-лѣтній императоръ Петръ II. Меншиковъ, какъ нареченный тесть императора, перевезъ его въ свой домъ и сталъ управлять за него дѣлами, какъ государь. Стало быть, учрежденіе верховнаго тайнаго совѣта не помогло противъ временщика.

Тогда среди придворной знати нашлись люди, которые сумѣли иными средствами уничтожить вліяніе Меншикова. Семья князей Долгорукихъ вошла въ довѣріе къ маленькому императору, возстановила его противъ Меншикова и научила, какъ отъ него избавиться. Петръ II объявилъ Меншикову ссылку (сначала въ его имѣнія, а затѣмъ въ г. Березовъ на р. Оби). Дворъ переѣхалъ въ Москву для коронаціи императора, и тамъ Долгорукіе, закруживъ маленькаго государя въ вихрѣ удовольствій, не уберегли его отъ простуды. Маленькій Петръ II скончался въ январѣ 1730 года, не оставивъ завѣщанія.

Члены верховнаго тайнаго совѣта, «верховники», собравшись на совѣщаніе послѣ смерти императора, своею волею избрали на престолъ представительницу старшей линіи царскаго дома, дочь царя Ивана, курляндскую герцогиню Анну. А для того, чтобы устранить возможность появленія времен-

щиковъ, верховники рѣшили предложить новой государынѣ «кондиціи», то-есть ограничительныя условія, и взяли для нихъ образцомъ шведскіе законы, опредѣлявшіе въ Швеціи соправительство сановниковъ съ монархомъ [1]). Эти кондиціи верховники послали къ Аннѣ въ Митаву, гдѣ она жила. Анна согласилась принять престолъ на «кондиціяхъ», подписала ихъ и выѣхала въ Москву. Между тѣмъ въ Москвѣ верховники своихъ кондицій не объявили, а просто сообщили духовенству, сенаторамъ и дворянству о ихъ мысли избрать на престолъ герцогиню Анну, на что и получили общее согласіе.

Въ ту пору, по случаю пребыванія въ Москвѣ императорскаго двора, тамъ была вся гвардія и собралось много дворянства. Слухи о какихъ-то тайныхъ «кондиціяхъ» проникли въ дворянскую среду и страшно взволновали ее. «Затѣйку» верховниковъ сочли за желаніе устроить боярскую олигархію и «вмѣсто одного самодержавнаго государя десять самовластныхъ и сильныхъ фамилій». Дворяне были недовольны: «такъ мы, шляхетство, совсѣмъ пропадемъ», говорили они. Когда въ Москву пришла вѣсть о согласіи Анны принять престолъ и о томъ, что она обѣщается отмѣнить самодержавіе и править съ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, то дворянство сейчасъ же добилось позволенія обсудить новый порядокъ вещей. Дворяне образовали нѣсколько кружковъ, въ которыхъ всѣ говорили противъ верховниковъ. Дождавшись пріѣзда Анны въ Москву, дворянство толпою пришло (25-го февраля 1730 года) во дворецъ и стало просить императрицу о томъ, чтобы «пункты отставить», «принять самодержавство» и «уничтожить верховный тайный совѣтъ». Анна исполнила эту просьбу шляхетства и своими руками надорвала подписанный ею листъ съ ограничительными пунктами.

Съ уничтоженіемъ верховнаго тайнаго совѣта потеряли свое значеніе верховники и тотчасъ же обозначились новые времен-

---

[1]) Тайно отъ всѣхъ другихъ сановниковъ, подъ руководствомъ князя Д. Голицына, верховники составили ограничительную грамоту въ такой формѣ, будто бы сама Анна, по своему собственному почину, обѣщаетъ, принимая русскій престолъ: 1) замужъ не выходить и наслѣдника себѣ не назначать, 2) править страною во всемъ съ согласія верховнаго тайнаго совѣта, который самъ будетъ избирать своихъ членовъ и назначать чиновниковъ на всѣ важнѣйшія должности, и 3) предоставить власть надъ войсками и гвардіей верховному тайному совѣту.

щики. Анна окружила себя своими курляндскими друзьями-нѣмцами, которымъ довѣряла больше, чѣмъ русскимъ людямъ. Первое мѣсто среди этихъ нѣмцевъ занималъ курляндскій ея камергеръ фонъ-Биро́нъ, а затѣмъ братья Левенво́льдъ. Они поставили во главѣ управленія тѣхъ нѣмцевъ, какихъ застали уже въ Россіи: Остерма́нъ сталъ управлять всѣми гражданскими дѣлами, Ми́нихъ занялъ первое мѣсто въ войскахъ. А затѣмъ, на различныя должности при дворѣ, въ диплома́тіи и въ арміи опредѣлялись остзе́йскіе нѣмцы. Было образовано два новыхъ гвардейскихъ полка (Измайловскій и Конный), съ остзейскими офицерами и начальствомъ, какъ бы въ противовѣсъ старымъ полкамъ, Преображенскому и Семеновскому. Такимъ образомъ нѣмцы стали играть главныя роли въ русскомъ государствѣ. По виду всѣми дѣлами руководилъ учрежденный Анною (1731) «кабинетъ», въ которомъ было три «министра»; на дѣлѣ же самымъ явнымъ временщикомъ былъ Биро́нъ.

Биронъ не любилъ Россіи, презиралъ русскихъ, самъ же былъ дурнымъ, невѣжественнымъ, жаднымъ и злымъ человѣкомъ. Биронъ и его близкіе вовсе не думали о народномъ благѣ, а императрица была предана́ лишь удовольствіямъ. Поэтому старанія придворныхъ направлялись къ тому, чтобы собрать какъ можно больше денегъ для двора. Подати и недоимки взыскивались безпощадно, при чемъ за крестьянъ-недоимщиковъ отвѣчали и помѣщики, и мѣстные чиновники. Когда же начинался ропотъ, виновные даже въ пустѣйшихъ разговорахъ забирались въ «тайную канцелярію», которая вѣдала политическія преступленія; тамъ ихъ пытали и подвергали жестокимъ наказаніямъ. Конечно, Биронъ понималъ, что жадностью и жестокостью не пріобрѣсти народной любви, и потому онъ боялся бунтовъ. Для того, чтобы предупредить ихъ, онъ поощрялъ доносы и развилъ цѣлую систему нау́шничества. Доносчики постоянно объявляли за собою «слово и дѣло» (то-есть доносъ) и клевета́ли, на кого хотѣли, подвергая невинныхъ людей пыткамъ и наказаніямъ. Самъ Биронъ, боясь русской знати, побуждалъ Анну къ гоненіямъ на разныхъ вельможъ. Казни и ссылки постигли князей Голицыныхъ, Долгорукихъ и другихъ, хотя никто изъ нихъ ничего не умышлялъ противъ императрицы. Всякое противодѣйствіе Бирону влекло за собою его месть. Кабинетъ-министра Арте́-

мія Петровича Волынскаго онъ довелъ до смертной казни (1740) за то, что тотъ дерзалъ быть самостоятеленъ въ дѣлахъ и говорилъ императрицѣ противъ временщика. Такое поведеніе и правленіе Бирона возмущало всѣхъ и получило особую кличку «бироновщины», подъ которою разумѣли жестокость и корыстолюбивую эксплуатацію страны, соединенную съ системой доносовъ.

Десять лѣтъ продолжалось на Руси господство придворныхъ нѣмцевъ. Государство страдало и жило въ постоянномъ страхѣ доносовъ и жестокихъ гоненій. А дворъ утопалъ въ роскоши; балы и маскарады, охоты и другія увеселенія шли непрерывной вереницей. Забавы Анны носили иногда странный характеръ. Дворецъ былъ полонъ малоумными шутами и комичными уродами, которыми любила развлекаться императрица. Для шутовской свадьбы однажды построенъ былъ даже ледяной домъ на Невѣ, освѣщенный изнутри, и въ немъ былъ данъ шумный праздникъ. Негигіеничная жизнь разстроила здоровье императрицы Анны, и она скончалась въ 1740 году, оставивъ престолъ сыну своей племянницы Анны Леопольдовны и Брауншвейгскаго принца Антона, только-что родившемуся Іоанну Антоновичу. Такъ какъ новорожденный императоръ не могъ самъ править, то регентомъ до его совершеннолѣтія Анна назначила Бирона, который къ тому времени былъ, по желанію Анны, избранъ герцогомъ Курляндскимъ.

Русскіе люди ничего не могли предпринять противъ власти Анны: Анна была дочерью русскаго царя. Но власти регента Бирона они не желали подчиниться. Возбужденіе гвардіи противъ Бирона было такъ велико и явно, что фельдмаршалъ Минихъ легко арестовалъ Бирона во дворцѣ съ помощью караула Преображенскаго полка и передалъ регентство матери императора, Аннѣ Леопольдовнѣ. Когда же стало ясно, что эта правительница неспособна вести управленіе и что при ней нѣмцы остались въ прежней силѣ, то и противъ Анны Леопольдовны началось движеніе «гвардейства». Солдаты и офицеры обратились къ жившей тогда въ Петербургѣ дочери Петра Великаго, Елизаветѣ, съ прямою просьбою взять престолъ отъ нѣмцевъ: «Матушка! мы всѣ готовы», говорили они: «только ждемъ твоихъ приказаній». О томъ же старался французскій посланникъ въ Петербургѣ, маркизъ Шетар-

ди[1]). Елизавета послѣ долгихъ колебаній, наконецъ, рѣшилась на переворотъ. Она отправилась ночью (25-го ноября 1741 года) въ казармы Преображенскаго полка и оттуда съ одною ротою солдатъ (получившей позже титулъ «лейбъ-кампаніи») двинулась во дворецъ, арестовала «Брауншвейгскую фамилію» (то-есть императора Іоанна и его родителей) и объявила себя императрицею. Паденіе нѣмецкаго правительства вызвало всеобщій восторгъ, а національное и гуманное правленіе Елизаветы сдѣлало власть ея прочною и популярною.

Съ восшествіемъ на престолъ Елизаветы окончился періодъ временщиковъ. Надобно замѣтить, что во взаимной враждѣ и борьбѣ временщики и придворныя партіи искали всегда опоры и поддержки въ «гвардействѣ». Меншиковъ съ помощью гвардіи настоялъ на воцареніи Екатерины. Въ толпѣ дворянъ, пришедшихъ къ Аннѣ во дворецъ жаловаться на верховниковъ, именно гвардейство настояло на возстановленіи самодержавія. Минихъ свергъ регента Бирона съ помощью гвардейцевъ. Елизавета воцарилась съ помощью тѣхъ же гвардейцевъ. Словомъ, гвардейскіе полки являлись тою силою, которая и поддерживала или ниспровергала извѣстныхъ лицъ или же политическій порядокъ. Такъ какъ гвардія имѣла опредѣленный сословный составъ, именно дворянскій (§ 109), то, стало быть, главная сила въ столицѣ принадлежала шляхетству, дворянамъ, имѣвшимъ военную организацію. Такъ понимали дѣло и сами гвардейцы, и правительство. Гвардейцы чувствовали свое значеніе, когда предлагали Елизаветѣ принять власть. Императрица Анна и правительница Анна Леопольдовна, каждая по своему, опасались шляхетской гвардіи и слѣдили за ея настроеніемъ. Такой ростъ политической силы дворянства составлялъ самое главное и важное явленіе періода временщиковъ и имѣлъ большія историческія слѣдствія.

§ 118. **Дѣла внутреннія (1725—1741).** Во внутреннемъ управленіи Россіи въ періодъ временщиковъ надобно отмѣтить прежде всего нѣкоторыя измѣненія въ административныхъ порядкахъ Петра Великаго. При Екатеринѣ I былъ образованъ *верховный тайный совѣтъ* (1726), вслѣдствіе чего уничто-

[1]) Для Франціи была бы важна въ ту минуту перемѣна нѣмецкаго правительства въ Россіи на другое, менѣе враждебное видамъ Франціи. Шетарди черезъ доктора Елизаветы, Лестока (француза), дѣйствовалъ на настроеніе Елизаветы.

жена должность генералъ-прокурора и умалено значенiе сената и отчасти синода. Совѣтъ восполнялъ недостатокъ такого законодательнаго учрежденiя въ системѣ Петра Великаго, какимъ была до Петра боярская дума. Именно верховный тайный совѣтъ велъ все управленiе государствомъ, вслѣдствiе личной бездѣятельности Екатерины I и Петра II. За то, что совѣтъ покусился на ограниченiе верховной власти, онъ былъ уничтоженъ (1730); но тотчасъ же возникло подобное уничтоженному совѣту учрежденiе—*кабинетъ*. При императрицѣ Аннѣ также надобно было сосредоточить руководство дѣлами въ одномъ «вышнемъ правительствѣ», такъ какъ сама императрица не занималась дѣлами. Такимъ образомъ администрацiя Петра Великаго была дополнена высшимъ законодательнымъ учрежденiемъ. Были произведены затѣмъ и нѣкоторыя другiя перемѣны: упрощено было мѣстное управленiе, такъ какъ губернскiя учрежденiя Петра Великаго найдены слишкомъ сложными и дорогими. Къ экономiи надобно было тогда стремиться потому, что народъ былъ, можно сказать, разоренъ войнами начала XVIII столѣтiя. Приходилось облегчать и уменьшать податныя тяготы, терпѣть и прощать недоимки, давать бо̀льшую, чѣмъ при Петрѣ, свободу дѣятельности торговымъ и промышленнымъ людямъ. Верховный тайный совѣтъ и старался это дѣлать; наоборотъ, «бироновщина» не хотѣла знать народной бѣдности и жестоко тянула средства изъ народа.

Въ положенiи сословiй въ перiодъ временщиковъ также произошли перемѣны. Измѣнилось нѣсколько положенiе шляхетства: дворянскiя служебныя обязанности были облегчены, а землевладѣльческiя права увеличены. Такимъ образомъ общее положенiе шляхетства улучшилось. Причина этого, между прочимъ, заключалась въ той роли, какую стало играть дворянское «гвардейство» въ столицѣ. Ставъ тамъ силою, на которую опиралась власть, гвардейскiе полки, естественно, получали награды за свою преданность и службу. Но такъ какъ гвардейство было дворянствомъ, то и награды гвардiи имѣли характеръ шляхетскiй, доставались всему дворянству. Въ 1730 году, вставъ противъ «затѣйки» верховниковъ, дворяне въ Москвѣ составляли свои проекты государственнаго устройства. Въ нихъ они для себя просили установленiя 20-лѣтняго срока дворянской обязательной службы, открытiя школъ для

шляхетскихъ дѣтей, отмѣны закона о единонаслѣдіи въ дворянскихъ имѣніяхъ, даннаго въ 1714 году. Когда Анна возстановила самодержавіе, то эти просьбы шляхетства сочла нужнымъ удовлетворить въ виду заслугъ дворянъ при уничтоженіи «затѣйки» верховнаго совѣта: 1) Былъ установленъ для дворянъ срокъ обязательной службы въ 25 лѣтъ, такъ что въ 43—45 лѣтъ дворянинъ уже былъ свободенъ отъ службы; сверхъ того, разрѣшалось въ многолюдныхъ семьяхъ одному изъ братьевъ не служить вовсе; 2) былъ отмѣненъ законъ 1714 года о единонаслѣдіи, и дворянамъ возвращено право завѣщать свою землю всѣмъ сыновьямъ, при чемъ какъ вотчины, такъ и помѣстья (то-есть, казенныя земли) были одинаково обращены въ собственность дворянъ подъ именемъ «недвижимыхъ имуществъ»; 3) былъ въ Петербургѣ учрежденъ «корпусъ кадетовъ» (иначе, «сухопутный шляхетскій корпусъ») изъ двухсотъ молодыхъ дворянъ, которые учились общимъ и военнымъ наукамъ и получали право по окончаніи курса выходить на службу прямо въ офицерскіе чины. Эти три мѣры внесли большое улучшеніе въ шляхетскій бытъ. Служба стала легче, землевладѣніе свободнѣе; сверхъ того, часть дворянъ могла жить, по закону, внѣ службы и хозяйничать, тогда какъ ранѣе всѣ дворяне, поголовно и безсрочно, были привязаны къ службѣ. Такимъ образомъ шляхетству стало лучше жить.

Напротивъ, крестьянамъ, владѣльческимъ въ особенности, жить стало труднѣе. При нѣмецкомъ правительствѣ императрицы Анны съ крестьянъ нещадно взыскивали тяжелыя подати. Такъ какъ съ владѣльческихъ крестьянъ подати и недоимки долженъ былъ доставить казнѣ владѣлецъ-помѣщикъ, то правительство давало помѣщикамъ все бо̀льшую и бо̀льшую власть надъ крестьянами. Въ законѣ не было еще общаго опредѣленія крѣпостного права помѣщика на крестьянъ; но въ жизни это право уже выросло и для помѣщика его крестьяне были такіе же «подданные», какъ въ старину холопы. Крестьянинъ безъ разрѣшенія помѣщика не могъ предпринять ничего; казна не вступала съ нимъ ни въ какія отношенія помимо его владѣльца, даже не принимала его въ военную службу. Помѣщикъ могъ переселить крестьянина съ одной земли на другую; въ случаяхъ какого-либо неповиновенія крестьянъ помѣщикъ могъ требовать себѣ содѣйствія властей.

§ 119. **Дѣла внѣшнія (1725—1741).** Въ царствованіе императрицы Анны Персіи были возвращены взятые у нея при Петрѣ Великомъ города на Каспійскомъ морѣ (§ 107). Русскіе дипломаты согласились на это возвращеніе потому, что прикаспійскій климатъ губилъ русскія войска, а прямой пользы отъ занятаго края не было. Затѣмъ Россіи пришлось вмѣшаться въ дѣла Рѣчи Посполитой. Какъ всегда бывало во времена польскаго безкоролевья, послѣ смерти короля Августа II (1733) сосѣднія державы старались поставить на польскій престолъ каждая своего кандидата. Россія желала видѣть польскимъ королемъ сына Августа II, саксонскаго курфюрста Августа. Между тѣмъ, въ Рѣчи Посполитой выбрали Станислава Лещинскаго, стараго союзника Карла XII и врага Петра Великаго. Не желая допустить Станислава до власти, русское правительство послало свои войска въ Польшу (подъ командою Ласси, потомъ Миниха). Они загнали Станислава въ Данцигъ и послѣ долгой осады взяли городъ и заставили Станислава бѣжать изъ Польши. Королемъ же сталъ Августъ III (1734). Наконецъ, въ царствованіе Анны Россія вела долгую (1736—1739) войну съ Турціей. Война началась изъ-за набѣговъ крымцевъ на русскія украйны. Главнымъ героемъ этой войны былъ фельдмаршалъ Минихъ. Ему удалось сдѣлать то, чего не могъ сдѣлать князь В. В. Голицынъ (§ 99), именно взять Перекопь, войти въ Крымъ и разорить его. Затѣмъ Минихъ взялъ важную турецкую крѣпость Очаковъ, запиравшую выходъ въ море изъ Днѣпра и Буга, и, перейдя р. Прутъ, разбилъ турокъ подъ г. Хотиномъ (при дер. Ставучанахъ). Русскими былъ въ эту войну взятъ и знаменитый Азовъ (§ 107). По мирному договору (1739 года въ Бѣлградѣ) Россія получила значительныя пространства Черноморской степи, но не получила морскихъ береговъ: Азовъ условлено было срыть и оставить въ нейтральной, пустой полосѣ между Россіей и Турціей.

Время императрицы Елизаветы Петровны (1741—1761).

§ 120. **Общее направленіе и характеръ царствованія Елизаветы.** Вступивъ во власть, императрица Елизавета устранила отъ дѣлъ всѣхъ вліятельныхъ нѣмцевъ и передала дѣла въ руки русскихъ людей. «Брауншвейгская фамилія» была

выслана въ г. Холмогоры, откуда самъ бывшій императоръ Іоаннъ Антоновичъ впослѣдствіи былъ перемѣщенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Остерманъ и Минихъ были сосланы въ Сибирь; Бирона же изъ Сибири, куда его послали при Аннѣ Леопольдовнѣ, перевели въ Ярославль. При расправѣ съ нѣмцами, несмотря на большое раздраженіе противъ нихъ, никто не былъ казненъ, такъ какъ Елизавета, какъ говорятъ, при вступленіи на престолъ дала обѣщаніе никого не казнить смертною казнью во все свое царствованіе. Эти двѣ черты Елизаветинскаго царствованія—русское направленіе и гуманность—были всѣми замѣчены и доставили императрицѣ общую любовь.

На каждомъ шагу новая государыня говорила, что желаетъ во всемъ возстановить порядки Петра Великаго. Но ни сама она, ни ея сотрудники, за немногими исключеніями, уже не помнили порядковъ Петра. Елизавета и вообще была мало знакома съ дѣлами и мало интересовалась ими. При жизни своихъ родителей она была живымъ, веселымъ и добродушнымъ ребенкомъ; позднѣе же, при Аннѣ, она была удалена отъ всякихъ дѣлъ. Находясь подъ опалою императрицы Анны, она жила вдали отъ двора (въ Александровской слободѣ, знаменитой со времени Ивана Грознаго) и чувствовала себя какъ бы въ ссылкѣ. Позже ее вызвали ко двору, но держали подъ присмотромъ. Ея характеръ испортился отъ гоненій и преслѣдованій. Она стала подозрительна и вспыльчива, а въ то же время лѣновата и апатична; у нея не было желанія трудиться надъ дѣлами, узнать положеніе государства и самой дѣятельно руководить правленіемъ. Уничтоживъ Кабинетъ, Елизавета все правленіе предоставила сенату. Но Петръ запрещалъ сенату законодательствовать; а при Елизаветѣ сенатъ превратился въ такое же законодательное учрежденіе, какимъ ранѣе былъ верховный тайный совѣтъ. Онъ издавалъ законы и вѣдалъ всѣ стороны государственнаго управленія. Однако Елизавета не видѣла въ такой дѣятельности сената умаленія своей собственной власти.

Изъ числа приближенныхъ Елизаветы особенно выдавались графы Разумовскіе (Алексѣй и Кириллъ Григорьевичи), по происхожденію малороссійскіе казаки. Изъ нихъ старшій, по преданію, былъ тайно повѣнчанъ съ императрицею. Онъ пользовался своимъ высокимъ положеніемъ очень благодушно,

никому не дѣлалъ зла и не желалъ вмѣшиваться въ управленіе государствомъ. Младшій (Кириллъ), получивъ хорошее образованіе за границей, былъ президентомъ академіи наукъ и, кромѣ того, гетманомъ Малороссіи. Кромѣ Разумовскихъ, пользовались расположеніемъ Елизаветы братья графы Шуваловы, изъ которыхъ одинъ (Петръ Ивановичъ) былъ главнымъ дѣльцомъ въ сенатѣ, а другой (Иванъ Ивановичъ) заслужилъ извѣстность стремленіемъ къ просвѣщенію, знакомствомъ съ французскою литературою и меценатствомъ. (Именно ему принадлежитъ проектъ основанія въ Москвѣ университета, котораго онъ и былъ первымъ «кураторомъ»). За Шуваловыми слѣдуетъ упомянуть близкую къ Елизаветѣ семью Воронцовыхъ, одинъ изъ которыхъ (графъ Михаилъ Илларіоновичъ) былъ виднымъ дипломатомъ того времени. Всѣ перечисленныя фамиліи любимцевъ Елизаветы принадлежали къ ея придворному штату еще тогда, когда она была опальною цесаревною. Никто изъ нихъ ранѣе не участвовалъ въ государственномъ управленіи; никто не былъ сотрудникомъ Петра Великаго. Одинъ только старый дипломатъ, канцлеръ Елизаветы, графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, называлъ себя и на самомъ дѣлѣ былъ «ученикомъ» Петра.

Врядъ ли всѣ эти люди могли припомнить и точно возстановить порядокъ Петра Великаго. Врядъ ли, впрочемъ, его и возможно было точно возстановить. Въ годы, прошедшіе со времени кончины Петра, жизнь ушла впередъ. Опытъ показалъ уже, что областныя учрежденія Петра сложны и дороги (§ 111); трудно было ихъ устроить во всей ихъ сложности. Далѣе, бытъ дворянства настолько измѣнился къ лучшему во время Анны, что трудно было и подумать отнять у дворянъ дарованныя имъ Анною льготы и заставить ихъ снова жить и служить по Петровскимъ законамъ. Такимъ образомъ возвращеніе къ законамъ Петра, обѣщанное Елизаветою, не могло быть исполнено въ точности. Но, тѣмъ не менѣе, Елизавету любили и почитали, какъ «дочь Петра», за то, что она возвратила Россію къ Петровскому обычаю—дѣлать дѣла по возможности посредствомъ русскихъ же людей. Спокойное и популярное царствованіе Елизаветы было временемъ, когда русское общество отдохнуло отъ бироновщины, пришло въ себя и жило, не боясь завтрашнаго дня и собирая силы для будущей славной эпохи завоеваній и преобразованій. Въ этомъ

заключалось историческое значенiе временъ Елизаветы и причина ея популярности среди подданныхъ.

§ 121. **Дѣла внутреннія (1741—1761).** Елизаветинскій сенатъ не стремился въ управленіи государствомъ ни къ какимъ крупнымъ преобразованіямъ и не задавался никакими широкими проектами, ограничиваясь частными мѣрами по различнымъ отраслямъ управленія. Большое вниманіе оказывалъ сенатъ дѣламъ церковнаго благочинія (заботясь о печатаніи церковныхъ книгъ, объ улучшеніи иконописанія, о благолѣпіи храмовъ, также о благосостояніи духовенства и о защитѣ его отъ обидъ и притѣсненій). Въ сферѣ народнаго просвѣщенія главнымъ дѣломъ было основаніе Московскаго университета (1755) съ двумя приготовительными къ нему гимназіями (для дворянъ и для «разночинцевъ», то-есть лицъ, уволенныхъ изъ другихъ сословій). При академіи наукъ университетъ съ гимназіей былъ образованъ и въ Петербургѣ; но въ Петербургѣ, удаленномъ отъ центральныхъ дворянскихъ губерній, дворянамъ было неудобно учиться; поэтому академическій университетъ заглохъ. Учреждались при Елизаветѣ и другія школы: въ губерніяхъ — общеобразовательныя, а въ столицахъ — разнаго рода спеціальныя. Въ сферѣ военной важенъ былъ законъ, облегчившій рекрутскіе наборы: установлена была рекрутчина ежегодно лишь съ одной пятой части государства. Въ сферѣ экономической любопытно было учрежденіе государственныхъ заемныхъ банковъ съ дешевымъ кредитомъ въ 6% годовыхъ; особо дѣйствовалъ банкъ для дворянства и особо для купечества. Были уничтожены внутреннія таможни, стѣснявшія свободу движенія товаровъ и бывшія наслѣдіемъ глубокой старины. Установленъ 15-лѣтній срокъ для производства податныхъ ревизій, съ цѣлью упорядочить платежъ подушной подати, и по этому новому правилу были произведены двѣ ревизіи, одна въ началѣ, другая — въ концѣ царствованія Елизаветы. Въ области наказаній сенатъ, подчиняясь упорному нежеланію Елизаветы утверждать смертные приговоры, нѣсколько разъ давалъ распоряженіе не примѣнять смертной казни и обращать осужденныхъ въ тяжкія работы.

Особенное вниманіе оказывалъ сенатъ шляхетству. Рядомъ распоряженій было разъяснено, что только дворяне могутъ владѣть населенными имѣніями и что въ дворянствѣ надлежитъ считать только такихъ потомственныхъ дворянъ, ко-

торые докажутъ свое дворянское происхожденіе установленнымъ порядкомъ. Этими распоряженіями дворянство было превращено въ замкнутое сословіе, отличіемъ котораго стали его землевладѣльческія права и благородное происхожденіе, а не только одна служебная повинность. При Елизаветѣ дворяне начинаютъ уже мечтать о полной отмѣнѣ этой повинности, облегченной для нихъ указомъ императрицы Анны.

§ 122. **Дѣла внѣшнія (1741—1761).** Вступая на престолъ, Елизавета застала при русскомъ дворѣ различныя политическія вліянія [1]). Въ Европѣ тогда шла борьба за «австрійское наслѣдство» между Австріей и Пруссіей. И та и другая желали видѣть Россію своей союзницей. За Пруссію старался не только самъ прусскій король Фридрихъ II, но и французскіе дипломаты, именно Шетарди. За Австрію стоялъ русскій канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ, который очень опасался быстраго возвышенія Пруссіи и завоевательныхъ стремленій ея «скоропостижнаго короля» (какъ онъ называлъ Фридриха II). Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы и интригъ Бестужевъ одолѣлъ: его стараніями Шетарди былъ высланъ изъ Россіи; Россія склонилась на сторону Австріи и приняла участіе въ новой «семилѣтней войнѣ» противъ Пруссіи.

Семилѣтняя война началась въ 1756 году. Фридрихъ имѣлъ противъ себя Австрію и примирившуюся съ нею Францію. Россія не сразу была готова къ войнѣ; русскія войска только въ 1757 году вступили въ Восточную Пруссію. Командовавшій ими генералъ С. Ѳ. Апраксинъ разбилъ пруссаковъ (при Гроссъ-Егерсдорфѣ на р. Прегелѣ), но не воспользовался побѣдою, а, сославшись на плохое состояніе своихъ войскъ, самъ отступилъ изъ Пруссіи [2]). Въ послѣдующіе годы (1758—1760) русскія войска заняли Восточную Пруссію съ ея глав-

---

[1]) Во время воцаренія Елизаветы Россія находилась въ войнѣ со Швеціей (1741). Швеція начала воевать изъ-за ничтожныхъ поводовъ и не имѣла успѣха. Въ 1743 году она согласилась на миръ, уступивъ Россіи Финляндскія области къ востоку отъ р. Кюмени.

[2]) За это онъ былъ смѣненъ и отданъ подъ судъ. Елизавета подозрѣвала, что Апраксинъ не желалъ воевать, ожидая скорой ея кончины и имѣя въ виду нерасположеніе къ Прусской войнѣ наслѣдника русскаго престола великаго князя Петра Ѳедоровича и его супруги Екатерины Алексѣевны. Въ соучастіи съ Апраксинымъ былъ заподозрѣнъ и обвиненъ самъ канцлеръ Бестужевъ. Онъ тоже былъ смѣненъ и высланъ въ его деревни. На его мѣсто былъ назначенъ М. И. Воронцовъ.

нымъ городомъ Кенигсбергомъ и вторглись въ Бранденбургъ. Въ кровопролитнѣйшей битвѣ подъ Цорндорфомъ (близъ рѣки Одера) пруссаки остановили напоръ русскихъ; русская армія, потерявъ болѣе 20.000 человѣкъ, оставила раньше прусской поле битвы и отошла въ порядкѣ на востокъ, почему Фридрихъ и приписалъ себѣ побѣду (1758). Въ слѣдующемъ году (также близъ р. Одера, въ окрестностяхъ г. Франкфурта) при Кунерсдорфѣ генералъ Салтыковъ разбилъ прусскую армію и почти ее уничтожилъ; самъ Фридрихъ едва спасся отъ плѣна (1759). Еще черезъ годъ русскимъ отрядамъ удалось на время захватить Берлинъ и взять съ него контрибуцію (1760).

Средства Пруссіи были совершенно истощены войною, и Фридрихъ, можно сказать, погибалъ. Его спасла только кончина императрицы Елизаветы (въ самый день Рождества 1761 года). Наслѣдникъ Елизаветы, императоръ Петръ III, немедленно прекратилъ войну съ Фридрихомъ, возвратилъ ему все у него завоеванное и заключилъ съ Пруссіей не только миръ, но и союзъ. Россія, такимъ образомъ, сразу потеряла плоды своихъ завоеваній и даромъ погубила много своихъ людей и средствъ.

§ 123. **Вопросъ о престолонаслѣдіи.** Тотчасъ по воцареніи императрица Елизавета приняла мѣры къ тому, чтобы обезпечить престолонаслѣдіе за потомствомъ Петра Великаго. Это потомство было представлено тогда однимъ только маленькимъ внукомъ Петра по женской линіи—голштинскимъ герцогомъ Карломъ-Петромъ-Ульрихомъ, сыномъ Анны Петровны. У Елизаветы, стало быть, выбора не было, и она пригласила герцога въ Россію. Герцогъ немедля пріѣхалъ въ Петербургъ вмѣстѣ со своимъ воспитателемъ (отецъ и мать его уже умерли). Объявленный наслѣдникомъ русскаго престола, онъ принялъ православіе и сталъ великимъ княземъ Петромъ Ѳедоровичемъ. По достиженіи имъ 17-лѣтняго возраста его женили. Невѣста его была дочь прусскаго генерала, изъ мелкихъ владѣтельныхъ принцевъ Ангальтъ-Цербстъ, Софія-Августа, всего на одинъ годъ моложе жениха; ее привезли въ Петербургъ и присоединили къ православію съ именемъ Екатерины Алексѣевны. Послѣ свадьбы (1745) юная великокняжеская чета жила подъ надзоромъ лицъ, завѣдывавшихъ ихъ «малымъ» дворомъ. Великій князь кончалъ свое образованіе, а великая княгиня скучала безъ общества и

много читала. Въ 1754 году у нея родился сынъ, великій князь Павелъ Петровичъ; его не оставили на рукахъ матери, а взяли на личное попеченіе самой императрицы Елизаветы.

Съ теченіемъ времени открылась громадная противоположность ума и характеровъ великаго князя и великой княгини, слѣдствіемъ чего явился ихъ глубокій разладъ.

Великій князь Петръ Ѳедоровичъ былъ такъ легкомысленъ, что возбуждалъ сомнѣніе въ своей душевной нормальности. Онъ ничего не зналъ изъ того, чему его учили, и отличался большою безтактностью. Россіи онъ не любилъ и не скрывалъ этого, восторгаясь Фридрихомъ Прусскимъ и его побѣдами. Православіе въ немъ было смѣшано съ протестантствомъ, и онъ самъ не въ состояніи былъ разобрать, во что онъ вѣровалъ. Подъ вліяніемъ вина, до котораго онъ былъ большой охотникъ, онъ совершалъ большія невѣжества и шалости даже за столомъ, при посторонних. Самъ онъ считалъ себя военнымъ человѣкомъ, но военнаго дѣла не разумѣлъ и ограничивалъ свои военныя занятія грубыми кутежами съ офицерами выписанныхъ для него (въ Ораніенбаумъ) голштинскихъ баталіоновъ и дѣтскою игрою въ солдатики, разставленные на столахъ. Онъ не чувствовалъ своего духовнаго убожества и былъ высокаго мнѣнія о самомъ себѣ, съ высокомѣрною грубостью относясь ко всѣмъ окружающимъ и даже къ своей женѣ. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ яснѣе становилось, что онъ не могъ править государствомъ.

Напротивъ, великая княгиня Екатерина Алексѣевна съ годами обнаружила большой умъ и блестящія способности. Уже въ дѣтствѣ она казалась выдающимся ребенкомъ. Когда судьба привела ее во дворецъ Елизаветы, она должна была жить тамъ безъ родныхъ и близкихъ, среди чуждыхъ ей придворныхъ, съ мужемъ, котораго она не могла любить. Въ такой трудной и тоскливой обстановкѣ Екатерина не потерялась. Предоставленная самой себѣ, она начала читать и учиться. Отъ легкаго чтенія она перешла къ серьезному и въ нѣсколько лѣтъ познакомилась съ современной ей французской, по преимуществу философской и политической, литературою. Мало-по-малу она стала «ученицей» Монтескьё, Вольтера и «энциклопедистовъ», только-что создавшихъ тогда «новую философію» вѣка «просвѣщенія». По силѣ ума и широтѣ образованія Екатерина была самымъ выдающимся человѣкомъ

Елизаветинскаго двора, и придворные вельможи не могли не замѣтить, что изъ наивной дѣвочки Екатерина превратилась въ замѣчательную женщину.

Рожденіе великаго князя Павла Петровича имѣло большое значеніе для всего двора. Ясно было, что великій князь Петръ Ѳедоровичъ управлять Россіею не можетъ по неспособности къ дѣламъ и по отсутствію русскаго патріотизма. По закону 1722 года (§ 115), Елизавета могла замѣнить его кѣмъ угодно и, разумѣется, скорѣе всего его сыномъ Павломъ. Но надъ маленькимъ Павломъ необходима опека, а опека естественнѣе всего могла быть ввѣрена матери Павла, Екатеринѣ. Такимъ образомъ Екатерина получала опредѣленную, очень важную роль въ вопросахъ престолонаслѣдія. Однако Елизавета, отлично понимая непригодность Петра, боялась устранить его и не желала дать власть Екатеринѣ. Такъ до самой кончины она и не рѣшила этого мучившаго ее дѣла.

§ 124. **Воцареніе и сверженіе Петра III Ѳедоровича.** Получивъ власть послѣ смерти своей тетки, Петръ III Ѳедоровичъ желалъ ознаменовать начало своего правленія милостями. Онъ помиловалъ многихъ людей, сосланныхъ въ предшествующія царствованія (и прежде всего знаменитыхъ Бирона и Миниха). Онъ уничтожилъ «тайную канцелярію», въ которой со временъ императрицы Анны производились дѣла и чинились наказанія по политическимъ преступленіямъ. Наконецъ, онъ (манифестомъ 18-го февраля 1762 года) далъ дворянамъ вольность служить или не служить по ихъ собственному желанію, но при этомъ выразилъ увѣренность, что дворяне и впредь не будутъ укрываться отъ службы и не дерзнутъ дѣтей своихъ оставлять безъ обученія «благопристойнымъ наукамъ».

Однако эти мѣры, даже давно желаемый дворянами манифестъ о вольности дворянской, не могли расположить русскихъ людей къ Петру III, такъ какъ все остальное его поведеніе возбуждало сильнѣйшее противъ него неудовольствіе. Во-первыхъ, не нравилась внѣшняя политика императора. Всѣхъ раздражало безславное прекращеніе войны съ Фридрихомъ, войны, которую въ Россіи привыкли считать необходимою и побѣдоносною. Желаніе же Петра вмѣсто Прусской войны начать войну съ Даніей, за ея мнимыя угрозы Голштинскимъ владѣніямъ, казалось ненужнымъ и нелѣпымъ съ русской

точки зрѣнія. Огромное вліяніе, какое получилъ при русскомъ дворѣ прусскій король и его посолъ, представлялось позоромъ для Россіи. Во-вторыхъ, отношеніе Петра III къ духовенству и дворянской гвардіи было таково, что вызывало у нихъ чувство горькой обиды. Императоръ не понималъ православныхъ вѣрованій и обычаевъ, не чтилъ иконъ, смѣялся надъ одеждою духовенства, желалъ закрытія домовыхъ церквей, отнялъ у духовенства управленіе его землями и крестьянами, передавъ ихъ въ особую «коллегію экономіи». Духовенство подало государю сильно написанное представленіе по поводу его гоненій, но онъ просто не понялъ этого протеста духовенства и легкомысленно забросилъ его. Гвардія чувствовала на себѣ тоже гоненіе. Петръ называлъ гвардейцевъ янычарами, не скрывая того, что опасается ихъ движенія. Онъ хотѣлъ развести ихъ по армейскимъ полкамъ, явно предпочиталъ имъ своихъ голштинскихъ солдатъ и смѣялся надъ ними. Вмѣсто простой и удобной Елизаветинской формы Петръ далъ гвардіи прусскую форму, дорогую и стѣснительную. Наконецъ, онъ объявилъ гвардіи походъ на Данію, цѣль котораго ей была непонятна. Въ-третьихъ, личное поведеніе Петра всѣмъ представлялось прямо зазорнымъ: «онъ не похожъ былъ на государя», говорили о немъ. Дѣтскія выходки у него смѣнялись грубыми кутежами. При всемъ дворѣ и даже на народѣ онъ являлся нетрезвымъ и несерьезнымъ человѣкомъ. Онъ не скрывалъ своей нелюбви къ Екатеринѣ, при всѣхъ обижалъ ее и грозилъ заточить. Было ясно, что Петръ, самъ не умѣя править, подвергалъ опасности и государство и свою семью. Казалось, что съ нимъ возвращались самыя худыя времена нѣмецкаго господства, воскресала бироновщина. Петръ напоминалъ собою печальной памяти нѣмецкихъ временщиковъ; трудно было ожидать, чтобы ему продолжали повиноваться.

Императрица Екатерина Алексѣевна отлично воспользовалась нерасположеніемъ общества къ Петру III. Въ то время, когда Петръ, не похоронивъ еще праха Елизаветы, началъ свои шумныя и непристойныя выходки и пирушки, Екатерина долго носила трауръ по Елизаветѣ и вела скромный и пристойный образъ жизни, показывая собою полную противоположность мужу. Онъ не скрывалъ своихъ нѣмецкихъ симпатій; она старалась всегда казаться православною и русскою. Онъ не упускалъ случая обидѣть ее; она держалась скромно

и съ достоинствомъ. Но въ то же время она принимала дѣятельное участіе въ приготовленіяхъ къ перевороту въ ея пользу. Эти приготовленія шли въ кругу нѣкоторыхъ Елизаветинскихъ вельможъ и въ гвардейскихъ полкахъ. Вельможи были очень осторожны и скрытны, а гвардейская молодежь смѣла и рѣшительна. Поэтому именно молодежь и повела дѣло впередъ. Во главѣ ея стала семья офицеровъ Орловыхъ (изъ которыхъ въ особенности работали въ пользу Екатерины два брата, Алексѣй и Григорій Григорьевичи). Среди гвардейскихъ и армейскихъ полковъ, стоявшихъ въ столицѣ, заговорщики насчитывали до 10ти тысячъ преданныхъ Екатеринѣ солдатъ. Лѣто 1762го года Петръ III-й проводилъ въ Ораніенбаумѣ, а Екатерина — въ Петергофѣ. Рано утромъ 28-го іюня Орловы тайно вывезли Екатерину въ Петербургъ и провозгласили ее императрицею и самодержицей, а великаго князя Павла Петровича наслѣдникомъ престола. Всѣ войска присягнули Екатеринѣ, народъ ликовалъ. Вельможи въ Зимнемъ дворцѣ привѣтствовали новую государыню. Пославъ своихъ сторонниковъ въ Кронштадтъ привести его къ присягѣ новому правительству, Екатерина къ вечеру 28-го іюня выступила съ войсками въ Ораніенбаумъ противъ Петра. Императоръ не рѣшился на борьбу и въ день своихъ именинъ, 29-го іюня, подписалъ отреченіе отъ престола. Онъ былъ отправленъ на мызу Ропшу, подъ присмотромъ Ал. Гр. Орлова, и раньше, чѣмъ Екатерина рѣшила, что съ нимъ далѣе дѣлать, онъ въ Ропшѣ скончался [1]).

---

[1]) Въ бездѣйствіи заточенія Петръ, вмѣстѣ со стерегшими его офицерами, развлекался, по своему обычаю, виномъ и лишился жизни отъ удара, полученнаго въ хмельной ссорѣ. Екатерина была очень разстроена происшедшимъ, понимая, что молва можетъ безъ вины приписать ей скоропостижную смерть ея мужа. Народу было объявлено, что Петръ скончался отъ „гемороидической колики", и прахъ его былъ погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ въ Петербургѣ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Расцвѣтъ дворянскихъ привилегій и крѣпостного права.

Время императрицы Екатерины II (1762—1796).

§ 125. **Общее значеніе и дѣятели царствованія Екатерины II.** Царствованіе императрицы Екатерины II было однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ русской исторіи. Екатерину часто называютъ продолжательницею Петра Великаго какъ за внутреннія реформы ея времени, такъ и за крупныя завоеванія, ею совершенныя. Внутри государства Екатерина вела замѣчательныя законодательныя работы, преобразовала губернское управленіе, дала самоуправленіе сословіямъ, дворянскому и городскому, и опредѣлила ихъ права. Во внѣшней политикѣ Екатерина достигла огромныхъ успѣховъ: послѣ ряда войнъ она пріобрѣла Крымъ и сѣверные берега Чернаго моря; возвратила Россіи русскія области Рѣчи Посполитой и присоединила Курляндію. За ея колоссальныя пріобрѣтенія ей усваивается иногда титулъ Великой. Въ культурномъ отношеніи эпоха императрицы Екатерины II не менѣе замѣчательна. Правительство Екатерины было просвѣщеннымъ, либеральнымъ и гуманнымъ. Широкое образованіе и философскія идеи государыни оказали вліяніе не только на законодательство и на политику, но и на литературное движеніе ея времени. «Вѣкъ Екатерины» имѣетъ опредѣленную физіономію не только въ государственной исторіи Россіи, но и въ исторіи русской литературы.

Екатерина II отличалась умѣньемъ выбирать государственныхъ людей и пользоваться ихъ способностями. Поэтому въ ея время въ разныхъ отрасляхъ государственной дѣятельности появилось много талантливыхъ людей. «Изъ стаи славной Екатерининскихъ орловъ» (по выраженію Пушкина) нѣкоторые снискали себѣ громкую боевую славу и получили широкую извѣстность, нѣкоторые же оставили по себѣ глубокій слѣдъ въ преобразовательныхъ работахъ и правительственномъ творчествѣ ихъ эпохи. Изъ сотрудниковъ Екатерины необходимо помнить слѣдующихъ. Внѣшнюю политику Россіи Екате-

рина начала вести сама въ сотрудничествѣ съ умнѣйшимъ и тонкимъ дипломатомъ графомъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ. Еще при Елизаветѣ Панинъ былъ назначенъ воспитателемъ великаго князя Павла Петровича. Оставивъ Панина въ этой должности, Екатерина пользовалась его совѣтами по всякимъ дѣламъ и передала ему управленіе коллегіей иностранныхъ дѣлъ, почему Панинъ и сосредоточился главнымъ образомъ на дипломатическихъ дѣлахъ. Послѣ Панина, въ концѣ царствованія Екатерины, внѣшними сношеніями завѣдывалъ графъ А. А. Безбородко. Въ сферѣ внутренняго управленія вліяніе принадлежало сначала братьямъ Орловымъ (§ 124); затѣмъ Орловы уступили мѣсто новому фавориту—Григорію Александровичу Потемкину. Это былъ очень умный и оригинальный до чудачества человѣкъ, который легко переходилъ отъ напряженной дѣятельности къ лѣнивому бездѣлью и отъ смѣлыхъ плановъ къ робкому малодушію. Его любимымъ дѣтищемъ былъ русскій югъ—Новороссія, въ устройствѣ которой проявились поразительныя способности Потемкина. Екатерина никого изъ своихъ сотрудниковъ не ставила такъ высоко, какъ Потемкина, за «превосходный умъ» и «вѣрность». Кромѣ Орловыхъ и Потемкина, соединявшихъ свою государственную дѣятельность съ придворнымъ значеніемъ, вокругъ Екатерины сосредоточились менѣе вліятельные, но не менѣе даровитые и замѣчательные дѣльцы по разнымъ отраслямъ управленія. Таковы, напримѣръ, генералъ-прокуроръ сената князь Вяземскій и новгородскій губернаторъ графъ Сиверсъ, съ которыми Екатерина вела свои внутреннія реформы; таковы Ив. Ив. Бецкій, главный совѣтникъ императрицы по вопросамъ воспитанія и обученія, и многіе другіе. Въ длительныхъ войнахъ времени Екатерины выдвинулось много способныхъ военачальниковъ. На первомъ мѣстѣ среди нихъ блистали графы П. А. Румянцевъ и А. В. Суворовъ-Рымникскій (имѣвшій въ старости титулъ «князя Италійскаго»). Въ особенности Суворовъ сталъ знаменитъ своею непобѣдимостью и оригинальностью. Во всю свою жизнь не проигралъ онъ ни одной битвы. Всѣ его военные пріемы и обычаи отличались самобытностью, а поведеніе—чудачествомъ. Онъ умѣлъ близко подойти къ солдатамъ и, такъ сказать, сжиться и сродниться съ ними; въ то же время, обладая военнымъ образованіемъ, опытомъ и громаднымъ умомъ, онъ могъ возвыситься до созданія своей собственной тактики.

Въ его школѣ получили подготовку многіе боевые генералы послѣдующей эпохи Отечественной войны.

§ 126. **Дѣла внутреннія. Начало царствованія и комиссія 1767—1768 гг.** Первые годы царствованія императрица Екатерина посвятила изученію своего государства и порядка управленія. Она путешествовала по различнымъ областямъ Россіи (была въ Москвѣ, въ Поволжьѣ, въ Остзейскомъ краѣ). Понемногу она подбирала себѣ сотрудниковъ и стремилась къ тому, чтобы всѣ нити управленія собрать въ своихъ рукахъ. Сенатъ въ началѣ правленія Екатерины былъ раздѣленъ, для ускоренія дѣлъ, на шесть департаментовъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ опредѣленный, спеціальный кругъ занятій. Генералъ-прокурору сената Екатерина дала инструкцію держать сенатъ въ предѣлахъ его законныхъ полномочій. Такъ Екатерина освободила себя отъ возможнаго вліянія сената, привыкшаго при Елизаветѣ къ большой власти. Въ то же время Екатерина освобождалась и отъ вліянія отдѣльныхъ лицъ ея двора, которыя покушались было по-своему управлять дѣлами при молодой и, какъ они думали, неопытной государынѣ. При всемъ умѣ и ловкости Екатерины ей потребовалось нѣсколько лѣтъ для того, чтобы совершенно укрѣпиться во власти [1]).

Съ 1765 года Екатерина начала опредѣленно работать для достиженія главной своей цѣли, какую она поставила себѣ, вступая на престолъ: «чтобы каждое государственное мѣсто имѣло свои предѣлы и законы къ соблюденію добраго во всемъ порядка». По мысли Екатерины, достигнуть порядка и законности въ государствѣ можно было, давъ обществу но-

---

[1]) Какъ еще мало нѣкоторые вѣрили тогда въ прочность правленія Екатерины, показываетъ дѣло Мировича (1764). Этотъ незначительный офицеръ, знавшій, что императоръ Іоаннъ Антоновичъ содержится въ Шлиссельбургской крѣпости, задумалъ освободить его, привезти въ Петербургъ и посадить снова на тронъ, свергнувъ Екатерину. Мировичъ полагалъ, что это можно сдѣлать съ помощью одного крѣпостного караула, и внезапно увлекъ за собою солдатъ къ каземату, гдѣ жилъ Іоаннъ. Но, когда онъ ворвался въ казематъ, оказалось, что Іоаннъ уже мертвъ: согласно приказанію, данному еще при Елизаветѣ, стража умертвила бывшаго императора, какъ только увидала намѣреніе его освободить. Мировичъ былъ арестованъ и казненъ; но его легкомысленная попытка очень напугала Екатерину.

вые, совершенные законы [1]). Какъ всѣ раціоналисты-философы того времени, Екатерина думала, что государственная власть можетъ пересоздать государственный и общественный строй, какъ ей угодно, по велѣнію «разума». Не было нужды, думала она, приводить въ систему старые плохіе законы, продиктованные невѣжествомъ или навѣянные татарскимъ игомъ. Надобно построить отвлеченнымъ путемъ новое, совершенное законодательство. Въ основу его должны лечь великіе принципы новой философіи и науки. А для того, чтобы знать, какъ ихъ примѣнить, надобно изучить истинныя нужды и желанія того народа, для котораго предстоитъ создать законы. Понимая такъ предстоявшую ей задачу, Екатерина взяла на себя трудъ опредѣлить тѣ отвлеченныя начала, на которыхъ слѣдовало, по ея мнѣнію, строить законъ; а выяснить народныя нужды и желанія она думала съ помощью представительнаго собранія, въ которое вошли бы представители всѣхъ сословій страны.

Для достиженія первой цѣли—опредѣленія началъ новаго закона—Екатериною былъ составленъ ея знаменитый «Наказъ», предназначенный въ руководство той «комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія», которую она рѣшила собрать [2]). Въ Наказѣ императрица изложила свои общіе

---

[1]) Вопросъ о новыхъ законахъ былъ тогда, можно сказать, больнымъ мѣстомъ. Начиная съ Петра Великаго, всѣ государи указывали на необходимость, взамѣнъ устарѣлаго Уложенія 1649 года, составить „новое уложеніе“ и принимали къ тому мѣры. При Петрѣ Великомъ учреждались не разъ особыя комиссіи для сочиненія новаго свода путемъ собранія московскихъ законовъ, изданныхъ въ Уложеніи и послѣ Уложенія, или же путемъ заимствованія иноземныхъ законодательныхъ нормъ (шведскихъ). Дѣло было не легкое, и при Петрѣ закончить его не успѣли. Оно продолжалось во всѣ послѣдующія царствованія, при чемъ въ законодательныя комиссіи призывались выборные представители отъ дворянства и купечества. Къ концу царствованія Елизаветы комиссія подготовила, наконецъ, проектъ Уложенія. Екатерина, вступивъ на престолъ, застала еще работы этой комиссіи и, хотя не прекратила ихъ, но, повидимому, была ими недовольна.

[2]) Составляя Наказъ, Екатерина пользовалась чаще всего извѣстнымъ сочиненіемъ Монтескьё „L'esprit des lois“. Кромѣ этого сочиненія Екатерина руководилась нѣкоторыми иными политическими трактатами, модными для ея эпохи (напримѣръ, Бильфельда „Institutions politiques“ и т. п.). Взгляды свои на природу преступленій и на цѣль наказанія Екатерина основала на сочиненіи италіанца Беккаріа „О преступленіи и наказаніи“, тогда только-что напеча-

взгляды по всѣмъ главнѣйшимъ вопросамъ законодательства. Она полагала, что для Россіи, какъ государства очень обширнаго, есть особенная нужда въ единой крѣпкой самодержавной власти. Устанавливая самодержавіе, какъ стихійную необходимость, она, однако, предполагала равенство гражданъ предъ закономъ и «вольность» ихъ въ предѣлахъ законности. Въ управленіи Наказъ императрицы проводилъ начало раздѣленія властей. Въ области уголовной Наказъ отрицалъ пытку: «употребленіе пытки, говорилъ онъ, противно здравому естественному разсужденію». Онъ вооружался противъ смертной казни и вообще противъ жестокости наказаній: «всѣ наказанія, которыми тѣло человѣческое уродовать можно, должно отмѣнить». Такимъ образомъ Наказъ былъ очень либераленъ и гуманенъ. Екатерина составляла его около двухъ лѣтъ, показывая свой трудъ по частямъ своимъ приближеннымъ. Либерализмъ молодой императрицы пугалъ придворныхъ, и они старались его ограничить. Подъ ихъ вліяніемъ Екатерина сократила свой трудъ и напечатала не все то, что ею было написано. Наказъ былъ изданъ въ 1767 году на четырехъ языкахъ (русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ); за границею цензура не всегда пропускала его въ обращеніе, какъ черезчуръ либеральную книгу.

Въ концѣ 1766 года Екатерина издала манифестъ о созывѣ выборныхъ депутатовъ въ комиссію для составленія проекта новаго уложенія. Надлежало дворянамъ избрать депутата отъ каждаго уѣзда, горожанамъ—депутата отъ каждаго города, свободнымъ сельскимъ обывателямъ—депутата отъ каждой провинціи. Владѣльческіе крестьяне не участвовали въ избраніи депутатовъ. Духовныя лица принимали участіе въ выборахъ лишь въ городахъ вмѣстѣ съ горожанами; депутатомъ же отъ духовнаго сословія считался избранный синодомъ архіерей. Всего было избрано 565 депутатовъ. Они были обязаны получить отъ своихъ выборщиковъ особые *наказы* съ изложеніемъ ихъ нуждъ и пожеланій, которымъ должно было удовлетворить новое уложеніе. (Такихъ депутатскихъ наказовъ сохранилось до полуторы тысячи; въ отличіе отъ нихъ

танномъ. Такимъ образомъ въ своемъ Наказѣ императрица повторяла тѣ новыя идеи въ области политики и права, которыя начинали входить въ оборотъ передовой Европы.

Наказъ государыни сталъ называться «большимъ наказомъ»). Избранные депутаты на все время работъ въ комиссіи обезпечивались казеннымъ жалованьемъ; они навсегда освобождались отъ тѣлеснаго наказанія, пытокъ и казни; за обиду депутата виновный несъ двойное наказаніе. Такъ была образована та комиссія, которая должна была, по мысли императрицы Екатерины, выяснить народныя нужды и пожеланія, согласить ихъ съ высокими началами Наказа и составить проектъ новаго, совершеннаго закона для Россіи.

Лѣтомъ 1767 года торжественно открылись засѣданія комиссіи въ Москвѣ (въ Грановитой палатѣ). Спустя полгода комиссію перевели въ Петербургъ, гдѣ она работала еще цѣлый годъ. Руководилъ занятіями комиссіи предсѣдатель («маршалъ») А. И. Бибиковъ и особая дирекціонная комиссія. Постепенно изъ состава большой комиссіи были выдѣлены многочисленныя спеціальныя комиссіи, работавшія по разнымъ отдѣльнымъ вопросамъ. Въ концѣ 1768 года засѣданія большой комиссіи были прерваны и депутаты отпущены по домамъ; а спеціальныя комиссіи продолжали трудиться еще многіе годы. Хотя дѣло не было закончено и перерывъ занятій считался временнымъ, однако императрица большую комиссію вновь не созвала ни разу. За полтора года законодательныхъ работъ она убѣдилась, что дѣло стоитъ на невѣрномъ пути и что нельзя составить кодексъ, или сводъ законовъ, путемъ разсужденій въ многочисленномъ и неподготовленномъ къ дѣлу представительномъ собраніи. Для такого дѣла требуется организованная работа опытныхъ юристовъ, а ея-то и недоставало Екатерининской комиссіи. Сама большая комиссія только читала депутатскіе наказы и разсуждала на разныя случайныя темы, но далѣе такихъ разсужденій не шла. Спеціальныя же комиссіи работали медленно и вяло, потому что для ихъ работъ ничего заранѣе не было подготовлено.

Однако, распустивъ депутатовъ, Екатерина не отчаялась совсѣмъ въ своихъ надеждахъ. Не создалось новаго законодательства, — зато высказаны были въ наказахъ и въ рѣчахъ депутатовъ сословные взгляды и желанія, данъ былъ «свѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи (какъ выражалась Екатерина), съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно». Зная настроенія и нужды сословій, Екатерина могла сама сдѣлать попытку

удовлетворить пожеланіямъ своихъ подданныхъ въ духѣ тѣхъ философскихъ идей, въ которыя она сама вѣрила и которыя выразила въ своемъ Наказѣ.

Но раньше, чѣмъ императрица успѣла сдѣлать эту попытку, государству пришлось пережить тяжелый періодъ внутреннихъ испытаній и смутъ.

§ 127. **Внутреннія смуты. Пугачевщина.** Смуты, начавшіяся въ центральныхъ и восточныхъ частяхъ Россіи въ 70-хъ годахъ XVIII столѣтія, отличались большою сложностью и напряженностью. Въ то время Россіи пришлось начать и вести военныя дѣйствія въ Польшѣ и Турціи. Тягости военнаго времени, конечно, давали себя чувствовать населенію. Въ то же время непрерывно продолжали расти злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ на крестьянъ со стороны ихъ помѣщиковъ (§ 118). Крестьяне сознавали, что они не холопы, а государевы подданные, и негодовали на превращеніе ихъ въ «дворовыхъ» холоповъ, на смѣшеніе ихъ съ рабами [1]). Государство для того подчинило крестьянъ помѣщикамъ и заставило работать на нихъ, чтобы помѣщики могли служить государству съ данной имъ земли (§ 55). Все крестьянство знало, что крестьяне повинны работать на помѣщика, пока онъ служитъ и потому что онъ служитъ. И вотъ, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ все меньше и легче служили помѣщики; наконецъ, съ 18-го февраля 1762 года имъ была дана «вольность» служить или не служить; а между тѣмъ, крестьянская зависимость становилась отъ того не легче, а тяжелѣе, и крестьяне ставились въ одно положеніе съ прежними холопами-рабами. Послѣ манифеста о вольности дворянской во многихъ мѣстахъ крестьяне начали открытыя возмущенія противъ помѣщиковъ и властей, ища улучшенія своей участи. Имъ казалось, что разъ уничтожена была обязательная служба помѣщиковъ съ земли, должно было прекратиться и право ихъ на трудъ крестьянъ. Какъ

---

[1]) Въ началѣ XVIII вѣка крестьянинъ Посошковъ, современникъ Петра Великаго, составившій нѣсколько замѣчательныхъ экономическихъ и публицистическихъ сочиненій, говорилъ, что „крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы“, что „прямый ихъ владѣлецъ—Всероссійскій самодержецъ, а они владѣютъ временно“. Этими словами Посошковъ указывалъ на давнюю связь между помѣщичьею службою государству и крестьянскою зависимостью отъ помѣщиковъ.

императоръ Петръ III, такъ и императрица Екатерина были вынуждены посылать во многія мѣстности войска, даже съ пушками, для усмиренія крестьянскихъ волненій. Такъ понемногу развивалось неудовольствіе и броженіе въ народныхъ массахъ.

На этой уже горючей почвѣ создался первый случайный поводъ для открытаго возмущенія — въ страшной эпидеміи чумы. Въ 1771 году въ Москвѣ эта эпидемія приняла чрезвычайные размѣры: умирало, говорятъ, до 1.000 человѣкъ въ день. Всѣ, кто могъ, покинули городъ; присутственныя мѣста были закрыты, лавки заперты, прекратились работы. Праздный народъ началъ волноваться, не исполнялъ предписаній докторовъ и властей: не соблюдалъ предосторожностей, скрывалъ больныхъ, а умершихъ хоронилъ тайно въ погребахъ и садахъ. Не вѣря докторамъ и полиціи, суевѣрные люди возстали даже на церковную власть: толпа разбила покои московскаго архіепископа Амвросія въ Кремлѣ, убила его самого и начала въ Кремлѣ грабежъ [1]). Градоначальникъ сенаторъ Еропкинъ не могъ справиться съ эпидеміей и волненіями. Тогда Екатерина послала въ Москву Гр. Гр. Орлова съ особыми полномочіями. Къ концу 1771 года моръ ослабѣлъ, смертность уменьшилась, и Екатерина приписала это именно мѣрамъ, принятымъ Орловымъ.

Одновременно съ развитіемъ губительной эпидеміи въ центрѣ государства, на восточныхъ его окраинахъ произошло опасное народное возмущеніе, напомнившее во многомъ движеніе Стеньки Разина (§ 84). Началось возмущеніе въ казачьей средѣ на р. Яикѣ (Уралѣ). Было уже сказано (§ 105), что послѣ Булавинскаго бунта самостоятельность Дона пала и Донская область перестала быть пріютомъ бродячаго и бѣглаго люда. Но казачество съ его преданіями о вольной жизни и съ его враждою къ государству еще не исчезло. Оно жило, сохраняя свои преданія и обычаи, съ своими выборными предводителями, на юго-восточныхъ окраинахъ Россіи, на Кубани, Терекѣ, Яикѣ, вездѣ, гдѣ былъ еще просторъ степей и рыбный ловъ, вездѣ, гдѣ былъ еще слабъ

---

[1]) Архіепископъ Амвросій замѣтилъ, что народъ собирается толпами въ Китай-городѣ, у Варварскихъ воротъ, къ бывшей тамъ иконѣ Богоматери, въ увѣренности, что именно эта икона уврачуетъ отъ мора. Понимая, что отъ скученія народа только растетъ зараза, Амвросій предписалъ снять икону съ городскихъ воротъ.

надзоръ государственной власти. Какъ разъ въ XVIII вѣкѣ для усмиренія инородцевъ (калмыковъ и башкиръ) правительство начало укрѣплять мѣста по верхнему Яику и его притокамъ своими крѣпостями (Оренбургъ, Илецкій городокъ и др.) и стало налагать свою руку на яицкое казачество. Оно стѣсняло казачью вольность, требуя отъ казаковъ гарнизонной службы въ крѣпостяхъ, назначая имъ отъ себя начальство, подчиняя ихъ своимъ чиновникамъ. Происходило то же, что раньше происходило на Дону. Казаки не разъ пытались отстаивать свою вольность, не исполняли приказаній и за то подвергались суровымъ наказаніямъ. Ихъ ссылали въ Сибирь и сдавали въ солдаты; уничтожили ихъ выборное управленіе («старшину») и окончательно подчинили ихъ военнымъ властямъ того края. Жестокія кары усилили озлобленіе казаковъ и окончательно подняли ихъ противъ государства.

Предводителемъ яицкихъ казаковъ явился бѣглый донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, много скитавшійся по Россіи. Въ 1773 году онъ пришелъ на Яикъ и назвалъ себя императоромъ Петромъ III. Тогда бывали случаи такого самозванства, потому что ранняя смерть Петра III, тотчасъ же по его сверженіи, казалась многимъ сомнительной и странной. Но въ другихъ случаяхъ непопулярное имя Петра III не возбуждало никакихъ движеній. Здѣсь же, на Яикѣ, оно давало благовидный поводъ начать движеніе во имя законнаго государя противъ ненавистныхъ властей. Въ подлинность явившагося государя не всѣ вѣрили; но къ нему пошли всѣ недовольные изъ окрестныхъ мѣстъ: казаки, раскольники, инородцы,—каждый съ тѣмъ, чтобы достигнуть своихъ желаемыхъ цѣлей. Поднявъ яицкое казачество, Пугачевъ успѣлъ овладѣть нѣсколькими крѣпостями на Яикѣ (кромѣ Оренбурга), взялъ изъ нихъ пушки и военные припасы и образовалъ вокругъ себя большое войско (до 25.000 человѣкъ). Къ нему стали стекаться бѣглые крестьяне съ Уральскихъ горныхъ заводовъ и изъ внутреннихъ областей государства. Во имя его начали подниматься башкиры, калмыки, татары. Пугачевъ почувствовалъ силу и направилъ свои шайки къ Волгѣ. Успѣхъ ждалъ его и тамъ. Какъ во времена Разина, такъ и теперь крѣпостные люди и поволжскіе инородцы легко поднимались противъ помѣщиковъ и властей. До самой Казани горѣли дворянскія усадьбы, заводы, города. Кто могъ, спасался въ

Казань и Москву; но много дворянъ, чиновниковъ и офицеровъ было замучено и убито по городамъ и селамъ. Громадный край пылалъ мятежомъ.

Когда стала очевидна опасность народнаго движенія, императрица Екатерина отправила для борьбы съ нимъ генерала А. И. Бибикова. Бибиковъ прибылъ въ Казань, собралъ и ободрилъ мѣстное дворянство, побудилъ дворянъ вооружиться и дать средства на борьбу. Съ собранными имъ войсками и дворянскою милиціей ему удалось одолѣть Пугачева. Мятежъ сталъ потухать и самъ Пугачевъ бѣжалъ въ Уральскія горы. Но Бибиковъ умеръ, говорятъ, отъ страшнаго напряженія силъ, и на весну 1774 года возстаніе разгорѣлось снова. Пугачевъ опять явился съ казаками на Волгѣ. Поражаемый не разъ войсками майора Михельсона, онъ сталъ избѣгать встрѣчи съ ними и быстро переходилъ съ мѣста на мѣсто, захватывая города и вездѣ поднимая крестьянъ на помѣщиковъ [1]. Въ это время явился на помощь Михельсону генералъ Суворовъ, призванный императрицею съ театра Турецкой войны, и устремился за Пугачевымъ. Пугачевъ, наконецъ, былъ выданъ Суворову его же сообщниками, которые уже отчаялись въ исходѣ своего движенія. Онъ былъ привезенъ въ Москву и казненъ (1775).

Возстаніе, поднятое казаками, постепенно затихло и въ немъ вольное казачество спѣло свою послѣднюю пѣсню. Съ тѣхъ поръ, подъ дѣйствіемъ государственныхъ порядковъ, казаки превратились въ пограничную милицію, послушную правительственному руководству. Въ роли такой милиціи казачество продолжало существовать не только на р. Яикѣ (съ тѣхъ поръ переименованномъ въ р. Уралъ), но и на рр. Терекѣ и Кубани.

§ 128. **Реформы 1775 и 1785 годовъ**. Подавляя бунтъ, императрица дѣятельно работала надъ сочиненіемъ новаго проекта управленія губерніями—въ тѣхъ видахъ, чтобы дать провинціямъ твердое устройство и сильную власть. Въ 1775 году Екатериною были обнародованы «учрежденія для

---

[1]) Такъ онъ внезапно явился подъ самой Казанью, крѣпости не взялъ, но городъ пожегъ и убѣжалъ отъ Михельсона на правый, западный берегъ Волги и на р. Суру. Здѣсь онъ поднялъ крестьянское возстаніе, взялъ Пензу, взялъ Саратовъ, пошелъ къ г. Царицыну, но оттуда убѣжалъ отъ Михельсона за Волгу на Яикъ.

управленія губерній». Въ началѣ ея царствованія губерній было около 20; дѣлились онѣ на провинціи, а провинціи на уѣзды. Дѣленіе это создалось постепенно и случайно. Подъ уѣздомъ разумѣлся округъ, издавна сложившійся; онъ состоялъ обыкновенно или изъ земель одного какого-либо древняго удѣльнаго княжества, или же изъ волостей, географически тянувшихъ къ какому-либо городу—центру. Уѣзды очень разнились другъ отъ друга по количеству земли и жителей, такъ же, какъ провинціи разнились по числу уѣздовъ, а губерніи—по числу провинцій. Императрица Екатерина задумала прежде всего замѣнить это ветхое раздѣленіе государства болѣе совершеннымъ. По закону 1775 года, подъ губерніей разумѣлся округъ съ населеніемъ въ 300—400 тысячъ жителей, а подъ уѣздомъ—округъ въ 20—30 тысячъ жителей. Было рѣшено постепенно образовать новыя губерніи именно съ такимъ расчетомъ по числу населенія, и къ концу царствованія Екатерины новыхъ губерній было уже до 50-ти. Равнымъ образомъ возросло и число уѣздовъ въ новыхъ губерніяхъ. Для вновь образуемыхъ уѣздовъ не хватало городовъ, а потому многія села и слободы были превращены въ уѣздные города. Такимъ образомъ при Екатеринѣ было создано новое административное дѣленіе государства.

Въ каждомъ губернскомъ городѣ были установлены (вмѣсто прежняго губернатора съ его канцеляріей) слѣдующія учрежденія: 1) *губернское правленіе* подъ предсѣдательствомъ губернатора; это было «мѣсто, управляющее всею губерніей въ силу законовъ именемъ императорскаго величества»; 2) *казенная палата* подъ предсѣдательствомъ вице-губернатора; она вѣдала всѣ денежныя и хозяйственныя «казенныя» дѣла; 3) судебныя *палаты: гражданскаго суда* и *уголовнаго суда* для надзора надъ низшими судами въ губерніи [1]).

---

[1]) Кромѣ того, были устроены: *совѣстный судъ*—для суда надъ преступниками малолѣтними, безумными или неумышленными и для разбора тяжебъ въ порядкѣ примиренія (это былъ первый судъ на Руси, въ которомъ дѣла разсматривались не по формальному указанію законовъ, а по естественной справедливости); и *приказъ общественнаго призрѣнія*—для управленія народными школами, больницами, богадѣльнями, тюрьмами. Въ губернскомъ правленіи и палатахъ засѣдали правительственные чиновники, а въ совѣстномъ судѣ и приказѣ общественнаго призрѣнія—выборные отъ сословій „засѣдатели“ подъ предсѣдательствомъ чиновника.

Въ каждомъ уѣздномъ городѣ былъ установленъ *нижній земскій судъ*, соотвѣтствовавшій губернскому правленію и вѣдавшій въ уѣздѣ всю администрацію и полицію. Онъ состоялъ изъ предсѣдателя («исправника», или «капитана») и двухъ засѣдателей. Всѣхъ ихъ избирали дворяне уѣзда. Въ городахъ же за порядкомъ наблюдали назначаемые отъ правительства «городничіе».

Кромѣ того, для каждаго сословія въ губерніи и уѣздѣ были устроены сословные выборные суды [1]). Дѣла, не рѣшенныя въ выборныхъ уѣздныхъ судахъ, переходили въ губернскіе выборные суды; отсюда можно было перенести дѣло въ судебныя палаты, а изъ палатъ—въ сенатъ.

Такова была система мѣстныхъ учрежденій 1775 года. Она была построена на новомъ и модномъ для того времени принципѣ раздѣленія властей и вѣдомствъ: въ ней судъ былъ отдѣленъ отъ администраціи, администрація отъ финансоваго управленія. Всѣ учрежденія были коллегіальными. Мѣстное общество получило широкое участіе въ дѣлахъ мѣстнаго управленія: дворяне, горожане и даже люди низшихъ классовъ принимали участіе въ дѣлѣ суда, посылая своихъ выборныхъ засѣдателей въ суды своего сословія. Дворянамъ дано было право избирать всю администрацію уѣзда (нижній земскій судъ) и такимъ образомъ, владѣя землями въ уѣздѣ, представлять тамъ и правительство. Можно сказать, что все мѣстное управленіе, по закону 1775 года, приняло видъ земскаго самоуправленія, дѣйствовавшаго подъ контролемъ губернскаго правленія и палатъ. Въ этомъ отношеніи Екатерина удовлетворила желаніямъ сословій, высказаннымъ въ комиссіи объ Уложеніи 1767—1768 года.

Учрежденія для управленія губерній 1775 года очень важны не только потому, что дали нашей провинціи лучшее устройство и управленіе, но еще и потому, что оказали очень сильное, хотя и косвенное, вліяніе въ другихъ областяхъ государственной дѣятельности Екатерины. Во-первыхъ,

---

[1]) Для дворянъ существовали *верхній земскій судъ* (для губерніи) и *уѣздный судъ* (для уѣзда). Для горожанъ существовали *магистраты*: губернскій (на всю губернію) и городовой (для каждаго уѣзднаго города). Для свободныхъ крестьянъ были устроены *расправы*: верхняя (въ губернскомъ городѣ) и нижняя (въ уѣздахъ).

Екатерина, устраивая новыя присутственныя мѣста въ губерніяхъ, этимъ самымъ разстраивала старыя коллегіи въ столицѣ. Во-вторыхъ, привлекая къ участію въ губернскомъ и уѣздномъ управленіи сословныхъ выборныхъ, императрица этимъ самымъ ставила сословія въ новое положеніе, возлагала на нихъ новыя обязанности, даровала имъ новыя права. Для своей новой роли сословія должны были сами получить новое устройство.

Что касается до коллегій, то онѣ почти всѣ были осуждены на закрытіе, потому что законъ 1775 года передавалъ ихъ дѣла губернскому правленію и палатамъ. Соотвѣтственно тому, какъ постепенно открывались новыя губерніи, постепенно угасала дѣятельность коллегій въ Петербургѣ. Онѣ закрывались одна за другою, и къ концу царствованія императрицы Екатерины остались, можно сказать, только три «государственныя» коллегіи: иностранныхъ дѣлъ, военная и морская.

Новое сословное устройство было опредѣлено особыми жалованными грамотами, данными въ 1785 году дворянству и городамъ.

По грамотѣ 1785 года, дворяне каждой губерніи составляютъ общество (корпорацію) и имѣютъ право собраній. Черезъ каждые три года они собираются въ губернскомъ городѣ для выборовъ и сужденій о своихъ дѣлахъ. Они избираютъ изъ своей среды предводителей дворянства (губернскаго и уѣздныхъ) и должностныхъ лицъ во всѣ учрежденія своей губерніи. Они могутъ имѣть свою казну и свои дома. Они могутъ по своимъ дѣламъ обращаться къ губернатору, въ сенатъ и даже къ государю. По грамотѣ 1785 года, каждый полноправный дворянинъ освобожденъ отъ обязательной службы государству; онъ свободенъ отъ податей, рекрутской повинности и тѣлесныхъ наказаній; онъ судится только въ дворянскихъ судахъ, лицами, равными ему по происхожденію. Свое дворянское достоинство онъ передаетъ женѣ (если она сама не дворянка) и дѣтямъ; лишить дворянина дворянства можетъ только сенатъ по суду и съ утвержденія государя. Дворянинъ на полномъ правѣ собственности владѣетъ своимъ недвижимымъ имуществомъ и всѣмъ тѣмъ, что въ немъ находится (то-есть, надобно подразумѣвать,—и крестьянами); дворянинъ можетъ торговать и заводить фабрики и заводы.

Всѣ эти льготы и права, данныя дворянамъ въ 1785 году, представляли собою послѣднюю ступень въ общемъ ходѣ возвышенія дворянскаго сословія. Безправное при Петрѣ Великомъ, шляхетство облегчило нѣсколько свои тяготы при императрицѣ Аннѣ (§ 118), замкнулось въ благородное сословіе при Елизаветѣ (§ 121), было освобождено отъ обязательной службы при Петрѣ III (§ 124); теперь, при Екатеринѣ II, оно было обращено въ привилегированное сословіе съ широкимъ сословнымъ самоуправленіемъ и съ административными полномочіями: избирая нижній земскій судъ, дворяне держали въ своихъ рукахъ все управленіе уѣзда, а кромѣ того, имѣли своихъ представителей и въ губернскихъ учрежденіяхъ.

Одновременно съ жалованною грамотой дворянству, въ 1785 году дана была грамота и городамъ, установившая новое «городовое положеніе». Подобно дворянамъ, городовые обыватели составляютъ «градское общество», владѣющее общимъ городскимъ имуществомъ и обладающее правомъ собраній. На этихъ собраніяхъ горожане избираютъ себѣ городского голову и должностныхъ лицъ (по городскому самоуправленію и въ сословные суды); обсуждаютъ свои дѣла и нужды и имѣютъ право обращаться по своимъ дѣламъ къ губернатору. Хозяйствомъ города управляетъ городской голова и «шестигласная» дума (въ которую входятъ представители отъ шести разрядовъ городскихъ обывателей).

§ 129. **Крестьянскій вопросъ.** Крестьянское сословіе также привлекало къ себѣ вниманіе императрицы. Екатерина много думала объ освобожденіи крестьянъ отъ помѣщичьей власти, при чемъ предполагала сдѣлать это освобожденіе постепенно. Въ Наказѣ она писала, что «не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобождённыхъ»; сообразно съ этимъ она предполагала, напримѣръ, объявить свободными только тѣхъ крестьянскихъ дѣтей, которыя родились послѣ жалованной грамоты дворянству, а не все крѣпостное крестьянство сразу. Однако этотъ проектъ, какъ и всѣ подобные ему, остался безъ исполненія. Крестьянскій вопросъ въ глазахъ Екатерины представлялъ громадныя трудности, и она не видѣла возможности примирить интересы крестьянъ, ожидавшихъ свободы, съ стремленіями помѣщиковъ, не умѣвшихъ вести свое хозяйство безъ дарового крестьянскаго труда. Поэтому политика правительства въ отношеніи

крѣпостного права была неопредѣленной и двойственной [1]). На дѣлѣ же въ царствованіе Екатерины II, вопреки либеральному настроенію императрицы, крѣпостное право достигло наибольшаго расцвѣта; оно превратилось въ полное право собственности на людей: помѣщики безъ малѣйшихъ ограниченій, по давней привычкѣ, распоряжались трудомъ, имуществомъ и жизнью своихъ крестьянъ, продавали ихъ и переселяли, судили и наказывали ихъ иногда съ большой жестокостью. Въ такомъ видѣ крѣпостное право представляло собою вопіющее общественное зло.

Вполнѣ естественно, что это зло вызвало осужденіе со стороны наиболѣе просвѣщенныхъ и гуманныхъ людей того времени. Они ставили передъ обществомъ и правительствомъ вопросъ о томъ, возможно ли долѣе терпѣть въ государствѣ крѣпостное право и не слѣдуетъ ли искать способовъ улучшить положеніе крестьянъ. Сама императрица была въ числѣ первыхъ, возбудившихъ крестьянскій вопросъ. Въ знаменитой комиссіи 1767—1768 г.г. нѣкоторые изъ депутатовъ (дворянинъ Коробьинъ) начали рѣчь объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ,—и Екатерина не только не остановила обсужденія этого остраго вопроса, но явно взяла сторону противниковъ крѣпостного права. Въ то же время она сама постаралась поднять этотъ вопросъ и инымъ способомъ. Въ

---

[1]) Въ результатѣ получалось два различныхъ ряда распоряженій о крѣпостныхъ крестьянахъ, взаимно противорѣчивыхъ. Съ одной стороны, императрица старалась ограничить распространеніе крѣпостного права и запрещала свободнымъ людямъ и вольноотпущеннымъ вновь вступать въ крѣпостную зависимость. Она (въ 1764 году) изъяла изъ владѣнія духовенства около милліона крестьянъ и превратила ихъ въ особый разрядъ государственныхъ крестьянъ, подчинивъ управленію особой „коллегіи экономіи“ (отсюда названіе „экономическихъ“ крестьянъ). Далѣе, императрица запрещала продажу крестьянъ въ рекруты и продажу отдѣльныхъ людей съ аукціона, чтобы прекратить спекуляцію живыми людьми. Но, съ другой стороны, сама же Екатерина щедро раздавала приближеннымъ людямъ казенныя земли, и число новыхъ крѣпостныхъ крестьянъ на этихъ земляхъ за все время царствованія Екатерины дошло почти до милліона душъ. При Екатеринѣ въ Малороссіи былъ прекращенъ свободный переходъ малорусскихъ крестьянъ и такимъ образомъ формально введено тамъ крѣпостное право. Помѣщики при Екатеринѣ получили по закону еще бо̀льшія права надъ своими крестьянами, чѣмъ имѣли раньше. Подъ вліяніемъ крестьянскихъ волненій было, напримѣръ, разрѣшено помѣщикамъ безъ суда ссылать своихъ крестьянъ въ Сибирь въ каторжныя работы.

началѣ ея царствованія въ Петербургѣ было основано «вольное экономическое общество» для поощренія полезныхъ знаній въ области сельскаго хозяйства. По негласному почину императрицы, въ этомъ обществѣ былъ поставленъ на обсужденіе вопросъ о крѣпостномъ трудѣ и крѣпостной зависимости. Въ области этого вопроса была даже предложена тема для сочиненія на премію отъ общества, при чемъ премированнымъ оказалось сочиненіе, написанное въ освободительномъ духѣ.

Такъ одновременно съ расцвѣтомъ крѣпостного права въ жизни начинался противъ него протестъ. Пока онъ былъ отвлечённый, идейный. На практикѣ задача крестьянскаго освобожденія была еще непосильною для того времени. Никто тогда не могъ себѣ представить, какой бы видъ приняло государственное и землевладѣльческое хозяйство, если бы въ его основѣ не лежалъ даровой крестьянскій трудъ, если бы пришлось оплачивать всякую услугу. Никто не былъ увѣренъ, что порядокъ въ государствѣ устоитъ, если сразу освободить милліоны дворянскихъ «подданныхъ». Пугачевъ, освобождавшій крестьянъ бунтомъ, ужасалъ всѣхъ и заставлялъ бояться даже и законнаго освобожденія. Подъ вліяніемъ кровавой Пугачёвщины, а позднѣе подъ впечатлѣніемъ Французской революціи, императрица сама стала осторожнѣе въ крестьянскомъ вопросѣ. Когда одинъ изъ птенцовъ ея просвѣтительной эпохи, молодой дворянинъ Радищевъ, получившій образованіе за границей, выпустилъ книгу «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» (1790) и въ ней сдѣлалъ много рѣзкихъ выходокъ противъ крѣпостного строя, — Екатерина отнеслась къ нему сурово: она отдала его подъ судъ, и Радищевъ былъ сосланъ въ Сибирь.

§ 130. **Отдѣльныя мѣропріятія.** Императрицѣ Екатеринѣ не всегда удавалось осуществить ея намѣренія и достигнуть поставленныхъ цѣлей. Именно, она желала создать совершенное законодательство въ духѣ освободительной философіи ея вѣка, но не успѣла въ этомъ. Ей пришлось ограничиться тѣмъ, что въ новыхъ губернскихъ учрежденіяхъ она провела въ практику нѣкоторыя свои теоретическія требованія (начало коллегіальности, раздѣленіе вѣдомствъ, начало самоуправленія). Желая создать возможную свободу (или «вольность») и равенство всѣхъ гражданъ предъ одинаковыми для всѣхъ

законами, Екатерина достигла лишь того, что дала «вольность» дворянству и доставила ему вліятельное положеніе въ мѣстной администраціи. «Вольности» же крестьянамъ дать ей не удалось, даже и въ малой долѣ. Такой неуспѣхъ личной политики Екатерины приписывается справедливо тому, что императрица, по условіямъ своего времени, много зависѣла отъ дворянской среды, изъ которой она должна была брать своихъ сотрудниковъ и въ которой нашла себѣ поддержку при вступленіи на престолъ. Когда взгляды Екатерины совпадали со взглядами дворянства, они осуществлялись; когда же совпаденія не было, императрица встрѣчала несочувствіе и даже противодѣйствіе, и обыкновенно уступала косности господствующей среды.

Но такъ бывало въ тѣхъ дѣлахъ, которыя касались, главнымъ образомъ, сословной жизни и затрогивали существенные интересы дворянства. Въ другихъ областяхъ своей дѣятельности, гдѣ императрица не была такъ связана, она во всемъ блескѣ обнаруживала свою просвѣщенную гуманность и либерализмъ и достигала большихъ и благихъ результатовъ. Благодаря уму и образованности Екатерины, ея правительство всегда стояло на высотѣ европейскаго просвѣщенія, выражалось образцовымъ, точнымъ и красивымъ языкомъ и неуклонно преслѣдовало цѣли общаго блага. Въ этомъ отношеніи правительственная дѣятельность Екатерины воспитательно дѣйствовала на управляемое общество, и многія ея мѣропріятія заслужили себѣ громкую славу.

1. Изъ такого рода мѣропріятій Екатерины особенно характерны ея мѣры касательно воспитанія и образованія, разработанныя совмѣстно съ генераломъ Ив. Ив. Бецкимъ. Въ эпоху Петра Великаго правительство заботилось прежде всего о практической сторонѣ ученія, требовало практической выучки (§ 114). Екатерина первая заговорила о воспитательномъ значеніи образованія и стала заботиться объ учрежденіи воспитательныхъ заведеній. Она говорила: «Одинъ только украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямого гражданина;... во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, если кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ;... ясно, что корень всему злу и добру — воспитаніе». Желая создать правильное воспитаніе въ русскомъ обществѣ, Екатерина считала

лучшимъ средствомъ прежде всего воспитать заботами правительства «новую породу, или новыхъ отцовъ и матерей». Эта новая порода людей, нормально воспитанныхъ и нравственно совершенныхъ, должна была вырасти въ воспитательныхъ училищахъ подъ надзоромъ опытныхъ педагоговъ, въ разобщеніи съ семьей и обществомъ, чтобы воспитываемая молодежь убереглась отъ вліянія некультурной среды. Такими воспитательными училищами явились закрытые институты для дѣвицъ («воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ», или «смольный институтъ»), съ особыми отдѣленіями для дѣвицъ-дворянокъ и дѣвицъ-горожанокъ (1764), и кадетскіе корпуса—закрытыя заведенія для мальчиковъ. Учрежденіемъ этихъ заведеній было положено начало закрытымъ учебнымъ заведеніямъ въ Россіи. Немногимъ позднѣе (1782) особая «коммиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ» выработала стройный планъ устройства и открытыхъ школъ для всѣхъ сословій государства [1]).

2. Въ области народно-хозяйственной жизни Екатерина стала держаться совсѣмъ иной политики, чѣмъ ея предшественники. При Петрѣ Великомъ дѣйствовала строгая система покровительства (§ 112); ближайшіе преемники Петра держались той же системы, временами лишь ослабляя правительственную опеку надъ промыслами и торгами. Въ царствованіе Екатерины на Западѣ стало популярно ученіе Адама Смита о благахъ свободной торговли, и Екатерина немедля усвоила это ученіе, подходившее къ ея общему либеральному настроенію. Система протекціонизма была оставлена (1782), и въ отношеніи народно-хозяйственной дѣятельности Екатерина стала держаться правила: laisser faire, laisser passer. Но, отказавшись отъ того, чтобы направлять и опекать торгово-промышленную дѣятельность населенія, императрица не отказалась ей покровительствовать и содѣйствовать ея

---

[1]) Предположено было открыть въ каждомъ уѣздномъ городѣ „малое народное училище“, въ каждомъ губернскомъ городѣ—„главное народное училище“ и, сверхъ того, четыре университета. Для исполненія этого проекта принимались разныя мѣры: подготовлялись преподаватели, составлялись учебники и т. п. Но завершить дѣло Екатеринѣ не удалось: при ней было открыто нѣсколько губернскихъ училищъ („гимназій“), не вездѣ были открыты уѣздныя и не было учреждено ни одного университета. Причиною была сложность и дороговизна самаго дѣла.

развитію. Такъ, желая лучше организовать кредитъ и удешевить его, Екатерина, взамѣнъ сословныхъ банковъ времени императрицы Елизаветы (§ 121), открыла одинъ общій «государственный заемный банкъ», взимавшій только 5% съ занятыхъ капиталовъ.

Въ отношеніи финансовъ время императрицы Екатерины замѣчательно водвореніемъ у насъ бумажнаго де́нежнаго обращенія. Нуждаясь въ деньгахъ въ виду военныхъ расходовъ, Екатерина уже въ началѣ царствованія (1768) прибѣгла къ выпуску «ассигна́цій», то-есть бумажныхъ денегъ. (Эти деньги выпускалъ особый «ассигнаціо́нный банкъ» съ капиталомъ въ милліонъ рублей). Сначала ассигнацій было выпущено умѣренное количество; размѣнъ ихъ на звонкую монету совершался безпрепятственно, и потому ассигнаціи пользовались любовью населенія. Дѣйствительно, онѣ представляли большое удобство въ сравненіи съ тяжелою звонкою монетою, а въ особенности съ «мѣдью», которая тогда главнымъ образомъ и ходила въ народѣ. Успѣхъ бумажныхъ денегъ повелъ къ тому, что правительство стало выпускать ихъ все въ большемъ и большемъ количествѣ для покрытія экстренныхъ военныхъ тратъ. Въ концѣ царствованія Екатерины ассигнацій обращалось уже на 150 милліоновъ, а размѣннаго металлическаго фонда для нихъ почти не было. Явились обычныя послѣдствія такого порядка: цѣна ассигнацій поколебалась и упала въ полтора раза противъ звонкой монеты (ассигнаціонный рубль стоилъ не дороже 68 копѣекъ), а цѣна всѣхъ товаровъ поднялась. Такимъ образомъ денежное обращеніе пришло въ безпорядокъ и дурно отразилось на всемъ хозяйственномъ обиходѣ страны. Причина этому заключалась въ отсутствіи правильнаго взгляда на значеніе бумажныхъ денегъ вообще; но въ ту эпоху и нигдѣ еще не было яснаго сознанія, что бумажный денежный знакъ самъ по себѣ не имѣетъ никакой цѣнности и представляетъ собою только долговое обязательство казны.

3. Въ высшей степени были замѣчательны и цѣнны заботы императрицы Екатерины о «народномъ здравіи». При ней впервые были приняты мѣры къ тому, чтобы правильно устроить врачебное дѣло въ государствѣ. Съ этою цѣлью была учреждена особая «медицинская коллегія»: она должна была заботиться, вмѣстѣ съ губернаторами, чтобы въ каждомъ го-

родѣ была аптека и врачи. На обязанность мѣстныхъ властей была возложена забота объ устройствѣ «богоугодныхъ заведеній», госпиталей, больницъ и пріютовъ для больныхъ и умалишенныхъ. Было введено оспопрививаніе, только-что входившее въ практику въ Европѣ, при чемъ сама императрица привила оспу себѣ и своему сыну—для побужденія къ тому подданныхъ. Словомъ, было сдѣлано все, чтобы разъяснить населенію необходимость врачебнаго благоустройства и облегчить пути къ нему.

§ 131. **Литературное движеніе при Екатеринѣ II.** Первыя сѣмена европейскаго просвѣщенія, посѣянныя Петромъ Великимъ, дали плодъ уже въ царствованіе его дочери императрицы Елизаветы. При Елизаветѣ дѣйствовали Ломоносовъ, Третьяковскій и Сумароковъ, представившіе первые образцы русскаго творчества во всѣхъ родахъ тогдашней поэзіи. Отчасти подъ вліяніемъ этихъ писателей, отчасти же подъ вліяніемъ модъ и обычаевъ Елизаветинскаго двора, въ русское общество, вмѣстѣ съ модою на французскій языкъ, стали проникать французскіе литературные вкусы и направленія. При Елизаветѣ великая княгиня Екатерина Алексѣевна, обратившись къ чтенію книгъ въ своемъ вынужденномъ бездѣйствіи, стала читать именно французскихъ писателей. Французская литература опредѣлила все ея міровоззрѣніе и сдѣлала ее поклонницей раціоналистической философіи и политическаго вольномыслія. Вступивъ на престолъ, Екатерина не измѣнила своимъ литературнымъ вкусамъ и идеямъ и явилась распространительницей французскаго просвѣщенія въ русскомъ обществѣ. Она сама приняла участіе въ литературѣ своими комедіями и сказками, своимъ Наказомъ, своими историческими и педагогическими разсужденіями. Она старалась собственнымъ примѣромъ ободрить и поощрить своихъ подданныхъ къ литературнымъ занятіямъ и воспитать въ нихъ литературные вкусы и любовь къ чтенію и размышленію. Примѣръ императрицы скоро подѣйствовалъ. Съ началомъ царствованія Екатерины литературная дѣятельность расцвѣла; сразу появилось нѣсколько журналовъ («Всякая всячина», «Трутень» и др.). Цѣлью этихъ журналовъ было давать русской публикѣ нравоучительное чтеніе. Однимъ изъ орудій общественнаго воспитанія журналы считали обличеніе пороковъ въ формѣ смѣхотворной сатиры. Предметомъ сатирическаго осмѣянія были

обычныя для того времени взятки, казнокрадство, жестокости крѣпостного права, несоотвѣтствіе въ русской жизни блестящей европейской внѣшности и внутренняго невѣжества и грубости. Сама императрица участвовала во «Всякой всячинѣ» и увлекалась журнальною полемикою. Мода на журналы скоро прошла; но литературное движеніе не заглохло. На сцену вышли такіе крупные писатели, какъ Державинъ и Фонвизинъ; а за ними появилась цѣлая плеяда второстепенныхъ поэтовъ и драматурговъ. Всѣмъ имъ было обезпечено благосклонное вниманіе просвѣщенной государыни.

Вызванное Екатериною умственное возбужденіе проявилось не въ одной только литературной дѣятельности. Въ Россіи въ то время распространилось такъ называемое «масонство». Возникшее въ Англіи масонство представляло собою мистическое ученіе, исполненное таинственности. «Масоны», или «франкъ-масоны», составляли братства («ложи») съ цѣлью взаимно помогать другъ другу въ дѣлѣ нравственнаго совершенствованія, братской любви и благочестія. Масонскія ложи были замкнуты и окружены таинственностью; въ нихъ были свои вычурные символы, обряды и церемоніи. Доступъ туда былъ обусловленъ разными искусами и клятвами. Изъ русскихъ людей первыми масонами стали лица, извѣстныя императрицѣ Екатеринѣ (напримѣръ, ея секретарь Елагинъ и журналистъ Новиковъ). Первоначально Екатерина относилась къ масонству съ полною терпимостью; впослѣдствіи же она стала подозрѣвать масонство въ политической неблагонадежности и запретила его.

Между сочиненіями императрицы видное мѣсто занимаютъ историческія сочиненія, посвященныя древней Руси и предназначенныя, между прочимъ, для чтенія наслѣдника престола цесаревича Павла. Своимъ интересомъ къ исторіи Екатерина содѣйствовала развитію историческихъ изслѣдованій и изданій. Съ ея покровительствомъ и помощью Новиковъ издалъ извѣстный сборникъ древнерусскихъ документовъ (въ 20-ти томахъ) подъ названіемъ «Древняя Россійская Вивліоѳика». При Екатеринѣ академія наукъ стала печатать русскія лѣтописи. Тогда же была напечатана большая «Исторія Россійская», составленная современникомъ и сотрудникомъ Петра Великаго, В. Н. Татищевымъ. Еще болѣе обширный трудъ подъ такимъ же названіемъ «Исторіи Россійской» былъ обработанъ и изданъ

княземъ М. М. Щербатовымъ, которому императрица открыла для его работъ государственные архивы. Князь Щербатовъ былъ не только историкомъ, но и публицистомъ независимаго образа мыслей. Извѣстно, что сама императрица Екатерина къ концу жизни, подъ страхомъ совершившейся во Франціи кровавой революціи, стала консервативнѣе и неодобрительно относилась къ политическому свободомыслію. Тѣмъ не менѣе, это свободомысліе и религіозное вольнодумство не переставали существовать въ русскомъ обществѣ и создали въ немъ довольно распространенный типъ «вольтеріанца» (то-есть послѣдователя Вольтера). Князь Щербатовъ только нѣкоторыми своими взглядами примыкалъ къ такимъ вольтеріанцамъ. Въ общемъ же онъ представлялъ собою такого критика современнаго ему порядка и нравовъ, который предпочиталъ старые русскіе обычаи позднѣйшему «поврежденію нравовъ».

По сравненію съ предшествующимъ временемъ царствованіе императрицы Екатерины II является эпохою большого культурнаго подъема. Высокая просвѣщенность и гуманность государыни; ея либерализмъ, обнаруженный въ «Наказѣ»; общественное возбужденіе, вызванное комиссіей 1767—1768 гг.; льготное самоуправленіе, созданное законами 1785 года для высшихъ сословій; небывалое до той поры оживленіе литературы и журналистики—все это были такія явленія, которыя придали просвѣщенному «вѣку Екатерины» необыкновенный блескъ и создали самой императрицѣ чрезвычайную популярность. Переломъ въ настроеніи Екатерины, происшедшій съ 1789 года въ виду переворотовъ во Франціи, не уменьшилъ этой популярности, потому что и въ самомъ русскомъ обществѣ отношеніе къ революціонной Франціи рѣзко обострилось. Поэтому Екатерина до самой своей кончины продолжала пользоваться уваженіемъ подданныхъ, которое нерѣдко переходило въ пламенное обожаніе «матушки Екатерины».

§ 132. **Дѣла внѣшнія. Общій ходъ ихъ и руководящія начала.** Въ ходѣ внѣшней политики императрицы Екатерины различаются два періода равной продолжительности (1762—1779; 1779—1796). Въ каждомъ изъ этихъ періодовъ императрица руководилась опредѣленнымъ планомъ дѣйствій. Сначала ее увлекала сочиненная ея дипломатами политическая система, носившая тогда названіе «сѣвернаго аккорда», или «сѣверной системы». Она состояла въ томъ, чтобы изъ всѣхъ

сѣверныхъ государствъ Европы (Россіи, Пруссіи, Польши, Швеціи, Даніи и Англіи) составить постоянный союзъ и противопоставить его союзу Австріи и Франціи, который могъ чувствительно нарушать политическое равновѣсіе Европы. Подъ вліяніемъ этой «системы» Екатерина ставила на первый планъ дѣла Польскія, пока ей не пришлось воевать съ турками, объявившими ей войну. Польскія и Турецкія дѣла наполнили собою первый періодъ Екатерининской политики. Екатерина сдѣлала много земельныхъ пріобрѣтеній, но совершенно разочаровалась въ «сѣверной системѣ» и все свое вниманіе перенесла съ сѣвера на югъ, на отношенія съ турками и татарами.

Для того, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать противъ нихъ, она заключила союзъ съ Австріей противъ Турціи (1779) и въ основаніе этого союза положила свой знаменитый «греческій проектъ». Онъ состоялъ въ томъ, чтобы, изгнавъ турокъ изъ Европы, на мѣстѣ турецкаго государства создать въ Царьградѣ Греческую имперію съ православнымъ государемъ. Эта широкая идея привела къ тому, что сама Турція начала вторую войну съ Россіей. Но въ то же время обстоятельства привели Россію къ войнѣ со Швеціею и къ осложненіямъ въ Польшѣ. Изъ новыхъ своихъ войнъ Екатерина вышла съ успѣхомъ и съ большими земельными пріобрѣтеніями, но «греческій проектъ» не былъ осуществленъ. Такимъ образомъ, во внѣшней политикѣ императрицы Екатерины намѣренія не совсѣмъ отвѣчали результатамъ. Отвлеченные «системы» и «проекты» оставались безъ исполненія. Несмотря на то, внѣшняя политика Екатерины создала Россіи небывалую мощь и служила прямымъ продолженіемъ тѣхъ политическихъ успѣховъ, которымъ начало положилъ Петръ Великій.

§ 133. **Первый періодъ внѣшнихъ отношеній. Рѣчь Посполитая (1763—1773).** Немедля по вступленіи на престолъ императрица Екатерина уничтожила ту близость русскаго двора къ королю Фридриху II Прусскому, какую допустилъ Петръ III (§ 124). Но она не возобновила и войны съ Пруссіей, а твердо и рѣшительно установила нейтралитетъ Россіи въ Семилѣтней войнѣ.

Вскорѣ событія въ Рѣчи Посполитой потребовали особаго вниманія Екатерины. Король польскій Августъ III доживалъ свой вѣкъ; близилось время «безкоролевья». Русскому пра-

вительству, которое со времен Петра Великаго утвердило свое влiянiе въ Польшѣ, надлежало опредѣлить удобнаго для Россiи кандидата въ короли и подготовить его избранiе на сеймѣ. Сверхъ того, внутренняя анархiя въ Рѣчи Посполитой къ серединѣ XVIII столѣтiя стала настолько явною и тяжелою, что сосѣднiя правительства должны были съ особымъ вниманiемъ слѣдить за ходомъ Польско-литовскихъ дѣлъ и быть готовыми къ вмѣшательству въ случаѣ окончательнаго разложенiя Рѣчи. Изъ самой Польши и Литвы шелъ призывъ къ такому вмѣшательству. Такъ, къ императрицѣ Екатеринѣ, въ началѣ ея царствованiя, обратился Бѣлорусскiй епископъ (Георгiй Конисскiй) съ мольбою о защитѣ православнаго населенiя въ Рѣчи Посполитой, которое подвергалось не только отдѣльнымъ насилiямъ и поруганiямъ, но и систематическому преслѣдованiю властей.

Главною причиною бѣдствiй Рѣчи Посполитой была «златая вольность» народа-шляхты (§ 91). Раздѣляя съ королемъ право верховнаго управленiя на сеймахъ, шляхта нерѣдко отказывала королю въ повиновенiи, составляла противъ короля и правительства открытые союзы для защиты своихъ правъ и вольностей—«конфедерацiи»—и даже бралась за оружiе противъ своего государя и начинала «рокошъ», или возстанiе. При этомъ она считала конфедерацiи и рокоши своимъ законнымъ правомъ, ибо законъ, дѣйствительно, разрѣшалъ отказывать королю въ повиновенiи, если король нарушалъ права шляхты. При такихъ обычаяхъ разнузданной шляхты король въ Рѣчи Посполитой не имѣлъ въ сущности никакой власти и могъ разсчитывать только на свои личныя средства и силы. А такъ какъ во главѣ шляхты стояли богатѣйшiе и могущественные «магнаты» (князья и паны), то личныхъ средствъ и силъ короля никогда не хватало на то, чтобы сломить своеволiе господствовавшаго въ странѣ сословiя. Напротивъ, самъ король долженъ былъ искать себѣ опоры и поддержки въ иностранныхъ дворахъ, чтобы держаться въ своемъ государствѣ. (Августъ III охотно искалъ покровительства Россiи). Такимъ образомъ, политическiй порядокъ въ Рѣчи Посполитой былъ расшатанъ до послѣдней степени, и страна стала жертвой безначалiя.

Въ средѣ самого господствующаго сословiя это безначалiе привело къ печальнымъ послѣдствiямъ. Равный по своимъ

политическимъ правамъ, народъ-шляхта не былъ однороденъ въ общественномъ отношеніи. Во главѣ его находились магнаты, владѣвшіе громадными землями и богатствами, привыкшіе къ независимому властвованію въ своихъ владѣніяхъ. А рядомъ съ ними въ шляхтѣ были мелкопомѣстные ничтожные землевладѣльцы, готовые искать милостей и ласки у знатныхъ людей, ихъ сосѣдей, покровителей и милостивцевъ. Житейская зависимость мелкихъ шляхтичей отъ крупныхъ пановъ выражалась въ томъ, что вокругъ магнатовъ слагался кругъ кліентовъ, готовыхъ на все по приказу своего пана. Паны вертѣли шляхтою, какъ хотѣли, и на сеймахъ оказывались истинными господами дѣлъ. Каждый изъ нихъ стоялъ во главѣ послушной ему шляхетской партіи и руководилъ ею, не разбирая средствъ. Сеймы обращались въ арену мелкой и своекорыстной борьбы лицъ и кружковъ съ полнымъ забвеніемъ государственной пользы. Рѣчь Посполитая, шляхетская республика, выродилась въ олигархію пановъ, поработившихъ шляхту.

Паденіе политическаго порядка особенно наглядно выражалось въ томъ, что сеймы потеряли характеръ серьезнаго представительнаго собранія и обыкновенно не могли придти къ опредѣленнымъ постановленіямъ. Старый сеймовый обычай требовалъ единогласнаго рѣшенія дѣлъ [1]). Въ ту пору, когда порядокъ на сеймѣ былъ еще крѣпокъ, къ вопросу о единогласіи относились серьезно и совѣстливо. Въ XVIII же вѣкѣ самымъ обычнымъ дѣломъ было «сорвать сеймъ» тѣмъ, чтобы подкупить или убѣдить какого-либо члена сейма не согласиться съ принятымъ рѣшеніемъ. Онъ возглашалъ: «не позволяю», и рѣшеніе падало. Этотъ обычай, при которомъ каждому члену сейма принадлежало право «свободнаго запрещенія» (liberum veto), въ конецъ погубилъ сеймовую дѣятельность. Никакой реформы, никакого полезнаго постановленія нельзя было провести черезъ сеймъ, такъ какъ

---

[1]) Каждый голосъ на сеймѣ представлялъ собою какую-либо часть государства: крупные паны, поголовно присутствовавшіе на сеймахъ, голосовали за свои крупныя владѣнія; шляхетскіе выборные „послы“ голосовали за свой „повѣтъ“, то-есть уѣздъ, иначе, за свой шляхетскій „повѣтовый“ сеймикъ, который ихъ послалъ на общій сеймъ. Надо было, чтобы вся Рѣчь Посполитая, всѣми своими голосами, участвовала въ принятомъ на сеймѣ рѣшеніи.

всегда была возможность сорвать рѣшеніе сейма простою и низкою интригою.

Естественнымъ послѣдствіемъ политической анархіи былъ полный разгулъ произвола и насилій въ общественной жизни. Вездѣ и во всемъ сильный обижалъ слабаго. Магнаты ссорились между собою и вели чуть не войны другъ противъ друга. Сосѣдъ обижалъ сосѣда; землевладѣльцы мучили своихъ «хлоповъ»—крестьянъ; шляхта насильничала надъ горожанами и евреями; католики и уніаты тѣснили «диссидентовъ», то-есть людей, не принадлежащихъ къ господствующей церкви, иначе—православныхъ и протестантовъ. Безвинно гонимые и обиженные нигдѣ не находили защиты своихъ правъ, своего имущества и своей жизни. Вполнѣ понятно, что, потерявъ терпѣніе, они искали покровительства на сторонѣ, у чужой власти, у иноземныхъ правительствъ. Такъ поступали сами польскіе короли; такъ поступали и диссиденты. Этимъ для сосѣднихъ государей создавалась не только возможность, но и необходимость вмѣшательства во внутреннія дѣла Рѣчи Посполитой.

Въ 1763 году умеръ король Августъ III. Согласно желанію императрицы Екатерины, сеймомъ на престолъ былъ избранъ природный полякъ, графъ Станиславъ Понятовскій (царствовавшій подъ именемъ Августа IV). Такъ какъ Понятовскій былъ личнымъ знакомымъ Екатерины и притомъ находился подъ ея сильнымъ вліяніемъ, то русскій посолъ въ Варшавѣ (князь Репнинъ) получилъ очень важное значеніе при новомъ польскомъ королѣ. По жалобѣ епископа Георгія Конисскаго, Екатерина рѣшилась поднять свой голосъ въ защиту православныхъ въ Польшѣ и Литвѣ. Только, по соглашенію съ прусскимъ королемъ, она сдѣлала это въ общей формѣ ходатайства о дарованіи равноправія съ католиками всѣмъ «диссидентамъ» (и православнымъ, и протестантамъ). Сеймъ отнесся къ вопросу съ чрезвычайной нетерпимостью и отказалъ въ дарованіи правъ диссидентамъ.

Тогда императрица Екатерина прибѣгла къ очень рѣшительному средству: она указала князю Репнину постараться о томъ, чтобы православная и протестантская шляхта составила конфедераціи для защиты своихъ правъ. Репнину удалось устроить три конфедераціи: православную, протестантскую и третью—изъ католиковъ, склонныхъ поддержать диссидентовъ.

Однако это мало повліяло на сеймъ: сеймъ не оставилъ своей нетерпимости. Тогда князь Репнинъ прибѣгъ къ прямому воздѣйствію силой. Русскія войска были введены въ Варшаву, и Репнинъ потребовалъ отъ короля ареста католическихъ вожаковъ сейма. Эти вожаки были схвачены и увезены въ Россію (въ ихъ числѣ были два католическихъ епископа). Сеймъ сдался и уступилъ. Особымъ закономъ (1767) было постановлено, что диссидентская шляхта уравнивается съ католическою во всѣхъ правахъ, но католичество остается господствующимъ исповѣданіемъ и король можетъ быть избранъ только изъ католиковъ. То была крупная реформа. Ея исполненіе было обезпечено въ 1768 году особымъ трактатомъ Рѣчи Посполитой съ Россіей, по которому императрица Екатерина обѣщала въ будущемъ охранять безъ всякихъ измѣненій государственный строй Польши и Литвы. Это обѣщаніе императрицы устанавливало какъ бы протекторатъ Россіи надъ Рѣчью Посполитой: Россія получала право надзора надъ внутреннею жизнью сосѣдняго государства.

Нельзя было думать, чтобы народъ-шляхта могъ легко примириться съ происшедшимъ. Въ Польшѣ образовался рядъ конфедерацій (съ центромъ въ городѣ Барѣ) «за вѣру и свободу», то-есть въ защиту умаленныхъ правъ католической церкви и сейма и противъ покровительства Россіи. Въ борьбѣ за свои права «Барскіе» конфедераты не щадили православнаго народа и этимъ вызвали противъ себя «колiивщину»— возстаніе такъ называемыхъ «гайдамаковъ». (Прозвище гайдамаковъ носили тогда бродячія разбойничьи дружины крестьянъ, «казаковавшихъ» въ правобережной украйнѣ по примѣру казаковъ XVI—XVII столѣтій). Гайдамаки жестоко начали громить ксендзовъ, шляхту и евреевъ, уничтожая цѣлые города (г. Умань былъ поголовно вырѣзанъ гайдамаками подъ начальствомъ казаковъ Желѣзняка и Гонты). Въ Польшѣ началась ужасающая смута (1768). Король просилъ Екатерину прислать свои войска для водворенія порядка. Въ силу договора 1768 года, Екатерина послала въ Польшу военныя силы.

Русскія войска скоро усмирили гайдамаковъ, но не сразу могли справиться съ конфедератами. По непріязни къ Россіи, Франція посылала конфедератамъ помощь; само польское правительство стало вести себя двусмысленно и уклонялось отъ

содѣйствія русскимъ войскамъ. Смута затягивалась, и это дало поводъ Пруссіи и Австріи ввести въ Польшу свои войска. Когда, наконецъ, Суворовъ нанесъ конфедератамъ рядъ пораженій, конфедераціи пришелъ конецъ. Но державы не вывели своихъ войскъ изъ Польши. Между ними начались переговоры о томъ, чтобы взять съ Рѣчи Посполитой вознагражденіе за понесенныя ими траты и безпокойства. Въ результатѣ Пруссія оставила за собою Поморанію и часть Великой Польши (тѣ земли, которыя раздѣляли Бранденбургъ и Пруссію); Австрія присоединила къ себѣ Галицію, а Россія взяла Бѣлоруссію.

Это отчужденіе земель Рѣчи Посполитой, происшедшее въ 1773 году, извѣстно подъ названіемъ «перваго раздѣла Польши». Императрица Екатерина, повидимому, не совсѣмъ была довольна этимъ раздѣломъ. Пруссія и Австрія, воспользовавшись обстоятельствами, получили Польскія провинціи безъ всякихъ усилій и затратъ, что совсѣмъ не входило въ планы Екатерины. Притомъ Австрія получила коренную русскую область, что не могло не огорчать тѣхъ русскихъ людей, которые понимали печальный смыслъ этой утраты.

§ 134. **Первый періодъ внѣшнихъ отношеній. Турція (1768—1774)**. Въ то время, когда вниманіе императрицы Екатерины было обращено на усмиреніе польскихъ конфедератовъ и гайдамацкаго движенія, Турція объявила Россіи войну (1768). Предлогомъ для этого послужили пограничные грабежи гайдамаковъ; истинная же причина заключалась въ томъ, что турки, подъ враждебнымъ Россіи вліяніемъ Франціи, нашли данную минуту удобною для сведенія своихъ давнихъ счетовъ съ Россіей. Надѣясь на то, что русскія войска заняты въ Польшѣ, турки разсчитывали на успѣхъ. Но императрица Екатерина проявила большую энергію и стала дѣятельно собирать силы для борьбы. Въ первый же годъ (1769) войны удалось нанести туркамъ чувствительныя пораженія. Второй же годъ войны (1770) былъ необыкновенно удаченъ. Графъ Румянцевъ съ удивительнымъ искусствомъ дважды разбилъ въ нѣсколько разъ сильнѣйшаго непріятеля близъ рѣки Прута, на рѣкахъ Ларгѣ и Кагулѣ. Въ особенности важна и блестяща была Кагульская побѣда, открывшая Румянцеву дорогу на Дунай и даже за Дунай. Въ то же время русскій флотъ былъ отправленъ изъ Балтійскаго

моря въ Средиземное подъ начальствомъ графа Алексѣя Орлова. Орловъ поднялъ возстаніе грековъ противъ турокъ въ Пелопоннесѣ и встрѣтился съ турецкимъ флотомъ у о. Хіоса. Послѣ страшнаго боя въ Хіосскомъ проливѣ и въ бухтѣ Чесмѣ весь турецкій флотъ былъ сожженъ (героями этихъ боевъ были адмиралы Спиридовъ и Грейгъ). Чесменская побѣда отдала во власть Орлова весь Архипелагъ; она парализовала энергію турокъ. Дальнѣйшая война была ведена на самомъ Дунаѣ, а въ 1774 году Румянцевъ, перейдя Дунай, разными дорогами направился къ крѣпости Шумлѣ, передовые же его отряды добрались даже до Балканскихъ горъ. За необыкновенный подвигъ первой русской переправы черезъ Дунай и за перенесеніе войны вглубь Турціи Екатерина наградила Румянцева чиномъ фельдмаршала и титуломъ «Задунайскій». Не менѣе удачно дѣйствовала и вторая русская армія (князя Долгорукаго): она овладѣла всѣмъ Крымомъ и утвердилась тамъ. Для турокъ стало ясно, что война проиграна.

Въ 1774 году въ русскомъ лагерѣ на правомъ (южномъ) берегу Дуная, въ деревнѣ Кучукъ-Кайнарджи, былъ заключенъ миръ между Россіей и Турціей. Условія его были таковы: 1) всѣ татары, жившіе на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря и по берегамъ Азовскаго моря, признавались независимыми отъ турецкаго султана; 2) Россія получила Азовъ, Керчь и Кинбурнъ (иначе говоря—устья Дона, Буга и Днѣпра и Керченскій проливъ); 3) Турція обязалась уплатить Россіи контрибуцію ($4^1/_2$ милліона рублей). Это былъ очень выгодный для Россіи миръ.

§ 135. **Крымъ и Новороссія (1774—1787).** Пріобрѣтеніе Россіею Черноморскаго побережья поставило въ полную зависимость отъ нея и самый Крымъ. По Кучукъ-Кайнарджискому договору Крымское ханство получило полную «вольность»; но охваченное русскими крѣпостями и отрѣзанное ими отъ общенія съ магометанскими странами, это ханство, естественно, попадало подъ русское вліяніе. Прошло немного лѣтъ, и русская власть вмѣшалась въ мѣстныя распри. Династія Гиреевъ, издавна владѣвшая Крымомъ (§ 50), сама себя ослабляла междоусобіями и не могла поддерживать порядокъ въ ханствѣ. По просьбѣ самихъ Гиреевъ русскія войска были введены въ Крымъ, а затѣмъ хану предложено было отказаться отъ власти и принять русскую пенсію. Ханъ (Ша-

хинъ-Гирей) согласился, и Крымъ былъ въ 1783 году присоединенъ къ Россіи съ именемъ Тавриды.

Съ присоединеніемъ Крыма и сѣверныхъ береговъ Чернаго и Азовскаго морей, русскій югъ освобождался отъ постояннаго страха татарскихъ набѣговъ и грабежей и могъ отнынѣ жить спокойною хозяйственною жизнью. Сверхъ того, Россія пріобрѣтала громадныя пустынныя пространства плодородной земли и морской берегъ, обладавшій хорошими бухтами и гаванями. Предстояло укрѣпить пріобрѣтенныя области городами, замирить и заселить ихъ. Въ этихъ видахъ, тотчасъ же послѣ окончанія войны съ турками, императрица Екатерина нашла необходимымъ уничтожить Запорожскую сѣчь (§ 93). Сѣчь была оплотомъ бродячаго казачества и прежде имѣла нѣкоторое значеніе въ дѣлѣ защиты южно-русскихъ поселеній отъ татаръ. Теперь, когда государство довело свои границы до Чернаго моря и усмирило татаръ, это значеніе сѣчи упразднилось само собою. Осталась только нетерпимая для государственной власти роль сѣчи, какъ такого притона, откуда выходили въ Польшу гайдамаки. Вотъ почему русскія войска заняли сѣчь и разогнали запорожцевъ (1775). Часть ихъ перешла за Дунай въ Турцію, а часть—на Кубань. Освободивъ такимъ образомъ степи отъ безпокойныхъ русскихъ и татарскихъ бродячихъ шаекъ, императрица приняла мѣры къ привлеченію въ новый край мирнаго населенія. Намѣстникомъ новыхъ земель, «Новой Россіи», Екатерина назначила своего любимца Потемкина, и онъ вполнѣ оправдалъ ея довѣріе. Съ большой энергіей и талантомъ онъ принялся за дѣло. Въ устьяхъ Буга и Днѣпра возникли укрѣпленные города Николаевъ и Херсонъ съ верфями для постройки кораблей. На Днѣпрѣ былъ выстроенъ главный городъ Новороссіи Екатеринославъ. На Черномъ морѣ строился военный флотъ и для него былъ основанъ военный портъ Севастополь въ превосходной гавани. Чтобы ускорить заселеніе края, Потемкинъ отовсюду созывалъ поселенцевъ, давая льготы русскимъ людямъ, шедшимъ сюда съ сѣвера, покровительствуя инородцамъ (армянамъ, грекамъ и мѣстнымъ татарамъ), приглашая, наконецъ, нѣмецкихъ колонистовъ изъ Германіи. Русскимъ вельможамъ отводились въ Новороссіи громадныя земли для того, чтобы они заселяли ихъ своими крестьянами. Въ короткое время въ Новороссіи положены были прочные начатки гражданствен-

ности, и Потемкинъ просилъ императрицу Екатерину посѣтить его любимую Новороссію, чтобы лично удостовѣриться въ достигнутыхъ успѣхахъ. Екатерина согласилась и въ 1787 году посѣтила Крымъ [1]).

§ 136. **Второй періодъ внѣшнихъ отношеній. Турція и Швеція (1787—1791).** Присоединеніе Крыма и большія военныя приготовленія на Черноморскомъ побережьѣ находились въ прямой зависимости отъ «греческаго проекта», которымъ увлекались въ тѣ годы императрица Екатерина и ея сотрудникъ Потемкинъ (§ 132). Въ связи съ этимъ проектомъ находился и союзъ Екатерины съ Австріею, заключенный противъ Турціи (1779). Турецкое правительство, разумѣется, понимало надвигавшуюся на него грозу и не могло примириться съ потерею Крыма и съ военными приготовленіями Россіи. Въ 1787 году турки рѣшились объявить войну Россіи, пока еще русскіе не закончили вооруженій [2]).

Первые мѣсяцы войны были несчастливы для Россіи: новый русскій флотъ былъ разбитъ бурею на Черномъ морѣ. Потемкинъ упалъ духомъ и очень вяло велъ военныя дѣйствія. Полтора года война сосредоточивалась около Кинбурна (§ 134) и Очакова, пока Очаковъ не былъ взятъ, наконецъ,

---

[1]) Путешествію императрицы приданъ былъ очень торжественный характеръ. Императрица ѣхала съ большою свитою, въ которой находились и иностранные послы. На Днѣпрѣ произошло свиданіе императрицы съ польскимъ королемъ (Понятовскимъ) и съ императоромъ Іосифомъ II, которые выѣхали навстрѣчу Екатеринѣ. Обстановка путешествія была очень парадна: во всѣхъ городахъ внутренней Россіи устраивались пышныя встрѣчи и празднества. Всего болѣе поразили гостей Потемкина не культурные, а военные его успѣхи, именно большой боевой флотъ, который въ немного лѣтъ выросъ на Черномъ морѣ.

[2]) Къ войнѣ побуждала ихъ и англійская дипломатія, крайне недовольная декларацією Екатерины о „вооруженномъ нейтралитетѣ“ (1780). Эта знаменитая декларація была составлена Н. И. Панинымъ во время сѣверо-американской борьбы за независимость и приглашала всѣ нейтральныя державы образовать союзъ для защиты своихъ торговыхъ кораблей отъ нападеній воюющихъ сторонъ. Такимъ союзомъ обезпечивалась безопасность морской торговли мирныхъ державъ во время войнъ. Всѣ государства приняли декларацію Россіи, за исключеніемъ Англіи, которая очень часто захватывала на моряхъ нейтральные корабли подъ тѣмъ предлогомъ, что они везутъ военную контрабанду. Англійская дипломатія приняла актъ вооруженнаго нейтралитета за враждебное противъ Англіи дѣйствіе и съ тѣхъ поръ стала противъ Россіи.

русскими послѣ кровопролитнаго штурма. Вслѣдъ за этимъ Потемкинъ передалъ начальство Суворову, и русскіе стали наступать къ Дунаю. Суворовъ одержалъ двѣ большія побѣды (1789): при г. Фокшанахъ и на р. Рымникѣ (на правомъ берегу р. Серета), а затѣмъ (1790) взялъ приступомъ сильнѣйшую турецкую крѣпость на Дунаѣ Измаилъ. (За свои побѣды Суворовъ получилъ титулъ «графа Рымникскаго»). Русскія войска снова, какъ и въ предшествующую войну, овладѣли переправой чрезъ Дунай, а русскій флотъ, оправясь отъ аваріи, дѣйствовалъ успѣшно на морѣ. При энергіи Суворова, хорошо извѣстной туркамъ, турки могли ожидать похода русскихъ на Константинополь. Они стали склоняться къ миру. Со своей стороны Екатерина, не получивъ большой помощи отъ союзной Австріи, желала окончить войну. Миръ былъ заключенъ въ 1791 году (въ г. Яссахъ) на тѣхъ условіяхъ, что Турція уступила Россіи крѣпость Очаковъ и земли между рр. Бугомъ и Днѣстромъ, а также признала права Россіи на Крымъ. Широкія затѣи «греческаго проекта» Екатеринѣ пришлось пока отложить, тѣмъ болѣе, что главный поклонникъ этого проекта Потемкинъ умеръ во время войны.

Союзъ императрицы Екатерины съ Австріей и охлажденіе ея къ прежнимъ союзникамъ повели къ тому, что эти союзники (Пруссія и Швеція) стали дѣйствовать противъ Россіи. Швеція рѣшилась на войну съ Россіей (1788) въ расчетѣ на то, что русскія силы отвлечены на югъ для войны съ турками. Шведскій флотъ пытался напасть на Петербургъ, но не успѣлъ прорваться сквозь русскія эскадры; а шведскія войска вяло дѣйствовали въ Финляндіи. Недостатокъ войскъ препятствовалъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и съ русской стороны. Въ 1790 году война окончилась (Верельскимъ миромъ) безъ всякихъ результатовъ для воевавшихъ державъ: онѣ остались при прежнихъ границахъ.

§ 137. **Второй періодъ внѣшнихъ отношеній. Паденіе Рѣчи Посполитой (1791—1795).** Не успѣла императрица Екатерина окончить вторую Турецкую войну, какъ событія въ Рѣчи Посполитой потребовали ея новаго вмѣшательства въ Польско-Литовскія дѣла. Отторженіе Польско-Литовскихъ земель въ 1773 году болѣзненно поразило патріотизмъ польской шляхты. Польскіе патріоты сознавали безсиліе своего государства и недостатки его устройства, приведшіе Рѣчь Поспо-

литую къ униженію и позору. Среди шляхты постепенно создалось движеніе въ пользу реформъ. Образцомъ будущаго строя для передовыхъ поляковъ служила Франція, въ которой назрѣвала тогда революція (1789). Руководящія свои начала поляки черпали изъ французской литературы «просвѣщенія». Подготовивъ переворотъ и воспользовавшись случайнымъ благопріятнымъ составомъ сейма, партія реформы на сеймѣ 3-го мая 1791 года провела новую конституцію Рѣчи Посполитой. Принятая въ одномъ засѣданіи сейма безъ обсужденія и преній, эта конституція существенно измѣнила государственный строй Польши и Литвы.

По «конституціи 3-го мая», престолъ Рѣчи Посполитой становился наслѣдственнымъ (при чемъ его предполагалось передать Саксонскому дому). У короля и его министровъ сосредоточилась власть исполнительная; власть законодательная предоставлялась сенату и сейму. Въ составъ сейма вводились депутаты третьяго, городского, сословія. Право останавливать сеймовыя постановленія посредствомъ liberum veto отмѣнялось: дѣла должны были рѣшаться по большинству голосовъ. Шляхта сохраняла свое господствующее положеніе въ государствѣ; но право конфедерацій (§ 91) отмѣнялось. Крѣпостное право на крестьянъ оставалось, но законъ предоставлялъ землевладѣльцу способы къ освобожденію или къ улучшенію быта его крестьянъ. Провозглашалась свобода вѣроисповѣданія, но за католичествомъ оставалось положеніе господствующей религіи въ государствѣ. Новый порядокъ, несомнѣнно, улучшалъ политическій строй государства и отличался умѣренностью, даже сохранялъ шляхетскую окраску. Однако противъ него возстали всѣ тѣ, кто слѣпо дорожилъ прежнимъ строемъ. Открылось междоусобіе.

Немедленно послѣ обнародованія новой конституціи консервативные круги польской знати и шляхты составили сильную конфедерацію (въ м. Тарговицахъ) для защиты своихъ правъ, ограниченныхъ новымъ закономъ. Конфедераты отправили пословъ къ императрицѣ Екатеринѣ, прося ее, по договору 1768 года (§ 133), выступить на охрану стараго порядка Рѣчи Посполитой. Екатерина послала въ Польшу и Литву большую армію, которая поддержала конфедератовъ и заняла Варшаву (1792). Прусскій король (Фридрихъ-Вильгельмъ II) также ввелъ свои войска въ западныя Польскія про-

винціи. Въ 1793 году между державами состоялось соглашеніе о новомъ отторженіи Польско-Литовскихъ земель [1]). Второй раздѣлъ произошелъ между Россіей и Пруссіей (Австрія за допущеніе этого раздѣла выговорила себѣ земельное вознагражденіе въ Германіи). Россія получила Волынь, Подолію и Минскую область; Пруссія—Данцигъ и земли Великой Польши. Въ уцѣлѣвшихъ частяхъ Рѣчи Посполитой былъ возстановленъ старый, доконституціонный порядокъ управленія, и Рѣчь Посполитая стала формально въ зависимость отъ Россіи, такъ какъ король обязался не объявлять войны и не заключать ни съ кѣмъ договоровъ безъ согласія императрицы Екатерины. Варшава была занята русскими войсками.

Конечно, патріотическая шляхта не могла примириться съ происшедшимъ. Удалившіеся изъ Польши въ Западную Европу вожаки той партіи, которая создала «конституцію 3-го мая», начали тамъ готовиться къ борьбѣ съ державами за независимость и цѣлость Рѣчи Посполитой. Въ Варшавѣ и Краковѣ образовались тайные комитеты, которые поднимали къ возстанію населеніе какъ уцѣлѣвшихъ, такъ и отторгнутыхъ областей. Уже въ 1794 году возстаніе началось въ Краковѣ, Варшавѣ, Вильнѣ и другихъ городахъ. Въ Варшавѣ образовалось временное правительство. Оно захватило въ плѣнъ короля, объявило войну Россіи и Пруссіи и провозгласило диктаторомъ и главнокомандующимъ генерала Тадеуша Косцюшко, одного изъ самыхъ популярныхъ и талантливыхъ патріотовъ. Русскія войска, бывшія въ Варшавѣ, были выбиты оттуда съ большимъ урономъ (было вырѣзано ночью до 2.000 русскихъ солдатъ).

Императрица Екатерина тотчасъ послала противъ возставшихъ своихъ лучшихъ генераловъ, графа Румянцева-Задунай-

---

[1]) Отъ сейма, собраннаго въ Гроднѣ, потребовали согласія на уступку земель. Сеймъ сопротивляться не могъ по недостатку силъ. Онъ, скрѣпя сердце, соглашался на уступку своихъ русскихъ областей Россіи, но ни за что не хотѣлъ отдавать коренныя Польскія земли въ пользу Пруссіи. Послѣ долгихъ споровъ съ послами русскимъ и прусскимъ члены сейма рѣшились вовсе замолчать—и, не отвѣчая на вопросы предсѣдателя и дипломатовъ, сидѣли до глубокой ночи въ „нѣмомъ засѣданіи". Тогда ихъ молчаніе принято было за „знакъ согласія", и уступка земель объявлена состоявшеюся. Такое поведеніе сейма лучше всего показываетъ мѣру отчаянія сеймовыхъ пословъ, не могшихъ спасти свою родину.

скаго и графа Суворова-Рымникскаго. По дряхлости перваго изъ нихъ главное руководство военными дѣйствіями перешло къ Суворову. Онъ быстро направился къ Варшавѣ и туда же велѣлъ идти генералу Ферзену съ уцѣлѣвшими отъ Варшавской рѣзни полками. Подъ Варшавою рѣшилась судьба Рѣчи Посполитой. Ферзенъ разбилъ и взялъ въ плѣнъ Косцюшку въ битвѣ подъ Мацѣіовицами (недалеко отъ Варшавы); а самъ Суворовъ послѣ страшнаго по кровопролитію штурма занялъ предмѣстье Варшавы—Прагу (1794). Варшава сдалась; вожаки движенія бѣжали изъ Польши. Русскія и прусскія войска усмирили весь край, а затѣмъ послѣдовало окончательное уничтоженіе Рѣчи Посполитой (1795). Король отказался отъ престола и переѣхалъ на житье въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ и умеръ. Россія, Пруссія и Австрія произвели послѣдній, третій, раздѣлъ Польско-Литовскихъ областей. Россія получила Литву и Курляндію, Пруссія и Австрія подѣлили прочія области (при чемъ Варшава отошла къ Пруссіи, Краковъ и Люблинъ—къ Австріи).

Нельзя не удивляться необыкновеннымъ успѣхамъ императрицы Екатерины. Въ 1767 году собранное ею въ Москвѣ представительное собраніе поднесло ей, между прочимъ, титулъ «великой». Екатерина не употребляла этого титула и онъ не удержался за нею въ потомствѣ такъ, какъ удержался за Петромъ Великимъ. Но когда рѣчь идетъ о великихъ пріобрѣтеніяхъ императрицы Екатерины, многіе даютъ ей этотъ исключительный титулъ, потому что во внѣшней политикѣ Екатерина была прямою продолжательницею Великаго Петра. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, съ того момента, когда выяснилась объединительная роль Московскаго государства, главною цѣлью его политики была борьба: а) съ нѣмцами и шведами на западѣ за пріобрѣтеніе естественнаго рубежа, какимъ былъ морской берегъ; б) съ Литвою на юго-западѣ за обладаніе промежуточными русскими землями и в) съ татарами и турками на югѣ и юго-востокѣ за свободу и безопасность русской жизни. Много вѣковъ шла тяжелая борьба. Геній Петра Великаго поднялъ силы его государства на такую высоту, что оказалось возможнымъ достигнуть рѣшительнаго успѣха на западѣ и пробиться къ морю. Но занятый борьбою за Балтійское поморье, Петръ не могъ одолѣть татаръ и турокъ и оставилъ потомству окончаніе борьбы на

юго-западѣ и югѣ. Екатерина сумѣла закончить эту борьбу: она возвратила отъ Рѣчи Посполитой ея русскія земли (за исключеніемъ Галиціи) и довела русскія границы до Чернаго и Азовскаго морей. Такимъ образомъ Петру Великому удалось разрѣшить одну изъ вѣковыхъ задачъ русской политики, а Екатеринѣ — двѣ остальныхъ. Со времени Екатерины русская политика входитъ въ новую эпоху своего развитія и начинаетъ преслѣдовать новыя задачи. Въ этомъ — значеніе знаменитаго «вѣка Екатерины».

Императоръ Павелъ Петровичъ (1796—1801).

§ 138. **Императоръ Павелъ до вступленія на престолъ.** Императоръ Павелъ Петровичъ родился въ 1754 году. Первые годы его жизни прошли необычно въ томъ отношеніи, что онъ былъ далекъ отъ своихъ родителей. Императрица Елизавета отобрала его отъ Екатерины и воспитывала сама. Лѣтъ шести онъ былъ переданъ на попеченіе воспитателя, извѣстнаго Никиты Ив. Па́нина. Вступивъ на престолъ, императрица Екатерина оставила Панина при великомъ князѣ Павлѣ и объявила Павла «наслѣдникомъ цесаревичемъ». Но попрежнему ребенокъ жилъ обособленно отъ матери, мало ее видѣлъ, стѣснялся и боялся ея. Екатерина же, повидимому, вовсе не любила Павла. Съ теченіемъ времени, когда Павелъ выросъ, между нимъ и его матерью образовалась глубокая рознь. Павелъ не одобрялъ ни ея дѣятельности, ни ея сотрудниковъ. Екатерина, съ своей стороны, не находила въ Павлѣ ничего хорошаго и считала его ни къ чему неспособнымъ. Она не посвящала его въ дѣла и не давала ему никакихъ дѣловыхъ порученій. Когда же цесаревичъ Павелъ женился (на принцессѣ Виртембергской Софіи-Доротеѣ, въ православіи Маріи Θеодоровнѣ) и у него родился сынъ Александръ (1777), то императрица Екатерина сама стала воспитывать Александра, въ намѣреніи передать ему престолъ помимо Павла Петровича. Положеніе Павла становилось хуже годъ отъ года. Удаленный ото всякихъ дѣлъ, видя постоянную непріязнь матери, Павелъ уединился со своею семьею въ Га́тчинѣ и Павловскѣ—имѣніяхъ, подаренныхъ ему Екатериною. Онъ жилъ тамъ тихою семейною жизнью, находя главное занятіе въ обученіи мѣстныхъ войскъ, отданныхъ подъ

его команду. («Гатчинскія» войска состояли всего изъ нѣсколькихъ сотенъ солдатъ и отличались отъ прочей арміи своею формою и выучкою по прусскому образцу). Въ эти годы уже стали обнаруживаться тяжелыя стороны характера Павла Петровича: нервная раздражительность приводила его къ болѣзненнымъ припадкамъ жестокаго гнѣва. Постоянное недовольство своимъ угнетеннымъ положеніемъ, боязнь лишиться престола, обиды отъ самой Екатерины и ея приближенныхъ, все это должно было испортить его характеръ, благородный и благодушный отъ природы. Можно сказать, что ко времени вступленія на престолъ, къ 42 годамъ своей жизни, цесаревичъ Павелъ Петровичъ былъ уже изломаннымъ и больнымъ, раздраженнымъ и озлобленнымъ человѣкомъ.

§ 139. **Внутреннія дѣла при императорѣ Павлѣ.** Намѣреніе императрицы Екатерины лишить Павла престола осталось, однако, безъ исполненія, и послѣ ея кончины Павелъ воцарился безпрепятственно. Немедля начались новые порядки. При дворѣ, въ войскахъ и въ управленіи произошелъ рядъ рѣзкихъ перемѣнъ. Исчезли любимцы Екатерины, и вокругъ новаго императора стали новые люди. Павелъ Петровичъ не одобрялъ системы управленія, дѣйствовавшей при его матери, и, кромѣ того, боялся вліянія революціонной Франціи. Поэтому всѣ его распоряженія были направлены къ тому, чтобы укрѣпить власть и дисциплину въ государствѣ и исправить все то, что, по мнѣнію Павла, было приведено въ безпорядокъ при Екатеринѣ. Однако новый государь не имѣлъ опыта въ управленіи и не обладалъ государственными познаніями, такъ какъ Екатерина всю жизнь старательно отстраняла его отъ дѣлъ. Поэтому мѣры Павла были неудачны и мелочны. Онѣ не замѣняли Екатерининскаго порядка никакимъ другимъ твердымъ порядкомъ, вносили путаницу въ государственную жизнь и очень раздражали общество.

Преданный военному дѣлу, императоръ Павелъ произвелъ большія перемѣны въ обмундированіи и обученіи войска. Имъ была введена неудобная нѣмецкая форма взамѣнъ Екатерининской русской; служебныя требованія стали чрезвычайно строги и мелочны; взысканія—до жестокости суровы. Солдатъ томили ученіями и парадами, строго наказывали; но военная подготовка ихъ отъ этого не стала лучше. Тяжесть военной службы и строгости заставили дворянъ бѣжать отъ службы и вызывали

ихъ неудовольствіе. Знаменитый Суворовъ не скрывалъ своего осужденія новымъ порядкамъ и былъ за то сосланъ въ свое Новгородское имѣніе (село Кончанское). Многіе офицеры, не умѣвшіе удовлетворить требованіямъ новой службы, не только увольнялись съ позоромъ, но даже ссылались въ Сибирь. Военная служба потеряла всякую привлекательность и перестала считаться почетной; ея начали избѣгать.

Строго осуждая порядокъ Екатерининскаго управленія, Павелъ думалъ, что Екатерина своимъ потворствомъ дворянству и либеральною слабостью умалила царскій авторитетъ и расшатала устои истиннаго порядка. Поэтому онъ старался возвратить государство въ прежній самодержавный видъ. Однимъ изъ самыхъ важныхъ условій правильнаго государственнаго устройства Павелъ почиталъ твердое престолонаслѣдіе, котораго тогда въ Россіи не было вслѣдствіе закона 1722 года (§ 115). Право царствующаго монарха произвольно избирать себѣ наслѣдника грозило при Екатеринѣ самому Павлу лишеніемъ престола. Въ 1797 году императоръ Павелъ издалъ, въ отмѣну Петровскаго указа, особое «учрежденіе объ Императорской фамиліи», въ которомъ: 1) устанавливался порядокъ наслѣдованія престола «по праву естественному» — отъ отца къ старшему сыну (а въ случаѣ бездѣтности государя— къ старѣйшему его брату), и 2) опредѣлялись «удѣлы» (имѣнія и доходы) членовъ государевой семьи, а также порядокъ внутреннихъ отношеній въ Императорской фамиліи, титулы и гербы великихъ князей. Для управленія имѣній и доходовъ, назначенныхъ къ составленію удѣловъ, былъ образованъ особый «департаментъ удѣловъ» (теперь «главное управленіе удѣловъ»). Земли и капиталы, переданные въ его управленіе, были выдѣлены изъ состава государственныхъ земель и доходовъ. Такимъ образомъ учрежденіе объ Императорской фамиліи опредѣлило твердымъ закономъ положеніе династіи въ государствѣ и въ этомъ отношеніи было очень важно и полезно. Но это былъ единственный твердый законъ, данный императоромъ Павломъ. Остальныя его распоряженія, направленныя къ тому, чтобы поднять значеніе верховной власти и водворить строгій порядокъ въ дѣлахъ, вовсе не достигали цѣли. Павелъ имѣлъ въ виду ограничить самоуправленіе сословій, созданное Екатериною, и потому во многомъ пріостановилъ дѣйствіе жалованныхъ грамотъ 1785 года и умалилъ

данныя сословіямъ права и льготы. Учрежденія 1775 года, еще не всюду введенныя ко времени его воцаренія, при немъ не имѣли дальнѣйшаго распространенія и развитія: Павелъ уменьшилъ число образованныхъ при Екатеринѣ губерній и прекратилъ ихъ дальнѣйшее открытіе. Вопреки распоряженіямъ Екатерины, онъ возстановилъ отжившія коллегіи (§ 128). Однако эти мѣры не только не укрѣпили порядка, но расшатали его и вызвали общее недоумѣніе и неудовольствіе. Въ администраціи водворился хаосъ, потому что императоръ Павелъ, сокрушая порядки предшествующаго царствованія, самъ не обладалъ твердыми пріемами управленія и дѣйствовалъ часто подъ вліяніемъ мимолетныхъ настроеній и гнѣвнаго раздраженія.

Ограничивая льготы высшихъ сословій, Павелъ имѣлъ въ виду облегчить положеніе низшихъ классовъ и въ частности улучшить бытъ крѣпостныхъ. Въ 1797 году онъ издалъ указъ о «барщинѣ», который устанавливалъ, что крестьянъ нельзя заставлять работать на помѣщиковъ въ праздники и гонять на барщину болѣе трехъ дней въ недѣлю. Этотъ указъ былъ понятъ, какъ ограниченіе крѣпостного права. Но вмѣстѣ съ тѣмъ самъ же Павелъ очень сильно содѣйствовалъ росту крѣпостного права тѣмъ, что необыкновенно щедро жаловалъ отдѣльнымъ дворянамъ въ награду населенныя земли и обращалъ жившихъ на нихъ казенныхъ крестьянъ въ частную собственность. За четыре года своего царствованія Павелъ раздарилъ такимъ образомъ 600 тысячъ душъ. Нельзя поэтому удивляться, что при императорѣ Павлѣ крестьяне, получившіе было надежду на облегченіе своей участи, стали волноваться и устраивать крупные безпорядки, какъ только увидѣли, что эта надежда не сбывается.

Въ особенности острый характеръ имѣли тѣ распоряженія императора Павла, которыя были направлены на борьбу съ вліяніемъ французской революціи. Еще до воцаренія Павла событія, грозно потрясавшія старый порядокъ и низложившія монархію Бурбоновъ, заставляли русское правительство думать о подавленіи революціи. Съ этою цѣлью Екатерина (войдя въ союзъ съ Англіей, Австріею и Пруссіею) приказала Суворову готовить войска для похода на французовъ. Въ то же время она запретила своимъ подданнымъ сношенія съ Франціей и сохранила право въѣзда въ Россію лишь за тѣми

французами, которые остались вѣрны своей династіи. Императоръ Павелъ по вступленіи на престолъ отмѣнилъ предположенный походъ Суворова, но еще болѣе усилилъ разнаго рода полицейскія мѣры, направленныя противъ «якобинскаго духа», то-есть противъ всякаго рода заимствованій изъ Франціи и разныхъ знаковъ сочувствія французамъ. Преслѣдовались и запрещались не только прямыя сношенія съ Франціей, возбранялась почти всякая возможность общенія со всей западной Европою. Выѣздъ русскихъ подданныхъ за границу сталъ почти невозможенъ; иностранцевъ въ Россію пускали только по особому высочайшему разрѣшенію. Запрещенъ былъ ввозъ изъ-за границы книгъ и нотъ. Закрыты были всѣ частныя типографіи и для печатанія книгъ установлена была строжайшая цензура. Запрещены были костюмы и шляпы, напоминавшіе французскія моды, а также ношеніе трехцвѣтныхъ лентъ на французскій манеръ. Жестокое гоненіе постигало всѣхъ тѣхъ, кого императоръ Павелъ подозрѣвалъ въ революціонныхъ мысляхъ. По самымъ ничтожнымъ поводамъ онъ ссылалъ въ Сибирь или отправлялъ въ тюрьму совсѣмъ невинныхъ людей. Царствованіе Павла получило поэтому названіе «царства страха» и, дѣйствительно, наполняло смятеніемъ всѣхъ, кто по службѣ или же случайно могъ попасться на глаза императору.

Раздражительность и жестокость императора Павла съ теченіемъ времени стали принимать характеръ явной болѣзни. Императрицѣ Маріи Өедоровнѣ стоило все бо̀льшихъ и бо̀льшихъ усилій смягчать и успокаивать тяжелые припадки гнѣва, какимъ подвергался ея супругъ. Но пришло время, когда ея доброму вліянію на Павла наступилъ конецъ. Съ 1798 года императоръ Павелъ совсѣмъ отдалился отъ своей семьи и дурно сталъ относиться не только къ своей супругѣ, но и къ своимъ взрослымъ сыновьямъ, Александру и Константину. Судя по его гнѣвнымъ выходкамъ противъ собственнаго семейства, окружающіе могли думать, что Павелъ становится опаснымъ для собственной династіи. Это помогло развиться заговору противъ Павла: заговорщики, руководимые Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ графомъ Па́леномъ, взяли на себя роль людей, желавшихъ, для спасенія династіи и государства, устранить душевно больного Павла отъ власти и отдать его въ опеку его старшаго сына Александра. Но когда (11-го марта 1801 года) они явились къ Павлу въ

его новомъ дворцѣ (Михайловскомъ замкѣ) съ предложеніемъ отказаться отъ власти, Павелъ встрѣтилъ ихъ съ такимъ упорствомъ и гнѣвомъ, что въ запальчивомъ объясненіи былъ лишенъ жизни.

§ 140. **Внѣшняя политика императора Павла и походы Суворова.** При вступленіи на престолъ императоръ Павелъ выразилъ намѣреніе избавить Россію отъ всякихъ войнъ и дать своимъ подданнымъ «пренужное и желаемое ими отдохновеніе» отъ военныхъ тревогъ и жертвъ Екатерининскаго времени. Но годы царствованія Павла были эпохою быстрыхъ французскихъ завоеваній. Французы завоевали Голландію, Бельгію, Швейцарію, почти всю Италію. Они пріобрѣли Іоническіе острова, готовили походъ въ Египетъ. Они намѣревались поддержать возстаніе ирландцевъ противъ англичанъ и замышляли возстановленіе Польши. Вездѣ, гдѣ они ни появлялись, они устанавливали демократическій и республиканскій порядокъ, или прямо присоединяя области къ Франціи, или же образуя въ нихъ союзныя съ Франціей республики. Французская революція становилась страшна Европѣ не только какъ примѣръ разрушительнаго переворота, но и какъ грозная завоевательная сила. Понятно, что она возбудила противъ себя всѣ европейскія державы. Противъ Франціи (1798) образовалась коалиція пяти государствъ (Англіи, Австріи, Неаполитанскаго королевства, Турціи и Россіи). Ближайшими причинами разрыва между Франціей и Россіей послужили: захватъ французами острова Мальты, принадлежавшаго рыцарямъ «іоаннитамъ» [1]); поддержка и покровительство со стороны Франціи польскимъ патріотамъ, а со стороны Россіи французскимъ эмигрантамъ, приверженцамъ «стараго порядка», и, наконецъ, тревожные слухи о вторженіи французовъ въ Черное море.

Русская эскадра, по приказу императора Павла, направилась изъ Чернаго моря въ Средиземное (подъ начальствомъ

---

[1]) Духовный орденъ рыцарей св. Іоанна образовался въ Палестинѣ въ XI вѣкѣ, былъ оттуда вытѣсненъ на о. Кипръ, потомъ на о. Родосъ, потомъ на о. Мальту. При императорѣ Павлѣ Мальтійскій орденъ сталъ подъ покровительство Россіи, а послѣ потери о. Мальты управленіе (капитулъ) ордена перешло въ Петербургъ и императоръ Павелъ былъ избранъ великимъ магистромъ ордена. Въ Россіи орденъ существовалъ до 1817 года.

адмирала Ѳ. Ѳ. Ушакова). Она вмѣстѣ съ турецкою эскадрою отобрала отъ французовъ Іоническіе острова; затѣмъ направилась къ Италіи и дѣйствовала тамъ противъ французовъ на Неаполитанскомъ побережьѣ (1798—1799). Въ то же время русскія сухопутныя войска были посланы на помощь Австріи, при чемъ предполагалось дѣйствовать противъ французовъ въ сѣверной Италіи. Австрійцы просили, чтобы команда надъ русской арміей была поручена знаменитому Суворову. Императоръ Павелъ согласился, вызвалъ Суворова изъ села Кончанскаго, гдѣ тотъ жилъ въ бездѣйствіи, и отправилъ его къ войскамъ въ Италію. Такъ начался знаменитый «Итальянскій походъ» Суворова (1799).

Суворовъ имѣлъ въ виду отнять у французовъ сѣверную Италію и оттуда вторгнуться въ самую Францію. Онъ пріѣхалъ къ арміи въ Верону и отъ Вероны началъ наступленіе на западъ, вверхъ по теченію р. По. Очень быстро онъ очистилъ отъ французовъ почти всю сѣверную Италію. Разбитая при р. Адда французская армія укрылась за горами вокругъ г. Генуи. Начальникъ ея, генералъ Моро, ждалъ помощи отъ тѣхъ французскихъ войскъ, которыя были на югѣ Италіи. Оттуда и спѣшилъ къ нему на помощь генералъ Макдональдъ. Но Суворовъ бросился къ нему навстрѣчу и разбилъ его въ упорной трехдневной битвѣ на берегахъ р. Требіа. Макдональдъ долженъ былъ уйти назадъ, не дойдя до Моро. Недовольное неудачами въ Италіи, французское правительство прислало на смѣну Моро молодого генерала Жубера. Жуберъ попробовалъ начать наступленіе на Суворова и пошелъ отъ Генуи черезъ горы на сѣверъ. Но при выходѣ изъ горъ на равнину у городка Нови Суворовъ стремительно напалъ на Жубера и разбилъ его армію, при чемъ самъ Жуберъ былъ убитъ въ бою. Послѣ этой побѣды Суворовъ окончательно овладѣлъ всею сѣверною Италіею и готовъ былъ къ дальнѣйшему наступленію на Францію. Но обстоятельства вызвали его въ Швейцарію.

Придворный военный совѣтъ въ Вѣнѣ («гофкригсратъ») настаивалъ на томъ, чтобы послѣ завоеванія сѣверной Италіи русскія войска занялись освобожденіемъ отъ французовъ Швейцаріи, а Италію оставили въ распоряженіе однихъ австрійскихъ войскъ. Императоръ Павелъ согласился на это, и Суворовъ долженъ былъ перейти изъ Италіи въ Швейцарію,

откуда австрійцы спѣшно вывели свои силы. Въ Швейцаріи изъ союзныхъ войскъ оставался одинъ лишь русскій корпусъ генерала Ри́мскаго-Корсако́ва. Суворовъ условился встрѣтиться съ нимъ въ Швицѣ и двинулся къ Швицу черезъ С.-Готардъ. Съ величайшими усиліями русскія войска совершили переходъ черезъ эту громадную гору и сквозь ущелья р. Рейсы («Чо́ртовъ мостъ») и вышли съ юга къ Фирвальдштетскому озеру. Но здѣсь Суворовъ узналъ, что Римскій-Корсаковъ французами отброшенъ на сѣверъ и что въ Швицѣ ждутъ французы въ твердой надеждѣ запереть знаменитаго Суворова въ горахъ и взять его въ плѣнъ. Зная, что французская армія (генерала Массенà) чуть не вчетверо превосходитъ числомъ его усталыя войска, Суворовъ отказался отъ мысли идти къ Швицу. Онъ повернулъ вправо и, послѣ труднѣйшихъ маршей по горамъ безъ дорогъ, успѣлъ выйти къ Боденскому озеру. На пути его войска съ необыкновеннымъ мужествомъ и искусствомъ не разъ побѣждали французскіе отряды, желавшіе преградить имъ дорогу. Походъ Суворова черезъ Швейцарію восхитилъ даже его враговъ (генералъ Массенà говаривалъ, что онъ «отдалъ бы всѣ свои компаніи за Швейцарскій походъ Суворова»). Подчиненные Суворову генералы (въ особенности Багратіо́нъ и Розенбе́ргъ) пріобрѣли этимъ походомъ не меньшую славу, чѣмъ самъ Суворо́въ, котораго императоръ Павелъ возвелъ въ чинъ генералиссимуса россійскихъ войскъ (незадолго до его смерти, въ 1800 году).

Суворовъ не былъ побѣжденъ и спасъ свою армію; но Швейцарія вся осталась въ рукахъ французовъ и союзники были отброшены въ Германію. Считая виновниками этой неудачи австрійцевъ, императоръ Павелъ разорвалъ свой союзъ съ ними (1800). Одновременно произошелъ разрывъ и съ другою союзницею—Англіей [1]). Тогда же началось сближеніе императора Павла съ Франціей и былъ заключенъ съ нею

---

[1]) Русскій вспомогательный корпусъ, воевавшій вмѣстѣ съ англичанами противъ французовъ въ Голландіи, терпѣлъ тамъ военныя неудачи и большой недостатокъ въ пищѣ и одеждѣ. За лишенія и обиды своихъ солдатъ Павелъ такъ разгнѣвался на англійское правительство, что сталъ готовиться къ войнѣ съ Англіей. Кромѣ морскихъ приготовленій, онъ замыслилъ сухопутный походъ на Индійскія владѣнія англичанъ и уже отправилъ туда донское казачье войско черезъ Оренбургъ. Смерть императора Павла прекратила этотъ рискованный маршъ: казаки были возвращены назадъ.

миръ, при чемъ первый консулъ Франціи Наполеонъ Бонапартъ проявилъ большое вниманіе и любезность къ русскимъ плѣннымъ, освободивъ ихъ безъ всякихъ условій и снабдивъ всѣмъ необходимымъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Преобладаніе задачъ внѣшней политики надъ задачами внутренняго управленія.

Время императора Александра I Благословеннаго (1801—1825).

§ 141. **Воспитаніе и характеръ императора Александра I.** Императоръ Александръ I родился въ 1777 году и былъ воспитанъ императрицею Екатериною, которая такъ же отобрала его отъ родителей, какъ у нея самой когда-то отобрала сына Павла императрица Елизавета. Воспитывая Александра, Екатерина восхищалась имъ, находя внука красивымъ и даровитымъ мальчикомъ. Она звала малютку «мой Александръ», прочила его себѣ въ наслѣдники и мечтала воспитать и образовать его въ своемъ духѣ и направленіи. Она назначила къ нему попечителемъ генерала Н. И. Салтыкова, а главнымъ наставникомъ Александра сдѣлала швейцарскаго гражданина Фридриха-Цезаря Лагарпа. Какъ физическое, такъ и умственное воспитаніе Александра шло по «наставленіямъ», написаннымъ самою Екатериною, и было строго согласовано съ либеральными идеями вѣка. Лагарпъ долженъ былъ воспитывать своего питомца «по законамъ разума и въ принципѣ добродѣтели». Онъ умѣлъ войти въ дружбу съ Александромъ и пріобрѣлъ его привязанность на всю жизнь. Самъ убѣжденный либералъ и республиканецъ, Лагарпъ воспитывалъ въ Александрѣ наклонность къ политической свободѣ и къ равенству и отвращеніе отъ деспотизма. Въ то же время Александръ, слѣдуя за новыми литературными вѣяніями, усваивалъ сентиментальные вкусы и отличался чрезвычайною мягкостью манеръ и обращенія. Его доброта, веселость, вѣжливость и обходительность прельщали всѣхъ. Казалось, что жизнь молодого великаго князя была полна счастья и радости.

Между тѣмъ, онъ въ глубинѣ души не могъ не чувствовать себя несчастнымъ. Положеніе его между бабушкою и отцомъ было очень тяжело. Екатерина готовила въ Александрѣ прямого себѣ преемника и противъ его воли дѣлала Александра соперникомъ отцу его Павлу. Она и не скрывала отъ Александра своей холодности къ Павлу Петровичу. Въ то же время Павелъ какъ бы ревновалъ Александра къ Екатеринѣ и требовалъ отъ сына сочувствія къ себѣ. Александръ хотѣлъ сохранить расположеніе какъ отца, такъ и бабушки, и съ обоими держался одинаково любовно, скрывая свои истинныя мысли и чувства, являясь обоимъ всегда одинаково преданнымъ и любящимъ. Въ немъ выработалась поэтому привычка при всякихъ обстоятельствахъ превосходно владѣть собою и прятать свое внутреннее настроеніе подъ видомъ внѣшней любезности и довольства. Отъ многихъ получилъ онъ поэтому названіе «очаровательнаго сфинкса»: его обаянію нельзя было не поддаться, но его истинныя чувства нельзя было знать.

§ 142. **Начало царствованія императора Александра I.** Кончина императора Павла застала великаго князя Александра Павловича врасплохъ. Объявляя манифестомъ о внезапной кончинѣ своего родителя, онъ обѣщалъ управлять своимъ народомъ «по законамъ и по сердцу» Екатерины Великой и «шествовать по ея премудрымъ намѣреніямъ». Этимъ Александръ свидѣтельствовалъ, что не будетъ продолжать суроваго правленія Павла. Дѣйствительно, въ первые же дни онъ отмѣнилъ всѣ стѣснительныя распоряженія императора Павла, возстановилъ дѣйствіе жалованныхъ грамотъ 1785 года и даровалъ амнистію всѣмъ пострадавшимъ, сосланнымъ и заключеннымъ безъ суда въ царствованіе Павла. Обаятельная личность молодого государя, его доброта и любезность, его изящная красота, его неутѣшная печаль по поводу необычной кончины отца,—все это такъ влекло къ нему сердца, что онъ пользовался общимъ поклоненіемъ и получилъ названіе «ангела», сохраненное имъ до самой его кончины въ кругу его родныхъ и придворныхъ.

Во главѣ текущаго управленія Александръ на первое время поставилъ Екатерининскихъ чиновниковъ (Трощинскаго, Завадовскаго, Державина и др.), а для важнѣйшихъ дѣлъ выбралъ себѣ совѣтниковъ по сердцу. Это были его личные

друзья, настроенные одинаково либерально, мечтавшіе вмѣстѣ съ Александромъ о крупныхъ реформахъ въ государствѣ. Ихъ было четверо (графъ Кочубей, Новосильцовъ, графъ Строгановъ, князь Адамъ Чарторыйскій). Они собирались во дворцѣ частнымъ кружкомъ и вмѣстѣ съ государемъ обсуждали дѣла интимно, безъ всякихъ формальностей, въ живой дружеской бесѣдѣ. Этотъ кружокъ получилъ со временемъ названіе негласнаго, или интимнаго, «комитета», потому что императоръ Александръ шутя называлъ его «comité de salut public» (названіе одного изъ французскихъ учрежденій временъ революціи).

Подъ сильнымъ вліяніемъ интимнаго комитета были проведены всѣ мѣропріятія первыхъ лѣтъ правленія Александра. Между прочимъ, Александръ возстановилъ значеніе сената, какъ высшаго административнаго и судебнаго мѣста въ имперіи. Значеніе сената было умалено при императрицѣ Екатеринѣ (§ 126) и не возстановлено императоромъ Павломъ. Далѣе, взамѣнъ устарѣвшихъ коллегій въ 1802 году были учреждены *министерства*, во главѣ которыхъ стали отвѣтственные министры. На первыхъ порахъ было образовано восемь министерствъ (военное, морское, иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, финансовъ, коммерціи и народнаго просвѣщенія). Для объединенія дѣятельности министерствъ всѣ министры должны были, собираясь въ общія совѣщанія, составлять «комитетъ министровъ», въ которомъ часто присутствовалъ и самъ государь. Въ основаніе новой системы управленія было положено, вмѣсто прежняго коллегіальнаго начала, начало единоличной власти и отвѣтственности: министръ одинъ управлялъ своимъ вѣдомствомъ при помощи канцеляріи и подчиненныхъ ему иныхъ учрежденій; онъ одинъ долженъ былъ и отвѣчать за всѣ упущенія въ его министерствѣ. Для обсужденія же важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ и законовъ съ самыхъ первыхъ дней царствованія Александра былъ имъ устроенъ «совѣтъ непремѣнный», состоявшій изъ двѣнадцати членовъ, взамѣнъ случайныхъ и временныхъ совѣщаній, бывшихъ при императрицѣ Екатеринѣ и императорѣ Павлѣ. Такимъ образомъ при Александрѣ I были приведены въ порядокъ и получили новый видъ центральныя правительственныя учрежденія, разстроенныя мѣстною реформою императрицы Екатерины II (§ 128).

Интимный комитетъ былъ очень занятъ мыслью объ улучшеніи быта крѣпостныхъ людей. Молодой государь, даровавъ высшимъ сословіямъ отнятыя у нихъ императоромъ Павломъ льготы и права, желалъ что-нибудь сдѣлать для освобожденія крестьянъ, для прекращенія «рабства» въ его государствѣ. Но трудности освобожденія представлялись ему и его совѣтникамъ столь же неодолимыми, какъ раньше представлялись онѣ Екатеринѣ. Поэтому комитетъ ограничился лишь изданіемъ закона о «свободныхъ хлѣбопашцахъ» (1803). Законъ этотъ давалъ право землевладѣльцамъ освобождать своихъ крѣпостныхъ и обезпечивать ихъ землею въ собственность на извѣстныхъ условіяхъ. Условія, заключенныя между помѣщиками и крестьянами, утверждались правительствомъ, послѣ чего крестьяне входили въ сословіе свободныхъ хлѣбопашцевъ. Правительство надѣялось, что такимъ путемъ постепенно можетъ совершиться упраздненіе крѣпостного права; но лишь очень небольшое число землевладѣльцевъ обратилось къ этому закону и отпустило на волю своихъ крестьянъ.

Болѣе двухъ лѣтъ продолжалось существованіе интимнаго комитета. Въ теченіе этого времени Александръ понемногу охладѣлъ къ комитету и сталъ рѣже и рѣже собирать его. А затѣмъ комитетъ и вовсе пересталъ существовать. Около Александра появляется новое довѣренное лицо, съ которымъ государь ведетъ управленіе и мечтаетъ о преобразованіяхъ. Это лицо—Михаилъ Михайловичъ Сперанскій.

§ 143. **Дѣятельность М. М. Сперанскаго.** Сперанскій по происхожденію былъ сынъ сельскаго священника. По окончаніи образованія въ Петербургской «главной семинаріи» (духовной академіи), онъ былъ оставленъ въ ней преподавателемъ и въ то же время попалъ на службу въ канцелярію сената. Талантливый и образованный, онъ обращалъ на себя общее вниманіе необыкновенными способностями и трудолюбіемъ. При образованіи министерствъ (1802) Сперанскаго пригласили въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ онъ сталъ однимъ изъ виднѣйшихъ сотрудниковъ министра графа Кочубея. Вскорѣ (1806) онъ сталъ лично извѣстенъ императору Александру, который постепенно приблизилъ его къ себѣ и сдѣлалъ какъ бы первымъ своимъ министромъ. Сперанскій получилъ отъ государя порученіе выработать общій планъ государственнаго преобразованія. Сперанскій долженъ былъ, кромѣ того, руко-

водить работою комиссіи законовъ, трудившейся надъ составленіемъ новаго кодекса. Наконецъ, Сперанскій являлся докладчикомъ и совѣтникомъ государя по всѣмъ текущимъ дѣламъ управленія. Съ необыкновеннымъ усердіемъ работалъ Сперанскій нѣсколько лѣтъ (1808 — 1812), проявляя тонкій и гибкій умъ, большія политическія знанія, выдающееся краснорѣчіе. Знакомый съ языками (французскимъ и англійскимъ) и съ западною политическою литературою, онъ больше всякаго иного чиновника былъ подготовленъ къ дѣлу управленія, такъ какъ соединялъ въ себѣ прекрасное практическое знакомство съ дѣлами и широкую теоретическую подготовку. Въ этомъ состояла главная сила Сперанскаго.

Планъ государственнаго преобразованія, составленный Сперанскимъ, предполагалъ измѣненіе общественнаго устройства и перемѣну государственнаго порядка. Вмѣсто прежнихъ сословій предполагалось новое раздѣленіе гражданъ по правамъ на «дворянство», «людей средняго состоянія» и «народъ рабочій». Все населеніе государства представлялось гражданскі свободнымъ, а крѣпостное право упраздненнымъ. За дворянами сохранялось право владѣнія *населенными* землями и свобода отъ обязательной службы. Среднее состояніе составлялось изъ купцовъ, мѣщанъ и поселянъ, имѣющихъ у себя *ненаселенныя* крестьянами земли. Народъ рабочій состоялъ изъ крестьянъ, мастеровыхъ людей и слугъ. Предполагалось раздѣлить государство заново на губерніи, округа и волости и создать новый порядокъ управленія. Во главѣ государства должна была стоять «державная власть» монарха съ «государственнымъ совѣтомъ». Подъ ихъ общимъ руководствомъ должны дѣйствовать учрежденія: законодательныя, исполнительныя и судныя [1]). Общую цѣль, или «разумъ» (смыслъ), преобразованія Сперанскій полагалъ «въ томъ, чтобы правле-

---

[1]) Въ порядкѣ *законодательномъ* предполагалось, что всѣ землевладѣльцы каждой волости въ каждое трехлѣтіе составятъ „волостную думу“; депутаты отъ волостныхъ думъ округа составятъ „окружную думу“; депутаты окружныхъ думъ губерніи составятъ „губернскую думу“. Изъ депутатовъ же отъ всѣхъ губернскихъ думъ составится законодательное учрежденіе подъ именемъ „государственной думы“. Она собирается ежегодно въ сентябрѣ для обсужденія законовъ. Въ порядкѣ *исполнительномъ* предполагалось, что государствомъ будутъ управлять министерства и подчиненныя имъ „губернскія правительства“ съ губернаторами во главѣ. Въ по-

ніе, доселѣ самодержавное, постановить и учредить на непремѣняемомъ законѣ». Императоръ Александръ сочувствовалъ общему направленію проекта Сперанскаго и предполагалъ начать его осуществленіе съ 1810 года. Съ 1-го января этого года были открыты дѣйствія новаго государственнаго совѣта, устроеннаго согласно съ предположеніями Сперанскаго, и самъ Сперанскій былъ назначенъ государственнымъ секретаремъ при новомъ совѣтѣ. Но далѣе дѣло не пошло: императоръ измѣнилъ свое настроеніе и какъ бы устрашился предположенной общей реформы. Знаменитый проектъ Сперанскаго остался только проектомъ.

Одновременно съ своими трудами надъ планомъ общаго преобразованія Сперанскій руководилъ дѣйствіями «комиссіи законовъ», которая приготовила проектъ новаго гражданскаго уложенія (законы объ отношеніяхъ семейныхъ, о наслѣдствѣ, о собственности, о договорныхъ отношеніяхъ и т. п.). Этотъ проектъ былъ внесенъ въ государственный совѣтъ и тамъ разсмотрѣнъ, но остался необнародованнымъ. Несмотря, однако, на такую неудачу первыхъ законодательныхъ работъ Сперанскаго, онѣ имѣли для него огромное значеніе и дали ему юридическую опытность, которою онъ и воспользовался впослѣдствіи.

Мало-по-малу, находясь въ большомъ приближеніи у государя, Сперанскій сосредоточилъ въ своихъ рукахъ всѣ текущія дѣла управленія: онъ занимался и финансами, которые были въ большомъ разстройствѣ, и дипломатическими дѣлами, въ которыя его посвящалъ самъ государь, и устройствомъ Финляндіи, тогда завоеванной русскими войсками. Между прочимъ, Сперанскій заново пересмотрѣлъ, измѣнилъ и улучшилъ устройство министерствъ. Перемѣны, произведенныя въ распредѣленіи дѣлъ по министерствамъ и въ порядкѣ управленія ими, были изложены въ новомъ законѣ о министерствахъ (изданномъ въ 1811 году подъ названіемъ «общаго учрежденія министерствъ»). Самое число министерствъ было увеличено до 11 (прибавлены, между прочимъ: министерство полиціи, путей сообщенія, государственный контроль).

рядкѣ же *судномъ* предполагалось, что сенатъ будетъ „верховнымъ судилищемъ" для всей имперіи, а подъ его руководствомъ будутъ дѣйствовать суды волостные, окружные и губернскіе.

Дѣятельность Сперанскаго и его быстрое возвышеніе возбуждали во многихъ неудовольствіе. Одни завидовали личнымъ успѣхамъ Сперанскаго и готовы были на интригу противъ него. Другіе видѣли въ Сперанскомъ слѣпого поклонника французскихъ идей и порядковъ и сторонника союза съ императоромъ Наполеономъ. Считая вліяніе Франціи разрушительнымъ, а союзъ съ Наполеономъ постыднымъ, эти люди изъ патріотическаго чувства вооружались противъ направленія Сперанскаго и считали нужнымъ ему противодѣйствовать. Одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и извѣстныхъ литераторовъ того времени, европейски образованный Н. М. Карамзинъ, составилъ для государя записку «о древней и новой Россіи» и въ ней доказывалъ вредъ и опасность мѣръ Сперанскаго. Эти мѣры, по мнѣнію Карамзина, легко и необдуманно уничтожали старые порядки и столь же легко и необдуманно вводили въ русскую жизнь французскія формы. Хотя Сперанскій и отрицалъ свою приверженность къ Франціи и Наполеону, однако въ глазахъ всего общества его близость къ французскимъ вліяніямъ была неоспорима. Когда отношенія Россіи и Франціи обострились и русскіе ожидали нашествія Наполеона на Россію, императоръ Александръ далъ ходъ обвиненіямъ противъ Сперанскаго и не счелъ возможнымъ оставить его вблизи себя. Сперанскій былъ уволенъ отъ должности государственнаго секретаря; мало того, по какимъ-то темнымъ обвиненіямъ и интригамъ, государь отправилъ его въ ссылку (въ Нижній-Новгородъ, а потомъ въ Пермь), откуда Сперанскій былъ возвращенъ лишь въ концѣ царствованія Александра.

Такимъ образомъ, императоръ Александръ и со Сперанскимъ не осуществилъ своего стремленія къ государственному преобразованію: всѣ начинанія Сперанскаго были остановлены на полдорогѣ. Сперанскому удалось только придать центральнымъ учрежденіямъ Россіи такой законченный и отдѣланный видъ, что они надолго возстановили утраченную при Екатеринѣ II централизацію управленія и укрѣпили бюрократическій порядокъ въ государствѣ.

§ 144. **Внѣшняя политика императора Александра I до 1812 года.** Вступая на престолъ, императоръ Александръ намѣревался сохранять миръ и нейтралитетъ. Онъ остановилъ приготовленія къ войнѣ съ Англіей и возобновилъ дружбу какъ съ этою державою, такъ и съ Австріей. Отношенія съ

Франціей должны были стать отъ этого хуже, чѣмъ были предъ кончиною императора Павла, такъ какъ Франція въ то время находилась въ острой враждѣ съ Англіей. Однако никто въ Россіи не думалъ о войнѣ съ французами въ первые годы императора Александра. Война сдѣлалась неизбѣжна только послѣ цѣлаго ряда недоразумѣній между Наполеономъ и русскимъ правительствомъ. Наполеонъ сталъ пожизненнымъ консуломъ (1802), а затѣмъ императоромъ Франціи (1804), и такимъ образомъ превратилъ Французскую республику въ монархію. Его громадное честолюбіе раздражало Александра, а его безцеремонность въ дѣлахъ средней и южной Европы казалась опасною и недопустимою. Наполеонъ, не обращая вниманія на протесты русскаго правительства, насильственно распоряжался въ Германіи и Италіи, и это заставило Александра постепенно готовить новую коалицію противъ Франціи. Главными союзниками его были Австрія и Англія.

Въ 1805 году открылась война съ Наполеономъ. Русскія войска, подъ командою одного изъ учениковъ Суворова, Мих. Илар. Голенищева-Кутузова, двинулись въ Австрію на соединеніе съ австрійскими войсками. Но раньше, чѣмъ они достигли театра военныхъ дѣйствій, Наполеонъ разбилъ и плѣнилъ австрійскую армію и взялъ Вѣну. Кутузовъ успѣлъ увернуться отъ неравнаго боя съ Наполеономъ и искусными маршами отвелъ свои войска назадъ, на сѣверъ отъ Вѣны. Однако, вслѣдъ затѣмъ, по личному настоянію императора Александра, онъ принялъ бой съ Наполеономъ у г. Аустерлица. Подъ Аустерлицемъ Наполеонъ разбилъ русскихъ и австрійцевъ и принудилъ Австрію къ миру. Русская же армія должна была вернуться на русскую границу. Такъ окончилась компанія 1805 года.

Въ слѣдующемъ 1806 году императоръ Александръ возобновилъ войну противъ Наполеона въ союзѣ съ Пруссіей. Пруссія не дождалась русскихъ войскъ и одна начала военныя дѣйствія. Французы разбили пруссаковъ одновременно въ двухъ битвахъ (подъ Іеною и Ауэрштедтомъ). Наполеонъ занялъ Берлинъ и овладѣлъ Прусскими землями до самой Вислы. Прусскій король (Фридрихъ-Вильгельмъ III) укрылся со своимъ дворомъ въ Кенигсбергѣ и рѣшился съ русскою помощью продолжать войну. Всю зиму 1806—1807 гг. шла кровопролитная борьба вблизи Кенигсберга. Русская армія подъ

начальствомъ Бенигсена оказала упорное сопротивленіе французамъ, между прочимъ, отразивъ армію Наполеона въ большомъ сраженіи при г. Прейсишъ-Эйлау. Но лѣтомъ 1807 года Наполеону удалось разбить русскихъ подъ г. Фридландомъ, и война окончилась. Все Прусское королевство оказалось въ рукахъ Наполеона, а русская армія ушла на правый берегъ Нѣмана, въ русскіе предѣлы.

Императоръ Александръ заключилъ съ Наполеономъ перемиріе и имѣлъ съ нимъ свиданіе у г. Тильзита въ павильонѣ, поставленномъ на плотахъ среди р. Нѣмана (1807). Настроенный ранѣе не въ пользу Наполеона, Александръ послѣ перваго свиданія вошелъ съ нимъ въ видимую дружбу. Оба монарха лично договорились объ условіяхъ мира. Александръ настоялъ на томъ, чтобы не уничтожать Прусскаго королевства, какъ того хотѣлъ Наполеонъ; но онъ не могъ сохранить за прусскимъ королемъ всѣхъ его владѣній [1]). Пруссія подпала вполнѣ вліянію Наполеона и должна была принять въ свои города французскіе гарнизоны. Россія же выходила изъ неудачной войны безъ потерь и униженія. Не ограничиваясь заключеніемъ мира, Александръ вступилъ съ Наполеономъ въ союзъ, условія котораго были тайно выработаны въ Тильзитѣ. Основою союза было признаніе за Наполеономъ права господства на западѣ Европы, а за Александромъ права господства на востокѣ. Наполеонъ прямо указывалъ Александру, что Россія должна усилиться на счетъ Швеціи и Турціи, оставивъ Наполеону Германію и Италію. Оба государя согласились дѣйствовать сообща противъ Англіи, и Александръ принялъ измышленную Наполеономъ «континентальную систему». Она состояла въ томъ, что континентальныя страны отказывались отъ торговыхъ сношеній съ Англіей и не пускали въ свои гавани англійскихъ кораблей и товаровъ; Наполеонъ думалъ достигнуть этимъ путемъ экономическаго разоренія Англіи.

Какъ естественное послѣдствіе Тильзитскаго союза, явилась война императора Александра со Швеціей. Русскія

---

[1]) У Пруссіи была отобрана добрая половина земель. Между прочимъ, изъ большей части тѣхъ польскихъ областей, которыя достались Пруссіи при раздѣлахъ Польши, было образовано „герцогство Варшавское“, отданное саксонскому королю. Россія получила при этомъ отъ Пруссіи Бѣлостокскую область.

войска въ 1808 и 1809 годахъ вытѣснили шведовъ изъ Финляндіи послѣ ряда упорныхъ боевъ (изъ которыхъ самымъ значительнымъ былъ удачный для русскихъ бой при с. Оровайсѣ). Зимою, совершивъ труднѣйшій переходъ по льду, русскіе отряды подъ начальствомъ генераловъ Багратіона и Кульнева взяли Аландскіе острова, а оттуда перешли на шведскій берегъ и такимъ образомъ перенесли войну въ самую Швецію. Швеція была вынуждена къ миру и (по договору 1809 года во Фридрихсгамѣ) уступила Россіи Финляндію до р. Торнео. Еще до заключенія мира, овладѣвъ Финляндіею, императоръ Александръ объявилъ о ея присоединеніи къ Россіи. Весною 1809 года въ г. Борго были созваны депутаты отъ финляндскихъ сословій на общій сеймъ. Императоръ Александръ самъ открылъ сеймъ манифестомъ и рѣчью, въ которыхъ удостовѣрилъ, что желаетъ сохранить въ силѣ мѣстное устройство, «религію, коренные законы, права и преимущества» жителей «великаго княжества Финляндіи». Такимъ образомъ, съ присоединеніемъ этой провинціи къ Россіи въ ней было установлено особенное управленіе, основанное на началѣ широкаго мѣстнаго самоуправленія.

Вражда Турціи къ Россіи, не прекращавшаяся со временъ императрицы Екатерины II, усилилась, по разнымъ случайнымъ поводамъ, въ первые годы царствованія Александра. Открытая же война началась съ 1806 года и шла съ перерывами до 1812 года. Русскіе не разъ переходили черезъ Дунай и достигали Балканъ. Но только Кутузову удалось (1811) рѣшительнымъ ударомъ (при Слободзеѣ) уничтожить турецкую армію и принудить турокъ къ миру. По мирному договору 1812 года (въ Бухарестѣ) Россія пріобрѣла Бессарабію (земли между рр. Днѣстромъ и Прутомъ).

Такимъ образомъ, начавъ съ рѣшительныхъ дѣйствій противъ Наполеона, Александръ силою обстоятельствъ былъ приведенъ къ союзу съ нимъ и вслѣдствіе союза съ Наполеономъ воевалъ съ державами, съ которыми ранѣе не желалъ воевать. Перемѣна въ политикѣ Александра произошла настолько рѣзкая, что вызвала общее удивленіе и ропотъ въ Россіи. Русскіе люди не понимали, какъ могъ императоръ Александръ дружить съ «исчадіемъ революціи», Наполеономъ. Русскихъ обижало и раздражало появленіе въ Петербургѣ послѣ Тиль-

зита французскаго посольства, его развязное и самоувѣренное поведенiе, его влiянiе на Александра. Принятiе Александромъ «континентальной системы» нанесло большой вредъ русской торговлѣ: сократился вывозъ русскаго сырья, которое вывозили главнымъ образомъ англичане. Упадокъ торговли повлiялъ на паденiе государственныхъ доходовъ. Не имѣя денегъ, казна выпускала массу ассигнацiй и этимъ обезцѣнивала ихъ: курсъ ассигнацiй упалъ до того, что бумажный рубль стоилъ не болѣе серебрянаго четвертака. Вслѣдствiе этого росло народное недовольство. Настроенiе общества было очень возбуждено, и императоръ Александръ не могъ не видѣть, что его политика не встрѣчаетъ никакого сочувствiя въ его государствѣ.

Съ другой стороны, новый союзникъ императора Александра, Наполеонъ, не оправдывалъ прiязни къ нему русскаго государя: онъ дѣйствовалъ своекорыстно и безцеремонно. Высказывая неудовольствiе на Александра за то, что тотъ недостаточно строго выдерживалъ континентальную систему, самъ онъ, съ своей стороны, не соблюдалъ интересовъ Россiи и Александра. Онъ подавалъ полякамъ надежды на возстановленiе Польши. Въ Германiи онъ отнялъ владѣнiя у дяди Александра, герцога Ольденбургскаго [1]), и не вознаградилъ его другими землями. Вмѣстѣ съ Ольденбургскимъ герцогствомъ было присоединено къ Францiи все побережье Нѣмецкаго моря и вся Голландiя; это было сдѣлано не въ силу Тильзитскаго трактата и безъ соглашенiя съ Россiей.

Совершая грубые захваты нѣмецкихъ земель и располагая въ нѣмецкихъ городахъ свои гарнизоны, Наполеонъ все болѣе и болѣе придвигалъ свои войска къ русскимъ границамъ и такимъ образомъ принималъ по отношенiю къ Александру угрожающее положенiе. Александръ началъ протестовать противъ его дѣйствiй и, въ свою очередь, сталъ готовиться къ войнѣ, на тотъ случай, если Наполеонъ нападетъ на него. Обѣ стороны старались скрывать свои военныя приготовленiя

---

[1]) Ольденбургскiй владѣтельный домъ имѣлъ нѣсколько линiй, которыя всѣ связаны съ Сѣверной Германiей или Данiей. Голштинскiе принцы (§ 123) были изъ Ольденбургскаго дома. Одинъ изъ Ольденбургскихъ принцевъ былъ женатъ на теткѣ императора Александра, другой (Георгъ) на его сестрѣ, великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ.

и обвиняли другъ друга въ стремленіи уничтожить дружбу и нарушить миръ. Такъ понемногу подготовлялась война между Россіей и Франціею. Причина ея лежала въ глубокой противоположности стремленій французской и русской политики. Наполеонъ стремился къ міровому владычеству и желалъ подчиненія Россіи его видамъ. Александръ не только не считалъ возможнымъ подчиниться Наполеону, но самъ желалъ вліять на дѣла Европы, какъ преемникъ Екатерины, при которой Россія достигла необыкновенныхъ политическихъ успѣховъ и большого международнаго значенія. Со стороны Франціи продолжался еще завоевательный порывъ; со стороны Россіи сказывалось чувство національной силы и гордости. Франція желала господства надъ Россіей, Россія — равенства съ Франціей. Борьба была неизбѣжна, и обѣ стороны имѣли къ ней достаточные поводы.

§ 145. **1812-й годъ — Отечественная война.** Уже въ 1811 году близость разрыва между Франціей и Россіей чувствовалась всѣми. Съ начала 1812 года императоръ Александръ усиленно приготовлялся къ войнѣ. Онъ рѣшился не нападать, а только обороняться, и отклонилъ проекты наступательныхъ дѣйствій. Болѣе 200 тысячъ русскихъ войскъ ожидали нашествія врага. Войска были разставлены на границѣ, вдоль р. Нѣмана, и раздѣлены на двѣ арміи: первою командовалъ военный министръ генералъ М. Б. Барклай-де-Толли, второю — генералъ Суворовской школы, князь П. И. Багратіонъ. Самъ императоръ Александръ находился при войскахъ, въ г. Вильнѣ. Было большою ошибкою разбросать войска на значительномъ разстояніи и не соединить ихъ въ одну сильную армію. Наполеонъ замѣтилъ эту ошибку и хотѣлъ ею воспользоваться, чтобы раздѣлить и ослабить русскія силы. Съ громадною арміей въ 600.000 человѣкъ онъ въ іюнѣ 1812 года безъ объявленія войны переправился черезъ Нѣманъ въ предѣлы Россіи (у г. Ковно) и почти безо всякаго сопротивленія со стороны русскихъ разрозненныхъ отрядовъ, бывшихъ передъ нимъ, быстро дошелъ до Вильны, гдѣ и остановился на полмѣсяца для окончательнаго устройства своей арміи, составленной изъ войскъ какъ французскихъ, такъ и союзныхъ (нѣмецкихъ, польскихъ, голландскихъ, швейцарскихъ и т. д.).

Русскія арміи Барклая-де-Толли и Багратіона оказались отрѣзанными одна отъ другой и настолько слабыми, что не

могли и думать о генеральномъ сраженіи съ врагомъ. Въ эту тяжелую минуту окружающіе императора Александра убѣдили его оставить театръ войны и уѣхать въ Москву, а затѣмъ въ Петербургъ, для общаго руководства государственною обороною. Главное начальство надъ войсками получилъ Барклай. Понимая невозможность открытаго боя съ Наполеономъ, Барклай принялъ систему отступленія внутрь страны и повелъ свою армію на Витебскъ и Смоленскъ, приказавъ и Багратіону отступать и идти на соединеніе съ нимъ [1]). Искусно уклоняясь отъ большихъ боевъ съ преслѣдовавшимъ непріятелемъ и старательно сберегая армію отъ потерь и внутренняго разстройства, Барклай благополучно достигъ Смоленска и тамъ соединился съ Багратіономъ. Такимъ образомъ, отступленіе удалось: Наполеонъ не успѣлъ ни разъединить русскія арміи, ни разбить ихъ порознь. Въ военномъ отношеніи это былъ большой успѣхъ.

Однако постояннымъ отступленіемъ Барклая не были довольны ни государь, ни армія, ни все русское общество. Русскіе люди стыдились того, что армія какъ будто боялась открытаго боя съ врагомъ. Почти никто не понималъ, что въ военномъ отношеніи отступленіе не было позорнымъ дѣломъ, и всѣ обвиняли Барклая или въ трусости, или даже въ измѣнѣ. Общественное мнѣніе требовало смѣны Барклая. Императоръ Александръ, по совѣту приближенныхъ, назначилъ главнокомандующимъ М. И. Голенищева-Кутузова. Но еще раньше, чѣмъ послать его въ армію, государь требовалъ отъ Барклая, чтобы отступленіе было, наконецъ, пріостановлено. Тогда Барклай изъ Смоленска попытался было начать наступленіе на французовъ къ Витебску, но во-время остановился. Оказалось, что Наполеонъ кружнымъ путемъ спѣшилъ въ обходъ русскихъ къ Смоленску и чуть было не отрѣзалъ нашей арміи отъ Смоленска и Москвы. Съ большими усиліями русскимъ

---

[1]) Мысль о необходимости и пользѣ отступленія принадлежала не одному только Барклаю. Многіе тогда вспоминали примѣръ Петра Великаго, отступавшаго передъ шведами до Полтавы (§ 105), и разсчитывали, что, отступая, русская армія легко можетъ быть усилена рекрутами и снабжена всѣмъ необходимымъ, тогда какъ непріятель тѣмъ больше ослабѣетъ и истощится, чѣмъ дальше отойдетъ отъ своей родины. Такъ разсуждали многіе; но Барклай яснѣе всѣхъ понималъ, какъ именно слѣдуетъ исполнить отступленіе и до какихъ поръ его вести.

отрядамъ (генераловъ Невѣровскаго, Раевскаго и Дохтурова) удалось задержать французовъ подъ Смоленскомъ, пока главная армія наша вернулась съ Витебской дороги мимо Смоленска на Московскую дорогу. Нѣсколько дней шелъ бой подъ древними стѣнами Смоленска, раньше чѣмъ Барклай приказалъ оставить эту крѣпость и продолжать отступленіе къ Москвѣ.

Въ это время, на пути арміи отъ Смоленска къ Можайску, пріѣхалъ въ армію новый главнокомандующій, Кутузовъ. Онъ 26-го августа рѣшился дать Наполеону генеральное сраженіе при селѣ Бородинѣ (на берегахъ рѣчки Колочи, впадающей въ р. Москву, верстахъ въ 10 отъ Можайска). Бородинская битва—одна изъ самыхъ кровопролитныхъ въ исторіи: до ста тысячъ человѣкъ было убито, ранено и пропало безъ вѣсти въ одинъ день изъ обѣихъ сразившихся армій. Со стороны русскихъ въ бою было около 110 тысячъ человѣкъ, со стороны французовъ—около 130 тысячъ. Весь день Наполеонъ велъ атаку на русскія позиціи; послѣ отчаяннаго боя (въ которомъ погибъ Багратіонъ) непріятелямъ удалось оттѣснить русскія войска на нѣсколько сотъ саженъ назадъ. Но русскіе ночевали на полѣ битвы и казацкіе разъѣзды тревожили врага во всю ночь. Обѣ стороны имѣли трофеи: отбили другъ у друга пушки, знамена, плѣнныхъ. Каждая армія считала себя побѣдительницею. Сгоряча Кутузовъ рѣшилъ на утро возобновить бой и напасть на врага. Когда же обнаружилось, что половина русской арміи уничтожена въ бою, онъ понялъ, что слѣдуетъ отойти и сохранить оставшіяся силы отъ окончательнаго разгрома. Русскіе потянулись къ Москвѣ. Слѣдомъ за ними наступали французы, надѣясь на скорое окончаніе войны со взятіемъ Москвы. Подъ Москвою (въ деревнѣ Филяхъ) Кутузовъ собралъ военный совѣтъ и, обсудивъ положеніе дѣлъ, рѣшилъ оставить Москву безъ битвы. Онъ надѣялся на то, что, сохранивъ и усиливъ свои войска, онъ заморитъ ослабѣвшую непріятельскую армію въ опустѣлой Москвѣ. Москва была оставлена войсками. Еще ранѣе, узнавъ о приближеніи французовъ, стали покидать Москву ея жители. Московскій генералъ-губернаторъ, графъ Ѳ. В. Ростопчинъ, сначала возбуждавшій москвичей къ вооруженной защитѣ Москвы, затѣмъ необыкновенно энергично хлопоталъ объ оставленіи ея и даже, говорятъ, приготовилъ людей къ тому,

чтобы зажечь городъ. 2-го сентября въ брошенную столицу вступилъ Наполеонъ.

Вопреки ожиданіямъ французовъ, занятіе ими Москвы не привело къ миру. Попытки Наполеона начать переговоры окончились неудачею. Императоръ Александръ не отвѣчалъ Наполеону, потому что твердо рѣшился вести войну до послѣдней возможности и не полагать оружія, пока хотя одинъ врагъ останется въ русскихъ предѣлахъ. Съ первыхъ же дней пребыванія французовъ въ Москвѣ городъ сталъ горѣть и весь обратился въ развалины: въ немъ нельзя было зимовать и нечѣмъ было питаться. Кутузовъ съ арміей сталъ немного южнѣе Москвы; онъ получалъ изъ черноземныхъ губерній все необходимое и увеличивалъ свои боевыя силы, а французовъ не допускалъ запасаться провіантомъ въ окрестностяхъ столицы, окруживъ ее казаками. Наполеонъ не имѣлъ возможности двинуться и на Петербургъ, потому что Петербургъ былъ защищенъ особою арміей (графа Витгенштейна), а кромѣ того, Кутузовъ могъ въ этомъ случаѣ напасть на врага съ тыла. Въ довершеніе всего французская армія, очень разстроенная дальнимъ походомъ и Бородинскою битвою, окончательно потеряла порядокъ въ Москвѣ, гдѣ она скоро привыкла къ грабежу и распущенности. Сообразивъ всѣ невыгоды своего положенія, Наполеонъ рѣшился покинуть Москву и отступить на зимовку въ Смоленскъ и Вильну, съ тѣмъ, чтобы на будущую весну возобновить военныя дѣйствія. Такую рѣшимость поддержало въ немъ извѣстіе о пораженіи его передового отряда русскими у села Тарутина (близъ г. Малаго Ярославца). Кутузовъ напалъ здѣсь на маршала Мюрата и разбилъ его на-голову.

Въ срединѣ октября французская армія покинула Москву, сожженную и разграбленную, съ оскверненными храмами и взорванными стѣнами Кремля. Наполеонъ сдѣлалъ попытку пройти отъ Москвы къ Калугѣ, чтобы отступать не старою разоренною дорогою. Но Кутузовъ не допустилъ этого: онъ далъ отпоръ французамъ при Маломъ Ярославцѣ, послѣ чего они повернули на Смоленскъ. Русская армія шла параллельно непріятельской и Кутузовъ совсѣмъ не стремился къ открытому бою съ ней, говоря, что она развалится и безъ боя. Дѣйствительно, армія Наполеона разваливалась съ необыкновенною быстротою. Тому были многія причины. Во-первыхъ, пре-

бываніе въ Москвѣ, грабежъ и мародерство настолько расшатали дисциплину среди французовъ, что боевая сила ихъ войскъ замѣтно упала. Французы отступали безпорядочно, нуждаясь въ необходимомъ, но волоча за собою награбленную въ Москвѣ добычу. За исключеніемъ немногихъ полковъ (гвардіи), они напоминали собою простыя шайки грабителей. Во-вторыхъ, вокругъ французской арміи загорѣлась народная война: жители коренныхъ русскихъ губерній поднялись на врага. Вооружаясь чѣмъ попало, они нападали на отдѣльные французскіе отряды и истребляли ихъ, жгли французскіе запасы, громили непріятельскіе обозы, словомъ, наносили врагу, какой только могли, вредъ. При такомъ возбужденіи народа маленькіе отряды кавалеристовъ и казаковъ, высланные на французовъ изъ русской арміи, могли съ чрезвычайною легкостью и удобствомъ вредить врагу, нападая на него со всѣхъ сторонъ внезапно и украдкою, ведя съ нимъ «партизанскую войну». (Среди партизановъ особенно были извѣстны Фигнеръ, Давыдовъ и Сеславинъ). Народъ всячески помогалъ партизанамъ, укрывалъ ихъ, доставлялъ имъ свѣдѣнія о движеніи непріятеля, поддерживалъ ихъ въ бояхъ. Народная и партизанская война страшно вредила французской арміи и разстраивала ее. Въ-третьихъ, наконецъ, холода, наступившіе въ ноябрѣ, причинили страшное бѣдствіе французамъ, не имѣвшимъ теплой одежды и надлежащей обуви. Ни сражаться, ни двигаться, ни добывать пищу они не были въ состояніи и устилали дороги трупами замерзшихъ и голодныхъ. Когда Наполеонъ съ своей бѣдствующей арміей подошелъ къ р. Березинѣ (притокъ рѣки Днѣпра), у города Борисова русскими была сдѣлана попытка окружить его. Но она не удалась: Наполеонъ успѣлъ переправиться и уйти къ Вильнѣ. Однако отъ Березины шла уже не армія, а лишь жалкіе ея остатки. Они добѣжали до Вильны, не смогли въ ней удержаться и побѣжали дальше къ Нѣману. Въ самый день Рождества Россія торжественно праздновала (и до сихъ поръ церковно празднуетъ) избавленіе отъ нашествія французовъ и «съ ними двадесяти языкъ». Наполеонъ вывелъ съ собою изъ Россіи не болѣе 15—20 тысячъ солдатъ, сохранившихъ строй и дисциплину; все остальное погибло, или осталось въ плѣну, или же обратилось въ бродягъ. Такъ кончился походъ Наполеона въ Россію.

§ 146. **Борьба за освобожденіе Европы. Священный союзъ и конгрессы**. Многіе русскіе люди полагали, что съ изгнаніемъ Наполеона изъ Россіи война окончена и что русскимъ можно спокойно выжидать дальнѣйшихъ событій. Самъ Кутузовъ, повидимому, былъ такого мнѣнія. Но императоръ Александръ думалъ иначе: онъ желалъ воспользоваться пораженіемъ Наполеона, чтобы окончательно сломить его силы и избавить отъ его гнета Европейскія государства. По велѣнію государя русскія войска вслѣдъ за французами перешли русскую границу. Россія начала войну за освобожденіе Европы, и Александръ призывалъ всю Германію къ борьбѣ съ Наполеономъ. На его зовъ первая отозвалась Пруссія, затѣмъ послѣ нѣкоторыхъ колебаній Австрія. Къ новой коалиціи пристали Швеція и Англія. Къ лѣту 1813 года Наполеонъ сумѣлъ собрать новую армію и встрѣтилъ своихъ противниковъ въ Германіи. Борьба разыгралась на Эльбѣ. Послѣ многихъ упорныхъ битвъ (при Люценѣ, Бауценѣ, Дрезденѣ, Кульмѣ) произошло генеральное сраженіе при Лейпцигѣ. Оно длилось четыре дня; въ немъ дѣйствовало до полумилліона человѣкъ и было убито и ранено болѣе 100.000. Въ бою лично принимали участіе императоры Наполеонъ и Александръ, присутствовали императоръ Австрійскій (Францъ) и короли Прусскій и Саксонскій. Въ этой «битвѣ народовъ» Наполеонъ былъ разбитъ и съ громадными потерями отступилъ за Рейнъ. Союзники преслѣдовали его и вторглись въ его имперію. Это случилось ровно черезъ годъ послѣ изгнанія французовъ изъ Россіи: въ день Рождества Христова, въ 1813 году, императоръ Александръ объявилъ своей арміи походъ въ самую Францію. Такъ совершилось освобожденіе Германіи отъ долгаго французскаго господства. Энергія императора Александра поставила его во главѣ этого дѣла, и онъ занялъ первое мѣсто среди союзныхъ государей.

Обезсиленная Наполеоновскими войнами, Франція не могла оказать большого сопротивленія громаднымъ союзнымъ арміямъ. Отвлекши Наполеона въ сторону отъ Парижа, союзники поспѣшили сами къ Парижу и овладѣли имъ послѣ сраженія съ войсками парижскаго гарнизона. Императоръ Александръ съ прусскимъ королемъ торжественно въѣхали въ Парижъ 19-го (31-го) марта 1814 года. Французскій сенатъ объявилъ Наполеона лишеннымъ императорскаго престола, и Напо-

леону не оставалось иного исхода, кромѣ отказа отъ власти. Въ городѣ Фонтенбло подписалъ онъ актъ отреченія отъ престола Франціи и получилъ отъ союзниковъ островъ Эльбу (лежащій между его роднымъ островомъ Корсикою и Италіанскимъ берегомъ). Во Франціи была возстановлена королевская династія Бурбоновъ (въ лицѣ Людовика XVIII). Было рѣшено созвать черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Вѣнѣ конгрессъ государей и дипломатовъ для того, чтобы возстановить въ Европейскихъ государствахъ нормальный порядокъ, нарушенный завоевательной политикою Франціи. Подъ вліяніемъ поразительныхъ успѣховъ Александра высшія учрежденія Россіи (государственный совѣтъ, синодъ и сенатъ) поднесли государю прошеніе о принятіи имъ наименованія «благословенный» (1814). Хотя Александръ и не изъявилъ на то прямого согласія, такое наименованіе было ему усвоено впослѣдствіи офиціально.

Конгрессъ въ Вѣнѣ состоялся въ томъ же 1814 году. Устроивъ дѣла второстепенныхъ государствъ, монархи Россіи, Австріи и Пруссіи обсудили вопросъ и о вознагражденіи своихъ державъ за жертвы и потери, понесенныя ими въ борьбѣ съ Наполеономъ. Это вознагражденіе главнымъ образомъ намѣчалось въ земляхъ прежней Польши. Императоръ Александръ съ большою настойчивостью желалъ соединить Польскія области подъ своею властью въ одно государство съ Россіей. Союзники сначала не соглашались на это, и дѣло едва не дошло до разрыва и войны. Согласились, однако, на томъ, что императоръ Александръ получилъ почти все герцогство Варшавское подъ именемъ «Царства Польскаго», но уступилъ Познань Пруссіи и Галицію Австріи.

Во время занятій конгресса въ Вѣну (1815) пришло извѣстіе, что Наполеонъ прибылъ съ о. Эльбы во Францію и возстановилъ тамъ свою имперію. Снова на границы Франціи отправились союзныя арміи; но еще до прихода русскихъ войскъ Наполеонъ былъ разбитъ англичанами и пруссаками (при Ватерлоо), отдался въ руки англичанамъ и былъ ими отвезенъ на о. Св. Елены. Тѣмъ не менѣе, русская армія была опять введена въ предѣлы Франціи и въ Парижъ и оставалась тамъ до полнаго утвержденія порядка и спокойствія. Прибывшій вторично въ Парижъ императоръ Александръ составилъ тамъ планъ такъ называемаго «священнаго союза», къ которому примкнули понемногу, вслѣдъ за Пруссіей и

Австріей, всѣ европейскія государства (не примкнули султанъ и папа).

Актъ «священнаго союза» (14-го сентября 1815 года) говорилъ о томъ, что союзные монархи рѣшились весь порядокъ взаимныхъ своихъ отношеній «подчинить высокимъ истинамъ, внушаемымъ вѣчнымъ закономъ Бога Спасителя», и въ политическихъ отношеніяхъ «руководствоваться не иными какими-либо правилами, какъ заповѣдями сея святыя вѣры, заповѣдями любви, правды и мира». Взаимно обязались они пребывать въ вѣчномъ мирѣ и всегда «подавать другъ другу пособіе, подкрѣпленіе и помощь», а подданными своими управлять, «какъ отцы семействъ», въ томъ же духѣ братства. Императоромъ Александромъ при составленіи этого акта руководилъ высокій религіозный порывъ и искреннее желаніе внести въ политическую жизнь умиротворенной Европы начала христіанской любви и правды. Но союзники Александра, въ особенности австрійскіе дипломаты (съ Меттернихомъ во главѣ), воспользовались новымъ союзомъ въ практическихъ цѣляхъ. Обязанность государей всегда и вездѣ помогать другъ другу была истолкована такъ, что союзные государи должны вмѣшиваться во внутреннія дѣла отдѣльныхъ государствъ и поддерживать въ нихъ законный порядокъ. Обычай «вмѣшательства» былъ укрѣпленъ на тѣхъ конгрессахъ, которые созывались послѣ Вѣнскаго конгресса (въ 1818—1822 годахъ въ г. Ахенѣ, Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ) и имѣли цѣлью полюбовное разрѣшеніе разныхъ международныхъ дѣлъ по принципамъ «священнаго союза». Собиравшіеся на этихъ конгрессахъ государи и ихъ дипломаты обсуждали, между прочимъ, внутреннія замѣшательства, происходившія въ государствахъ всѣхъ трехъ южныхъ полуостровoвъ Европы, и рѣшили вооруженной силою вмѣшаться въ дѣла Италіи и Испаніи и поддержать тамъ законныя правительства противъ народныхъ возстаній. Во имя идей «священнаго союза» происходило подавленіе всякаго національнаго движенія. Даже возстаніе грековъ-христіанъ противъ притѣсненій турокъ вначалѣ разсматривалось, какъ недозволительный бунтъ противъ законнаго государя. Императоръ Александръ видѣлъ въ этомъ возстаніи «революціонный признакъ времени» и не считалъ себя въ правѣ заступиться за угнетенныхъ единовѣрцевъ. Такая дѣятельность «священнаго союза» (его прямолинейный

легитимизмъ и принципъ вмѣшательства) возстановила противъ него европейское общество, и союзъ получилъ славу реакціонной силы, противной всякому движенію впередъ. Благородная мысль императора Александра на практикѣ выродилась въ несоотвѣтственныя ей формы, потому что Александръ допустилъ во всемъ актѣ «священнаго союза» смѣшеніе идей совершенно различныхъ порядковъ. Онъ надѣялся подчинить право и политику велѣніямъ морали и религіи, а на дѣлѣ политика въ ловкихъ рукахъ Меттерниха обратила мораль и религію въ свое практическое средство [1]).

Особое вниманіе императора Александра вызывали въ эту эпоху Польскія дѣла. Получивъ «Царство Польское» и присоединивъ его къ Россійской имперіи, онъ далъ его населенію особое политическое устройство, опредѣленное «учредительной хартіей» 1815 года. Въ силу этой конституціонной хартіи Царство Польское становилось какъ бы особымъ государствомъ, даже со своей особою арміей, и получало представительный образъ правленія. Власть исполнительная поручалась «совѣту» министровъ подъ предсѣдательствомъ намѣстника Царства Польскаго. Для дѣлъ законодательныхъ каждые два года созывался «сеймъ», состоявшій изъ двухъ палатъ. Верхняя называлась «сенатомъ» и состояла изъ церковной и свѣтской знати. Нижняя называлась «посольской избой» и состояла изъ выборныхъ представителей населенія. Въ 1818 году открылись впервые дѣйствія польскаго сейма; вскорѣ же на сеймахъ обнаружилась сильная оппозиція правительству, а въ странѣ началось революціонное движеніе. Цѣль стремленій польскихъ патріотовъ (среди которыхъ дѣйствовалъ и бывшій любимецъ Александра, князь Адамъ Чарторыйскій) заключалась въ томъ, чтобы, съ одной стороны, обезпечить

---

1) Въ послѣдній періодъ своего царствованія императоръ Александръ всею душою отдавался заботѣ объ устройствѣ и умиротвореніи Европы, самъ руководилъ всѣми дипломатическими дѣлами и посѣщалъ европейскіе конгрессы. Благодаря этому около него образовался цѣлый кругъ совѣтниковъ и помощниковъ нерусскаго происхожденія (корсиканецъ Поццо-ди-Борго, грекъ Каподистрія, нѣмцы Штейнъ, Нессельроде). Александръ поручалъ имъ отвѣтственныя дѣла и высокія должности, при чемъ они, естественно, пользовались большимъ вліяніемъ на русскую политику. Такое расположеніе Александра къ инородцамъ вызывало недоумѣніе и ропотъ въ русской придворной и военной средѣ, находившей, что государь явно предпочитаетъ чужихъ людей своимъ подданнымъ.

Польшѣ наибольшую свободу, а съ другой — возстановить Рѣчь Посполитую въ ея старыхъ предѣлахъ, какъ было до раздѣловъ XVIII вѣка. Политика императора Александра не могла идти такъ далеко; поэтому настроеніе поляковъ глубоко его огорчало и раздражало. Въ концѣ своего царствованія Александръ началъ даже ограничивать данныя полякамъ права.

§ 147. **Послѣдніе годы царствованія императора Александра I.** Великія событія 1812 года произвели сильнѣйшее впечатлѣніе на императора Александра. Отечественная война совершила въ немъ цѣлый переворотъ. Страхъ сковывалъ его душу въ первый періодъ войны, когда наши войска отступали предъ непобѣдимымъ Наполеономъ, когда дѣло дошло до потери Москвы. Въ порывахъ отчаянія Александръ готовился къ паденію своего государства, но все-таки хотѣлъ защищаться до послѣдняго солдата, хотя бы, по его словамъ, ему пришлось уйти въ далекую Сибирь. Послѣдовавшее затѣмъ отступленіе Наполеона и скорая гибель его «великой» арміи наполнили душу Александра умиленіемъ предъ благостью Промысла. Равнодушный до тѣхъ поръ къ религіи онъ сталъ отличаться глубокимъ благочестіемъ и обнаружилъ большую склонность къ мистицизму, стремясь, какъ всѣ мистики, къ внутреннему таинственному единенію съ Божествомъ. Вознесенный на высоту славы, ставшій во главѣ всей Европы, Александръ, тѣмъ не менѣе, тяготился почестями и охотно уединялся. Внутреннее управленіе государствомъ перестало занимать Александра, и онъ возложилъ его на тѣхъ немногихъ людей, которымъ еще вѣрилъ.

Первое мѣсто среди этихъ людей занималъ графъ А. А. Аракчеевъ, происходившій изъ офицеровъ Гатчинскаго войска (§ 138) императора Павла. При немъ управленіе государствомъ стало напоминать эпоху Павла. Жестокость, пренебреженіе къ просвѣщенію, самоуправство—раздражали и пугали всѣхъ. Тщетно было жаловаться на временщика: государь не вѣрилъ жалобамъ, или же онѣ не доходили до государя. Главною заботою Аракчеева было устройство такъ называемыхъ «военныхъ поселеній». Государственные крестьяне въ нѣсколькихъ губерніяхъ (по р. Волхову, на нижнемъ теченіи Днѣпра и въ другихъ мѣстахъ) были обращены въ «военныхъ поселянъ», и въ то же время въ этихъ мѣстностяхъ

были водворены на жительство цѣлые полки солдатъ. Военные поселяне и пахотные солдаты должны были одновременно вести сельское хозяйство на своихъ земляхъ и въ то же время готовиться къ строевой службѣ. Дѣти ихъ («кантонисты») также попадали съ ранняго возраста въ военную службу и соотвѣтственно обучались въ военныхъ поселеніяхъ. Цѣль военныхъ поселеній заключалась въ томъ, чтобы возможно легче и дешевле пополнять армію бòльшимъ количествомъ заранѣе обученныхъ солдатъ. Но эта цѣль не могла быть достигнута: поселенія стоили очень дорого, а поселяне не дѣлались ни исправными крестьянами, ни хорошими солдатами. Жестокое управленіе и трудности «поселенной» жизни, гдѣ все подчинялось мелочнымъ правиламъ и тягостному надзору, озлобляли поселянъ и вели къ постояннымъ волненіямъ, даже открытымъ безпорядкамъ и бунтамъ. По этимъ причинамъ поселенія не имѣли успѣха и продолжали распространяться лишь по упрямству Аракчеева, который убѣдилъ государя въ ихъ пользѣ и пріятности для населенія.

Въ то время, какъ гражданское и военное управленіе сосредоточилось въ рукахъ всесильнаго Аракчеева, другому любимцу Александра, князю А. Н. Голицыну, были ввѣрены дѣла народнаго просвѣщенія и церковныя, соединенныя въ одно вѣдомство—въ новомъ «министерствѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія» [1]). Министерство народнаго просвѣщенія соединили съ духовнымъ вѣдомствомъ, «дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія». Осуществить эту задачу и было поручено князю Голицыну, отличавшемуся мистическимъ настроеніемъ. Онъ долженъ былъ исправить недостатки школъ и искоренить изъ

---

[1]) Учрежденное въ 1802 году министерство народнаго просвѣщенія успѣло многое сдѣлать для распространенія образованія въ Россіи. Были учреждены университеты въ Дерптѣ (нынѣ Юрьевѣ, 1802), Казани (1804), Харьковѣ (1804); тогда же былъ устроенъ въ Петербургѣ педагогическій институтъ, позднѣе преобразованный также въ университетъ (1819). Почти во всѣхъ губернскихъ городахъ были открыты „гимназіи", а въ уѣздныхъ—„уѣздныя" и „приходскія" училища. Это были основные типы общеобразовательныхъ школъ, принятые правительствомъ еще при императрицѣ Екатеринѣ II (§ 130). Кромѣ нихъ учреждались учебныя заведенія новаго типа—„лицеи", соединявшіе въ себѣ университетскій и гимназическій курсы (Царскосельскій Александровскій лицей, Ярославскій Демидовскій, Нѣжинскій графа Безбородка и др.).

нихъ «лжеумствованія». Самъ князь Голицынъ обладалъ гуманностью и мягкостью; но нѣкоторые чиновники его вѣдомства (въ особенности Магницкій) отличались нетерпимостью и съ озлобленіемъ начали гоненіе на все, что имъ казалось «безбожіемъ» и «вольнодумствомъ». Новое направленіе въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія не привело къ добру и не могло достигнуть своей благочестивой цѣли, потому что вѣра и нравственность среди учащихся и служащихъ насаждались только страхомъ и насиліемъ, угрозами и наказаніями. Вмѣсто истинныхъ благочестивыхъ чувствъ развивалось лицемѣріе и показное ханжество. Мелочной надзоръ за поведеніемъ и образомъ мыслей велъ къ доносамъ и къ мелочнымъ преслѣдованіямъ. Въ концѣ концовъ самъ князь Голицынъ навлекъ на себя рядъ обвиненій въ неправовѣріи и былъ вынужденъ оставить свою должность.

Гнетъ Аракчеева и ему подобныхъ, конечно, долженъ былъ вызывать общее неудовольствіе. Становилось ясно, что въ своемъ разочарованіи и утомленіи жизнью императоръ Александръ утратилъ вѣру въ идеалы своей молодости и далъ ходъ открытой реакціи противъ всѣхъ тѣхъ преобразовательныхъ начинаній, какими раньше увлекался. Постоянно мрачное и унылое настроеніе государя отзывалось и на всемъ обществѣ, сообщая печальный тонъ общественной жизни. Всякое общественное движеніе таилось и пряталось изъ боязни гоненій. Между тѣмъ, въ обществѣ того времени нарождалось сильное внутреннее броженіе.

§ 148. **Общественное движеніе въ Александровскую эпоху.** Отечественная война 1812 года привлекла массу дворянъ въ ряды арміи на защиту отечества; а войны за освобожденіе Европы, перебросивъ русскія войска за границу, познакомили служившихъ въ нихъ дворянъ съ западно-европейскою жизнью. Ранѣе—поѣздки русскихъ людей на Западъ были рѣдкимъ явленіемъ; теперь, въ пору освободительныхъ войнъ, русскіе люди во множествѣ оказались на чужбинѣ и долго тамъ жили. Разумѣется, они подпали сильному вліянію европейскихъ порядковъ, близко познакомились съ умственнымъ движеніемъ времени, вывезли домой на Русь цѣлыя библіотеки. Успѣхи европейской гражданственности подъ вліяніемъ освободительныхъ идей XVIII вѣка, развитіе нѣмецкаго національнаго сознанія, расцвѣтъ нѣмецкой философіи пора-

жали и восхищали русскихъ людей, возбужденныхъ великою борьбою за отечество. Сравнивъ европейскую жизнь съ отечественною, наши предки получили возможность критически смотрѣть на русскую дѣйствительность, видѣли ея недостатки и отсталость, сознавали устарѣлость того крѣпостного права, которое лежало въ основѣ русскаго общественнаго порядка и которое уже исчезло въ Западной Европѣ.

Два теченія образовалось въ русскомъ обществѣ подъ вліяніемъ знакомства съ Западомъ. Одно было философскимъ: русскіе почитатели модной тогда нѣмецкой философіи стремились глубже изучить ее, распространить ея взгляды и выводы между русскими людьми и съ точки зрѣнія этой философіи понять и истолковать русскую исторію и дѣйствительность. Другое теченіе было политическимъ: русскіе люди стремились перенести на Русь тѣ учрежденія и порядки, какіе были выработаны въ новѣйшую эпоху въ европейскихъ государствахъ. Въ государственномъ устройствѣ они желали представительной (даже республиканской) формы правленія; въ общественной жизни они стремились къ отмѣнѣ крѣпостного права. Почти тотчасъ по возвращеніи арміи изъ заграничнаго похода, среди образованнаго офицерства въ войскахъ стали складываться политическіе кружки, къ которымъ примыкали и гражданскія лица. Цѣлью подобныхъ кружковъ была подготовка либеральныхъ государственныхъ и общественныхъ реформъ въ Россіи. Члены такихъ кружковъ занимались самообразованіемъ и вносили въ свои служебныя отношенія и въ товарищескую жизнь болѣе гуманные нравы и обычаи: отказывались отъ вина и картъ, не допускали никакой распущенности, не били солдатъ, учили ихъ грамотѣ и т. п. Въ своихъ кружковыхъ бесѣдахъ они разсуждали о необходимыхъ преобразованіяхъ русскаго быта и о средствахъ достигнуть этихъ преобразованій; въ кружкахъ шли рѣчи о необходимости бороться съ реакціей, осуждалась «аракчеевщина», доказывалась неизбѣжность переворота.

Изъ многихъ подобныхъ кружковъ, имѣвшихъ иногда масонскій характеръ (§ 131), особенное значеніе пріобрѣлъ одинъ, получившій названіе «союза спасенія». Въ основѣ его лежало опредѣленное требованіе перехода къ представительному образу правленія, къ конституціи. Черезъ нѣкоторое время изъ этого союза образовалось два новыхъ союза, прямо

уже революціонныхъ, — «сѣверный» и «южный». Во главѣ сѣвернаго союза стали братья Муравьевы (также кн. Трубецкой, поэтъ Рылѣевъ); союзъ этотъ основался въ Петербургѣ. Во главѣ южнаго союза былъ полковникъ Пестель, командиръ одного изъ армейскихъ полковъ. Мѣстомъ дѣйствія южнаго союза была русская «вторая армія», расположенная въ Кіевской и Подольской губерніяхъ. Въ составѣ союзовъ преобладало офицерство; но были и лица гражданскія и неслужащіе дворяне. Оба союза имѣли одну общую цѣль—совершить насильственный переворотъ въ Россіи [1]).

Несмотря на то, что члены союзовъ держали свои планы въ совершенномъ секретѣ, правительство узнало о существованіи заговора. Императору Александру его придворные докладывали о существованіи кружковъ въ гвардіи еще тогда, когда кружки были въ зародышѣ. Государь снисходительно отнесся къ членамъ этихъ кружковъ, считая ихъ такими же мечтателями, какимъ онъ самъ былъ въ дни юности: «не мнѣ ихъ карать», говорилъ онъ. Позднѣе о существованіи опредѣленнаго тайнаго заговора противъ дѣйствовавшаго государственнаго порядка стали доносить лица изъ арміи (въ особенности цѣнныя свѣдѣнія далъ унтеръ-офицеръ изъ дворянъ Шервудъ). Аракчеевъ собралъ точныя данныя о вожакахъ движенія, о планахъ заговорщиковъ, о мѣстѣ ихъ дѣятельности, и послалъ большой докладъ объ этомъ дѣлѣ императору Александру въ г. Таганрогъ, гдѣ тогда находился государь (1825). Докладъ пришелъ туда поздно: Александръ скончался въ Таганрогѣ, не успѣвъ сдѣлать никакихъ распоряженій по дѣлу.

§ 149. **Смерть императора Александра I. Преемство престола. Декабристы.** Императоръ Александръ прибылъ въ 1825 году въ Таганрогъ вмѣстѣ съ своею супругою, императрицею Елизаветою Алексѣевною (происходившею изъ Баденскаго дома). Грудная болѣзнь императрицы (чахотка) требо-

[1]) Какой порядокъ будетъ послѣ переворота, заговорщики рѣшали различно. Одни желали ограниченной монархіи, другіе—республики. Самый обстоятельный проектъ будущаго устройства Россіи принадлежалъ Пестелю и назывался „русской правдою". Въ этомъ проектѣ, не вполнѣ обработанномъ, Россія представлялась республикою съ весьма демократическимъ устройствомъ. Въ мечтахъ другихъ заговорщиковъ Россія получала даже федеративное устройство—въ родѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

*

вала климатическаго леченія. Врачи указали на Таганрогъ, какъ на подходящій по климату городъ южной Россіи. Устроивъ свою супругу въ Таганрогѣ во временномъ дворцѣ, Александръ отправился въ Крымъ для осмотра войскъ и укрѣпленій. Въ Крыму онъ схватилъ простуду, не поберегся и возвратился въ Таганрогъ совершенно больнымъ. Простуда перешла въ тифъ, и 19-го ноября 1825 года императоръ скончался.

Такъ какъ у императора Александра не было дѣтей (двѣ его дочери умерли во младенчествѣ), то наслѣдовать престолъ, по закону 1797 года (§ 139), долженъ былъ старшій изъ его братьевъ, цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Такъ и подумали сопровождавшіе Александра въ Таганрогъ вельможи: о кончинѣ Александра они извѣстили *императора* Константина Павловича, находившагося въ Варшавѣ. То же полагали и въ Петербургѣ: по полученіи въ Зимнемъ дворцѣ извѣстія о смерти государя, великій князь Николай Павловичъ, третій сынъ императора Павла, тотчасъ же привелъ войска и народъ къ присягѣ императору Константину. Между тѣмъ, Константинъ, женатый на простой полькѣ (Грудзинской), не желалъ трона и давно (еще въ 1823 году) отказался отъ него; Александръ же особымъ манифестомъ утвердилъ его отреченіе и передалъ право на престолъ слѣдующему изъ братьевъ— Николаю. Только манифестъ объ отреченіи Константина, по неизвѣстнымъ никому причинамъ, не былъ обнародованъ. Онъ хранился втайнѣ (запечатанный въ пакетѣ самимъ Александромъ) въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, и въ Петербургѣ— въ синодѣ, государственномъ совѣтѣ и сенатѣ. Тайна была такъ строга, что самому Николаю Павловичу не объявили прямо объ ожидавшемъ его высокомъ жребіи; лишь по нѣкоторымъ намекамъ старшихъ братьевъ могъ онъ смутно догадываться о происшедшей перемѣнѣ въ престолонаслѣдіи. По смерти Александра пакеты въ Петербургѣ были вскрыты, согласно надписи на нихъ самого покойнаго государя («хранить до моего востребованія, а въ случаѣ моей кончины раскрыть прежде всякаго другого дѣйствія»). Но Николай Павловичъ не счелъ возможнымъ принять тронъ въ отсутствіи брата Константина и надѣялся, что самъ Константинъ лично предъ нимъ подтвердитъ свое отреченіе. Такимъ образомъ, столица, а за нею и вся Россія присягнула Константину. Константинъ же въ Варшавѣ, согласно съ своимъ прежнимъ отреченіемъ, при-

сягнулъ Николаю и совсѣмъ не имѣлъ въ виду ѣхать въ Петербургъ подтверждать свое отреченіе. Такимъ образомъ, въ Россіи оказалось сразу два императора, изъ которыхъ ни одинъ не желалъ вступить на престолъ. Между Варшавою и Петербургомъ происходили торопливыя сношенія и младшій великій князь Михаилъ Павловичъ, пріѣхавшій отъ Константина въ Петербургъ, служилъ какъ бы посредникомъ между своими старшими братьями.

Замѣшательство въ царскомъ семействѣ не осталось скрытымъ отъ Петербургскаго населенія. Члены «сѣвернаго союза», мечтавшіе о политическомъ переворотѣ, рѣшились воспользоваться этимъ замѣшательствомъ для своихъ цѣлей. Они повели агитацію въ войскахъ, надѣясь возбудить въ нихъ различныя сомнѣнія и подозрѣнія и затѣмъ привести ихъ къ открытому ослушанію. Расчеты заговорщиковъ до извѣстной степени оправдались. Нѣкоторая часть солдатъ дѣйствительно стала сомнѣваться въ томъ, благополученъ ли Константинъ и правильно ли властью овладѣваетъ Николай. Подозрѣвая зло и обманъ, эта часть солдатъ вышла изъ послушанія, не приняла присяги Николаю Павловичу и начала бунтъ.

Обстоятельства этого бунта были таковы. Получивъ въ письмѣ рѣшительное отреченіе Константина отъ престола и отказъ его прибыть въ Петербургъ, императоръ Николай рѣшился принять власть и 14-го декабря 1825 года издалъ манифестъ о своемъ воцареніи, призвавъ къ присягѣ себѣ войска и населеніе. Во всѣхъ полкахъ, стоявшихъ въ Петербургѣ, присяга совершилась въ порядкѣ. Только въ двухъ полкахъ (Московскомъ и Лейбъ-Гренадерскомъ) произошло замѣшательство: часть солдатъ не присягнула, а двинулась съ оружіемъ изъ казармъ на условленное мѣсто—къ зданію сената и стала толпою у памятника Петра Великаго (поставленнаго Екатериною II въ 1772 году). Къ солдатамъ присоединились гвардейскіе матросы и простонародье. Толпа ничего не предпринимала, потому что ждала прибытія вожаковъ; а вожаки не являлись, вслѣдствіе различныхъ между ними недоразумѣній. Между тѣмъ, императоръ Николай поставилъ противъ бунтовщиковъ всѣ гвардейскія войска и окружилъ ихъ со всѣхъ сторонъ (выходъ оставался только въ Галерную улицу). Начали съ увѣщаній. Рѣчи духовенства не подѣйствовали на толпу. Петербургскій генералъ-губернаторъ графъ Милорадо-

вичъ (герой 1812 года) своею рѣчью возбудилъ было вниманіе и сочувствіе бунтовавшихъ; но во время рѣчи онъ былъ убитъ изъ пистолета однимъ изъ руководителей мятежа. Тогда на мятежниковъ была пущена конница; однако мятежники отбились. Въ виду наступавшихъ сумерекъ прибѣгли къ рѣшительному средству: пушечными выстрѣлами разсѣяли скопище. При первой крови толпа разбѣжалась, и порядокъ былъ возстановленъ. На югѣ «южнымъ союзомъ» также была произведена попытка вооруженнаго возстанія, при чемъ возставшіе думали было идти походомъ на Кіевъ, но скоро были остановлены и задержаны.

Началось слѣдствіе. Императоръ Николай получилъ изъ Таганрога тотъ докладъ о революціонномъ движеніи, который былъ изготовленъ для императора Александра (§ 148). Въ докладѣ уже значились имена главарей движенія. Поэтому легко было всѣхъ ихъ привлечь къ отвѣту, какъ истинныхъ виновниковъ мятежа и руководителей заговора. Было арестовано болѣе ста причастныхъ къ дѣлу лицъ, получившихъ отъ бунта 14-го декабря названіе «декабристовъ». Всѣ они были преданы «верховному уголовному суду», въ составъ котораго вошли важнѣйшіе сановники, члены государственнаго совѣта, сената и синода. На судѣ раскрылась вся картина политическаго движенія, направленнаго противъ династіи и самодержавія. Верховный судъ приговорилъ почти сорокъ человѣкъ къ смертной казни, остальныхъ же—къ ссылкѣ и каторжной работѣ; такъ суровы были законы того времени въ отношеніи къ политическимъ преступленіямъ. Императоръ Николай нѣсколько смягчилъ приговоръ. Смертной казни было предано только пять главарей «союзовъ» (между прочими Пестель и Рылѣевъ). Остальные были отправлены въ Сибирь, гдѣ и поселены навсегда. Лишь тѣ изъ декабристовъ, которые дожили до кончины императора Николая, получили помилованіе отъ его преемника, императора Александра II (1856).

Время императора Николая I (1825—1855).

§ 150. **Личность императора Николая I и обстановка его воцаренія.** Императоръ Николай Павловичъ вступилъ на престолъ еще молодымъ человѣкомъ. Онъ родился въ 1796 году и росъ вмѣстѣ съ своимъ младшимъ братомъ Михаиломъ (род.

въ 1798 г.) отдѣльно отъ старшихъ братьевъ, Александра и Константина, которые были старше ихъ чуть не на 20 лѣтъ. Такъ какъ младшихъ великихъ князей не готовили къ престолу, то ихъ образованіе не вызывало особенныхъ заботъ. Николай, повидимому, мало былъ привязанъ къ своему воспитателю (генералу Ламсдорфу) и къ своимъ учителямъ. Онъ самъ говорилъ, что мало вынесъ изъ своихъ учебныхъ занятій. Съ дѣтства былъ онъ приверженъ къ военнымъ играмъ, а затѣмъ къ военному дѣлу. Очень настойчивый и упрямый по натурѣ, Николай былъ, однако, поклонникомъ дисциплины и самъ, когда началъ служить, показывалъ примѣры служебнаго повиновенія и скромности. Николай Павловичъ несъ обязанности главнаго инспектора по инженерной части въ войскахъ; вполнѣ занятый своею службою, онъ очень далеко стоялъ отъ государственныхъ дѣлъ и жизни большого двора. Женатый на дочери прусскаго короля (Фридриха-Вильгельма III) Александрѣ Ѳеодоровнѣ, онъ былъ очень счастливъ въ семейной жизни и ничего не искалъ внѣ семьи и службы. Лѣтъ за шесть до своей кончины императоръ Александръ въ первый разъ намекнулъ Николаю и его супругѣ, что ихъ въ будущемъ ожидаетъ высокій государственный жребій. Николай не вполнѣ понялъ, что̀ разумѣлъ въ своихъ намекахъ Александръ, однако сталъ готовить себя къ управленію государствомъ. Онъ самъ пополнялъ чтеніемъ недостатки своего первоначальнаго образованія и пріобрѣлъ много новыхъ знаній. Но все-таки надлежащей подготовки и навыка къ дѣламъ онъ не получилъ до самаго своего воцаренія, такъ какъ Александръ не пріобщалъ его къ текущимъ дѣламъ управленія и держалъ его попрежнему далеко отъ себя. Вполнѣ поэтому понятно, что когда пришла въ Петербургъ вѣсть о кончинѣ императора Александра, Николай не считалъ для себя возможнымъ принять тронъ. Надобно было Константину настойчиво подтвердить свое отреченіе, чтобы Николай, наконецъ, принялъ власть.

Обстоятельства воцаренія Николая были очень смутны. Дѣло декабристовъ оказало сильнѣйшее вліяніе на всю правительственную дѣятельность императора Николая. Первое, что государь вынесъ изъ своего знакомства съ дѣломъ, было заключеніе о неблагонадежномъ настроеніи всего вообще дворянства. Очень большое количество людей, прикосновенныхъ къ революціоннымъ «союзамъ», было поголовно изъ дворянства. Замѣтивъ

это, императоръ Николай былъ склоненъ считать заговоръ сословнымъ дворянскимъ движеніемъ, охватившимъ всѣ круги дворянства. Онъ не довѣрялъ дворянству и страшился за полноту своей власти. Потому онъ и постарался создать вокругъ себя бюрократію и правилъ страною посредствомъ послушнаго чиновничества, безъ помощи дворянскихъ учрежденій и дѣятелей. При императорѣ Николаѣ была очень усилена централизація управленія: всѣ дѣла рѣшались чиновниками въ министерскихъ канцеляріяхъ въ Петербургѣ, а мѣстныя сословныя учрежденія (§ 128) обратились въ простые исполнительные органы для министерствъ.

Съ другой стороны, императоръ Николай изъ дѣла декабристовъ убѣдился, что желаніе перемѣнъ и реформъ, которое руководило декабристами, имѣло глубокія основанія. Крѣпостное право на крестьянъ, отсутствіе хорошаго свода законовъ, злоупотребленія чиновниковъ, недостатокъ просвѣщенія, словомъ, все то, на что жаловались декабристы, было дѣйствительнымъ зломъ русской жизни. Его нужно было исправить. Покаравъ декабристовъ, императоръ Николай понялъ, что правительство само должно было произвести это исправленіе и законнымъ путемъ начать реформы. Къ такимъ реформамъ Николай сразу же показалъ свою готовность и бодро началъ правительственную работу, направленную на улучшеніе администраціи, суда и финансовъ и на улучшеніе быта крѣпостныхъ людей. Однако при томъ недовѣріи къ дворянскому обществу, какое у него образовалось вслѣдствіе заговора декабристовъ, Николай имѣлъ въ виду вести свои реформы безъ участія общественныхъ силъ, исключительно силами бюрократіи.

Въ свою очередь, и дворянство сторонилось отъ близости съ бюрократіей новаго царствованія. Оно было запугано дѣломъ декабристовъ. Сотни семей дворянскихъ такъ или иначе были задѣты этимъ дѣломъ: оплакивали судьбу своихъ сосланныхъ родныхъ—мужей, сыновей и братьевъ; страшились преслѣдованія за близость къ декабристамъ. Со временъ Петра Великаго и Анны не было такого трепета въ обществѣ и такого числа пострадавшихъ и наказанныхъ. Въ ссылкѣ погибъ для общественной жизни цвѣтъ дворянской молодежи, и эта утрата отразилась не только на настроеніи дворянства, но и на его силахъ. Сословіе оскудѣло людьми и само устранялось

отъ общественной дѣятельности. Между властью и обществомъ произошелъ такимъ образомъ какъ бы разрывъ и отчужденіе. Конечно, это дурно отразилось на силахъ самого правительства. Въ своихъ начинаніяхъ оно не встрѣчало сочувствія и содѣйствія общества, а потому не всегда могло осуществлять свои хорошія намѣренія и достигать своихъ добрыхъ цѣлей.

§ 151. **Важнѣйшія внутреннія мѣропріятія императора Николая I.** Тотчасъ по вступленіи на престолъ императоръ Николай устранилъ отъ дѣлъ знаменитаго Аракчеева и явилъ полное свое равнодушіе къ мистицизму и религіозному экстазу. Настроеніе при дворѣ рѣзко измѣнилось по сравненію съ последними годами Александрова царствованія. Къ дѣятельности были призваны иные люди: Сперанскій, Кочубей и другіе дѣятели первой половины царствованія Александра. Рѣшимость императора Николая начать реформы сказывалась не только въ рѣчахъ его, но и въ мѣропріятіяхъ: въ концѣ 1826 года былъ учрежденъ подъ предсѣдательствомъ Кочубея особый секретный комитетъ (извѣстный подъ названіемъ «комитета 6-го декабря 1826 года») для разбора бумагъ императора Александра и вообще «для пересмотра государственнаго управленія». Этотъ комитетъ выработалъ проекты преобразованія какъ центральныхъ, такъ и губернскихъ учрежденій, а кромѣ того, приготовилъ обширный проектъ новаго закона о сословіяхъ, въ которомъ предполагалось, между прочимъ, улучшеніе быта крѣпостныхъ. Однако изъ трудовъ комитета многое осталось безъ дальнѣйшаго движенія вслѣдствіе того, что революціонныя движенія 1830 года на Западѣ внушили страхъ передъ всякою реформою. Съ теченіемъ времени лишь нѣкоторыя мѣры изъ проектовъ «комитета 6-го декабря 1826 года» были осуществлены въ видѣ отдѣльныхъ законовъ.

Пока комитетъ обсуждалъ общій планъ необходимыхъ преобразованій, правительство принимало цѣлый рядъ отдѣльныхъ мѣръ для улучшенія управленія и для упорядоченія государственной жизни. Изъ такихъ мѣръ наиболѣе замѣчательны: 1) устройство отдѣленій «собственной Его Величества канцеляріи»; 2) изданіе Свода Законовъ; 3) уничтоженіе ассигнацій; 4) мѣры для улучшенія быта крестьянъ и 5) мѣры въ области народнаго просвѣщенія.

1. Собственная Его Величества канцелярія существовала и до императора Николая, но не играла замѣтной роли въ

управленіи государствомъ, служа личною канцеляріею государя по дѣламъ, которыя онъ бралъ въ свое личное вѣдѣніе. При императорѣ Николаѣ въ личное вѣдѣніе государя взято было столько дѣлъ, что маленькая канцелярія очень разрослась и была подѣлена на четыре постоянныхъ отдѣленія [1]), сверхъ коихъ бывали еще и временныя. Императоръ Николай все свое царствованіе держался обычая брать въ свое непосредственное управленіе тѣ дѣла, успѣхъ которыхъ его особенно интересовалъ. Поэтому канцелярія императора Николая въ государственномъ управленіи стала играть громадную роль.

2. Тотчасъ по воцареніи императоръ Николай обратилъ особое вниманіе на безпорядокъ въ законахъ и поручилъ *второму отдѣленію* своей канцеляріи старое дѣло кодификаціи (§§ 126, 143). Составленіе законодательнаго кодекса было ввѣрено знаменитому Сперанскому, который сумѣлъ постепенно пріобрѣсти полное довѣріе и привязанность Николая. Сперанскій сначала собралъ всѣ законы, изданные съ 1649 года (то-есть со времени Уложенія), а затѣмъ изъ этого матеріала составилъ систематическій сводъ дѣйствующихъ законовъ. Такой способъ работы былъ указанъ самимъ императоромъ Николаемъ, который не желалъ «сочиненія новыхъ законовъ», а велѣлъ «собрать вполнѣ и привести въ порядокъ тѣ, которые уже существуютъ». Въ 1833 году трудъ Сперанскаго былъ законченъ. Было отпечатано два изданія: во-первыхъ, «Пол-

---

[1]) *Первое* отдѣленіе канцеляріи продолжало завѣдывать тѣми дѣлами, которыя раньше составляли ея предметъ, то-есть исполняло личныя повелѣнія и порученія государя, представляло государю поступающія на его имя бумаги и объявляло по нимъ его рѣшенія. *Второе* отдѣленіе было образовано (въ 1826 году) съ цѣлью привести въ порядокъ русское законодательство. *Третье* отдѣленіе канцеляріи (также съ 1826 года) должно было вѣдать высшую полицію въ государствѣ и слѣдить за законностью и порядкомъ въ управленіи и общественной жизни. Съ теченіемъ времени „третье отдѣленіе" замѣнило собою тѣ тайныя канцеляріи по политическимъ дѣламъ, которыя существовали въ XVIII вѣкѣ (§§ 117, 124). *Четвертое* отдѣленіе было основано послѣ кончины императрицы Маріи Ѳеодоровны (1828). Оно замѣнило собою канцелярію государыни по управленію учрежденіями, которыя императоръ Павелъ по вступленіи своемъ на престолъ (1796) передалъ въ вѣдѣніе своей супруги. Совокупность этихъ учрежденій (институтовъ, училищъ, пріютовъ, богадѣленъ и больницъ) впослѣдствіи получила наименованіе „вѣдомства учрежденій императрицы Маріи" въ память основательницы этого вѣдомства.

ное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи» и, во-вторыхъ, «Сводъ Законовъ Россійской Имперіи». «Полное Собраніе» заключало въ себѣ всѣ старые законы (1649—1825 гг.) въ хронологическомъ порядкѣ и заняло 45 большихъ томовъ [1]). Изъ этихъ законовъ было извлечено все то, что еще не утратило силы закона и годилось для будущаго. Извлеченный законодательный матеріалъ распредѣлили по содержанію въ извѣстной системѣ («Основные государственные законы»; «Учрежденія»; «Законы о состояніяхъ»; «Законы гражданскіе» и т. п.) и напечатали въ систематическомъ порядкѣ въ 15-ти томахъ подъ названіемъ «Свода Законовъ». Понимая всѣ трудности кодификаціи, Сперанскій не удовольствовался тѣмъ, что было имъ сдѣлано для составленія Свода; онъ предложилъ планъ устройства постоянныхъ работъ надъ исправленіемъ и дополненіемъ Свода въ будущемъ [2]).

3. Императоръ Николай наслѣдовалъ отъ времени Александра большое разстройство финансовыхъ дѣлъ. Борьба съ Наполеономъ и дѣйствіе континентальной системы потрясли государственное хозяйство Россіи (§ 144). Усиленные выпуски ассигнацій были тогда единственнымъ средствомъ покрывать дефициты, изъ года въ годъ угнетавшіе бюджетъ. Въ теченіе десяти лѣтъ (1807—1816) было выпущено въ обращеніе болѣе 500 милліоновъ рублей бумажныхъ денегъ. Немудрено, что курсъ бумажнаго рубля за это время чрезвычайно упалъ: съ 54 копѣекъ онъ дошелъ до 20 копѣекъ на серебро и только къ концу царствованія Александра поднялся до 25 копѣекъ. Такъ и укрѣпился обычай вести двоякій счетъ деньгамъ: «на серебро» и «на ассигнаціи», при чемъ одинъ серебряный рубль стоилъ приблизительно 4 ассигнаціонныхъ.

[1]) Законы, данные въ царствованіе Николая I и Александра II (1825—1881), также были впослѣдствіи напечатаны въ хронологическомъ порядкѣ и составили *второе* „Полное Собраніе Законовъ" (въ 57 книгахъ). Законы, изданные съ 1881 года, печатаются ежегодно въ *третьемъ* „Полномъ Собраніи Законовъ".

[2]) По этому плану „второе отдѣленіе" (нынѣ превратившееся въ одно изъ отдѣленій государственной канцеляріи) непрерывно слѣдитъ за движеніемъ законодательства и постоянно вноситъ дополненія и измѣненія въ Сводъ; когда текстъ какого-либо тома Свода существенно измѣнится отъ подобныхъ дополненій и измѣненій, то его печатаютъ новымъ „изданіемъ" въ отмѣну старыхъ, и такимъ образомъ составъ Свода постепенно обновляется въ уровень съ движеніемъ законодательства.

Это вело ко многимъ неудобствамъ. При расчетахъ продавцы и покупатели обыкновенно условливались, какими деньгами (монетою или бумажками) произвести платежъ; при этомъ они расцѣнивали самыя деньги [1]) и болѣе ловкій изъ нихъ обманывалъ или прижималъ менѣе догадливаго.

Люди бѣдные и мало понимавшіе въ расчетахъ несли убытки при каждой сдѣлкѣ и покупкѣ. Само правительство не могло установить устойчивый курсъ ассигнацій и сладить съ произвольною расцѣнкою денегъ (съ «простонародными лажами»). Попытки уменьшить количество ассигнацій не привели къ хорошему результату. Хотя въ послѣдніе годы Александра и было уничтожено ихъ на 240 милліоновъ рублей, но цѣнность ихъ нисколько не поднялась. Надобны были иныя мѣры.

Министромъ финансовъ при императорѣ Николаѣ былъ ученый финансистъ генералъ Е. Ф. Канкринъ, извѣстный своею бережливостью и умѣлою распорядительностью. Ему удалось составить въ государственномъ казначействѣ значительный запасъ золота и серебра, съ которымъ можно было рѣшиться на уничтоженіе обезцѣненныхъ ассигнацій и на замѣну ихъ новыми денежными знаками [2]). Мѣры, необходимыя для уничтоженія ассигнацій, составили предметъ долгаго обсужденія (въ которомъ дѣятельное участіе принималъ, между прочимъ, Сперанскій). Было рѣшено (1839) объявить монетною единицею серебряный рубль (такого же вѣса, какъ нашъ нынѣшній) и считать его «законною мѣрою всѣхъ обращающихся

---

[1]) Такъ, напримѣръ, въ 1830 году въ Москвѣ рубль крупнымъ серебромъ цѣнили въ 4 рубля ассигнаціями, рубль мелкимъ серебромъ—въ 4 руб. 20 коп. ассигнаціями, а за рубль мѣдью давали на ассигнаціи 1 р. 08 копѣекъ.

[2]) Помимо случайныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ (большая добыча золота и серебра), образованію металлическаго запаса помогли выпущенные Канкринымъ „депозитные билеты" и „серіи". Особая депозитная касса принимала отъ частныхъ лицъ золото и серебро въ монетѣ и слиткахъ и выдавала вкладчикамъ сохранныя расписки, „депозитные билеты", которые могли ходить, какъ деньги, и размѣнивались на серебро рубль за рубль. Соединяя всѣ удобства бумажныхъ денегъ съ достоинствами металлическихъ, депозиты имѣли большой успѣхъ и привлекли въ депозитную кассу много золота и серебра. Такой же успѣхъ имѣли и „серіи", то-есть билеты государственнаго казначейства, приносившія владѣльцу небольшой процентъ и ходившія, какъ деньги, съ безпрепятственнымъ размѣномъ на серебро.

въ государствѣ денегъ». По отношенію къ этому рублю былъ узаконенъ постоянный и обязательный для всѣхъ курсъ ассигнацій по расчету 350 рублей ассигнаціями за 100 рублей серебромъ. А затѣмъ (1843) былъ произведенъ выкупъ по этому курсу въ казну всѣхъ ассигнацій съ обмѣномъ ихъ на серебряную монету или же на новые «кредитные билеты», которые размѣнивались на серебро уже рубль за рубль. Металлическій запасъ и былъ необходимъ для того, чтобы произвести этотъ выкупъ ассигнацій и чтобы имѣть возможность поддержать размѣнъ новыхъ кредитныхъ билетовъ. Съ уничтоженіемъ ассигнацій денежное обращеніе въ государствѣ пришло въ порядокъ: въ употребленіи была серебряная и золотая монета и равноцѣнныя этой монетѣ бумажныя деньги.

4. Начиная со времени императора Павла (§ 139), правительство обнаруживало явное стремленіе къ улучшенію быта крѣпостныхъ крестьянъ. При императорѣ Александрѣ I былъ данъ законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ (§ 142), въ которомъ какъ бы намѣчался путь къ постепенному и полюбовному освобожденію крестьянъ отъ власти ихъ владѣльцевъ. Однако этимъ закономъ помѣщики не воспользовались, и крѣпостное право продолжало существовать, несмотря на то, что возбуждало противъ себя негодованіе прогрессивной части дворянства. Вступая на престолъ, императоръ Николай зналъ, что предъ нимъ стоитъ задача разрѣшить крестьянскій вопросъ и что крѣпостное право въ принципѣ осуждено его державными предшественниками. Настоятельность мѣръ для улучшенія быта крестьянъ не отрицалась никѣмъ. Но попрежнему существовалъ страхъ предъ опасностью внезапнаго освобожденія милліоновъ рабовъ. Поэтому, опасаясь общественныхъ потрясеній и взрыва страстей освобождаемой массы, Николай твердо стоялъ на мысли освобождать постепенно и подготовлять освобожденіе секретно, скрывая отъ общества подготовку реформы.

Обсужденіе мѣръ, касающихся крестьянъ, производилось при Николаѣ въ секретныхъ комитетахъ, не одинъ разъ для этой цѣли образуемыхъ. Началось оно въ секретномъ «комитетѣ 6-го декабря 1826 года» и коснулось какъ государственныхъ крестьянъ, такъ и крестьянъ владѣльческихъ. Въ отношеніи государственныхъ, «казенныхъ», крестьянъ были выработаны болѣе существенныя и удачныя мѣры, чѣмъ въ отношеніи крѣпостныхъ.

Въ «комитетѣ 6-го декабря 1826 года» Сперанскій заговорилъ о необходимости «лучшаго хозяйственнаго управленія для крестьянъ казенныхъ» [1]) и высказалъ мнѣніе, что такое управленіе «послужило бы образцомъ для частныхъ владѣльцевъ». Мысль Сперанскаго встрѣтила одобреніе государя, который привлекъ къ этому дѣлу графа П. Д. Киселева. Это былъ одинъ изъ образованныхъ русскихъ людей, сдѣлавшихъ походы 1812—1814 годовъ и видѣвшихъ европейскіе порядки. Приближенный императоромъ Александромъ, Киселевъ еще въ его время интересовался крестьянскимъ дѣломъ. Какъ знатокъ крестьянскаго вопроса, онъ обратилъ на себя вниманіе императора Николая и пріобрѣлъ его довѣріе. Киселеву было поручено все дѣло о казенныхъ крестьянахъ. Подъ его управленіемъ было образовано министерство государственныхъ имуществъ (1837), которому и ввѣрено было попечительство надъ казенными крестьянами. Подъ вѣдѣніемъ этого министерства въ губерніяхъ стали дѣйствовать «палаты» (теперь «управленія») государственныхъ имуществъ. Онѣ завѣдывали казенными землями, лѣсами и прочими имуществами; онѣ же наблюдали и надъ государственными крестьянами. Эти крестьяне были устроены въ особыя сельскія общества (которыхъ оказалось почти 6.000); изъ нѣсколькихъ такихъ сельскихъ обществъ составлялась волость. Какъ сельскія общества, такъ и волости, пользовались самоуправленіемъ, имѣли свои «сходы», избирали для управленія волостными и сельскими дѣлами «головъ» и «старшинъ», а для суда (волостной и сельской «расправы») особыхъ судей. Такъ было устроено по мысли Киселева самоуправленіе казенныхъ крестьянъ; впослѣдствіи оно послужило образцомъ и для крестьянъ частновладѣльческихъ при освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости. Но заботами о самоуправленіи крестьянъ Киселевъ не ограничился. При его долгомъ управленіи министерство государственныхъ имуществъ провело рядъ мѣръ для улучшенія хозяйственнаго

---

[1]) Въ составъ класса государственныхъ крестьянъ были прежніе „черносошные“ крестьяне, населявшіе государевы черныя земли; далѣе—крестьяне „экономическіе“, бывшіе на церковныхъ земляхъ, секуляризованныхъ государствомъ (§ 129); затѣмъ—однодворцы и прочіе „ландмилицкіе“ люди, то-есть потомки того мелкаго служилаго люда, который когда-то заселялъ южную границу Московскаго государства.

быта подчиненнаго ему крестьянства: крестьянъ учили лучшимъ способамъ хозяйства, обезпечивали зерномъ въ неурожайные годы; малоземельныхъ надѣляли землею; заводили школы; давали податныя льготы и т. д. Дѣятельность Киселева составляетъ одну изъ свѣтлыхъ страницъ царствованія императора Николая. Довольный Киселевымъ, Николай шутливо называлъ его своимъ «начальникомъ штаба по крестьянской части».

Въ отношеніи крѣпостныхъ крестьянъ сдѣлано было меньше, чѣмъ въ отношеніи казенныхъ. Императоръ Николай не разъ образовывалъ «секретные комитеты» для обсужденія мѣръ къ улучшенію быта крѣпостныхъ. Въ этихъ комитетахъ Сперанскій и Киселевъ не мало поработали надъ уясненіемъ исторіи крѣпостного права и надъ проектами его уничтоженія. Но дѣло не пошло далѣе отдѣльныхъ мѣръ, направленныхъ на ограниченіе помѣщичьяго произвола. (Была, напримѣръ, запрещена продажа крестьянъ безъ земли и «съ раздробленіемъ семействъ»; было стѣснено право помѣщиковъ ссылать крестьянъ въ Сибирь). Самою крупною мѣрою въ отношеніи крѣпостного права былъ предложенный Киселевымъ законъ 1842 года объ «обязанныхъ крестьянахъ». По этому закону, помѣщикъ получалъ право освобождать крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, давая имъ земельный надѣлъ (въ наслѣдственное пользованіе на извѣстныхъ условіяхъ, опредѣляемыхъ добровольнымъ соглашеніемъ). Получая личную свободу, крестьяне оставались сидѣть на владѣльческой землѣ и за пользованіе ею обязаны были (откуда и названіе «обязанныхъ») нести повинности въ пользу владѣльца [1]). Однако и на такомъ условіи помѣщики не стали освобождать своихъ крѣпостныхъ,

---

[1]) Законъ объ обязанныхъ крестьянахъ былъ торжественно обсуждаемъ въ государственномъ совѣтѣ, при чемъ императоръ Николай въ пространной рѣчи высказалъ свой взглядъ на положеніе крестьянскаго дѣла въ его время. „Нѣтъ сомнѣнія (говорилъ онъ), что крѣпостное право въ нынѣшнемъ его у насъ положеніи есть зло, для всѣхъ ощутительное и очевидное; но прикасаться къ оному теперь—было бы зломъ, конечно, еще болѣе гибельнымъ“. Поэтому крестьянское освобожденіе государь считалъ дѣломъ будущаго и думалъ, что оно должно совершиться лишь постепенно и съ непремѣннымъ сохраненіемъ права помѣщиковъ на ихъ землю. Въ этомъ смыслѣ и былъ данъ законъ 1842 года, сохранявшій крестьянскіе надѣлы въ вѣчной собственности помѣщиковъ.

и законъ объ обязанныхъ крестьянахъ не получилъ почти никакого примѣненія въ жизни.

Между тѣмъ, общій ходъ русской жизни такъ вліялъ на всю систему крѣпостныхъ хозяйствъ и крѣпостныхъ отношеній, что надобно было ждать скораго паденія крѣпостного строя. Патріархальныя формы крѣпостного труда уже не соотвѣтствовали измѣнившимся общественнымъ условіямъ: крѣпостной трудъ вообще былъ мало производителенъ и невыгоденъ. Помѣщичьи хозяйства были почти бездоходны и впадали въ задолженность, особенно въ неурожайные годы, когда помѣщики должны были кормить своихъ голодныхъ крестьянъ. Масса дворянскихъ населенныхъ имѣній была заложена въ казенныхъ ссудныхъ учрежденіяхъ; считаютъ, что къ концу царствованія императора Николая въ залогѣ находилось больше половины крѣпостныхъ крестьянъ (около 7 милліоновъ человѣкъ изъ 11-ти милліоновъ крѣпостныхъ мужескаго пола). Естественнымъ выходомъ изъ такой задолженности была окончательная уступка заложенной земли и крестьянъ государству, о чемъ и думали нѣкоторые помѣщики. Къ экономическимъ затрудненіямъ помѣщиковъ присоединялась боязнь крестьянскихъ волненій и безпорядковъ. Хотя въ царствованіе императора Николая не было бунтовъ въ родѣ Пугачевскаго, но крестьяне волновались часто и во многихъ мѣстахъ.

5. Мѣры въ области народнаго просвѣщенія при императорѣ Николаѣ I отличались двойственностью направленія. Съ одной стороны, очевидны были заботы о распространеніи образованія въ государствѣ; съ другой же стороны, замѣтенъ былъ страхъ передъ просвѣщеніемъ и старанія о томъ, чтобы оно не стало проводникомъ революціонныхъ идей въ обществѣ.

Заботы о распространеніи образованія выразились въ учрежденіи весьма многихъ учебныхъ заведеній. Учреждались спеціальныя учебныя заведенія: военныя (кадетскіе корпуса и академіи, военная и морская), техническія (технологическій институтъ и строительное училище въ Петербургѣ, межевой институтъ въ Москвѣ). Всѣ эти учебныя заведенія имѣли въ виду удовлетвореніе практическихъ нуждъ государства. Для образованія общаго сдѣлано также не мало. Учреждено было нѣсколько женскихъ институтовъ. Были улучшены мужскія гимназіи (§ 147). По мысли министра народнаго просвѣщенія графа С. С. Уварова, среднее образованіе, даваемое гимна-

зіями, должно было составлять удѣлъ высшихъ сословій и предназначалось для дѣтей дворянъ и чиновниковъ. Оно было сдѣлано «классическимъ». Для дѣтей купцовъ и мѣщанъ предназначались уѣздныя училища (§ 147). Однако стремленіе къ знанію настолько уже созрѣло въ населеніи, что въ гимназіи вмѣстѣ съ дворянами поступали въ большомъ числѣ такъ называемые «разночинцы» (то-есть лица, уволенныя изъ податныхъ сословій, но не принадлежащія къ дворянамъ потомственнымъ или личнымъ). Наплывъ разночинцевъ въ гимназіи и университеты составлялъ интересное и важное явленіе того времени: благодаря ему, составъ русскаго образованнаго общества, «интеллигенціи», пересталъ быть, какъ прежде, исключительно дворянскимъ.

Опасенія правительства относительно того, что учебныя заведенія станутъ распространителями вредныхъ политическихъ вліяній, выразились въ рядѣ стѣснительныхъ мѣръ. Когда на Западѣ въ 1848 году произошелъ рядъ революціонныхъ движеній, русскіе университеты подверглись ограниченіямъ и надзору. Преподаваніе философіи было упразднено; посылка за границу молодыхъ людей для подготовленія къ профессурѣ прекращена; число студентовъ ограничено для каждаго университета опредѣленнымъ комплектомъ (300 человѣкъ). Министерство народнаго просвѣщенія, которому была въ то время подчинена цензура, чрезвычайно усилило цензурныя строгости. Послѣдніе годы царствованія императора Николая I заслужили поэтому славу необыкновенно суровой эпохи, когда была подавлена общественная жизнь и угнетена наука и литература.

§ 152. **Первыя войны времени императора Николая и Восточный вопросъ.** Въ первые годы царствованія императора Николая I Россія вела большія войны на востокѣ—съ Персіей (1826—1828) и Турціей (1828—1829).

Отношенія съ Персіей замутились въ началѣ XIX вѣка, вслѣдствіе присоединенія къ Россіи Грузинскаго царства на Кавказѣ. Это древнее христіанское государство въ теченіе многихъ вѣковъ отстаивало свою самостоятельность отъ турокъ и персовъ и уже въ XVI столѣтіи искало опоры въ православной Москвѣ. Внутреннія неурядицы постепенно ослабили грузинъ и повели къ тому, что персы и турки стали торжествовать надъ ними. Тогда отъ угнетеній мусульманъ

грузины начали стремиться въ подданство Россіи. Съ своей стороны, русское правительство во второй половинѣ XVIII вѣка само принимало мѣры къ подчиненію Грузіи. Послѣ завоеваній императрицы Екатерины II (§ 134) владѣнія Россіи приблизились къ Кавказскому хребту. Новая Кавказская «линія» (граница) не была обезпечена отъ нападеній безпокойныхъ горскихъ племенъ Кавказа и требовала особыхъ заботъ. Русскимъ казалось, что съ присоединеніемъ Грузіи горцы будутъ замирены и будетъ мирнымъ путемъ пріобрѣтена богатая страна. Поэтому какъ Екатерина II, такъ и Павелъ I охотно шли навстрѣчу исканіямъ грузинскихъ царей. При Екатеринѣ было формально установлено покровительство Россіи надъ Грузіей, а Павелъ I издалъ манифестъ объ окончательномъ присоединеніи Грузіи къ Россійской имперіи (1801). Однако надежды на умиротвореніе Кавказа не оправдались: горцы продолжали тревожить нашу «линію», а Персія объявила Россіи войну за Грузію. При императорѣ Александрѣ эта война тянулась восемь лѣтъ и закончилась тѣмъ, что Россія укрѣпилась какъ въ Грузіи, такъ и на западномъ берегу Каспійскаго моря (Дербентъ, Баку).

При императорѣ Николаѣ I война съ Персіей возобновилась въ 1826 году. Персіяне вторглись въ русскія владѣнія въ Закавказьѣ безъ объявленія войны. Генералъ Паскевичъ, которому было поручено главное руководство русскими силами, разбилъ персіянъ подъ г. Елисаветполемъ, взялъ важную персидскую крѣпость Эривань, перешелъ р. Араксъ, овладѣлъ г. Тавризомъ и пошелъ на столицу Персіи, Тегеранъ. Персія не могла болѣе сопротивляться; шахъ просилъ мира. Въ началѣ 1828 года (въ деревнѣ Туркманчай, между Тавризомъ и Тегераномъ) былъ подписанъ мирный трактатъ, по которому Персія уступила Россіи земли по лѣвому берегу р. Аракса съ г. Эриванью и выплатила большую контрибуцію. Этотъ миръ навсегда положилъ предѣлъ притязаніямъ Персіи на Кавказскія земли. Важность его была очевидна, и императоръ Николай удостоилъ Паскевича большой награды, пожаловавъ ему титулъ графа «Эриванскаго» и часть персидской контрибуціи.

Утвердившись въ Закавказьѣ, русская власть дожна была обратить особое вниманіе на горскія племена Кавказа. Живя въ горахъ между русскими владѣніями, полудикіе кавказскіе

народцы (черкесы, чеченцы и др.) мѣшали сообщеніямъ русскихъ съ Закавказскимъ краемъ и безпокоили русскія поселенія на Кубани и Терекѣ. Какъ разъ въ то время, когда было уничтожено враждебное намъ вліяніе Персіи на кавказскія дѣла, среди кавказскихъ горцевъ-мусульманъ выросло самостоятельное движеніе противъ русскихъ. Это былъ такъ называемый «мюридизмъ»—религіозное возбужденіе. Его представителями и вожаками были «святые старцы»—имамы и шейхи. Они стремились поднять усердіе народа къ исламу и набирали себѣ «мюридовъ», то-есть послушниковъ. Возбуждая ихъ противъ русской власти, вожаки обѣщали мюридамъ, что за ихъ вѣру и благочестіе Аллахъ дастъ имъ побѣду надъ ихъ врагами, русскими, и возродитъ могучій халифатъ. Среди горцевъ ученіе проповѣдниковъ имѣло большой успѣхъ: горскія племена стали объединяться и задумали «газаватъ»—священную войну противъ русскихъ. Во главѣ возставшихъ былъ имамъ Кази-мулла, а позже—имамъ Шамиль. Въ теченіе сорока лѣтъ горцы находились въ упорной борьбѣ съ русскими войсками и нападали на русскія крѣпости и отряды русскихъ войскъ. Во все царствованіе императора Николая I шла война на Кавказѣ; требовались большія усилія для того, чтобы постепенно, шагъ за шагомъ, овладѣвать важнѣйшими пунктами въ горныхъ областяхъ, проводить «военныя» дороги («Военно-грузинская дорога» и др.), рубить просѣки въ глухихъ лѣсахъ и ставить крѣпости для устрашенія горцевъ. Всѣ эти мѣры были необходимы; онѣ стоили дорого и требовали большихъ жертвъ. Тѣмъ не менѣе, императору Николаю не суждено было дожить до умиротворенія Кавказа; оно совершилось лишь при его преемникѣ.

Причиною Турецкой войны (1828—1829) послужили Греческія дѣла. Еще во время императора Александра I греки начали борьбу съ турками за свое освобожденіе и успѣли возбудить въ Европѣ большое сочувствіе къ себѣ и къ своему дѣлу. Звѣрства турокъ надъ греками и обаяніе греческаго имени, славнаго древнею культурою Греціи, вызывали въ европейскомъ обществѣ большое движеніе въ пользу возставшихъ. Но правительства европейскія, въ томъ числѣ и русское, подъ вліяніемъ тенденцій «священнаго союза» (§ 146) долго не рѣшались заступиться за мятежныхъ грековъ предъ ихъ законнымъ государемъ, султаномъ. Императоръ Николай, всту-

пая на престолъ, не видѣлъ необходимости воевать съ турками изъ-за грековъ. Но въ 1827 году, когда стало ясно, что нельзя допускать дальнѣйшихъ истязаній греческаго населенія,—Англія, Франція и Россія условились силою прекратить борьбу турокъ съ греками. Соединенныя эскадры, русская, англійская и французская, заперли турецкій флотъ, дѣйствовавшій противъ грековъ, въ гавани г. Наварина (древній Пилосъ на западномъ берегу Пелопоннеса) и сожгли его послѣ кровопролитной битвы (20-го октября 1827 года). Наваринская битва была турками приписана враждебному вліянію русскаго правительства, и Турція стала готовиться къ войнѣ съ Россіей.

Война началась въ 1828 году. Русскія войска перешли Дунай и осадили турецкія крѣпости Варну и Шумлу. Взятіе Варны позволило русскимъ получать припасы моремъ, при посредствѣ своего флота, и открыло дорогу за Балканы. Но Шумла не сдалась и послужила оплотомъ для многихъ наступательныхъ движеній турокъ. Положеніе русской арміи не разъ становилось труднымъ. Только тогда, когда русскому главнокомандующему, генералу Дибичу, удалось выманить турецкую армію изъ Шумлы и нанести ей страшное пораженіе, дѣла измѣнились къ лучшему. Дибичъ двинулся за Балканы и взялъ Адріанополь, вторую столицу Турціи. Въ то же время въ Азіатской Турціи графъ Паскевичъ успѣлъ взять турецкія крѣпости Карсъ и Ахалцыхъ и послѣ удачныхъ боевъ съ турецкой арміей занялъ г. Эрзерумъ. Побѣды русскихъ получили рѣшительный характеръ, и турки просили мира. Миръ былъ заключенъ въ 1829 году, въ Адріанополѣ, на слѣдующихъ условіяхъ: Россія пріобрѣтала лѣвый берегъ нижняго Дуная, съ островами въ Дунайскихъ устьяхъ, и восточный берегъ Чернаго моря (отъ устья р. Кубани до порта Св. Николая, также г. Ахалцыхъ съ его областью). Кромѣ того, турецкое правительство давало свободу торговли русскимъ въ Турціи и открывало свободный проходъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы кораблямъ всѣхъ дружественныхъ націй.

Важнымъ условіемъ мира было еще и то, что подвластныя Турціи княжества Молдавія, Валахія и Сербія получили полную внутреннюю автономію и стали подъ покровительство Россіи. Была также признана независимость Греческихъ земель на югѣ Балканскаго полуострова (изъ этихъ земель въ

1830 году, по соглашенію державъ, образовано было королевство Греція). Такимъ образомъ, въ силу условій Адріанопольскаго мира Россія получила право вмѣшательства во внутреннія дѣла Турціи, какъ заступница и покровительница одноплеменныхъ и единовѣрныхъ ей подданныхъ султана. Вскорѣ (1833) самъ султанъ прибѣгъ къ помощи Россіи во время возстанія противъ него египетскаго паши. Русскій флотъ пришелъ въ Константинополь и высадилъ войска для защиты Босфора отъ египетскихъ войскъ. Дѣло не дошло до боя; но султанъ, въ благодарность за защиту, заключилъ съ Россіей особый договоръ, которымъ обязался запереть Босфоръ и Дарданеллы для военныхъ судовъ всѣхъ иностранныхъ державъ. Этимъ договоромъ создано было преобладающее вліяніе Россіи въ ослабѣвшей Турціи. Изъ врага Россія превратилась какъ бы въ друга и защитника «больного человѣка»,—такъ императоръ Николай называлъ разлагавшуюся Турецкую имперію.

Преобладаніе Россіи въ турецкихъ дѣлахъ, создавшееся очень быстро, произвело тревогу среди европейскихъ правительствъ и придало острый характеръ «восточному вопросу». Подъ общимъ именемъ «восточнаго вопроса» тогда стали разумѣть всѣ вопросы, какіе только возникали въ связи съ распаденіемъ Турціи и съ преобладаніемъ Россіи на Балканскомъ полуостровѣ. Европейскія державы не могли быть довольны политикою императора Николая, который считалъ себя одного покровителемъ балканскихъ славянъ и грековъ. Его притязаніями нарушалось политическое равновѣсіе Европы; отъ его побѣдъ чрезмѣрно, въ глазахъ европейскихъ правительствъ, вырастали силы и вліяніе Россіи. Европейская дипломатія поэтому постаралась парализовать успѣхи Россіи и добилась того, что турецкія дѣла были переданы на сужденіе общеевропейской конференціи. Эта конференція (въ Лондонѣ въ 1840 году) установила общій протекторатъ надъ Турціей пяти державъ: Россіи, Англіи, Австріи, Франціи и Пруссіи. Съ тѣхъ поръ «восточный вопросъ» сталъ общеевропейскимъ, и вліяніе Россіи на Балканскомъ полуостровѣ начало падать столь же быстро, какъ быстро возникло.

§ 153. **Царство Польское и Западная Русь.** Возбужденіе умовъ въ Царствѣ Польскомъ началось тотчасъ по введеніи въ дѣйствіе дарованной Александромъ I «учредительной хартіи» (§ 146). Польскіе патріоты мечтали о возстановленіи

Рѣчи Посполитой въ ея старыхъ предѣлахъ—«отъ моря до моря»; иначе говоря, они желали присоединенія къ своему Царству Литовскихъ и Русскихъ областей, принадлежавшихъ Польшѣ до раздѣла 1773-го года. Предѣлы своей конституціи поляки считали слишкомъ узкими. Одни изъ нихъ желали прямо республики (демократическая партія съ историкомъ Лелевелемъ во главѣ); другіе же стояли за реформу конституціи и расширеніе правъ націи (аристократическая партія, въ которой виднѣйшее мѣсто принадлежало бывшему любимцу Александра I-го, князю Адаму Чарторыйскому). Движеніе руководилось тайными обществами, патріотическими и революціонными. Они существовали въ польскихъ войскахъ и среди молодежи, подготовляя отложеніе отъ Россіи и внутренній переворотъ. Въ концѣ 1830-го года въ Варшавѣ началось открытое возстаніе. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, бывшій главнымъ начальникомъ польскихъ войскъ, едва избѣжавъ смерти отъ рукъ заговорщиковъ, ушелъ изъ Варшавы съ тѣми русскими войсками, которые при немъ состояли. Въ Варшавѣ было устроено временное правительство съ диктаторомъ во главѣ. Оно пробовало добиться отъ императора Николая независимости Польши и присоединенія къ ней Литвы и Западной Руси; но, не получивъ на это никакой надежды, созвало сеймъ. Сеймъ рѣшился низложить династію Романовыхъ съ польскаго престола и такимъ образомъ сдѣлалъ войну неизбѣжною.

Императоръ Николай отправилъ (1831) въ предѣлы Польши большую армію подъ начальствомъ графа Дибича. Дибичъ нанесъ польскимъ войскамъ и польскому ополченію сильное пораженіе подъ Варшавою (у с. Грохова), но не воспользовался побѣдою и затянулъ войну. Къ тому же военнымъ дѣйствіямъ препятствовала страшная эпидемія холеры, прошедшая тогда по всей Россіи. (Отъ нея скончались въ русской арміи цесаревичъ Константинъ и графъ Дибичъ). Новый главнокомандующій, графъ Паскевичъ, повелъ дѣло энергично и быстро: онъ подошелъ къ Варшавѣ и взялъ ее штурмомъ, послѣ чего загналъ въ Пруссію и Австрію остатки польскихъ войскъ и такимъ образомъ овладѣлъ Царствомъ. Польша была завоевана русскимъ оружіемъ и потеряла возможность сохранить свою конституцію.

Учредительная хартія была отмѣнена; сеймъ уничтоженъ; уничтожено отдѣльное польское войско; отмѣнено особое фи-

нансовое устройство. Царство Польское было раздѣлено на губерніи и включено въ составъ имперіи. Особою грамотою, получившею названіе «органическаго статута» (1832), былъ опредѣленъ новый порядокъ управленія Польши. Во главѣ Царства былъ поставленъ намѣстникъ (графъ Паскевичъ-Эриванскій, получившій титулъ «князя Варшавскаго»); онъ управлялъ съ помощью «совѣта» изъ главныхъ чиновниковъ края. Важнѣйшія дѣла и законодательные вопросы разсматривались въ «государственномъ совѣтѣ Царства Польскаго», составленномъ изъ лицъ по назначенію государя. Съ теченіемъ времени русскій элементъ въ краѣ усиливался все болѣе и болѣе: русскіе люди назначались на польскія должности, русскій языкъ признанъ обязательнымъ въ дѣловыхъ сношеніяхъ, русскимъ раздавались земли въ польскихъ областяхъ. Самое управленіе принимало все болѣе и болѣе характеръ общерусскій. Польша теряла всѣ остатки политической особности и обращалась въ русскую провинцію.

То же направленіе имѣла политика императора Николая въ Литовскихъ и Западно-Русскихъ областяхъ. Возстаніе изъ Царства Польскаго распространилось на тѣ области, которыя отошли отъ Польши къ Россіи по раздѣламъ XVIII вѣка (§ 133, § 137). Польское панство и шляхетство, составлявшее въ этихъ областяхъ высшій землевладѣльческій классъ, сохраняло свои связи съ Польшею и поддерживало польскій духъ въ мѣстной общественной жизни. При императорѣ Александрѣ I правительство не обращало вниманія на преобладаніе польскаго элемента въ Западно-Русскомъ краѣ. Князь Адамъ Чарторыйскій, имѣвшій званіе попечителя Виленскаго учебнаго округа, дѣятельно и безъ всякихъ препятствій учреждалъ въ округѣ польскія школы съ цѣлью окончательной полонизаціи Литвы и Бѣлоруссіи. Основанный въ Вильнѣ (1803) университетъ обратился въ очагъ польскаго національнаго движенія. Когда возстала Польша, началось движеніе и въ Литовскихъ областяхъ. Но оно не имѣло успѣха, такъ какъ русскія войска, занимавшія Вильну, дали отпоръ отрядамъ повстанцевъ и вытѣснили ихъ изъ края. Послѣ подавленія возстанія Виленскій университетъ былъ закрытъ и правительство приняло рядъ мѣръ для уничтоженія польскаго вліянія въ краѣ. Оно обратило вниманіе на образованіе юношества въ русскомъ духѣ и вмѣстѣ съ низшими русскими школами открыло въ Кіевѣ

русскій университетъ (1834). Было конфисковано много земель у мятежныхъ польскихъ владѣльцевъ и передано въ русскія руки. Были приняты мѣры для улучшенія быта православно-русскихъ крестьянъ, жившихъ на панскихъ земляхъ. Наконецъ, данъ былъ ходъ дѣлу присоединенія къ православной церкви такъ называемыхъ «уніатовъ».

Унія, введенная въ западной и южной Руси въ концѣ XVI вѣка (§ 92), вызвала тяжелую борьбу православнаго населенія за свою вѣру. Православіе не было истреблено вовсе; но все-таки большинство западно-русскаго дворянства и большое количество крестьянства перешло въ унію и стало подъ сильное вліяніе католической іерархіи. Гоненія за вѣру въ Рѣчи Посполитой продолжались до самыхъ раздѣловъ, и уніаты страдали отъ нихъ едва ли менѣе православныхъ. Заступничество императрицы Екатерины II (§ 133), а затѣмъ переходъ уніатовъ въ русское подданство послѣ польскихъ раздѣловъ—прекратили давленіе на уніатовъ католическаго духовенства. Началось сближеніе уніатскаго духовенства съ православнымъ. Въ средѣ самихъ уніатовъ возникла мысль о прекращеніи зависимости отъ папы и о возстановленіи болѣе тѣсной связи съ православіемъ. Эта мысль понемногу перешла въ рѣшимость вовсе упразднить унію и возсоединить уніатовъ съ православною церковью, отъ которой уніаты когда-то были оторваны. Носителемъ идеи возсоединенія былъ одинъ изъ уніатскихъ архіереевъ—епископъ Литовскій Іосифъ Сѣмашко. Послѣ усмиренія Польскаго возстанія онъ встрѣтилъ со стороны государя и синода большое сочувствіе. Въ 1839 году въ г. Полоцкѣ всѣ уніатскіе епископы постановили просить у императора Николая «дозволенія имъ присоединиться къ прародительской православной всероссійской церкви». Государь далъ это дозволеніе, и синодъ торжественно совершилъ актъ возсоединенія уніатовъ. Унія прекратилась вездѣ, за исключеніемъ Холмской епархіи, гдѣ населеніе оставалось въ уніи до 70-хъ годовъ XIX вѣка, частью же остается и теперь.

Таковы были послѣдствія польскаго движенія 1830—1831 годовъ. Польское государство погибло послѣ неудачнаго возстанія; польская народность понесла тяжелыя жертвы и разореніе; польскому вліянію въ Западной Руси нанесенъ былъ тяжелый ударъ.

§ 154. **Общественное движенiе въ Николаевскую эпоху.** Мы видѣли (§ 148), что подъ влiянiемъ освободительныхъ войнъ Александровской эпохи въ русскомъ обществѣ образовалось два умственныхъ теченiя. Одно—политическое—привело къ декабрьскому возстанiю 1825 года и къ тяжелой отвѣтственности его участниковъ. Другое—философское теченiе—создало въ средѣ русскихъ образованныхъ людей философскiе кружки мирнаго характера. Члены ихъ занимались изученiемъ европейской, главнымъ образомъ германской, философiи и желали примѣнить эту философiю къ объясненiю русской жизни. Въ Германiи того времени господствовали двѣ «идеалистическiя» философскiя системы, именно Шеллинга и Гегеля. Подъ ихъ влiянiемъ русскiе мыслители раздѣлились на два направленiя. Одно изъ нихъ получило названiе славянофильскаго, другое—западническаго.

Славянофилы стояли на такой точкѣ зрѣнiя, что каждый народъ живетъ своей самостоятельною, «самобытною» жизнью. Въ основѣ ея лежитъ глубокое идейное начало, «народный духъ». Этимъ «народнымъ духомъ» проникнута вся исторiя народа, всѣ стороны народной жизни. Для того, чтобы познать народъ, понять его жизнь и исторiю, необходимо уразумѣть, въ чемъ заключается «народный духъ», какими идеальными началами одухотворенъ этотъ народъ. По мнѣнiю славянофиловъ, самобытность русскаго народа выражалась какъ въ особенностяхъ нашего православiя (близкаго къ христiанскому «любомудрiю» древней восточной церкви), такъ и въ особенностяхъ нашего государственнаго и общественнаго быта [1]). Обладая «внутренней правдою» истиннаго христiанства и преимуществами общиннаго, «мiрского», устройства, Русь могла бы служить высокимъ примѣромъ для всего Запада и явить ему сокровища своего «народнаго духа». Этому, однако, помѣшала реформа Петра Великаго. Она повела русское государство на путь ненужныхъ заимствованiй, воспитала обра-

---

[1]) Въ отличiе отъ европейскаго Запада, вся жизнь котораго построена на разсудочности и началѣ личной свободы, древняя Русь жила началами вѣры и общинности. На Западѣ государства и общества строились насилiемъ и завоеванiемъ; на Руси государство создалось мирнымъ призванiемъ княжеской династiи, а общество не знало внутренней вражды и борьбы классовъ. Въ этомъ и заключалось превосходство Руси предъ Западомъ.

зованные классы въ чуждомъ западно-европейскомъ духѣ и потрясла устои древняго русскаго быта. Укрѣпить ихъ и возвратить русскую жизнь въ старое, самобытное русло — въ этомъ задача русской современности. Таково было ученіе славянофиловъ, созрѣвшее къ сороковымъ годамъ XIX-го вѣка. (Старшими его представителями были А. С. Хомяковъ и братья Кирѣевскіе, младшими — Ю. Ѳ. Самаринъ и братья Аксаковы).

Западники, напротивъ, вѣрили въ единство человѣческой цивилизаціи и полагали, что Россія стала цивилизованнымъ государствомъ лишь со временъ Петра Великаго, благодаря именно реформамъ Петра. Въ до-петровской Россіи господствовала одна лишь косность и не было никакого историческаго движенія; наши предки прозябали въ покоѣ азіатскаго невѣжества и не жили культурною жизнью. Поэтому у нихъ не могло быть никакой «самобытности», а была лишь дикость. Прививъ своему народу начатки образованности, Петръ Великій создалъ для него возможность общенія съ культурнымъ человѣчествомъ и открылъ ему путь къ культурному существованію. Задача современнаго русскаго общества, по мнѣнію западниковъ, заключалась въ томъ, чтобы тѣснѣе примкнуть къ европейскому Западу и слиться съ нимъ воедино, образовавъ одну общечеловѣческую культурную семью. Съ особеннымъ интересомъ западники слѣдили за умственнымъ движеніемъ въ Германіи и за общественнымъ броженіемъ во Франціи, жадно усваивая себѣ всѣ результаты европейской науки и всѣ новости политической жизни передовыхъ европейскихъ странъ. (Представителями западничества были извѣстный критикъ В. Г. Бѣлинскій, профессоръ Т. Н. Грановскій и эмигрантъ А. И. Герценъ).

При тогдашнихъ условіяхъ общественной жизни въ Россіи ни славянофилы, ни западники не могли свободно выражать въ печати свои взгляды. Мѣшала этому строгость цензуры. Послѣ первыхъ же журнальныхъ статей, написанныхъ въ духѣ славянофильскомъ и западническомъ, власти стали неблагосклонно относиться къ ихъ авторамъ и сочли ихъ неблагонадежными людьми. Правительство имѣло свой взглядъ на основы русской народной жизни: этими основами оно считало *православіе, самодержавіе, народность.* Противополагая ихъ основамъ жизни Запада, гдѣ была иная вѣра и иной поли-

тическій строй, правительство считало русскій бытъ совсѣмъ особеннымъ, и притомъ образцовымъ, не подлежащимъ критикѣ и осужденію. Между тѣмъ, какъ ни спорили между собою западники и славянофилы по многимъ вопросамъ ихъ ученія,—они совершенно сходились въ критикѣ современныхъ имъ русскихъ порядковъ. И тѣмъ и другимъ не нравился бюрократизмъ управленія; и тѣхъ и другихъ тяготило недовѣріе власти къ обществу и вытекавшія отсюда строгости. Больше же всего возмущались мыслящіе люди обоихъ направленій крѣпостнымъ правомъ, противъ котораго правительство не принимало никакихъ гласныхъ мѣръ. Людямъ, не посвященнымъ въ тайны управленія, не были извѣстны труды секретныхъ комитетовъ и отношеніе государя къ крѣпостному праву (§ 151). Имъ казалось, что власть поддерживаетъ, во что бы то ни стало, права помѣщиковъ на крестьянъ. Понимая вредъ для государства и общества крѣпостныхъ формъ хозяйства и рабской безотвѣтности крестьянъ, западники и славянофилы одинаково мечтали объ отмѣнѣ крѣпостного права.

Такимъ образомъ, оба направленія, а въ особенности западническое, оказались въ оппозиціи правительству и вызывали его подозрѣніе и гоненіе. Между тѣмъ, проникнувъ изъ частныхъ кружковъ въ литературу и овладѣвъ журналами, эти направленія увлекли за собою всю русскую интеллигенцію и сдѣлали ее оппозиціонной. Отрицательное отношеніе къ правящей бюрократіи распространилось всюду; между правительствомъ и обществомъ образовалась какъ бы пропасть, разъединившая ихъ. Это было несчастьемъ для обѣихъ сторонъ. Лишенная сочувствія общества власть ослабѣла. Когда умерли лучшіе сотрудники императора Николая, дѣйствовавшіе въ первой половинѣ его царствованія, то на смѣну имъ некого было взять изъ среды общества. Императоръ Николай не вѣрилъ обществу и довольствовался поэтому канцелярскими исполнителями, не подготовленными къ широкой политической дѣятельности. За исключеніемъ графа Киселева, къ концу правленія Николая I не осталось сколько-нибудь замѣтныхъ и способныхъ сотрудниковъ императора. Въ управленіи государствомъ царилъ застой, безпорядки и злоупотребленія. Грозная снаружи, Россія внутри оказалась разстроенною и ослабленною. Съ другой стороны, устраненная отъ общественныхъ и государственныхъ дѣлъ интеллигенція привыкла къ осужде-

нію правительственныхъ порядковъ и взглядовъ и, слѣдуя космополитическимъ убѣжденіямъ западниковъ, стала переносить свое отрицаніе съ временной политической системы Николая I на особенности русской жизни вообще. Отсюда было уже недалеко до утраты того горячаго патріотическаго чувства, которымъ была богата и сильна старая Русь и которымъ сравнительно стали бѣдны ближайшія къ намъ поколѣнія интеллигенціи.

§ 155. **Восточная война 1853—1855 годовъ.** Было уже сказано (§ 152), что въ восточномъ вопросѣ Европейская дипломатія не считала возможнымъ допускать преобладаніе Россіи на Балканскомъ полуостровѣ и вмѣшательство ея во внутреннія дѣла Турціи. На западѣ Европы «политика вмѣшательства», созданная Вѣнскимъ конгрессомъ и «священнымъ союзомъ» (§ 146), скоро отжила свой вѣкъ. Императоръ же Николай твердо держался старыхъ принциповъ и считалъ для себя обязательнымъ поддержаніе законнаго порядка не только у себя дома, но и въ другихъ государствахъ. Такимъ образомъ, не простое столкновеніе случайныхъ интересовъ на Востокѣ, а принципіальное различіе политики раздѣляло Россію и Западную Европу. Европейскія правительства и европейское общество не разъ имѣли случай видѣть, съ какою готовностью императоръ Николай склонялся къ вмѣшательству въ чужія дѣла. Кромѣ дѣйствій въ пользу султана противъ мятежныхъ египетскихъ войскъ (§ 152), русскія войска въ 1849 году дѣйствовали въ Австрійской монархіи противъ возмутившихся венгровъ. Большая русская армія, по просьбѣ австрійскаго императора Франца-Іосифа, вступила въ Венгрію, подавила тамъ національное возстаніе и возстановила въ Венгріи австрійскую власть. При совершавшихся въ Европѣ, особенно же во Франціи, политическихъ переворотахъ императоръ Николай всегда объявлялъ себя противъ правительствъ, возникшихъ изъ революціи. Между прочимъ, и императоръ Наполеонъ III, возстановившій имперію во Франціи (1852), на себѣ испыталъ недружелюбіе Россіи, когда изъ президента республики задумалъ превратить себя въ монарха: императоръ Николай открыто высказывался противъ совершеннаго Наполеономъ переворота. Много лѣтъ Европа видѣла въ императорѣ Николаѣ сторонника старыхъ началъ политической реакціи и врага демократическихъ движеній; много лѣтъ наклонность Россіи къ

вмѣшательству въ дѣла другихъ государствъ казалась угрозою миру. И правительства, и народы Европы боялись и не любили Россіи и императора Николая съ его рыцарскою преданностью отжившимъ принципамъ.

Такова была общая почва, на которой «восточный вопросъ» получилъ особенную важность и остроту. Противодѣйствуя русскому вліянію, англійская и французская (въ особенности англійская) дипломатія къ серединѣ XIX вѣка сумѣла достичь большихъ успѣховъ въ Константинополѣ. Турки не теряли своего страха передъ русскими, но охотно уходили отъ русскихъ дипломатовъ подъ защиту и подъ вліяніе англичанъ и французовъ. Престижъ русскаго имени падалъ въ Турціи. Это выражалось въ рядѣ отдѣльныхъ мелочей, пока, наконецъ, не произошло случайнаго крупнаго столкновенія между русскимъ и турецкимъ правительствомъ по вопросу о святыхъ мѣстахъ въ Палестинѣ. Султанъ далъ нѣкоторыя преимущества католическому духовенству въ ущербъ духовенству греческому, православному (между прочимъ, ключи отъ Виѳлеемскаго храма были взяты отъ грековъ и переданы католикамъ). Императоръ Николай вступился за православныхъ и потребовалъ возстановленія ихъ привилегій. Султанъ, подъ вліяніемъ ходатайствъ французской дипломатіи, отвѣтилъ отказомъ. Тогда императоръ Николай ввелъ русскія войска въ находившіяся подъ властью султана автономныя княжества Молдавію и Валахію—«въ залогъ, доколѣ Турція не удовлетворитъ справедливымъ требованіямъ Россіи». Турція протестовала и объявила Россіи войну (осенью 1853 года), а флоты Англіи и Франціи появились въ Босфорѣ, какъ бы угрожая Россіи.

Военныя дѣйствія начались на Дунаѣ и въ Закавказьѣ. На Черномъ морѣ (въ ноябрѣ 1853 года) русская эскадра подъ начальствомъ адмирала Нахимова истребила послѣ жаркаго боя турецкій флотъ, стоявшій въ бухтѣ города Синопа (въ Малой Азіи). Послѣ этой славной битвы англійская и французская эскадры вышли изъ Босфора въ Черное море, не скрывая, что имѣютъ въ виду помогать туркамъ. Слѣдствіемъ этого былъ открытый разрывъ Россіи съ Англіей и Франціей. Императоръ Николай увидалъ, что за Турціей стоятъ болѣе грозные враги, и сталъ готовиться къ защитѣ на всѣхъ русскихъ границахъ. Такъ какъ Австрія и Пруссія обнаруживали тоже неблагопріятное для Россіи настроеніе,

то приходилось держать войска и противъ нихъ. Такимъ образомъ, императоръ Николай оказался одинъ противъ могущественной коалиціи, не имѣя союзниковъ, не возбуждая къ себѣ сочувствія ни европейскихъ правительствъ, ни европейскаго общества. Россія должна была теперь нести послѣдствія своей политики «вмѣшательства», которая со временъ Вѣнскаго конгресса заставляла Европу бояться вторженія русскихъ войскъ.

Въ 1854 году русская армія перешла за Дунай и осадила крѣпость Силистрію, но въ виду враждебныхъ дѣйствій Австріи была вынуждена вернуться на лѣвый берегъ Дуная. Австрія потребовала отъ Россіи очищенія княжествъ Молдавіи и Валахіи, какъ автономныхъ и нейтральныхъ земель (§ 152). Русскимъ становилось невозможно вести войну на Дунаѣ при томъ условіи, что австрійцы будутъ грозить имъ въ тылъ и сбоку. Поэтому русскія войска оставили княжества, и война на Дунаѣ прекратилась. Россія вездѣ, кромѣ Закавказья, перешла къ оборонительному образу дѣйствій. Союзники же не сразу обнаружили, куда они направятъ свои удары. Они на Черномъ морѣ бомбардировали Одессу, на Бѣломъ морѣ— Соловецкій монастырь. Въ то же время на Балтійскомъ морѣ англо-французская эскадра взяла Аландскіе острова и появлялась предъ Кронштадтомъ. Наконецъ, непріятельскія суда дѣйствовали на Дальнемъ Востокѣ, даже у Камчатки (бомбардировали Петропавловскъ). Но нигдѣ союзники не предпринимали рѣшительныхъ дѣйствій, заставляя русскихъ очень разбрасывать свои силы. Къ осени 1854 года обнаружилось, что главнымъ театромъ войны непріятели избрали Крымъ и въ частности Севастополь. Въ этомъ городѣ находилась главная стоянка нашего черноморскаго флота; союзники разсчитывали, взявъ Севастополь, истребить русскій флотъ и уничтожить все военно-морское устройство Россіи на Черномъ морѣ. Въ сентябрѣ 1854 года близъ города Евпаторіи (на западномъ берегу Крыма) высадилось 60.000 французскихъ, англійскихъ и турецкихъ солдатъ подъ прикрытіемъ огромнаго флота [1]). Флотъ союзниковъ заключалъ въ себѣ много паровыхъ судовъ и потому былъ совершеннѣе и сильнѣе русскаго,

---

[1]) Къ союзникамъ присоединилось въ это время Сардинское королевство.

состоявшаго почти исключительно изъ парусныхъ кораблей. Въ виду явнаго перевѣса непріятельскихъ силъ русскимъ судамъ нельзя было отважиться на бой въ открытомъ морѣ. Пришлось защищаться въ Севастополѣ.

Такъ началась знаменитая Крымская кампанія.

§ 156. **Крымская кампанія.** Союзники, подвигаясь на югъ къ Севастополю, встрѣтили 30-тысячное русское войско на р. Альмѣ (впадающей въ море южнѣе Евпаторіи). Русскіе были здѣсь побѣждены и открыли врагу дорогу на Севастополь. Если бы союзники знали, что Севастополь съ сѣвера защищенъ слабо, они могли бы сразу овладѣть имъ. Но враги не надѣялись на скорый успѣхъ. Они прошли мимо Севастополя и укрѣпились на юго-западной оконечности Крымскаго полуострова. Оттуда они начали добывать Севастополь правильною осадою.

Оборона Севастополя была поручена на первое время морякамъ подъ командою адмираловъ Корнилова, Нахимова и Истомина. Они съ горемъ рѣшились затопить свои боевые корабли при входѣ въ Севастопольскую бухту, чтобы сдѣлать невозможнымъ вторженіе въ нее съ моря. Пушки и прочее вооруженіе съ кораблей были переданы на береговыя укрѣпленія. Вокругъ Севастополя, не имѣвшаго стѣнъ, военный инженеръ Тотлебенъ проектировалъ рядъ земляныхъ сооруженій (бастіоновъ и батарей), которыя замѣнили собою сплошную крѣпостную стѣну. Эти бастіоны и батареи были сооружены усиленною работою матросовъ, солдатъ и жителей города. Когда непріятель началъ свои подступы, Севастополь уже могъ защищаться. На бомбардировку непріятеля нашъ городъ отвѣчалъ такою же бомбардировкою изъ сотенъ орудій. Штурмы отбивались съ отчаяннымъ мужествомъ. Направивъ свои силы противъ самаго южнаго бастіона (№ 4), непріятель не имѣлъ никакого успѣха. Осада затянулась.

Но и русскимъ не удавалось стянуть къ Севастополю большія силы и выбить врага изъ его укрѣпленнаго лагеря. Войска были нужны на другихъ театрахъ войны и на границахъ австрійской и прусской. Поддерживать далекій Севастополь и снабжать его всякими припасами безъ хорошихъ дорогъ и морского пути было очень трудно. Небольшая русская армія стояла вблизи Севастополя (подъ командою сначала князя Меншикова, а затѣмъ князя Горчакова). Она помогала гар-

низону крѣпости, чѣмъ могла; но всѣ ея попытки перейти въ наступленіе и штурмовать непріятельскій лагерь (сраженія при с. Инкерманѣ и на р. Черной) оканчивались неудачами. Обѣ стороны были безсильны одержать рѣшительный верхъ одна надъ другой. Осада продолжалась многіе мѣсяцы (всего 350 дней). Погибли славные предводители русскаго флота, адмиралы Корниловъ, Нахимовъ и Истоминъ, убитые на бастіонахъ. Городъ былъ разрушенъ бомбардировками. Укрѣпленія, разбиваемыя непріятелемъ, едва держались. Но гарнизонъ не падалъ духомъ и дѣйствовалъ съ необыкновеннымъ мужествомъ. Тогда враги, оставивъ надежду овладѣть южнымъ, «четвертымъ», бастіономъ, перенесли свое вниманіе на восточную часть укрѣпленій, на «Малаховъ курганъ». Однако Тотлебенъ сумѣлъ и здѣсь укрѣпиться и надолго задержать непріятеля. Севастопольская осада сосредоточила на себѣ всѣ усилія боровшихся сторонъ и стала предметомъ общаго удивленія. Императоръ Николай, въ воздаяніе мужества и страданій севастопольцевъ, приказалъ считать за годъ каждый мѣсяцъ службы въ Севастополѣ. Такъ истекъ тяжелый 1854-ый годъ.

Въ началѣ 1855 года (18-го февраля) императоръ Николай скончался. 19-го февраля началось царствованіе его преемника, императора Александра II.

Въ ходѣ Крымской кампаніи ничего не измѣнилось. Крѣпость держалась. Каждый шагъ впередъ союзники покупали цѣною большихъ усилій и потерь. Только въ августѣ 1855 года имъ удалось подвести свои траншеи совсѣмъ близко къ боевой оградѣ Малахова кургана, и 27-го августа они начали общій штурмъ Севастополя. На этотъ разъ французамъ удалось ворваться на Малаховъ курганъ и овладѣть имъ. Во всѣхъ же другихъ мѣстахъ штурмъ былъ отбитъ. Однако послѣ потери Малахова кургана нельзя было держаться въ городѣ, такъ какъ съ высокаго кургана врагъ видѣлъ весь городъ, легко могъ войти въ него и съ тыла взять остальныя его укрѣпленія. Поэтому было рѣшено оставить Севастополь (собственно его южную сторону). Русскіе перешли изъ города по мосту черезъ рейдъ (заливъ) на сѣверъ и все, что могли, уничтожили въ самомъ Севастополѣ. Непріятель не преслѣдовалъ и, не спѣша, занялъ развалины крѣпости. Такъ окончилась одна изъ самыхъ славныхъ кампаній въ русской исторіи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Эпоха великихъ реформъ.

Время императора Александра II-Освободителя (1855—1881).

§ 157. **Личность и воспитаніе императора Александра II.** Неожиданная кончина императора Николая Павловича, умершаго отъ случайной простуды, послужила началомъ важныхъ перемѣнъ въ жизни Русскаго государства. Съ императоромъ Николаемъ отошла въ вѣчность его правительственная система. Преемникъ его былъ совсѣмъ иной человѣкъ. Императоръ Александръ II во многомъ составлялъ противоположность своему отцу. Отецъ отличался суровымъ и непреклоннымъ характеромъ; сынъ былъ мягокъ и доступенъ вліяніямъ. Отецъ не получилъ въ свою пору хорошаго образованія, сынъ же былъ тщательно воспитанъ и подготовленъ къ предстоящему высокому дѣлу правленія государствомъ. Александръ вступалъ на престолъ 36-ти лѣтъ отъ роду (родился въ 1818 году), зрѣлымъ человѣкомъ, достаточно опытнымъ въ дѣлахъ. Русскіе люди ждали отъ него много добраго—и не ошиблись.

Воспитаніе императора Александра II было поставлено прекрасно. Съ малыхъ лѣтъ воспитателемъ его былъ гуманный и умный человѣкъ капитанъ Мердеръ. Лѣтъ девяти Александръ началъ учиться подъ главнымъ руководствомъ своего «наставника»—извѣстнаго поэта В. А. Жуковскаго. Жуковскій предварительно составилъ глубоко обдуманный «планъ ученія» цесаревича, утвержденный императоромъ Николаемъ. По этому плану цѣлью всего ученія было—сдѣлать будущаго государя человѣкомъ просвѣщеннымъ и всесторонне образованнымъ, сохранивъ его отъ преждевременныхъ увлеченій мелочами военнаго дѣла. Жуковскому удалось осуществить свой планъ. Цесаревичъ много учился и имѣлъ хорошихъ учителей; между прочимъ, знаменитый Сперанскій велъ съ нимъ «бесѣды о законахъ». Домашнія занятія дополнялись образовательными поѣздками. Изъ нихъ особенно памятно было большое путешествіе по Россіи и Западной Сибири (въ 1837 году). Двадцати трехъ лѣтъ цесаревичъ вступилъ въ бракъ съ Маріей Александровною, принцессою Гессенъ-Дармштадтской, съ кото-

рою онъ познакомился во время большого заграничнаго путешествія.

Съ этого времени началась служебная дѣятельность Александра Николаевича. Императоръ Николай систематически знакомилъ сына съ разными отраслями государственнаго управленія и даже поручалъ ему общее руководство дѣлами на время своихъ отъѣздовъ изъ столицы. Въ теченіе десяти лѣтъ наслѣдникъ престола былъ ближайшимъ помощникомъ своего отца и свидѣтелемъ всей его правительственной работы. Императоръ Николай нѣжно относился къ сыну; онъ говорилъ ему предъ самой своею кончиною: «мнѣ хотѣлось, принявъ на себя все трудное, все тяжкое, оставить тебѣ царство мирное, устроенное и счастливое... Провидѣніе судило иначе».

Провидѣніе судило иначе. Императоръ Александръ II вступалъ во власть въ очень тяжкое время. Трудная и неудачная война потрясла государство и требовала большихъ усилій и большого искусства для того, чтобы сохранить честь имперіи и привести дѣло къ хорошему миру. Все вниманіе новаго государя было устремлено въ эту сторону.

§ 158. **Окончаніе Восточной войны.** Послѣ паденія Севастополя осенью 1855 года русскимъ войскамъ удалось достигнуть блестящаго успѣха на Азіатскомъ театрѣ войны. Генераломъ Н. Н. Муравьевымъ была взята важная турецкая крѣпость Карсъ. Побѣда подъ Карсомъ давала Россіи возможность начать переговоры о мирѣ безъ ущерба для чести государства. Съ своей стороны, императоръ Наполеонъ желалъ мира и даже самъ искалъ случая начать переговоры. Въ началѣ 1856 года (при посредствѣ Австріи и Пруссіи) удалось собрать въ Парижѣ конгрессъ европейскихъ дипломатовъ для заключенія мира. Мирный трактатъ былъ подписанъ въ мартѣ 1856 года на условіяхъ, довольно тяжкихъ для Россіи.

По Парижскому трактату Россія получала обратно потерянный ею Севастополь въ обмѣнъ на Карсъ, возвращаемый Турціи. Въ пользу Молдавіи Россія отказалась отъ своихъ владѣній въ устьяхъ Дуная (и такимъ образомъ перестала быть въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Турціей). Россія потеряла право имѣть военный флотъ на Черномъ морѣ [1]);

[1]) Это ограниченіе въ 1871 году, во время Франко-прусской войны, было снято съ себя Россіей.

Черное море было объявлено нейтральнымъ, и проливы Босфоръ и Дарданеллы были закрыты для военныхъ судовъ всѣхъ государствъ. Наконецъ, Россія теряла право покровительства надъ христіанскими подданными Турціи, которые были теперь поставлены подъ протекторатъ всѣхъ великихъ державъ.

Объявляя особымъ манифестомъ о заключеніи мира, императоръ Александръ II заканчивалъ этотъ манифестъ опредѣленнымъ пожеланіемъ внутренняго обновленія Россіи: «да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности»... Въ этихъ словахъ заключалось какъ бы обѣщаніе внутреннихъ реформъ, необходимость которыхъ чувствовалась одинаково какъ правительствомъ, такъ и обществомъ.

Дѣйствительно, вскорѣ же наступила «эпоха великихъ реформъ» императора Александра II. Прежде всего было упразднено крѣпостное право на крестьянъ (1861). Затѣмъ послѣдовали реформа земская и реформа судебная (1864). Было дано новое городовое положеніе (1870). Была введена всеобщая воинская повинность (1874). Кромѣ того, послѣдовалъ рядъ мѣръ по народному образованію, по цензурѣ, по финансамъ. Словомъ, всѣ стороны государственной и общественной жизни подверглись измѣненіямъ; эпоха реформъ охватила всѣ слои русскаго общества.

§ 159. **Крестьянская реформа: освобожденіе крестьянъ.**

1. Восточная война ясно показала отсталость и слабость нашего государства и необходимость внутреннихъ перемѣнъ. Всѣ понимали, что эти перемѣны должны были начаться именно съ крѣпостного права, съ «улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ», какъ тогда принято было выражаться о крестьянскомъ освобожденіи. Нельзя было далѣе оставлять крестьянъ въ безправномъ состояніи рабства. Нельзя было ожидать роста и развитія государственныхъ силъ при господствѣ въ Россіи отжившихъ формъ крѣпостного помѣщичьяго хозяйства.

Вскорѣ послѣ заключенія мира (1856) императоръ Александръ II, бесѣдуя съ дворянскими депутатами въ Москвѣ, сказалъ знаменитыя слова о томъ, что «лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда

оно само собою начнетъ отмѣняться снизу». Эти слова имѣли въ виду неспокойное состояніе крѣпостныхъ, которые ждали освобожденія и волновались годъ отъ году замѣтнѣе и сильнѣе. Слова государя произвели очень большое впечатлѣніе на все русское общество. Обсужденіе крестьянскаго вопроса стало на очередь не только въ правительственныхъ сферахъ, но и въ частныхъ кругахъ. Въ печати и въ обществѣ образовались разныя направленія: въ то время, какъ одни старались по возможности сохранить старый порядокъ и оградить права землевладѣльцевъ, другіе стремились достичь освобожденія крестьянъ съ наилучшими для нихъ условіями. Въ томъ и другомъ направленіи составлялись проекты и записки, отчасти попадавшіе въ печать, отчасти же въ рукописномъ видѣ представляемые правительству. Ранѣе, чѣмъ правительство успѣло приступить къ работамъ по освобожденію крестьянъ, возникли частные проекты освобожденія. Самые основательные изъ нихъ считали необходимымъ совершить освобожденіе крестьянъ съ надѣленіемъ ихъ землею. За такой именно способъ освобожденія высказывались близкія къ государю лица—братъ его, великій князь Константинъ Николаевичъ, и великая княгиня Елена Павловна (вдова великаго князя Михаила Павловича). Благодаря ихъ личному вліянію, къ дѣлу крестьянской реформы были привлечены столь выдающіяся лица, какъ Николай Алексѣевичъ Милютинъ, князь В. А. Черкасскій, Юрій Ѳед. Самаринъ и другіе такіе же горячіе поборники крестьянскихъ интересовъ. За освобожденіе крестьянъ съ землею сталъ и графъ Яковъ Ив. Ростовцевъ, любимецъ государя и его близкій сотрудникъ по управленію военно-учебными заведеніями. Ростовцевъ въ рядѣ письменныхъ и устныхъ докладовъ разъяснилъ государю техническія подробности предстоявшей крестьянской реформы и убѣдилъ его въ необходимости надѣлить крестьянъ землею, чтобы не сдѣлать ихъ безземельными батраками. Такимъ образомъ, самъ государь усвоилъ мысль о желательности земельныхъ надѣловъ для крестьянъ.

2. Внѣшній ходъ крестьянской реформы былъ таковъ. Въ началѣ 1857 года сталъ дѣйствовать «секретный» комитетъ, учрежденный государемъ для обсужденія мѣръ по устройству быта крестьянъ. Комитетъ предположилъ совершить освобожденіе крестьянъ постепенно, безъ крутыхъ и рѣзкихъ переворотовъ. Это не соотвѣтствовало намѣреніямъ импера-

тора Александра, который желалъ скораго и опредѣленнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса. Поэтому, когда въ комитетъ поступило заявленіе дворянъ литовскихъ губерній (Виленской, Ковенской и Гродненской) о желаніи ихъ освободить своихъ крестьянъ безъ земли, то государь приказалъ ускорить обсужденіе этого дѣла. Мнѣнія по данному дѣлу въ комитетѣ раздѣлились; часть членовъ комитета (во главѣ съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ) высказалась за то, чтобы разрѣшить освобожденіе съ землею, а не безъ земли, и притомъ сдѣлать это гласно—такъ, чтобы всѣ узнали о намѣреніи правительства немедля приступить къ преобразованію крестьянскаго быта. Государь одобрилъ это мнѣніе и рескриптъ государя, данный (въ ноябрѣ 1857 года) Виленскому генералъ-губернатору Назимову, возвѣстилъ всему государству о томъ, что реформа началась. Литовскимъ дворянамъ было указано образовать по губерніямъ дворянскіе *губернскіе комитеты* для обсужденія условій освобожденія крестьянъ и составленія проекта «положеній» объ устройствѣ крестьянскаго быта. Правительство ожидало, что, узнавъ объ учрежденіи губернскихъ комитетовъ въ литовскихъ губерніяхъ, дворянскія общества прочихъ губерній сами поймутъ необходимость приступить къ обсужденію условій крестьянской реформы и станутъ ходатайствовать объ устройствѣ у себя такихъ же губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу. Дѣйствительно, изъ разныхъ губерній стали поступать адресы дворянства съ выраженіемъ готовности приняться за улучшеніе быта крестьянъ, и государь разрѣшалъ открытіе въ губерніяхъ губернскихъ комитетовъ, составленныхъ изъ мѣстныхъ дворянъ. Для руководства занятіями этихъ комитетовъ была дана общая для всѣхъ ихъ программа. Для объединенія же всѣхъ мѣръ по крестьянскому дѣлу «секретный» комитетъ былъ преобразованъ въ *главный комитетъ* подъ предсѣдательствомъ самого государя (1858).

Такъ началось обсужденіе крестьянской реформы. Когда губернскіе комитеты изготовили свои проекты положеній объ улучшеніи быта крестьянъ, они должны были представить ихъ на разсмотрѣніе главнаго комитета и прислать въ Петербургъ своихъ депутатовъ для совмѣстнаго обсужденія дѣла въ главномъ комитетѣ. Такъ какъ проекты губернскихъ комитетовъ во многомъ различались между собою, то для ихъ разсмотрѣ-

нія и согласованія была образована при главномъ комитетѣ особая редакціонная комиссія подъ предсѣдательствомъ Я. И. Ростовцева (1859). Комиссія эта по ходу дѣла была раздѣлена на четыре отдѣленія, или четыре *редакціонныя комиссіи*. Въ составъ ихъ вошли какъ чиновники разныхъ министерствъ, такъ и дворяне по приглашенію Ростовцева. Кромѣ того, дворянскіе депутаты изъ губерній дважды вызывались въ Петербургъ для занятій въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Съ ихъ участіемъ комиссіи обсудили всѣ основанія крестьянской реформы и составили проектъ положенія объ освобожденіи крестьянъ. Проектъ этотъ былъ очень благожелателенъ для крестьянъ благодаря стараніямъ прогрессивныхъ членовъ комиссій, Н. А. Милютина, князя Черкасскаго, Ю. Ѳ. Самарина и другихъ. Въ самый разгаръ работъ комиссій ихъ предсѣдатель Я. И. Ростовцевъ скончался и на его мѣсто былъ назначенъ графъ Панинъ. Ростовцевъ былъ горячимъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ; Панина же считали «крѣпостникомъ». Тѣмъ не менѣе, работы редакціонныхъ комиссій продолжались и при Панинѣ въ томъ же духѣ, какъ при Ростовцевѣ. Въ концѣ 1860 года комиссіи окончили свое дѣло и были закрыты. Составленные ими законопроекты были переданы въ главный комитетъ.

Главный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николаевича, разсмотрѣлъ выработанный комиссіями проектъ положенія объ освобожденіи крестьянъ и придалъ ему окончательную форму. Послѣ этого, въ началѣ 1861 года, проектъ былъ внесенъ въ государственный совѣтъ и по желанію государя немедленно разсмотрѣнъ. Государь лично открылъ занятія государственнаго совѣта по крестьянскому дѣлу и въ пространной рѣчи указалъ совѣту, что на уничтоженіе крѣпостного права «есть его прямая воля». Въ исполненіе этой воли совѣтъ разсмотрѣлъ и одобрилъ проектъ закона объ освобожденіи крестьянъ. Въ годовщину своего вступленія на престолъ, 19-го февраля 1861 года, императоръ Александръ подписалъ знаменитый манифестъ объ отмѣнѣ крѣпостного права и утвердилъ «положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости». Великое дѣло «царяосвободителя» было совершено: 5-го марта «воля» была обнародована и принята народомъ спокойно, безъ всякихъ общественныхъ потрясеній.

3. Основанія крестьянской реформы были таковы. Крѣпостное право помѣщиковъ на крестьянъ было отмѣнено навсегда, и крестьяне признаны свободными безо всякаго выкупа въ пользу помѣщиковъ. Государственная власть не видѣла въ этомъ никакого нарушенія правъ помѣщиковъ. Въ своей рѣчи государственному совѣту императоръ Александръ указывалъ на то, что крѣпостное право въ Россіи имѣло государственный характеръ: «право это установлено самодержавною властью, и только самодержавная власть можетъ уничтожить его». Въ то же время земля, на которой жили и работали крестьяне, была признана собственностью помѣщиковъ. Крестьяне освобождались съ тѣмъ, что помѣщики предоставятъ имъ въ пользованіе ихъ усадебную осѣдлость и нѣкоторое количество полевой земли и другихъ угодій («полевой надѣлъ»). Но крестьяне за усадьбу и полевые надѣлы должны были отбывать въ пользу помѣщиковъ повинности деньгами или работою. По закону крестьяне получили право выкупить у помѣщиковъ свои усадьбы и, сверхъ того, могли, по соглашенію со своими помѣщиками, пріобрѣсти у нихъ въ собственность полевые надѣлы. Пока крестьяне пользовались надѣлами, не выкупивъ ихъ, они находились въ зависимости отъ помѣщиковъ и назывались *временно-обязанными* крестьянами. Когда же соглашеніе о выкупѣ было достигнуто (на что предполагался срокъ въ два года), то крестьяне получали полную самостоятельность и становились *крестьянами-собственниками*. Вышедшіе изъ крѣпостной зависимости крестьяне соединялись по мѣсту жительства въ «сельскія общества», изъ которыхъ для ближайшаго управленія и суда составлялись «волости». Въ селахъ и волостяхъ крестьянамъ дано было самоуправленіе по тому образцу, какой былъ установленъ для крестьянъ государственныхъ при графѣ Киселевѣ (§ 151). Въ сельскихъ обществахъ было установлено общинное пользованіе полевою землею, при которомъ крестьянскій «міръ» передѣлялъ землю между крестьянами и всѣ повинности съ своей земли отбывалъ за круговою порукою.

Однимъ изъ самыхъ трудныхъ и сложныхъ вопросовъ въ дѣлѣ крестьянской реформы было опредѣленіе размѣровъ крестьянскаго полевого надѣла. Земледѣліе не вездѣ было главнымъ занятіемъ крестьянъ. Только въ южномъ черноземномъ районѣ крестьяне усиленно пахали и на себя, и на помѣщи-

ковъ, отбывая на барскомъ полѣ тяжелую «барщину». Въ центральныхъ же областяхъ, гдѣ земледѣліе не было прибыльно, крестьяне чаще «ходили на оброкѣ», то-есть занимались промыслами на сторонѣ и вмѣсто барщиннаго труда платили ежегодно помѣщикамъ условленную сумму—оброкъ. На югѣ помѣщику было выгоднѣе отпустить крестьянъ на волю безъ земли, а землю удержать за собою, потому что именно земля тамъ и представляла главную цѣнность. На сѣверѣ же помѣщикамъ была невыгодна потеря именно крестьянскаго оброка, а не земли. Поэтому одни помѣщики старались по возможности уменьшить крестьянскіе земельные надѣлы, а другіе были къ этому равнодушны. Съ другой стороны, въ южныхъ губерніяхъ пахотной земли было много, а населеніе не густо, и потому крестьяне пользовались землею безъ стѣсненій; въ центрѣ же государства, при большомъ ростѣ населенія, сильно чувствовалось малоземелье. Подъ вліяніемъ столь разнообразныхъ мѣстныхъ условій и приходилось опредѣлять размѣры крестьянскаго полевого надѣла особо для каждой «полосы» государства (нечерноземной, черноземной и степной) и для отдѣльныхъ губерній и даже уѣздовъ. Размѣры надѣла опредѣлились отъ 1 до 12 десятинъ на «душу» (то-есть на лицо, записанное въ крестьянахъ за помѣщикомъ по ревизіи). Дворовые же люди, находившіеся въ личномъ услуженіи помѣщикамъ и не пахавшіе земли, освобождались безъ земельнаго надѣла и по прошествіи двухъ лѣтъ временно-обязаннаго состоянія подъ властью помѣщиковъ могли приписаться къ какому-либо сельскому или городскому обществу.

Указанный въ законѣ выкупъ усадебъ и полевыхъ надѣловъ для крестьянъ былъ бы невозможенъ, если бы правительство не пришло на помощь крестьянству—устройствомъ особой «выкупной операціи». Въ положеніи 19-го февраля было опредѣлено, что помѣщики могутъ получать отъ правительства немедленно «выкупную ссуду», какъ только устроены будутъ ихъ земельныя отношенія съ крестьянами и будетъ точно установленъ крестьянскій земельный надѣлъ. Ссуда выдавалась помѣщику доходными процентными бумагами и засчитывалась за крестьянами, какъ казенный долгъ. Крестьяне должны были погасить этотъ долгъ въ разсрочку, въ теченіе 49 лѣтъ, «выкупными платежами».

4. Осуществленіе крестьянской реформы предполагалось путемъ соглашенія между помѣщиками и ихъ крестьянами какъ о размѣрахъ надѣла, такъ и о всякихъ обязательныхъ отношеніяхъ крестьянъ къ ихъ бывшимъ господамъ. Для разбора могущихъ возникнуть недоразумѣній, споровъ и жалобъ была учреждена должность *мировыхъ посредниковъ*, избираемыхъ изъ мѣстныхъ дворянъ. Мировые посредники должны были слѣдить за правильностью и справедливостью сдѣлокъ помѣщиковъ съ ихъ крѣпостными, выходящими на волю. Они наблюдали за ходомъ крестьянскаго самоуправленія въ сельскихъ обществахъ и волостяхъ. Важнѣйшія и сомнительныя дѣла посредники докладывали уѣздному мировому съѣзду, состоявшему изъ мировыхъ посредниковъ всего уѣзда. Общее же руководство дѣломъ крестьянской реформы по губерніямъ было возложено на *губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія*. (Эти присутствія дѣйствовали подъ предсѣдательствомъ губернатора и состояли изъ важнѣйшихъ чиновъ губерніи и представителей мѣстнаго дворянства).

Такъ было совершено великое дѣло отмѣны крѣпостного права. Освобожденіе крестьянъ существенно измѣнило основы русскаго государственнаго и общественнаго быта. Оно создало въ центральныхъ и южныхъ областяхъ Россіи новый многолюдный (21—22 милліона) общественный классъ. Прежде для управленія имъ довольствовались помѣщичьею вотчинною властью. Теперь же управлять имъ должно было государство. Старыя Екатерининскія учрежденія, установившія въ уѣздахъ дворянское самоуправленіе (§ 128), уже не годились для новаго разносословнаго уѣзднаго населенія. Надобно было создать заново мѣстную администрацію и судъ. Крестьянская реформа, такимъ образомъ, неизбѣжно вела къ другимъ преобразованіямъ.

§ 160. **Земское и городское самоуправленіе.** Уже въ 1864 году дано было новое «положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ». Прежніе законы знали только сословное самоуправленіе (§ 128). Теперь созданы были учрежденія всесословныя. Къ завѣдыванію хозяйственными дѣлами каждой губерніи и каждаго уѣзда привлекались выборныя лица отъ населенія. Именно всѣ землевладѣльцы, торговцы и промышленники, обладающіе недвижимыми имуществами опредѣленной цѣнности, а также сельскія общества

получили право избирать изъ своей среды на три года представителей («гласныхъ») въ *уѣздныя земскія собранія.* Эти собранія, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, собираются ежегодно на короткій срокъ для руководства хозяйственными дѣлами уѣзда. Уѣздное земское собраніе избираетъ изъ своей среды *уѣздную земскую управу*, состоящую изъ предсѣдателя и двухъ членовъ. Управа есть учрежденіе постоянное: на основаніи закона и полномочій земскаго собранія она вѣдаетъ всѣ земскія дѣла своего уѣзда. Каждый годъ въ губернскомъ городѣ происходитъ съѣздъ депутатовъ отъ уѣздныхъ земскихъ собраній всей губерніи. Подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства эти депутаты составляютъ *губернское земское собраніе.* Оно имѣетъ своимъ предметомъ общее руководство хозяйственными дѣлами цѣлой губерніи. Для постояннаго веденія этихъ дѣлъ оно избираетъ изъ своей среды *губернскую земскую управу*, состоящую изъ предсѣдателя и нѣсколькихъ членовъ. Дѣятельность земскихъ учрежденій («земствъ») подчинена надзору губернаторовъ и министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ случаяхъ недоразумѣній земствамъ предоставлено обращаться съ жалобами въ сенатъ.

Вѣдѣнію земствъ подлежатъ дѣла по народному образованію, попеченіе о народномъ здравіи, продовольственное дѣло, дорожное дѣло, страховое дѣло, ветеринарное дѣло. Школы, благотворительность, медицинская помощь, устройство дорогъ и мостовъ, взаимное страхованіе отъ огня и прочія земскія дѣла требуютъ большихъ средствъ. Поэтому земствамъ предоставлено право облагать населеніе уѣздовъ сборами и повинностями на земскія нужды, образовывать земскіе капиталы, пріобрѣтать имущества. При своемъ полномъ развитіи земская дѣятельность должна была достичь большой сложности и охватить собою всѣ стороны мѣстной жизни. Такимъ образомъ, новыя формы мѣстнаго самоуправленія не только сдѣлали его всесословнымъ, но и расширили кругъ его полномочій. Ранѣе, до реформъ, всѣмъ уѣздомъ управляла дворянская корпорація, представлявшая собою весь составъ полноправнаго уѣзднаго населенія. Право самоуправленія имѣло тогда въ виду односословные, дворянскіе интересы. Въ новыхъ земствахъ за дворянами было сохранено преобладаніе; но къ участію въ веденіи земскаго хозяйства были привлечены и всѣ прочіе жи-

тели уѣзда, обладающіе имущественнымъ цензомъ, а также и крестьянскія общества. Мѣсто сословныхъ интересовъ заступили общеземскіе нужды и интересы. Самоуправленіе получило столь широкій характеръ, что многими было понято какъ переходъ къ представительному образу правленія. Поэтому со стороны правительства, вскорѣ же по введеніи земскихъ учрежденій, стало замѣтно намѣреніе удерживать дѣятельность земствъ въ кругѣ исключительно мѣстныхъ дѣлъ и не дозволять общенія между собою земскихъ корпорацій различныхъ губерній.

Немногимъ позднѣе земскаго самоуправленія созданы были новыя формы городского самоуправленія. «Городовое положеніе 1870 года» оставило въ силѣ старое раздѣленіе горожанъ на купцовъ съ ихъ гильдіями, ремесленниковъ съ ихъ цехами и т. д. (§§ 109, 128). Независимо отъ этихъ корпорацій, по новому закону всѣ горожане, платящіе городскія повинности съ ихъ земли, торга или промысла, получили право сообща избирать гласныхъ въ *городскую думу*, которая должна была вѣдать городское хозяйство такъ же, какъ земства вѣдали земское хозяйство. Гласные избираютъ изъ своей среды городского голову и членовъ *городской управы*. Дума собирается по мѣрѣ надобности; управа же дѣйствуетъ, какъ постоянный исполнительный органъ думы. Срокъ выборныхъ полномочій въ городахъ—четырехлѣтній. За дѣятельностью городскихъ думъ и управъ наблюдаетъ *губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе* подъ предсѣдательствомъ губернатора.

Не только новый порядокъ управленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и общая перемѣна въ общественномъ строѣ повліяла благотворно на развитіе городской жизни въ Россіи во второй половинѣ XIX вѣка. До крестьянской реформы въ большинствѣ губерній продолжалось господство патріархальныхъ формъ крѣпостного помѣщичьяго хозяйства, сохранявшаго въ себѣ до послѣдняго времени черты хозяйства натуральнаго. Города имѣли мало покупателей и потребителей изъ уѣздовъ, были скудны капиталами; населеніе ихъ не отличалось предпріимчивостью, было бѣдно и невѣжественно. Съ освобожденіемъ крестьянъ оживилась уѣздная жизнь; возникло земство съ его хозяйственными предпріятіями; началась усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ; явилось много торгово-промышленныхъ предпріятій и банковъ. Ростъ хозяйственной жизни государства

отозвался на городахъ самымъ рѣшительнымъ образомъ: города ожили и, пользуясь новымъ самоуправленіемъ, приняли иной видъ. Изъ административныхъ центровъ они стали превращаться въ центры народно-хозяйственной дѣятельности.

§ 161. **Судебная реформа**. Одновременно съ земскою реформою была подготовлена и судебная. Въ 1864 году были изданы новые «судебные уставы», измѣнившіе старыя формы нашего судоустройства и судопроизводства.

Вмѣсто сословныхъ Екатерининскихъ судовъ (§ 128) былъ учрежденъ судъ безсословный, «равный для всѣхъ подданныхъ». Мелкія дѣла были отнесены къ вѣдомству *мирового суда. Мировые судьи*, избираемые уѣздными земскими собраніями и городскими думами, должны были судить въ уѣздахъ и городахъ мелкія уголовныя преступленія и разбирать тяжбы, склоняя по возможности стороны къ примиренію и полюбовному рѣшенію дѣлъ. Недовольные приговоромъ мирового судьи могли жаловаться на него въ мѣстный *съѣздъ мировыхъ судей*. Мировымъ судьямъ было подвѣдомственно все населеніе «мировыхъ участковъ», кромѣ крестьянъ, которымъ были дарованы особые волостные суды для рѣшенія дѣлъ, возникающихъ въ крестьянской средѣ. Для суда по дѣламъ болѣе важнымъ въ губернскихъ городахъ были открыты *окружные суды* съ отдѣленіями уголовными и гражданскими. Дѣла въ нихъ рѣшались судьями (*предсѣдателемъ* и *членами суда*), назначаемыми правительствомъ. По наиболѣе важнымъ уголовнымъ дѣламъ въ составъ суда, сверхъ того, входили *присяжные засѣдатели*, привлекаемые по жребію изъ мѣстнаго населенія. Присяжные засѣдатели рѣшали по совѣсти вопросъ о виновности или невиновности подсудимаго; судьи же на основаніи вердикта присяжныхъ или освобождали его отъ суда, или же приговаривали къ соотвѣтственному наказанію. На рѣшенія окружныхъ судовъ, постановленныя безъ присяжныхъ засѣдателей, можно было приносить жалобы въ *судебныя палаты*, учрежденныя въ важнѣйшихъ городахъ. На рѣшенія же судовъ съ присяжными засѣдателями жалобы направлялись въ *правительствующій сенатъ*. Въ сенатъ же поступали жалобы и на приговоры съѣздовъ мировыхъ судей и судебныхъ палатъ. Такимъ образомъ сенату (его *кассаціоннымъ департаментамъ*) принадлежалъ общій надзоръ за отправленіемъ правосудія въ государствѣ.

При такомъ порядкѣ новые суды, во всѣхъ инстанціяхъ, были обособлены отъ администраціи. Судьямъ была дана несмѣняемость и независимость. Въ суды былъ введенъ общественный элементъ въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей и выборныхъ мировыхъ судей. Приняты мѣры къ ускоренію дѣлопроизводства. Императоръ Александръ съ полнымъ основаніемъ могъ сказать, что даетъ своему государству «судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ».

Въ новыхъ судахъ были измѣнены всѣ основанія судопроизводства. Старые суды не обезпечивали правосудія. Они находились подъ сильнымъ вліяніемъ администраціи и были доступны подкупамъ. Слѣдствіе велось полиціей неумѣло, мѣшкотно; подозрѣваемаго въ преступленіи стращали и истязали, чтобы добиться признанія. Самый судъ происходилъ въ отсутствіи обвиняемаго, на основаніи бумажныхъ свѣдѣній о дѣлѣ. Защиты не существовало. Приговоръ постановлялся не по живому убѣжденію судей, а по формальнымъ соображеніямъ. Жаловаться на приговоръ было трудно. Судебные уставы 1864 года ввели новые порядки. Слѣдствіе о всякомъ дѣлѣ поручается особому *судебному слѣдователю*. Добытый имъ на «предварительномъ слѣдствіи» обвинительный матеріалъ поступаетъ въ судъ. Судъ въ своемъ засѣданіи, въ присутствіи обвиняемаго и присяжныхъ засѣдателей, производитъ новое «судебное слѣдствіе» по дѣлу. У обвиняемаго при этомъ долженъ быть защитникъ изъ опытныхъ адвокатовъ—юристовъ. На судѣ можетъ присутствовать публика. Такимъ образомъ судъ производится устно и гласно. Обвинитель—прокуроръ и адвокатъ—защитникъ принимаютъ всѣ мѣры къ выясненію дѣла и въ концѣ слѣдствія въ особыхъ рѣчахъ выясняютъ присяжнымъ обстоятельства дѣла, первый—въ интересахъ обвиненія, второй—въ интересахъ защиты. Между ними происходитъ какъ бы состязаніе, высшая цѣль котораго — обнаруженіе истины въ дѣлѣ. На основаніи судебнаго слѣдствія присяжные выносятъ свой вердиктъ (послѣ тайнаго совѣщанія), а судъ постановляетъ приговоръ. Въ гражданскихъ дѣлахъ тяжущіяся стороны (истецъ и отвѣтчикъ, или же ихъ повѣренные — адвокаты) представляютъ суду доказательства своей правоты и основанія своихъ исковъ. Судъ, оцѣнивъ объясненія сторонъ, постановляетъ свое рѣшеніе въ пользу той, которую признаетъ

правой. Такимъ образомъ и здѣсь, какъ въ дѣлахъ уголовныхъ, судоговореніе имѣетъ характеръ состязательный.

Судебные уставы 1864 года пользуются прекрасною славою. Они дали государству хорошіе суды, заслужившіе любовь и довѣріе населенія, и положили начало воспитанію нашего общества въ чувствахъ законности. Одновременно съ введеніемъ новыхъ судебныхъ установленій, были отмѣнены разные виды тѣлесныхъ наказаній (розги, плети, шпицрутены, или палки, наложеніе клеймъ на преступниковъ и т. п.).

§ 162. **Всеобщая воинская повинность.** Въ 1874 году данъ былъ уставъ о всеобщей воинской повинности, совершенно измѣнявшій порядокъ пополненія войскъ. При Петрѣ Великомъ всѣ сословія привлекались къ военной службѣ: дворянство поголовно, податныя сословія — поставкою рекрутъ (§ 110). Когда законами XVIII вѣка дворянство постепенно было освобождено отъ обязательной службы, рекрутчина оказалась удѣломъ низшихъ классовъ общества, и притомъ бѣднѣйшихъ, такъ какъ богатые могли откупаться отъ солдатства, нанимая за себя рекрута. Въ такой формѣ рекрутская повинность стала тяжелымъ и ненавистнымъ бременемъ для населенія. Она разоряла бѣдныя семьи, лишая ихъ кормильцевъ, которые, можно сказать, навсегда уходили отъ своихъ хозяйствъ. Срокъ службы (25 лѣтъ) былъ таковъ, что человѣкъ, попавъ въ солдаты, на всю жизнь отрывался отъ своей среды.

По новому закону къ отбыванію воинской повинности призываются ежегодно всѣ молодые люди, достигшіе въ данномъ году 21 года. Правительство опредѣляетъ каждый годъ потребное для войскъ общее число новобранцевъ и по жребію беретъ изъ всѣхъ призывныхъ только это число. Остальные зачисляются въ ополченіе. Взятые въ службу числятся въ ней 15 лѣтъ: 6 лѣтъ въ строю и 9 въ запасѣ. Выйдя изъ полка въ запасъ, солдатъ лишь время отъ времени призывается въ учебные сборы, настолько короткіе, что они не препятствуютъ его частнымъ занятіямъ или крестьянской работѣ. Образованные люди находятся въ строю менѣе 6 лѣтъ, вольноопредѣляющіеся—также. Новая система комплектованія войскъ, по самой идеѣ своей, должна была привести къ глубокимъ перемѣнамъ въ военныхъ порядкахъ. Вмѣсто суровой солдатской муштровки, основанной на взысканіяхъ и наказаніяхъ, вводилось разумное и гуманное воспитаніе солдата, не-

сущаго на себѣ не простую сословную повинность, какъ было раньше, а священный гражданскій долгъ защиты отечества. Кромѣ военной выучки, солдатъ учили грамотѣ и старались развить въ нихъ сознательное отношеніе къ своему долгу и пониманіе своего солдатскаго дѣла. Долговременное управленіе военнымъ министерствомъ графа Д. А. Милютина было ознаменовано рядомъ просвѣтительныхъ мѣропріятій, имѣвшихъ цѣлью насадить военное образованіе въ Россіи, поднять духъ арміи, улучшить военное хозяйство [1]).

§ 163. **Государственное хозяйство**. Военные расходы, вызванные Восточною войною, и предпринятая правительствомъ выкупная операція (§ 159) заставляли выходить изъ рамокъ обыкновеннаго бюджета. Государственныхъ доходовъ не хватало на покрытіе расходовъ; требовались займы для погашенія ежегодныхъ дефицитовъ. Правительство было вынуждено обращаться къ кредиту: оно занимало деньги за границею, прибѣгало къ внутреннимъ (выйгрышнымъ) займамъ и дѣлало новые выпуски кредитныхъ билетовъ все въ большемъ и большемъ количествѣ. Послѣдствія такихъ мѣръ выражались въ томъ, что платежи процентовъ по займамъ очень отягощали бюджетъ, а кредитные билеты стали падать въ цѣнѣ, какъ въ былое время падали ассигнаціи (§ 151). Предъ правительствомъ становилась задача—упорядочить государственное хозяйство, чтобы возстановить равновѣсіе въ бюджетѣ и поднять курсъ бумажныхъ денегъ. Были предприняты нѣкоторыя финансовыя реформы (1863). Установленъ опредѣленный и точный порядокъ составленія ежегодныхъ смѣтъ прихода и расхода по всѣмъ вѣдомствамъ. Общая государственная роспись доходовъ и расходовъ ежегодно публиковалась во всеобщее свѣдѣніе. Введено было «единство кассы», при которомъ движеніе всѣхъ денежныхъ суммъ въ казначействахъ имперіи подчинялось общему распоряженію министерства финансовъ,

---

[1]) Всеобщая воинская повинность отвѣчала двумъ потребностямъ времени. Во-первыхъ, невозможно было оставить старый порядокъ пополненія войска при тѣхъ общественныхъ реформахъ, которыя вели къ уравненію всѣхъ классовъ общества предъ закономъ и государствомъ. Во-вторыхъ, надобно было поставить русское военное устройство въ уровень съ западно-европейскимъ. Въ государствахъ Запада, по примѣру Пруссіи, дѣйствовала всеобщая воинская повинность, превращавшая населеніе въ „вооруженный народъ“ и сообщавшая военному дѣлу значеніе общенароднаго.

тогда какъ прежде каждое министерство имѣло свои особыя кассы и само собирало свои доходы и производило расходы. За правильностью исполненія смѣтъ долженъ былъ слѣдить заново преобразованный государственный контроль (§ 143). Такимъ образомъ достигнута была бóльшая правильность финансоваго управленія и установленъ бóльшій порядокъ въ веденіи государственнаго хозяйства. Но равновѣсіе бюджета достигнуто не было.

Для увеличенія государственныхъ доходовъ былъ принятъ рядъ мѣръ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательна отмѣна винныхъ откуповъ, существовавшихъ у насъ со времени Екатерины II. Старый порядокъ состоялъ въ томъ, что частныя лица покупали у правительства («откупали») право продажи вина въ извѣстномъ округѣ за опредѣленную сумму. По новому порядку, установленному при Александрѣ II, вино могло продавать всякое частное лицо; но все вино, поступавшее въ продажу, облагалось «акцизомъ» (особымъ налогомъ въ пользу казны). Такимъ же акцизомъ были обложены табакъ и соль (также сахаръ). Были увеличены нѣкоторыя таможенныя пошлины. Главнымъ же средствомъ поднять экономическую жизнь страны и государственное хозяйство считалась постройка сѣти желѣзныхъ дорогъ. Не имѣя возможности строить дороги казенными средствами, правительство привлекало къ этому дѣлу на очень льготныхъ условіяхъ частныхъ лицъ и иностранные капиталы. Несмотря на то, что къ желѣзнодорожному строительству устремилось много недобросовѣстныхъ дѣльцовъ, эксплуатировавшихъ казну и дороги для своей наживы, — сѣть желѣзныхъ дорогъ (въ 20 тысячъ верстъ) была сооружена въ скоромъ времени и оказала громадное вліяніе на развитіе русской промышленности и торговли. Въ связи съ постройкою дорогъ нашъ иностранный отпускъ выросъ въ десять разъ; почти такъ же увеличился и ввозъ товаровъ въ Россію. Число торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, фабрикъ и заводовъ, замѣтно умножилось. Явились кредитныя учрежденія — банки, во главѣ которыхъ сталъ государственный банкъ (1860). Россія начала терять характеръ патріархальнаго земледѣльческаго государства. Освобожденный отъ крѣпостной зависимости и другихъ стѣсненій, народный трудъ находилъ себѣ примѣненіе въ разныхъ отрасляхъ промышленности, созданныхъ новыми условіями общественной жизни.

§ 164. **Цензура и печать.** Со вступленіемъ на престолъ императора Александра II были отмѣнены стѣснительныя мѣры относительно цензуры и учебнаго дѣла (§ 151).

Сначала былъ фактически смягченъ цензурный надзоръ за печатью. Цензура была передана изъ министерства народнаго просвѣщенія въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ для нея было образовано особое «главное управленіе по дѣламъ печати». Затѣмъ (1865) былъ данъ законъ о печати, имѣвшій въ виду предоставить отечественной печати возможныя облегченія. По этому закону цензура сохранилась лишь для брошюръ и небольшихъ сочиненій. Толстыя книги (свыше 160 страницъ оригинальныя, свыше 320 страницъ переводныя) могли выходить въ свѣтъ безъ цензуры. Издатели книгъ отвѣчали предъ судомъ, если въ книгахъ заключалось что-либо противозаконное. Журналы и газеты также могли выходить безъ цензуры, съ особаго разрѣшенія власти.

Новый порядокъ далъ печати небывалую до тѣхъ поръ свободу послѣ опеки, которая тяготѣла надъ нею раньше. Время великихъ реформъ произвело въ обществѣ чрезвычайное броженіе, сильно отразившееся и въ печати. Печать отзывалась на каждое правительственное начинаніе, обсуждала всѣ реформы, оцѣнивала ихъ послѣдствія, привѣтствовала созданный реформами новый общественный строй, основанный на демократическомъ безсословномъ началѣ. Общественныя мечты шли дальше намѣреній правительства. Дарованіе мѣстнаго земскаго самоуправленія возбуждало надежды на то, что земство будетъ призвано и къ участію въ управленіи государствомъ; высказывалась мысль о представительномъ правленіи. Паденіе крѣпостной зависимости, уравненіе всѣхъ предъ судомъ, созданіе новыхъ либеральныхъ формъ общественной жизни привели къ небывалой ранѣе свободѣ личности. Чувство этой свободы вело къ желанію развить ее до послѣднихъ предѣловъ. Создались мечты объ установленіи новыхъ формъ семейной и общественной жизни—такихъ, которыя бы обезпечивали полное равенство людей и безусловную свободу каждой отдѣльной личности. Люди, мечтавшіе о такой свободѣ, отрицали весь современный имъ порядокъ жизни и ни въ чемъ не признавали его для себя обязательнымъ; поэтому они и получили названіе «нигилистовъ». (Интересенъ романъ И. С. Тургенева «Отцы и дѣти» съ его героемъ «нигилистомъ» Базаро-

вымъ). Основъ будущаго идеальнаго устройства отрицатели искали въ европейскомъ соціализмѣ, съ которымъ и знакомили русскую публику. Такимъ образомъ создались крайнія, «радикальныя», направленія въ политическихъ и соціальныхъ вопросахъ и образовалась «отрицательная» литература. Развитіе ея доставляло правительству много опасеній. Уже въ началѣ 60-хъ годовъ было признано необходимымъ ограничить свободу журнальной печати. Когда же 4-го апрѣля 1866 года революціонеръ Каракозовъ выстрѣлилъ въ государя у воротъ Лѣтняго сада, то власти очень усилили цензурныя строгости. Однако эта мѣра не остановила умственнаго броженія. Въ нѣкоторой части общества стало зрѣть революціонное настроеніе, требовавшее прямого государственнаго и общественнаго переворота; мало-по-малу сложились революціонные кружки, обнаружившіе свою разрушительную дѣятельность уже въ 70-хъ годахъ.

§ 165. **Народное просвѣщеніе.** Въ самомъ началѣ своего царствованія императоръ Александръ II отмѣнилъ тѣ стѣснительныя мѣры, которыя были приняты въ отношеніи учебныхъ заведеній въ послѣдніе годы императора Николая I (§ 151). Преподаваніе въ университетахъ получило больше свободы; комплекты студентовъ были уничтожены; мало того, былъ открытъ доступъ въ университеты вольнослушателямъ. Въ 1863 году данъ былъ общій уставъ университетовъ, по которому професcорская корпорація получила самоуправленіе. Совѣтъ профессоровъ въ каждомъ университетѣ избиралъ всѣхъ университетскихъ должностныхъ лицъ и завѣдывалъ хозяйствомъ университета; попечителю учебнаго округа принадлежало только наблюденіе за законностью дѣйствій совѣта. Но учащіеся въ университетѣ студенты разсматривались, какъ отдѣльные посѣтители, не имѣющіе права на корпоративное устройство. Такое положеніе учащихся давало имъ поводы къ неудовольствію и «студенческимъ безпорядкамъ», составлявшимъ одно изъ частыхъ и печальныхъ явленій той эпохи.

Министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Д. А. Толстымъ проведена была и реформа средней школы. Въ началѣ царствованія императора Александра II (при министрѣ А. В. Головнинѣ) доступъ въ гимназіи былъ открытъ для дѣтей «всѣхъ состояній, безъ различія званія и вѣроисповѣданія». Самыя гимназіи были двоякаго типа: классическія (съ древ-

ними языками) и реальныя (безъ древнихъ языковъ, съ преобладаніемъ естествознанія). Графъ Толстой (поддерживаемый извѣстнымъ въ то время публицистомъ Катковымъ) находилъ, что реальное образованіе есть «одна изъ важныхъ причинъ такъ сильно охватившаго наше учащееся юношество матеріализма, нигилизма и самаго пагубнаго самомнѣнія». Средствомъ борьбы съ этимъ зломъ министръ считалъ установленіе строго-классической системы образованія въ гимназіяхъ. Въ 1871 году онъ составилъ новый уставъ гимназій, одобренный государемъ. Классическая гимназія сдѣлана была единственнымъ типомъ общеобразовательной и всесословной средней школы, питомцы которой одни имѣли право поступленія въ университеты. Реальныя гимназіи были замѣнены «реальными училищами»; цѣль ихъ была въ томъ, чтобы доставлять учащемуся юношеству всѣхъ состояній общее образованіе, приспособленное къ практическимъ потребностямъ и къ пріобрѣтенію техническихъ познаній. Реформою гр. Толстого было создано полное преобладаніе классической школы въ государствѣ.

Одновременно съ реформою мужской средней школы шли мѣропріятія въ области женскаго образованія. До времени императора Александра II для дѣвицъ существовали только институты и частные пансіоны; въ нихъ получали образованіе почти исключительно дворянки. Съ конца 50-хъ годовъ начинаютъ возникать женскія гимназіи для приходящихъ ученицъ всѣхъ сословій. Сначала эти гимназіи основывались въ вѣдомствѣ учрежденій императрицы Маріи, а затѣмъ и въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. Параллельно съ ними въ духовномъ вѣдомствѣ, для дочерей лицъ духовнаго званія, стали открываться женскія епархіальныя училища съ соотвѣтствующимъ курсомъ. Такимъ образомъ въ царствованіе императора Александра II дѣло женскаго образованія было поставлено широко. Естественно рождалась мысль о возможности и высшаго образованія для женщинъ [1]).

---

[1]) Первую попытку въ этомъ направленіи сдѣлалъ начальникъ петербургскихъ женскихъ гимназій Н. А. Вышнеградскій; по его мысли, при женскихъ гимназіяхъ были основаны „педагогическіе женскіе курсы“ для приготовленія преподавательницъ (1863). Затѣмъ кружкомъ передовыхъ женщинъ, при содѣйствіи профессора К. Н. Бестужева-Рюмина (1878), были открыты „высшіе женскіе

Въ университетскихъ городахъ стали возникать по частному почину высшіе женскіе курсы, и такимъ образомъ вопросъ о высшемъ образованіи женщинъ получилъ успѣшное разрѣшеніе.

Въ отношеніи низшаго, начальнаго или народнаго, образованія въ царствованіе императора Александра II достигнуты были большіе результаты. Созданъ былъ, кромѣ стараго типа начальныхъ народныхъ училищъ—церковно-приходскихъ школъ, новый типъ свѣтской начальной школы, перешедшей на попеченіе земствъ. Къ концу царствованія Александра II народныя школы считались уже десятками тысячъ и составляли одну изъ самыхъ важныхъ заботъ земства. Для приготовленія учителей въ начальныя школы какъ министерство народнаго просвѣщенія, такъ и земства устраивали «учительскія семинаріи». Несмотря, однако, на рядъ усилій поднять народную грамотность, въ эпоху реформъ она стояла еще на низкомъ уровнѣ.

§ 166. **Нѣкоторыя послѣдствія произведенныхъ реформъ.** Таковъ былъ кругъ великихъ преобразованій императора Александра II. Основная реформа его царствованія — освобожденіе крестьянъ—внесла коренную перемѣну въ русскій общественный порядокъ и необходимо повлекла за собою остальныя реформы. Съ паденіемъ крѣпостного права пали прежнія формы преобладанія дворянства въ русской жизни, созданныя законами императрицы Екатерины II (§ 128). Въ дореформенной Россіи дворянское сословіе было господствующимъ какъ въ мѣстной жизни, такъ и въ правительственномъ управленіи. Въ уѣздахъ землевладѣльческое дворянство правило всѣми дѣлами безраздѣльно; всѣ правительственныя должности замѣщались въ губерніяхъ и въ столицѣ чиновниками изъ дворянъ; другіе классы населенія въ государственной жизни не пользовались никакимъ значеніемъ. Съ отмѣною же крѣпостного права, въ уѣздахъ, рядомъ съ дворянскими обществами, создались крестьянскія сельскія общества; появились землевладѣльцы и изъ горожанъ. Оживилась дѣятельность торгово-промышленная; города расцвѣли съ освобожденіемъ крестьянъ

курсы" („бестужевскіе") въ Петербургѣ. Наконецъ, въ Петербургѣ же существовали нѣкоторое время (съ 1872 года) медицинскіе женскіе курсы для женщинъ-врачей.

(потому что паденіе крѣпостныхъ хозяйствъ и освобожденіе крестьянскаго труда создало для городскихъ рынковъ новыхъ потребителей, открыло новыя сферы для предпріимчивости, привлекло рабочія руки). Между городами и уѣздами создались новыя связи, уничтожавшія прежнюю сословную разобщенность. Жизнь получила характеръ безсословный и демократическій.

За такимъ направленіемъ жизни слѣдовало законодательство, создавая всесословные суды, всесословное земство, всесословную школу, всеобщую воинскую повинность. На дворянство, какъ на образованную среду, правительство возлагало руководство новымъ земскимъ самоуправленіемъ; изъ дворянъ попрежнему назначались высшіе чиновники. Но это уже не былъ старый порядокъ, при которомъ дворянству по праву принадлежало господство въ государствѣ. Дворянство было теперь только первымъ изъ прочихъ граждански-равноправныхъ общественныхъ классовъ. Утративъ свое исключительно льготное положеніе вслѣдствіе реформы, дворянство пережило вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелый матеріальный кризисъ. Оно въ большинствѣ не смогло перейти отъ старыхъ формъ хозяйства при даровомъ крѣпостномъ трудѣ на новыя формы съ трудомъ наемнымъ и потому разорилось и потеряло массу своихъ земель, перешедшихъ въ крестьянскія и купеческія руки.

Такимъ образомъ, упадокъ дворянства и демократизація общества были первымъ послѣдствіемъ реформъ 60-хъ годовъ XIX-го столѣтія.

Вторымъ послѣдствіемъ реформъ было умственное броженіе радикальнаго политическаго характера. Преобразованіе государственнаго и общественнаго строя, предпринятое императоромъ Александромъ II, не имѣло въ виду измѣнить въ Россіи образъ правленія и ввести политическое представительство. За дарованіемъ новыхъ учрежденій, судебныхъ и земскихъ, въ которыхъ дѣйствовали выборные представители общества, не послѣдовало политической реформы, которая бы привлекла этихъ представителей общества къ высшему управленію государствомъ. Напротивъ, въ концѣ 60-хъ годовъ правительство усвоило охранительную политику. Между тѣмъ, возбужденное рядомъ глубокихъ перемѣнъ, русское общество не могло скоро успокоиться. Нѣкоторая часть его, не довольствуясь совершенными преобразованіями, мечтала о насильственномъ переходѣ

къ конституціонному правленію и даже о соціальномъ переворотѣ. Въ 70-хъ годахъ XIX вѣка въ разныхъ городахъ стали образовываться революціонные кружки, поставившіе себѣ цѣлью распространеніе въ народѣ соціалистическихъ идей и подготовку революціи. Дѣятельность этихъ кружковъ вызывала преслѣдованіе со стороны властей, но наказанія, постигавшія агитаторовъ, не могли подавить движенія. Напротивъ, оно принимало все болѣе и болѣе крайній характеръ. Одна изъ революціонныхъ организацій, малолюдная, но очень крайняя (усвоившая себѣ названіе «земли и воли», а позже «народной воли»), желала достигнуть своей цѣли — революціоннаго переворота — путемъ «террора», то-есть ряда насильственныхъ актовъ противъ правительственныхъ лицъ. Въ концѣ 70-хъ годовъ начались покушенія и на жизнь самого государя. Россія такимъ образомъ вступила въ періодъ тяжелой внутренней смуты.

§ 167. **Польское возстаніе 1863 года**. Въ теченіе четверти вѣка послѣ польскаго возстанія 1831 года Польскія области были спокойны. Конечно, поляки-патріоты не могли помириться съ потерею политической автономіи. При первой же возможности они должны были проявить свое недовольство порядкомъ вещей, установившимся въ Царствѣ Польскомъ послѣ подавленія неудачнаго мятежа (§ 153). Благопріятная минута для этого наступила съ воцареніемъ императора Александра II. Тяжелый режимъ намѣстника Польши, «князя Варшавскаго» — Паскевича, былъ тогда смягченъ. Польскимъ эмигрантамъ было разрѣшено вернуться въ Царство; дана амнистія сосланнымъ за мятежъ въ Сибирь полякамъ. Однимъ этимъ было уже поднято настроеніе польскаго общества. Видя начало реформъ въ Россіи, оно стало ждать и требовать реформъ у себя. Правительство не было чуждо мысли произвести въ Польшѣ преобразованія. Руководясь совѣтами польскаго патріота, маркиза Вѣліопольскаго, государь далъ Царству Польскому самоуправленіе (1861). Во главѣ польской администраціи былъ поставленъ самъ Вѣліопольскій. Намѣстникомъ же Царства былъ назначенъ великій князь Константинъ Николаевичъ, сторонникъ либеральныхъ преобразованій въ Польшѣ. Но мысль Вѣліопольскаго — спасти порядокъ въ Польшѣ посредствомъ умѣренной реформы — совершенно не удалась. Патріоты польскіе не пошли за Вѣліопольскимъ. Они, въ расчетѣ на уступ-

чивость русскаго правительства, требовали возстановленія государственной независимости и старыхъ границъ Польши до Западной Двины и Днѣпра. Дѣло шло къ открытому мятежу. На жизнь великаго князя было сдѣлано покушеніе; насильственнымъ нападеніямъ подвергся и Вѣлiопольскій. Наконецъ, въ январѣ 1863 года разразился бунтъ. Въ условленный день въ разныхъ мѣстахъ Польши и Литвы банды «повстанцевъ» напали на русскія войска, и началась война. Мятежомъ руководилъ тайный комитетъ съ именемъ «ржонда народоваго», то-есть народнаго правительства. Онъ держалъ въ страхѣ всю страну системою террора и казнями лицъ, шедшихъ противъ возстанія.

Мятежъ повелъ къ тому, что политика Вѣлiопольскаго была оставлена. Рѣшено было подавить мятежъ крутыми мѣрами. Въ Царствѣ Польскомъ это было поручено новому намѣстнику, графу Бергу, а въ Литвѣ—Мих. Никол. Муравьеву. Муравьевъ быстро справился съ своею задачею. Съ твердостью и безпощадностью, доходившею до жестокости, онъ преслѣдовалъ мятежниковъ; съ чрезвычайной настойчивостью и послѣдовательностью онъ защищалъ русское населеніе своего края отъ вліянія и насилій революціоннаго польскаго элемента. Въ полгода онъ задавилъ мятежъ въ своемъ краѣ, снискавъ себѣ жгучую ненависть поляковъ и грозную славу среди западно-русскаго населенія, имъ поднятаго и ободреннаго. Въ Царствѣ Польскомъ дѣло подавленія возстанія шло медленнѣе. Но и тамъ къ лѣту 1864 года былъ водворенъ порядокъ; вожаки движенія частью были захвачены, а частью бѣжали за границу.

Въ разгаръ мятежа (въ апрѣлѣ 1863 года) послы Англіи, Франціи и Австріи обратились къ русскому министру иностранныхъ дѣлъ, князю А. М. Горчакову, съ заявленіемъ, что ихъ правительства надѣются на скорое дарованіе прочнаго мира польскому народу. Это было вмѣшательство во внутреннія дѣла Россіи. Лѣтомъ 1863 года оно повторилось со стороны многихъ европейскихъ державъ, при чемъ Франція и Англія требовали созванія европейской конференціи по польскому вопросу для того, чтобы совмѣстно обсудить будущее устройство Царства Польскаго. Россіи, недавно пережившей Восточную войну, грозила, въ случаѣ отказа отъ предлагаемой конференціи, опасность возбудить противъ себя новую евро-

пейскую коалицію. Однако императоръ Александръ II приказалъ князю Горчакову отвѣтить твердымъ отказомъ и протестомъ противъ сторонняго вмѣшательства въ дѣла Россіи. Отвѣтъ князя Горчакова былъ опубликованъ и вызвалъ въ русскомъ обществѣ живѣйшее сочувствіе. При первыхъ же слухахъ о вмѣшательствѣ державъ всѣ слои русскаго общества обнаружили высокій подъемъ патріотическаго чувства [1]). Мужественный отвѣтъ, данный государемъ на представленія европейскихъ державъ, вызвалъ въ обществѣ восторженный откликъ. Державы могли убѣдиться въ томъ, что въ Россіи народилось общественное мнѣніе и что оно оказываетъ власти могучую нравственную помощь. Быть можетъ, въ этомъ была главная причина, почему европейская дипломатія не повела далѣе своего вмѣшательства и предоставила Польшу ея участи.

Вслѣдъ за усмиреніемъ мятежа послѣдовало переустройство Царства Польскаго. Самое названіе Царства было уничтожено. Раздѣленное заново на 10 губерній, Царство получило наименованіе «Привислинскаго края». Въ краѣ, прежде всего, была проведена крестьянская реформа на основаніяхъ, близкихъ къ «положеніямъ 19-го февраля 1861 года» (§ 159) [2]). Въ Польскихъ губерніяхъ была введена общерусская администрація, съ дѣлопроизводствомъ на русскомъ языкѣ. Русскій языкъ сталъ обязательнымъ и въ школахъ. Привислинскій край былъ занятъ большимъ количествомъ войскъ. Наконецъ, послѣдніе представители уніи въ Холмской епархіи (Люблинской губерніи) были присоединены къ православію (1875). Такимъ

---

[1]) Выразителемъ его, наиболѣе яркимъ и рѣшительнымъ, явился московскій публицистъ М. Н. Катковъ; своими статьями о польскомъ вопросѣ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" онъ много содѣйствовалъ тому, что русское общество стало сознательно относиться къ польскимъ притязаніямъ и горячо поддержало правительство въ борьбѣ съ мятежомъ.

[2]) Крестьяне были освобождены съ землею, и выкупъ ихъ земли былъ произведенъ немедленно, безъ „временно-обязанныхъ" отношеній къ помѣщикамъ. Крестьянамъ было даровано самоуправленіе въ сельскихъ гминахъ (волостяхъ). Устройство крестьянскаго дѣла въ Польшѣ было возложено на Н. А. Милютина, виднѣйшаго дѣятеля крестьянской реформы въ Россіи, и проведено имъ съ его друзьями и сотрудниками (княземъ Черкасскимъ, Ю. Самаринымъ и др.). Цѣлью крестьянской реформы въ Польскихъ губерніяхъ было привязать къ Россіи низшіе классы польскаго населенія и въ нихъ получить опору для русской власти. Другіе классы польскаго общества были лишены самоуправленія.

образомъ послѣдовало уничтоженіе всѣхъ особенностей, отличавшихъ Польшу въ порядкѣ самоуправленія отъ прочихъ частей имперіи. Таковы были послѣдствія возстанія.

Въ Западныхъ губерніяхъ, гдѣ коренное населеніе, русское или литовское, подвергалось ополяченію и отчасти было увлечено въ мятежъ, послѣ подавленія мятежа началась усиленная работа М. Н. Муравьева надъ уничтоженіемъ польскаго преобладанія. Онъ хотѣлъ достигнуть того, «чтобы не было и малѣйшаго повода опасаться, что край можетъ когда-либо сдѣлаться польскимъ». Съ этою цѣлью онъ желалъ въ краѣ «упрочить и возвысить русскую народность и православіе», «поддержать русское духовенство», въ администрацію допускать лишь русскихъ людей, создать русскую колонизацію и русское землевладѣніе въ краѣ и всячески устранять изъ края враждебный Руси польскій элементъ. Рядъ мѣръ, проведенныхъ въ этомъ духѣ, подорвалъ силу польскаго вліянія и уничтожилъ внѣшніе признаки польскаго преобладанія въ Западныхъ и Юго-западныхъ губерніяхъ. Преслѣдованіе польскихъ помѣщиковъ и польскаго духовенства за прикосновенность къ мятежу, гоненіе на польскій языкъ въ школахъ и публичныхъ мѣстахъ создали Муравьеву репутацію деспота въ тѣхъ кругахъ, которые отъ него терпѣли. Но русскіе дѣятели, трудившіеся вмѣстѣ съ Муравьевымъ для русскаго дѣла въ Западномъ краѣ, сохранили глубокое уваженіе къ его патріотизму, уму, твердости и прямотѣ, съ которыми онъ стремился къ обрусѣнію ввѣреннаго ему края.

§ 168. **Дѣла въ Азіи и на Кавказѣ.** Въ царствованіе императора Александра II Россія пріобрѣла въ Азіи значительныя пространства земли.

На Дальнемъ Востокѣ путемъ дипломатическихъ переговоровъ съ Китаемъ была пріобрѣтена уступленная Китаю при царевнѣ Софьѣ (§ 99) обширная Амурская область (по Айгунскому договору 1858 года, заключенному графомъ Н. Н. Муравьевымъ-Амурскимъ); а затѣмъ присоединенъ былъ Уссурійскій край (по договору графа Игнатьева въ Пекинѣ въ 1860 г.). Такимъ образомъ для русской колонизаціи открыты были оба берега Амура и было пріобрѣтено устье этой важной рѣки. Далѣе, въ обмѣнъ на Курильскіе острова, отъ японцевъ была получена южная половина о. Сахалина. Пустынная сѣверо-западная оконечность Американскаго материка (Аляска), при-

надлежавшая Россіи по праву первой заимки, была тогда же уступлена Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ за 7 милліоновъ долларовъ.

Въ Средней Азіи (Туркестанѣ, Туранѣ) была твердо укрѣплена русская власть. Въ Среднеазіатской низменности существовали тогда три мусульманскія ханства: *Коканъ*—на правомъ берегу рѣки Сыръ-Дарьи, *Бухара*—между рр. Сыръ-Дарьей и Аму-Дарьей, *Хива*—на лѣвомъ берегу р. Аму-Дарьи. Въ зависимости отъ нихъ находились частью осѣдлые, частью кочующіе (тюрко-монгольскіе) народцы: киргизы, туркмены, узбеки и т. д. Окруженныя песками и степями, Среднеазіатскія ханства были трудно уязвимы. Пользуясь выгодами своего положенія, коканцы, бухарцы и хивинцы издавна не только торговали съ Русью дорогими азіатскими товарами, но и грабили пограничныя русскія мѣста, уводя въ пески русскихъ плѣнниковъ. При Петрѣ Великомъ начались попытки русскаго правительства взять подъ свое главенство Среднюю Азію. Хотя Хивинскіе ханы и изъявляли Петру Великому на словахъ покорность и просили его помощи въ своихъ междоусобіяхъ, однако при случаѣ истребляли русскіе отряды, отправляемые къ нимъ. (Такъ, въ 1717 году погибъ цѣлый отрядъ князя Бековича-Черкасскаго). Приходилось медленно приближаться къ враждебнымъ ханствамъ, строя въ степяхъ и пескахъ укрѣпленія для защиты колонизуемыхъ русскими окраинъ. Наступленіе велось съ двухъ сторонъ: съ сѣвера—отъ Сибири и р. Урала, и съ запада—отъ Каспійскаго моря. Главными опорными пунктами для этого наступленія въ XVIII вѣкѣ были города: Оренбургъ, Орскъ, Семипалатинскъ—съ сѣвера, Красноводскъ при Каспіи—съ запада. Въ серединѣ XIX вѣка киргизы сѣвернаго Туркестана были уже покорены, и русскіе отряды стали прочно на р. Сыръ-Дарьѣ (крѣпость Перовскъ) и на лѣвомъ берегу р. Или (г. Вѣрный). А затѣмъ началось покореніе самыхъ ханствъ.

Въ 60-хъ годахъ генералы Веревкинъ и Черняевъ начали наступленіе на Коканъ и взяли важнѣйшіе города этого ханства, Туркестанъ и Ташкентъ. Лишенный части своихъ владѣній, Коканскій ханъ былъ приведенъ въ полную зависимость отъ Россіи. Когда же въ 70-хъ годахъ въ Коканѣ началось, на почвѣ религіознаго фанатизма, мятежное движеніе противъ русскихъ, то русскія войска подъ начальствомъ ге-

нерала Скобелева подавили возстаніе и завладѣли всѣмъ ханствомъ (1876). Оно было обращено въ Ферганскую область. Съ Бухарою началась война вскорѣ послѣ первыхъ столкновеній съ Кокaномъ. Часть Бухарскихъ земель съ городомъ Самаркандомъ была присоединена къ Россіи (1868); въ остальной же части ханъ сохранилъ свою власть подъ русскимъ протекторатомъ, при условіи уничтоженія рабства и открытія Бухарскихъ рынковъ для русскихъ купцовъ. Въ 1873 году настала очередь и Хивѣ. Послѣ труднѣйшаго похода черезъ безводные пески русскіе отряды, направленные съ трехъ сторонъ (отъ Каспійскаго моря, отъ Самарканда и съ Сыръ-Дарьи), подошли къ Хивѣ и взяли этотъ городъ. Хивинскій ханъ сдался генералу Кауфману. Хану была оставлена часть его владѣній въ полной зависимости отъ Россіи. Такимъ образомъ былъ положенъ конецъ многовѣковому безначалію, какое господствовало въ Средней Азіи. Оставалось только умиротворить полукочевыя разбойничьи племена туркменъ, что и было достигнуто въ короткій срокъ. Продвигаясь къ Персидскимъ, Афганскимъ и Китайскимъ границамъ, русскіе отряды постепенно усмиряли безпокойное туземное населеніе. Въ особенности сильный ударъ былъ нанесенъ генераломъ Скобелевымъ тукменскому племени «теке» взятіемъ ихъ крѣпости Геокъ-тепе (1881). Когда русскія войска продвинулись до Афганистана и приблизились къ предѣламъ Британской Индіи, англійская дипломатія проявила большое безпокойство. Сосѣдство русскихъ съ Индостаномъ казалось угрозою для англійской власти надъ индійскими племенами и Афганистаномъ. Поэтому англичане стремились всѣми средствами сдержать движеніе русскихъ въ Средней Азіи и ставили Россіи рядъ дипломатическихъ требованій. Переговоры принимали по временамъ тревожный характеръ, но до войны дѣло не дошло. Движеніе Россіи не могло быть остановлено до тѣхъ поръ, пока ею не были достигнуты твердыя границы и пока не былъ водворенъ прочный порядокъ среди безпокойныхъ и некультурныхъ среднеазіатскихъ племенъ. Культурная работа русскихъ въ Средней Азіи составляетъ одну изъ славнѣйшихъ страницъ въ исторіи царствованія императора Александра II.

На Кавказѣ въ царствованіе императора Александра II было достигнуто окончательное замиреніе. Мюридизмъ (§ 152), получившій наибольшее развитіе въ началѣ дѣятельности имама

Шамиля, сталъ затѣмъ быстро падать по мѣрѣ того, какъ остывалъ религіозный порывъ, его вызвавшій. Власть Шамиля на время объединила горскіе народцы восточнаго Кавказа, но не въ силахъ была образовать изъ нихъ прочнаго союза. Когда намѣстникъ Кавказа, князь А. И. Барятинскій, началъ (1857) систематическое наступленіе противъ Шамиля въ горы Дагестана, многіе приверженцы стали покидать Шамиля и населеніе нѣкоторыхъ ауловъ легко подчинялось русскимъ. Въ три года князю Барятинскому удалось покорить весь восточный Кавказъ (отъ Военно-грузинской дороги до Каспійскаго моря). Геройское сопротивленіе Шамиля было сломлено; самъ Шамиль, осажденный въ аулѣ Гунибъ, сдался въ плѣнъ и былъ увезенъ въ Россію (1859). Оставалось еще замирить западный Кавказъ, прилегающій къ Черному морю. Русскія войска кольцомъ охватили области «немирныхъ» черкесовъ и вытѣсняли жителей мятежныхъ ауловъ изъ горъ на равнину и морской берегъ. Черкесамъ предоставляли или селиться на указанныхъ русскими мѣстахъ, или же уѣзжать въ Турцію. До 200.000 горцевъ выѣхало съ Кавказа, переселяясь въ Турцію; остальные покорились русской власти. Кавказъ такимъ образомъ былъ окончательно замиренъ (1864).

§ 169. **Турецкая война и Берлинскій конгрессъ.** Послѣ Парижскаго мира 1856 года (§ 158) «восточный вопросъ» для Россіи не потерялъ своей остроты. Русское правительство не могло отказаться отъ стараго права покровительства и защиты православныхъ подданныхъ султана, тѣмъ болѣе, что другія державы, пріобрѣтя право протектората надъ балканскими славянами, мало заботились объ устройствѣ ихъ быта и объ охранѣ ихъ безопасности. Нежеланіе турокъ смягчить свое управленіе въ славянскихъ областяхъ, заселенныхъ сербами и болгарами, вело за собою вмѣшательство русской дипломатіи. Это вмѣшательство озлобляло турокъ и вызывало безпокойство и ревность со стороны Англіи, такъ какъ Англія боялась соперничества Россіи въ Турціи, какъ боялась его и въ Средней Азіи. Такимъ образомъ мало-по-малу создалась постоянная непріязнь между Россіей и Англіей по поводу балканскихъ дѣлъ и тайная поддержка турокъ англичанами. Вступаясь въ турецкія дѣла, Россія всегда имѣла противъ себя Англію.

Положеніе на Востокѣ обострилось въ 1875 году, когда вспыхнуло противъ турокъ возстаніе въ населенныхъ сербами

турецкихъ областяхъ Босніи и Герцеговинѣ, а затѣмъ и въ Болгаріи. Возстаніе возникло вслѣдствіе притѣсненій при сборѣ податей. Турки подавляли его съ неимовѣрными жестокостями, но безуспѣшно. Турецкія звѣрства вызывали негодованіе противъ турокъ и сочувствіе возставшимъ со стороны княжествъ Черногоріи и Сербіи. Несмотря на попытки державъ погасить возбужденіе, Черногорія и Сербія открыто (1876) начали войну съ Турціей. Во главѣ сербскихъ войскъ дѣйствовалъ отставной русскій генералъ Черняевъ (покоритель Ташкента). Вторгнувшись въ предѣлы Турціи, онъ, однако, не могъ одолѣть турокъ и долженъ былъ отойти обратно къ границамъ Сербіи. Тамъ на крѣпкихъ позиціяхъ (у г. Алексинца) Черняевъ геройски удерживалъ наступленіе турецкой арміи въ теченіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ и только осенью 1876 года былъ отброшенъ назадъ. Въ эту минуту Россія потребовала отъ турокъ прекращенія военныхъ дѣйствій и тѣмъ спасла Сербію отъ окончательнаго разгрома.

Страданія балканскихъ славянъ подъ игомъ турокъ и самоотверженная борьба черногорцевъ и сербовъ за своихъ угнетенныхъ братьевъ вызвали въ русскомъ обществѣ необыкновенное возбужденіе. Громко и рѣшительно высказывалось сочувствіе борцамъ за національное освобожденіе. Особые «славянскіе комитеты» собирали пожертвованія въ пользу возставшихъ. Въ разныхъ городахъ формировались отряды «добровольцевъ» и спѣшили на помощь сербамъ, въ армію Черняева. Желаніе помочь «братьямъ-славянамъ» охватило все русское общество. Послѣ могучаго подъема патріотическихъ чувствъ по поводу польскаго мятежа 1863 года это было второе, столь же могучее выраженіе народныхъ чувствъ во имя славянскаго единенія. Общественное движеніе увлекло правительство къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ Турціи, не желавшей дать самоуправленіе и амнистію возставшимъ. Россія повела дѣло къ тому, чтобы созвать европейскую конференцію и общими силами державъ повліять на турокъ. Конференція европейскихъ дипломатовъ состоялась въ Константинополѣ въ началѣ 1877 года и потребовала отъ султана прекращенія звѣрствъ и немедленныхъ реформъ для славянскихъ провинцій. Султанъ послѣ долгихъ переговоровъ и объясненій отказался слѣдовать указаніямъ конференціи. Тогда императоръ Александръ II объявилъ Турціи войну

(12-го апрѣля 1877 года). Княжество Румынія (образованное въ 1859 году изъ Молдавіи и Валахіи) не только согласилось пропустить чрезъ свои земли русскія войска къ Дунаю, но и само объявило войну Турціи.

Къ лѣту русская армія подъ начальствомъ великаго князя Николая Николаевича была уже на берегахъ Дуная и совершила (15-го іюня) переправу за Дунай у Си́стова. Передовой русскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Гу́рко быстро дошелъ отъ Дуная до Балканскихъ горъ и овладѣлъ горными проходами на югъ (Ши́пкинскимъ переваломъ и др.). Но здѣсь пока прекратились русскіе успѣхи. Турки успѣли собраться съ силами и остановили генерала Гурко; а турецкій генералъ Осма́нъ-паша́ засѣлъ на правомъ флангѣ русской арміи, въ укрѣпленномъ лагерѣ при городѣ Пле́внѣ, и производилъ оттуда вылазки. Русскимъ предстояло прежде всего справиться съ Плевною; безъ этого нельзя было идти за Балканы. Генералу Гурко было поэтому приказано отойти назадъ. На Шипкинскомъ перевалѣ оставленъ былъ генералъ Раде́цкій, геройски отражавшій всѣ попытки турокъ овладѣть Ши́пкою. Съ востока защищалъ русскія позиціи отрядъ наслѣдника цесаревича Александра Александровича. Главныя же русскія силы приступили къ осадѣ Плевны, въ которой сосредоточилась значительная турецкая армія. Дѣло затянулось надолго, до прибытія сильныхъ подкрѣпленій изъ Россіи.

Такая же задержка произошла и на Азіатскомъ театрѣ войны. Русскіе отряды, бывшіе подъ общимъ начальствомъ великаго князя Михаила Николаевича, начали было весною 1877 года наступленіе къ Батуму и Карсу, но были остановлены неожиданно энергичнымъ сопротивленіемъ турокъ (подъ начальствомъ Мухта́ра-паши́). Пришло́сь пріостановить военныя операціи до прихода подкрѣпленій и кое-гдѣ отступить предъ напоромъ турокъ. Только осенью удалось русскимъ разбить турокъ, осадить Карсъ и взять его (16-го ноября), послѣ чего русскія войска быстро дошли до Эрзерума и зимовали въ виду этого города.

Почти одновременно со взятіемъ Карса былъ достигнутъ рѣшительный успѣхъ и подъ Плевной. Съ прибытіемъ на театръ войны русской гвардіи, удалось окружить Плевну желѣзнымъ кольцомъ русскихъ войскъ. Попытка Османа-паши пробиться сквозь русскіе ряды была отбита, и 28-го ноября Плевна

сдалась. Одушевленныя этою побѣдою русскія войска не прекратили на зиму военныхъ дѣйствій. Рѣшено было немедленно перейти черезъ Балканы въ Румелію, гдѣ мягче климатъ и гдѣ было много продовольствія. Начался геройскій зимній походъ на южную сторону Балканъ. Трудности его были чрезвычайны, но и успѣхъ необыкновенно великъ. Сопротивленіе турокъ было сломлено: городъ сдавался за городомъ; сдавались цѣлые корпуса турецкихъ войскъ. Отряды Гурко, Радецкаго и Скобелева заняли города Филиппо́поль и Адріано́поль и приблизились къ самому Константинополю. Султанъ просилъ мира.

Но мирные переговоры очень осложнились вслѣдствіе вмѣшательства Англии. Приближеніе русской арміи къ Босфору вызвало собою посылку англійскаго флота въ Мраморное море. Появленіе русскихъ въ виду Константинополя послужило для англичанъ поводомъ поставить свой флотъ у Принцевыхъ острововъ, также въ виду Константинополя. На вызывающій образъ дѣйствій Англіи императоръ Александръ II отвѣтилъ тѣмъ, что приказалъ перенести главную квартиру русской арміи въ мѣстечко Санъ-Стефа́но, на берегу Мраморнаго моря, верстахъ въ 10-ти — 15-ти отъ стѣнъ Константинополя. Тамъ, 19-го февраля 1878 года, были подписаны условія прелимина́рнаго (предварительнаго) мирнаго договора. По этому договору Турція признавала независимость Черногоріи, Сербіи и Румыніи; уступала Черногоріи и Сербіи нѣкоторыя области; соглашалась на образованіе изъ своихъ болгарскихъ и македонскихъ областей особаго княжества Болгаріи; обязывалась ввести въ Босніи и Герцеговинѣ необходимыя реформы. Россіи Турція уступала обратно устья Дуная, отошедшія отъ Россіи въ 1856 году, а сверхъ того—города Батумъ и Карсъ съ окружающею территоріей.

Условія Санъ-Стефанскаго мира были опротестованы Англіей и Австріей, которыя не соглашались на столь чувствительное ослабленіе Турціи и желали извлечь изъ обстоятельствъ свою пользу Отношенія этихъ державъ къ Россіи обострились настолько, что Россія стала усиленно готовиться къ новой войнѣ. Посредничество Германіи привело къ тому, что война была предупреждена европейскимъ конгрессомъ въ Берлинѣ. Но предложенный германскимъ канцлеромъ Бисмаркомъ конгрессъ былъ веденъ имъ не въ пользу Россіи. Подъ

давленіемъ всей европейской дипломатіи представители Россіи (съ княземъ Горчаковымъ во главѣ) должны были сдѣлать нѣкоторыя уступки и измѣнить условія мира, выработанныя въ Санъ-Стефано. Пріобрѣтенія Сербіи и Черногоріи были сокращены; вмѣсто единой Болгаріи были созданы двѣ болгарскія области, а именно, княжество Болгарія (между Дунаемъ и Балканами) и автономная провинція Восточная Румелія (на югъ отъ Балканъ). Сербія и Румынія были признаны независимыми королевствами, а Болгарія и Восточная Румелія оставлялись подъ главенствомъ Турціи. Наконецъ, Боснія и Герцеговина поступили во временное распоряженіе Австро-Венгріи для устройства въ нихъ нормальнаго управленія.

Берлинскій трактатъ 1878 года вызвалъ глубокое недовольство всего русскаго общества и повелъ къ охлажденію отношеній Россіи не только съ Англіей и Австріей, но и съ Германіей. Никто въ Россіи не могъ примириться съ тѣмъ, что европейскія державы умалили плоды русскихъ побѣдъ и испортили результаты освободительной войны. Бисмарка, называвшаго себя на конгрессѣ «честнымъ маклеромъ», русскіе люди считали злымъ врагомъ и предателемъ Россіи. Настроеніе общественнаго мнѣнія и недовольство правительства въ Россіи были для Бисмарка столь явны, что онъ счелъ нужнымъ составить—на случай войны съ Россіей—тайный союзъ Германіи съ Австріей, а затѣмъ и съ Италіей («тройственный союзъ»).

Съ другой стороны, освобожденныя войною 1877—1878 годовъ Балканскія государства и народности не получили отъ Россіи и Европы всего того, на что они надѣялись. Называя императора Александра II своимъ «освободителемъ», они, однако, не скрывали своего недовольства и разочарованій. Между Россіей и Балканскими государствами (Румыніей, Сербіей и Болгаріей) началось охлажденіе и неудовольствія. Болгарія, устроенная на первыхъ порахъ своей независимой жизни русскими людьми и средствами, вскорѣ вышла изъ-подъ русскаго вліянія.

Такимъ образомъ, слѣдствія войны за освобожденіе балканскихъ славянъ были мало удовлетворительны. Военный успѣхъ не сопровождался соотвѣтствующимъ политическимъ результатомъ. Россія не добилась своихъ цѣлей и осталась совершенно изолированною, безъ союзниковъ и друзей. Вотъ

почему въ русскихъ людяхъ Восточная война и Берлинскій конгрессъ вызывали чувство глубокой неудовлетворенности и разочарованія.

§ 170. **Кончина императора Александра II.** Восточная война, направивъ силы русскаго общества на борьбу съ внѣшнимъ врагомъ, отвлекла его вниманіе отъ внутренняго броженія. Съ окончаніемъ же войны это внутреннее броженіе дало себя знать рядомъ насильственныхъ актовъ не только противъ высшихъ должностныхъ лицъ, но и противъ самого государя. На жизнь императора Александра II покушенія шли одно за другимъ: въ него стрѣляли на улицѣ, подготовляли взрывъ полотна желѣзной дороги подъ его поѣздами, даже устроили взрывъ въ одной изъ залъ Зимняго дворца въ Петербургѣ. Никто не думалъ, что всѣ эти покушенія исходятъ изъ одного малочисленнаго революціоннаго кружка «народной воли» (§ 166); напротивъ, всѣмъ казалось, что дѣйствуетъ какая-то таинственная многолюдная организація. Къ подобному выводу приводило и то обстоятельство, что въ обществѣ было вообще много недовольныхъ и желавшихъ продолженія внутреннихъ реформъ. Правительство прибѣгало къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Однако строгость не помогала: революціонный терроръ не прекращался. Общество было взволновано и раздражено.

Въ такихъ обстоятельствахъ императоръ Александръ II для борьбы съ крамолой прибѣгъ къ экстренному мѣропріятію: въ началѣ 1880 года была учреждена для борьбы съ крамолою «верховная распорядительная комиссія», начальникъ которой, графъ Лорисъ-Меликовъ, получилъ обширнѣйшія полномочія и сталъ какъ бы первымъ министромъ въ государствѣ. Лорисъ-Меликовъ составилъ свою программу дѣйствій: по его плану, надлежало подавлять революціонную дѣятельность тайныхъ организацій, но въ то же время съ довѣріемъ отнестись къ прочему обществу и, постепенно успокоивъ его, возвратить государство къ законному теченію дѣлъ. Въ этомъ направленіи Лорисъ-Меликовъ и повелъ дѣло. Ему вскорѣ же показалось, что онъ достигъ успѣха и что можно упразднить верховную распорядительную комиссію. Дѣйствительно, признаки общественнаго успокоенія стали замѣтны. Съ закрытіемъ комиссіи Лорисъ-Меликовъ занялъ должность министра внутреннихъ дѣлъ съ особыми полномочіями. Онъ готовилъ проекты новыхъ реформъ съ тѣмъ, чтобы удовлетворить ожиданіямъ либеральной

части русскаго общества (между прочимъ, онъ проектировалъ привлеченіе представителей земствъ въ государственный совѣтъ). Но главные дѣятели «народной воли» оставались не открытыми и не думали о прекращеніи своихъ покушеній.

Въ началѣ 1881 года они устроили подкопъ подъ Екатерининскую улицу въ Петербургѣ, по которой ѣздилъ императоръ Александръ II. 1-го марта, ожидая проѣзда государя, они готовы были взорвать этотъ подкопъ и въ то же время разставили своихъ людей съ бомбами и въ другихъ мѣстахъ предполагаемаго маршрута государя. Государь не поѣхалъ мимо подкопа; но это не спасло его. На Екатерининскомъ каналѣ царскій экипажъ былъ взорванъ бомбою; когда же государь вышелъ изъ поврежденной кареты, онъ былъ тяжело израненъ вторымъ снарядомъ, брошеннымъ ему въ ноги. Отвезенный въ Зимній дворецъ, онъ скончался въ тотъ же день. На престолъ вступилъ его сынъ, цесаревичъ Александръ Александровичъ [1]). Графъ Лорисъ-Меликовъ былъ уволенъ въ отставку и программа его реформъ оставлена. Дѣятели «народной воли» вскорѣ были обнаружены и, осужденные за цареубійство, казнены.

§ 171. **Императоръ Александръ III Александровичъ (1881—1894).** Главною цѣлью своей дѣятельности императоръ Александръ III поставилъ утвержденіе самодержавной власти и государственнаго порядка, поколебленнаго крамолою. Цѣль эта должна была достигаться прежде всего твердымъ подавленіемъ всякой крамолы, а затѣмъ пересмотромъ и улучшеніемъ законовъ и учрежденій, созданныхъ въ эпоху великихъ реформъ Александра II. Борьба съ крамолой завершилась полнымъ успѣхомъ: революціонное движеніе было подавлено и террористическія покушенія прекратились. Пересмотръ узаконеній времени императора Александра II коснулся всѣхъ сторонъ государственной и общественной жизни и былъ направленъ къ тому, чтобы усилить надзоръ и вліяніе правительства въ сферѣ суда и общественнаго самоуправленія и вообще укрѣпить и поднять авторитетъ верховной власти. Въ общемъ, въ либеральныя учрежденія 1860-хъ годовъ было введено не

---

[1]) Александръ Александровичъ былъ второй сынъ императора Александра II. Старшій его братъ, наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ, скончался въ молодыхъ годахъ (въ 1865 году).

мало ограниченій, сообщившихъ всей дѣятельности императора Александра III строго охранительный характеръ.

Въ частностяхъ надлежитъ отмѣтить слѣдующія важныя мѣропріятія времени императора Александра III.

1. Въ отношеніи *сословій* былъ проведенъ рядъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью улучшить ихъ положеніе. Дворянство переживало послѣ крестьянской реформы тяжелый экономическій кризисъ. Его хозяйство пришло въ разстройство съ потерею дарового крестьянскаго труда. Земли уходили изъ рукъ дворянъ съ значительной быстротою, а вмѣстѣ съ тѣмъ, съ продажею усадебъ, и сами дворяне покидали уѣзды. Правительство рядомъ мѣръ стремилось поддержать упадавшій классъ. Дворянамъ было предоставлено преобладаніе въ земствахъ (путемъ соотвѣтственнаго измѣненія въ порядкѣ земскихъ выборовъ). Была въ уѣздахъ учреждена должность «земскихъ участковыхъ начальниковъ». Они замѣнили собою мировыхъ судей и въ то же время получили большую административную власть надъ крестьянскими обществами. Предоставленная по закону мѣстнымъ дворянамъ, должность земскаго начальника должна была, конечно, поднять значеніе дворянства въ уѣздахъ. Въ то же время правительство пришло на помощь и матеріальнымъ нуждамъ дворянскаго сословія. Былъ учрежденъ «дворянскій земельный банкъ», для выдачи дворянамъ ссудъ подъ залогъ ихъ земель на очень льготныхъ условіяхъ.

Одновременно правительство принимало мѣры и къ улучшенію матеріальнаго быта крестьянъ. Во многихъ мѣстахъ крестьянскіе надѣлы оказались недостаточными для того, чтобы обезпечивать возросшее крестьянское населеніе. Появилась острая нужда въ землѣ. Поэтому для крестьянъ былъ учрежденъ «крестьянскій земельный банкъ», выдававшій ссуды крестьянамъ для пріобрѣтенія земель покупкою. Другимъ средствомъ для борьбы съ малоземельемъ явилось крестьянское переселеніе на свободныя земли въ Сибири и Средней Азіи. Правительство пыталось упорядочить переселенческое движеніе и направлять его; оно приходило на помощь переселенцамъ, указывая имъ земельные участки и облегчая имъ трудности далекаго пути. Малоземелье гнало крестьянъ изъ деревень въ города и на фабрики. Ростъ фабричнаго производства во второй половинѣ XIX вѣка повелъ къ тому, что въ городахъ и фабричныхъ центрахъ образовался многолюдный

рабочій классъ, оторванный отъ земли и не обезпеченный ничѣмъ, кромѣ фабричнаго труда. Отношенія между фабрикантами и рабочими иногда обострялись, вели къ столкновеніямъ и стачкамъ. Власть была поставлена въ необходимость регулировать эти отношенія закономъ. При императорѣ Александрѣ III не только началось фабричное законодательство, но и была учреждена должность фабричныхъ инспекторовъ для наблюденія за фабричными порядками съ цѣлью ввести дисциплину среди рабочихъ и охранить ихъ законные интересы отъ эксплуатаціи хозяевъ.

2. Въ отношеніи *финансовъ и государственнаго хозяйства* при императорѣ Александрѣ III были приняты важныя мѣры и достигнуты большіе результаты. Финансовое положеніе Россіи послѣ войны 1877—1878 годовъ, вслѣдствіе различныхъ причинъ (§ 163), было неудовлетворительно. Курсъ кредитныхъ билетовъ былъ низокъ (доходилъ до 60 копѣекъ за рубль и даже менѣе) и постоянно колебался. Каждый годъ въ бюджетѣ бывали дефициты. Императоръ Александръ III прибѣгъ къ чрезвычайной бережливости и строгому порядку въ финансахъ и усвоилъ систему покровительственныхъ пошлинъ, высоко облагая привозные товары и поощряя русское производство. Министры финансовъ (Н. X. Бунге, И. А. Вышнеградскій, С. Ю. Витте) одинъ за другимъ послѣдовательно проводили эту финансовую политику и не только достигли прекращенія дефицитовъ, но успѣли, сверхъ того, образовать значительный запасъ золотой наличности. Съ ея помощью была подготовлена реформа денежнаго обращенія, произведенная уже въ нынѣшнее царствованіе императора Николая II[1]. Въ видахъ экономическаго подъема русскихъ окраинъ и болѣе тѣсной связи ихъ съ государственнымъ центромъ, была предпринята постройка великой Сибирской желѣзной дороги, соеди-

[1]) Она состояла въ томъ, что въ 1895—1898 годахъ курсъ бумажнаго рубля былъ установленъ твердо: $1^1/_2$ кредитныхъ рубля были приравнены 1 золотому рублю. Этотъ золотой рубль былъ признанъ денежной единицей вмѣсто прежняго серебрянаго рубля. Вмѣстѣ съ тѣмъ были пущены въ обращеніе новыя золотыя монеты въ 10 и 5 рублей (въ полтора раза меньшія, чѣмъ старые имперіалы въ 10 прежнихъ рублей и старые полуимперіалы въ 5 прежнихъ рублей). Съ тѣхъ поръ въ Россіи установилась золотая валюта и свободный обмѣнъ бумажныхъ денегъ на золото, существующій и въ настоящее время.

нившей Европейскую Россію съ Тихимъ океаномъ, и Закаспійскихъ желѣзныхъ дорогъ, соединившихъ Среднюю Азію съ Россіей.

3. *Внѣшняя политика* императора Александра III отличалась опредѣленностью и устойчивостью. Строго охраняя національные русскіе интересы, онъ рѣшительно уклонялся отъ вмѣшательства въ Европейскія дѣла и всегда обнаруживалъ неизмѣнное миролюбіе. При первыхъ проявленіяхъ со стороны южныхъ славянъ недовольства русскимъ протекторатомъ, императоръ Александръ III отступился отъ него и предоставилъ Болгарію и Сербію ихъ собственной участи. Онъ не поддерживалъ старыхъ связей и съ прусскими Гогенцоллернами, будучи очень недоволенъ германской политикою на Берлинскомъ конгрессѣ (§ 169). Основанный въ тѣ годы подъ гегемоніей Германіи «тройственный союзъ» ея съ Австріей и Италіей императоръ Александръ III считалъ угрозой европейскому миру и интересамъ Россіи и Франціи. Поэтому онъ сблизился именно съ Франціей и вошелъ съ нею въ оборонительный союзъ, возстановившій политическое равновѣсіе въ Европѣ и ставшій оплотомъ европейскаго мира. Постоянство русскаго государя въ поддержаніи общаго мира и искренность его миролюбія создали ему славу «миротворца», и это почетное наименованіе было за нимъ закрѣплено, какъ постоянный титулъ. Во все царствованіе Александра III Россія имѣла лишь одно мелкое вооруженное столкновеніе съ афганцами (1885) на рѣкѣ Кушкѣ по случаю присоединенія къ Россіи Мервскаго оазиса и оазиса Пенде. Пораженіе афганскаго отряда генераломъ Комаровымъ не вызвало никакихъ дальнѣйшихъ осложненій ни съ Афганистаномъ, ни съ покровительницей его Англіей, и спорныя земли остались за Россіей.

4. Будучи представителемъ строго-національной политики внѣшней, императоръ Александръ III и внутри своего государства являлся носителемъ національной идеи. Онъ стремился къ тѣсному объединенію инородческихъ русскихъ окраинъ съ государственнымъ центромъ и къ возможному обрусѣнію инородцевъ. Объединительная политика особенно сильно коснулась Остзейскаго края. Тамъ вмѣсто старыхъ нѣмецкихъ формъ управленія и самоуправленія были введены общегосударственныя учрежденія съ русскимъ языкомъ; а нѣмецкій университетъ въ г. Юрьевѣ (носившемъ до 1893 года названіе Дерпта)

былъ преобразованъ въ русскій. Въ Польскихъ губерніяхъ также дѣлались шаги къ усиленію русскаго вліянія. Въ отношеніи же Финляндіи были приняты рѣшительныя мѣры. Въ царствованіе императора Александра II финляндцамъ удалось достигнуть такихъ формъ самоуправленія, которыя обращали Финляндію изъ автономной русской провинціи какъ бы въ особую страну. Финляндскому населенію было разрѣшено имѣть свою монету (марки и пенни), свою почту, свою таможенную систему, свои желѣзныя дороги, даже свое войско. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти признаки внутренней самостоятельности и обособленности должны были воспитать въ финляндцахъ взглядъ на свою родину, какъ на особое государство, находящееся лишь въ уніи съ Россіей. Ко времени императора Александра III этотъ взглядъ повелъ уже ко многимъ неудобствамъ и недоразумѣніямъ между русской властью и финляндскимъ сеймомъ и сенатомъ. Не сочувствуя финляндскому сепаратизму, государь объявилъ (1890), что великое княжество Финляндское состоитъ «въ собственности и державномъ обладаніи имперіи Россійской» и что надлежитъ возвратить его въ болѣе тѣсное единеніе съ прочими частями Русскаго государства. Сообразно съ этимъ принципомъ былъ усиленъ правительственный контроль за финляндскимъ управленіемъ и намѣчены, а частью и осуществлены, мѣры къ ограниченію финляндской обособленности.

Обладавшій большими физическими силами и крѣпкимъ здоровьемъ, императоръ Александръ III на 50-мъ году жизни неожиданно захворалъ болѣзнью почекъ и скончался 20-го октября 1894 года въ Ливадіи (около г. Ялты), въ Крыму. Послѣ его кончины на русскій престолъ вступилъ его старшій сынъ, нынѣ царствующій Государь Императоръ Николай II Александровичъ.

РОДОСЛОВНЫЯ ТАБЛИЦЫ.

Родъ Владимира Святого.

Владимиръ Святой.

Святополкъ Окаянный. Ярославъ Мудрый. Борисъ. Глѣбъ. Мстиславъ.

(Владимиръ). Изяславъ. Святославъ. Всеволодъ.

(Ростиславъ). Святополкъ. Олегъ. Ярославъ. Владимиръ Мономахъ.

Василько. Володарь. Всеволодъ. Мстиславъ. Юрій Долгорукій.

Владимирко. Изяславъ. Андрей Боголюбскій. Всеволодъ Большое Гнѣздо.

Мстиславъ.

Романъ.

Даніилъ Галицкій.

Родъ Всеволода Большого Гнѣзда.

Всеволодъ Большое Гнѣздо.

Константинъ. Юрій. Ярославъ.

Александръ Невскій. Андрей. Ярославъ Тверской. Василій Костромской.

Андрей. Димитрій. Даніилъ. Михаилъ Тверской.

Юрій. Иванъ I Калита. Александръ.

Семенъ. Иванъ II. Михаилъ.

Дмитрій Донской.

Василій I. Юрій.

Василій II Темный. Василій Косой. Димитрій Шемяка.

Иванъ III.

Василій III.

Иванъ IV Грозный.

Иванъ. Θедоръ. Дмитрій.

Родъ Романовыхъ.

Романъ Юрьевичъ Захарьинъ-Кошкинъ.

Никита Романовичъ (бояринъ). Анастасія Романовна (супруга царя Ивана Грознаго).

Өедоръ Никитичъ (патріархъ Филаретъ).

Царь Михаилъ Өедоровичъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ.

Царь Өедоръ. **Царь Иванъ.** Императоръ **Петръ I Великій** (∾вторая супруга **Екатерина I**).

Екатерина (Мекленбургъ). **Анна** (Курляндія). Алексѣй. Анна (Голштинія). **Елизавета.**

Анна Леопольдовна (Брауншвейгъ). **Петръ II.** **Петръ III** (∾**Екатерина II**).

Іоаннъ VI Антоновичъ. **Павелъ I.**

Александръ I. Константинъ. **Николай I.** Михаилъ.

Александръ II. Константинъ. Николай. Михаилъ.

Николай. **Александръ III.** Владиміръ. Алексѣй. Сергѣй. Павелъ.

Николай II. Михаилъ.

Алексѣй.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ ПЕРЕЧЕНЬ.

Годы.

860. Первое нападеніе *руси* на Царьградъ.
862. Призваніе варяжскихъ князей.
862—879. Князь Рюрикъ въ Новгородѣ.
907. Походъ Олега на Царьградъ.
912. Кончина Олега.
957. Путешествіе княгини Ольги въ Царьградъ.
972. Кончина князя Святослава.
988—989. Крещеніе Руси.
1015. Кончина св. князя Владимира.
1054. Кончина князя Ярослава Мудраго.
1113—1125. Владимиръ Мономахъ въ Кіевѣ.
1147. Первое извѣстіе о Москвѣ.
1157. Кончина князя Юрія Владимировича Долгорукаго.
1175. Кончина князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго.
1176—1212. Князь Всеволодъ III Большое Гнѣздо во Владимирѣ.
1187. Кончина князя Ярослава Осмомысла Галицкаго.
1199. Князь Романъ Мстиславичъ Волынскій овладѣлъ Галичемъ.
1223. Битва на р. Калкѣ.
1237—1238. Нашествіе Батыя. Битва на р. Сити.
1240. Взятіе Кіева татарами.
1240. Побѣда св. князя Александра Невскаго надъ шведами.
1242. Побѣда его надъ нѣмцами (Ледовое побоище).
1263. Кончина св. князя Александра Невскаго.
1263. Кончина князя Миндовга.
1264. Кончина князя Даніила Галицкаго.
1317—1341. Князь Гедиминъ въ Литвѣ.
1328—1341. Великій князь Иванъ I Даниловичъ Калита.
1341—1359. Великіе князья Семенъ Ивановичъ Гордый и Иванъ II Ивановичъ Красный.
1341—1377. Князь Ольгердъ въ Литвѣ.

Годы.

1359—1389. Великій князь Дмитрій Ивановичъ Донской.
1380. Куликовская битва.
1386. Унія Литвы съ Польшей.
1392—1430. Князь Витовтъ въ Литвѣ.
1410. Битва при Грюнвальдѣ и Танненбергѣ.
1413. Городельскій сеймъ.
1425. Кончина великаго князя Василія I Дмитріевича.
1439. Флорентійская унія.
1450. Побѣда великаго князя Василія II Васильевича Темнаго надъ княземъ Дмитріемъ Шемякою.
1462—1505. Великій князь Иванъ III Васильевичъ.
1472. Бракъ Ивана III съ Софіей Палеологъ.
1478. Паденіе Великаго Новгорода.
1480. Сверженіе татарскаго ига.
1485. Присоединеніе Твери къ Москвѣ.
1505—1533. Великій князь Василій III Ивановичъ.
1510. Паденіе Пскова.
1514. Взятіе Смоленска Москвою.
1523. Присоединеніе къ Москвѣ послѣднихъ (Сѣверскихъ) удѣловъ.
1530. Рожденіе Ивана Грознаго.
1533—1584. Великій князь и царь Иванъ IV Васильевичъ Грозный.
1547. Принятіе царскаго титула и бракъ Ивана Грознаго.
1550—1551. Судебникъ и Стоглавъ.
1552. Покореніе Казани.
1556. Покореніе Астрахани.
1558. Начало Ливонской войны.
1560. Кончина царицы Анастасіи.
1565. Опричнина.
1569. Люблинская унія и образованіе Рѣчи Посполитой.
1582. Покореніе Сибири.
1582—1583. Миръ Грознаго съ Баторіемъ и Швеціей.
1584—1598. Царь Ѳедоръ Ивановичъ.
1589. Учрежденіе патріаршества въ Москвѣ.
1591. Кончина царевича Дмитрія въ Угличѣ.
1596. Церковная Брестская унія.
1598. Прекращеніе Московской династіи и воцареніе Бориса Годунова.
1605. Смерть царя Бориса и воцареніе Лжедимитрія.
1606—1610. Царь Василій Ивановичъ Шуйскій.
1610. Избраніе на Московскій престолъ королевича Владислава.

Годы.

1611. Ополченіе Прокопія Ляпунова.

1611—1612. Ополченіе князя Пожарскаго и К. Минина.

1612. Освобожденіе Москвы.

1613 (21 февраля). Избраніе въ цари Михаила Өедоровича Романова.

1613—1645. Царь Михаилъ Өедоровичъ.

1617. Миръ со Швеціей (Столбовскій).

1618 Миръ съ Рѣчью Посполитой (Деулинское перемиріе).

1632—1634. Война съ Рѣчью Посполитой и Поляновскій миръ.

1637—1642. Вопросъ объ Азовѣ.

1645—1676. Царь Алексѣй Михайловичъ.

1649. Соборное Уложеніе.

1652—1658. Патріаршество Никона и исправленіе церковныхъ книгъ.

1653—1654. Присоединеніе Малороссіи.

1654—1667. Войны съ Рѣчью Посполитою и Андрусовское перемиріе (1667).

1656—1659. Шведская война.

1666—1667. Церковные соборы и низложеніе Никона.

1670—1671. Бунтъ Стеньки Разина.

1672. Рожденіе Петра Великаго.

1676—1682. Царь Өедоръ Алексѣевичъ.

1682. Воцареніе Петра Великаго и стрѣлецкій бунтъ.

1682—1689. Правленіе царевны Софьи.

1686. Вѣчный миръ съ Рѣчью Посполитою.

1695—1696. Азовскіе походы.

1697—1698. Заграничное путешествіе Петра Великаго.

1700—1721. Великая Сѣверная война.

1703. Основаніе Петербурга.

1709. Полтавская битва.

1711. Прутскій походъ. Учрежденіе Сената.

1714. Побѣда при Гангудѣ.

1721. Ништадтскій миръ. Учрежденіе Св. Синода.

1721. Принятіе Императорскаго титула.

1722. Законъ о престолонаслѣдіи. «Правда воли Монаршей».

1725. Кончина Петра Великаго.

1725—1727. Императрица Екатерина I.

1727—1730. Императоръ Петръ II.

1730—1740. Императрица Анна.

1740—1741. Императоръ Іоаннъ III Антоновичъ.

1741—1761. Императрица Елизавета.

Годы.

1757—1761. Участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ.
1761—1762. Императоръ Петръ III.
1762—1796. Императрица Екатерина II.
1767—1768. Коммиссія для составленія проекта новаго Уложенія.
1768—1774. Первая Турецкая война и миръ въ Кучукъ-Кайнарджи.
1773—1775. Пугачевщина.
1773. Первый раздѣлъ Рѣчи Посполитой.
1775. Учрежденіе объ управленіи губерній.
1783. Присоединеніе Крыма.
1785. Жалованныя грамоты сословіямъ.
1787—1791. Вторая Турецкая война и миръ въ Яссахъ.
1788—1790. Шведская война.
1793 и 1795. Второй и третій раздѣлъ Рѣчи Посполитой.
1796—1801. Императоръ Павелъ.
1797. Учрежденіе объ Императорской Фамиліи.
1799. Походъ Суворова въ Италію и Швейцарію.
1801. Присоединеніе Грузіи.
1801—1825. Императоръ Александръ I.
1802. Учрежденіе Министерствъ.
1805. Аустерлицъ.
1807. Тильзитскій миръ.
1809. Присоединеніе Финляндіи.
1810. Учрежденіе Государственнаго Совѣта.
1812. Присоединеніе Бессарабіи.
1812. Отечественная война.
1813—1814. Война за освобожденіе Европы.
1815. Вѣнскій конгрессъ.
1825—1855. Императоръ Николай I.
1826—1828. Персидская война.
1827. Наваринъ.
1828—1829. Турецкая война и Адріанопольскій миръ.
1830—1832. Возстаніе поляковъ и Органическій статутъ.
1833. Сводъ Законовъ Россійской Имперіи.
1839—1843. Финансовая реформа.
1842. Законъ объ обязанныхъ крестьянахъ.
1849. Венгерскій походъ.
1853—1855. Восточная война и Парижскій миръ.
1855—1881. Императоръ Александръ II.
1858. Присоединеніе Амурской области.

Годы.

1860. Присоединеніе Уссурійскаго края.
1861 (19 февраля). Освобожденіе крестьянъ.
1863. Возстаніе поляковъ.
1864. Замиреніе Кавказа.
1864. Судебная реформа. Земскія учрежденія.
1868. Присоединеніе Бухары.
1870. Городовое положеніе.
1873. Присоединеніе Хивы.
1874. Всеобщая воинская повинность.
1876. Присоединеніе Кокана (Ферганы).
1877—1878. Восточная война и Берлинскій конгрессъ.
1881—1894. Императоръ Александръ III.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Образованіе Кіевскаго государства.

Крещеніе Руси.

Послѣдствія принятія Русью христіанства.

Кіевское государство въ XI—XII вѣкахъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Образованіе Великорусскаго государства.

Переходъ удѣльнаго быта въ государственный.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Московское царство въ XVI—XVII вѣкахъ.

Время царя Ивана IV Грознаго.

Смутное время.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Время царя Михаила Өедоровича (1613—1645).

Время царя Алексѣя Михайловича (1645—1676).

Литва и Польша въ XVI—XVII вв.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Образованіе Россійской имперіи.

Эпоха реформъ Петра Великаго.

Періодъ временщиковъ (1725—1741).

Время императрицы Елизаветы Петровны (1741—1761).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Расцвѣтъ дворянскихъ привилегій и крѣпостного права.

Время императрицы Екатерины II (1762—1796).

Императоръ Павелъ Петровичъ (1796—1801).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Преобладаніе задачъ внѣшней политики надъ задачами внутренняго управленія.

Время императора Александра I Благословеннаго (1801—1825).

Время императора Николая I (1825—1855).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Эпоха великихъ реформъ.

Время императора Александра II-Освободителя (1855—1881).

РУССКІЕ СЛАВЯНЕ и ИХЪ СОСѢДИ въ IX–X вв.

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:

- Славяне
- Финны
- Литва
- Влахи
- Греки
- Тюркскіе народы
- Великій водный путь

Масштабъ: 0, 100, 200, 300, 400, 500 верстъ

М. БѢЛОЕ
САМОЯДЬ
ПЕЧЕРА
Р. Обь
Р. Мезень
Р. Печера
СУМЬ
КОРЕЛА
Р. Онега
Р. Двина
ЗЫРЯНЕ
Р. Вычегда
КАМЕННЫЙ ПОЯСЪ
Р. Иртышъ
ВАРЯГИ
Оз. Онега
ЧУДЬ ЗАВОЛОЧСКАЯ
ЕМЬ
Оз. Нево
Р. Свирь
Ладога
Оз. Бѣлое
Бѣлоозеро
Р. Сухона
Р. Югъ
Р. Шексна
ПЕРМЬ
Р. Чусовая
МОРЕ ВАРЯЖСКОЕ
ВОДЬ
ЧУДЬ
НОВГОРОДЪ
Оз. Чудское
Оз. Ильмень
Р. Мста
Р. Молога
ВОТЯКИ
Р. Уфа
Р. Тоболъ
Изборскъ
СЛАВЯНЕ ИЛЬМЕНСКІЕ
ПСКОВЪ
АЛАУНСКАЯ ВОЗВЫШЕННОСТЬ
Ярославль
МЕРЯ
Р. Вятка
ЧЕРЕМИСЫ
Ростовъ
Суздаль
Р. Волга
Р. Кама
Р. Бѣлая
ЖМУДЬ
КРИВИЧИ
Р. Ловать
Р. Волга
Р. З. Двина
Р. Великая
ПОЛОЧАНЕ
Полоцкъ
Р. Клязьма
МУРОМА
Болгары
БОЛГАРЕ (КАМСКІЕ)
Р. Москва
МЕЩЕРА
ГОЛЯДЬ
Р. Сура
Р. Мокша
МОРДВА
Р. Самара
Гданскъ
ПРУССЫ
ЛИТВА
Р. Нѣманъ
Р. Вилія
Р. Днѣпръ
Смоленскъ
Бранибор
Гнѣзно
Р. Висла
ЯТВЯГИ
Р. Нѣманъ
ДРЕГОВИЧИ
Р. Березина
РАДИМИЧИ
Р. Сожь
ВЯТИЧИ
Р. Ока
Р. Донъ
Р. Цна
Р. Уралъ
ПОЛЯКИ или ЛЯХИ
Р. Лаба
Р. Одра
Р. Бугъ
Р. Припеть
СѢВЕРЯНЕ
Р. Десна
Любечь
Черниговъ
ПРАГА
ЧЕХИ
БУЖАНЕ
ДРЕВЛЯНЕ
Овручъ
Коростень
Вышгородъ
Червень
ВОЛЫНЯНЕ
КІЕВЪ
ПОЛЯНЕ
Р. Сула
Р. Псёлъ
Переяславль
Р. Ворскла
Краковъ
МОРАВЫ
Перемышль
(ДУЛѢБЫ)
Р. Санъ
КАРПАТСКІЯ ГОРЫ
Бѣлая Вѣжа (Саркелъ)
ХОЗАРСКОЕ ЦАРСТВО
ВѢНА
Р. Морава
Р. Днѣстръ
Р. Прутъ
ТИВЕРЦЫ
УГЛИЧИ
Р. Бугъ
ПЕЧЕНѢГИ
Пороги
Р. Донъ
Р. Тиса
МАДЬЯРЫ или УГРЫ
Р. Мура
Р. Сава
Сисекъ
Р. Драва
Трояновъ валъ
МОРЕ СУРОЖСКОЕ
Тмутаракань
Р. Кубань
ЯСЫ
Итиль (Балангаръ)
МОРЕ ХВАЛИССКОЕ
Р. Кума
ВЛАХИ
Бѣлградъ
Р. Морава
Корчева
Корсунь
КАСОГИ
Р. Терекъ
Семендеръ
СЕРБЫ
БОЛГАРЫ
Р. Дунай
Переяславецъ
Доростолъ
МОРЕ РУССКОЕ

Долгота отъ Ферро

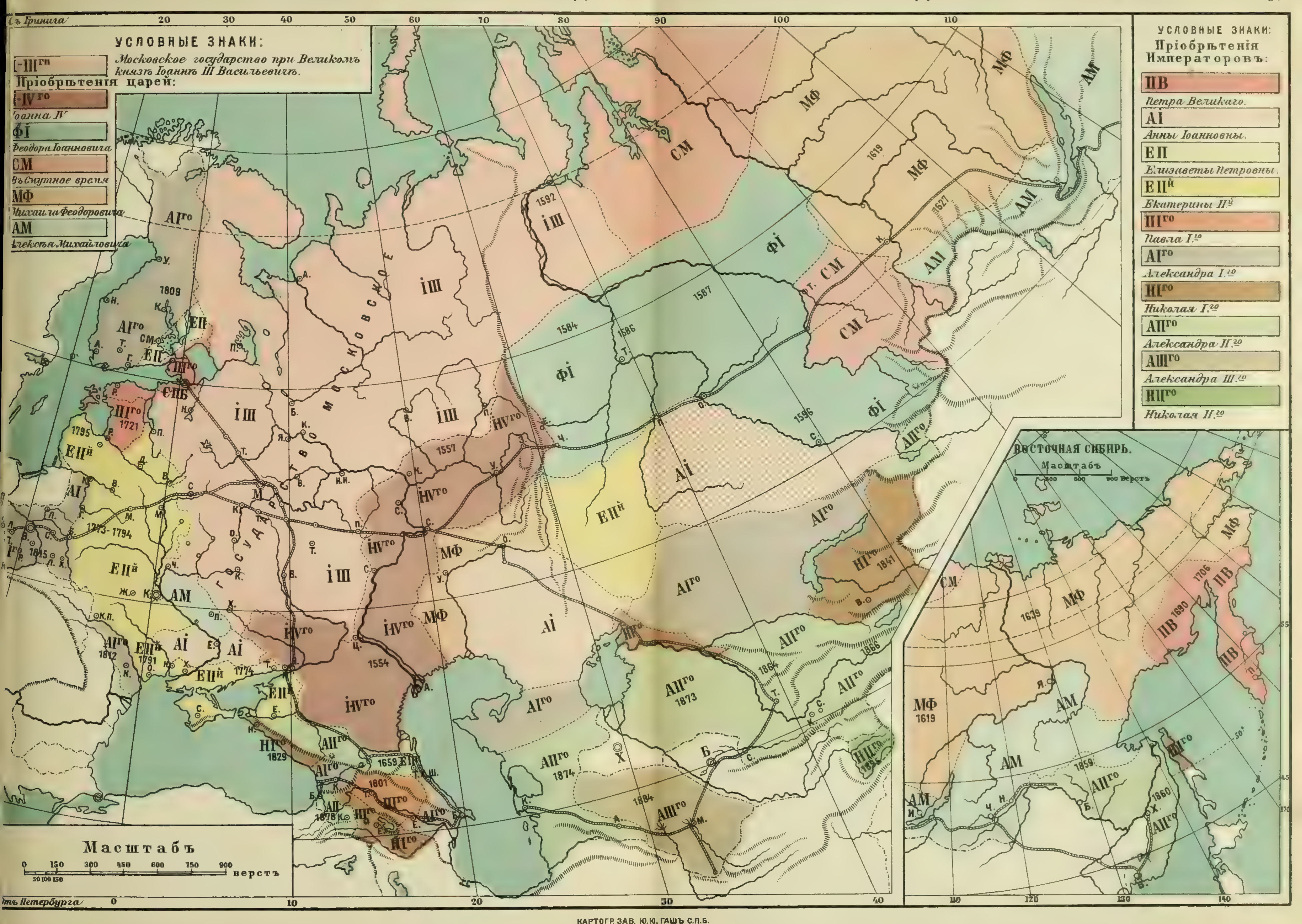
КАРТОГР. ЗАВ. Ю. Ю. ГАШЪ С.П.Б.
4 рота 19.

КАРТОГР ЗАВ Ю Ю. ГАШЪ С.П Б.
4 рота 18.

КАРТОГР. ЗАВ. Ю.Ю. ГАШЪ С.П.Б.
4 рота 19.

КАРТОГР. ЗАВ. Ю.Ю. ГАШЪ С.П.Б
4 рота 18.

КАРТА РАСПРОСТРАНЕНІЯ РУССКАГО ГОСУДАРСТВА СЪ XVIго СТОЛѢТІЯ ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ.



КАРТОГР. ЗАВ. Ю.Ю. ГАШЪ С.П.Б.
4 рота 19.

РОССІЯ. XVIII ВѢКЪ.

СѢВЕРНЫЙ ОКЕАНЪ
БѢЛОЕ МОРЕ
БАЛТІЙСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
КАСПІЙСКОЕ МОРЕ
АЗОВСКОЕ М.
БОТНИЧЕСКІЙ ЗАЛ.
ФИНСКІЙ ЗАЛ.
РИЖСКІЙ ЗАЛ.
РОССІЯ
ШВЕЦІЯ
ФИНЛЯНДІЯ
КАРЕЛІЯ
ЭСТЛЯНДІЯ
ЛИФЛЯНДІЯ
КУРЛЯНДІЯ
ЛИТВА
БѢЛОРУССІЯ
ПОЛѢСЬЕ
ВОЛЫНЬ
ПОДОЛІЯ
УКРАЙНА
СЛОБОДСКАЯ УКРАЙНА
ЗАПОРОЖЬЕ
КРЫМЪ
ЧЕРНОМОРСКІЕ КАЗАКИ
ДОНСКІЕ КАЗАКИ
ЯИЦКІЕ или УРАЛЬСКІЕ
КАЛМЫКИ
ДАГЕСТАНЪ
ГРУЗІЯ
МОЛДАВІЯ
ВАЛАХІЯ
ТУРЦІЯ
ВЕНГРІЯ
АВСТРІЯ
ГАЛИЦІЯ
МАЛ. ПОЛЬША
ВЕЛ. ПОЛЬША
ПОМЕРАНІЯ
ПРУССІЯ
Москва
Архангельскъ
Холмогоры
Петрозаводскъ
Олонецъ
Вологда
Кострома
Ярославль
Ростовъ
Н. Новгородъ
Казань
Пермь
Екатеринбургъ
Уфа
Оренбургъ
Самара
Симбирскъ
Саратовъ
Астрахань
Уральскъ (Яицкій городокъ)
Пенза
Тамбовъ
Воронежъ
Курскъ
Орелъ
Тула
Рязань
Калуга
Смоленскъ
Витебскъ
Полоцкъ
Могилевъ
Минскъ
Вильно
Ковно
Гродно
Брестъ
Кіевъ
Черниговъ
Полтава
Харьковъ
Бѣлгородъ
Екатеринославъ
Херсонъ
Очаковъ
Бендеры
Таганрогъ
Черкаскъ
Ростовъ
Бахчисарай
Севастополь
Кучукъ-Кайнарджи
Рига
Ревель
Нарва
Псковъ
Новгородъ
Выборгъ
С.П.Б.
Стокгольмъ
Гельсингфорсъ
Або
Варшава
Краковъ
Львовъ
Вѣна
Пештъ
Берлинъ
Кенигсбергъ
Данцигъ
Дербентъ
Баку
Ленкорань
Кизляръ
Владикавказъ
Екатеринодаръ
Вятка
Устюгъ
Сольвычегодскъ
Чердынь
Березовъ

Объясненіе знаковъ:
Пути Карла XII и русскихъ войскъ:
Изъ Швеціи къ Нарвѣ
Отъ Нарвы въ Польшу и въ Саксонію
Изъ Саксоніи въ Россію до Полтавы
Путь Левенгаупта до соединенія съ Карломъ XII
Путь Русскихъ отъ Головчины до Полтавы
Бѣгство Карла XII въ Турцію
Масштабъ
100 50 0 100 200
верстъ

ФИНЛЯНДІЯ
ЭСТЛЯНДІЯ
ИНГЕРМАНЛАНДІЯ
ЛИФЛЯНДІЯ
КУРЛЯНДІЯ
Зал. Финскій
Рижскій залив
Балтійское м.
Ладожское озеро
Выборгъ
Нарва
Ревель
Рига
Митава
Масштабъ
100 верстъ

КАРТА ПОХОДОВЪ СУВОРОВА въ Сѣверной Италіи 1794 г.
0 20 40 60 80 100 вр.
ШВЕЙЦАРІЯ
АВСТРІЯ
АДРІАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
Заливъ Генуэзскій
Бернъ
Цюрихъ
Люцернъ
Готардъ
Женева
М. Бланъ
Туринъ
Миланъ
Новара
Генуя
Парма
Модена
Болонья
Мантуя
Верона
Венеція
Тріестъ

КАРТА УСТЬЯ Р. НЕВЫ до 1703 г.
Артиллер. дворъ
Кр. Ніеншанцъ

Условные знаки:
Границы Русскаго Государства при воцареніи Петра Великаго - Пріобрѣтенія Императоровъ и Императрицъ

При воцареніи Петра Великаго
Пріобрѣтенія Петра Великаго
Пріобрѣтенія Анны Іоанновны
Пріобрѣтенія Елисаветы Петровны
Екатерины II по 1-му раздѣлу Польши I
Екатерины II по 2-му раздѣлу Польши II
Екатерины II по 3-му раздѣлу Польши III
Части Польши присоединенныя къ Австріи
Части Польши присоединенныя къ Пруссіи
Бывшія владѣнія Рѣчи Посполитой
Екатерины II отъ Турціи IV

КАРТОГР. ЗАВ. Ю.Ю. ГАШЪ С.П.Б.

РОССІЯ. XIX ВѢКЪ.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ съ ОКРЕСТНОСТЯМИ.
Масштабъ
верстъ

ЧЕРНОЕ МОРЕ
МРАМОРНОЕ МОРЕ
Бѣлградскій лѣсъ
Константинополь (СТАМБУЛЪ)
Скутари
Пера
Галата
Кади-кьой
Стефано
Принцевы остр.

1 Мечеть Софійская
2 Сераль
3 7 башенный замокъ
4 Городская стѣна
5 Заливъ Золотой рогъ
Городскія постройки и дачи
Посевы
Форты и крѣпости
Лѣса
Дороги

Карта СЕВАСТОПОЛЯ съ ОКРЕСТНОСТЯМИ.
СЕВАСТОПОЛЬСКІЙ РЕЙДЪ
Масштабъ
верстъ
Положеніе затопленныхъ судовъ
Батареи и бастіоны

Карта ЮГО-ЗАП. ЧАСТИ КРЫМА.
Масштабъ
верстъ
Евпаторія
Симферополь
Бахчисарай
Севастополь
Балаклава
Алушта
Ялта

БѢЛОЕ МОРЕ
БАЛТІЙСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
КАСПІЙСКОЕ МОРЕ
ФИНЛЯНДІЯ
ПОЛЬША
АВСТРО-ВЕНГРІЯ
РУМЫНІЯ
БЕССАРАБІЯ
ТУРЕЦКАЯ ИМП.
КИРГИЗЫ
КАЛМЫКИ
ДАГЕСТАНЪ
ГРУЗІЯ
Москва
СПБ.

Путь наступленія Наполеона на Москву
Путь отступленія и бѣгства изъ Москвы
Масштабъ
верстъ

Условные знаки:
Границы Русскаго Государства при воцареніи Павла I-го. Пріобрѣтенія Императоровъ:

При воцареніи Павла I-го	Пріобрѣтенія Павла I-го	Пріобрѣтенія Александра I-го	Пріобрѣтенія Николая I-го	Пріобрѣтенія Александра II-го

КАРТОГР. ЗАВ. Ю.Ю. ГАШЪ С.П.Б.
4 рота 19.

КАРТОГР. ЗАВ. Ю.Ю. ГАШЪ С.П.Б.
4 рота 19.

Цѣна въ переплетѣ 1 р. 80 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

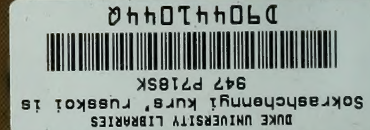
у Я. БАШМАКОВА и К°.

С.-Петербургъ—Итальянская 31.

Книга имѣется у

Бр. БАШМАКОВЫХЪ

въ Казани и Москвѣ.



Перепл. Фридриха Канъ.